

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 1.

ЯНВАРЬ 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1902.

Проверено

Книга 1, январь 1902 года.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАН.
1. Правительственные распоряженія	3— 30
2. Конгрессъ по среднему образованію въ Брюссель въ сентябрь 1901 года. Графа А. А. Мусина-Пушкина	31— 49
3. Ремесленное и техническое образованіе въ Германіи. (Изъ личныхъ воспоминаній). И. И. Межеричера	50— 61
4. Вольнослушательницы въ Берлинскомъ университетѣ. М. Сукевича	62— 80
5. Женскій институтъ, созданный императрицей Маріей Теодоровной и его роль и значеніе въ дореформенную эпоху. А. Энгельгардтъ	81—102
6. Школьные воспоминанія. (Изъ воспоминаній о начальной школѣ). Камоса	103—108
7. Обь основныхъ вопросахъ народнаго просвѣщенія. Проф. Ир. Скворцова	109—133
8. Нуженъ-ли намъ восьмой классъ? Я. Г. Гуревича	134—148
9. Существенный пробѣлъ въ проектѣ учебныхъ планъ въ новой средней школы. Я. Я. Гуревича	149—163
10. О желательной постановкѣ преподаванія законовѣднія въ средней общеобразовательной школѣ. Е. М. Грибонскаго	164—189
11. Опытъ постановки начальнаго курса естествовѣднія. Л. С. Северука	190—202
12. Къ вопросу о реформѣ городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 года, училищъ. (Голосъ изъ уѣзда). И. Богомолова	203—217
13. Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію въ 1901 г. И. П. Бѣлоконскаго	218—227
14. О классной системѣ преподаванія въ начальныхъ народныхъ школахъ. И. Голикова	228—238
15. Критика и библіографія . а) Ф. Р. Паульсонъ. Общеобразовательная школа будущаго. Перев. съ нѣмецк. подъ редакціей проф. К. А. Пессе. Спб. 1901 г. стр. 79. Ц. 40 к. Ц. Ф. Каптерева . б) М. Богдановъ-Березовскій, М., д-ръ мед. Положеніе глухонѣмыхъ въ Россіи. Съ обзоромъ современнаго состоянія вопроса о востановленіи слуха у глухонѣмыхъ. Съ предисловіемъ проф. Симановскаго. Изданіе Попечительства Государыни Императрицы Маріи Теодоровны о глухонѣмыхъ. Спб. 1901. XII+293 стр. Ц. 2 руб. А. С. Вирениуса . в) Труды Комиссіи по устройству чтеній для учащихся. А. Кизеветтеръ — Первый общедоступный театръ въ Россіи. Ф. Нелидовъ —А. Н. Островскій и его дореформенные типы. Педагогич. Общество, сост. при Ими. Моск. унив. Изд. И. Сытина . И. Ж. д) П. Орешкинъ и В. Ладженскій 1) К. Д. Ушинскій и «Родное Слово». 2) Читатели народныхъ библиотекъ. М. 1901. Ц. 25 к. А. Налимова . е) Евгений Ветнекъ. Краткій очеркъ міеологіи грековъ и римлянъ. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. XII+141. Ц. 1 р. И. Ар. ф) Подземный міръ. Очерки: 1) Нецаева—Подземный міръ; 2) Петрова—По водѣ подъ землею; 3) Д. Доллина— въ пещерахъ. Ц. 15 к. М. 1901. Изд. журнала «Дѣтское Чтеніе». Съ приложеніемъ въ списка тѣневыхъ картинъ къ этимъ статьямъ, составленнаго по порученію комиссіи при учебномъ отдѣлѣ Политехническаго музея. г) П. И. Мамаевъ. На экскурсію. Знакомство съ природой путемъ наблюденій и опытовъ. Изд. магазина «Сотрудникъ школы». А. К. Залѣтской. М. 1901. Цѣна 50 к. Съ 44 рис. и 6 таблицами въ текстѣ. h) П. И. Мамаевъ. Знакомство съ жизнью растений путемъ наблюденій и опытовъ. Изд. магазина «Сотрудникъ школы». М. 1900. Цѣна 30 коп. i) М. Рыбинъ. Опытъ руководства къ начальному обученію дѣтей. Вып. I. Введеніе. Руководство къ обученію дѣтей 7 лѣтъ и остальныхъ. Асхабадъ. 1901. Ц. 30 к. А. Налимова . j) Библіодека для дѣтей и юношества подъ редакціей М. Горбунова-Посадова. Дружбѣ. Въ мірѣ животныхъ. Разказы А. Ульяновой. М. 1901 г. Ц.	

37 (05)
P89

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 1.

ЯНВАРЬ 1902 г.

Фонд
редких книг

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1902.

Рис. Сов. Ред. Института
СИБИРСКАЯ

Дозволено цензурою 23-го января 1902 года. С.-Петербургъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

Циркулярное предложеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ (22-го декабря 1901 года, № 35.653).

Препровождая при семъ выработанныя, по соглашенію съ министрами, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ высшія учебныя заведенія, и утвержденныя мною временныя правила организаціи студенческихъ учреждений въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для надлежащихъ въ чемъ будетъ слѣдовать распоряженій, что:

1) время введенія сихъ правилъ предоставляется начальнику высшаго учебнаго заведенія по соглашенію съ Совѣтомъ или соотвѣтствующимъ ему учрежденіемъ, при чемъ о времени введенія правилъ въ каждомъ отдѣльномъ учебномъ заведеніи прошу немедленно донести мнѣ;

2) буде отдѣльные §§ сихъ правилъ по мѣстнымъ условіямъ окажутся непримѣнимыми или вызовутъ необходимость измѣненія или дополненія, вашему превосходительству надлежитъ войти въ Министерство съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ, и

3) съ изданіемъ сихъ правилъ отмѣняются слѣдующіе §§ дѣйствующихъ правилъ: 13 и 15 утвержденныхъ 16-го мая 1885 года правилъ для студентовъ университетовъ; 11, 12 и 14 правилъ объ обязанностяхъ студентовъ Варшавскаго университета изд. 1898 года; 56 утвержденныхъ 12-го января 1893 года правилъ для студентовъ Юрьевскаго университета; 71, 73 и 74 утвержденныхъ 12-го іюля 1897 года правилъ для студентовъ Демидовскаго лица; 30, 31 (исключая примѣчаніе II) и 32 утвержденныхъ 6-го января 1894 года правилъ для студентовъ ветеринарныхъ институтовъ; 13, 14 и 15 утвержденныхъ 15-го іюля 1885 года правилъ для студентовъ Харьковскаго технологическаго института; 22, 23 и 24 утвержденныхъ 16-го октября 1887 года правилъ для студентовъ С.-Петербургскаго технологическаго института; 15 утвержденныхъ 12-го октября 1894 года правилъ для студентовъ Ново-Александрійскаго института; 15 и 16 утвержденныхъ 20-го іюля 1898 года правилъ для студентовъ Московскаго техническаго училища.

Министръ Народнаго Просвѣщенія,

генераль-адъютантъ *Ванновскій*.

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА

организации студенческихъ учрежденийъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія (Утверждены 22-го декабря 1901 г. Министеромъ Народнаго Просвѣщенія).

§ 1. Начальству высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія предоставляется, по ходатайству студентовъ, разрѣшать открытіе студенческихъ кружковъ для научно-литературныхъ занятій, кружковъ для занятій искусствами, ремеслами и разнаго рода физическими упражненіями, а равно студенческихъ столовыхъ, чайныхъ, кассъ (взаимопомощи, судо-сберегательныхъ, вспомошествованія), попечительствъ для пріисканія занятій для недостаточныхъ студентовъ, библиотекъ и читаленъ.

§ 2. Всѣ поименованныя выше студенческія учрежденія могутъ быть организуемы какъ для всего учебнаго заведенія, такъ и для отдѣльныхъ его факультетовъ, отдѣленій, курсовъ или частей курсовъ.

§ 3. Для учрежденія вопросовъ, касающихся поименованныхъ въ § 1 учреждений и кружковъ, и для выбора студентовъ для участія въ коммисіяхъ сихъ учреждений, а также для выбора курсовыхъ старостъ, разрѣшаются студенческія собранія съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ.

§ 4. По общему правилу допускаются лишь курсовыя собранія студентовъ, но на факультетахъ и отдѣленіяхъ малолюдныхъ, имѣющихъ не болѣе 300 слушателей, разрѣшаются собранія факультетскія или по отдѣленіямъ.

§ 5. Студенты I-го курса допускаются къ участію въ собраніяхъ и могутъ быть избираемы въ указанныя здѣсь студенческія учрежденія только со втораго полугодія учебнаго года и съ этого времени они получаютъ курсовыхъ старостъ.

§ 6. Собраніе можетъ имѣть мѣсто, съ особаго на каждый разъ разрѣшенія начальника учебнаго заведенія, въ указанное имъ время, въ часъ, свободный отъ учебныхъ занятій, въ назначенномъ мѣстѣ для обсужденія вопросовъ, заранѣе письменно сообщенныхъ начальнику учебнаго заведенія и имъ разрѣшенныхъ, и обязательно въ присутствіи командированнаго начальствомъ заведенія лица изъ преподавательскаго или административнаго персонала.

§ 7. Предсѣдательствуетъ въ собраніи и руководитъ имъ избранный изъ числа присутствующихъ студентъ. Избраніе производится подъ руководствомъ старостъ закрытою баллотировкою и рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 8. Присутствующее въ собраніи студентовъ должностное лицо въ выборахъ и постановленіяхъ собранія не участвуетъ. Въ случаѣ уклоненія собранія за предѣлы дозволенныхъ ему для обсужденія вопросовъ, оное обращаетъ вниманіе предсѣдателя, а при безуспѣшности сего можетъ закрыть собраніе, причемъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ предсѣдателя и другихъ членовъ собранія доводить до свѣдѣнія правленія или соотвѣтствующаго ему учрежденія для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности.

§ 9. Собраніе почитается состоявшимся, когда на немъ присутствуетъ не менѣе $\frac{2}{3}$ студентовъ курса, отдѣленія или факультета, за исключе-

нием лицъ, завѣдомо не могущихъ явиться, въ виду увольненія ихъ въ отпускъ, по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ, а также лицъ, не имѣющихъ права участвовать въ собраніи (§ 5). Для дѣйствительности постановленнаго рѣшенія требуется простое большинство голосовъ. Въ случаѣ, если назначенное собраніе не состоится, за неявкою установленнаго числа студентовъ, а вопросъ, подлежащій его обсужденію, требуетъ немедленнаго разрѣшенія, то таковой разрѣшается по постановленію Совѣта или соотвѣтствующаго ему учрежденія или имъ самимъ, или тѣмъ студенческимъ учрежденіемъ, до котораго этотъ вопросъ касается.

§ 10. Собраніе избираетъ: курсовыхъ и факультетскихъ старостъ и всѣхъ вообще выборныхъ студентовъ въ подлежащія коммисіи студенческихъ учрежденій (§§ 27, 34, 39, 42 и 46).

§ 11. Указанные въ § 10 студенты избираются на весь учебный годъ закрытою баллотировкою и простымъ большинствомъ голосовъ изъ числа всѣхъ значащихся въ спискѣ студентовъ даннаго курса или факультета (§ 4), за исключеніемъ упомянутыхъ въ § 5.

§ 12. Поименованные въ § 10 старосты и выборные студенты избираются курсовымъ собраніемъ въ тройномъ комплектѣ. Списокъ избранныхъ представляется начальнику учебнаго заведенія, который назначаетъ потребное число старостъ и выборныхъ отъ курса или факультета (§ 4) и такое-же количество кандидатовъ къ нимъ для замѣны въ случаѣ смерти, болѣзни, отлучки или неотложныхъ учебныхъ занятій.

§ 13. Списки избранныхъ студентовъ, равно какъ и всѣ постановленія курсовыхъ и факультетскихъ собраній, подписываются предсѣдателемъ собранія и всѣми присутствовавшими на немъ старостами и представляются на утвержденіе начальника учебнаго заведенія должностнымъ лицомъ, присутствующимъ на этихъ собраніяхъ.

Курсовые старосты.

§ 14. Въ началѣ учебнаго года студенты cadaго курса или факультета, число слушателей котораго не достигаетъ 300 человекъ, выбираютъ въ соотвѣтствующихъ собраніяхъ изъ своей среды закрытою баллотировкою курсовыхъ, факультетскихъ или отдѣленныхъ старостъ. Число послѣднихъ опредѣляется въ каждомъ учебномъ заведеніи Совѣтомъ онаго или соотвѣтствующимъ ему учрежденіемъ.

§ 15. На обязанности старосты лежатъ:

а) испрошеніе разрѣшенія начальства на созывъ курсового и факультетскаго собранія;

б) наблюденіе за тѣмъ, чтобы на курсовыхъ и факультетскихъ собраніяхъ не было студентовъ другихъ курсовъ и факультетовъ, а также постороннихъ лицъ;

в) докладъ начальству учебнаго заведенія о нуждахъ и ходатайствахъ студентовъ своего курса или факультета;

г) исполненіе порученій начальства учебнаго заведенія по сношеніямъ сего послѣдняго со студентами;

д) заявленіе кассѣ взаимопомощи, а также попечительству о студентахъ, нуждающихся въ пособіяхъ и занятіяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти лица по какимъ-либо причинамъ не могутъ сами обратиться непосредственно съ просьбою въ кассу или попечительство;

е) содѣйствіе какъ кассѣ взаимопомощи, такъ и попечительству для пріисканія занятій въ способахъ удостовѣренія степени нужды и правъ обращающихся въ сія учрежденія студентовъ;

ж) участіе въ комиссіяхъ по управленію попечительствомъ, кассою, столовою, бібліотекою и читальнею;

з) распредѣленіе, по порученію учебнаго начальства, учебно-вспомогательнаго матеріала между студентами и распредѣленіе студентовъ на группы для практическихъ занятій.

§ 16. Начальнику учебнаго заведенія предоставляется, по собственной инициативѣ или по ходатайству по крайней мѣрѣ половины всѣхъ старость, разрѣшать общее собраніе курсовыхъ и факультетскихъ старость.

§ 17. Опредѣленіе вопросовъ, могущихъ подлежать обсужденію указанныхъ въ § 16 собраній старость, порядокъ ихъ обсужденія и окончательное утвержденіе постановленій сихъ собраній предоставляется начальнику учебнаго заведенія.

§ 18. Разсмотрѣніе неправильныхъ дѣйствій старость, наложеніе на нихъ дисциплинарныхъ взысканій, а равно увольненіе ихъ отъ исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей предоставляется правленію учебнаго заведенія или соотвѣтствующему ему учрежденію.

Студенческія учрежденія.

§ 19. Участвующими въ упомянутыхъ въ § 1 учрежденіяхъ могутъ быть исключительно студенты того учебнаго заведенія, при коемъ эти учрежденія находятся, а если учрежденіе состоитъ при отдѣльномъ факультетѣ, курсѣ или части курса, то лишь студенты сего факультета, курса или части онаго.

§ 20. Ближайшее заведываніе поименованными учрежденіями поручается студентамъ учебнаго заведенія, подъ надзоромъ и руководствомъ учебнаго начальства на основаніяхъ, ниже сего указанныхъ.

§ 21. Поименованныя въ § 1 студенческія учрежденія состоятъ подъ руководствомъ или предсѣдательствомъ избираемаго на каждый годъ Совѣтомъ или соотвѣтствующимъ ему учрежденіемъ и утверждаемаго попечителемъ учебнаго округа профессора, преподавателя или одного изъ должностныхъ лицъ учебнаго заведенія, изъявившаго на то согласіе.

Примѣчаніе. Избраніе предсѣдателя попечительства для пріисканія занятій недостаточнымъ студентамъ производится особымъ порядкомъ.

§ 22. Въ помѣщеніяхъ студенческихъ учреждений (§ 1) не дозволяется безъ разрѣшенія начальства учебнаго заведенія вывѣшивать какія-либо объявленія и воззванія, равно какъ устраивать сходки, сборища, собранія и совѣщанія.

§ 23. На расходы по первоначальному обузавденію студенческихъ учреждений необходимою для нихъ обстановкою, мебелью и посудою, а равно на расходы по веденію дѣла въ разнаго рода кружкахъ, можетъ быть отпускаема по ходатайству руководителей и предсѣдателей студенческихъ учреждений правленіемъ университета или соотвѣтствующимъ ему учрежденіемъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ извѣстная сумма изъ спеціальныхъ средствъ учебнаго заведенія.

§ 24. Всѣ денежные суммы студенческихъ учреждений хранятся у казначея учебнаго заведенія, причемъ порядокъ расходованія этихъ суммъ

опредѣляется для каждаго учрежденія особою инструкціею, составленною Совѣтомъ или соотвѣтствующимъ ему учрежденіемъ и утвержденною попечителемъ учебнаго округа.

§ 25. Всѣ завѣдующія студенческими учрежденіями лица обяваны не менѣе двухъ разъ въ годъ представлять начальнику учебнаго заведенія отчетъ о дѣйствіяхъ подвѣдомственныхъ имъ учреждений.

§ 26. Поименованныя въ § 1 студенческія учрежденія помѣщаются въ зданіи учебнаго заведенія и могутъ занимать отдѣльныя отъ него или не принадлежащія ему помѣщенія не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника учебнаго заведенія.

§ 27. Повѣрка дѣйствій всѣхъ учреждений поручается особой ревизіонной комиссіей, состоящей изъ выборныхъ студентовъ по одному отъ каждаго факультета или отдѣленія, а если учебное заведеніе не раздѣлено на факультеты, то по одному отъ каждаго курса. Предсѣдатель этой комиссіи избирается Совѣтомъ или соотвѣтствующимъ ему учрежденіемъ изъ числа должностныхъ лицъ, указанныхъ въ § 21. Ревизіонная комиссія собирается не менѣе раза въ годъ.

§ 28. Начальникъ учебнаго заведенія имѣетъ право во всякое время производить внезапныя ревизіи студенческаго учрежденія особымъ лицомъ или комиссіею изъ назначенныхъ имъ лицъ изъ состава учебнаго персонала.

§ 29. Годовые отчеты студенческихъ учреждений вмѣстѣ съ замѣчаніями ревизіонной комиссіи представляются руководителями или предсѣдателями на утвержденіе начальника учебнаго заведенія и, по утвержденіи, вышшиваются для свѣдѣнія на видномъ мѣстѣ. Въ случаѣ неутвержденія отчетовъ вслѣдствіе замѣченныхъ начальникомъ учебнаго заведенія неправильностей или незаконныхъ дѣйствій студенческихъ учреждений, дѣло передается на окончательное разсмотрѣніе и распоряженіе Совѣта или соотвѣтствующаго ему учрежденія.

§ 30. Каждое студенческое учрежденіе открывается не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, и имѣетъ особый уставъ, составленный на основаніяхъ, указанныхъ въ настоящихъ правилахъ. Уставъ этотъ составляется участниками учрежденія подъ руководствомъ подлежащаго должностнаго лица изъ поименованныхъ въ § 21, разсматривается Совѣтомъ или соотвѣтствующимъ ему учрежденіемъ и утверждается попечителемъ округа. Измѣненіе или дополненіе сихъ уставовъ предоставляется Совѣту съ утвержденія попечителя округа.

§ 31. Въ случаѣ нарушенія устава или неисполненія какихъ-либо изъ указанныхъ въ § 1 студенческихъ учреждений установленныхъ для нихъ правилъ, Совѣту или соотвѣтствующему ему учрежденію, при неуспѣшности другихъ мѣръ приведенія къ порядку, предоставляется временно приостановить дѣятельность или-же, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, вовсе закрыть учрежденіе.

§ 32. Для объединенія дѣйствій руководителей и предсѣдателей студенческихъ учреждений и для направленія дѣятельности сихъ учреждений руководители и предсѣдатели образуютъ, подъ предсѣдательствомъ начальника учебнаго заведенія, особую комиссію.

Студенческія столовая и чайныя.

§ 33. Столовая и чайная могутъ быть учреждаемы отдѣльно одна отъ другой или-же соединяемы вмѣстѣ. Онѣ содержатся на особыя суммы,

образуемыя изъ: 1) платы за ѣду, 2) отчисленіе изъ средствъ учебныхъ заведеній, 3) пожертвованій и 4) сборовъ съ концертовъ, спектаклей и т. п. развлеченій, устраиваемыхъ въ пользу сихъ заведеній.

§ 34. Для ближайшаго завѣдыванія столовой и чайной избирается курсовыми собраніями особая коммиссія, въ составѣ выборныхъ студентовъ. Предсѣдательствуетъ въ этой коммиссіи должностное лицо изъ числа указанныхъ въ § 21.

§ 35. Для надзора за порядкомъ въ столовой и чайной на время, когда по уставу онѣ открыты для посѣтителей, начальникомъ учебнаго заведенія назначается особое должностное лицо изъ подвѣдомственнаго ему служебнаго персонала.

§ 36. Для фактическаго надзора за доброкачествомъ продуктовъ и вообще для содѣйствія коммиссіи по веденію хозяйства столовой и чайной коммиссія назначаетъ ежедневно дежурящихъ по очереди студентовъ изъ числа изъявившихъ на то согласіе. Эти дежурные принимаютъ всѣ жалобы и заявленія посѣтителей и докладываютъ ихъ наблюдающему за порядкомъ должностному лицу (§ 35).

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если желающихъ нести дежурство по столовой и чайной окажется мало, обязанность эта можетъ быть возложена начальникомъ учебнаго заведенія на всѣхъ студентовъ учебнаго заведенія и, въ такомъ случаѣ, отбывается по очереди въ порядкѣ общаго алфавитнаго списка.

Студенческія кассы.

§ 37. Кассы имѣютъ цѣлью доставить своимъ членамъ возможность: а) получать въ ссуду на необременительныхъ условіяхъ деньги; б) въ исключительныхъ случаяхъ получать безвозвратныя пособія и в) незначительными добровольными взносами въ кассу сберечь нѣкоторый капиталъ.

Примѣчаніе. Подробныя указанія о дѣйствіяхъ кассы, порядкѣ выдачи ссудъ и пособій, объ условіяхъ возврата позайствованій и сбереженій опредѣляются уставомъ кассы (§ 30).

§ 38. Средства кассы образуются: а) изъ добровольныхъ взносов членовъ кассы; б) изъ пожертвованій, и в) изъ доходовъ отъ концертовъ, спектаклей и т. п. развлеченій, устраиваемыхъ въ пользу кассы.

§ 39. Завѣдываніе кассою поручается особой коммиссіи въ составѣ выборныхъ студентовъ подъ предсѣдательствомъ должностнаго лица изъ числа указанныхъ въ § 21.

§ 40. Въ случаѣ ликвидированія дѣлъ кассы, членскіе взносы (§ 37 п. в) возвращаются собственникамъ, а остальной капиталъ поступаетъ въ фондъ учебнаго заведенія, для выдачи единовременныхъ пособій студентамъ.

Попечительство для пріисканія занятій недостаточнымъ студентамъ.

§ 41. Попечительство имѣетъ цѣлью пріисканіе занятій по переводамъ, литературнымъ занятіямъ, преподавательской дѣятельности и т. п. и распредѣленіе этихъ занятій между нуждающимися студентами, какъ въ теченіе учебнаго года, такъ и во время лѣтнихъ вакацій.

§ 42. Попечительство состоитъ изъ профессоровъ или преподавателей, по одному отъ cadaго факультета или отдѣленія учебнаго заведенія, избираемыхъ Совѣтомъ или соотвѣствующимъ ему учрежденіемъ, и тако-

же числа студентовъ, по выбору самихъ студентовъ. Въ заведеніяхъ, не раздѣленныхъ на факультеты, число членовъ попечительства опредѣляется Совѣтомъ или соотвѣствующимъ ему учрежденіемъ.

§ 43. Предсѣдатель попечительства избирается членами-профессорами и преподавателями изъ своей среды, а секретари—изъ среды студентовъ, членовъ попечительства.

§ 44. Сношенія попечительства съ правительственными, общественными и частными учрежденіями и отдѣльными лицами производятся отъ имени предсѣдателя, а веденіе книгъ, записей и переписки лежитъ на обязанности секретарей.

Студенческія библіотеки и читальни.

§ 45. Библіотека и читальня могутъ быть учреждаемы или отдѣльно одна отъ другой, или-же соединяемы вмѣстѣ; онѣ образуются изъ книгъ, газетъ и журналовъ, приобретаемыхъ на добровольныя пожертвованія студентовъ, преподавателей и постороннихъ лицъ, или жертвуемыхъ авторами, издателями, редакціями и пр.

Примѣчаніе. Библіотека и читальня должны находиться непременно въ одномъ изъ помѣщеній учебнаго заведенія.

§ 46. Для завѣдыванія библіотекой избирается курсовыми собраніями библіотечная коммиссія въ составѣ выборныхъ студентовъ подъ предсѣдательствомъ должностнаго лица изъ числа поименованныхъ въ § 21.

§ 47. Коммиссія выбираетъ изъ своей среды библіотекаря, онъ-же и секретарь.

§ 48. Для надзора за порядкомъ библіотеки и читальни на время, когда по уставу онѣ открыты для посѣтителей, начальникомъ учебнаго заведенія назначается особое должностное лицо изъ подвѣдомственнаго ему служебнаго персонала. Для выдачи-же и пріема книгъ, а также для наблюденія за сохранностью ихъ и за общимъ порядкомъ, въ помощь библіотекарю и прочимъ членамъ коммиссіи, эта послѣдняя, если признаетъ нужнымъ, назначаетъ ежедневно дежурящихъ по очереди студентовъ изъ числа изъявившихъ на то согласіе.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если желающихъ нести дежурство по библіотекѣ и читальнѣ окажется мало, обязанность эта можетъ быть возложена начальникомъ учебнаго заведенія на всѣхъ студентовъ учебнаго заведенія и, въ такомъ случаѣ, отбывается по очереди въ порядкѣ общаго алфавитнаго списка.

§ 49. Библіотечная коммиссія составляетъ списокъ предполагаемыхъ къ приобретенію книгъ, журналовъ и газетъ, представляя его чрезъ предсѣдателя, на утвержденіе Совѣта или соотвѣствующаго ему учрежденія. Ни одно изданіе, не вошедшее въ этотъ списокъ, не можетъ находиться въ библіотекѣ или читальнѣ и быть выдаваемо для пользованія.

Студенческіе кружки.

§ 50. Членами студенческихъ кружковъ могутъ быть, кромѣ студентовъ, лица, оставленные при учебномъ заведеніи, приватъ-доценты и лаборанты.

Примѣчаніе. Указанныя въ этомъ параграфѣ должностныя лица, а

равно профессора и преподаватели, могут принимать участіе въ засѣданіяхъ кружковъ, хотя-бы и не состояли ихъ членами.

§ 51. Научно-литературные кружки имѣютъ цѣлью саморазвитіе студентовъ и сближеніе ихъ на почвѣ научныхъ интересовъ между собою, а также съ профессорами и преподавателями.

§ 52. Темы для рефератовъ и вопросы, подлежащіе обсужденію въ кружкахъ, могутъ быть предлагаемы каждымъ членомъ кружка, но обсужденіе таковыхъ можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ разрѣшенія руководителя кружка (§ 21).

§ 53. Съ разрѣшенія начальства рефераты, имѣющіе научное значеніе, могутъ быть печатаемы въ изданіяхъ учебнаго заведенія или въ особыхъ сборникахъ.

§ 54. Музыкальные кружки для хорового пѣнія, оркестровой игры, игры на балалайкахъ, мандолинахъ, гитарахъ и т. п. имѣютъ цѣлью дать возможность студентамъ обучаться пѣнію и музыкѣ и совершенствоваться въ этихъ искусствахъ.

§ 55. Съ разрѣшенія начальника учебнаго заведенія музыкальный кружокъ, въ полномъ своемъ составѣ или своими отдѣлами, можетъ участвовать въ концертахъ, устраиваемыхъ въ пользу студенческихъ учрежденій.

Объ утвержденіи правилъ объ отводѣ сельскимъ начальнымъ училищамъ земельныхъ отъ казны участковъ и о безденежномъ отпускѣ симъ училищамъ казеннаго лѣса на основаніи закона 12-го мая 1897 года.

Утверждены Управляющимъ Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ 25-го августа 1901 года.

П Р А В И Л А

объ отводѣ сельскимъ начальнымъ училищамъ земельныхъ отъ казны участковъ и о безденежномъ отпускѣ симъ училищамъ казеннаго лѣса на основаніи закона 12-го мая 1897 года *).

§ 1. Ходатайства, возбуждаемыя на основаніи статей 2-й и 9-й закона 12-го мая 1897 г., обращаются къ директорамъ народныхъ училищъ, уѣзднымъ отдѣленіямъ епархіальныхъ училищныхъ Совѣтовъ и уѣзднымъ училищнымъ Совѣтамъ, по принадлежности.

§ 2. Означенныя учрежденія и лица, предварительно направленія поступившихъ ходатайствъ въ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, входятъ въ сношенія съ мѣстными управленіями государственныхъ имуществъ, сообщая имъ возможно точныя свѣдѣнія о народныхъ училищахъ и школахъ, нуждающихся въ воспособленіи отъ казны, и о предметахъ заявленныхъ ходатайствъ.

Примѣчаніе. Уѣздныя отдѣленія епархіальныхъ училищныхъ Совѣтовъ и уѣздные училищные Совѣты, по окончаніи предварительныхъ сношеній

*) Изъ № 109-го «Собр. узак. и расп. правит.»

съ управленіями государственныхъ имуществъ, всё ходатайства (§ 1) представляютъ: первыя—въ епархіальные училищные Совѣты, а вторыя—въ губернскіе училищные Совѣты, которые и направляютъ сіи ходатайства съ своими заключеніями въ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

§ 3. Управленія государственныхъ имуществъ въ своихъ отзывѣхъ должны сообщать:

А. По ходатайствамъ объ отводѣ народнымъ училищамъ земельныхъ участковъ: свѣдѣнія о томъ, изъ состава какихъ именно казенныхъ оброчныхъ статей или лѣсныхъ дачъ могли-бы быть выдѣлены въ пользу училищъ земельные участки, въ вѣдѣніи какого Департамента—лѣсного или государственныхъ земельныхъ имуществъ—состоятъ эти оброчныя статьи или дачи, о пространствѣ участковъ, разстояніи ихъ отъ мѣста нахождения училищъ, которымъ они предназначаются, родѣ и качествѣ заключающихся въ сихъ участкахъ угодій, настоящей или возможной доходности ихъ, о породахъ, возрастѣ, качествѣ, наличномъ запасѣ и цѣнности лѣсонасажденій, если таковыя на участкахъ имѣются, а также и о томъ, можно-ли рассчитывать на успѣшную продажу такихъ лѣсныхъ матеріаловъ; при невозможности-же, по мнѣнію управленій, отвода училищамъ просимыхъ участковъ—обстоятельныя соображенія о причинахъ, по коимъ не могутъ быть удовлетворены данныя ходатайства, съ присовокупленіемъ свѣдѣній, не могутъ-ли быть предоставлены училищамъ, взаимѣнъ просимыхъ участковъ, какія-либо другія казенныя земли.

Примѣчаніе. Управленія государственныхъ имуществъ должны прилагать къ своимъ отзывамъ планы или чертежи просимыхъ къ отводу въ пользу училищъ участковъ, съ точнымъ обозначеніемъ, по границамъ, смежныхъ владѣній; въ мѣстностяхъ-же, подчиненныхъ дѣйствию закона 4-го апрѣля 1888 г. о сбереженіи лѣсовъ, и отзыва лѣсоохранительныхъ комитетовъ о согласіи на обращеніе лѣсныхъ площадей, входящихъ въ составъ предположенныхъ къ отводу училищамъ участковъ, въ другой видъ угодій.

Б. По ходатайствамъ объ отпускѣ начальнымъ училищамъ лѣса: свѣдѣнія и соображенія, изъ какихъ именно, какъ указанныхъ, такъ и не указанныхъ въ ходатайствахъ, казенныхъ дачъ, и притомъ не только тѣхъ губерній, въ коихъ предположено строить школы, но и смежныхъ съ ними, и въ счетъ-ли смѣтныхъ назначеній или сверхсмѣтно могутъ быть разрѣшены просимые отпуска лѣса, въ какихъ количествахъ, возможныхъ по состоянію дачъ, какихъ породъ и сортиментовъ и на какія суммы, считая по казеннымъ таксамъ и по мѣстнымъ продажнымъ цѣнамъ—въ отдѣльности; при ходатайствахъ-же объ отпускахъ лѣса на отопленіе, также и о томъ, на одинъ-ли годъ или на нѣсколько, и сколько именно, возможно разрѣшить такіе отпуска.

Примѣчаніе 1. Въ случаяхъ, когда Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ откажетъ въ безплатномъ отпускѣ лѣса на школы, просители сохраняютъ за собою право ходатайствовать о льготномъ полученіи лѣса, согласно ст. 285 лѣсн. уст. (изд. 1893 г.) передъ мѣстными управленіями государственныхъ имуществъ, на основаніи § 170 дѣйствующей инструкціи для отпуска лѣсныхъ матеріаловъ изъ казенныхъ дачъ.

Примѣчаніе 2. При опредѣленіи количества возможнаго отпуска лѣса

училищамъ на отопленіе надлежитъ руководствоваться нормами, указанными въ приложеніи къ § 178-му вышеупомянутой инструкціи.

§ 4. Епархіальные и губернскіе училищныя Совѣты и директора народныхъ училищъ направляютъ поступившія ходатайства объ отводѣ сельскимъ начальнымъ училищамъ земельныхъ отъ казны участковъ и о безденежномъ отпускѣ сямъ училищамъ казеннаго лѣса, съ препровожденіемъ подлинныхъ отзывовъ мѣстныхъ управленій государственныхъ имуществъ и всѣхъ приложеній къ этимъ отзывамъ въ Лѣсной Департаментъ или Департаментъ государственныхъ земельныхъ имуществъ, по принадлежности, съ присовокупленіемъ своихъ заключеній о томъ, заслуживаютъ-ли и въ какой мѣрѣ, и ходатайства какихъ училищъ, удовлетворенія. Въ губерніяхъ-же Виленской, Ковенской, Гродненской, Миланской, Могилевской и Витебской на предварительное заключеніе училищныхъ Совѣтовъ поступаютъ ходатайства объ удовлетвореніи нуждъ училищъ, содержимыхъ не только сельскими обществами и частными лицами, но и на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Примѣчаніе. Ходатайства объ отпускѣ училищамъ казеннаго лѣса должны направляться въ Лѣсной Департаментъ по каждой губерніи или епархіи одновременно, не позднѣе 1-го февраля.

§ 5. Епархіальнымъ и училищнымъ Совѣтамъ и директорамъ народныхъ училищъ, при направленіи означенныхъ въ предшествующей статьѣ ходатайствъ въ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, надлежитъ объяснить:

А. По ходатайствамъ объ отводѣ земельныхъ отъ казны участковъ: представляютъ-ли училища, для которыхъ эти участки испрашиваются, необходимыя условія прочнаго существованія, какое число учащихъ и учащихся уже состоитъ или предполагается въ каждомъ училищѣ, имѣется-ли уже при училищѣ земельный участокъ, а если имѣется, то въ какой площади и предоставленъ-ли онъ училищу въ постоянное пользованіе, или только на время, равно какъ и то, для какихъ ближайшихъ цѣлей испрашиваются въ пользу училищъ казенные участки и могутъ-ли этими участками, по мѣстоположенію ихъ, непосредственно пользоваться учащіе и учащіяся.

Примѣчаніе. При ходатайствахъ объ отводѣ училищамъ земельныхъ участковъ, пространствомъ болѣе 3 десятинъ, учебныя начальства (§ 1) должны тщательно выяснитъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, тѣ особыя обстоятельства, по которымъ отводъ участковъ въ нормальномъ размѣрѣ является недостаточнымъ.

Б. По ходатайствамъ о безденежномъ отпускѣ казеннаго лѣса на школьное строительство: причины, вызывающія необходимость безденежнаго отпуска лѣса, а также о числѣ учащихся и учащихся, имѣющихъ помѣщаться въ проектируемыхъ къ постройкѣ училищныхъ зданіяхъ, на отопленіе-же—о числѣ кухонныхъ очаговъ и комватныхъ печей, имѣющихся въ школьныхъ зданіяхъ.

Примѣчаніе. При испрошеніи разрѣшенія на отпускъ лѣса для постройки или исправленія училищныхъ зданій должны прилагаться смѣтные исчисленія потребнаго количества лѣсныхъ матеріаловъ, рассчитаннаго въ бревнахъ и жердяхъ и мелкихъ матеріалахъ, если таковыя могутъ быть употреблены на постройку.

§ 6. Департаменты Лѣсной и Государственныхъ земельныхъ имуществъ,

по разсмотрѣніи поступившихъ ходатайствъ объ отводѣ начальнымъ училищамъ земельныхъ отъ казны участковъ и о безденежномъ отпускѣ сямъ училищамъ казеннаго лѣса, представляютъ по этимъ ходатайствамъ надлежащіе доклады Министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, а засимъ о послѣдовавшемъ удовлетвореніи или отклоненіи ходатайствъ увѣдомляютъ подлежащіе училищные Совѣты и директоровъ народныхъ училищъ.

О порядкѣ выдачи учительскихъ свидѣтельствъ дѣвицамъ, прошедшимъ курсъ прогимназій или трехъ классовъ женскихъ гимназій (^{22-го сентября}_{3-го октября} 1901 г. за №26.463).

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ просилъ разъясненія Министерства Народнаго Просвѣщенія по нѣкоторымъ вопросамъ относительно порядка выдачи учительскихъ свидѣтельствъ дѣвицамъ, прошедшимъ курсъ прогимназій или трехъ классовъ женскихъ гимназій. По разсмотрѣніи означенныхъ вопросовъ Министерство признало необходимымъ преподать въ разрѣшеніе ихъ нижеслѣдующія указанія:

1) данное Министерствомъ въ предложеніи попечителю Московскаго учебнаго округа 24-го апрѣля 1876 г. разъясненіе относительно означеннаго порядка, какъ послѣдовавшее при дѣйствіи правилъ о специальныхъ испытаніяхъ (15-го мая 1870 г.), нынѣ отмѣненныхъ, потеряло, съ введеніемъ новыхъ правилъ (20-го марта 1896 г.), свое руководительное значеніе;

2) по точному смыслу ст. 1 примѣчанія 8 ст. сихъ послѣднихъ правилъ, уѣзднымъ и городскимъ училищамъ принадлежитъ право лишь производства учительскихъ испытаній въ извѣстныхъ случаяхъ, но не выдача учительскихъ свидѣтельствъ, каковая обязанность правилами возложена на директоровъ народныхъ училищъ и лицъ, ихъ замѣняющихъ;

3) посему и помянутымъ дѣвицамъ учительскія свидѣтельства не могутъ быть выдаваемы городскими и уѣздными училищами;

4) за полученіемъ таковыхъ свидѣтельствъ дѣвица должны обращаться, по руководству ст. 1 правилъ, въ учрежденія, уполномоченныя для выдачи свидѣтельствъ, по мѣсту отбыванія практики; въ случаѣ же выбытія для жительства въ другую мѣстность, по послѣднему мѣсту жительства;

5) относительно лицъ іудейскаго исповѣданія правилами 1896 г. не введено никакихъ новыхъ требованій, почему и дѣвицамъ сего исповѣданія свидѣтельства должны быть, по прежнему, выдаваемы на общихъ основаніяхъ, но съ оговоркою въ таковыхъ объ ограниченіи права преподаванія средою своихъ единовѣрцевъ, какъ это было указано предложеніемъ Министерства попечителю Кіевскаго учебнаго округа 3-го іюня 1872 года (Циркуляръ по Рязскому учебному округу 1901 г. № 11).

О мѣрахъ въ предупрежденію уклоненія народныхъ учителей, съ поступленіемъ на военную службу, отъ выслуги установленныхъ сроковъ за полученное въ учительскихъ семинаріяхъ на казенный счетъ воспитаніе (6/12-го октября 1901 г. за № 27.731).

Одно изъ учебно-окружныхъ начальствъ обратилось въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о преподаніи указаній для предупрежденія на будущее время случаевъ ухода народныхъ учителей на военную службу до выслуги установленныхъ сроковъ за полученное въ учительскихъ семинаріяхъ на казенный счетъ воспитаніе и для взысканія съ такихъ учителей числящихся за ними казенныхъ стипендіальныхъ денегъ.

При обсужденіи сего вопроса совмѣстно съ полученнымъ по оному отзывомъ г. Военнаго Министра, Министерство приняло во вниманіе, что согласно ст. 185 св. зак. т. IV уст. воин. пов. (изд. 1897 г.), лица, обязанныя служить по гражданскому вѣдомству за полученное ими воспитаніе въ заведеніяхъ сего вѣдомства, въ случаѣ желанія остаться на военной службѣ, по выслугѣ установленныхъ для вольноопредѣляющихся сроковъ, могутъ быть освобождаемы отъ обязательной для нихъ по гражданскому вѣдомству службы, по усмотрѣнію подлежащаго гражданского начальства; при чемъ не получившіе такового разрѣшенія могутъ: 1) оставаться на дѣйствительной военной службѣ въ теченіе одного года для приготовленія къ офицерскому званію и 2) возобновить ходатайство предъ подлежащимъ гражданскимъ начальствомъ о разрѣшеніи продолжать военную службу. По сему Министерство Народнаго Просвѣщенія просило генерала-отъ-инфантеріи Куропаткина сдѣлать по ввѣренному ему, Военному Министру, вѣдомству распоряженіе, чтобы о всѣхъ вообще лицахъ, получившихъ казенное воспитаніе въ учительскихъ семинаріяхъ и не выслужившихъ обязательнаго срока въ должности учителя начальнаго училища, отбывающихъ воинскую повинность въ качествѣ вольноопредѣляющихся, по выслугѣ ими установленныхъ для вольноопредѣляющихся сроковъ военной службы, было сообщено подлежащему начальству, для привлеченія ихъ къ учительской службѣ.

Нынѣ Главный Штабъ препроводилъ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія копию циркулярнаго отзыва начальника окружныхъ штабовъ отъ 12-го сентября 1901 г. за № 50.408 по настоящему вопросу (ib.).

Относительно вычетовъ изъ содержанія учителей за занятія на педагогическихъ курсахъ для приготовленія учителей и учительницъ начальныхъ училищъ (10-го октября 1900 г. за № 26.570).

Канцелярія Государственнаго Контроля увѣдомила Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, что согласно опредѣленію Правительствующаго Сената отъ 11-го марта 1877 г. содержаніе состоящихъ на государственной службѣ лицъ, назначаемое въ опредѣленные сроки и въ опредѣленномъ размѣрѣ, подлежитъ вычетамъ въ сборъ, установленный закономъ 9-го июня 1873 г.

Посему вознагражденіе учителей городскихъ училищъ или другихъ учебныхъ заведеній за ихъ занятія на педагогическихъ курсахъ для приготовления учителей и учительницъ начальныхъ училищъ, а также вознагражденіе завѣдывающихъ этими курсами можетъ быть освобождено отъ указанныхъ вычетовъ при томъ лишь условіи, если оно не представляетъ собою постоянной денежной выдачи и производится менѣе одного года.

Что-же касается пенсіонныхъ удержаній изъ указаннаго вознагражденія, то таковыя должны быть производимы изъ послѣдняго (ib.).

Разъясненіе о пенсіонныхъ правахъ законоучителей женскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія (2-го августа 1901 г. за № 20.197).

Департаментъ Народнаго Просвѣщенія разъяснилъ, что на основаніи ст. 2 и 6 отд. 1 Высочайше утвержденнаго 10-го іюня 1900 г. мѣннія Государственнаго Совѣта о пенсіонныхъ правахъ служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія законоучители названныхъ учебныхъ заведеній не пользуются правомъ, со дня изданія означеннаго закона, полученія на службѣ пенсіи и пятилѣтнихъ прибавокъ къ пенсіи. Тѣ-же изъ законоучителей женскихъ гимназій и прогимназій, кои выслужили опредѣленные сроки на получение пенсіи или пятилѣтней прибавки къ пенсіи до времени изданія приведеннаго закона 10-го іюня 1900 г., сохраняютъ право на получение таковыхъ пенсій и прибавокъ какъ на службѣ, такъ и по выходѣ въ отставку (ib.).

По вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли считать членами педагогическаго Совѣта женскихъ гимназій и прогимназій учителя пѣнія и учительницу руководѣлія (1-го іюня 1901 г. № 14.052).

Предсѣдатель педагогическаго Совѣта одной изъ женскихъ гимназій Казанскаго учебнаго округа возбудилъ вопросъ: слѣдуетъ-ли считать членами педагогическаго Совѣта учителя пѣнія и учительницу руководѣлія, или-же означенныя лица могутъ быть приглашаемы въ засѣданія сказаннаго Совѣта съ правомъ совѣщательнаго голоса только по предметамъ преподаванія ихъ.

На сдѣланное по сему предмету сношеніе, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ управленіе названнаго округа, что Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, на разсмотрѣніе коего переданъ былъ означенный вопросъ, мѣнніемъ своимъ, утвержденнымъ г. Министромъ, призналъ, что учитель пѣнія, какъ предмета необязательнаго, не долженъ считаться членомъ педагогическаго Совѣта, и ему можетъ быть предоставлено въ засѣданіяхъ педагогическаго Совѣта право совѣщательнаго голоса только по вопросамъ, касающимся преподаваемаго имъ

предмета; учительница-же рукодѣля, какъ предмета обявительнаго, должна считаться членомъ педагогическаго Совѣта (Циркуляръ по Кіевскому учебн. округу 1901 г. № 11).

По вопросу о классѣ должности мастеровъ, руководящихъ практическими работами въ ремесленныхъ училищахъ.

(Отношеніе Отдѣленія промышл. учил. Департ. Нар. Пр. отъ 19-го сентября 1901 г. за № 24.846).

Вслѣдствіе отношенія отъ 5-го сего сентября, за № 17.464, Отдѣленіе промышленныхъ училищъ имѣетъ честь увѣдомить ваше превосходительство, что, согласно Высочайшему повелѣнію 28-го апрѣля 1892 г. (Сборн. матер. по техн. и проф. образованію, вып. I, часть I, стр. 116) должности руководителей практическими работами въ ремесленныхъ училищахъ присваивается IX классъ по винопроизводству и IX разрядъ по мундиру.

На семь основаній и въ виду п. 7 Высочайше утвержденныхъ 17-го января 1900 г. штатовъ и положенія о Комисаровскомъ техническомъ училищѣ мастера, руководящіе практическими работами, имѣющіе званіе техника, числятся на государственной службѣ и въ правахъ по винопроизводству и разряду по мундиру приравняются къ упомянутымъ выше руководителямъ практическими работами въ ремесленныхъ училищахъ (Циркуляръ по Московскому учебн. округу 1901 г. № 11).

По вопросу объ освобожденіи учащихся отъ занятій въ дни не табельные, но чтимые мѣстными жителями.

(Подтверженіе предложенія Управл. Мип. Нар. Пр. Товарища Министра, отъ 21-го сентября 1879 г. № 10.289).

Вслѣдствіе представленія вашего сіятельства отъ 21-го мая 1875 года за № 2.894, объ освобожденіи учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ Московскаго учебнаго округа отъ занятій въ дни не табельные, но чтимые мѣстными жителями, имѣю честь васъ, милостивый государь, увѣдомить, что Святѣйшій Синодъ, раасмотрѣвъ это дѣло, находитъ, что число такихъ дней въ общей сложности простирается до весьма значительнаго количества, такъ что обращеніе ихъ въ неучебные праздники, освобождая учащихся отъ классныхъ занятій, не можетъ не сопровождаться ущербомъ для учебнаго дѣла, и по сему, считая неудобнымъ удовлетвореніе означенныхъ ходатайствъ, признаетъ вполне желательнымъ, чтобы учащееся юношество, для собственнаго религіознаго воспитанія, принимало участіе въ чествованіи тѣхъ праздниковъ, которые съ особеннымъ усердіемъ и доржественностью чтутся мѣстнымъ населеніемъ, съ тѣмъ однако, чтобы это участіе могло быть совмѣщено учащимися съ занятіями ихъ въ классахъ, чрезъ посѣщеніе ими церковныхъ богослуженій вечерняго и все-

нощнаго послѣ классовъ наканунѣ праздникова, утренняго и равней литургии до классовъ въ самые праздники.

Соглашаясь съ таковымъ отвывомъ Святѣйшаго Синода, я не признаю возможнымъ удовлетворить ходатайства мѣстныхъ обществъ по сему предмету. (Циркуляръ по управленію народн. училищами Кіевскаго учебн. округа 1901 г. № 10).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1901 г. декабрь).

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вѣковъ. П. П. Владимірова, ординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владимира. Кіевъ. 1900. Стр. IV+375+VIII+47+I таблица+17+4+4+10+II+II. Цѣна 3 руб.»—рекомендовать для учебныхъ библиотекъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства.

— Книгу: «О преподаваніи новыхъ языковъ въ коммерческихъ и реальныхъ училищахъ. П. И. Ней, преподавателя нѣмецкаго языка въ училищахъ: Кіевскомъ коммерческомъ, Кіевскомъ реальномъ св. Екатерины и въ торговыхъ классахъ Н. А. Терещенка. Кіевъ. 1901. Стр. 61. Цѣна не обозначена»,—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, какъ заслуживающую особаго вниманія преподавателей новыхъ языковъ въ означенныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: «Deutsche Autoren. Band 8. Märchen und Erzählungen moderner deutscher Schriftsteller. Russische Schulausgabe für mittlere Klassen von P. Ney. Kiew. 1900. 268 S. Preis gebunden 75 Kop.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также и въ ученическія библиотеки этихъ заведеній.

— Книгу: «Дополненія къ курсу алгебры, требуемыя программами конкурсныхъ экзаменовъ. Составилъ П. Шмулевичъ (З. К.), инженеръ путей сообщенія. Складъ изданія у автора: Слб., Ямская уд., домъ № 46, кв. № 30. Слб. 1901. Стр. VIII+264. Цѣна 1 р. 50 коп.»—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Elementarbuch der Englischen Sprache von Dr. I. Foelsing, weiland Professor am französischen Gymnasium zu Berlin. Achtundzwanzigste Auflage, bearbeitet von Professor Dr. John Koch. Oberlehrer am Dorotheenstädtischen Realgymnasium zu Berlin. Hamburg (u. Berlin). Verlag von Henri Grand. 1898. Стр. X + 215». — 2) «An Abstract of English Grammar with Examination-Questions. Partly compiled from Adams, Angus, Allen and Cornwell, Latham, Morris, Murray, Smart, Webster, John Earle and others. By Dr. Sonnenburg. Fourth Edition revised. Berlin. Verlag von Julius Springer. 1890. Стр. IV+112». — 3) «Einführung in das geschäftliche Englisch. Anhang zu Einführung in die englische Sprache für höhere Bürgerschulen, Fortbildungsschulen und Gewerbeschulen»

etc. von Dr. *Edmund Wilke*, Oberlehrer am Realgymnasium in Leipzig. Zweite Ausgabe. Leipzig und Wien. Verlag von Raimund Gerhard. 1897. Стр. 59». — 4) «Ausgabe A. Elementarbuch der englischen Sprache für höhere Lehranstalten. Von Dr. *Georg Dubislav*, Professor an der I. Städtischen Realschule, und *Paul Boek*, Oberlehrer an dem Königstädtischen Realgymnasium zu Berlin. Achte Auflage. Berlin. 1899. R. Gaertners Verlagsbuchhandlung. Стр. VIII+183». — 5) «Manual of Mercantile Correspondence in two Languages—English and German. By Messrs *L. Simon*, Dr. *Chr. Vogel*, *H. P. Skelton* & *W. C. Wrangmore*. Two Volumes. Seventeenth Edition, revised and improved by Professor Dr. *Chr. Vogel* & Mr. *Leland Mason*. First Volume: English-German. Taschenbuch der Handelskorrespondenz in deutscher und englischer Sprache. versehen mit einer Anleitung zum leichten Erlernen des kaufmännischen Briefstils. In zwei Teilen. Ursprünglich herausgegeben von *L. Simon*, Dr. *Chr. Vogel*, *H. P. Skelton* & *W. B. Wrangmore*. 17 Auflage. Durchgesehen und verbessert von Professor Dr. *Chr. Vogel* & *Leland Mason*. Erster Teil: Englisch-Deutsch, Leipzig. Verlag von G. A. Gloeckner. 1899. Стр. XII+203». — 6) «То-же. Zweiter Teil: Deutsch-Englisch. Second Volume. German-Englisch. Стр. XII+232» — допустить къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книги: 1) «Literature Primers. Edited by *John Richard Green*, M. A. English Literature from A. D. 670 to A. D. 1832. By *Stopford A. Brooke*, M. A. Partly rewritten and largely revised and corrected. London. 1900. Стр. 192». — 2) Практическій учебникъ англійскаго языка по наглядному методу. Часть I-я. Составили *А. В. Макъ-Клиландъ*, преподаватель англійскаго языка въ Московской практической академіи и въ Александровскомъ коммерческомъ училищѣ, и *Макъ Фишеръ*. М. 1898. Стр. XVI+107+49+II. Цѣна 1 руб. — Часть II-я. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». М. 1899. Стр. VII+IV+279+82. Цѣна 2 р.» — 3) «24 картины для нагляднаго обученія англійскому языку съ приложеніемъ русскаго ключа и обозначеніемъ произношенія англійскихъ словъ русскими буквами. Составилъ *А. В. Макъ-Клиландъ*, преподаватель англійскаго языка въ Московской практической академіи и въ Александровскомъ коммерческомъ училищѣ, и *Макъ Фишеръ*. М. 1898. Стр. VIII+57. Цѣна 30 коп.» — 4) «Пособіе для устныхъ и письменныхъ упражненій при изученіи англійскаго языка. Англійско-русскій вокабулярій. Систематическій сборникъ словъ и выраженій разговорнаго языка съ обозначеніемъ произношенія и ударенія. Составили *А. В. Макъ-Клиландъ*, преподаватель англійскаго языка въ Московской практической академіи и въ Александровскомъ коммерческомъ училищѣ, и *Макъ Фишеръ*. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». М. 1899. Стр. VII+117. Цѣна 70 коп.» — 5) «The Berlitz Method for teaching modern languages. English course. New and revised edition. Intended chiefly for the use of Russian learners. By *G. Adams*. Moscow. Edition belonging to the library of V. V. Doumnoff. Firm of the heirs of «Salaeff Brothers». 1891. Стр. VII+107. Цѣна 75 коп.» — 6) «Англійскій словарь къ учебнику *Флери* «Разказы и описанія, избранные изъ лучшихъ русскіихъ авторовъ». Изданіе К. Тихомирова. М. 1900. Стр. 98. Цѣна 30 коп.» — 7) «Stepping-Stones, an English Rea-

ding-Book for the use of schools, compiled by *B. E. E.* St.-Petersburg. 1887. Стр. IX+365.»—8) Руководство къ скорому и легкому изученію англійскаго языка, по методу г-ра *Ф. Ана.* Въ 2-хъ частяхъ. М. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. 1868. Стр. 208. Цѣна 1 руб.»—9) «The Royal School Series. № 1. Royal Readers. First Series. Illustrated. London, 1900. Стр. 88» — допустить къ употребленію во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства, въ которыхъ преподается англійскій языкъ.

— Изданіе: «Таблицы плодводства для школы и дома, примѣнительно къ сочиненіямъ о плододствѣ *Др. Э. Лукаса. Фр. Лукаса,* директора помологическаго института въ Рейтлингенѣ, и инспектора сельскаго хозяйства *Баха,* директора великокняжеской школы садоводства въ Карлсруэ, составилъ *Землеръ,* главный учитель въ Сульцбургѣ (въ Баденѣ). Переводъ съ нѣмецкаго. Содержаніе: Таблица I. Прививка (облагораживаніе) и воспитаніе плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ; Таблица II. Посадка, защита и уходъ за деревьями. Рига. Изданіе Н. Киммеля. 1901. Цѣна не обозначена» — одобрить для ученическихъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ «Коллекція карманныхъ словарей»: 1) Французско-русскій карманный словарь составилъ *Е. Яковлевъ.* Изданіе 6-е. Изданіе книгопродавца-издателя *Ф. А. Югансона.* Кіевъ 1901. Стр. IV+406 въ 16 д. Цѣна 50 коп.»—2) «Русско-французскій карманный словарь. Изданіе 3-е. Составилъ *П. Г. Стываковъ.* Южно-русское книгоиздательство *Ф. А. Югансона.* Кіевъ. 1901. Стр. II+732 въ 16 д. Цѣна 60 коп.»—допустить къ употребленію въ качествѣ пособія, при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства.

— Книгу: «Cours pratique de langue française d'après la méthode naturelle (réelle). Par *L. N. Fumel,* Maître de langue française aux deux Ecoles Municipales supérieures de la ville d'Odessa. Deuxième édition, revue, corrigée et considérablement augmentée. Практическій курсъ французскаго языка по натуральному (реальному) методу. Составилъ *Л. Н. Фюмель,* преподаватель французскаго языка въ двухъ Одесскихъ городскихъ 6-ти-классныхъ училищахъ. Изданіе второе. Пересмотрѣнное, исправленное и значительно дополненное. Одесса. 1896. Стр. VI—344. Цѣна 1 руб.»—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго руководства, въ низшихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

— Изданіе: «Жизнь животныхъ *Брэма.* Полный переводъ со втораго нѣмецкаго изданія, вновь обработаннаго *Рихардомъ Шмидтлейномъ* для школы и домашняго чтенія, подъ редакціей профессора С.-Петербургскаго университета *А. С. Догеля.* Третій томъ. Пресмыкающіяся, земноводныя; рыбы, наѣкомыя, низшія животныя. Съ 10 хромолитографіями, 16 черными таблицами, 1 картой и 713 рисунками въ текстѣ, исполненными *Л. Бекманомъ, Р. Кречмеромъ, В. Кювертомъ, Г. Мютцелемъ, Фр. Шпехтомъ* и др. Спб. Книгоиздательское т-во «Просвѣщеніе». 1902. Стр. XLIII+1066. Цѣна: 20 выпусковъ по 35 коп., въ роскошн. переплетѣ 8 руб.» — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для выдачи въ награду ученикамъ стар-

шихъ классовъ, а также и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— Книгу: «Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ. Историко-литературныя характеристики *А. П. Пятковскаго*. (Съ приложеніемъ двухъ портретовъ и писемъ къ автору: кн. Одоевского, барона Г. А. Жюмина и княгини М. А. Вяземской). Изданіе третье, редакція «Наблюдателя». Спб. 1901. Стр. 167. Цѣна 1 руб. 50 коп.»—одобрить для учебныхъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и допустить въ бесплатныя народныя читальни.

— Изданіе: «Сказки русскаго народа. Избраны, изложены и изданіе редактировано *В. А. Гатицукомъ*. Изданіе А. Д. Ступина. М. 1899—1900. Выпуски: IX (стр. 257—288), X (стр. 289—320), XI (стр. 321—352), XII (стр. 353—384), XIII (стр. 385—416). Цѣна за выпускъ 25 к.»—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: «Изданіе товарищества «Знаніе», С.-Петербургъ, Невскій, 92. *Тиндаль*. Звукъ. Съ англійскаго. Переводъ *М. А. Антоновича*. Второе русское изданіе, свѣренное съ послѣднимъ шестымъ англійскимъ изданіемъ и съ нѣмецкимъ переводомъ А. Гельмгольца и Кл. Дюбуа-Реймона, дополненное по шестому англійскому изданію. 204 иллюстраціи въ текстѣ. Спб. 1901. Стр. VIII+242. Цѣна 1 р. 50 коп.»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, и для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для раздачи учащимся въ этихъ заведеніяхъ въ награду, а также для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библиотекъ городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Изданіе: «Стѣнныя таблицы для преподаванія физики *Р. Менцеля*. 30 таблицъ съ объяснительнымъ текстомъ. Цѣна 10 руб. Изданіе Н. Киммеля въ Ригѣ»—таблицы одобрить въ качествѣ класснаго учебнаго пособия, подлежащаго приобрѣтенію на средства учебныхъ заведеній, объяснительный-же текстъ къ таблицамъ признать требующимъ исправленія по замѣчаніямъ Ученаго Комитета.

— Изданіе: «Руководство къ полному курсу русскаго чистописанія и скорописи, съ приложеніемъ французскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ и греческихъ прописей. Составилъ учитель каллиграфіи въ гимназіяхъ *В. Пожарскій*, Изданіе шестое Спб. 1901. Стр. IV+51+2 табл. Цѣна 40 к.»—одобрить для употребленія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ учебнаго руководства.

— Изданія: 1) «Для среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ, народныхъ и церковно-приходскихъ школъ. Курсъ чистописанія и скорописи. Составилъ учитель каллиграфіи въ гимназіяхъ *Пожарскій*. Изданіе седьмое 1901 г. Цѣна 20 коп. (Прописи русскія)». 2) «Supplément du cours complet de calligraphie russe. Modèles d'écriture français. Édité par *W. Pojarsky*, maître de calligraphie aux gymnases. 1901. Prix 20 с. (Прописи французскія)». 3) «Beilage zum vollständigen Kursus des russischen Schönschreibens. Deutsche Vorschriften geschrieben und herausgegeben von *W. Poscharsky*, Kalligraphie Lehrer an mehreren Gymnasien. 1901. Preis. 20 k. (Прописи нѣмецкія)». 4) «Addita ad plenum cursum calligraphiae russicae. Praescripta latina a magistro calligraphiae in gym-

nasiis V. *Poscharscio* composita. Anno MСМІ. Цѣна 20 коп. (Прописи латинскія). 5) «Ἐπίθετα ἐπὶ πλήρει κύκλῳ τῆς ῥωσικῆς καλλιγραφίας. Ἑλληνικά προγράμματα σύνθετα ὑπὸ διδασκάλου τῆς ἐν τοῖς γυμνασίοις καλλιγραφίας Β. Ποζαρσκίου. 1901. Цѣна 20 коп. (Прописи греческія)». и 6) «Основное правило каллиграфіи и круглаго письма (Ronde) съ собраніемъ различныхъ алфавитовъ, какъ-то: готическихъ, русск., французск. и нѣмецк., славянскаго, римскаго, итальянскаго, рельефнаго и фактурнаго нѣмецк. письма, монограммъ и прописей въ виньеткахъ. Составилъ учитель каллиграфіи въ гимназіяхъ *В. Пожарскій*. 1901. Цѣна 50 к.»—одобрить для употребленія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ учебныхъ пособій.

— Книгу: «Taschenbuch der Handelskorrespondenz in deutscher und französischer Sprache. In zwei Teilen. Ursprünglich herausgegeben von *I. Schantz, Fr. Courvoisier, P. H. Skelton, D. Kaltbrunner* und *C. F. Déneraud*. Versehen mit einer Anleitung zur leichtern Erlernung des kaufmännischen Briefstiels. 19. Auflage, erweitert und verbessert von Direktor Dr. *Chr. Vogel* in Mexico. II. Teil. Deutsch-französisch. Leipzig. Verlag von G. A. Gloeckner. 1899. XII+239 S. Preis 2 Mk.»—одобрить, по примѣру 1-ой части, въ качествѣ учебнаго руководства для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: 1) «Manuel de la langue usuelle adopté à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements d'instruction publique par *Edmond Bouhon*, maître de langue française aux Gymnases (III et IV) des Demoiselles et à l'école réelle de l'Eglise réformée. Moscou. Edition de la librairie V. V. Doumnoff sous raison: «Héritiers des frères Salaeff». 1895. Стр. IV+168. Цѣна 60 коп.». 2—4). «Vocabulaire de la II-ème partie du Manuel de la langue usuelle adopté à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements d'instruction publique par *E. Bouhon*, maître de langue française aux Gymnases (III et IV) des Demoiselles et à l'École Alexandre-Marie. Вокабулярій ко II-ой части руководства къ изученію французскаго разговорнаго языка приспособилъ для среднихъ и высшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній *Эдмондъ Буонъ*, преподаватель III и IV московскихъ женскихъ гимназій и Александрo-Маринскаго училища. Москва. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1896. Стр. II+39. Цѣна 20 к.—То-же къ III-ей части руководства. М. 1896. Стр. II+39. Цѣна 20 коп.—То-же къ IV-ой части руководства. М. 1896. Стр. II+35. Цѣна 20 к.» 5) «Recueil classique français à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements d'instruction publique par *Edmond Bouhon*. Prose. Deuxième édition. Moscou. Edition de la librairie V. Doumnoff sous raison «Héritiers des frères Salaeff». 1897. Стр. VIII+342. Цѣна 1 руб.». 6) «Appendice du recueil classique français (Prose et poésie) par *E. Bouhon*, maître de langue française aux gymnases des Demoiselles (III et IV) et à l'École Alexandre-Marie. Moscou. Edition de la librairie V. V. Doumnoff sous raison «Héritiers des frères Salaeff». 1896. Стр. II+193. Цѣна 60 к.» 7) Recueil classique français. Prose et poésie par *Edmond Bouhon*, maître de langue française aux gymnases des Demoiselles (III et IV) et à l'École Réelle Réformée. Dictionnaire. Классическій французскій сборникъ. Проза и поэзія. Составилъ *Эдмондъ Буонъ*, препода-

ватель французскаго языка III и IV женскихъ гимназій и реального реформатскаго училища. Словарь. Москва. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1893. Стр. X+264. Цѣна 1 р. 25 коп.»—1) одобрить книгу подъ № 1 (Manuel de la langue usuelle) въ качествѣ учебнаго руководства, а книги подъ № 2—4 (вокабулярій ко II, III и IV части руководства)—въ качествѣ учебныхъ пособій при означенномъ руководствѣ, для среднихъ и старшихъ классовъ реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій Министерства, и 2) книги подъ №№ 5, 6 и 7—одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ классовъ мужскихъ и для среднихъ и высшихъ классовъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

— Книгу: «Краткій курсъ аналитической геометріи, съ упражненіями. (Пособіе для начинающихъ изученіе Аналитической Геометріи). В. Г. Алексѣева, ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета. Юрьевъ. 1902. Стр. VIII+224. Цѣна 2 р. 50 коп.»—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

— Книгу: «Практическій курсъ нѣмецкаго языка по наглядному методу. Для домашняго обученія, низшихъ классовъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Составила Е. Головачева подъ редакціей Р. Гретмана. Съ 22-мя политипажами въ текстѣ. Часть I. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». Москва. 1899. Стр. VIII+224. Цѣна 75 коп.»—одобрить для употребленія, въ качествѣ учебнаго руководства, въ низшихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія въ Пулковѣ. Составилъ адъютантъ-астрономъ Пулковской обсерваторіи и приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета А. А. Ивановъ. Спб. 1901. Стр. 46+I. Цѣна 50 коп.»—одобрить для ученическихъ бібліотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Учебникъ ботаники для реальныхъ училищъ. Составилъ М. Варавва, преподаватель Московскаго учительскаго института. Со многими политипажами въ текстѣ. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное, согласно съ утвержденною 26-го іюля 1895 г. г. Министеромъ Народнаго Просвѣщенія учебною программю для реальныхъ училищъ. Москва. Складъ изданія въ книжн. маг. В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1897. Стр. IV+204. Цѣна 1 р. 35 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Object Lessons in English for beginners. Compiled by E. Goffe. St. Petersburg. 1901. (Стр. VIII+153. Цѣна не обозначена)»—допустить въ качествѣ руководства при изученіи англійскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства.

— Книгу: «А. и Ф. Гербертсонъ. Человѣкъ и его трудъ. Введеніе въ географію человѣка. Переводъ съ англійскаго А. Александровой. Съ 97 рисунками въ текстѣ. Спб. Изданіе Д. М. Орѣхова. 1901. Стр. X+215. Цѣна 1 руб.»—допустить въ бібліотеки старшаго возраста всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: «Сертій Мечъ. Географія какъ наука и какъ учебный

предметъ. Рѣчь, читанная въ засѣданіи Географическаго Отдѣла Общества любителей естествознанія въ Москвѣ. Второе изданіе. Москва. 1899. Стр. 28. Цѣна 20 коп.»—допустить въ бібліотеки VIII класса женскихъ гимназій.

— Изданіе: «Народовѣдѣніе. Проф. д-ра *Фридриха Ратцеля*. Переводъ со 2-го, совершенно переработаннаго вѣмецкаго изданія, съ разрѣшенія издателей оригинала, съ бібліограф. указателемъ и дополненіями *Д. А. Корончевскаго*. Въ 2 томахъ. Съ рисунками въ текстѣ, хромолитографіями, черными картинами и картами въ краскахъ. Спб. 1900 и 1901. Цѣна 12 р. 60 коп. за полное сочиненіе»—допустить въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и въ учительскія бібліотеки городскихъ училищъ.

— Книгу: «Государственное ученіе Филарета митрополита Московскаго. *В. Н.* Изданіе 3-е, вновь дополнен. М. 1888, I—X, 1—199 стр. Цѣна 40 к.»—одобрить для ученическихъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для учительскихъ и ученическихъ бібліотекъ: учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ и народныхъ училищъ, а также и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Изданіе: «Юный Читатель. Журналъ для дѣтей старшаго возраста. За 1899 и 1900 годъ. 24 книжки въ годъ in 16°. Цѣна 2 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой. Изданіе и редакція женщинъ-врачей *Е. Казакевич-Стефановской*, *А. Острогорской-Малкиной* и *Э. Пименовой*»—допустить въ ученическія, младшаго и средняго возрастовъ, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

Опредѣленія Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «Учебникъ еврейской исторіи для еврейскаго юношества. Составилъ *С. М. Дубновъ*. Часть I. Древнѣйшая (библейская) исторія. 2-е, исправленное изданіе. Одесса. 1900. Стр. 139. Цѣна 50 коп.»—одобрить для употребленія въ начальныхъ еврейскихъ училищахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается еврейская исторія.

— Книгу: «*Анатоль Франсъ*. Пчелка. Переводъ съ французскаго *Е. Г—ой*. М. 1899. Стр. 99. Цѣна 35 коп.»—допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Брошюру: «*А. Сизова*. Механикъ-самоучка Иванъ Кулибинъ. М. 1901. Стр. 40. Цѣна 15 коп.»—допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Брошюру: «Разсказы о Польшѣ и полякахъ. Составилъ *Г. Р.* Съ 31 рисункомъ. № 329. М. 1899. Стр. 77. Цѣна 20 коп.»—допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книги изданія Д. Г. Алексѣева, подъ общимъ заглавіемъ «Разсказы о жаркой странѣ»: 1) *Н. Рубакинъ*. Приключенія среди черныхъ дикарей. Съ рисунками. Спб. 1901. Стр. 240. Цѣна 45 коп.—2) «*Н. Рубакинъ*. Приключенія въ странѣ рабства. Съ рисунками. Спб. 1901. Стр. 142. Цѣна 40 коп.»—допустить первую въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни, а вторую въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ, среднихъ учебныхъ заведеній (средняго возраста) и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: «*В. Г. Бажановъ*. Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерномемной полосѣ Европейской Россіи. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1900. Стр. VI+304+29. Цѣна 1 р. 35 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: «Элементарный курсъ русской грамматики въ связи съ грамматическими упражненіями и приложеніемъ устныхъ и письменныхъ диктантовъ. Составилъ учитель приготовительнаго класса Спб. Перваго реальнаго училища *А. Кусовниковъ*. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ В. В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдники Бр. Салаевыхъ». Спб. 1901. Стр. IV+114+II. Цѣна 40 коп.»—допустить къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе замѣчанія Ученаго Комитета.

— Книжки подъ общимъ заглавіемъ: «Очерки по русской исторіи для школъ и народнаго чтенія. Подъ редакціей проф. *А. И. Кирпичникова*, *А. А. Кизеветтера* и *М. В. Довнаръ-Запольскаго*. Изданіе Д. И. Тимковскаго»: 1) «*Богданъ Хмельницкій*, гетманъ Малороссіи. Историческій очеркъ въ двухъ частяхъ *И. Катаева*. М. 1901. Стр. 96. Цѣна 15 коп.»—2) «*Царь Иванъ Грозный* и его время. Очеркъ *С. Князькова*. М. 1900. Стр. 110. Цѣна 15 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: 1) «*А. В. Кругловъ*. Немудрое счастье. Романъ въ двухъ частяхъ. Спб. 1895. Стр. 302. Цѣна 1 р.»—2) «Труженники моря. Романъ *Виктора Гюго*. Спб. Томъ I. Стр. 252+III. Томъ II. Стр. 206+II. Томъ III. Стр. 88. Цѣна каждаго тома 25 коп. Изданіе А. С. Суворина (Дешевая библіотека №№ 240—242)»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: «*В. П. Салковъ*. Анджапанское возстаніе въ 1898 г. (Сборникъ статей). Изданіе П. Н. Салковой. Казань. 1901. Стр. IV+129. Цѣна не обозначена»—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: 1) «*Н. Березинъ*. Въ когтяхъ халифа. Разсказы плѣнныхъ европейцевъ о царствѣ Махди. Съ иллюстраціями. Спб. 1901. Стр. 105. Цѣна 50 коп.»—2) «*Н. Березинъ*. Приключеніе въ пустынѣ. Эпизодъ изъ путешествія Свена Хедина по Средней Азіи. Съ 13 рисунками и картой въ текстѣ. Спб. 1901. Стр. 78. Цѣна 40 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, вторую-же, сверхъ того, и въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

— Книги: 1) «Аравія и Магометъ. Ученіе Магомета и распространеніе ислама. Историческій очеркъ *Е. Волковой*. М. 1901. Стр. 122+II. Цѣна 40 коп. (Изданіе В. Ливъ и Д. Байкова)».—2) «Не-

счастнѣй женихъ. Историческій разсказъ изъ временъ царствованія Бориса Годунова. 1602 годъ. *Е. Волковой*. М. 1899. Стр. 103. Цѣна 20 коп.»—3) «*Е. Волковой*. Первая фабрика на Руси. Историческій разсказъ изъ временъ царя Іоанна Грознаго. Изданіе В. В. Осмоловской. М. 1901. Стр. 136. Цѣна 25 коп.»—допустить первую—въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни, вторую и третью—въ ученическія бібліотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книгу: «Диктовки въ связи съ уроками русскаго правописанія. (Примѣнительно къ программѣ преподаванія грамматики въ начальныхъ училищахъ). Составилъ *Т. Лубенецъ*. Кіевъ. 1901. Стр. 54. Цѣна 30 коп.»—допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: «Практическая грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода. Для казенныхъ городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Составилъ *Ав. Ѳ. Соколовъ*. Изданіе 2-е. М. 1898. Стр. 140. Цѣна 40 коп. Изданіе книгопродавца А. Я. Панафидина»—одобрить для класснаго употребленія въ низшихъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ.

— Книгу: «Опытъ задачника для письменныхъ упражненій въ изложеніи мыслей для городскихъ, по Полож. 1872 г., уѣздныхъ, сельскихъ двухклассныхъ и др. училищъ. Курсъ 3-го и 4-го отдѣленія городскихъ училищъ. Составилъ *В. Паринъ*. Редакція А. И. Анастасіева. Казань. 1899. Стр. IV+62. Цѣна 20 коп.»—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: «*В. Беллюстинъ*. Методика ариеметики. Составлена согласно примѣрной программѣ М. Н. П. 1) Курсъ младшаго отдѣленія начальной школы. М. 1899. Стр. 69. Цѣна 20 коп. 2) Курсъ средняго отдѣленія начальной школы. М. 1900. Стр. 82. Цѣна 20 коп. 3) Курсъ старшаго отдѣленія начальной школы съ приложеніемъ статей «Рѣшеніе задачъ» и «Общія методическія положенія». М. 1901. Стр. 95. Цѣна 20 коп.»—допустить въ ученическія бібліотеки учительскихъ институтъ и семинарій и въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ.

— Книги: «*В. Беллюстинъ*. 1) Ариеметическій задачникъ для 1-го года обученія. Составленъ согласно примѣрной программѣ М. Н. Пр. М. 1899. Стр. 74. Цѣна 10 коп.—2) Ариеметическій задачникъ для 2-го года обученія. Составленъ согласно примѣрной программѣ Мин. Нар. Пр. М. 1899. Стр. 74. Цѣна 10 коп. 3) То-же. Изданіе 2-е. М. 1901. Стр. 74. Цѣна 10 коп.—4) Ариеметическій задачникъ для 3-го года обученія. Составленъ согласно примѣрной программѣ Мин. Нар. Пров. М. 1900. Стр. 60. Цѣна 10 коп.—5) То-же. Изданіе 2-е. М. 1901. Стр. 60. Цѣна 10 коп.»—допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: «*В. Беллюстинъ*. Дневникъ занятій по ариеметикѣ въ начальной школѣ. Изданіе 2-е. М. 1900. Стр. 31. Цѣна 12 коп.»—допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ.

— Книги: 1) «Молочное хозяйство (научно-практическое руководство). Д-ра *В. Куршнера*. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія подъ редакціею Ф. С. Груздева и Ив. А. Каширскаго. Спб. Изданіе П. П. Сойкина. Стр. XIX+689. Цѣна 3 руб.» — 2) «О томъ, на что нужно

обращать вниманіе при покупкѣ лошади и указанія на главныя плутви лошадиныхъ барышниковъ при продажѣ и покупкѣ ими лошадей. *А. Ѳ. Тельнихина*. Житомиръ. 1900. Стр. 68. Цѣна 25 коп.—3) «Руководство для русскихъ пчеловодовъ. Важнѣйшія правила рамочнаго пчеловодства и подробныя указанія какъ строить рамочные ульи самому. Состав. *Ив. Ив. Трубниковъ*. М. 1900. Стр. IV+112. Цѣна 1 руб.»—4) «Проф. *П. Н. Кулешовъ*. Альбомъ породъ крупнаго рогатаго скота, разводимаго въ Россіи. Спб. Изданіе журнала «Хозяинъ». Цѣна альбома съ текстомъ 3 р.»—5) «Руководство къ огородничеству. *М. Рытовъ*. Выпускъ 1-й. Стр. LX+224. Цѣна 60 коп.—Выпускъ 2-й. Стр. 291. Цѣна 60 к.—Выпускъ 3-й. Стр. 328. Цѣна 60 коп. Спб. Изданіе журнала «Хозяинъ». (Книжки хозяина. №№ 1, 2 и 3).—6) «Кустовое плодоводство. Составилъ *І. Веттнеръ*. Переводъ съ нѣмецкаго *Т. Г. Гончарукъ*. Съ приложеніемъ статьи *Р. И. Шредера*. Спб. Изданіе журнала «Хозяинъ». (Книжки хозяина. № 11)» — допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры, изданныя Отдѣломъ распростран. духовно-нравственныхъ книгъ при Моск. Обществѣ любит. духовн. просвѣщ.: 1) «Козельщанская икона Божіей Матери. М. 1900. Стр. 15. Цѣна 2 коп.» — 2) «Житіе иже во святыхъ отца нашего Андрея, архіепископа Критскаго. М. 1900. Стр. 16. Цѣна 2 коп.»—3) «Житіе преподобнаго отца нашего Ѳеодора Студита. М. 1900. Стр. 48. Цѣна 5 коп.»—4) «Жизнь и чуда блаженнаго Николая Качанова, Христа ради юродиваго, Новгородскаго чудотворца. (27-го іюля). Изданіе 2-е. М. 1901. Стр. 32. Цѣна не обозначена.»—5) «О силѣ и дѣйственности краткой молитвы ко Господу. 5-е изданіе. М. 1901. Стр. 32. Цѣна не обозначена» — допустить въ народныя библіотеки и читальни, а первые четыре также и въ ученическія библіотеки начальныхъ школъ.

— Книга, подъ общимъ заглавіемъ «Разказы о разныхъ странахъ и народахъ», изданія *О. Н. Поповой*: 1) «Герои Южной Африки. Республики Трансвааль и Оранжевая. Исторія, страна, нравы. Съ 16 рисунками и картой. Очеркъ *Д. Жотляръ*. Спб. 1900. Стр. 143. Цѣна 60 коп.»—2) «Профессоръ *А. Н. Красновъ*. Индія и Цейлонъ. Съ 19 рисунками въ текстѣ. Спб. 1900. Стр. 101. Цѣна 40 коп.» — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки: 1) «*Д. Л. Мордовцевъ*. 200 лѣтъ назадъ. (Стрѣльцы XVII вѣка). Сердце — не камень. Спб. 1900. Стр. 36. Цѣна 10 коп. («Книжка за книжкой». 101). — 2) «*В. И. Немировичъ-Данченко*. Влизнецы. Спб. 1900. Стр. 63. Цѣна 15 коп. («Книжка за книжкой». 102). — 3) «*В. И. Немировичъ-Данченко*. Пріемышь отца Веденя. Повѣсть. Спб. 1900 г. Стр. 102. Цѣна 25 коп. («Книжка за книжкой». 103)»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу «Объ обязанностяхъ учителя начальнаго народнаго училища. Опытъ краткаго руководства для воспитанниковъ учительскихъ семинарій и учителей начальныхъ училищъ. Составилъ *Александръ Гарнавскій*. 2-ое дополненное изданіе *К. И. Тихомирова*, Москва 1899. Стр. 309+II. Цѣна 1 руб.»—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы авторомъ при слѣдующемъ изданіи книга

опредѣленіе Ученаго Комитета было папечатано на ея оберткѣ полностью, безъ опущенія слова «учительскихъ», какъ то нынѣ сдѣлано г. Тарнавскимъ на второмъ изданіи.

— Книжку: «Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ П. Ганвена). Москва. 1901. Стр. 92. Цѣна 20 коп. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль» («Новая бібліотека») — допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книжки изданія книгопродавца А. Я. Панафидина: 1) «Иванъ Сусанинъ. Составилъ А. И. Волжъ. Москва. 1901. Стр. 24. Цѣна 10 коп.» — 2) «Подвиги простыхъ русскихъ людей Ерофея Хабарова и Семена Дежнева. Москва. 1900. Стр. 52. Цѣна 10 коп.» — 3) «Гутенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія. Составилъ Н. Слѣпцовъ. Москва. 1900. Стр. 55. Цѣна 10 коп.» — допустить въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книжку: «Авраамъ Линкольнъ, освободитель невольниковъ въ Америкѣ. Москва. 1900. Стр. 59. Цѣна 20 коп. Изданіе книгопродавца А. Я. Панафидина» — допустить въ ученическія бібліотеки, средняго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книгу: «Повѣсти и рассказы А. Н. Плещеева. Съ портретомъ, гравированнымъ Брокгаузомъ, и біографическимъ очеркомъ. Подъ редакціей П. В. Быкова. Томъ I (1847—1859). Спб. 1896. Стр. XXVI + 742. Томъ II (1859—1868). Спб. 1897. Стр. 724 + II. Цѣна за оба тома 7 руб. Изданіе А. А. Плещеева» — допустить въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Изданія: 1) «Азбука русская и славянская. На 109 карточкахъ. Цѣна 50 коп. (Изданіе В. В. Думнова)». — 2) «Прописи для народныхъ школъ. Составилъ А. Тихомировъ. Изданіе 6-е. К. И. Тихомирова. Москва. 1901. Стр. 32. Цѣна 10 коп.» — допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: «А. Покровский. Русскій и церковно-славянскій букварь для дѣтей младшаго отдѣленія начальныхъ народныхъ училищъ съ книгою для чтенія и матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Самара. 1900. Стр. 86 + V. (Цѣна не обозначена)» — допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ, съ условіемъ исправленія ея при слѣдующемъ изданіи согласно замѣчаніямъ Ученаго Комитета.

— Книжку: «Краткій очеркъ исторіи Западной Россіи, Литвы и Польши. И. В. Шеленинъ. 2-е, значительно дополненное, изданіе. Вильна. 1901. Стр. 54. Цѣна 15 коп.» — допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Брошюру: «И. Е. Евстеевъ, преподаватель Московскаго учительскаго института. Прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ съ краткимъ руководствомъ къ обученію письму (учебное пособіе для начальныхъ школъ). Изданіе 6-е (переработанное). Москва. 1901. Изданіе В. В. Думнова. Стр. 16. Цѣна 8 коп.» — допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Брошюру: «О пьянствѣ и его вредныхъ послѣдствіяхъ. Составилъ

свящ. *Павелъ Максименко*. Изданіе 2-е. Ставрополь, 1901. Стр. 25. Цѣна 10 коп.» — допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Брошюру: «Воздухъ, насъ окружающій. Москва, 1900. Стр. 45. Цѣна 20 коп. Изданіе книжнаго склада А. Я. Панафидина» — допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Брошюру: «Разказы о землѣ. Профессора *Ю. Вагнера*. Съ 22 рисунками. № 361. Москва, 1899. Стр. 61. Цѣна 15 коп.» — допустить въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній, въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Изданіе: «Краткій учебный атласъ всеобщей географіи. Составилъ *А. Линбергъ*. 3-е изданіе, совершенно переработанное. Москва, 1901. Табл. 10. Цѣна 60 коп.» — допустить къ употребленію въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

— Книгу: «Священная исторія для дѣтей, выбранная изъ Ветхаго и Новаго Завѣта *Анною Зонтагъ*, урожд. Юшковой. Изданіе 9-е. Москва, 1871. Часть I. Стр. 392+IV. Часть II. Стр. 404+IV. Цѣна за двѣ части 1 руб. Изданіе братьевъ Салаевыхъ» — допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Брошюры, изданныя А. Я. Панафидинымъ: 1) «Вулканы и землетрясенія. Составилъ *Н. Н. Слѣпцовъ*. Москва, 1900. Стр. 79. Цѣна 25 коп.» — 2) «Вода въ трехъ видахъ. Составилъ *Н. Н. Слѣпцовъ*. Москва, 1900. Стр. 79. Цѣна 20 коп.» — допустить въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ.

— Книжку: «*Ае. Ѳ. Соколовъ*. Сборникъ диктантовъ. Дополнительная книжка къ методической грамматикѣ. Изданіе 3-е, исправленное и значительно дополненное. Москва, 1899. Стр. VI+88. Цѣна 20 коп. Изданіе книжнаго магазина М. Д. Наумова» — одобрить для класснаго употребленія въ начальныхъ училищахъ.

— Книгу: «*Александръ Великій*. Иллюстрированная историческая монографія профессора *Веніамина Уилера* (съ англійскаго). Изданіе редакціи «Новаго журнала иностранной литературы». Спб. 1900. Стр. II+175. Цѣна 1 р. 50 коп.» — допустить въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книгу: «Сборникъ разказовъ. Путеводитель. Поволожье, Приуралье и дечевныя степи. Пути сообщенія, замѣч. мѣстности и особен. края: горно-заводск., лечеб., промышл., историческія и др. Сост. *М. Масальскій*. Карта путей Россіи. Планы б. столицъ у г. Царева и с. Болгары. Рисунки, изображ. народныя типы, монеты, украшенія, зданія и т. п. Сборникъ 1-й. Спб. Стр. 6 + III + VIII + 32 + 47 + 40 + 136 + 44 + 9. Изданіе Ѳ. Сурина.» (Цѣна не обозначена) — допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки и учительскія библиотеки низшихъ училищъ.

— Книжку: «Жизнь святого *Иннокентія*, перваго епископа иркутскаго. Изданіе книжнаго магазина П. И. Макушина. Томскъ. 1898. Стр. 49». (Цѣна не обозначена) — допустить въ ученическія библиотеки начальныхъ училищъ, въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ была обозначена цѣна книжки.

— Книгу: «Живой источникъ. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Для дѣтей школьнаго возраста. Составилъ *Н. Покровский*. Съ рисунками. Москва. 1900. Стр. 80. Цѣна 30 коп. Издатель В. С. Спиридоновъ»—допустить въ ученическія бібліотеки начальныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни.

— Книжку: «Деревенскія бесѣды. Сочиненіе *К. Л. Ярославской*. Спб. 1887. Стр. 47. Цѣна 25 к. Изданіе книжнаго магазина Н. Г. Мартынова. (Народная Читальня)»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книжки: 1) «Какъ живутъ японцы. Составила *В. Овчининская*. Съ 65 рисунками. № 325. Москва. 1899. Стр. 182+II. Цѣна 40 коп.»—2) «Замѣчательный работникъ. Жизнь башмачника-натуралиста Томаса Эдварда, являющійся по Смайльсу *А. Н. Канаевъ*. Съ портретомъ Эдварда. Оригинальные рисунки рисовали В. С. Шпакъ и Левъ Вакстъ. Изданіе 3-е. Спб. МДСССХСІХ. Стр. 87. Цѣна 45 коп.»—допустить въ ученическія бібліотеки высшихъ училищъ и бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Брошюру: «Богъ въ природѣ. По сочин. Фламмаріона и Теклы Гумпертъ въ перераб. Н. Гроттъ. Составилъ *Д. Водовозовъ*. Изданіе 2-е. Спб. Стр. 16. Цѣна 5 коп. Изданіе Н. С. Аскарханова»—допустить въ ученическія бібліотеки высшихъ училищъ и бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книги *М. Т. Ярошевской*: 1) «Первоначальная географія съ картинками. Выпускъ 1-ый. Свѣдѣнія изъ математической и физической географіи. (Краткое міровѣдѣніе и землевѣдѣніе). М. 1899. Стр. 42. Цѣна 15 коп.»—2) «То-же. Выпускъ 2-й. Географія Россійской Имперіи съ краткимъ очеркомъ добывающей и обрабатывающей промышленности и 36-ю рисунками, изображающими виды св. мѣстъ, замѣчательныхъ городовъ, бытъ народовъ и промыслы. М. 1899. Стр. 43—120. Цѣна 25 коп.»—3) «То-же. Выпускъ 3-й. Западная Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія М. 1899. Стр. 121—176. Цѣна 20 коп.»—4) «Первоначальная географія съ картинками. Содержание: краткое описаніе Россіи и свѣдѣнія изъ математической, физической и всеобщей географіи. М. 1899. Стр. 176. Цѣна 60 коп.»—5) «То-же. Изданіе 3-е. М. 1901. Стр. IV+176. Цѣна 60 коп.»—допустить къ классному употребленію въ высшихъ училищахъ.

Опредѣленія Отдѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію.

Опредѣленіями Отдѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными г. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, постановлено:

— Изданіе Императорскаго Русскаго Общества Садоводства, подъ заглавіемъ «Сводъ русской литературы по техникумъ садоводства», — одобрить для бібліотекъ сельско-хозяйственно-техническихъ училищъ.

— Брошюры, изданія *К. А. Казначеевымъ*: 1) «Смолы и эфирныя масла», *П. А. Лидова*. Москва. 1898 г. Цѣна 1 руб. 20 коп. съ перес. —

допустить въ бібліотеки промышленныхъ училищъ по химической спеціальности. 2) «Машины и станки для обработки картона». Москва. 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пер. 25 коп.—допустить въ бібліотеки тѣхъ же училищъ по механической спеціальности, и 3) «Теорія и практика проклейки бумаги», *Л. П. Жеребова*. Москва. 1900 г. Цѣна 60 коп.—одобрить для бібліотекъ тѣхъ промышленныхъ училищъ, въ коихъ изучается писчебумажное производство.

— Книгу *А. М. Настюкова* «Чистыя культуры дрожжей въ винодѣліи». Москва, изд. *К. А. Казначеева*. 1898 г., 47 стр. съ рисунками въ текстѣ и 3-мя таблицами черт. Цѣна 1 руб. съ перес. — одобрить для бібліотекъ среднихъ и высшихъ химико-техническихъ училищъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: «Опытъ методики элементарнаго курса рисованія, съ приложеніемъ статьи объ орнаментѣ», составленную преподавателемъ 2-й Одесской городской женской гимназіи *Н. Приемышевмъ*. Одесса. 1900 г.—по соглашенію съ основнымъ отдѣломъ Ученаго Комитета, допустить въ ученическія бібліотеки всѣхъ промышленныхъ училищъ, а равно ее въ бібліотеки педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій, въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и въ учительскія бібліотеки городскихъ училищъ.

— Еженедѣльный иллюстрированный журналъ: «Промышленное садоводство и огородничество» за 1899 и 1900 гг.—допустить въ бібліотеки тѣхъ сельско-хозяйственно-техническихъ училищъ, въ которыхъ преподается садоводство и огородничество.

— Книгу *В. А. Долбина*, подъ заглавіемъ: «Курсъ законовѣднія. Практическое руководство по изученію законовъ и пользованію ими. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1896 г. Цѣна 1 руб.» — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ техническихъ училищъ.

Конгрессъ по среднему образованію въ Брюсселѣ въ сентябрѣ 1901 года.

Въ сентябрѣ 1901 года происходилъ международный конгрессъ въ Брюсселѣ по среднему образованію. Конгрессъ этотъ былъ со- званъ по случаю пятидесятилѣтней годовщины официальнаго основа- нія въ Бельгіи средняго образованія.

Инициатива созыва конгресса принадлежала особому педагогиче- скому учрежденію, существующему только въ Бельгіи и носящему на- званіе «*Fédération de l'enseignement moyen officiel*». Цѣль этого учреж- денія—обсужденіе въ педагогической средѣ различныхъ методовъ преподаванія, измѣненіе программъ средней школы и составленіе новыхъ, которыя представляются имъ на утвержденіе министерства. Оно имѣетъ также въ виду вопросы, касающіеся матеріальнаго быта педагогическаго состава средней школы.

Эта-то федерація издала и разослала всѣмъ иностраннымъ де- легатамъ за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія конгресса довольно объемистый томъ, болѣе 150 страницъ, озаглавленный ею «Предва- рительныя сообщенія» (*Rapports préliminaires*), содержащій краткое изложеніе всѣхъ рефератовъ, подлежащихъ обсужденію конгресса въ общемъ собраніи или въ различныхъ секціяхъ, учрежденныхъ распорядительнымъ Комитетомъ конгресса, для болѣе подробной раз- работки предложенныхъ вниманію конгресса темъ и для всесторон- нихъ дебатовъ. Второй томъ, содержаніе котораго должны состав- лять всѣ прочитанныя на конгрессѣ рефераты и вызванныя имъ пренія, еще, къ сожалѣнію, не вышелъ въ печати и появится не раньше начала 1902 года, что лишаетъ меня возможности въ на- стоящее время сослаться на него въ настоящемъ отчетѣ.

Среднее образованіе въ Бельгіи существуетъ полстолѣтія; учреж- дено оно было королевскимъ декретомъ «*loi (du juin 1850) organi- que de l'enseignement moyen*». На основаніи этого закона впервые были учреждены десять правительственныхъ королевскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ-наз. *athénées*, и пятьдесятъ визшихъ сред-

нихъ школъ — *écoles moyennes inférieures*, представляющихъ соединеніе начальной школы съ профессиональною или коммерческою, которыя могли быть присоединяемы къ средней школѣ—атенею.

Эти заведенія посѣщались исключительно экстернами.

Своимъ возникновеніемъ правительственная средняя школа въ Бельгіи обязана тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Шарлю Рожье (*Charles Rogier*), весьма много содѣйствовавшему распространенію свѣтскаго образованія въ Бельгіи. Онъ одновременно занималъ постъ и министра внутреннихъ дѣлъ, какъ это ведется въ Бельгіи и до сихъ поръ. Со времени изданія этого закона, т.-е. съ 1850 года, бельгійское правительство является регуляторомъ дѣла распространенія средняго свѣтскаго образованія; оно выдаетъ пособія частнымъ учрежденіямъ и лицамъ для содержанія учебныхъ заведеній, контролируетъ ихъ въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ. До 50-тыхъ-же годовъ прошлаго столѣтія въ Бельгіи существовало только образованіе, даваемое въ школахъ, устроенныхъ духовенствомъ, и бельгійское правительство держало себя въ сторонѣ отъ народнаго образованія, которое въ рукахъ католическаго духовенства всецѣло было свободнымъ отъ его контроля. «Свободное обученіе» (*L'enseignement libre*) было единственною формою свѣтскаго образованія въ странѣ: каждая городская община (коммуна) самолично завѣдывала открытымъ у нея учебнымъ заведеніемъ, такъ что 1850 годъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи дѣйствительно считать поворотнымъ въ исторіи средняго образованія въ Бельгіи.

Чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать эту пятидесятилѣтнюю годовщину, «федерация по среднему образованію», по предложенію своего достойнѣйшаго предсѣдателя-президента собравшагося въ 1901 г. конгресса, профессора Гентскаго университета и члена королевской Брюссельской академіи Эрн. Дискайля (*Ernest Discailles*), постановила 23-го сентября 1900 года созвать международный конгрессъ, который и открылся 1-го (14-го) сентября 1901 года въ актовомъ залѣ Брюссельской академіи наукъ (*Palais des académies*). Въ немъ приняли участіе около 1.300 членовъ и присланные делегаты отъ слѣдующихъ государствъ: Россіи, Франціи, Италіи, Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, Венгрии, Швеции, Норвегіи, Голландіи и Люксембурга. Германія, Австрія и Англія делегатовъ не прислали.

Городъ Брюссель весьма радушно принялъ членовъ конгресса и делегатовъ иностранныхъ государствъ. Всѣ мы, иностранные делегаты, широко пользовались его рѣдкимъ гостепримствомъ. Цѣлый рядъ празднествъ былъ устроенъ муниципалитетомъ, чтобы ознаменовать эту памятную въ исторіи средняго образованія Бельгіи го-

довщину. Былъ данъ парадный спектакль на театрѣ «La Monnaie», происходилъ торжественный пріемъ делегатовъ въ чудномъ средне-вѣковомъ зданіи Брюссельской городской Думы, не возобновленномъ съ XIV-го столѣтія, съ роскошными гобеленами, представляющими величайшую рѣдкость; были парадные обѣды у министра народнаго просвѣщенія (г-на de Trooz) и предложенный городомъ, на которомъ произнесены были официальные тосты и выражены горячія пожеланія дальнѣйшаго усиѣха и процвѣтанія средняго образованія, какъ могучаго двигателя просвѣщенія въ каждой странѣ.

Фактически принимало участіе въ засѣданіяхъ конгресса болѣе шестисотъ членовъ, раздѣлявшихся на дѣйствительныхъ членовъ (*membres effectifs*) и на интересующихся вопросами, подлежащими обсужденію стѣзда, но безъ права голоса въ засѣданіяхъ (такъ-наз. *membres adhérents*). Всѣ иностранные делегаты ео *ipso* состояли вице-предсѣдателями секцій. Конгрессъ продолжался три дня, отъ 1-го (14-го) до 3-го (16-го) сентября включительно, причемъ засѣданія происходили два раза въ день, по утрамъ отъ 9-ти часовъ до 1 часа дня и отъ 2½ часовъ до 6-ти или 7-ми часовъ вечера. Всѣ засѣданія какъ общаго собранія, такъ и по секціямъ были публичными, и публика, даже дамы, въ продолженіе всего конгресса очень усердно ихъ посѣщала.

Въ торжественномъ засѣданіи, подѣ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, сказавшаго привѣтственную рѣчь, въ присутствіи губернатора Брабанта, высшихъ чиновъ различныхъ министерствъ Бельгіи и представителей столичнаго муниципалитета, конгрессъ былъ объявленъ министромъ открытымъ.

Въ этомъ засѣданіи были прочитаны доклады секретаря федераціи (*Secrétaire général de la Fédération de l'enseignement moyen*)—«о предварительныхъ работахъ министерства, подготовившихъ международный конгрессъ» и въ высшей степени подробный докладъ вице-президента де-Гейнста (*de Geunst*), директора учительской семинаріи въ Гентѣ, представившаго весьма обстоятельный, но утомительно длинный обзоръ современнаго состоянія средняго образованія въ Бельгіи. Докладъ его появится цѣликомъ во второмъ томѣ матеріаловъ конгресса.

Предварительно въ исполнительномъ Комитетѣ, подѣ предсѣдательствомъ президента конгресса Дискайля, гдѣ я присутствовалъ вмѣстѣ съ Е. П. Ковалевскимъ, былъ распредѣленъ весь матеріалъ по секціямъ, а также распредѣлены были и дѣйствительные члены (*membres effectifs*) и произведены выборы предсѣдателей и вице-предсѣдателей изъ состава иностранныхъ делегатовъ, причемъ въ каждой секціи, кромѣ предсѣдателя, было два вице-предсѣдателя—одинъ

иностранецъ, а другой бельгіецъ. Мнѣ пришлось предсѣдательствовать нѣсколько разъ въ первой секціи, въ которой я, чтобы не разбрасываться, исключительно и занимался.

Секцій было три: I-я секція—гуманитарное и эстетическое образование (*enseignement littéraire et esthétique*), II-я секція—физико-математическое образование (*enseignement scientifique*) и III-я секція—методы и дидактическіе приемы средняго образованія, школьная гигиена (*méthodes et procédés didactiques, moyens d'éducation, hygiène scolaire*). Первая секція выдѣлила изъ своей среды еще подсекцію имѣвшую предметомъ обсужденія преподаваніе исторіи и эстетическое развитіе въ средней школѣ.

Принимая участіе въ занятіяхъ исключительно I-й секціи, гдѣ я прочиталъ три реферата, о которыхъ скажу ниже, я былъ лишень возможности слѣдить за занятіями въ другихъ секціяхъ, поэтому я принужденъ ограничиться подробнымъ изложеніемъ хода занятій именно въ этой секціи, предоставляя Е. П. Ковалевскому, участвовавшему во II-й и отчасти въ III-й секціяхъ, сказать свое слово специально о нихъ.

Цѣль, преслѣдовавшаяся Брюссельскимъ международнымъ конгрессомъ, пользуясь выраженіями оффиціального его органа, состояла въ томъ, чтобы «выяснить и популяризовать социальныя и педагогическіе вопросы, относящіеся къ среднему образованію, подвергнуть обстоятельному разсмотрѣнію проекты реформъ средней школы, появившіеся въ послѣднее время въ Бельгіи». Такъ какъ конечною цѣлью являлось отысканіе истины, не навязывая ея, то предстоявшіе дебаты не подлежали голосованію, что и было причиной того, что не состоялось ни одного постановленія; поэтому-же конгрессъ долженъ былъ воздержаться отъ постановки всякаго такого вопроса, который могъ-бы вызвать рѣзкія пренія.

Въ общихъ собраніяхъ (*assemblées générales*) конгресса разсматривались, между прочимъ, такіе вопросы: 1) объ организаціи высшихъ Совѣтовъ министерства народнаго просвѣщенія въ различныхъ странахъ (*conseils supérieurs d'instruction publique*); 2) какія мѣры предпринимаются въ различныхъ странахъ, чтобы обезпечить преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній положеніе, соотвѣствующее ихъ высокому призванію и чтобы дать имъ возможность расширить ихъ познанія; 3) учрежденіе международнаго бюро средняго образованія; 4) въ какомъ направленіи желательно направить въ настоящее время среднее образованіе. Къ сожалѣнію, послѣдній изъ этихъ вопросовъ, за недостаткомъ времени, на конгрессѣ не обсуждался.

Изъ перечня вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе первой

секціи, лучше всего можно судить о современномъ направленіи гуманитарнаго образованія въ Бельгіи.

Вотъ этотъ переченьъ въ переводѣ:

Гуманитарное и эстетическое образованіе.

I. Языки и литература.

A. Древніе языки.

1) Слѣдуетъ-ли при изученіи латинскаго языка въ средней школѣ ограничиваться чтеніемъ исключительно классическихъ писателей? Не слѣдуетъ-ли-отчасти допускать въ школу нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей и писателей эпохи возрожденія?

2) Какія слѣдуетъ ввести улучшенія въ преподаваніи латинскаго и греческаго языковъ въ средней школѣ, чтобы они изучались съ пользой и чтобы изученіе ихъ было сохранено въ программахъ средне-образовательной школы? Въ какомъ классѣ средней школы слѣдуетъ начинать изученіе древнихъ языковъ?

B. Новые языки.

1) О новомъ методѣ (натуральномъ) въ изученіи новыхъ языковъ.

2) О реформѣ современнаго гуманитарнаго образованія (*humanités modernes*).

3) О специальной подготовкѣ преподавателей новыхъ языковъ.

II. Исторія.

1) Какіе замѣчаются успѣхи въ преподаваніи исторіи съ 1850 года?

2) Какіе существуютъ приемы для нагляднаго обученія исторіи (*méthode intuitive*)?

III. Эстетическое образованіе.

1) Наглядные способы обученія элементарной исторіи искусствъ, стѣнные карты, фотографіи, рисунки.

2) Роль музыки въ программахъ средне-образовательной школы.

Въ первой секціи я прочиталъ два реферата. Одинъ изъ нихъ касался предложеннаго секціею вопроса о времени, когда слѣдуетъ начинать изученіе древнихъ языковъ въ средней школѣ.

Я держусь того взгляда, что, для достиженія лучшихъ успѣховъ при преподаваніи латинскаго языка, слѣдуетъ начинать его нѣсколько позже, т.-е. не съ перваго класса, такъ какъ, по моему глубокому убѣжденію, основанному на долготѣтней административно-учебной практикѣ въ качествѣ помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа, изученію всякаго иностраннаго языка, въ томъ числѣ и древняго, должно непремѣнно предшествовать нѣкоторое знаніе отечественнаго языка, грамматическихъ его формъ и оборотовъ рѣчи. При этомъ непремѣнномъ условіи, самое преподаваніе древняго языка идетъ успѣшнѣе, — ученики усваиваютъ себѣ грамматическія его формы гораздо сознательнѣе, могутъ ихъ срав-

вивать съ извѣстными имъ формами отечественнаго языка и гораздо скорѣе и легче могутъ приступить къ чтенію легкихъ писателей. Въ подтвержденіе этой мысли, я сослался на мои наблюденія, сдѣланныя зимою прошлаго года во Франкфуртѣ на-Майнѣ, гдѣ въ такъ-называемой реформированной или Гётевской гимназіи (Reformgymnasium или Goethegymnasium) у извѣстнаго во всей Германіи педагога Рейнгарда я имѣлъ случай наблюдать, какъ въ оберъ-терціи, на второмъ году обученія латинскому языку, такъ какъ въ этой гимназіи латинскій языкъ начинается въ унтеръ-терціи (нашъ четвертый классъ), ученики уже совершенно сознательно читали Цезаря *De bello Gallico*, цитировали наизусть цѣлыя отрывки изъ прочитаннаго въ классѣ, прекрасно усвоили себѣ техническія выраженія, касающіяся римскаго военнаго быта, встрѣчающіяся у Цезаря, читали свободно *à livre ouvert*, причемъ неудачныя мѣста въ переводѣ поправлялись цѣлымъ классомъ. Мы до сихъ поръ далеко не достигали этихъ результатовъ даже въ пятомъ классѣ, въ которомъ читается у насъ Цезарь, хотя начинали латинскій языкъ съ перваго класса, и мнѣ кажется, что главною причиною тому было слишкомъ раннее изученіе латинскаго языка, когда ученики совершенно еще не усвоили себѣ формъ отечественнаго языка.

Начиная гораздо позже изученіе латинскаго языка, ученики этой гимназіи за-то усиленно имъ занимаются въ старшихъ классахъ,—такъ, напр., въ выпускномъ классѣ (въ оберъ-прима) у нихъ по 8-ми уроковъ латинскаго языка и по 7-ми уроковъ греческаго въ недѣлю. Результаты, достигаемые этимъ способомъ, превосходны. Я присутствовалъ въ оберъ-примѣ на урокѣ латинскаго языка, данномъ самимъ директоромъ Рейнгардомъ. Читались *De officiis* Цицерона и весь урокъ прошелъ въ бесѣдѣ директора съ своими учениками, имѣвшей предметомъ нравственныя основы ученія Цицерона,—бесѣдѣ, обнаружившей весьма обстоятельное знакомство учениковъ съ читаннымъ въ теченіе полугодія произведеніемъ. Такія же наблюденія сдѣланы были мною и въ другомъ учебномъ заведеніи во Франкфуртѣ, именно въ образцовой школѣ (Musterschule), у директора Вальтера. Тамъ я присутствовалъ на урокѣ латинскаго языка въ оберъ-терціи (нашъ пятый классъ, второй годъ обученія латинскаго языка). Преподаватель читалъ ученикамъ отрывокъ изъ Цезаря, и ученики, не имѣя передъ собою текста, переводили его на нѣмецкій языкъ очень удовлетворительно. Этотъ взглядъ на необходимость позже начинать изученіе латинскаго языка, когда ученики уже основательно усвоили себѣ формы отечественнаго языка, раздѣляется въ настоящее время многими выдающимися педагогами - классиками въ Германіи. Я лично убѣжденъ въ томъ, что въ

этой педагогической мѣрѣ кроется залогъ успѣха по древнимъ языкамъ, и остается только сожалѣть, что подобные опыты давно уже не были сдѣланы у насъ въ Россіи.

Второй рефератъ мой касался предложенной темы по вопросу о методикѣ преподаванія французскаго языка. Я довольно подробно изложилъ, въ чемъ сущность такъ называемаго «натуральнаго метода», его хорошія и слабыя стороны, трудность его примѣненія на практикѣ, упомянулъ о богатой педагогической литературѣ, появившейся въ послѣднее время преимущественно въ Германіи и содержащей критику или апологію этого метода, и указалъ на тѣ наблюденія, которыя были мною сдѣланы на урокахъ французскаго языка въ теченіе прошлой зимы въ Германіи, Швейцаріи и Франціи, во время моей командировки съ цѣлью изученія вопроса о подготовкѣ учителей по новымъ языкамъ. Я подробно изложилъ, какъ этотъ методъ примѣняется въ настоящее время въ тѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ въ Германіи, гдѣ онъ введенъ. По спеціальному-же вопросу о подготовкѣ учителей французскаго языка я познакомилъ ихъ съ положеніемъ этого вопроса у насъ въ Россіи и съ проектомъ, касающимся ихъ подготовки, подробно изложенномъ мною въ статьѣ по этому вопросу, напечатанной въ послѣднихъ нумерахъ «Р. Шк.» за 1901-й годъ. Въ концѣ реферата, какъ примѣръ хорошей спеціальной подготовки учительницъ французскаго языка въ Россіи, я указалъ на существующіе у насъ курсы французскаго языка при 1-й Варшавской женской гимназіи, о занятіяхъ на которыхъ и о пробныхъ урокахъ ученицъ и разборѣ этихъ уроковъ мною сказано въ концѣ вышеупомянутой моей статьи.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію въ первой секціи, и къ вызваннымъ ими преніямъ. Изъ этихъ преній, касавшихся изученія классическихъ языковъ въ средней школѣ, безспорно вытекаютъ два положенія, а именно:

во-1-хъ, въ настоящее время никто не изучаетъ латинскаго языка съ цѣлью писать на немъ; это положеніе, провозглашенное профессоромъ Гофманомъ изъ Гентскаго университета, не встрѣтило никакихъ возраженій;

во-2-хъ, во всѣхъ странахъ, кромѣ Норвегіи, древніе языки продолжаютъ занимать существенное мѣсто въ программахъ средней школы и нигдѣ не подымался вопросъ объ удаленіи ихъ изъ программы. Польза изученія латинскаго языка вытекаетъ изъ необходимости изучать классическія произведенія, остающіяся образцами литературной формы, возвышенныхъ мыслей, и изучать древнюю жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Съ исчезновеніемъ классическихъ языковъ изъ средней школы утратится и самое ознаком-

леніе съ этой богатой сокровищницей античнаго міра. Но эта конечная цѣль — возможность обстоятельнаго изученія классическаго міра — достижима только при условіи, если воспитанники средней школы въ старшихъ классахъ будутъ въ состояніи читать свободно древнихъ авторовъ, основательно ознакомясь съ содержаніемъ хотя бы и немногихъ изъ нихъ, но по возможности въ цѣломъ видѣ, избѣгая отрывочнаго чтенія, не дающаго цѣльнаго знакомства съ писателемъ.

Однимъ словомъ, основная идея, проходившая черезъ всѣ *desiderata*, выраженной на конгрессѣ, заключалась въ необходимости оживленія преподаванія древнихъ языковъ,—въ томъ, чтобы ставить на первомъ планѣ не изученіе ихъ грамматическихъ формъ, а усвоеніе иного мировоззрѣнія; ознакомленіе съ античнымъ міромъ, развитіе эстетическаго чувства. Соглашаясь съ этимъ основнымъ принципомъ, высказавшіеся по этому вопросу ораторы первой секціи расходились только въ способахъ осуществленія этой задачи: тогда какъ нѣкоторые изъ нихъ считали для этого необходимымъ шестилѣтнее изученіе латинскаго языка въ среднеобразовательной школѣ, состоящее въ основательномъ ознакомленіи съ грамматикой древняго языка и въ осмысленномъ чтеніи классическихъ авторовъ хотя и не въ большомъ количествѣ, но непременно въ цѣломъ видѣ, а не въ отрывкахъ,—другіе, напротивъ, находили вполне возможнымъ достигать даже лучшихъ результатовъ, въ смыслѣ болѣе сознательнаго изученія латинскаго языка, при условіи болѣе поздняго начала его изученія, именно—въ среднихъ классахъ, послѣ основательнаго усвоенія учениками грамматики роднаго языка. Послѣдніе находили вполне достаточнымъ для достиженія намѣченной цѣли четырехъ или пятилѣтній курсъ латинскаго языка и трехлѣтній греческаго, но, конечно, при условіи значительной интенсивности этихъ занятій. Я лично вполне присоединяюсь къ взгляду послѣднихъ, имѣя въ виду именно эту цѣль, я и прочиталъ въ секціи мой докладъ, о которомъ упомянулъ выше.

Первый вопросъ, предложенный на обсужденіе секціи изъ области «*humanités classiques*»—о желательности или нежелательности включить въ число читаемыхъ въ средней школѣ классическихъ авторовъ нѣкоторыхъ средне-вѣковыхъ церковныхъ авторовъ *), представлялъ извѣстный интерес какъ по существу, такъ и по вызванному имъ дебатамъ, хотя и обусловливался чисто мѣстными бельгійскими условіями, и потому прямаго примѣненія у насъ въ Россіи, конечно, имѣть не можетъ.

*) Напр., средневѣковаго поэта Adam de St. Victor.

Докладчикомъ былъ аббатъ Карліе (Carlier), преподаватель древнихъ языковъ и риторики въ духовной семинаріи de Bonne Espérance въ Брюсселѣ,—человѣкъ въ высшей степени краснорѣчивый и убѣжденный классикъ, говорящій со всею жаромъ, интонаціею и ораторскими жестами католическаго проповѣдника. Его рѣчь совершенно походила на церковную проповѣдь съ церковной каведры католической церкви. Онъ энергично выступилъ противъ предложенія г. Фреудома (Freudhomme), профессора Гентскаго университета, формулированнаго выше. По мнѣнію послѣдняго, латинскій языкъ слѣдуетъ изучать въ связи съ исторіею римской цивилизаціи въ теченіе вѣковъ, въ цѣломъ ея видѣ и въ послѣдовательномъ развитіи—въ римскую эпоху, въ средневѣковую и эпоху Возрожденія. Ученики должны понять внутреннюю связь между современнымъ французскимъ языкомъ и родоначальникомъ его — древне-латинскимъ. Отсюда и вытекаетъ неизбѣжность ознакомленія ихъ съ средневѣковою латынью временъ Возрожденія и ея писателями, какъ посредствующимъ звеномъ. На это аббатъ Карліе возражалъ, что цѣль эта грандіозна, но неосуществима уже потому, что невозможно въ теченіе 6 или 7 лѣтъ познакомить учениковъ средней школы съ римскою, средневѣковою и современною цивилизаціями, съ цѣлью дать имъ понять, какимъ образомъ современный французскій языкъ возникъ изъ древне-латинскаго, современная цивилизація западно-европейскихъ народовъ—изъ римской, проходя черезъ средневѣковую.

Есть другая, ближайшая и гораздо болѣе существенная задача при изученіи латинскаго языка въ школѣ, по мнѣнію аббата Ферона (Féron), очень талантливаго бельгійскаго педагога, тоже присутствовавшаго на конгрессѣ, автора хорошей книги «L'enseignement du latin d'après les vues de la pédagogie allemande». Bruxelles 1889. Цѣль эта — знакомить ученика съ духомъ древности (avec l'esprit de l'antiquité). Ученику надо сжиться съ духомъ эллинизма. Феронъ высказываетъ, между прочимъ, очень вѣрную мысль, которую привожу здѣсь цѣликомъ въ переводѣ. «Изучаютъ греческій языкъ въ средней школѣ,—говоритъ онъ,—чтобы усвоить себѣ греческую литературу, литературу нашихъ предковъ въ умственной и художественной сферахъ. Греческая мысль, греческая цивилизація выражены съ большимъ блескомъ, выступаютъ болѣе выпукло въ греческой литературѣ, нежели въ другихъ памятникахъ греческаго генія. Къ этому источнику и слѣдуетъ направлять молодыхъ людей изъ которыхъ со временемъ образуются правящіе классы». Послѣднимъ выпадетъ на долю великая соціальная задача среди образованнаго общества. Ибо вслѣдъ за великими благами, имя которымъ религія и нравственность, но значительно впереди матеріальныхъ

нуждъ и практическихъ навыковъ, должны быть поставлены на ученые интересы, интересы искусствъ, интеллектуальное развитіе. Вотъ именно «правлящимъ классамъ» и выпадаетъ на долю исключительная защита и развитіе этого драгоценнаго сокровища. Если священные интересы цивилизаціи недостаточно усвоены и не соблюдены, а тѣмъ болѣе, если они остаются въ пренебреженіи, то не минуемымъ послѣдствіемъ является умственное, а часто и нравственное декадентство. Но для того, чтобы эти умственные интересы въ странѣ могли развиваться всесторонне, необходимо, чтобы молодые люди, предназначенные стать со временемъ въ ряды «правлящихъ классовъ», когда они выступятъ на общественную арену, были-бы въ состояніи обращаться къ самому первоначальному источнику всякаго серьезнаго, основательнаго знанія, а это значитъ, что они должны быть въ состояніи уразумѣть самые памятники той античной цивилизаціи, изъ которой произошла главнымъ образомъ современная цивилизація». Что-же касается латинскаго языка, то, по мнѣнію Ферона, онъ долженъ изучаться въ школѣ съ тою-же цѣлью, какъ и греческій; кромѣ того, изученіе его должно служить прекрасною умственною гимнастикой».

Аббатъ Каріе считаетъ совершенно невозможнымъ включать въ кругъ писателей, читаемыхъ въ классѣ, средневѣковыхъ церковныхъ писателей, если задача школы вообще состоитъ въ томъ, чтобы обстоятельно и вполне сознательно читать авторовъ, причемъ, въ отвѣтъ на 2-ой предложенный въ этой секціи вопросъ: «какія слѣдуетъ ввести улучшенія въ преподаваніи древнихъ языковъ, чтобы они изучались съ пользой и чтобы изученіе ихъ было сохранено въ программѣ среднеобразовательной школы?», онъ высказываетъ три слѣдующихъ основныхъ положенія, касающіяся чтенія латинскихъ авторовъ въ классѣ, а именно:

1) слѣдуетъ по возможности много читать; 2) слѣдуетъ читать небольшой кругъ писателей и 3) слѣдуетъ читать авторовъ по возможности въ цѣломъ видѣ, а не въ отрывкахъ. Я указываю на эти положенія потому, что считаю ихъ вполне примѣнимыми и для русской школы.

Г. Тильманъ, окружный инспекторъ среднихъ школъ города Брюсселя (*inspecteur général des athénées*), съ которымъ я бесѣдовалъ по этому вопросу, жаловался мнѣ на то, что даже лучшіе ученики средней школы въ Бельгіи, послѣ 7 лѣтъ изученія латинскаго языка и 3 лѣтъ изученія греческаго языка, могутъ съ большимъ трудомъ читать легкаго автора; для остальныхъ-же чтеніе даже Ксенофонта, а тѣмъ болѣе Цицерона, прямо недоступно.

Единственнымъ выходомъ изъ этого безотраднaго положенія вещей, по мнѣнію Карліе, можетъ служить ограниченіе въ средней школѣ чтеніемъ немногихъ писателей, но которыхъ за-то слѣдуетъ читать очень основательно и къ которымъ слѣдуетъ готовить учениковъ заранѣе, путемъ изученія ихъ грамматики, ихъ вокабулярія, фразеологіи, и приступать къ болѣе легкимъ изъ писателей какъ можно раньше. Вводитъ - же въ кругъ писателей, читаемыхъ въ классѣ, средневѣковыхъ латинскихъ авторовъ и авторовъ эпохи Возрожденія уже потому нежелательно, что этимъ преподаваніе латинскаго языка только усложняется, такъ какъ пришлось-бы изучать и грамматику средневѣковыхъ писателей, сильно отличающуюся отъ грамматики писателей Золотого вѣка, изучать совершенно другой вокабулярій, такъ какъ значеніе словъ сильно измѣнилось въ теченіе столѣтій, не говоря уже о томъ, что интерпретація и комментированіе средневѣковыхъ писателей очень затруднительны, ибо неизбѣжно будутъ встрѣчаться символическіе и богословскіе вопросы, недоступные пониманію учениковъ. Въ настоящее время мы совершенно утратили даже возможность понимать многое изъ средневѣковой латинской церковной литературы. Она сдѣлалась слишкомъ для насъ спеціальною. Во всякомъ случаѣ ей не мѣсто въ средней школѣ. По мнѣнію Ферона, желательно сосредоточить вниманіе учениковъ средней школы на небольшомъ кругѣ классическихъ писателей, образцовыхъ по слогу и по содержанію, заставляя учащихся хорошенько вчитываться въ нихъ и вполне овладѣвать ихъ содержаніемъ и формою. Это, по его мнѣнію, лучшій залогъ успѣха при изученіи древнихъ языковъ въ средней школѣ.

Такъ какъ онъ стоитъ за чтеніе цѣлыхъ произведеній классическихъ авторовъ, то естественно горячо выступаетъ противъ допущенія хрестоматій въ классѣ, дающихъ только отдѣльные, безсвязные отрывки произведеній. По мнѣнію Ферона, судить по нимъ о цѣломъ литературномъ произведеніи то-же самое, что судить о цѣломъ художественномъ зданіи, видя только отдѣльную его часть. Еще Боссюэтъ въ письмѣ своемъ къ папѣ Иннокентію XI по поводу воспитанія дофина Франціи выразилъ очень вѣрную педагогическую мысль, говоря, что «слѣдуетъ ему давать читать цѣлыя произведенія древнихъ авторовъ, а не отрывки того или другого прозаика или поэта. Такимъ только путемъ онъ будетъ въ состояніи обнять всю идею читаемаго произведенія, соотвѣтствіе всѣхъ его частей, ибо красота всѣхъ подробностей и истинный смыслъ литературнаго произведенія усваиваются только путемъ изученія цѣлаго произведенія во всемъ его объемѣ, подобно тому, какъ всю прелесть художественнаго зданія можно понять, только усвоивъ себѣ его

художественную идею и ознакомься подробно съ его частями на основаніи плана, по которому воздвигнуто зданіе». Боссюэтъ, какъ эстетикъ, вполнѣ понималъ, что классическое произведеніе можно оцѣнить вполнѣ только въ гармоничной цѣлости всѣхъ его частей, не упуская изъ вида изящныхъ его подробностей. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, аббатъ Карліе считаетъ необходимымъ ограничиваться въ классѣ одними только классическими писателями, именно тѣми изъ нихъ, которые ближе всего подходятъ къ художественному идеалу—къ гармоничному сочетанію содержанія съ формою.

Дальше этого въ средней школѣ идти не слѣдуетъ, такъ какъ рядомъ съ древними языками выдающуюся роль въ программахъ должны играть отечественный языкъ съ его литературой, систематическое изученіе исторіи и, кромѣ того, предъявляютъ все новыя, вполнѣ законныя права новыя языки, положительныя науки и различныя отрасли естествознанія. Въ особенности, по мнѣнію Карліе, должно избѣгать въ средней школѣ исторіи классическихъ литературъ. Было-бы въ высшей степени бесполезно ученикамъ изучать различныя стили писателей, не зная содержанія ни одного изъ ихъ произведеній, изучать готовые литературныя опредѣленія о писателяхъ, не провѣривъ ихъ самостоятельнымъ чтеніемъ. Такому курсу мѣсто въ университетѣ, ученикамъ-же средней школы онъ грозитъ-бы дать лишь поверхностныя, энциклопедическія знанія и не давалъ-бы имъ главнаго—основательнаго ознакомленія съ классическими произведеніями.

Среди многочисленныхъ возраженій, высказанныхъ противъ допущенія чтенія въ средней школѣ латинскихъ писателей христіанской эпохи, было, между прочимъ, высказано одно весьма странное, наличность котораго возможна только въ католическихъ странахъ, именно: выражено было опасеніе, какъ-бы чтеніе этихъ церковныхъ писателей не развило въ юношествахъ излишняго клерикализма. Это черта чисто бельгійская, гдѣ въ настоящее время ведется упорная борьба между церковью и свѣтскою властью въ школѣ, борьба въ высшей степени нежелательная.

Чтобы покончить съ преніями по вопросу о преподаваніи древнихъ языковъ, считаю небезынтереснымъ вкратцѣ упомянуть здѣсь о сообщеніи, сдѣланномъ однимъ изъ французскихъ делегатовъ, именно проф. Э. Буржуа (Emile Bourgeois), сославшимся на письмо къ нему министра народнаго просвѣщенія Аргентинской республики, профессора римскаго права д-ра Магнаско. По мнѣнію послѣдняго, «не латинскій языкъ имѣетъ образовательное значеніе для средней школы, а римская исторія». На этомъ основаніи онъ совершенно исключилъ изъ программы средней школы латинскій языкъ и сосре-

доточиваетъ все вниманіе учениковъ на подробномъ, систематическомъ изученіи римской исторіи. Съ подобнымъ, по меньшей мѣрѣ крайнимъ педагогическимъ воззрѣніемъ врядъ-ли можно согласиться.

Не лишены были извѣстнаго интереса пренія, возникшія по поводу предложеннаго вопроса о реформѣ новыхъ гуманитарныхъ наукъ («humanités modernes»). Докладчикомъ былъ г-нъ Пекюе (Pécqueur), преподаватель королевскаго атенея въ Люттихѣ. Въ основѣ этихъ «humanités modernes» должны лежать новые языки и ихъ литература, современная культура новыхъ народовъ, исторія, географія и этнографія ихъ. Эти новыя дисциплины были встрѣчены на первыхъ порахъ съ большимъ недоверіемъ и пренебреженіемъ со стороны приверженцевъ классическаго гуманизма; ихъ низводили до какого-то техническаго, профессиональнаго образованія, пригоднаго для массы; къ тому-же, они не обладали еще въ то время ни хорошими учебниками и пособіями, ни порядочными преподавателями. Одинъ только бывшій французскій министръ Леонъ Буржуа предугадалъ ихъ блестящую будущность, сказавъ, что «humanités modernes» возникли нынѣ изъ разцвѣта современной науки и всемірной торговли. Они явились выразителями новой культуры, опирающейся на современную науку, на окружающую насъ дѣйствительность».

Но то приниженное состояніе, въ которомъ пребывали на первыхъ порахъ «новыя гуманитарныя науки», новый гуманизмъ, было въ Бельгіи непродолжительнымъ. Уже давно раздавались въ ней голоса, высказывающіе требованіе, чтобы эти новыя дисциплины лишены были всякаго профессиональнаго характера, всякой практической тенденціи, которыя составляютъ удѣлъ всевозможныхъ техническихъ школъ, и получили-бы характеръ общеобразовательныхъ предметовъ, а въ связи съ этимъ, чтобы «sections modernes» бельгійскихъ атенеевъ, носившія характеръ нашихъ прежнихъ коммерческихъ отдѣленій при реальныхъ училищахъ, утратили-бы присущій имъ профессиональный характеръ и приобрѣли-бы характеръ общеобразовательнаго заведенія, готовящаго, наравнѣ съ классическою школою, въ университетъ и вообще къ высшему образованію. Въ Бельгіи давно уже раздаются голоса противъ однообразнаго для всей страны средняго образованія, противъ единой средней школы, дающей общее, одинаковое для всѣхъ образованіе и готовящей въ университетъ. Подобное единство въ подготовкѣ грозило-бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ, нежелательною нивелировкой образованія въ странѣ. Напротивъ, существованіе enseignement moderne рядомъ съ enseignement classique, по мнѣнію Г. Пари (Gaston Paris), представляетъ историческую эволюцію, неизбежность которой уже нельзя остановить; по мнѣнію-же историка Лависса, самое это разнообра-

зіе подготовки для высшей школы только обогатитъ національнѣе гений подростящихъ поколѣній.

Насколько этотъ новый гуманизмъ стоитъ на высотѣ выпавшей на его долю задачи, насколько успѣшно онъ ее выполняетъ—это уже иной вопросъ.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ докладчикъ Пекюе указалъ на два существенныхъ недостатка современной постановки «humanités modernes» въ среднеобразовательной школѣ въ Бельгіи. Первый недостатокъ заключается въ томъ, что классы «humanités modernes» переполнены учениками, которымъ тамъ не мѣсто, которые являются въ нихъ совершенно переходнымъ элементомъ, такъ какъ на основаніи официалнаго матеріала, обнародованнаго въ «Бюлетенѣ Федерациі для средняго образования въ Бельгіи» (Bulletin de la Fédération de l'enseignement moyen officiel) за 1899—1900 г. № 2, только десятая часть поступившихъ въ младшіе классы атенеа въ выходитъ по окончаніи полнаго учебнаго курса. Спрашивается, въ какомъ же курсѣ нуждаются остальные $\frac{9}{10}$? Для нихъ, по мнѣнію докладчика, совершенно достаточно, если они приобрѣтутъ болѣе или менѣе законченное начальное образование, дающее имъ возможность занять низшія должности въ администраціи или готовящее ихъ прямо къ практической жизни. Значитъ, для того, чтобы эти курсы «humanités modernes» могли дѣйствительно съ пользою выполнить свою программу, эти $\frac{9}{10}$ слабыхъ учениковъ, вовсе даже не стремящихся окончить курсъ средней школы, должны были-бы быть исключены изъ нея. Только весьма строгая сортировка учениковъ изъ классовъ «humanités modernes» можетъ поднять на должную высоту весьма низко упавшій общій уровень познаній ея учениковъ, можетъ, наконецъ, дать надежный матеріалъ и для высшаго образования.

Сущестующіе въ Бельгіи школьные порядки, въ силу которыхъ бифуркація происходитъ съ IV-го класса, а первые три класса переполнены учениками, изъ которыхъ наилучшіе, начиная съ IV-го класса, переходятъ въ классическое отдѣленіе, какъ болѣе привлекательное по установившимся традиціямъ, а худшіе своею неспособностью и малоразвитостью заставляютъ неизбежно понижать уровень требованій средней школы, чтобы приноравливаться къ пониманію этихъ неспособныхъ учениковъ, эти порядки значительно вліяютъ, конечно, на плохіе результаты, достигаемые среднимъ образованіемъ въ Бельгіи и въ особенности курсами «humanités modernes».

Но нельзя сказать, чтобы и классическая школа, «athénée royale» не встрѣчала тормазы въ извѣстномъ, весьма даже значительномъ контингентѣ недостаточно развитыхъ учениковъ, съ трудомъ могу-

шихъ слѣдовать за курсомъ. То-же явленіе давно замѣчается и во Франціи, гдѣ бывший министръ иностранныхъ дѣлъ Гавото высказалъ по этому поводу совершенно вѣрную мысль, что «прямая задача государства освобождать классическую школу отъ вполне неподходящаго для нея элемента учениковъ, которыхъ удерживаетъ въ ней пустое тщеславіе родителей,—такихъ учениковъ, для которыхъ «Критика чистаго разума» Канта столь-же интересна, какъ для рыбы яблоко».

Послѣ тщательной фильтраціи ученическаго состава классовъ «humanités modernes» слѣдуетъ позаботиться объ усиленіи въ нихъ литературнаго и эстетическаго элементовъ. Въ слишкомъ слабой постановкѣ этихъ элементовъ въ нынѣ существующихъ «humanités modernes» въ Бельгіи и заключается, по мнѣнію докладчика, второй существенный недостатокъ этихъ классовъ. Въ основѣ этого «новаго гуманизма» должна лежать литература, исторія и новые языки. Но до сихъ поръ, напротивъ, физико-математическія науки брали слишкомъ разительный перевѣсъ въ ихъ программахъ. Такое преобладаніе математики надъ всѣми прочими учебными дисциплинами объяснялось экзаменными требованіями, предъявляемыми воспитанникамъ, выходящимъ изъ этихъ классовъ, при поступленіи ихъ въ спеціальныя заведенія. Но такъ больше продолжаться не должно, по мнѣнію докладчика. Необходимо уменьшить требованія по математикѣ отъ оканчивающихъ курсъ «humanités modernes» и, напротивъ, усилить преподаваніе словесно-историческихъ предметовъ; тогда возможно будетъ достигнуть того, чтобы «humanités modernes», наравнѣ съ «humanités classiques», давали одинаково широкое и основательное общее образованіе.

Вотъ общая реформа, необходимость которой чувствуется въ нынѣшней постановкѣ въ Бельгіи «humanités modernes». Этотъ «новый гуманизмъ» долженъ все-таки значительно отличаться отъ «классическаго» въ самыхъ методахъ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ; такъ, напр., при изученіи отечественнаго языка въ классахъ «humanités modernes», по сравненію съ классическою школою общаго типа, слѣдуетъ обращать больше вниманія на практическое изученіе языка, нежели на теоретическое; всѣ филологическія тонкости языка должны отсутствовать въ программахъ, и особенное вниманіе должно обращать на развитіе самоличныхъ наблюденій учениковъ и на умѣнье ихъ излагать свои мысли устно и письменно. Посредствомъ философскихъ бесѣдъ преподавателя съ учениками и отдѣльныхъ рефератовъ на различныя отвлеченныя темы слѣдуетъ приучать ихъ къ отвлеченному мышленію. Но отнюдь не слѣдуетъ обращать этотъ курсъ въ отвлеченное преподаваніе

философскихъ дисциплинъ. Эстетическое развитіе учениковъ должно основываться преимущественно на наглядномъ обученіи, на посѣщеніи учениками музеевъ, на экскурсіяхъ въ окрестности, славящіяся красотой видовъ или историческими воспоминаніями. При этомъ весьма существеннымъ условіемъ успѣха служитъ то непремѣнное требованіе, чтобы преподаваніе всѣхъ этихъ трехъ предметовъ—отечественнаго языка, философіи и краткаго курса исторіи искусствъ—было сосредоточено въ рукахъ одного преподавателя. Конечно, хорошіе результаты достижимы только при специально подготовленныхъ для этой системы преподавателейъ, не обремененныхъ непосильнымъ количествомъ уроковъ и могущихъ всецѣло отдаться выполненію этой трудной педагогической задачи.

Роль новыхъ языковъ въ «humanités modernes» особенно выдающаяся.

Основнымъ принципомъ должно служить то, что начинать слѣдуетъ только съ одного иностраннаго языка, причемъ нужно имѣть въ виду слѣдующія положенія: 1) при изученіи иностраннаго языка нужно имѣть въ виду общее развитіе ученика, гармоничное развитіе всѣхъ его способностей; практическая польза отъ изученія языка должна стоять на второмъ планѣ; 2) изученіе языка отнюдь не должно быть эмпирическимъ, теорія должна идти рядомъ съ практикой; 3) изученіе новаго языка должно быть основательное, грамматическое, а потому не слѣдуетъ довольствоваться одною устной рѣчью; 4) практическая польза отъ изученія иностраннаго языка должна заключаться не столько въ умѣньи говорить, сколько въ умѣньи читать и понимать разговорный языкъ... Итакъ, какъ мы видимъ, натуральный методъ, получившій такое широкое распространеніе въ настоящее время въ Германіи и даже у насъ, въ Россіи, далеко еще не завоевалъ себѣ правъ гражданства въ Бельгіи.

Кромѣ засѣданій по секціямъ, конгрессъ, какъ мы видѣли, собирався ежедневно въ общихъ собраніяхъ, и здѣсь подлежали его обсужденію вопросы общаго характера, касающіеся учебной организаціи всего средняго образованія въ Бельгіи, по сравненію съ другими европейскими странами. Среди такихъ вопросовъ видное мѣсто занимали два вопроса: 1) объ организаціи центральныхъ управленій министерства народнаго просвѣщенія въ различныхъ странахъ (conseils supérieurs d'Instruction publique) и 2) о подготовкѣ преподавательскаго состава, о различныхъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ съ этою цѣлью различными правительствами Европы.

Въ Бельгіи не существуетъ центральнаго, общаго для всѣхъ разрядовъ образованія, органа административнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія. Напротивъ, каждый разрядъ—

низшее образованіе, среднее и высшее, находится въ вѣдѣніи особаго «*comité de perfectionnement*», буквально «комитета улучшеній», съ которымъ совѣтуется министръ, назначающій его членовъ. Этотъ *comité de perfectionnement* учрежденъ королевскимъ декретомъ отъ 17-го февраля 1852 года. Общая жалоба всѣхъ говорившихъ по этому вопросу ораторовъ заключалась въ томъ, что нѣтъ никакого единства въ дѣятельности этихъ трехъ комитетовъ, нѣтъ объединяющаго ихъ начала, тогда какъ вообще для успѣха образованія въ странѣ весьма важно, чтобы одна идея руководила всѣми отраслями образованія страны. Указано было при этомъ на преимущества, представляемая существующимъ во Франціи «*Conseil supérieur*».

Составъ бельгійскаго «*comité de perfectionnement*» для средняго образованія весьма страненъ, такъ какъ состоитъ изъ лицъ, весьма мало знакомыхъ съ среднимъ образованіемъ; такъ, напр., наличный составъ его десяти членовъ слѣдующій: сенаторъ, депутатъ, членъ кассационной палаты (*Cour de cassation*), генераль-лейтенантъ, бывший директоръ военнаго училища, и 6 профессоровъ Люттихскаго, Гентскаго и Лувенскаго университетовъ. Выразалось общее желаніе, чтобы директора и преподаватели атонеевъ, а также окружные инспектора имѣли рѣшающій голосъ въ этихъ комитетахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ выражены были очень вѣскія мнѣнія противъ организаціи одного завѣдывающаго всѣмъ образованіемъ въ странѣ комитета, неизбежно вслѣдствіе этого слишкомъ многочисленнаго, въ которомъ нерѣдко засѣдаютъ люди, черезчуръ мало компетентные въ обсуждаемыхъ въ данное время педагогическихъ вопросахъ. Другіе высказывались за желательность допущенія въ составъ этихъ комитетовъ также лицъ, выбираемыхъ внѣ педагогическаго состава средней школы, и потому не могущихъ вносить въ обсужденіе подлежащихъ вопросовъ слишкомъ узкихъ взглядовъ и сужденій спеціалистовъ того или другого преподаваемаго въ учебномъ заведеніи предмета. По этимъ вопросамъ, какъ, впрочемъ, и по всѣмъ остальнымъ, не состоялось никакого постановленія, такъ какъ, по установленнымъ правиламъ конгресса, всякое голосованіе мнѣній воспрещалось и членамъ конгресса оставалось только обмѣниваться мнѣніями, не дѣлая затѣмъ никакого постановленія.

Другой вопросъ, представляющій гораздо больше интереса, также подлежалъ обсужденію общаго собранія. Это вопросъ о подготовкѣ преподавателей для средней школы.

До 1890 года существовали двѣ учительскія семинаріи въ Бельгій, готовящія преподавателей для средней школы: одна въ Люттихѣ для словесныхъ предметовъ, другая въ Гентѣ для физико-математическихъ. Эти учительскія семинаріи носили названіе *écoles normales*.

les и дѣйствовали уже около 40 лѣтъ. Кроме того, съ этою цѣлью въ 1863 году при начальныхъ мужскихъ училищахъ («écoles normales primaires») въ Брюггѣ, Гентѣ и въ Нивеллѣ, были учреждены нормальные курсы—cours нормалюхъ. Такіе-же нормальные курсы были учреждены въ Люттихѣ и въ Брюсселѣ въ 1879 и 1881 гг. для подготовленія учительницъ для женскихъ учебныхъ заведеній. Но въ 1890 году обѣ вышеназванныя учительскія семинаріи были закрыты вслѣдствіе распространеннаго въ то время въ педагогическихъ кругахъ въ Бельгіи мнѣнія, что университеты на своихъ историко-филологическихъ и физико-математическихъ факультетахъ столь-же хорошо, если не лучше, могутъ готовить преподавателей для средней школы, да и казна будетъ освобождена отъ содержанія дорого стоящихъ учительскихъ семинарій. Прошло десять лѣтъ, и въ настоящее время уже раздаются и раздавались на конгрессѣ голоса, указывавшіе на отсутствіе, сильно дающее себя чувствовать, въ Бельгіи надлежащимъ образомъ подготовленныхъ преподавателей для средней школы и на плохіе вслѣдствіе этого результаты, достигаемые среднимъ образованіемъ въ странѣ. Нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія Бельгіи, вполне сознавая недостаточность педагогической подготовки, даваемой будущимъ преподавателямъ средней школы университетами, учредилъ такъ-называемыя «stages»—извѣстный пробный срокъ для всѣхъ кандидатовъ въ учителя при извѣстномъ учебномъ заведеніи, въ теченіе котораго кандидатъ долженъ практиковаться въ даваніи пробныхъ уроковъ и только послѣ такого удовлетворительно пройденнаго испытанія, продолжающагося нѣсколько мѣсяцевъ, онъ можетъ быть назначенъ на штатную должность преподавателя.

Французскіе делегаты указывали на весьма существенный недостатокъ, присущій педагогической подготовкѣ, получаемой въ знаменитой Ecole Normale въ Парижѣ, имѣющей, какъ извѣстно, два отдѣленія (для словесниковъ и для математиковъ). Недостатокъ этотъ заключается въ отсутствіи средне-учебнаго заведенія при Ecole Normale, въ которомъ студенты могли-бы практиковаться въ преподаваніи.

Въ прочитанномъ мною въ общемъ собраніи конгресса рефератѣ, озаглавленномъ «о подготовкѣ учителей для среднеобразовательной школы въ Россіи», я познакомилъ ихъ съ нашей системой подготовки учителей для средней школы. Я изложилъ имъ особенности нашихъ историко-филологическихъ институтовъ въ отношеніи этой подготовки, указалъ на даваемые студентами, начиная съ III-го курса, пробные уроки въ различныхъ классахъ состоящей при институтѣ гимназіи, на разборъ этихъ уроковъ въ особой комиссіи, въ при-

сутствіи товарищей даваго пробный урокъ студента, на различные теоретическіе курсы по педагогикѣ и методикѣ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ, по изученію учебниковъ, употребляемыхъ въ средней школѣ, по домашнему чтенію классическихъ авторовъ, въ которомъ студенты даютъ подробный отчетъ въ опредѣленные сроки, однимъ словомъ, я постарался обрисовать имъ всѣ теоретическія и практическія занятія студентовъ институтовъ и самую совмѣстную ихъ жизнь въ интернатѣ, подчиненную опредѣленной, для всѣхъ равно обязательной дисциплинѣ, и значеніе всего этого для будущей преподавательской дѣятельности. Рефератъ мой видимо ихъ заинтересовалъ и многіе изъ иностранныхъ делегатовъ признавались мнѣ потомъ, что они до тѣхъ поръ совершенно не знали, что въ Россіи такъ много сдѣлано для систематической и практической подготовки преподавателей средней школы. Въ заключеніе реферата я познакомилъ общее собраніе съ программами нашихъ восьмыхъ классовъ женскихъ гимназій и съ пробными уроками ученицъ и разборомъ этихъ уроковъ, тоже какъ средствомъ подготовки будущихъ учительницъ для женскихъ гимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Что касается вопроса объ учрежденіи международнаго бюро по среднему образованію, то предложеніе это было сдѣлано венгерскимъ делегатомъ Дарваемъ (Darway), но такъ какъ опять-таки мы лишены были возможности голосовать это предложеніе и выразить какое-бы то ни было постановленіе, то этотъ вопросъ остался открытымъ, хотя и встрѣтилъ полное сочувствіе у всѣхъ делегатовъ и у большинства членовъ конгресса, признававшихъ однако всю трудность осуществленія этой идеи вслѣдствіе новизны.

Результатъ международнаго конгресса 1901 года въ Брюсселѣ по среднему образованію былъ высказанъ почтеннымъ его предсѣдателемъ при закрытіи конгресса. Онъ заключается въ обмѣнѣ мыслей въ педагогической средѣ по самымъ важнымъ современнымъ педагогическимъ вопросамъ, при чемъ конгрессъ могъ познакомиться съ постановкою и рѣшеніемъ этихъ вопросовъ въ большинствѣ европейскихъ странъ. Разставаясь, делегаты иностранныхъ государствъ выразили единодушное пожеланіе снова въ скоромъ времени встрѣтиться на другомъ международномъ конгрессѣ, для совмѣстнаго обсужденія неисчерпаемыхъ вопросовъ средняго образованія, отъ разрѣшенія которыхъ всецѣло зависитъ состояніе просвѣщенія въ странѣ.

Графъ А. Мусинъ-Пушкинъ.

С.-Петербургъ
11 декабря 1901 г.

Ремесленное и техническое образованіе въ Германіи.

(Изъ личныхъ наблюденій).

На послѣдней Парижской выставкѣ отдѣла германской школы, какъ извѣстно, не было. Поэтому, возвращаясь изъ Парижа въ августѣ прошлаго года, я воспользовался пребываніемъ въ Германіи для того, чтобы ознакомиться съ организаціей въ странѣ технического образованія и тѣми способами и средствами, съ помощью которыхъ достигается распространеніе этого образованія. Къ сожалѣнію, я попалъ въ Берлинъ во время школьныхъ каникулъ, которыя продолжаются въ Германіи всего три недѣли. Время это представляется наименѣе удобнымъ для изученія школъ, такъ какъ всѣ работающіе при школахъ стараются воспользоваться кратковременнымъ отдыхомъ и уйти изъ города подалеже отъ обычнаго шума и суеты. Поэтому настоящій очеркъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи теоретическихъ источниковъ и тѣхъ матеріаловъ, которые мнѣ удалось добыть при посѣщеніи нѣкоторыхъ школъ и другихъ учреждений, имѣющихъ отношеніе къ школьному дѣлу.

I.

Въ промышленномъ отношеніи Германія находилась на Парижской выставкѣ впереди всѣхъ европейскихъ государствъ. Это признавалось всѣми. Поэтому вопросъ объ организаціи въ этой странѣ промышленнаго образованія представляется въ высшей степени интереснымъ.

Остановимся прежде всего на нѣкоторыхъ общихъ цифрахъ. На начальное народное образованіе Германія тратитъ въ годъ въ среднемъ немного болѣе 146 милл. марокъ, въ томъ числѣ изъ общинныхъ средствъ 57%, изъ средствъ государственныхъ 31,8%, изъ доходовъ отъ школьныхъ имуществъ 8,8%, изъ платы за обученіе 0,9%; остальные 1,5% изъ разныхъ источниковъ. Всего начальныхъ школъ въ Германіи 37.408 при 5.188.363 учащихся и при

89.955 преподавателейъ (не считая въ томъ числѣ 30.000 учительницъ рукодѣлія). Населеніе Германіи составляетъ немного болѣе 56.000.000 душъ *).

Если обратиться къ государственнымъ расходамъ Германіи на спеціально промышленное образованіе, то получается совсѣмъ иное отношеніе. Въ росписи государственнаго бюджета Германіи за 1896—1897 г. расходы изъ государственныхъ средствъ на низшія и среднія промышленныя училища составляли 2.422.844 мар. Доплата общинъ и союзовъ выражалась въ цифрѣ 744.797 мар. Всего, слѣдовательно, тратилось на низшее и среднее промышленное образованіе—3.167.641 марка. У насъ на то-же дѣло было потрачено, приблизительно въ то-же время (въ 1896 г.) 2.724.926 р. **), т.-е. почти вдвое болѣе. Тѣмъ болѣе приходится удивляться тѣмъ громаднымъ результатамъ, которыхъ удалось достигнуть Германіи при незначительныхъ затратахъ.

Чтобы составить себѣ хотя-бы нѣкоторое представленіе о широтѣ постановки техническаго образованія въ Германіи, достаточно ознакомиться съ перечнемъ просвѣтительныхъ учрежденій техническаго характера, которыя имѣются, напр., въ Берлинѣ или другомъ какомъ-нибудь большомъ городѣ Германіи. Въ Берлинѣ имѣются слѣдующія промышленныя школы и курсы только низшаго типа:

7 курсовъ для механиковъ и слесарей — учащихся . . .	1.325
1 школа для каменщиковъ и плотниковъ . . .	290
1 » » столяровъ . . .	506
2 » » сапожниковъ . . .	631
1 » » цирюльниковъ и парикмахеровъ . . .	466
2 » » сѣдельниковъ . . .	241
1 » » обойщиковъ . . .	263
1 » » кузнецовъ . . .	120
1 » » стекольщиковъ . . .	82
1 » » трубчистовъ . . .	117
1 » » каретниковъ . . .	90
1 » » корзинщиковъ . . .	25

*) По послѣдней однодневной переписи 1-го декабря 1900 г.

**) Эта сумма складается изъ слѣдующихъ частныхъ расходовъ:

На школы ремесленныя и техническія	1.147.620 р.
» » путей сообщенія	487.732 »
» » горныя, лѣсныя, землемѣрныя	263.340 »
» » строительныя	12.600 »
» » сельско-хозяйственныя	634.592 »
На ремесл. классы при 464 городск. учил.	179.042 »

Всего 2.724.926 р.

1 школа для переpletчиковъ	учащихся . . .	68
1 » » будочниковъ	» . . .	203
1 » » садовниковъ	» . . .	86
1 » » типографщиковъ	» . . .	338
1 » » маляровъ	» . . .	78
1 » » портныхъ	» . . .	282
1 » » кондитеровъ	» . . .	65
1 » » горшечниковъ	» . . .	106
1 » » женскихъ портныхъ	» . . .	45
13 » допoлнит. при городскихъ училищахъ	» . . .	7.805
2 » для приказчиковъ	» . . .	997
1 » для глухонѣмыхъ	» . . .	49
2 ремесленныя школы	» . . .	3.016

Характернымъ является и гор. Дрезденъ. По статистическимъ даннымъ, относящимся къ прошлому году, здѣсь имѣются слѣдующія образовательныя учрежденія для насажденія промышленнаго образованія. Кромѣ двухъ ремесленныхъ и пяти дополнительныхъ школъ съ обязательнымъ курсомъ, въ Дрезденѣ функционируютъ еще слѣдующіе вечерніе классы: для конторщиковъ, наборщиковъ, дрогистовъ, мясниковъ, садовниковъ, портныхъ, кельнеровъ, жестяниковъ, кондитеровъ, торговцевъ, сапожниковъ, каменщиковъ, трубочистовъ, обойщиковъ и столяровъ. Трудно указать профессию, которая не имѣла-бы въ Германіи своего образовательнаго учрежденія.

II.

Такова общая картина постановки промышленнаго образованія въ Германіи. Посмотримъ, какими средствами и способами достигается распространеніе въ странѣ этого образованія. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить просвѣтительное учрежденіе, почти неизвѣстное у насъ,—такъ-называемыя промышленныя дополнительные школы (*Gewerblich Fortbildungsschulen*).

Промышленныя дополнительные школы появились въ Германіи послѣ того, какъ въ ней, кромѣ Пруссіи, введено было обязательное посѣщеніе общихъ дополнительныхъ школъ юношами въ возрастѣ отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ. Эти школы слѣдуютъ непосредственно послѣ начальной и въ нихъ соединяется преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ съ различными отраслями промышленнаго образованія. Дополнительные школы предназначены для подростковъ, уже добывающихъ себѣ пропитаніе трудомъ, или проходящихъ практическую школу труда на фабрикѣ, въ мастерской, въ конторѣ или лавкѣ. Вообще дополни-

тельные школы имѣютъ цѣлью укрѣпить и расширить свѣдѣнія, вынесенныя изъ народной школы, преимущественно практическимъ знаніемъ, болѣе или менѣе приспособленнымъ къ потребностямъ специальныхъ профессій. Минимумъ занятій въ этихъ школахъ—2 часа въ недѣлю, именно: въ воскресенье или въ одинъ изъ будней вечеромъ. Максимумъ—6 часовъ въ недѣлю. Во всѣхъ почти школахъ занятія доведены до максимума. Въ общемъ преподаются слѣдующіе предметы: чтеніе и письменныя работы (сочиненія) по-нѣмецки, ариметика, естественная исторія, черченіе и рисованіе. Иногда присоединяется: ознакомленіе съ законодательствомъ, начала политической экономіи, географія и исторія. Кромѣ того, ознакомленіе съ моделями машинъ, технологія и бухгалтерія. Плата за ученіе колеблется между 2-мя и 15-ю марками въ годъ.

Въ частности организація промышленныхъ дополнительныхъ школъ крайне разнообразна. Общая черта ихъ заключается въ томъ, что основными предметами преподаванія являются черченіе и рисованіе въ виду важнаго значенія этихъ предметовъ для ремесла и промышленныхъ занятій. Въ цѣляхъ наилучшей постановки преподаванія этихъ предметовъ учреждены почти въ каждомъ большомъ городѣ особыя школы для подготовки преподавателей этихъ предметовъ (Kunstgewerbeschulen). Кромѣ того, правительства различныхъ нѣмецкихъ государствъ печатаютъ на свой счетъ или субсидируютъ изданіе атласовъ, стѣнныхъ таблицъ и др. учебныхъ пособій для черченія и рисованія въ дополнительныхъ школахъ. Поэтому въ Германіи существуетъ громадный выборъ этихъ художественныхъ изданій по всевозможнымъ спеціальностямъ, начиная съ элементарнаго рисованія до сложныхъ рисунковъ и чертежей по архитектурѣ, машинному дѣлу, рѣзбѣ по дереву, изящнымъ слесарнымъ работамъ и пр. Этотъ фактъ хорошо извѣстенъ у насъ специалистамъ, такъ какъ у насъ такихъ пособій почти совсѣмъ нѣтъ и всѣ они выписываются нами большею частью изъ Германіи. Затѣмъ, во всѣхъ большихъ нѣмецкихъ городахъ устроены особыя промышленно-художественные музеи, снабженные образцами и моделями всевозможныхъ изящныхъ издѣлій по различнымъ мастерствамъ; всѣ ремесленники могутъ приходить въ эти музеи срисовывать образцы, нужные для ихъ работы. Одинъ такой музей я осматривалъ въ Берлинѣ. Въ немъ имѣется особый залъ, вполне приспособленный для такихъ работъ. Тутъ-же можно приобрести бумагу и вообще всѣ принадлежности для черченія и рисованія. Образцы, по указанію посѣтителей, выдаются имъ на руки.

Учебныя программы промышленныхъ дополнительныхъ школъ также весьма разнообразны.

Для ознакомленія съ характеромъ и организаціей нѣмецкой промышленной дополнительной школы позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на двухъ дополнительныхъ школахъ: въ Берлинѣ и Штуттгартѣ.

Организація и учебный планъ первой Берлинской промышленной дополнительной школы сводится вкратцѣ къ слѣдующему: школа необязательная; ее посѣщаютъ подростки, занимающіеся различными ремеслами. Помѣщается она въ зданіи приходской школы. Уроки происходятъ по буднямъ послѣ 7 ч. вечера и по воскреснымъ днямъ отъ 8 до 12 часовъ утра. Выборъ предметовъ предоставляется свободному усмотрѣнію учениковъ, но уроки рассчитаны такъ, чтобы въ два года ученики могли пройти законченный курсъ. Учебная программа школы составляется изъ слѣдующихъ предметовъ преподаванія: нѣмецкаго языка, ариѳметики, алгебры, коммерческаго счетоводства, рисованія общаго, черченія, декоративнаго рисованія, техническаго черченія, техническаго рисованія для гравировъ и столяровъ, физики, геометріи, бухгалтеріи, моделированія изъ глины и воска, французскаго и англійскаго языковъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ дополнительныхъ школахъ Берлина къ этимъ предметамъ прибавляется еще: исторія, географія, законовѣдніе, химія и чистописаніе.

Организація промышленной дополнительной школы въ Штуттгартѣ очень оригинальна и отличается значительной сложностью. Въ ней два отдѣленія: мужское и женское; первое, въ свою очередь, дѣлится на двѣ школы: промышленную и коммерческую; наконецъ, промышленная школа состоитъ изъ трехъ курсовъ: дневныхъ, вечернихъ и воскресныхъ. Вечерніе курсы распадаются на элементарные и спеціальныя. Дневные курсы происходятъ въ будніе дни и состоятъ изъ уроковъ рисованія, декоративной живописи и художественно-промышленнаго рисованія. Для поступленія въ элементарное отдѣленіе вечернихъ курсовъ требуется окончаніе курса нар. школы; курсъ двухлѣтній, при 8 часахъ въ недѣлю въ первый годъ обученія и 10—во второй. Программа этого отдѣленія исчерпывается черченіемъ, рисованіемъ, ариѳметикой и письменными упражненіями, причѣмъ всѣ уроки обязательны. Чтобы поступить въ спеціальное отдѣленіе, надо закончить элементарное, или сдать соответствующій ему вступительный экзаменъ. Въ этомъ отдѣленіи предметы не обязательны, и слушателямъ предоставляется выбирать ихъ по своему усмотрѣнію. Программа спеціальнаго отдѣленія слагается изъ слѣдующихъ предметовъ: ариѳметики, промышленной корреспонденціи, начертательной геометріи, моделированія, рисованія, декоративной живописи, геометрическаго черченія, проекціоннаго черченія, тех-

ническаго черченія и рисованія. Курсы организованы для мебельщиковъ, токарей, плотниковъ, каменщиковъ, слесарей, механиковъ, часовыхъ дѣлъ мастеровъ, электротехниковъ, обойщиковъ, декораторовъ, машинистовъ и садовниковъ.

Въ составъ программы воскресныхъ курсовъ входятъ слѣдующіе предметы: промышленная корреспонденція, ариѳметика, геометрія, машиностроеніе, физика, химія, исторія, географія, нѣмецкій языкъ, французскій языкъ, ознакомленіе съ разными алфавитами и разными стилями, бухгалтерія, каллиграфія, моделированіе, живопись, рисованіе и черченіе.

Въ школѣ имѣется библіотека и большой музей учебныхъ пособій. Оба учрежденія открыты не только для преподавателей и учениковъ дополнительной школы, но и для всѣхъ ремесленниковъ вообще, а живущимъ въ Штуттгартѣ ремесленникамъ книги и пособия выдаются на домъ.

Въ Пруссіи въ настоящее время около 1.000 дополнительныхъ школъ съ числомъ учащихся немного менѣе 100.000. Кромѣ того, въ Зап. Пруссіи и Познани имѣется 350 такихъ школъ. Въ Баваріи около 300 школъ съ 30.000 учащихся. Особенно развиты дополнительные школы въ Вюртембергѣ. Изъ всѣхъ мѣстъ съ населеніемъ свыше 2.000 человекъ 85% имѣютъ ихъ; уже въ 1889 году здѣсь было дополнительныхъ школъ 167 съ 13.649 учащимися.

Посѣщаемость дополнительныхъ школъ ремесленными учениками выражается въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ Пруссіи, гдѣ еще не введенъ законъ объ обязательномъ посѣщеніи этихъ школъ, ихъ посѣщаетъ 7 человекъ изъ 1.000; въ государствахъ съ обязательнымъ посѣщеніемъ ихъ: въ Вюртембергѣ — 50, въ Баденѣ — 35, въ Гессенѣ — 34 и въ Саксоніи — 29 на тысячу.

Въ Пруссіи законъ предоставляетъ общинамъ право сдѣлать обязательнымъ посѣщеніе дополнительныхъ школъ. Кромѣ того, тамъ введено для мастеровъ обязательное освобожденіе учениковъ отъ работъ для посѣщенія этихъ школъ. Недавно министръ торговли и промышленности г. Брефельдъ распорядился собственною властью, чтобы ученики-ремесленники, желающіе посѣщать повторительные курсы или рисовальные классы, были обязательно освобождаемы хозяевами отъ работъ на время отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Впрочемъ, въ дѣлѣ организаціи дополнительныхъ школъ Пруссія занимаетъ среди германскихъ государствъ 18 по порядку мѣсто. Въ послѣднее время прусское правительство создало комиссію для разсмотрѣнія вопроса о лучшей организаціи дополнительныхъ школъ и привлекло къ участию въ комиссіи депутатовъ обѣихъ палатъ, ди-

ректоровъ-специалистовъ и нѣкоторыхъ фабрикантовъ. По слухамъ, циркулировавшимъ въ Берлинѣ, когда я тамъ былъ, врядъ-ли можно ожидать отъ этой комиссіи существеннаго улучшенія дѣла. Съ одной стороны, правительство не хочетъ принять на счетъ государства тѣ новые расходы, которые могутъ явиться слѣдствіемъ реформъ, а съ другой — многіе члены комиссіи уже высказались въ томъ смыслѣ, что народъ уже достаточно обезпеченъ образованіемъ путемъ обязательнаго и бесплатнаго обученія дѣтей въ народной школѣ въ теченіе 8 лѣтъ.

Заканчивая обзоръніе дополнительныхъ школъ, вахожу небезъинтереснымъ привести еще нѣкоторыя данныя относительно стоимости этихъ школъ. Въ Берлинѣ во всѣхъ дополнительныхъ школахъ (промышленныхъ и общихъ) обучается до 20.000 юношей и 5.000 дѣвушекъ. Содержаніе всѣхъ школъ обходится въ 1.000.000 марокъ. Такимъ образомъ обученіе одного ученика обходится около 40 мар.; при этомъ нѣкоторыя школы имѣютъ собственные помѣщенія и прекрасно обставлены. Въ Лейпцигѣ въ городскихъ дополнительныхъ школахъ обучается 5.375 молодыхъ людей обоаго пола и всѣ эти школы стоятъ 110.000 мар., такъ что каждый учащійся обходится почти въ 20 мар. Это поразительно дешево. Еще дешевле обходится обученіе въ Вюртембергѣ, гдѣ правительство выдаетъ пособія на каждаго ученика дополнительной школы отъ 8 до 9 марокъ.

III.

Кромѣ промышленныхъ дополнительныхъ школъ въ Германіи, какъ и у насъ, имѣются еще ремесленныя и техническія училища низшаго и средняго типовъ.

Ремесленныя училища (Fachschulen, Gewerbeschulen), въ противоположность дополнительнымъ школамъ, соединяютъ въ обученіи теоретическую подготовку съ практической и требуютъ тѣснѣйшей связи училища съ мастерскою и фабрикою; поэтому они учреждаются преимущественно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ особенно развита извѣстная отрасль промышленной дѣятельности. Для поступленія въ ремесленное училище требуется умѣнье обращаться съ инструментомъ и знаніе простѣйшихъ приѣмовъ работъ. Особенно много въ Германіи ремесленныхъ школъ по ткацкому дѣлу, которыя оказали этой отрасли промышленности существенную услугу.

Ремесленныя училища предназначены для ремесленныхъ учениковъ и молодыхъ фабричныхъ рабочихъ. Типы этихъ школъ крайне разнообразны, — имѣются даже школы трубочистовъ: одна въ Берлинѣ, о которой уже упомянуто выше, съ 117 учениками, и одна въ

Саксоніи съ 38 учениками. Такъ-же разнообразны и программы. Въ Дрездонской школѣ каменщиковъ, напримѣръ, преподается не только черченіе и геометрія, но и законовѣдніе и начала политической экономіи. Въ Лейпцигѣ въ школѣ типографскихъ рабочихъ, рядомъ съ обученіемъ набору и печатанію, проходятся механика, геометрія, химія; каждый окончившій въ ней курсъ долженъ умѣть набирать, между прочимъ, по-гречески, по-русски и по древне-еврейски. Изъ отчета этой школы за 1896 г. видно, что въ этомъ году въ школѣ было 460 учениковъ. Въ Дрезденѣ имѣется школа трактирщиковъ и мясниковъ, гдѣ будущимъ рестораторамъ, кельнерамъ и мясникамъ преподаются основанія политической экономіи, вексельное право, французскій и англійскій языки, исторія, географія и наконецъ ученіе о государственномъ строѣ.

Промышленныя школы вообще введены въ Германіи въ качествѣ постоянного института во время войнъ за освобожденіе, и раньше всего кургессенскимъ правительствомъ (въ 1816 году). Въ Нюренбергѣ этому дѣлу положено начало въ 1823 году. Берлинскій магистратъ еще въ 1849 году ограничивалъ свои заботы о профессиональномъ образованіи назначеніемъ незначительной субсидіи тѣмъ организаціямъ, которыя брали на себя устройство вечернихъ курсовъ. Кромѣ того, при существовавшемъ уже тогда ремесленномъ училищѣ (Gewerbeschule), предназначавшемся для молодыхъ людей, которые не желали довольствоваться скромной карьерой простого ремесленника, устраивались зимой — по воскресеньямъ — популярно-научныя чтенія для подмастерьевъ и учениковъ по прикладнымъ наукамъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ берлинскій столярный цехъ учредилъ особую столярную школу, сдѣлавъ посѣщеніе ея обязательнымъ по воскресеньямъ для всѣхъ учениковъ столярнаго цеха. Этому примѣру вскорѣ послѣдовали ткачи, парикмахеры и др. цехи. Тогда берлинскій магистратъ въ 1873 году произвелъ коренную реформу городскихъ дополнительныхъ школъ, придавъ нѣкоторымъ изъ нихъ техническій характеръ. Предметы общеобразовательные почти исключены были изъ программы и оставлены лишь слѣдующіе предметы обученія: черченіе и основы рисованія, математика, физика и химія, бухгалтерія и иностранные языки; кромѣ того, въ программу были введены механика и счетоводство. Занятія, какъ и раньше, производились по воскресеньямъ, но введены были занятія и въ два буднихъ дня по вечерамъ. Затѣмъ, дополнительные школы были раздѣлены по специальностямъ: для лицъ, занимающихся механическими промыслами, и для иныхъ лицъ, чья профессія требуетъ болѣе близкаго знакомства съ основами химіи. Черезъ 10 лѣтъ магистратъ снова преобразовалъ дополнительные

школы, придавъ имъ еще болѣе спеціально-профессіональный характеръ. Затѣмъ городъ сталъ вводить и дневныя профессіональныя школы. Сначала городъ основалъ особую школу для ткачей, затѣмъ въ вѣдѣніе города перешла школа домостроительства; позже были открыты особыя школы для разныхъ ремеслъ. Въ 1880 году открыто было собственно берлинское ремесленное училище, объединившее разныя ремесла.

Типы германскихъ ремесленныхъ школъ разнообразны до безконечности; такъ же разнообразны ихъ организація и программы. Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что въ Германіи врядъ-ли найдутся двѣ ремесленныхъ школы, организація которыхъ была-бы совершенно одинакова. Какъ на болѣе или менѣе характерной, остановимся на одной изъ берлинскихъ ремесленныхъ школъ.

Эта школа очень похожа на промышленную дополнительную, такъ какъ ставитъ себѣ главную цѣлью—дать возможность пополнить свое образованіе лицамъ, уже вступившимъ въ сферу практической дѣятельности и могущимъ посѣщать школу лишь въ свободное отъ занятій время. Поэтому ученіе производится хотя и ежедневно, но въ послѣобѣденное время и вечеромъ и только въ воскресенье утромъ до обѣда. Выборъ предметовъ предоставляется усмотрѣнію учащихся, отъ которыхъ требуется при поступленіи свидѣтельство объ окончаніи курса народной школы. Предметы обученія слѣдующіе: начертательная геометрія, алгебра, геометрія, тригонометрія, математическія упражненія, физика, электротехника, механика, химія, товаровѣдѣніе, коммерческая ариѳметика, бухгалтерія, ученіе о художественно-ремесленныхъ орнаментахъ, моделированіе изъ глины и воска, декоративная живопись, рисованіе, черченіе, техническое черченіе и рисованіе. Въ школѣ обучаются: столяры, жестяники, слесаря, механики, машиностроители, часовыхъ дѣлъ мастера, каменщики, каменотесы, плотники, золотыхъ дѣлъ мастера, граверы, мѣдники, чеканщики, скульпторы, живописцы, обойщики и литографы. Курсы предметовъ обученія полугодовые, по 2 или 4 часа въ недѣлю, смотря по объему предмета. Плата за ученіе взимается по полугодіямъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: за 8 и менѣе еженедѣльныхъ уроковъ 6 мар., за 12 уроковъ—9 мар., за 16 и болѣе—12 мар. Нуждающіеся ученики могутъ быть освобождены отъ платы.

Школа пользуется большою популярностію въ Берлинѣ. Лѣтомъ въ ней обучается 4.000 и болѣе учениковъ, а зимою до 5.000 по разнымъ предметамъ. Числа эти показываютъ лишь число слушателей, а не точное число отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ одно и то-же лицо можетъ слушать два, три и болѣе предметовъ. Больше всего приходится слушателей на техническое черченіе и рисованіе (около

1.500), затѣмъ на математику (960), начальное рисованіе (923), геометрическое черченіе (589), лѣпку (282); менѣе всего приходится на химію (16) и на изученіе художественно-ремесленныхъ орнаментовъ (23). По роду занятій слушатели распредѣляются приблизительно такъ: чиновниковъ 3, лицъ разныхъ занятій 5, учителей 45, остальные: ученики, подмастерья и ремесленники разныхъ ремеслъ.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ школахъ, въ особенности на такихъ, какихъ у насъ нѣтъ.

Интересна школа кирпичныхъ мастеровъ въ Лаубенѣ, въ Силезіи. Въ теченіе одного года эта школа настолько подготавливаетъ своихъ учениковъ, что они получаютъ возможность занимать на кирпичныхъ заводахъ мѣста надсмотрщиковъ, кирпичеобжигательныхъ мастеровъ и пр. Нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ школы открываютъ собственные кирпичные заводы. Въ школу кирпичныхъ мастеровъ принимаются молодые люди не моложе 17 лѣтъ со свидѣтельствомъ объ окончаніи курса нар. школы. Плата 200 мар. въ годъ. Предметы преподаванія слѣдующіе: краткія свѣдѣнія по геологіи, физикѣ, химіи и математикѣ; черченіе и рисованіе; веденіе торговыхъ книгъ; законовѣдѣніе, гигиена, географія, также гимнастика. Школа владѣетъ: двумя кирпичеобжигательными печами, газовымъ двигателемъ, машинами для мытья глины, для формовки кирпичей и пр. Курсъ годовой.

Не менѣе интересна школа сапожниковъ, напримѣръ, открытая недавно въ Зибенленѣ, въ Саксоніи. Эта школа имѣетъ въ настоящее время уже 52 воспитанника (42 ученика и 10 подмастерьевъ). Организациа школы слѣдующая: 2 класса по черченію (по 2 часа въ недѣлю) и 3 класса по другимъ предметамъ. Подмастерья образуютъ особый классъ и занимаются отдѣльно отъ учениковъ. Имъ, между прочимъ, преподаются книговодство, товаровѣдѣніе и пр. Кромѣ черченія, ученикамъ преподаются слѣдующіе предметы: дѣлопроизводство, книговодство и корреспонденція, практическая ариеметика, товаровѣдѣніе и особый предметъ—анатомія ноги (преподаетъ докторъ медицины). Приблизительная программа этого предмета: нормальная нога, болѣзни ногъ, различные порядки и пр. Товаровѣдѣніе обнимаетъ дубильный, сыромятный и замшевый товары, различные роды животныхъ кожъ, дубильныя вещества, способы дубленія, обработка готовой кожи, разные другіе матеріалы сапожнаго дѣла и пр. Школа принимаетъ заказы и специализовалась на изготовленіи колодокъ и обуви для обычныхъ ногъ. Издѣлія ея пользуются большою извѣстностью во всей Германіи. Какъ видно изъ отчета школы, заказы поступаютъ изъ всѣхъ государствъ Германіи и даже изъ Италіи.

Далѣе заслуживаетъ вниманія училище по каретному и каретно-кузнечному дѣлу въ Майнцѣ. Училища предназначены для ремесленныхъ учениковъ. Курсъ составляется изъ графическихъ искусствъ и общихъ техническихъ знаній. Обученіе во время трехлѣтняго ученичества производится параллельно съ практическими занятіями въ мастерскихъ. Затѣмъ подмастерья продолжаютъ свое образованіе отдѣльно. Занятія происходятъ по воскресеньямъ утромъ до полудня и одинъ разъ въ недѣлю вечеромъ; кромѣ того, ученикамъ-каретникамъ позволено еще два раза въ недѣлю принимать участіе въ занятіяхъ по графическимъ искусствамъ (черченію и рисованію).

Столярная школа въ Берлинѣ раздѣляется на главное отдѣленіе и нѣсколько подотдѣленій. Въ главномъ отдѣленіи преподаются предметы по всѣмъ спеціальностямъ столярнаго ремесла. Въ подотдѣленіяхъ преподаются отдѣльные курсы, по одному на отдѣленіе: курсъ спеціальнаго черченія, ученіе о соединеніяхъ дерева и его формахъ и пр. Въ главномъ отдѣленіи преподается: черченіе и проектированіе, рисованіе, моделированіе и деревянная скульптура, ученіе о соединеніяхъ дерева, о формахъ и стиляхъ и наконецъ свойства и качества важнѣйшихъ породъ дерева и химическая ихъ обработка.

Интересны школы часовщиковъ, въ особенности такъ называемая, «нѣмецкая» школа часовщиковъ въ Гласгутте въ Саксоніи. Здѣсь практическое преподаваніе соединяется съ теоретическимъ. Проходится, кромѣ физики, исторія часового искусства, черченіе и рисованіе, моделированіе, электротехника и иностранные языки. Изъ 60 недѣльныхъ часовъ занятій 45 посвящаются работѣ въ мастерской и 15 занятіямъ въ классахъ и лабораторіи. Работа въ мастерскихъ производится подъ руководствомъ часовыхъ дѣлъ мастеровъ.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ школы игрушечнаго дѣла, въ особенности возникшія 25 лѣтъ тому назадъ въ Саксоніи, въ центрѣ кустарно-игрушечнаго производства—въ Грюнгейнихѣ и Зейфенѣ. Въ обѣихъ школахъ въ настоящее время 300 учениковъ. Эти школы за время своего существованія выпустили нѣсколько тысячъ учениковъ, оказавшихъ громадное вліяніе на весь строй игрушечнаго производства. Въ настоящее время производство этихъ школъ выдерживаетъ конкуренцію съ лучшими нюрнбергскими фабрикатами. Чтобы приучить дѣтей съ ранняго возраста къ умѣнью обращаться съ формами и рисункомъ, во всѣхъ народныхъ школахъ игрушечнаго округа введено спеціальное черченіе и рисованіе, подготовляющее къ будущей профессиональной работѣ.

Въ Саксоніи существуютъ 9 спеціально-чертежныхъ школъ. Эти школы для насъ особенно интересны, такъ какъ у насъ, несмотря на существующую громадную потребность, такихъ школъ вовсе нѣтъ. Въ этихъ школахъ срокъ ученія продолжается три года. Принимаются подростки 14 лѣтъ, окончившіе курсъ народной школы. Число учебныхъ часовъ колеблется между 2 и 30 часами въ недѣлю. Въ 8 школахъ занятія происходятъ и по воскресеньямъ.

Школы десятниковъ существуютъ въ Германіи еще съ 1823 г., когда первая такая школа была основана въ Мюнхенѣ. Рабочихъ при постройкахъ насчитывается въ Германіи: каменщиковъ до 400.000, а плотниковъ до 200.000. Для этихъ рабочихъ имѣется школъ десятниковъ: въ Пруссіи 12 и въ нихъ учащихся 2.788 человекъ, въ Баваріи 4 съ 1.220 учащимися, въ Саксоніи 5 и въ нихъ учащихся 702. Для поступления въ школы десятниковъ требуется возрастъ не менѣе 16 лѣтъ и по крайней мѣрѣ два полугодія предварительной практической дѣятельности. Занятія происходятъ зимой, продолжаются 4 полугодія и ограничены главнымъ образомъ каменнымъ и плотничнымъ дѣломъ и относящимися сюда предметами преподаванія. Въ числѣ учениковъ находится не мало людей женатыхъ, самостоятельныхъ мастеровъ и подрядчиковъ, которые лѣтомъ содержатъ многочисленныхъ подмастерьевъ.

Разработка программъ преподаванія въ этихъ школахъ составляетъ предметъ особенныхъ заботъ какъ самихъ ремесленныхъ обществъ, такъ и учебнаго персонала школъ. Въ послѣднее время пришли къ заключенію, что достаточно одного періода практики для поступающихъ въ школы и двухъ—для сдающихъ окончательный экзаменъ (раньше отъ такихъ лицъ требовался трехлѣтній періодъ практики). Послѣдняго требованія держится уже теперь школа десятниковъ въ Герлицѣ. Программы школъ близко подходятъ къ нашимъ.

Изъ училищъ для изученія различныхъ отраслей промышленности въ Пруссіи имѣется: горныхъ школъ 11, ткацкихъ 14, учебныхъ ткацкихъ мастерскихъ 8, школъ для обработки металловъ 14, мореходныхъ школъ 14, цеховыхъ школъ 294 (въ томъ числѣ: для парикмахеровъ 67, по живописному пеху 29, для сапожниковъ 24, для кузнецовъ столько-же, для булочниковъ 21, для портныхъ 20, для столяровъ 10 и пр.). Въ Саксоніи 29 училищъ по ткацкому и позументному дѣлу, 6 мореходныхъ школъ, 28 для выработки кружевъ, 4 для соломенныхъ издѣлій, 11 для домоводства, 2 горныхъ и 39 разныхъ другихъ. Кромѣ того, много учебныхъ мастерскихъ, особенно по ткацкому дѣлу.

П. И. Межеричеръ.

(Окончаніе будетъ).

Вольнослушательницы въ Берлинскомъ университетѣ.

Современное женское движеніе въ Германіи, во всей его сложности и при всемъ разнообразіи преслѣдуемыхъ имъ задачъ, развивается и растетъ внѣ вопроса о томъ, какого рода государственный строй долженъ будетъ и съумѣетъ окончательно осуществить программу феминизма и реализовать его конечную цѣль: равноправность съ мужскимъ поломъ. Насколько мы имѣли возможность изучить нѣмецкое женское движеніе, оно проникнуто планомѣрной умѣренностью, послѣдовательностью и дѣловитостью, идетъ-ли рѣчь о реформѣ женскаго платья, о правовыхъ отношеніяхъ супруговъ, объ искорененіи проституціи, о дешевыхъ столовыхъ для народа или же о высшемъ образованіи. Нѣмецкія женщины ограничиваются въ своей общественной дѣятельности на почвѣ феминизма тѣмъ, что мало-по-малу готовятъ строительный матеріалъ для будущаго зданія, въ надеждѣ и увѣренности, что если эти камни, предназначенные для постройки, будутъ прочны, гладко обтесаны и правильно прилажены, то они займутъ свое опредѣленное и постоянное мѣсто въ фундаментѣ современныхъ и будущихъ общественныхъ формъ. И эта медленная и не широкая, но сознательная и настойчивая дѣятельность нѣмецкихъ женщинъ сказывается на каждомъ шагѣ: въ организации особыхъ женскихъ союзовъ, въ устройствѣ женскихъ гимназій, въ созывѣ регулярныхъ конгрессовъ и съѣздовъ, въ популяризаціи идей, освѣщающихъ правовое положеніе нѣмецкой женщины, въ пропагандѣ въ пользу освобожденія женскаго труда, равно какъ и въ завоеваніи права на высшее, т.-наз. «академическое образованіе». Въ особенности въ послѣдней области нѣмецкія передовыя женщины проявили свою недюжинную энергію, съ настойчивостью взялись за практическое осуществленіе выставленной ими скромной на первыхъ порахъ программы и стараясь послѣдовательно и неутомимо оказать извѣстное давленіе на законодательные факторы. И мы видимъ уже налицо результаты этой многолѣтней пропаганды словомъ и дѣломъ: нѣмецкимъ передовымъ

женщинамъ удалось завоевать своей прогрессивной программой симпатіи широкихъ круговъ, привлечь на свою сторону общественное мнѣніе и вліятельныя политическія партіи, а равно склонить и имперское правительство на такую существенную уступку въ области высшаго женскаго образованія, какъ допущеніе женщинъ, получившихъ достаточное предварительное образованіе, къ государственнымъ испытаніямъ на званіе врача, зубного врача и аптекаря, хотя-бы онѣ и прошли установленный университетскій курсъ лишь въ качествѣ вольнослушательницъ. И нѣмецкія женщины оказываются къ немалому, конечно, удивленію тѣхъ, кто продолжаетъ вѣрить въ ихъ индифферентность и сентиментальное прекрасодушіе—уже достаточно подготовленными, чтобы немедленно воспользоваться указанной уступкой и приступить къ практической дѣятельности въ отвоеванной пядь за пядью области. Крупнѣйшую роль сыграло здѣсь и то обстоятельство, что въ то время, когда правительство и политическія фракціи еще отказывались пойти на встрѣчу желаніямъ передовыхъ нѣмецкихъ женщинъ относительно расширенія границъ женскаго интеллигентнаго труда включеніемъ въ нихъ медицинской практики, почти всѣ нѣмецкіе университеты, воспользовавшись своей автономностью, откликнулись на новое движеніе среди нѣмецкихъ женщинъ и допустили ихъ въ свои аудиторіи и лабораторіи на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ и правахъ, давъ такимъ образомъ женщинамъ возможность доказать на дѣлѣ свою готовность и способность къ научнымъ занятіямъ и облегчивъ вмѣстѣ съ тѣмъ правительственнымъ кругамъ и законодательнымъ собраніямъ рѣшеніе сложной задачи, выдвинутой на первую очередь. И въ университетскихъ стѣнахъ не обошлось безъ борьбы, если и не особенно долгой, за-то достаточно упорной. Пусть эта борьба между сочувствующими и не сочувствующими элементами шла очень часто изъ-за деталей, пусть достигнутые результаты и не поражаютъ своей грандіозностью, но, во всякомъ случаѣ, тѣ и другіе имѣютъ въ общемъ крупное значеніе, какъ показатель не только того, чего сумѣла добиться горсточка передовыхъ женщинъ своей энергіей и настойчивостью въ сравнительно весьма короткій срокъ, но и того, подъ вліяніемъ какихъ условій и при наличности какихъ данныхъ проведено было въ жизнь нѣмецкаго народа новое культурное начало *).

Если читатели вспомнятъ, мы уже имѣли случай прослѣдить съ ними на страницахъ «Русской Школы» начало и первые годы упорной борьбы горсточки женщинъ за свое право на высшее образо-

*) Постановленіе союзнаго Совѣта отъ 27-го апр. 1899 г.

ваніе въ стѣнахъ Берлинскаго университета, какъ самаго крупнаго въ Германіи и доступнаго нашимъ непосредственнымъ наблюденіямъ, и довели наше изслѣдованіе до того момента, когда, съ избраніемъ проф. Шмоллера ректоромъ, явилась обоснованная надежда, что отнынѣ положеніе вольнослушательницъ, тогда еще лишенныхъ въ Берлинскомъ университетѣ многихъ существенныхъ правъ, значительно улучшится *). Такъ оно и случилось. Старый буршъ или филистеръ, пройдя по мрачнымъ корридорамъ берлинскаго университетскаго зданія, будетъ отнынѣ свидѣтелемъ необычной для него картины: въ портикѣ, въ аудиторіяхъ, въ секретаріатѣ, въ помѣщеніи кассы и квестуры—всюду и вездѣ дамы. Особенно много ихъ толпится въ помѣщеніи университетскаго правленія (кураторія), ибо по новымъ правиламъ пріема вольнослушательницы обязаны были раньше всего обратиться съ письменнымъ заявленіемъ въ правленіе и указать на ту или другую научную область, которую онѣ, вольнослушательницы, желаютъ главнымъ образомъ изучать. Получивъ увѣдомленіе правленія по почтѣ о состоявшемся пріемѣ, вольнослушательницы должны затѣмъ обращаться съ особой просьбой о выдачѣ имъ ректорскаго разрѣшенія на посѣщеніе лекцій. Разрѣшеніе отъ ректора предписывалось испрашивать каждый семестръ съизнова, а возобновленіе разрѣшенія правленія необходимо только лишь при переходѣ отъ изученія одной научной области къ изученію другой. Но теперь и вся эта довольно сложная процедура значительно сокращена тѣмъ, что вольнослушательницѣ вполне достаточно явиться къ университетскому секретарю и предъявить ему свои бумаги, которыя секретарь тотчасъ-же просматриваетъ. Если онъ находитъ ихъ достаточными, онъ предлагаетъ вольнослушательницѣ вписать въ особую книгу свое имя, званіе, вѣроисповѣданіе, мѣсто жительства, наименованіе наукъ, которыя она желаетъ изучать, и общую цѣль посѣщенія университета, какъ, напр., продолженіе полученнаго образованія, подготовка къ какой-либо профессіи или дѣятельности и т. п. Обыкновенно, черезъ нѣсколько дней разрѣшеніе ректора лежитъ уже на готовѣ въ квестурѣ (кассѣ), но выдается оно вольнослушательницамъ лишь при предъявленіи ими письменныхъ разрѣшеній профессоровъ и доцентовъ на слушаніе ихъ лекцій и курсовъ и при уплатѣ 8 марокъ, если та или другая вольнослушательница слушаетъ лекціи только въ главномъ университетскомъ зданіи, или 13 мар., если ей приходится какъ бывать на лекціяхъ, такъ и работать практически въ лабораторіяхъ и т. под. вспомогательныхъ институтахъ. Все это про-

*) См. «Русскую Школу» №№ 11 и 12 за 1897 г.

дѣлывается вольнослушательницами изъ семестра въ семестръ, причемъ въ послѣдствіи, вмѣсто бумагъ относительно предварительнаго образованія, достаточно предъявлять разрѣшеніе ректора за прошлый семестръ. Нѣмцы принимаютъ со свидѣтельствомъ о выдержаніи экзамена на право народной учительницы; тѣ-же, кто представляетъ полученные ими послѣ испытаній при мужской гимназіи аттестаты зрѣлости, конечно, избавлены отъ необходимости предъявлять какія-либо иныя свидѣтельства. Бывали не разъ случаи приѣма и на основаніи свидѣтельства объ окончаніи курса въ т.-наз. «Höhere Töchterchule», курсъ которой не особенно обширенъ, но нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, д-ръ Конрадъ Штудтъ, недавно сообщилъ циркулярно прусскимъ университетамъ, что онъ эту степень предварительнаго образованія не считаетъ совмѣстной съ высокими уровнемъ университетской науки. Отъ русскихъ вольнослушательницъ требовали раньше свидѣтельства—въ дорогомъ стоющемъ переводѣ присяжнаго переводчика—о прохожденіи курса 8-ми-классной женской гимназіи, причемъ главное вниманіе обращалось на присутствіе въ свидѣтельствѣ словъ о полученіи предъявительницей права на званіе домашней учительницы. При ректорѣ проф. Шмоллерѣ и его преемникѣ, проф. Вальдейерѣ, приняты были нѣкоторыя русскія вольнослушательницы и на основаніи ихъ аттестатовъ о прохожденіи семи классовъ женской гимназіи. Позже, для вольнослушательницъ изъ Россіи созданы были новыя, ограничительныя правила приѣма: обратившись куда-то или къ кому-то за разъясненіемъ, при наличности какихъ условій принимаются слушательницы въ женскій медицинскій институтъ въ Петербургѣ, администрація Берлинскаго университета зачисляетъ съ весны 1900 г. вольнослушательницами только тѣхъ русскихъ, которыя окончили курсъ женской гимназіи съ золотою медалью. Наконецъ, проф. Шмоллеръ ввелъ также приемъ нѣкоторыхъ вольнослушательницъ на основаніи ихъ литературныхъ или художественныхъ заслугъ. «Но это дѣлается лишь въ видѣ исключенія,—сказалъ проф. Шмоллеръ одному журналисту, посѣтившему его въ началѣ его ректората,—иначе въ университетѣ было-бы не двѣсти, а двѣ тысячи вольнослушательницъ».

Такъ или иначе, въ зимнемъ семестрѣ за время ректората проф. Шмоллера число вольнослушательницъ значительно возрасло, и весьма характерно, что одновременно замѣтно опустѣли аудиторіи женскаго лицея имени Викторіи и Гумбольдтовской академіи. Нѣкоторыхъ бывшихъ слушательницъ этихъ институтовъ привлекли въ университетъ прекрасная постановка дѣла и громкія имена свѣтилъ науки; другихъ—новизна обстановки и впечатлѣній. «Практическое

значение образованія женщинъ въ прусскихъ университетахъ пока еще проблематично,—сказалъ проф. Шмоллеръ, упомянутому уже выше журналисту, посѣтившему его;—нужно принять во вниманіе, что женщины еще не имѣютъ права сдавать въ прусскихъ университетахъ государственные экзамены, а министръ Бюссе также не высказываетъ ясно своего отношенія къ высшему образованію женщинъ. Нѣкоторыя слушательницы сдаютъ экзаменъ на степень старшей учительницы и готовы также подвергнуться испытаніямъ болѣе строгимъ ради полученія правъ, присвоенныхъ старшему учителю. Другія сдаютъ экзамены при иностранныхъ университетахъ. Третьи довольствуются тѣмъ, что, такъ сказать, лакомятся науками. Во всякомъ случаѣ, дѣло это обстоитъ въ Берлинѣ весьма серьезно: берлинскіе студенты въ общемъ прилежны и ихъ прилежаніе передается вольнослушательницамъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ облагаютъ (т.-е. оплачиваютъ) даже 6 лекцій по 4 часа въ недѣлю»...

Выдавъ подобную лестную аттестацію вольнослушательницамъ, проф. Шмоллеръ не замедлилъ сдѣлать для нихъ рядъ облегченій, иныя изъ которыхъ имѣли большее или меньшее практическое значеніе, другія-же были, такъ сказать, моральнаго характера. Отмѣтимъ раньше всего, что проф. Шмоллеръ сталъ на совершенно иную точку зрѣнія, нежели его предшественникъ на посту ректора проф. Бруннеръ, относительно чтенія дамами рефератовъ въ студенческихъ собраніяхъ и разрѣшилъ академическому «соціально-научному» фрейну пригласить г-жъ Кемпинъ и Елену Симонъ въ качествѣ референтокъ. Чтеніе реферата г-жей Кемпинъ, получившей внѣ границъ Германіи высшее юридическое образованіе, не состоялось, какъ объявлено было, вслѣдствіе внезапной болѣзни референтки. Сначала въ студенческихъ кругахъ не вѣрили въ правдоподобность этой болѣзни и полагали, будто проф. Шмоллеръ, формально разрѣшивъ чтеніе реферата г-жѣ Кемпинъ, отсовѣтовалъ ей, какъ своему личному другу, выступить на студенческомъ собраніи. Но газеты вскорѣ принесли извѣстіе, что г-жа Кемпинъ, дѣйствительно, заболѣла психическимъ расстройствомъ, сведшимъ эту даровитую женщину въ преждевременную могилу. А проф. Шмоллеръ не постѣснялся воспретить, сочтя это нужнымъ, чтеніе г-жей Биберъ Бемъ въ томъ-же «соціально-научномъ» фрейнѣ реферата по вопросу о нравственности, сдѣлавъ это однако, въ противорѣчіе со своимъ предшественникомъ, въ такой формѣ, что правленіе названнаго фрейна не могло счесть себя обиженнымъ. Другая моральная побѣда пионерокъ такъ называемаго академическаго женскаго движенія состояла въ томъ, что на засѣданіяхъ директоріума читальни снова подымался студентами прогрессивнаго лагея вопросъ о до-

пущеніи вольнослушательницъ въ академическую читальню, пока, наконецъ, такъ упорно противившаяся партія пошла на компромиссъ, нашедшій себѣ санкцію и со стороны ректора проф. Шмоллера: вольнослушательницы допущены были въ читальню въ качествѣ «гостей», безъ права голоса на выборахъ и съ повышеннымъ семестровымъ взносомъ *). Вносимыя позже предложенія о признаніи слушательницъ равноправными членами были директоріумомъ читальни отклонены, хотя онъ по собственному почину выхлопоталъ обычныя уступки, дѣлаемыя берлинскими театрами студентамъ, также и для вольнослушательницъ. Не согласилась на это лишь интендантура королевскихъ театровъ.

Что касается дальнѣйшихъ мѣропріятій проф. Шмоллера, то онъ не ставилъ уже никакихъ препятствій вольнослушательницамъ при выборѣ ими той или иной научной области для изученія. О систематическомъ изученіи медицины все еще не могло быть рѣчи, такъ какъ проф. Вальдейеръ, читающій курсъ анатоміи, продолжалъ рѣшительно отказываться отъ допущенія женщинъ въ свою аудиторию и препаровочную, но знаменитый патологъ проф. Вирховъ не послѣдовалъ примѣру своего коллеги и сталъ разрѣшать женщинамъ слушать его лекціи. Появились тогда вольнослушательницы, получившія уже въ другихъ университетахъ должную подготовку, въ университетской женской клиникѣ и въ клиникѣ проф. Сенатора по внутреннимъ болѣзнямъ. Въ большинствѣ же случаевъ вольнослушательницы изучали камеральныя, философскія и естественныя науки. Большинство изъ числа тѣхъ, кто только лишь «лако-

*) Лицъ, полагавшихъ, что проф. Шмоллеръ безусловный сторонникъ академическаго женскаго движенія, почтенный ученый въ значительной степени разочаровалъ своею рѣчью, произнесенной имъ въ Берлинскомъ лицейѣ имени Викторіи въ началѣ новаго семестра. Разъяснивъ собравшимся слушательницамъ названнаго лица, что до патриархальной семьи, гдѣ главной являлся отецъ, существовалъ такъ называемый «матріархатъ», встрѣчающійся еще и теперь у нѣкоторыхъ народовъ, стоящихъ на низшей степени цивилизаціи, проф. Шмоллеръ предостерегалъ отъ увлеченія взглядами тѣхъ публицистовъ, которые видятъ въ учрежденіи столь отдаленнаго прошлаго возможный идеалъ будущаго. Какъ всѣ современныя моральныя и правовыя понятія являются исключительно предуктомъ историческаго развитія, такъ и семейный бытъ будущаго не можетъ никомъ образомъ зависѣть отъ случайныхъ симпатій. Какъ поэтому безпочвенны мечтанія нѣкоторыхъ радикальствующихъ сторонниковъ женской эмансипаціи о возможности возстановить одну изъ тѣхъ формъ жизни, которыя существовали въ до-патріархальныя времена! Наоборотъ, высшее развитіе, вѣдь, было и остается въ дифференцированіи, а потому, чѣмъ больше увеличивается неравенство обоихъ половъ, тѣмъ болѣе высокой культуры является оно показателемъ. Поэтому на неравенство женщины слѣдуетъ смотрѣть, какъ на неизбежное слѣдствіе цивилизаціи человѣчества...

мился» науками, посѣщали лекціи проф. Фридендера—по исторіи античнаго искусства и проф. Эриха Шмидта—по исторіи нѣмецкой литературы, хотя послѣдній изъ названныхъ профессоровъ принималъ и принимаетъ вольнослушательницъ грубовато и съ явно выраженной неохотой. Такъ, проф. Эрихъ Шмидтъ не даетъ слушательницамъ разрѣшенія на посѣщеніе его лекцій, пока онѣ не предъявятъ ему ректорскаго разрѣшенія, а мы видѣли выше, что послѣднее выдается лишь по предъявленію профессорскихъ разрѣшеній; онъ-же является чуть-ли не единственнымъ лекторомъ, предупреждающимъ съ высоты каведры о своемъ правѣ контроля, въ своей-же семинаріи онъ заявляетъ въ началѣ каждаго семестра вольнослушательницамъ, что онѣ могутъ работать у него, поскольку студенты оставляютъ свободныхъ мѣстъ. Гораздо консеквентнѣе поступилъ недавно скончавшійся проф. Вайнгольдъ (германистъ), долго противившійся приему вольнослушательницъ, но наконецъ при ректорѣ проф. Шмоллерѣ сдавшійся и принимавшій ихъ съ тѣхъ поръ безусловно, или-же престарѣлый, также скончавшійся уже проф. Гриммъ, объявившій лѣтомъ 1898 г. курсъ по «Исторіи искусства и культуры въ XIX-мъ столѣтіи» и приписавшій на выставленной въ портикѣ своей запискѣ: «Zuhörerginnen haben keinen Zutritt», какъ это онъ сдѣлалъ уже семестромъ раньше. Снова на профессора посыпались нападки, и не только со стороны юмористической прессы. Одна вліятельная газета писала: «Хотя и нельзя понять, почему этотъ курсъ неудобенъ для женщинъ, но это заявленіе заслуживаетъ благодарности, такъ какъ оно предупреждаетъ бесполезную бѣготню и, пожалуй, непріятности». Проф. Шмоллеръ объяснялъ подобные отказы «отсутствіемъ мѣста», но проф. Гриммъ далъ своему поступку другое объясненіе. «Причина заявленія—личнаго характера,—писалъ онъ упомянутой газетѣ,—за двадцатипятилѣтіе моей профессорской дѣятельности у меня выработалась особая система чтенія лекцій. Когда въ аудиторіи появились и дамы, меня стѣсняло ихъ присутствіе. Часто я бывалъ вынужденъ выразить то, что я хотѣлъ сказать, какъ либо иначе и не могъ, какъ прежде, говорить свободно и безъ стѣсненія. Если-бы я былъ моложе, я подчинился-бы измѣнившимся обстоятельствамъ, но въ моемъ преклонномъ возрастѣ подобная перемѣна доставила-бы мнѣ много хлопотъ. Такъ какъ долгъ службы не обязываетъ меня читать передъ слушательницами, то я не хотѣлъ-бы принуждать себя—а безъ этого обойтись не можетъ—въ теченіе тѣхъ 2 или 3-хъ семестровъ, что мнѣ осталось еще вообще читать. Тотъ-же фактъ, что я вообще охотно помогаю учащимся дѣвушкамъ, извѣстенъ всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, которыя обращались ко мнѣ по вопро-

самъ серьезныхъ научныхъ работъ». Въ этомъ объясненіи сказались довольно ярко весь педантизмъ и отсталость того, нынѣ уже отживающаго типа нѣмецкаго профессора, замыкающагося отъ внѣшняго міра и пугающагося всяческихъ новшествъ, представителемъ котораго былъ покойный проф. Гриммъ. Если онъ изъ года въ годъ читалъ свой курсъ чуть-ли не въ заученныхъ выраженіяхъ и не хотѣлъ принуждать себя поработать, ссылаясь на свой преклонный возрастъ, это было его личное дѣло, но неужели-же онъ такъ-таки не понималъ, что ни одна вольнослушательница, являясь къ нему въ аудиторію, не могла быть въ претензіи, если профессоръ и въ ея присутствіи читалъ свои лекціи въ той-же формѣ, что и студентамъ, — въ научныхъ предѣлахъ, конечно? Впрочемъ, годомъ позже въ Берлинскомъ университетѣ былъ случай, когда и студенты проявили точно такое-же непониманіе того, что слушательницы, приходя на научную лекцію, готовы не обратить вниманія на нѣкоторые термины и внѣшнія формы (въ салонѣ, пожалуй, и не допустимы), такъ какъ въ сидящихъ рядомъ съ ними студентахъ онѣ-же видятъ исключительно товарищей, пришедшихъ въ аудиторію съ исключительной цѣлью учиться. Проф. Берендъ объявилъ какъ-то курсъ «О проституціи въ этическомъ, правовомъ и гигиеническомъ отношеніи». На первую лекцію пришла и одна слушательница пожилыхъ лѣтъ, работавшая уже въ теченіе нѣсколькихъ семестровъ въ университетскихъ семинаріяхъ. Не успѣла она войти въ переполненную студентами аудиторію, какъ раздалось шарканье ногами, сначала тихое, затѣмъ все болѣе и болѣе шумное, превратившееся, наконецъ въ маленькую бурю, когда слушательница, гордо поднявъ голову и саркастически улыбаясь, заняла свободное мѣсто на послѣдней скамьѣ. Студенты шикали, шаркали, топали ногами, хохотали, обернувшись лицомъ къ вольнослушательницѣ, но заставить ее выйти изъ аудиторіи имъ такъ и не удалось. Любопытно, что на ряду съ подобными слушательницами, руководящимися исключительно интересомъ къ наукѣ, появились въ аудиторіяхъ и нѣкоторыя представительницы *demi-monde'a*, которыхъ, однако проф. Шмоллеръ немедленно удалилъ изъ университетскихъ стѣнъ строгими мѣрами, какъ равно и нѣкоторыхъ незрѣлыхъ дѣвочекъ, появленіе которыхъ вызвало протестъ студентовъ, отказывавшихся сидѣть рядомъ съ дѣвочками, которымъ мѣсто еще на школьной скамьѣ... И если мы въ заключеніе еще упомянемъ, что студенты печатно въ своихъ органахъ, а то и непосредственно путемъ шарканія ногъ протестовали противъ того, что нѣкоторыя слушательницы являются въ аудиторіи въ шляпкахъ и мѣшаютъ такимъ образомъ сидящимъ сзади видѣть лектора, — и что на одномъ изъ вы-

вѣшиваемыхъ въ портикѣ приглашеній соціально-научнаго фѣрейна вольнослушательницъ принять участіе въ собраніяхъ и экскурсіяхъ фѣрейна секретарь ректора зачеркнулъ слово «Studentinnen» и замѣнилъ его словомъ «Hospitantinnen», то нашъ запасъ мелкихъ недоразумѣній будетъ вполнѣ исчерпанъ.

Ко времени первой половины ректората проф. Шмоллера относится и созданіе вольнослушательницами, обосновавшимися уже довольно прочно въ университетѣ, собственной организаціи, получившей наименованіе: «Verein studierenden Frauen». Инициаторшами этого фѣрейна были dr. jur. Анита Аугсбургъ, Марія Рапке, I. фонъ-Цигани, д-ръ А. Пибзеръ и г-жа Штеккеръ. На первое собраніе, состоявшееся въ концѣ ноября 1887 г., приглашены были исключительно вольнослушательницы. Выработаны были, послѣ того какъ мысль объ организаціи принята была чуть-ли не восторженно, основные статуты, по которымъ цѣль фѣрейна заключалась въ слѣдующемъ: а) борьба за интересы слушательницъ и укрѣпленіе чувства солидарности; б) расширеніе умственнаго кругозора путемъ организаціи чтенія рефератовъ и дискуссіи на научныя темы и по современнымъ вопросамъ; в) помощь и дача свѣдѣній учащимся женщинамъ; г) коллегіальное товарищество и е) учрежденіе фонда для выдачи стипендій активнымъ членамъ фѣрейна. Рѣшено было, чтобы члены фѣрейна дѣлились на активныхъ—учащихся въ Берлинскомъ университетѣ и пассивныхъ—бывшихъ вольнослушательницъ и учащихся въ иныхъ городахъ. Записалось на первомъ собраніи до 60 человекъ активными и пассивными членами, и записалось-бы гораздо больше, если-бы не назначенъ былъ высокій семестровый взносъ, непосильный для русскихъ вольнослушательницъ, съ ихъ скромнымъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ бюджетомъ. Членами правленія избраны были представительницы различныхъ національностей: три нѣмки, одна венгерка и одна шведка (д-ръ Линденбергъ). Второе собраніе, слѣдовавшее непосредственно за первымъ, посвящено было вопросу о внутренней организаціи. Рѣшено было устраивать два раза въ мѣсяцъ, въ среду на второй и четвертой недѣлѣ, очередныя собранія, для чтенія рефератовъ пригласить профессоровъ университета и разрѣшить каждому члену фѣрейна вводить двухъ гостей. Третье собраніе членовъ фѣрейна состоялось въ началѣ января. Это былъ маленькій рождественскій праздникъ post festum: зажгли елку, пѣли пѣсни, произносили тосты и даже «терли саламандру», что дало поводъ нѣкоторымъ газетамъ, сначала, вообще, внимательно слѣдившимъ за дѣятельностью фѣрейна, какъ явленія совершенно новаго, иронически предсказывать введеніе въ фѣрейнѣ мензуръ и дуэлей. Одна газета писала: «непринуж-

денному веселью способствовали составъ правленія и старыя дамы», остроумно пародируя наименованіе бывшихъ членовъ студенческихъ фереиновъ «старыми господами» (alte Herren), какъ и вообще основаніе фереина вызвало не мало шутокъ и филистерскаго злословія. На первое очередное собраніе женскій фереинъ пригласилъ уже и студентовъ, членовъ литературнаго и соціально-научнаго фереиновъ, съ каковыми женскій фереинъ заключилъ дружественный картелль. На собраніи было около 70 слушательницъ и человѣкъ 30 студентовъ. Рефератъ былъ прочтенъ проф. Цунцемъ, который говорилъ о способности женщинъ къ научнымъ занятіямъ и признавалъ за ними такую съ точки зрѣнія физиолога. Опасается онъ лишь того, что въ первое время слишкомъ большая пылкость, которую проявляютъ теперь учащіяся женщины, повлечетъ за собой переутомленіе. Женскій фереинъ долженъ поэтому заботиться, чтобы на ряду съ духовнымъ развитіемъ шло и физическое... Въ слѣдовавшей за рефератомъ дискусіи принимали участіе только лишь присутствовавшія слушательницы. Вечеръ закончился довольно *gemüthlich*: пѣли, играли и говорили шутливыя рѣчи. На слѣдующемъ собраніи читалъ проф. Якоби: «*Ueber den gesetzlichen Güterstand nach dem Bürgerlichen Gesetzbuch*». Въ дискусіи опять-таки принимали участіе лишь вольнослушательницы. Марія Рашке выказала большія познанія въ юридическихъ наукахъ и удачно оппонировала профессору, доказывавшему, что по новому гражданскому уложенію женщинѣ дана большая свобода и болѣе широкія, нежели прежде, права. Студентовъ— гостей было очень мало; «*gemüthlicher Theil*» не состоялся. А затѣмъ фереинъ постигла обычная участь: общественное мнѣніе и пресса перестали имъ интересоваться. Слушательницы собирались время отъ времени въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, читались рефераты и имѣли мѣсто дебаты, нѣкоторыя слушательницы приняли участіе въ юбилейномъ спектаклѣ литературнаго фереина, да еще отправлена была Золя привѣтственная телеграмма— вотъ все, что было слышно о дѣятельности женскаго фереина. Значительно оживила его и пробудила къ новой жизни новая председательница фереина, энергичная русская дѣвушка Липшицъ, неутомимо работавшая на пользу фереина и сумѣвшая снова обратить на него вниманіе общественнаго мнѣнія. Помогъ этому косвенно и новый ректоръ проф. Вальдейеръ, воспретившій обычный «аншлагъ» женскаго фереина въ университетскомъ портикѣ относительно предстоящаго въ фереинѣ чтенія приватъ-доцентомъ (нынѣ профессоромъ) Георгомъ Зиммелемъ реферата: «Психологическія основы пессимизма». На чтеніе собралось тогда нѣсколько сотъ студентовъ и слушательницъ. Но подобное оживленіе не понравилось нѣкоторымъ дѣя-

тельницамъ ферейна, которыя и сѣзумѣли настоять на томъ, чтобы ферейнъ носилъ исключительно академическій характеръ и не выступалъ публично. Энергичная предсѣдательница ферейна должна была уступить свое мѣсто другой кандидаткѣ, присоединеніе къ крупному женскому ферейну «Frauenbildung» было отклонено, число членовъ ферейна быстро понизилось, на рѣдко устраиваемыя чтенія рефератовъ собиралось уже мало публики, и о справочномъ бюро при ферейнѣ мало кому было извѣстно. Такъ, этому ферейну и грозило полное забвеніе, если бы въ самое послѣднее время вновь появившіяся элементы не оживили снова его, призвавъ какъ-бы къ новой жизни даже.

Между тѣмъ, во вторую половину ректората проф. Шмоллера какъ и всегда въ лѣтнемъ семестрѣ, число вольнослушательницъ понизилось до 123, изъ коихъ 88 были нѣмки, 4—уроженки Австріи, 15—русскія дѣвушки, 12—американки и по одной—венгерка, шведка, англичанка и уроженка Норвегіи. Значительная часть слушательницъ изучала, готовясь къ учительской дѣятельности, философію и филологію, или-же исторію, философію и новые языки; шестеро изучали полит. экономію, 11—естественныя науки, 8—госуд. науки, трое—теологию и 4—медицину. Въ этомъ-же семестрѣ одна изъ слушательницъ, Эльза Нейманнъ, дочь берлинскаго рантье, обратилась къ философскому факультету съ формальной просьбой о допущеніи ея къ испытаніямъ на степень доктора философіи, представивъ факультету какъ доказательство того, что она въ теченіе восьми семестровъ изучала въ Геттингенскомъ и Берлинскомъ университетахъ физику и отчасти естественныя науки, такъ и свою диссертацию. Факультетъ не выразилъ тогда принципиально противъ допущенія женщины къ докторскому экзамену никакихъ возраженій, но рѣшеніе вопроса затруднено было тѣмъ, что г-жа Нейманнъ, получивъ хорошее среднее образованіе, не сдавала экзамена на аттестатъ зрѣлости. Диссертациія взята была на просмотръ факультетомъ съ тѣмъ, что если онъ найдетъ ее соотвѣтствующей требованіямъ, онъ испроситъ у министра разрѣшеніе на устное испытаніе кандидатки. Очевидно, такъ это и случилось, если г-жа Нейманнъ не только была допущена къ испытаніямъ, но и сдала ихъ «cum laude». Экзаменаторами были профессоры: Дильтей (философія), Фуксъ (математика), Варбургъ и Планкъ (физика). Черезъ нѣкоторое время состоялась и защита г-жей Нейманнъ ея диссертации. Большой залъ университета рѣдко бываетъ такъ полонъ, какъ въ тотъ день: не только всѣ мѣста до послѣдняго заняты были профессорами, студентами и вольнослушательницами, пожелавшими быть свидѣтелями столь крупнаго въ исторіи Берлинскаго университета событія, какъ первое

прокламированіе женщины докторомъ философіи, но очень многимъ пришлось толпиться въ проходахъ, обливаясь потомъ и то и дѣло наступая другъ другу на ноги. «Коммюлишоны» утѣшали себя сначала шутками и «вицами» на счетъ женскаго вопроса, вообще, и имѣющаго быть событія въ частности, но затѣмъ стали выражать свое нетерпѣніе, когда академическая четверть часа миновала, а церемонія промовированія еще не началась. Наконецъ, изъ сосѣдней совѣщательной комнаты появились: деканъ философскаго факультета, кандидатка вмѣстѣ съ одной подругой своей, которая является сегодня ея оппоненткой, обѣ блѣдныя и обѣ въ скромныхъ черныхъ платьяхъ, и два другихъ оппонента изъ числа студентовъ, явившіеся по сложившейся традиціи во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Съ трудомъ пролагаетъ себѣ этотъ маленькій дугъ дорогу сквозь ряды слушателей къ низшей изъ двухъ кафедръ, на которую нѣсколько неуверенными шагами взошла кандидатка и тотчасъ начала сухую и, повидимому, хорошо заученную защиту своихъ тезисовъ. Всѣ они носили специальный характеръ, и только одинъ изъ нихъ: о томъ, что въ женскихъ школахъ должно обращать значительно больше вниманія на преподаваніе логики, заинтересовала всѣхъ до единого слушателей. «Въ школахъ, обыкновенно, дѣвушкамъ навязываютъ математическія формулы, не давъ себѣ труда доказать ихъ, какъ вполне доказанныя, и это обстоятельство чутьли не побуждаетъ женщинъ часто и въ жизни не видѣть логической разницы между утвержденіемъ и доказательствомъ такового», говорила, между прочимъ, кандидатка, и эти слова ея встрѣчены были слушателями бурнымъ одобрительнымъ топотомъ ногъ. Наконецъ, дискуссія окончена. Деканъ всходитъ на болѣе высокую кафедру и произноситъ небольшую рѣчь, торжественно обращаясь къ слушателямъ со словами «Geehrte Festversammlung!» Онъ говоритъ, что далекъ отъ мысли разбирать здѣсь женскій вопросъ по существу. Онъ хочетъ лишь высказать, что всѣ тѣ, кто желаетъ женскому полу добра, должны стремиться воспитывать дѣвушекъ къ ихъ будущему призванію жены и матери, причемъ, по его убѣжденію, положеніе таковой отнюдь не исключаетъ и занятія науками. Послѣ рѣчи декана слѣдовали обычная присяга кандидатки на латинскомъ языкѣ и передача ей деканомъ диплома на званіе доктора философіи. Когда вслѣдъ затѣмъ dr. phil. Эльза Нейманнъ появилась на болѣе высокой кафедрѣ, она встрѣчена была долго несмолкавшими аплодисментами и топотомъ ногъ. Виновница торжества поблагодарила въ нѣсколькихъ словахъ министра, разрѣшившаго ей промовировать, философскій факультетъ, оказавшій ей поддержку, и почтившихъ ее многочисленныхъ слушателей, послѣ чего шаблон-

ная въ своихъ внѣшнихъ формахъ, но на этотъ разъ все-же столь необычная церемонія закончилась *).

Въ началѣ того зимняго семестра, когда «промовировала» эта первая въ Берлинскомъ университетѣ кандидатка, проф. Вальдейеръ, избранный, какъ я уже упомянулъ, ректоромъ на 1898—1899 академическій годъ, въ традиціонной вступительной рѣчи изложилъ обстоятельно свой взглядъ на высшее женское образованіе. Обыкновенно, новый ректоръ беретъ темой своей рѣчи какой-либо животрепещущій вопросъ по своей специальности. Проф. Вальдейеръ-же воспользовался недавней смертью Бисмарка какъ внѣшнимъ поводомъ, чтобы выяснить, насколько германскіе университеты оказались затронутыми тѣми преобразованіями въ государственномъ строѣ которыя были созданы и проведены нынѣ покойнымъ уже «могучимъ кузнецомъ». «Съ различныхъ сторонъ,—говорилъ на торжествѣ передачи ему ректората ораторъ,—стали предъявлять къ университетамъ совершенно новыя требованія, такъ что даже традиціонный базисъ университетовъ кажется порой не совсѣмъ устойчивымъ подъ напоромъ волнъ политической и общественно-экономической борьбы. Поэтому долгъ университетовъ въ видахъ самосохраненія отстаивать съ одной стороны, что есть въ традиціонныхъ институтахъ плодотворнаго, но съ другой стороны и идти навстрѣчу назрѣвшимъ требованіямъ времени». Ораторъ разбираетъ три подобныхъ требованій: о сліяніи университетовъ съ высшими политехническими школами, требованіе широкихъ массъ о доступности для нихъ университетскихъ знаній и требованіе женщинъ о равноправности ихъ со студентами предъ лицомъ академической науки. Мы остановимся здѣсь, конечно, только на разборѣ профессоромъ третьяго пункта. Раньше, говорилъ знаменитый анатомъ, онъ былъ противникомъ высшаго женскаго образованія, и именно ради блага самихъ женщинъ, будучи убѣжденнымъ, что естественнымъ призваніемъ женщины является исполненіе обязанностей жены и матери. Но жизненный опытъ показалъ ему, что современное женское движеніе не есть ничто искусственно созданное и поддерживаемое. Нѣтъ, женское движеніе — естественное слѣдствіе измѣненій въ условіяхъ общественной и экономической жизни: женщина вынуждена искать себѣ новыхъ для нея областей труда и заработка, а потому ораторъ, далекій отъ опасенія конкуренціи, находитъ справедливымъ, чтобы женщина, имѣющая возможность жить умственнымъ трудомъ, допущена была къ слушанію университетскихъ лекцій, что является, вѣдь, необходимой подготовкой. Весь вопросъ

*) Годъ спустя имѣлъ мѣсто второй случай защиты женщиной диссертациі но онъ уже не составилъ столь выдающагося событія въ университетской жизни.

для оратора въ томъ, въ какихъ границахъ и какимъ путемъ женщины могутъ быть допущены къ высшему образованію. Нынешняя постановка дѣла высшаго женскаго образованія является лишь временнымъ, и онъ, ораторъ, не можетъ не одобрить того, что никто еще не помышляетъ о принужденіи лекторовъ обязательно допускать въ свои аудиторіи слушательницъ. Въ особенности это благоразумно по отношенію къ лекторамъ медицинскихъ наукъ, ибо не всякій изъ нихъ рѣшится говорить объ извѣстныхъ областяхъ медицинской науки предъ аудиторіей изъ мужчинъ и женщинъ. Проф. Вальдейеръ считаетъ поэтому цѣлесообразнымъ устройство спеціально для слушательницъ медицинскихъ наукъ особыхъ преподавательскихъ, какъ и вообще онъ видитъ правильный исходъ изъ нынѣшней постановки дѣла въ созданіи особыхъ университетовъ для женщинъ. И въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ проф. Вальдейеръ не вполне одобряетъ обученіе дѣвушекъ вмѣстѣ съ молодыми людьми, ибо онъ хотѣлъ-бы, чтобы психическое развитіе тѣхъ и другихъ шло отдѣльнымъ, самостоятельнымъ путемъ, чтобы сохранилось и впредь различіе въ чертахъ характера и душевныхъ качествахъ мужчины и женщины. Надо также обратить вниманіе, на то, что умственной дѣятельности того и другого пола свойственны особые недостатки и способности, что нельзя отрицать различія между ними въ усваиваніи и мышленіи. Проф. Вальдейеръ отнюдь не считаетъ женщинъ неспособными къ научнымъ занятіямъ, но женщина занимается совершенно иначе нежели мужчина. Бываютъ, конечно, и исключенія, оговаривается ораторъ: но въ общемъ женщины схватываютъ ту или иную мысль и быстрѣе, и легче, нежели мужчины; память ихъ въ большинствѣ случаевъ прекрасна, а воображеніе сильнѣе. Детали и частности женщина замѣчаетъ и запоминаетъ очень легко, въ то время какъ мужчина всегда охватываетъ своимъ умственнымъ взоромъ цѣлое, отвлекаясь отъ частныхъ деталей, какъ равно мужчина свойственна болѣе строгая обдуманность. Пока количество слушательницъ не велико, способъ ихъ мышленія на ходѣ занятій отразиться не можетъ. Когда-же въ аудиторіи будетъ поровну мужчинъ и женщинъ или, пожалуй, даже больше женщинъ, нежели мужчинъ, лектору придется считаться съ подобнымъ составомъ аудиторіи и приспособляться къ умственнымъ способностямъ женщинъ. Пусть человечеству нужны и этого рода способности, но наука отъ подобнаго приспособленія лекторовъ, конечно, только лишь пострадаетъ, въ томъ смыслѣ, что глубина ея разработки уменьшится. Поэтому, проф. Вальдейеръ считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ раздѣленіе университетовъ на мужскіе и женскіе, въ каковыхъ особыя способности умственной

дѣятельности мужчинъ и женщинъ получать правильное и систематическое развитіе...

Такова суть той части рѣчи проф. Вальдейера, въ которой онъ коснулся вопроса о высшемъ женскомъ образованіи и въ которой онъ, какъ мы видѣли, въ сущности высказалъ учащимся женщинамъ, къ немалому удивленію въ университетскихъ кругахъ, полную свою симпатію. Но каково-же было снова общее удивленіе, когда онъ-же чрезъ самое короткое время воспретилъ чтеніе г-жей Мелленъ въ соціально-научномъ фереинѣ реферата на тему «объ уходѣ за арестантами», обосновавъ свой поступокъ тѣмъ, что въ студенческомъ фереинѣ отнюдь не должна реферировать женщина. Замѣтимъ кстати, что, высказавшись въ цитированной рѣчи въ качествѣ представителя прогрессистскихъ взглядовъ по отношенію къ злободневнымъ университетскимъ вопросамъ, проф. Вальдейеръ рѣшилъ тѣмъ не менѣе сократить программу дѣятельности «соціально-научнаго ферейна», на собраніяхъ котораго выступали референтами лучшіе нѣмецкіе профессора и выдающіеся общественные дѣятели различныхъ партій; такъ, онъ воспретилъ, напр., намѣченный фереинномъ рефератъ журналиста Фолльрата, редактора демократической «*Volkszeitung*». Вскорѣ-же послѣ состоявшихся воспрещеній названный фереинъ праздновалъ четвертую годовщину своего существованія. Устроенъ былъ «коммершъ», на который, какъ всегда, приглашены были профессора и доценты. Пришелъ ректоръ, встрѣченный бурнымъ топотомъ ногъ, пришли многіе профессора, какъ равно явились депутаціи отъ различныхъ студенческихъ корпорацій либеральнаго оттѣнка. Послѣ торжественной рѣчи привать-доцента Ястрова на тему о соціальныхъ наукахъ и изученіи ихъ, студентъ, предсѣдатель ферейна, привѣтствовалъ гостей, изложилъ вкратцѣ программу дѣятельности ферейна и не могъ не намекнуть на конфликтъ съ новымъ ректоромъ. Проф. Вальдейеръ, какъ ректоръ, первый отвѣчалъ на привѣтствіе и сказалъ, между прочимъ, слѣдующее. Прежде студенчество замыкалось въ своемъ кругу, касалось-ли дѣло обсужденія научныхъ вопросовъ или культа традиціонныхъ студенческихъ обычаевъ. Теперь это обстоитъ не такъ: студенчество ищетъ сближенія съ кругами, стоящими внѣ университета. Необходимо также признать, что прежній основной принципъ, по которому годы, проведенные въ университетѣ, посвящались исключительно занятіямъ по избранной специальности, уже нарушенъ и кругъ интересовъ студенчества расширился. Вотъ почему академическіе фереины ищутъ званій не только у университетскихъ лекторовъ, какъ это имѣло мѣсто прежде, но и у постороннихъ дѣятелей, къ кото-

рымъ фереины обращаются съ просьбой реферировать на ихъ собраніяхъ. Но при всѣхъ своихъ новыхъ стремленіяхъ студенты должны всегда помнить о сохраненіи естественной связи съ университетомъ, который предоставляетъ имъ достаточно свободы во всѣхъ отношеніяхъ. Его, ректора, принципъ таковъ: университетъ для студентовъ, студенты для университета. Поэтому когда «соціально-научный» фереинъ выходитъ за допустимыя границы и желаетъ играть нѣкоторую роль внѣ университета, онъ, ректоръ, считаетъ своимъ долгомъ напомнить фереину объ его академическомъ характерѣ. Что касается высшаго женскаго образованія, то проф. Вальдейеръ повторяетъ: онъ сторонникъ такового, онъ готовъ признать допущеніе слушательницъ на всѣ факультеты, но только въ особыхъ университетахъ. Пока подобныхъ женскихъ университетовъ нѣтъ, мы принимаемъ временно слушательницъ въ наши университеты, но если мы станемъ давать имъ постепенно всѣ права, мы этимъ самымъ отдаляемъ время основанія особыхъ университетовъ для женщинъ. Вотъ чѣмъ руководствовался и онъ, ректоръ, воспрещая чтеніе реферата въ соціально-научномъ фереинѣ представительницъ женскаго пола...

«— Да проститъ мнѣ нашъ уважаемый ректоръ,—говорилъ въ тотъ-же вечеръ, отвѣчая въ свою очередь на привѣтствіе председателя, проф. Адольфъ Вагнеръ, всегда охотно бравшій на себя, когда въ томъ являлась необходимость, роль протектора и ангела-хранителя «соціально-научнаго» фереина,—если я не соглашусь съ его мнѣніемъ относительно высшаго женскаго образованія. Развѣ-же практика не показала намъ, что женщины могутъ вполне свободно учиться наряду и совмѣстно съ мужчинами?..»

Мы видѣли выше, что, въ своей вступительной рѣчи проф. Вальдейеръ сослался на свой жизненный опытъ, научившій его относиться съ большою симпатіей къ современному женскому движенію. Очевидно, тотъ-же жизненный опытъ почтеннаго ученаго заставилъ его спустя какихъ-нибудь полгода измѣнить принципамъ своимъ, обоснованнымъ на студенческомъ коммершѣ, и разрѣшить соціально-научному фереину приглашеніе, въ качествѣ референтовъ, М. Шиппеля, депутата отъ рабочихъ въ рейхстагѣ, и упомянутой уже выше г-жи Меллиентъ. Разказывали, что когда кто-то изъ коллегъ спросилъ проф. Вальдейера, какъ это онъ разрѣшилъ чтеніе реферата Шиппелемъ, ректоръ, консерваторъ по убѣжденіямъ, будто-бы воскликнулъ: «Не могу-же я знать всѣхъ соціалъ-демократовъ по именамъ!» Но ректоръ дѣйствовалъ, несомнѣнно, болѣе сознательно, разрѣшая сначала воспрещенный имъ докладъ дамы. Фереинъ по-

этому считалъ полученное имъ, наконецъ, разрѣшеніе одержанной побѣдой, и чтеніе г-жей Меллиенъ ея доклада, самого по себѣ для насъ въ данномъ случаѣ не интереснаго, состоялось при нѣсколько торжественной обстановкѣ и приподнятомъ настроеніи собравшихся студентовъ и слушательницъ.

Побѣда была, однако, далеко неокончательная, ибо къ началу слѣдующаго академическаго года разыгралась въ университетѣ точь-въ-точь такая-же исторія. Ректоромъ избранъ былъ проф. Лацарусъ Фуксъ, широкимъ кругамъ какъ ученый или общественный дѣятель совершенно незнакомый, но пользующійся, какъ выдающійся математикъ, крупнымъ именемъ въ кругу специалистовъ и членъ чуть-ли не всѣхъ европейскихъ академій наукъ. Многіе полагали, что проф. Фуксъ, какъ человѣкъ, погруженный исключительно въ свою абстрактную науку и избѣгающій политической или общественной дѣятельности, не пожелаетъ или не сумѣетъ считаться съ новыми требованіями, предъявляемыми жизнью къ университетамъ. Но друзья ректора успѣли оповѣстить, что онъ—свободомыслящій покровитель всѣхъ современныхъ благородныхъ стремленій и что академическое женское движеніе найдетъ въ немъ друга и покровителя. Послѣднее было косвенно подтверждено и самимъ ректоромъ, сказавшимъ въ своей вступительной рѣчи, что университетъ не долженъ при всѣхъ своихъ практическихъ цѣляхъ забывать объ идеальныхъ, ибо только тѣ мужчины и женщины, которые получаютъ широкое, не исключительно специально-практическое образованіе, будутъ въ состояніи благотворно разрѣшать задачи, предъявляемыя жизнью... Тѣмъ не менѣе, самому себѣ противорѣча, проф. Фуксъ первымъ дѣломъ сократилъ свободу дѣйствій «соціально-научнаго» ферейна, не разрѣшивъ оповѣщать одновременно обо всѣхъ рефератахъ, намѣченныхъ въ теченіе семестра, и воспретивъ чтеніе реферата извѣстной писательницей и руководительницей движенія пролетарокъ, г-жей Лили Браунъ (бывшей Гижицкой). Свой запретъ проф. Фуксъ мотивировалъ, впрочемъ, не темою референтки и не принадлежностью ея къ социал-демократическому лагерю; но тѣмъ, что литературныя работы г-жи Браунъ носятъ скорѣе агитаторскій характеръ и не имѣютъ научнаго значенія. Между тѣмъ, г-жа Браунъ опубликовала не мало въ высшей степени дѣльныхъ работъ, и въ области, изъ которой она хотѣла почерпнуть матеріалъ для своего реферата «о женскомъ трудѣ въ Германіи», она является специалисткой. Проф. Адольфъ Гарнакъ, нынѣшній ректоръ, представитель теологическаго факультета, не пошелъ по стопамъ своего предшественника и разрѣшилъ

тому-же соціально-научному фрейну выслушать рефератъ г-жи Саломонъ на тему о защитѣ женщинъ.

Расходясь такимъ образомъ въ мелочахъ—ибо нельзя-же не считать таковыми запрещеніе или разрѣшеніе женскаго реферата, ту или иную форму воспрещенія и т. п.,—смѣняющіе другъ друга ректоры Берлинскаго университета отнюдь не расходятся мнѣніями относительно основного вопроса о безпрепятственномъ допущеніи женщинъ съ достаточнымъ среднимъ образованіемъ къ слушанію университетскихъ лекцій. Проф. Вальдейеръ, послѣдній принципиальный противникъ совмѣстнаго слушанія лекцій мужчинами и женщинами, долженъ былъ въ своемъ годовомъ отчетѣ констатировать, что число вольнослушательницъ возрасло за годъ его ректората съ 362, записавшихся при проф. Шмоллерѣ, до 427-ми, какъ равно и проф. Фуксъ, передавая въ октябрѣ прошлаго года ректоратъ своему преемнику, сообщилъ, что число вольнослушательницъ въ Берлинскомъ университетѣ увеличилось съ 1896 г. въ десять разъ. Наконецъ, въ истекшемъ зимнемъ семестрѣ проф. Гарнакомъ допущено было къ слушанію лекцій 439 вольнослушательницъ, и профессоръ, не допускающій теперь дамъ въ свою аудиторію, является на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, рѣдкимъ исключеніемъ. Впрочемъ, и изученіе медицинскихъ наукъ значительно облегчено слушательницамъ тѣмъ, что проф. Бенда устроилъ для нихъ отдѣльную препаровочную, причемъ пройденный у него курсъ анатомическихъ работъ официально признается университетской администраціей равносильнымъ курсу, пройденному въ анатомическомъ институтѣ, стоящемъ подъ руководствомъ проф. Вальдейера, который все еще не соглашается допустить у себя совмѣстной работы мужчинъ и женщинъ, но предполагаетъ въ недалекомъ будущемъ устроить въ своемъ институтѣ отдѣльную препаровочную для слушательницъ. Лекціи по физикѣ и химіи, ботаникѣ и зоологіи, остеологіи, гистологіи, эмбриологіи и физиологіи, какъ равно работы по гистологіи и медицинской химіи вольнослушательницамъ вполне доступны, и это даетъ имъ возможность, по крайней мѣрѣ, первую половину медицинскихъ наукъ пройти безпрепятственно въ Берлинскомъ университетѣ. Имѣлъ также мѣсто въ самое послѣднее время и одинъ случай медицинскаго испытанія вольнослушательницы, сдававшей предварительный экзаменъ, такъ-называемый «Physikum».

Но лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, насколько вольнослушательницы Берлинскаго университета завоевали себѣ въ академическихъ кругахъ права гражданства и всеобщее уваженіе, слѣдующій фактъ. Въ минувшемъ январѣ фрейномъ вольнослушательницъ

устроенъ былъ балъ съ концертомъ и спектаклемъ. Явились не только въ весьма значительномъ числѣ кавалеры-студенты, но и многіе профессора, и не сами одни, а съ своими супругами и дочерьми, что знаменуетъ собою перемѣну взглядовъ въ чопорныхъ бюргерскихъ кругахъ на студентку, еще только нѣсколько лѣтъ назадъ считавшуюся недостойной быть введенной въ общество. На балу вольнослушательницъ былъ и ректоръ проф. Гарнакъ, который, несмотря на свои годы, ученость и званіе академика открылъ полонезъ подъ руку съ молоденькой предсѣдательницей фрейна, stud. phil. Elisabeth Loos...

М. Сукенниковъ.

Женскій институтъ, созданный императрицей Маріей Ѳеодоровной и его роль и значеніе въ дореформенную эпоху.

(Изъ исторіи женскаго образованія на Руси).

Творческая дѣятельность императрицы Маріи Ѳеодоровны въ сферѣ женскаго образованія на Руси была велика и плодотворна. Какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ біографовъ Маріи Ѳеодоровны *), еще современники восторгались характеромъ дѣятельности Маріи Ѳеодоровны и видѣли въ ней талантливаго администратора и выдающагося государственнаго дѣятеля.

Карамзинъ выражалъ мнѣніе, что Марія Ѳеодоровна была-бы лучшимъ министромъ просвѣщенія въ Россіи. Плетневъ называлъ ее министромъ благотворительности.

При жизни Екатерины, невѣстка ея не принимала никакого участія въ усиліяхъ императрицы насадить женское образованіе на Руси. Но вотъ 6-го ноября 1796 г. умерла императрица Екатерина, а 12-го, т.е. шесть дней спустя, послѣдовало собственноручное повелѣніе императора Павла императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «начальствовать надъ Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ». На другой-же день послѣ указа, которымъ Общество ввѣрялось ей, императрица Марія выразила ему свое сочувствіе, приславъ Совѣту за собственноручною подписью увѣдомленіе о томъ, что она «жалуетъ черезъ сіе Обществу благородныхъ дѣвицъ по 15 тысячъ рублей ежегодно, а именно по пяти тысячъ каждую треть, для употребленія по предписаніямъ ея величества, да сверхъ того для раздачи воспитанницамъ сего Общества, которыя при выпускѣ изъ онаго будутъ имѣть нужду въ таковой помощи».

Послѣ того императрица Марія немедленно приступила къ личному, непосредственному ознакомленію съ дѣлами Общества и сразу проявила необычайную дѣятельность. Она входила во всѣ подробности хозяйства. Повелѣнія ея касались такихъ мелочей, какъ от-

*) Е. С. Шумигорскій, «Императрица Марія Ѳеодоровна», т. I.

крыванія форточекъ въ спальняхъ воспитанницъ, исправленія матрацовъ, замѣны въ лазаретахъ каменныхъ половъ деревянными. Императрица сама осматривала бѣлье воспитанницъ и т. д.

Приводя въ порядокъ хозяйственную часть, императрица Марія въ то-же время давала инструкціи Совѣту и по учебной и воспитательной. Одною изъ первыхъ ея заботъ былъ выборъ надзирательницъ, классныхъ дамъ и учителей.

Она измѣнила приемный возрастъ дѣвочекъ, находя, что пять лѣтъ слишкомъ нѣжный возрастъ для поступленія въ общественное заведеніе, и повысила его до 9-ти лѣтъ на дворянской половинѣ и до 11-ти на мѣщанской Смольнаго монастыря. Составъ классныхъ дамъ также измѣнился. При императрицѣ Екатеринѣ какъ начальница, такъ и большинство классныхъ дамъ были француженки. Теперь стали приглашать преимущественно нѣмокъ.

26-го іюня 1797 г. императрица Марія открыла на свои средства сиротское училище для сорока бѣдныхъ сиротъ, дочерей купцовъ, ремесленниковъ и священниковъ. Это училище въ 1800 году переименовано въ Маріинскій институтъ. Оно было первымъ, основаннымъ самою императрицею Маріей, а за нимъ послѣдовалъ рядъ другихъ. 25-го мая 1798 г. въ Петербургѣ открыто училище для дѣвицъ оберъ-офицерскаго званія на 60 воспитанницъ и наименовано училищемъ ордена св. Екатерины. Такимъ образомъ, въ первый-же годъ царствованія Павла число женскихъ учебныхъ заведеній увеличилось двумя институтами. Въ слѣдующемъ году императрица Марія собственноручно составила планъ училища ордена св. Екатерины въ Москвѣ на тѣхъ-же началахъ, на которыхъ уже существовало петербургское училище того-же ордена. Для помѣщенія его императрица подарила московскому училищу еще раньше ему приобрѣтенный инвалидный домъ. Училище было открыто 10-го февраля 1803 года.

Было-бы утомительно перечислять подробно всѣ учебныя заведенія, открытыя императрицею Маріей Θεодоровной. По мысли ея, во всѣхъ губерніяхъ должны были быть основаны женскія учебныя заведенія. Она успѣла открыть одиннадцать, кромѣ специальныхъ, основанныхъ ею при Воспитательныхъ домахъ.

Во всѣхъ распоряженіяхъ Маріи Θεодоровны, касавшихся воспитанницъ, проглядываетъ,—да она и прямо высказывала это,—строгое сознаніе личной отвѣтственности за нихъ передъ родителями: «Мы должны давать точный отчетъ при отдачѣ дѣтей родителямъ»,—не разъ повторяетъ она въ своихъ письмахъ. Императрица хотѣла, чтобы родители были убѣждены и въ томъ, что въ заведеніяхъ, гдѣ воспитываются ихъ дѣти, относятся съ одинаковой справедливостью ко всѣмъ воспитанницамъ, и строго за этимъ наблюдала.

Сознаніе отвѣтственности передъ родителями высказывается императрицей съ особенною силой и трогательностью въ случаяхъ болѣзни и смерти дѣтей, на которыхъ она смотритъ, какъ на вѣрен-ныхъ лично ей самой. Случаи смерти глубоко огорчали императрицу, и надо читать ея письма къ начальницамъ о больныхъ дѣтяхъ, чтобы убѣдиться, какъ горячо она принимала къ сердцу болѣзни и смерть дѣтей. О каждой больной она требовала самыхъ подробныхъ свѣдѣній изо дня въ день и при этомъ не удовлетворялась какимъ-нибудь неяснымъ обозначеніемъ болѣзни, въ родѣ «болына ушибомъ», а допытывалась причины и точнаго опредѣленія ея.

Пища воспитанницъ составляла предметъ самыхъ настойчивыхъ и постоянныхъ заботъ императрицы. Она просматривала меню, которыя ежедѣльно, по ея требованію, посылались начальницами, и почти во всякомъ письмѣ къ нимъ дѣлала свои замѣчанія, желая, чтобы воспитанницъ кормили не только достаточно сытно и чтобы припасы были доброкачественны, но чтобы пища была и разнообразная.

Она поручила доктору наблюдать за лазаретнымъ столомъ воспитанницъ, и когда однажды докторъ Екатерининскаго института въ своемъ «рапортѣ» отмѣтилъ, что супъ «порядочный» (Ziemlich gut), императрица написала, что супъ долженъ быть всегда «очень хорошъ, въ особенности для больныхъ».

Когда въ 1812 г. начальница Смольнаго, Адлербергъ, написала императрицѣ, что воспитанницы отказались отъ бѣлаго хлѣба на все время, пока будетъ продолжаться война, императрица велѣла поблагодарить воспитанницъ, но прежде спросить доктора: можно-ли лишить ихъ бѣлаго хлѣба?

Она часто напоминала начальницамъ, чтобы дѣти не были скучены въ дортуарахъ, чтобы комнаты провѣтривались, чтобы дѣтей водили гулять въ садъ или во дворъ, а въ случаѣ дурной погоды, чтобы они дѣлали движеніе въ комнатахъ; она требовала, чтобы лѣтомъ имъ давали меньше сидячихъ занятій.

Когда, въ 1808 году, воспитанницы Смольнаго переходили въ новый домъ, императрица лично заботилась о томъ, чтобы были приняты мѣры противъ сырости, сама давала подробныя наставленія, какъ и когда открывать двери, топить печи и т. п. Она лично распредѣлила комнаты въ новомъ зданіи Екатерининскаго училища. Императрица заботилась и о прислугѣ, которую брали въ институты изъ Воспитательныхъ домовъ. Когда одну изъ служанокъ Екатерининскаго института отправили въ больницу для бѣдныхъ, императрица написала начальницѣ, что больную надо было устроить въ училищѣ, которому она служить, и спрашивала: покойно-ли ее

перенесли и кто за ней ходитъ? «Она будетъ чувствовать себя,— писала императрица,—очень несчастной среди чужихъ ей людей, и это меня огорчаетъ».

Императрица Марія смотрѣла на роль образованія въ жизни такъ-же, какъ на него смотрѣла Екатерина, т.-е. она считала его неразрывнымъ съ воспитаніемъ. «Прошу инспектрисъ,—писала она къ Адлербергъ,—приглашать дѣвицъ особенно способныхъ употреблять эти способности не только для образованія ума, но работать для образованія сердца и характера». При этомъ императрица держалась самыхъ гуманнѣйшихъ взглядовъ на способы воспитанія. Она была противъ наказаній вообще и суровыхъ или унижительныхъ въ особенности: «спросите только совѣта у материнскаго своего сердца и оно вѣрно укажетъ вамъ наилучшее средство,—писала она одной изъ директрисъ,—оно вамъ скажетъ, что врожденное различіе свойствъ человѣческихъ требуетъ и различнаго въ разсужденіи ихъ обращенія, что рѣдко бываетъ нужно прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, что большею частью кроткіе способы, материнское и нѣжное увѣщаніе и возбужденіе честолюбія производятъ лучшее дѣйствіе даже въ разсужденіи пренебреженныхъ дѣтей, которыхъ часто ранняя или преждевременная строгость еще болѣе ожесточаетъ...» «Необходимо соблюдать самую большую сдержанность въ приисканіи наказаній дѣтямъ,—говоритъ она въ другомъ письмѣ,—и употреблять ихъ тогда, когда истощены всѣ средства; въ особенности, если ребенокъ чувствуетъ себя униженнымъ наказаніемъ, его слѣдуетъ употреблять лишь въ самыхъ важныхъ случаяхъ....» «Зачѣмъ ставить въ уголъ 12 — 14-ти лѣтнихъ дѣвушекъ голубого класса?—писала она Адлербергъ.—Этого я не могу одобрить».

Вообще императрица всегда рекомендовала начальницамъ и класснымъ дамамъ мягкость въ обращеніи съ воспитанницами.

Уже въ самомъ началѣ своего управленія женскими институтами императрица пыталась положить начало педагогической подготовкѣ и дѣятельности воспитанницъ. Съ этою цѣлью она учредила классъ пепиньеръ при институтахъ, назначеніе которыхъ было обучать въ низшихъ и среднихъ возрастахъ чтенію на трехъ языкахъ, письму, чистописанію и т. д.

Въ классѣ пепиньеръ преподавались болѣе пространно математика, исторія и географія, по одному уроку въ недѣлю на каждый изъ этихъ предметовъ, на французскомъ языкѣ. Кромѣ того, пепиньеры дежурили за классныхъ дамъ въ часы отдыха послѣднихъ или въ случаѣ ихъ болѣзни. Въ классѣ пепиньеръ воспитанницы должны были оставаться одинъ годъ, послѣ чего могли по-

ступать или въ классныя дамы, или гувернантками и учительницами въ частныя дома, или-же, по желанію, возвратиться къ родителямъ.

Но еще основательнѣе въ смыслѣ педагогической подготовки воспитанницъ было поставлено учебное дѣло въ классахъ наставницъ при Воспитательныхъ домахъ. По окончаніи десятилѣтняго общеобразовательнаго курса воспитанницы переходили въ высшій, практическій классъ. Здѣсь воспитанницы, называвшіяся «кандидатками» къ выпуску, занимались преподаваніемъ въ младшихъ классахъ подъ руководствомъ учителей; а для того, чтобы онѣ не забыли пройденнаго курса, имъ должны были каждый день по два часа преподавать «энциклопедическіе уроки наукъ»; на этихъ урокахъ особо выбранные учителя должны были указывать кандидаткамъ «руководства для чтенія полезныхъ книгъ».

Учрежденіемъ классовъ наставницъ императрица Марія положила прочное основаніе педагогическому образованію женщинъ. Эти наставницы или, какъ ихъ часто называли, «кандидатки» были при ней самыми образованными дѣвушками во всей Россіи; онѣ распространяли среди молодого поколѣнія, въ теченіе полустолѣтія, полученное ими образованіе.

Что-же касается собственно образованія, дававшегося въ институтахъ вообще, то не только публика, но и просвѣщенные люди того времени, въ числѣ которыхъ былъ профессоръ А. Никитенко, находили, что воспитанницы, особенно Смольнаго и Екатерининскихъ институтовъ, «гораздо образованнѣе барышень, воспитанныхъ въ гостинныхъ». Характеръ этого образованія былъ по преимуществу литературный, и эстетическіе и этические вопросы стояли на первомъ планѣ, что не могло не содѣйствовать смягченію нравовъ вообще. Въ обществѣ,—вплоть до шестидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія, когда институты стали подвергаться критикѣ, и, надо сознаться, не всегда основательной,—въ журналистикѣ и въ обществѣ представленіе объ институтахъ вообще было связано съ понятіемъ о чемъ-то изящномъ, утонченномъ. Одинъ учитель Оренбургскаго главнаго народнаго училища, жалуясь на то, что директоръ пришелъ въ классъ, «не имѣя на себѣ ничего, кромѣ халата, рубашки и порванныхъ башмаковъ, кривляясь, произносилъ неприличные выраженія», прибавлялъ, что это ему еще болѣе чувствительно, потому что онъ женатъ на институткѣ».

Въ качествѣ воспитательницъ институтки также удовлетворяли своими знаніями требованія публики. «Должно признаться,—говорить о нихъ «Московский Телеграфъ»,—что изъ нашихъ отечественныхъ писателей рѣдко кто знаетъ правила россійской грамматики лучше сихъ питомицъ монаршаго великодушія».

Свои заботы о воспитанницахъ императрица Марія простирала не только во время пребыванія ихъ въ институтѣ, но и послѣ выпуска. Совѣты, какъ это было и при Екатеринѣ, опекали имѣние, доставшееся воспитанницѣ по наслѣдству, сносились для этого съ разными присутственными мѣстами, защищали интересы воспитанницъ въ случаѣ ихъ разногласій съ мужьями. Обо всемъ этомъ доводили до свѣдѣнія императрицы, которая и ходатайствовала передъ государемъ, когда находила то нужнымъ.

Императрица Марія является истинной благодѣтельницей и тѣхъ воспитанницъ институтовъ, которыя по выходѣ изъ учебнаго заведенія должны были собственнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе. Не говоря о денежномъ вознагражденіи при выпускахъ, дарованное институткамъ и наставницамъ право во всѣхъ случаяхъ жизни обращаться за помощью къ Совѣтамъ и прямо къ императрицѣ часто ограждало ихъ отъ посягательствъ лишить ихъ возможности зарабатывать свой хлѣбъ уроками.

Въ случаѣ потери мѣста, онѣ могли на время помѣщаться въ институтахъ, а въ случаѣ неуплаты взявшими къ себѣ въ домъ наставницу слѣдующихъ ей денегъ, опекунскіе Совѣты должны были требовать должную сумму черезъ министра полиціи.

Творческій духъ императрицы Маріи пережилъ ее, и основанія, заложенныя ею, были такъ прочны, что сохраняли свою силу во всѣ послѣдующія царствованія; плоды заботъ ея въ этомъ отношеніи и донынѣ отчасти сохранились для воспитанницъ учебныхъ заведеній, состоявшихъ подъ ея покровительствомъ.

При императрицѣ Маріи состоявшіе подъ ея покровительствомъ женскіе институты управлялись мѣстными Совѣтами, которые представляли императрицѣ донесенія о всѣхъ нуждахъ вѣрвенныхъ имъ заведеній, и сама императрица разрѣшала дѣла.

Послѣ смерти ея этотъ порядокъ измѣнился: донесенія Совѣтовъ должны были поступать во вновь образованную по учрежденіямъ императрицы Маріи канцелярію и докладываться государю Николаю Павловичу статсъ-секретаремъ Вилламовымъ. Съ первыхъ-же лѣтъ поступленія женскихъ учебныхъ заведеній подъ покровительство Николая Павловича число ихъ стало быстро увеличиваться и со смерти императрицы Маріи по смерть императора Николая (1828 по 1855 г.) было открыто слишкомъ 24 заведенія, преимущественно въ губернскихъ городахъ. Цѣль, съ которою они учреждались, была та-же, которую постановила женскому общественному воспитанію и образованію императрица Марія.

Въ 1844 г. составленъ былъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, для разсмо-

трѣнія уставовъ всѣхъ женскихъ заведеній и ближайшій за ними надзоръ государь возложилъ на принца, сказавъ ему при этомъ, что принцъ замѣняетъ его самого.

Комитетъ, убѣдившись при разсмотрѣніи различныхъ уставовъ въ томъ, что цѣли и средства достиженія послѣднихъ вездѣ однородны, нашелъ нужнымъ лишь усилить въ нѣкоторыхъ изъ заведеній занятія воспитанницъ домашнимъ хозяйствомъ, для чего устроить въ институтахъ образцовыя кухни, гдѣ воспитанницы сами приготовляли-бы кушанье, подъ руководствомъ опытной хозяйки.

Для улучшенія физическаго воспитанія въ институтахъ, комитетъ предложилъ ввести занятія гимнастикой, и съ цѣлью приготовленія, особенно для губернскихъ институтовъ, учительницъ гимнастики устроить въ обоихъ сиротскихъ институтахъ особые классы изъ наиболѣе способныхъ къ этому питомицъ Воспитательнаго дома. Изъ ихъ-же среды нѣкоторыя должны были приготовляться въ учительницы танцевъ, преимущественно для губернскихъ институтовъ.

Въ видахъ улучшенія физическаго воспитанія комитетъ намѣтилъ также устройство для воспитанницъ лѣтомъ купаленъ, а зимою, по указанію врача, душей или комнатныхъ ваннъ.

На эстетическое образованіе воспитанницъ институтовъ обращалось большое вниманіе и тогда, когда они перешли въ вѣдѣніе принца Петра Ольденбургскаго. Декламація на трехъ языкахъ, какъ особый предметъ, преподавалась не только въ Смольномъ и Екатерининскихъ институтахъ, но и въ сиротскихъ. Музыкѣ обучали во всѣхъ институтахъ первыхъ двухъ разрядовъ; наблюденіе за ея преподаваніемъ въ Смольномъ и Екатерининскомъ училищахъ было возложено на извѣстнаго пианиста и композитора Гензельта. Церковному и итальянскому пѣнію тоже обучались въ институтахъ, не говоря уже, разумѣется, о танцахъ. Живопись и рукодѣлья, и въ томъ числѣ наиболѣе изящныя, тоже входили въ курсъ ученія. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, образовательная программа была широкая и въ нее включены были многіе изъ предметовъ такъ называемаго профессиональнаго характера, которые въ самое послѣднее время снова привлекли на себя вниманіе публики и печати.

Оковчивъ обзоръ правительственныхъ мѣропріятій относительно институтовъ, данныя для котораго заимствованы мною изъ почтеннаго и весьма обстоятельнаго труда Елены Осиповны Лихачевой: «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи», мнѣ остается сказать о внутреннемъ бытѣ и нравахъ дореформеннаго института,

основываясь на показаніяхъ бывшихъ институтокъ и личномъ опытѣ *).

Быть этотъ и нравы были очень своеобразны и переходили отъ одного поколѣнія къ другому по наслѣдству, въ видѣ устныхъ преданій и установившихся разъ навсегда обычаевъ.

Въ противоположность мужскимъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ принято новичковъ обижать и чинить надъ ними всякія каверзы, въ институтѣ съ *новенькими* обращались вѣжливо, говорили имъ *вы* и оберегали отъ неприятностей. Сами воспитанницы наблюдали за этимъ, и бѣда, если какая-нибудь дѣвочка осмѣливалась обидѣть *словомъ* новенькую (*voies de fait* не существовало вовсе ни для новенькихъ, ни для старенькихъ; всякая ручная расправа была противна институтскимъ понятіямъ, институтскому духу, и навлекла-бы на виновную такую бурю и такую гонку со стороны подругъ, что самыя строптивыя вели себя безукоризненно въ этомъ отношеніи), то всѣ остальныя налетали на нее разомъ и осаживали словами: «Какъ вамъ не стыдно, развѣ вы забыли, что она новенькая!»

Это бережное отношеніе длилось недѣлю, другую, — опредѣленнаго срока не было, — и затѣмъ внезапно прекращалось. Случалось это почти всегда слѣдующимъ образомъ: кто-нибудь изъ старенькихъ повздоритъ невзначай съ новенькой, иногда даже безъ вызова съ ея стороны, а такъ, изъ шалости или дурного расположенія духа.

Сначала поднимутся, бывало, возгласы: «Что вы! какъ вамъ не стыдно! она новенькая!» Реприманды и брань между воспитанницами всегда сопровождалась мѣстоименіемъ *вы*, что дѣлало ихъ еще язвительнѣе.

На это укоряемая возразить: «Какая она *новенькая*, она ужъ *старенькая*!» Остальныя умолкнуть, какъ будто сообразять, что точно, новенькая стала старенькой.. И очарованіе разрушено, *табу* снято и дѣвочка поступаетъ въ общій разрядъ, подпадаетъ власти законовъ, изъ подъ которыхъ была изъята на время...

Одну изъ характерныхъ сторонъ институтскихъ порядковъ составляло то, что воспитанницы всегда были собраны стадомъ: у институтки было отнято право свободного и независимаго передвиженія своей особы по институтскому помѣщенію. Передвиженія совершались цѣлыми отдѣленіями или дортуарами **), въ сопровожденіи

*) См. «Очерки институтской жизни былаго времени». А. Бѣльскал. Ж. «Заря», 1870 г

**) Въ поясненіе терминовъ *отдѣленіе* и *дортуаръ* необходимо сказать, что въ дореформенномъ институтѣ все число воспитанницъ дѣлилась на два класса: *большой* и *маленькій* (тоже институтская терминологія; слова: *старшій*, *младшій*

классной дамы или пепиньерки, и были подчинены правильнымъ законамъ, какъ движеніе планетъ. Всякое-же одиночное и личное передвиженіе требовало предварительнаго разрѣшенія классной дамы или замѣняющей ее пепиньерки. Ни въ корридорахъ, ни въ классахъ, ни въ дортуарахъ нельзя было встрѣтить институтокъ вразсыпную иначе, какъ по опредѣленному дѣлу. Этихъ дѣлъ было наперечетъ и они были ограничены во времени опредѣленнымъ срокомъ. Всякая встрѣча одивочно идущей воспитанницы съ начальницей или инспектрисой сопровождалась вопросомъ: куда и зачѣмъ она идетъ?

Ускользнуть изъ стада незамѣченной, безнаказанно пространствовать по институту безъ опредѣленной, заранее объявленной классной дамѣ цѣли было дѣломъ въ высшей мѣрѣ труднымъ и рискованнымъ и подвергало воспитанницу большой отвѣтственности. Тѣмъ не менѣе находились отважныя, *отчаянныя* на институтскомъ нарѣчїи, головы, которыя рѣшались иногда на это дѣйствіе, считавшееся у начальства однимъ изъ самыхъ важныхъ проступковъ, какія только могла совершить институтка и для котораго существовалъ особый терминъ, а именно: *бѣгать*.

— Какого поведенія NN?

— Дурного; она *бѣгаетъ*.

Такой разговоръ вы могли-бы порой услышать въ институтскихъ стѣнахъ. Затѣмъ институтская дисциплина требовала отъ воспитанницы, какъ признака хорошаго поведенія, безмолвія во время шествія *par paires* по помѣщенію института изъ класса въ столовую или въ дортуаръ, въ церковь, въ рекреационный залъ и т. д., чиннаго поведенія въ классѣ, аккуратности въ одеждѣ и вообще избѣжанія во всѣхъ случаяхъ жизни громкаго говора и шума. Последнее требованіе создало особый терминъ: *кричать*. Онъ тоже обозначалъ одинъ изъ проступковъ противъ хорошаго поведенія, хотя, конечно, не такой важный и существенный, какъ *бѣгать*, и тоже можно было услышать иногда:

— Какъ ведетъ себя такая-то?

— Не очень хорошо; она *кричитъ*.

Это означало, что она шепчется, идя *par paires*, громко гово-

были не въ употребленіи, ихъ замѣняли неизмѣнно слова: *большая, большой, маленький, маленькая*). Классы дѣлились на отдѣленія, по три въ каждомъ: *первое, второе, третье* большого класса и *четвертое, пятое, шестое* маленькаго класса. Въ каждомъ классѣ сидѣли по три года и переводились въ большой въ такомъ порядкѣ: *четвертое* отдѣленіе (лучшее по успѣхамъ—маленькаго класса) въ *первое* отдѣленіе, *пятое*—во *второе*, *шестое*—въ *третье*. Было еще *седьмое* przygotowительное отдѣленіе для крошекъ, оставшихся въ институтѣ девять лѣтъ, а не шесть. Каждое отдѣленіе имѣло *два дортуара* и *двухъ* классныхъ дамъ, дежурившихъ каждая черезъ день.

рить въ уроковъ, шумить въ дортуарѣ и классѣ, когда нѣтъ классной дамы, и даетъ себя накрыть на мѣстѣ преступленія.

Вѣжливость и безпрекословное послушаніе входили тоже въ программу обязанностей институтки. Всякое оправданіе, даже объясненіе, если только оно не вызывалось самимъ начальствомъ, усугубляло вину. Про грубость нечего уже и говорить, да на нее почти никогда и не отваживались. Институтки понимали, что всякая *грубость* будетъ просто *глупостью* и не приведетъ ни къ какимъ хорошимъ результатамъ.

Отношенія съ начальствомъ вообще были чисто формальныя, т.-е. начальство имѣло въ своихъ рукахъ только виѣшнюю оболочку воспитанницы, между тѣмъ какъ ея внутренней міръ ускользалъ отъ его вліянія и надзора. Словомъ, начальство могло повелѣвать институткой и руководить ею въ области институтской дисциплины виѣшняго характера: оно могло преслѣдовать *блгующихъ, кричащихъ, неаккуратныхъ*, да еще *лживыхъ*, если хотѣло. Но тутъ и кончалась его власть. Надъ характеромъ, волей, мыслью, мнѣніями институтки оно было не властно.

Требованіямъ виѣшняго порядка, заявляемымъ начальствомъ, повиновались почти безпрекословно, оказывали ему наружное уваженіе, не возражали, не грубили. На послѣднее рѣшались самыя плохія, самыя *отчаянныя*, которыя скверно учились, не уважались по большей части товариществомъ и которымъ нечего было терять. Но если начальство посягало на нравственную свободу институтки, то терпѣло фіаско. Всякое такое требованіе никогда не оспаривалось, но и не исполнялось.

— *Très bien*,—отвѣтитъ, бывало, институтка и остается при своемъ.

Мораль и нотации выслушивались совершенно безстрастно и никакой внутренней сенсаціи не производили въ институткѣ, кромѣ скуки, и никакого педагогическаго значенія не имѣли. Словомъ, это было что называется *горохомъ о стѣну*.

Начальство запрещало, на примѣръ, читать книги, которыя не прошли черезъ его цензуру, а подземная бібліотека институтокъ всегда была въ изобиліи снабжена книгами. Начальство запрещало имѣть на рукахъ деньги, которыя должны были сохраняться у классныхъ дамъ и расходовались съ ихъ вѣдома и разрѣшенія, а деньги постоянно водились у воспитанницъ и скрывались отъ классныхъ дамъ. Искоренить эти двѣ вещи начальство не могло никакимъ образомъ. Напрасно устраивало оно облавы на книги, напрасно осматривало попитры и пр. Институтки попадались, наказывались и.. завтра дѣлали то-же самое. Нельзя, однако, сказать, чтобы къ началству вообще относились особенно враждебно. Отдѣльныя личности,

особенно несносныя, придирчивыя и сварливыя, конечно, были ненавидимы отъ всей души, но все начальство *en masse* не внушало непріязненныхъ чувствъ. На него просто не обращали вниманія, какъ педагоговъ, и, такъ сказать, *обходили*. Съ нимъ постоянно держали себя скрытно, осторожно, передъ нимъ не высказывались даже и тогда, когда оно бывало въ милостивомъ расположеніи духа, шутило, вмѣшивалось въ игры,—даже и тогда институтки не выходили изъ своей раковины. Словомъ, съ начальствомъ постоянно поддерживался *вооруженный миръ*.

Начальству трудно было узнать настоящій характеръ институтки; оно часто ошибалось въ своихъ опредѣленіяхъ, и мнѣніе его о какой-нибудь воспитанницѣ часто не сходилось съ мнѣніемъ о ней товарищества.

Всякая *новенькая* неизбѣжно втягивалась въ общій строй отношеній къ начальству, мало-по-малу перенимала тотъ взглядъ, который имѣло на начальство товарищество, особенно уважавшее и цѣнившее въ воспитанницѣ хладнокровную, спокойную и безстрастную манеру держать себя съ начальствомъ и извѣстнаго рода стоицизмъ, въ силу котораго брань, упреки и наказанія должны были приниматься молча, безъ слезъ, безъ просьбъ о пощадѣ.

Учителей не считали начальствомъ и отношеніе къ нимъ было иное. Учителя были представителями, говоря словами Бѣлинскаго, начала умственнаго, отвлеченнаго, олимпійскаго, и въ этомъ отношеніи вліяніе ихъ на институтокъ было велико и благотѣльно. Отношенія съ ними были чужды всякой фальши и неискренности. Какъ люди свѣжіе, чуждые институтскимъ стѣнамъ и порядкамъ, хотя и хорошо знакомые съ институтскимъ бытомъ и духомъ, они были живымъ элементомъ въ этой окаменѣлой, въ своемъ обособленіи и отчужденности отъ внѣшняго міра, жизни. Какъ люди болѣе образованные и развитые, они цѣлой головой стояли выше понятій, выработываемыхъ институтскими отшельницами всѣхъ ранговъ.

Что-же нужно было учителю, чтобы заслужить уваженіе воспитанницъ?

Во 1-хъ, серьезное, ровное, и, главное, *справедливое* отношеніе къ ученицамъ. Бѣда, коли учитель начнетъ отличать кого-нибудь, да еще—чего Боже упаси! — за *хорошенькое* личико, ну, и пропасть въ общественномъ мнѣніи!

И, вѣдь, вотъ что страннѣе всего: *красота* сама по себѣ была силой въ институтѣ; сами воспитанницы поклонялись ей, но, со свойственнымъ всѣмъ массамъ вообще инстинктомъ справедливости, отдѣляли красоту отъ успѣховъ на поприщѣ наукъ. Красота сама по себѣ, а хорошее ученье само по себѣ. Красоту обожай, бадуй, ставь

ее въ живыя картины, выставляя въ первый рядъ на публичныхъ торжествахъ, а незаслуженныхъ *пятерокъ* ставить не смѣй!

Во-2-хъ, учителю нужны были умъ, знанія и умѣнье передавать ихъ занимательно.

Въ-3-хъ, извѣстная доза независимости въ сношеніяхъ съ высшимъ начальствомъ, джентльменская, не подобострастная манера держать себя съ нимъ и, наконецъ,

Въ-4-хъ, широкая, такъ сказать, натура, отсутствіе жадности къ деньгамъ, которое опредѣлялось, хотя и оригинальнымъ способомъ, но тоже почти всегда безошибочно.

Кто изъ учителей подходилъ подъ одну какую-нибудь категорію изъ этихъ четырехъ, того *уважали*. Кто подходилъ подо всѣ четыре, того *уважали и любили*. Такихъ, конечно, было немного.

Большой классъ относился къ маленькому свысока, гордо, и держалъ его на почтительномъ разстояніи. Маленькія обыкновенно подчинялись этому, но въ исключительныхъ случаяхъ бунтовались, заводили съ большими ссору и даже вступали въ перебранку.

Обыкновенно поводомъ къ этому служило какое-нибудь столкновение между отдѣльными личностями, какая-нибудь обида со стороны большихъ.

Заберется, напр., какая-нибудь маленькая, положимъ, въ дортуарный корридоръ большихъ, куда доступъ былъ труденъ, потому что дортуары большихъ были расположены совсѣмъ наверху и въ сторонѣ,—заберется большею частью не по своей инициативѣ, а съ какимъ-нибудь порученіемъ отъ классной дамы. Большія при видѣ ея поднимаютъ гвалтъ:

— Это что такое? *Par quel hazard!*

— *Mesdames!* поглядите, клопъ ползеть!

— *Mesdames!* съ какихъ поръ *четверики* *) разгуливаютъ по нашему корридору?

— *Четверикъ!* знаете-ли вы, что вы не что иное, какъ *animal vertebre?*—подшучиваетъ кто-нибудь.

— *Mesdames!* она просто *ябъ!*—подхватываетъ другая.

— *Ябъ! хорей! анапестъ! амфибрахій!*—кричатъ десятки голосовъ.

Оглушенный *четверикъ*, незнакомый съ мудреными словами, которыя сыпятся на него со всѣхъ сторонъ, и заподозривая въ нихъ страшныя, еще невѣдомыя ругательства, спѣшитъ отдѣлаться отъ непріятнаго порученія. Но напрасно ускоряетъ онъ шаги, до него все-таки долетаютъ насмѣшки, хохотъ, шиканье. *Четверика* рѣшились прогнать сквозь строй.

*) Провище ученицъ *четвертаго* отдѣленія, подобно тому, какъ соответственно этому остальные назывались: *пятерики*, *шестерики*, *семерики* и пр.

Всякая новая встрѣчная окидываетъ злополучнаго *четверика* презрительнымъ взглядомъ и посылаетъ ему вслѣдъ ироническое, какое-то свистящее: *Par quel hazard!*

Униженный и оскорбленный *четверикъ*, забывая зачастую о данномъ ему порученіи, оборачивается вспять и стремглавъ несется къ своимъ и съ дрожаніемъ въ голосъ, со слезами на глазахъ, а иногда плача навзрыдъ, повѣствуетъ о нанесенной ему обидѣ.

Весь классъ чувствуетъ себя оскорбленнымъ въ его лицѣ.

— *Mesdames!* мы съ большими въ ссорѣ! Слышите! всѣ въ ссорѣ! никто не смѣетъ къ нимъ подходить!

Классная дама замѣчаетъ о непривычномъ волненіи, котораго, впрочемъ, и не стараются отъ нея скрыть. Напротивъ, всѣ напереывъ спѣшатъ рассказать о недостойномъ поведеніи большихъ.

— О-о-нѣ, бра-а-ни-ли ме-ня Бо-о-гъ знаетъ ка-ки-ми сло-о-ва-ми! — всхлипываетъ злополучный посолъ.

— Какими-же?—освѣдомляется классная дама.

— Онѣ ска-а-зали, что-о я *a-mi-mal ver-ver-te-bré!*—отвѣчаетъ рыдающій посолъ, запомнившій одно изъ страшныхъ словъ.

Классная дама улыбается и объясняетъ смыслъ этого страшнаго слова.

Но это нисколько не унимаетъ общаго негодованія.

— Противныя *высочки!* Обрадовались, что узнали то, чего мы еще не знаемъ.

Съ этой минуты закипаетъ ссора; окна, двери, стѣны покрываются неслестными для большихъ надписями; вмѣсто обычныхъ: *charmante! ravissante! adorable!* раздаются имъ вслѣдъ бранные эпитеты.

Никто не смѣетъ подходить къ нимъ подъ опасеніемъ остракизма, которымъ наказывался всякій проступокъ противъ товарищества.

Какъ скоро въ корридорѣ сталкивается партія большихъ съ партіей маленькихъ, такъ сейчасъ начинается перестрѣлка.

— Глупыя *высочки!*—кричатъ маленькія.

— *Pie grièches!*—возражаютъ большія.

— А вы *сороки*, вы *дуры!*—орутъ маленькія, которыя не умѣютъ еще *язвить*, а больше *грубятъ*.

— *Mesdames!*—взвизгиваетъ отдѣльный голосъ изъ толпы большихъ,—не связывайтесь съ ними! *Laissez les, ce sont de petites bêtes!*

— *Mesdames!*—передразниваетъ голосъ изъ толпы маленькихъ,—*laissez les, ce sont de grrrandes betes!*

Большія озадачены, маленькія торжествуютъ и съ хохотомъ убѣгаютъ.

И такъ длится иногда нѣсколько недѣль, пока умы не успокоятся и все не придетъ въ обычный порядокъ.

Обычаи, преданія и самый языкъ передавались изъ рода въ родъ. При переходѣ изъ маленькаго класса въ большой всегда бывало нѣсколько воспитанницъ, которыя, за молодостью, оставались въ маленькомъ классѣ еще на три года, между тѣмъ какъ ихъ бывшія подруги поступали въ большой классъ. Эти *старенькія*, вполне знакомыя съ институтскими нравами и обычаями, передавали ихъ *новенькимъ*, и вотъ откуда возникала преемственность въ нравахъ, обычаяхъ, языкѣ.

Эти же *старенькія*, вполне освоившіяся съ окружавшимъ ихъ міромъ и плававшія въ немъ, какъ рыба въ водѣ, забирали спервоначалу *новенькія* въ свои руки и заставляли плясать по своей дудкѣ; а инныя недобросовѣстныя личности злоупотребляли своей властью, заставляли ихъ чесать и одѣвать себя, отбирали у нихъ гостинцы и всячески помыкали ими. Иногда цѣлый дортуаръ повиновался безпрекословно тремъ, четыремъ такимъ тиранамъ, называвшимся на институтскомъ языкѣ *Principales*. Такое положеніе длѣть длилось обыкновенно мѣсяцевъ шесть, семь, много годъ, не безъ временныхъ возмущеній, перемѣнъ династій и проч. Къ концу перваго года институтской жизни оперившіяся новенькія окончательно свергали иго *Principales*, и тогда уже, въ свою очередь, гнали, попрекали, били ихъ, когда наконецъ не отпускались имъ и не забывались ихъ вины.

Слово *Principales* становилось самымъ позорнымъ ругательствомъ, клеймомъ на репутаціи воспитанницы, и лишь долгимъ временемъ и безукоризненнымъ отношеніемъ къ товариществу могла она смыть его. Мало-по-малу это слово исчезало съ языка воспитанницъ и съ переходомъ въ большой классъ сдавалось въ архивъ. Въ большомъ классѣ *Principales* не существовали, и маленькій классъ, переходя въ большой, оставлялъ въ наслѣдство своимъ преемницамъ этотъ скверный типъ, въ лицѣ бывшихъ подругъ, остающихся, за малолѣтствомъ, въ маленькомъ классѣ. *Временщицы* былъ другой и постоянный типъ. *Principales* создавались самими институтками, а *временщицы* были фаворитки классныхъ дамъ, которыхъ онѣ отличали, баловали и пр. *Временщицы* мѣнялись, потому что капризъ зачастую руководилъ ихъ выборомъ и капризъ-же возвращалъ возвеличенную ученицу къ прежнему ничтожеству. *Временщицы* были непріятны подругамъ отрицательнымъ, такъ сказать, образомъ, какъ бѣльмо, нарушавшее институтское равенство. Положительныхъ непріятностей онѣ не доставляли. Еще въ маленькомъ классѣ была опасность, что роль *временщицы* столкнется съ ролью *Principales*—

чу, и тогда бѣда, да и только. Дортуаръ наживалъ такого тирана, что, Боже, упаси! Но въ большомъ классѣ этой опасности не существовало, да и кромѣ того къ этому времени успѣвали сложиться понятія о *честномъ* и *справедливомъ*, товарищество успѣвало сплотиться и выдвинуть изъ себя наиболѣе достойныхъ и умныхъ, которыя пріобрѣтали вліяніе, становились первенствующими въ силу дѣйствительнаго превосходства и задавали тонъ общественному мнѣнію. Въ большомъ классѣ не только не могла быть страшна какая-нибудь отдѣльная личность изъ воспитанницъ для институтской массы, но даже сама классная дама теряла свой грозный *prestige*. Уже въ концѣ третьяго года классныя дамы обыкновенно опускали тонъ. Все мягче становились онѣ, все чаще раздавалось: *Vous voilà bientôt grandes, mesdemoiselles!* И дѣйствительно, съ переходомъ въ большой классъ, дамы по большей части переходили изъ мажорнаго тона въ минорный.

Три силы существовали въ институтскомъ мірѣ: *красота, хорошее ученье и острый какъ бритва языкъ*. Если ты *красива*, то институтки станутъ щадить и баловать тебя; если ты *хорошо учишься*, станутъ уважать, а если у тебя *острый языкъ*, то будутъ бояться. Институтки дѣлили всѣхъ воспитанницъ по наружности на четыре разряда: *красавицы, миленькія, ничего и уроды*. Всякая новенькая общимъ приговоромъ причислялась къ какому-нибудь разряду. Совѣщанія по этому поводу происходили вслухъ, громко, при самихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Говорилось обыкновенно:

«*Mesdames!* давайте считать, кто у насъ красавицы, уроды» и проч. Затѣмъ произносились имена, поднимались споры, приводились доказательства и наконецъ порядокъ устанавливался. Это было до того просто, что ни красавицы не гордились, ни уроды не обижались, да и обиды не подразумевалось въ этомъ — лицомъ и некрасивостью никогда не попрекали: просто констатировался фактъ. Конечно, самъ фактъ, что онѣ уроды и признаны таковыми общественнымъ мнѣніемъ, не могъ быть пріятенъ бѣднымъ уродамъ, но такъ какъ не въ ихъ власти было его поправить, то большинство философично относились къ нему. Замѣчательно также, что красавицы, признанныя общественнымъ мнѣніемъ, рѣдко бывали тщеславными или кокетками. Напротивъ того, онѣ привыкали къ своей славѣ и тоже относились къ ней просто и философично. Разряды *миленькихъ* и *ничего* гораздо больше поставляли *кокетокъ*, тайно тщеславившихся своею наружностью и носившихся съ нею, не смотря на то, а можетъ быть, и по тому самому, что никто ими не восхищался. *Институтская кокетка* отличалась особой походкой, перетянутой таліей, платьемъ болѣе длиннымъ, чѣмъ полагалось, пеле-

ринкой, спущенной съ одного плеча, и *залысенными*, какъ говорилось, волосами, т.-е. счесанными со лба, тогда какъ имъ полагалось низко спускаться на лобъ, и другими нарушеніями обязательныхъ правилъ костюма. За это онѣ подвергались постояннымъ нахлобучкамъ. Платья укорачивались, корсеты распускались, пелеринки перетягивались на мѣсто, волоса приводились въ надлежащій видъ. Но *кокетки* не унимались, и, глядишь, опять устроятъ себѣ недозволенную внѣшность.

Въ маленькомъ классѣ, когда царствовалъ еще нѣкоторый хаосъ въ понятіяхъ и преобладала грубая, такъ сказать, физическая сила, хотя проявленіе ея и не выражалось ручными расправами, раньше всего выдвигались *острые языки*, называвшіеся на институтскомъ нарѣчій *бранчушками*.

Бранчушка не только не спуститъ никакой обиды, но сама наровитъ всякаго обидѣть. Бранный лексиконъ былъ не особенно великъ и задоренъ не столько по формѣ словъ, сколько по выразительности, съ какой они изрекались, и ядовитому смыслу, который въ нихъ влягался: *противная, гадкая, отчаянная, мальчишка, mauvais sujet, vilaine, sotté*. Вотъ, кажется, и весь перечень бранныхъ словъ, но надо было слышать, съ какимъ ехидствомъ они произносились, какія иносказательныя велись рѣчи, исполненные ядовитыхъ шпидекъ и намековъ! Подмѣчались самыя слабыя стороны, отъискивались больныя мѣста и въ нихъ-то безощадно билось, такъ что истязуемая, бывало, вертится, какъ на жаровнѣ съ горящими угольями.

Bons sujets назывались воспитанницы, которыя хорошо вели себя и которыхъ характеризовало этимъ словомъ само начальство, ставившее поведеніе превыше всего. Это слово не пользовалось симпатіей воспитанницъ и никогда не прикладывалось ими къ институткѣ, хотя-бы и хорошо поставленной во мнѣніи начальства, если она вмѣстѣ съ тѣмъ уважалась и товариществомъ.

Хорошее поведеніе вообще уважалось и товариществомъ, потому что давало право на уваженіе начальства, такъ сказать, позволяло сохранять съ нимъ чувство собственнаго достоинства; но *bon sujet* на языкѣ воспитанницъ значило отчасти, что воспитанница хватаетъ черезъ край, не держится только институтской формалистики, а старается отличиться передъ начальствомъ, выставляется впередъ, заискиваетъ, а это не терпѣлось.

Mauvais sujets считались воспитанницы не безукоризненнаго поведенія; къ нимъ обыкновенно принадлежали задорныя, безпокойныя личности, которыя нарушали иногда дисциплину, но съ товариществомъ по большей части ладили; между ними зачастую попа-

дались честныя, великодушныя натуры, и таковыя, не смотря на порицанія начальства, хорошо стояли во мнѣнїи товарищества.

Отчаянными считались отпѣтыя личности, нагло лѣнившіяся, плохо учившіяся, не по недостатку способностей, а такъ себѣ, зря, и постоянно нарушавшія дисциплину, да и съ самимъ товариществомъ большею частью бывавшія на ножахъ. Такія обыкновенно презирались.

Подлизушками назывались подленькія натурашки, которыя заискивали и принижались передъ всѣмъ институтскимъ міромъ, передъ начальствомъ и передъ товариществомъ, личности трусливыя, безъ собственнаго мнѣнїя и безъ всякаго чувства собственнаго достоинства.

Кусочницами были тѣ, которыя имѣли привычку выпрашивать гостинцы и вообще клянчить и, кромѣ того, вѣзвали дань за каждую услугу, которую отъ нихъ требовали. *Мѣна* процвѣтала и не считалась дѣломъ предосудительнымъ, но только подъ условіемъ обоюднаго согласія, при чемъ предложеніе вознагражденія должно было идти съ той стороны, которая чего-нибудь просила.

Напримѣръ, если говорилось:

— *Mesdames*, кто хочетъ со мной мѣняться! Я дамъ тетрадь бумаги, а мнѣ дайте карандашъ! Или: NN, сдѣлай мнѣ ариеметическую задачу, а я дамъ тебѣ булку.

Согласиться на такое предложеніе не считалось зазорнымъ, даже если-бы обмѣнивались вещи различной цѣнности. Но если просили услуги или какой-нибудь вещи *даромъ*, то требовать вознагражденія считалось неблаговиднымъ. Можно было отказать въ требуемомъ, но не *продавать* его.

Въ первомъ случаѣ, раздавалось:

— *Malcomplaisante!*

А во второмъ:

— *Кусочница!*

Такимъ образомъ вырабатывался цѣлый кодексъ (понятій, который гораздо болѣе вліялъ на характеръ и нравственность институтки, нежели вся мораль начальства. Институтки, такъ сказать, воспитывали другъ друга.

Въ этомъ отношеніи у институтокъ былъ извѣстный *идеаль*, конечно, не вполне выясненный и опредѣленный, но къ которому инстинктивно стремились всѣ неглупыя и самолюбивыя личности.

Идеаль этотъ требовалъ, между прочимъ, извѣстной стойкости въ отношеніяхъ съ начальствомъ и товариществомъ, и безусловной честности въ сношеніяхъ съ этимъ послѣднимъ. Малодушіе, слезливость, пустая восторженность и безцѣльная экспансивность пре-

зирались. Это по части нравственныхъ свойствъ. По части внѣшнихъ пріемовъ и манеры себя держать существовало также свое воззрѣніе. Институтки не любили никакого кривлянья и ломанья, подергиванья плечами, закатыванья глазъ и т. п.

— Пожалуйста, *не жантимльничайте!*—кричатъ, бывало, десятки голосовъ при всякой выходкѣ подобнаго рода. И ужъ не беспокойтесь, вымуштруютъ на этотъ счетъ. И здѣсь также больше всего уважались простота, спокойствіе и чувство собственнаго достоинства.

Родственники и семья вообще, какъ скоро запирались двери института за поступившею въ него дѣвочкой, переставали вліять на нее. Семья становилась чѣмъ-то далекимъ, милымъ сердцу; на ней сосредоточивалось все чувство институтки, которому не было примѣненія и исхода въ стѣнахъ институтскихъ, но понятія, разсужденія, взгляды семьи становились ей чуждыми. Институтъ, со всѣмъ его міросозерцаніемъ, вставалъ передъ нею, какъ авторитетъ, и неутомимо подтачивалъ авторитетъ семьи.

Институтское начальство, къ которому въ частностяхъ могли относиться и враждебно, и недовѣрчиво, тѣмъ не менѣе въ общемъ казалось институткѣ гораздо выше по уму, образованію и развитію ея родственниковъ. Конечно, институтки не отдавали себѣ въ этомъ яснаго отчета, это не было формулированнымъ понятіемъ, тѣмъ не менѣе это было такъ, да и не могло не быть. Институтка до того отчуждалась отъ семьи, что утрачивала всякую связь съ ея интересами и бытомъ. Видала она родственниковъ рѣдко и мимоходомъ, сама домой никогда не ѣздила. Въ тѣ времена не отпускали воспитанницъ изъ института къ роднымъ, кромѣ самыхъ рѣдкихъ, самыхъ исключительныхъ случаевъ, напр., тяжелой болѣзни отца или матери. Только тогда отпускали институтку повидаться съ большимъ родственникомъ, да и то лишь на нѣсколько часовъ и непремѣнно въ сопровожденіи классной дамы. На каникулы-же и праздники обыкновенно никого не отпускали. Если доктора признаютъ, что какой-нибудь особенно слабый и болѣзненной воспитанницѣ необходимо провести лѣто въ семьѣ, гдѣ-нибудь въ деревнѣ, то слѣдовало предварительно подать просьбу на Высочайшее имя, и если выходило разрѣшеніе отпустить воспитанницу, то ее брали домой. Но это случалось очень рѣдко, въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Могла-ли при такихъ обстоятельствахъ семья сохранить хоть какое-нибудь вліяніе на дѣвочку?

Семью любили, очень любили; она была чѣмъ-то священнымъ, чего не касалась ничья критика, и въ этомъ отношеніи институтки, безпощадныя во всѣхъ другихъ случаяхъ другъ къ другу, высказы-

вали замѣчательную, необыкновенную изящную деликатность. Всякая насмѣшка надъ чѣмъ-нибудь родственникомъ или родственницей, всякій намекъ, хотя-бы самый отдаленный, на бѣдность, смѣшныя манеры, жалкій костюмъ родственниковъ не допускались, считались чудовищностью и вызывали цѣлую бурю со стороны товарищества.

— Бранитесь другъ съ другомъ сколько вашей душѣ угодно, — кричать, бывало, въ такомъ случаѣ десятки голосовъ, — а родныхъ трогать не смѣйте. Это низость съ вашей стороны.

Бывали, конечно, и богатые, бывали и титулованныя, которыя про себя гордились, быть можетъ, своимъ богатствомъ и титулами, но высказывать этого не смѣли. Товарищество съ этой стороны вырабатывало чувство равенства и проводило нивелирующую черту между всѣми воспитанницами одного института. Отличія не вещественныя, а, такъ сказать, духовныя, создаваемые уже институтскою жизнью,сообразно уму, занятіямъ, характеру и нравственнымъ свойствамъ, признавались, а отличія рожденія и состоянія — нѣтъ. Княжна - дритка всегда оставалась дриткой въ глазахъ институтокъ и княжескій титулъ не возвеличивалъ ее въ ихъ мнѣніи; глупая и неспособная дочка богача считалась глупой и неспособной и не пользовалась уваженіемъ товарищества, хотя - бы отецъ ея купался въ золотѣ, и похвалиться своимъ титуломъ, щегольнуть богатствомъ значило только навлечь на себя насмѣшки, а попрекнуть подругу бѣдностью значило накликать гоненіе.

Да, родственниковъ любили, но къ мнѣніямъ ихъ, если они расходились съ институтскими взглядами, относились свысока.

По мѣрѣ того какъ воспитанница сживалась съ институтомъ и проникалась его духомъ, институтъ выросталъ въ ея мнѣніи въ нѣчто могущественное и великое. Институтки начинали считать институтъ центральнымъ пунктомъ вселенной и съ забавной важностью говорили, на подобіе *курочки* и *кота* въ сказкѣ Андерсена «Гадкій утенокъ»: *мы*, то-есть, институтъ, а потомъ и весь свѣтъ.

Окончивъ эти очерки институтской жизни, я позволю себѣ выказать свое мнѣніе о ней.

Мнѣ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что въ свое время институтъ, въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ дореформенную эпоху, и принимая во вниманіе тогдашнее состояніе русскаго общества, былъ полезнымъ учрежденіемъ и сослужилъ службу въ дѣлѣ русской культуры. Самая обособленность его отъ жизни и семьи имѣла свои хорошія стороны. Пусть припомнитъ читатель, какую жизнь вело тогда большинство русскихъ семей, окруженныхъ всѣми

ужасами крѣпостничества или погруженныхъ въ непроходимую пошлость чиновничества.

Не могло проходить безслѣдно для питомецъ института и не могло не отзываться впоследствии благотѣльно на ихъ образѣ дѣйствій то, что въ теченіе многихъ лѣтъ жизни, и именно тогда, когда натура всего впечатлительнѣе, онѣ были удалены хотя-бы, на примѣръ, отъ зрѣлища кулачной расправы, господствовавшей въ то время повсемѣстно на Руси, и выросли съ мыслью о безобразіи, невозможности всякихъ *voies de fait*. Конечно, жизнь могла впоследствии захватить институтку въ свой мутный потокъ; институтка могла сдаться и дѣйствовать по пословицѣ *съ волками жить, по волчьи выть!* Но извѣстный процентъ выдерживалъ искусь до конца, а остальные все-же хотя нѣсколько первыхъ лѣтъ жизни по выходѣ изъ института воздерживались отъ битья своей крѣпостной челяди.

Удивляло меня всегда, какое странное и невѣрное представление имѣютъ въ обществѣ объ институткѣ былого времени; я приписываю это незнакомству съ тѣмъ, что происходило въ его стѣнахъ. Дѣйствительно, подробнаго и обстоятельнаго описанія его быта не появлялось въ литературѣ. Проскакивали разные отрывки, но одни были преисполнены хвалебныхъ пѣснопѣвій, другіе послали чисто полемическій, а слѣдовательно опять-таки односторонній характеръ.

Вотъ хотя-бы сильно распространенное мнѣніе, приписывающее институткамъ необыкновенную сантиментальность. Откуда оно взялось и на чемъ основывалось—рѣшительно не понимаю. Какимъ образомъ могла явиться сантиментальность у институтки, когда весь институтскій строй клонился не только къ истребленію всякой сантиментальности, но и къ сдерживанію и подавленію всякаго наружнаго проявленія чувства?

Жизнь всегда показывала мнѣ другое. Въ большинствѣ институтокъ былого времени, съ которыми мнѣ случалось сталкиваться, я замѣчала всегда наклонность къ сарказму и скорѣе нѣкоторую сухость въ пріемахъ и обращеніи, нежели слезливую восторженность и сантиментальность, приписываемыя имъ. Я полагаю, что здѣсь происходила путаница въ понятіяхъ. Общество называло сантиментальностью невольное и вполнѣ естественное удивленіе, вырывавшееся у институтки при первыхъ шагахъ ея за институтскимъ порогомъ. Понятно, что когда не видалъ, напр., 6—9 лѣтъ сряду ни одной кошки, собаки, коровы, то закричишь при видѣ ихъ: ахъ, копка! ахъ, корова! Только сантиментальность-то при чемъ тутъ? Это скорѣе наивность дикаря.

Наконецъ, въ самомъ обществѣ тогдашняго времени существо-

вала сильная склонность къ сантиментальности, къ возхищенію неземными, эфирными созданіями, барышнями-бабочками, и сомнѣнія нѣтъ, что многія институтки, желавшія имѣть успѣхъ, подѣлывались подъ тонъ общества, но въ такомъ случаѣ оно навязывало имъ свой цвѣтъ, а не институтъ вырабатывалъ его.

Что касается образованія, которое давалъ институтъ, то оно во всякомъ случаѣ было не ниже того, какое получали русскія дѣвушки того времени въ своихъ семьяхъ; я полагаю даже, что, на основаніи вышеприведенныхъ программъ и свидѣтельствъ образованныхъ современниковъ, можно сказать безъ преувеличенія, что оно было выше.

Но этого мало: институтъ до нѣкоторой степени вырабатывалъ и закалялъ характеръ, чему содѣйствовалъ главнымъ образомъ суровый духъ, сложившійся въ средѣ самихъ воспитанницъ, Богъ вѣсть когда и кѣмъ занесенный и перешедшій изъ родъ въ родъ.

Подъ вѣншей форменностью институтскаго строя была полная возможность развиться въ характеръ способной, энергической личности и чувству собственного достоинства, и внутренней самостоятельности. Кроимъ того, институтъ развивалъ уваженіе къ высшимъ интересамъ жизни, а не къ однимъ матеріальнымъ благамъ, заботы о которыхъ почти исключительно поглощали наше тогдашнее общество.

Говоря все это, я не хочу сказать, что институтъ производилъ вполне выработанные, законченные характеры; нѣтъ, онъ закладывалъ только фундаментъ, дѣйствуя, во-1-хъ, отрицательно, т.-е. отчуждая ребенка отъ вліяній семьи,—вліяній, болшею частью зловредныхъ, ибо что путника могла воспитать въ рбенкѣ семья Фамусовыхъ, Молчаливыхъ, Чичиковыхъ, Ноздревыхъ, Сквозникъ-Дмухановскихъ и др.; во-2-хъ, положительно, давая задатки для умственной жизни, такъ сказать, развивая восприимчивость къ болѣе идеальному отношенію къ жизни. Нужды нѣтъ, что идеалы зачастую были фальшивые, взгляды и понятія невѣрныя—все это могло исправить жизнь.

Выражусь короче и яснѣе: институтка способная и умная, приходя въ обществѣ въ соприкосновеніе съ здравыми понятіями, способна была воспринять ихъ, нежели умная и способная по природѣ дѣвушка, вышколенная и съ малолѣтства забитая умственно и нравственно мамашей изъ породы Бѣловодовыхъ и комп.

Всѣ-же институтки, какъ умныя, такъ и глупыя, являлись въ семьѣ диссонансомъ. Выростя вдали отъ семьи и отвыкнувъ отъ нея, онѣ уже никогда не могли вполне слиться съ ея интересами и работать въ ея смыслѣ. Въ этомъ тоже была своя доля пользы, потому что это подтачивало, хотя, быть можетъ, и непримѣтно для

глаза, вредныя условія семейнаго, а слѣдовательно и общественнаго быта того времени.

Теперь институтъ покончилъ съ своею ролью пионера; да и самое образованіе, какое онъ давалъ, сдѣлалось далеко недостаточнымъ. Въ обществѣ полуграмотныхъ *Коробочекъ* институтка могла считаться представительницей образованія и знанія, но понятно, что когда общество досрочно до сознанія необходимости *женскаго университета*, то и институтъ долженъ былъ стать въ положеніе второстепеннаго, приготовительнаго заведенія. *Да, института былыхъ времянь уже больше и не существуетъ.* Измѣнились порядки, измѣнились бытъ и нравы.

Дореформенный институтъ до того обусловливался старыми общественными порядками, что не могъ существовать долѣе, разъ они рухнули. Преобразованія коснулись и его, и его роль и значеніе въ дореформенномъ русскомъ обществѣ отошли въ вѣчность.

А. Энгельгардтъ.

ШКОЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(Изъ воспоминаній о начальной школѣ).

Большинство сельскихъ школъ начинаютъ свою жизнь съ появленіемъ снѣга и расплзаются съ исчезновеніемъ его. Эта связь школы съ лежаніемъ снѣга особенно устойчива въ м. Погребичѣ, Кіевской губерніи. Это довольно большое мѣстечко, имѣющее двѣ церкви и костелъ. Въ послѣднее время мимо него проведена и желѣзная дорога. Въ такомъ большомъ мѣстечкѣ съ многочисленнымъ населеніемъ существуютъ всего двѣ маленькихъ церковно-приходскихъ школы; но и тѣ живутъ параллельно со снѣгомъ, а съ его таяніемъ и сами таютъ, погружаясь въ долгую лѣтнюю спячку вплоть до появленія новаго снѣга. Вотъ наступила осень, заходило, крестьянскія работы окончились, и ребята начинаютъ сходиться въ школу.

Выпалъ первый снѣгъ, и я пошелъ въ школу. Мать спила мнѣ новенькую, чистенькую котомку для книги и провизіи, которою запасался каждый школяръ на цѣлый день, такъ какъ занятія продолжались съ ранняго утра до самаго вечера. По старому укоренившемуся обычаю каждый школяръ въ первый свой приходъ въ школу долженъ былъ принести учителю какой-нибудь подарокъ. Отецъ вручилъ мнѣ для учителя бутылку коноплянаго масла. Пошелъ я; до школы было версты двѣ. Какой-то страхъ напелъ на меня дорогой; школа представлялась мнѣ чѣмъ-то ужаснымъ, такъ какъ въ дѣтствѣ, желая прекратить мои капризы, всегда пугали школой. «Погоди, молъ, плачь дольше, такъ придутъ десятскіе и возьмутъ тебя въ школу, а тамъ будешь ты знать, какъ дольше плакать»... И школу представляли такимъ адомъ, что и теперь жутко становится, когда вспомнишь. Какъ-бы тамъ ни было, я рѣшился пойти въ школу. Вотъ я уже въ сѣняхъ школы, съ замираніемъ сердца отъ страха; едва услышалъ я гамъ читающей всей школы, волосы дыбомъ стали, я порывался бѣжать домой, какъ вдругъ меня замѣтили и позвали въ школу. Увидѣвъ учителя, я смѣлѣ

уже вошелъ въ школу, отдавая ему бутылку; казалось, всякій страхъ пропалъ, такъ какъ эта бутылка, по моему мнѣнію, должна была смягчить самаго суроваго учителя и защитить меня отъ всего того, чѣмъ такъ пугали дома. Учителемъ тогда былъ К—ъ, семнадцатилѣтній юноша, только что выбывшій изъ уѣзднаго училища. Онъ посадилъ меня за парту и сталъ читать со мной по «Родному Слову». Весьма странное впечатлѣніе произвела на меня эта школа: это очень дряхлая избушка съ землянымъ поломъ, маленькимъ закоулочкомъ въ сѣняхъ для топлива и крошечнымъ крыльцомъ, покрытымъ, какъ и вся изба, соломой. Въ серединѣ школы помѣщалась печь, по сторонамъ ея полуразваленныя парточки, удивительно непривлекательныя на видъ, а объ удобствахъ ихъ и говорить нечего. Каждая изъ нихъ напоминала собою крышу дома, и дѣти принуждены были сидѣть липомъ другъ къ другу. Въ школѣ холодно, сыро, мыши стаями бѣгають, а какъ потеплѣетъ, то и жабы маршируютъ вдоль стѣнъ; въ стѣнахъ просвѣчиваютъ щели, сквозь которыя проникаетъ въ школу свѣжная пыль. Въ углу, возлѣ печки, стоитъ полуразваленный шкафъ съ ключьями букварей, часослововъ и пр. За парточками сидятъ душъ 50 дѣтей лицомъ другъ къ другу; всѣ они въ «свиткахъ, кожухахъ» (верхняя одежда), съ указками изъ гусиныхъ перьевъ въ рукахъ и громко читаютъ славянскія граматки: «азъ, буки»... другіе бормочутъ склады: «буки азъ—ба, вѣди азъ—ва» и т. д. Раздаются звуки чтенія каөизмъ: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ»... Изъ угла доносится чтеніе Часослова: «Иже въ шестый день же и часть»... На печкѣ лежитъ вся провізія школяровъ; распаренныя сельди вмѣстѣ со спертымъ и безъ того воздухомъ даютъ удивительный запахъ. На краю печки, свѣсивъ ноги, сидитъ учитель (грѣтется) съ длинной лозиною въ рукахъ и наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы школяры не зѣвали по сторонамъ; и едва кто-нибудь изъ нихъ отведетъ глаза отъ книги, уже бдительная хворостина учителя оживленно взвизгиваетъ въ воздухъ, ловко ударяетъ по ушамъ зѣвающего, и слышится крикъ—а-ай-ай...

Насталъ полдень, насъ освободилъ учитель отъ книги, и мы усердно принялись «полудновать», послѣ чего отправились гулять на церковный огородъ возлѣ школы. Тамъ расло нѣсколько деревьевъ, кору на которыхъ обгрызли козы, перепрыгивающія изъ мѣстечка черезъ высокій частоколъ; теперь онѣ паслись здѣсь. Бросились мы на нихъ: мучили ихъ, катались на нихъ; одного козленка замучили до полнаго лишенія чувствъ, другого поймали и повели на истязаніе: втащили его въ школьныя сѣни, облили на морозѣ холодной водой, вымазали золою, и козленокъ преобразился—изъ бѣ-

лаго сталъ чернымъ; этого показалось мало, вдобавокъ стали еще и бить его, пока онъ совершенно не лишился чувствъ. Тогда нѣсколько дюжихъ мальчиковъ подбѣжали, подхватили этого мученика, раскачали его хорошенько и бросили черезъ заборъ; только жалобный стонъ послышался. Другихъ козъ гнали черезъ частокоть и плетень, причеиъ онѣ нерѣдко выламывали себѣ ноги. Часто цѣлыя исторіи выходили изъ-за этого. Прогулка продолжалась часа два, а послѣ опять сѣлились мы за «буки азъ—ба»... Съ заходомъ солнца занятія оканчивались. Сторожа при школѣ не было, и вотъ каждую ночь должны были оставаться ночевать въ школѣ по нѣсколько учениковъ по очереди. Утромъ они топили печку, подметали полъ, носили воду для питья на цѣлый день. Обыкновенно охотниковъ ночевать въ школѣ больше было, чѣмъ нужно. Изъ дому они набирали себѣ пшена, картофеля, варили ужинъ, кувыркались въ солоиъ на полу, рассказывали сказки самаго разнообразнаго содержания съ непристойными эпизодами. Позднимъ вечеромъ, когда евреи въ ближайшихъ къ школѣ домахъ поуспнутъ, ночующіе берутъ свистки изъ гусиныхъ перьевъ, бѣгутъ подъ окна и свистятъ, что есть мочи; перепуганные этимъ евреи вскакиваютъ съ крикомъ «гвултъ», посмѣяиъе изъ нихъ выбѣгаютъ на дворъ, но проказниковъ уже нѣтъ—они со школьнаго крыльца уже швыряютъ камнями въ двери еврейскихъ лачугъ. Утромъ ночующіе топили печку, грѣлись послѣ сильнаго ночного холода въ школѣ и дружно обирали приходившихъ въ школу товарищей. «Давай, мы, молъ, ночевали». Волей-неволей приходившій лишался лучшаго куска изъ сѣстнаго.

Иногда заходилъ къ намъ на занятія и отецъ Алексѣй. Онъ все толковалъ намъ о Св. Троицѣ, объ Адамѣ и Евѣ, но его никто не понималъ, такъ какъ говорилъ онъ по-русски. Все остальное время занимался съ нами учитель. У порога висѣло почернѣвшее отъ времени расписаніе уроковъ, гдѣ нѣсколько разъ было написано непонятное намъ слово «Пѣніе». Иногда только заходилъ къ намъ на это «пѣніе» разъ въ недѣлю Лѣвенко въ пьяномъ видѣ. Это былъ сельскій безпріютный трактирный адвокатъ, писавшій мужикамъ всякаго рода прошенія и вѣчно пьянствовавшій на заработанные гроши. Добрый отецъ А. вошелъ въ положеніе этого пролетарія и далъ ему квартиру въ другой половинѣ школьной избышки. Здѣсь очень часто былъ крикъ, ссоры и драки пьянаго Лѣвенка со своей женой, загромаждавшей еврейскимъ бѣльемъ весь школьный дворъ, общія сѣни и свою лачугу, откуда вѣчно несло специфическимъ запахомъ мойки бѣлья. При такихъ-то условіяхъ Лѣвенко и заходилъ къ намъ иногда давать уроки «пѣнія», вѣроятно, изъ сознанія долга. Какъ-бы тамъ ни было, но фактъ тотъ,

что онъ всегда являлся къ намъ мертвецки пьянымъ и, чуть перешагнувъ черезъ порогъ, во все горло орагъ жалкіе обрывки трезвучія гаммы: «Хва (фа), ля, до... до, соль, хва (фа)»... Мы недоумѣвали: за какую это онъ соль такъ раскричался? Ужъ не рассыпалъ-ли кто у него соли, и онъ кричитъ за это? Собираетъ онъ насъ въ кучу, задаетъ тонъ, о которомъ и самъ или имѣлъ самое смутное понятіе, или такъ-же понималъ, какъ и мы, которые отъ его дикаго вида и рева не помнили себя.

Итакъ, воспитаніе было всецѣло въ рукахъ учителя; правда, онъ, насколько помнится, не обладалъ никакими методами обученія, за-то былъ усерднымъ ревнителемъ мѣръ наказанія. Такъ, если кто испортитъ воздухъ, принужденъ былъ передъ всей школой поцѣловать кочергу. За шалости виновникъ ставился въ уголъ съ обтрепаннымъ вѣникомъ въ рукахъ; болѣе тяжелой мѣрой наказанія было стояніе на колѣняхъ съ объемистой библіей въ рукахъ или просто стояніе въ углу, но и здѣсь съ отличіемъ—со стуломъ на головѣ.

Въ слѣдующую зиму училъ насъ Х—ко. Это простой пожилой человѣкъ, выбывшій когда-то изъ второго класса гимназіи. Дѣло пошло еще хуже. Онъ очень часто уходилъ изъ школы съ самаго утра по своимъ дѣламъ, поручивъ старшимъ ученикамъ слѣдить за порядкомъ и тишиной; но не тутъ-то и было—съ его уходомъ вся школа, почувствовавъ свободу, ходила «вверхъ ногами». Избранные блюстители порядка всячески издѣвались надъ младшими, вымогали у нихъ лучшіе куски сѣстнаго, угрожая въ противномъ случаѣ занесеніемъ въ списокъ нарушителей порядка.

Подъ вечеръ возвращался нашъ учитель съ алкогольной краской на лицѣ—и тутъ-то сыпались разспросы и доносы на беззащитныхъ! Немедленно простилался у печки мѣшокъ, куда безирекословно долженъ былъ ложиться часто и мнимый виновникъ для совершенія надъ нимъ экзекуціи. Бѣдный ребенокъ, весь поблѣднѣвшій отъ страха, ложился на мѣшокъ, ему обнажали «филейныя» части—и начинался свистъ розогъ и отчаянное испуганное вскрикиванье наказываемаго. Послѣ этой церемоніи школа распускалась. Утромъ опять приходили перепуганные ребята въ школу и ожидали того-же. Заступиться за нихъ некому—ихъ родители привыкли къ этому, какъ къ необходимому явленію въ дѣлѣ ученія. Явился случай и мнѣ попасть подъ розги. Разъ какъ-то въ воскресенье утромъ мы собрались въ школу идти въ церковь. Я нашелъ за шкафомъ бутылку учителя съ замерзшими на днѣ чернилами, сталъ я разогрѣвать у печки чернила; дно отлетѣло. Въ понедѣльникъ было объясненіе съ пьянымъ учителемъ, и мнѣ предстояло побывать на

«мѣшкѣ». Съ одной стороны стыдъ передъ товарищами, съ другой стороны непривычка переносить такія боли заставили меня вырваться изъ рукъ и бѣжать изъ школы, которой съ недѣлю не посѣщалъ, пока отецъ не задобрилъ учителя рюмкой водки.

Х—ко еще меньше своего предшественника обладалъ методами обученія. Вся дѣятельность его въ трезвые дни состояла въ выслушиваніи чтенія учениками каѳизмъ, складовъ. Много рѣшимости нужно было имѣть, чтобы пойти «выслухаться», такъ какъ каждое невѣрно произнесенное слово ниспосылало на затылокъ ученика тяжельй кулакъ учителя. Можно было и не ходить къ столу «выслухаться» по необязательности этого; многіе такъ и дѣлали. Но самые каторжные были тѣ дни, когда учителю приходила фантазія позаняться по ариметикѣ со старшими учениками. Вызоветь онъ къ доскѣ душъ 4—5 и задаетъ всѣмъ задачи поочередно. Никто изъ насъ и понятія не имѣетъ о задачахъ; лишь немногимъ счастливымъ выпало на долю какимъ-то образомъ дома выучиться складывать съ трудомъ небольшія числа и нумерацію знать до ста. Стоимъ мы всѣ у доски и хлопаемъ глазами — ничего не понимаемъ. Учитель злится. «Ты не понимаешь, не понимаешь? бей его, Салацкій въ морду! И ты не понимаешь? бей и его въ морду! Теперь ты объясни имъ, Салацкій». Салацкій хлопаетъ глазами. «Такъ и ты, Салацкій, не понимаешь? бейте теперь всѣ Салацкаго въ морду!»

Нѣсколько успѣшнѣе шло чтеніе славянскаго текста: лестно было ученику поскорѣ «кончить» книгу и нести въ школу кашу. По окончаніи каждой книги (грамматики, часослова и псалтири) ученикъ приносилъ изъ дому въ школу большой горшокъ каши, спеціально для этого сваренной, и въ полдень разносилъ товарищамъ и раскладывалъ на партахъ по ложкѣ каждому, а болѣе близкимъ и по двѣ. Послѣ этого всѣ гурьбой торжественно выносили пустой горшокъ на дворъ, и виновникъ торжества съ закрытыми глазами въ виду всѣхъ товарищей разбивалъ его палкой. Если съ перваго раза удавалось попасть въ горшокъ, то это означало хорошій успѣхъ въ будущемъ «ученія» новой книги и скорое принесеніе новой каши. При этомъ учитель получалъ въ подарокъ полштофа водки, копѣекъ 20—30 деньгами и восьмушку махорочныхъ корешковъ за успѣхъ ученика.

Все это было лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Судя по рассказамъ учениковъ, старинные порядки этой школы въ значительной степени уцѣлѣли и въ настоящее время съ небольшой переменой. Выстроено уже новое помѣщеніе, но жена покойнаго Лѣвенка осталась неизмѣнной спутницей школьнаго помѣщенія и снабжаетъ его специфическимъ запахомъ мойки еврейскаго бѣлья. Учи-

тельницей состоитъ дочь отца А. Линейка продолжаетъ фигурировать въ центрѣ всѣхъ мѣръ наказанія, съ тою лишь разницей, что бьетъ она не такъ больно въ силу неизбежной причины—женской физической слабости. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ разницы немного сравнительно съ прежнимъ—эта потеря въ значительной степени пополняется усерднымъ ея помощникомъ изъ окончившихъ учениковъ, которому поручается веденіе школы во время отлучекъ учительницы въ отцовскій домъ на нѣсколько часовъ. И тутъ-то молодой «педагогъ» находитъ обширное примѣненіе врученной ему власти! Передъ нимъ является гора лучшихъ кусковъ съѣстнаго въ видѣ приношенія со стороны учениковъ, дабы смягчить гнѣвъ «власти».

Въ послѣднее время стали практиковаться и выпускные экзамены; это ново для этой школы, именно ново потому, что раньше выпрашивали изрѣдка то, что онъ выучилъ за день или за два, а теперь выпрашиваютъ у каждаго ученика тотъ урокъ, который онъ твердилъ къ экзамену если не цѣлый годъ, то значительную часть его. «Да какъ-же это такъ, что васъ спрашиваютъ только то, что наилучше знакомо вамъ?»—спросилъ я учениковъ.— «Да такъ, — отвѣчаемъ мы на экзаменахъ по картинкамъ, изъ которыхъ наиболѣе известную каждый намѣчаетъ себѣ заранѣе. Чужой батюшка скажетъ вынуть картинку и рассказать, что она означаетъ; вотъ я и ищу своей картинки съ надгрызеннымъ мною углышкомъ и рассказываю про эту картинку, какъ «Отче нашъ» читаю. Чужой батюшка только хвалитъ—хорошо, хорошо. Одно только,—продолжаетъ ученикъ,—не хорошо, что на кого нашъ батюшка разсердится, такъ дѣтямъ того не позволяетъ ходить въ школу; говоритъ, что вы забыли за дѣто читать, и потому нельзя вамъ ходить въ школу». Интересно послѣ этого знать, что считаетъ назначеніемъ школы стоящій во главѣ ея?

Что-то поговариваютъ о постройкѣ въ Погребичѣ министерской школы.

Дай-то, Богъ! Тогда-бы всѣ дѣти, забывающія за дѣто читать, вновь повторили-бы забытое, новому научились-бы, и не пришлось-бы имъ, бѣдняжкамъ, въ силу невольной своей забывчивости лишаться свѣта школы.

Камось.

Объ основныхъ вопросахъ народнаго просвѣщенія.

I. О природѣ человѣка, какъ предмета воспитанія и образованія.

Къ числу заслугъ передъ человѣчествомъ прошлаго XIX вѣка должна быть отнесена и надлежащая постановка вопроса о природѣ человѣка въ цѣломъ, безъ дробленія ея на вполне противоположныя одна другой сущности. Этимъ, конечно, не отвергается существованіе въ человѣкѣ души, а только признается, что при жизни она такъ тѣсно связана съ тѣломъ, что для пониманія живой человѣческой природы, для оцѣнки чувствъ, мыслей и дѣйствій человека, необходимо изучать и знать цѣльнаго человѣка, во всей полнотѣ его свойствъ, какія бы названія они ни носили и къ какой-бы категоріи ни принадлежали.

Забываясь только о тѣлѣ, мы лишаемъ его благотѣльнаго воздѣйствія души, и человѣкъ по необходимости приближается по своимъ свойствамъ къ животному. Съ другой стороны, пренебрегая тѣломъ и дѣйствуя только на душу, мы лишаемъ послѣднюю здоровыхъ орудій воспріятія и отвѣтнаго дѣйствія, что обыкновенно ведётъ къ извращенію всей душевной дѣятельности, вслѣдствіе ложно истолковываемыхъ впечатлѣній и неправильно направляемыхъ дѣйствій. Старинный афоризмъ «здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ» представляетъ, конечно, не мало исключеній, но, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ принадлежатъ только къ видимымъ, а не дѣйствительнымъ исключеніямъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно только оцѣнивать людей не съ той или другой узкой предвзятой точки зрѣнія, а всесторонне, научно. Особенно необходима такая всесторонняя, научная оцѣнка человѣка для дѣла воспитанія и образованія, осуществляемаго во время роста и развитія перваго.

Человѣкъ растетъ и вообще развивается очень медленно и разныя его свойства и способности развертываются неодновременно и даже не съ одинаковой у всѣхъ послѣдовательностью. Мало того, при рожденіи люди выносятся съ собой на свѣтъ далеко не одинаковыя задатки, въ зависимости не только отъ какихъ-либо постоянно или

хотя-бы продолжительно дѣйствующихъ, но и отъ совершенно случайныхъ временныхъ и мѣстныхъ вліяній, крайне трудно поддающихся какому-либо учету. Истинные педагоги давно уже признали громадное значеніе въ дѣлѣ воспитанія и образованія разнаго рода личныхъ особенностей, свойственныхъ различнымъ людямъ. Но «оффиціальная» школа очень мало обращаетъ на нихъ вниманія, стремясь все привести къ одному уровню и тѣмъ обезличить людей. Иногда дѣйствительно это удается ей въ довольно значительной степени; особенно типическимъ образцомъ такихъ школъ можно признать іезуитскія школы, а у насъ—разнаго рода закрытыя учебныя заведенія представляютъ только видимое имъ подобіе, заботясь лишь о сходствѣ поведенія, но не посягая на внутренній міръ человѣка и самое большее создавая лицемѣровъ, а не убѣжденныхъ поборниковъ одной какой-либо узкой доктрины.

Природа, какъ воздухъ, проникаетъ всюду, выгнанная черезъ двери и окна, она возвращается черезъ трещины и щели. Ей противодѣйствовать—значитъ рано или поздно накликать на себя и на другихъ какую-нибудь бѣду. Въ своей рѣчи «Гигіена и цивилизація», произнесенной въ общемъ собраніи IV сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, бывшемъ въ 1873 г. въ Казани, я высказалъ между прочимъ, такую мысль: «Тяготѣющее надъ людьми проклятiе заключается не въ трудѣ, а въ способности ихъ трудиться, не достигая цѣли,—не въ болѣзняхъ, а въ способности самимъ производить ихъ, не замѣчая производителей». За истекшія съ того времени 28 лѣтъ я могъ только все болѣе и болѣе убѣждаться въ справедливости этой мысли. Особенно наглядное доказательство такой справедливости представила исторія нашего народнаго просвѣщенія за данный срокъ. Пренебрегая природой и человѣческаго тѣла, и неразрывно связаннаго съ нимъ при жизни человѣческаго духа, школа все это время напрасно трудилась и своей цѣли не достигла, а взамѣнъ только ослабила тѣло и духъ, обвиняя въ этомъ не себя, а разнаго рода стороннія вліянія, въ томъ числѣ семью и общество, отъ которыхъ она поэтому и старалась обособить школу, въ ущербъ себѣ и всей странѣ.

Единичные люди, ради тѣхъ или другихъ своихъ личныхъ цѣлей и вслѣдствіе своихъ личныхъ склонностей, могутъ безъ вреда для другихъ отречься отъ міра и сосредоточить свое вниманіе на своемъ внутреннемъ мірѣ. Но это удѣлъ малаго числа избранныхъ. Если-бы такъ поступила масса людей, то обрекла-бы себя этимъ на самоубійство, вопреки не только своей природѣ, но и завѣту Бога «плодиться, множиться и населять землю». Поэтому, желая воспитать и образовать человѣка для благополучной жизни на землѣ,

необходимо прежде и больше всего считаться съ земными условіями, въ томъ числѣ и съ земной природой человѣка, которая, вопреки повседневному опыту и здравому смыслу, оцѣнивается обыкновенно очень низко, хотя, за единичными исключеніями, всѣ «питаютъ и согрѣваютъ свою плоть». Ненависть, презрѣніе или простое пренебреженіе своею «плотью» имѣетъ въ дѣйствительности отвлеченный или, какъ выражаются ученые, академическій характеръ и до извѣстной степени сходно съ приверженностью нѣкоторыхъ къ «классическому» образованію. Въ томъ и другомъ случаѣ угнетаютъ «человѣка» въ смутныхъ, необоснованныхъ интересахъ «души» и тѣмъ подрываютъ ростъ и развитіе перваго, вмѣстѣ съ послѣдней, въ самомъ корнѣ, почему чахнетъ не только тѣло, но и душа, т.-е. весь человѣкъ... Воздавайте Божіе Богу, но не отнимайте и человѣческаго у человѣка, не насилуйте его природы, его естественныхъ потребностей, его естественнаго развитія.

По рожденіи человѣкъ прежде всего обнаруживаетъ потребность питанія, безъ удовлетворенія которой не мыслимы ни его ростъ, ни его развитіе въ какомъ-бы то ни было отношеніи, а слѣдовательно мыслимы только его увяданіе и смерть. Въ общемъ человѣчеству, и особенно, нужно сказать, нашему отечеству, очень дорого обходится несоотвѣтственное удовлетвореніе данной основной потребности человѣка въ первое время его жизни. Всѣмъ свѣдущимъ людямъ извѣстно, какъ исключительно велика у насъ смертность дѣтей перваго возраста, вслѣдствіе чего половина всѣхъ родившихся въ извѣстный срокъ умираетъ у насъ, приблизительно, къ 21—23 годамъ жизни.

За потребностью питанія обнаруживается въ человѣкѣ мало-помалу потребность общенія съ окружающимъ его міромъ и близкими къ нему людьми. Человѣкъ, безсознательно пользуясь природными органами и руководствомъ другихъ, старшихъ людей, выучивается смотрѣть, слушать, щупать (видѣть, слышать, осязать дано ему отъ природы).

Благодаря этому, въ человѣкѣ начинаютъ образовываться и складываться впечатлѣнія отъ внѣшняго міра, которыя служатъ основой всего послѣдующаго внутренняго и собственно духовнаго его развитія, ведущаго къ установкѣ того или другаго отношенія человѣка къ внѣшнему міру и къ другимъ людямъ. Въ опредѣленіи этого отношенія существенную роль играютъ тѣ прибавки къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, которыя даются внутренними чувствами человѣка съ одной стороны и поясненіями другихъ, болѣе опытныхъ людей—съ другой. Такъ какъ безразличіе не даетъ человѣку ничего, то всѣ проявленія внутреннихъ чувствъ въ отвѣтъ на тѣ или дру-

гія впечатлѣнія со стороны внѣшняго міра можуть быть сведены на *пріятныя и непріятныя*; первыя вызывають *удовольствія*, а вторыя—*неудовольствія*; первыя, можно сказать, повышаютъ тонъ жизни, а вторыя понижаютъ. Въ этомъ отношеніи впечатлѣній къ внутреннему тону жизни и коренится основа первобытной «нравственности» человѣка,—основа, очевидно, чисто органическаго, стихійнаго характера. Предоставленная самой себѣ, такая нравственность и ведетъ къ тому, что «*homo homini lupus est* (человѣкъ для человѣка волкъ)», что человѣкъ является грубымъ, беззастѣнчивымъ эгоистомъ, живущимъ такъ, что «послѣ него хоть трава не расти».

Тяжелый и продолжительный опытъ однако давно уже привелъ нѣкоторыхъ людей къ убѣжденію въ возможности другого критерія для оцѣнки и впечатлѣній, и своего поведенія относительно внѣшняго міра и людей. Этотъ второй, высшій критерій «нравственности» основывается уже не на ощущеніяхъ, а на извѣстномъ ихъ сопоставленіи какъ другъ съ другомъ, такъ и съ ходомъ жизни, что неизбѣжно приводитъ къ оцѣнкѣ ихъ не только въ данную минуту, не только по отношенію ко «миѣ самому», но и за время прошлое и будущее и по отношенію къ «моей» семьѣ, къ «моему» роду, къ «моей» странѣ или отечеству. При этомъ скоро открывается, что удовольствіе легко ведетъ къ тяжелымъ неудовольствіямъ въ ближайшемъ будущемъ, что оно дурно можетъ отзываться на близкихъ людяхъ, что оно легко ведетъ къ губельнымъ столкновеніямъ съ другими людьми. Такъ мало-по-малу складывается у людей второй, болѣе высокій критерій «нравственности», сводящійся къ предоставленію о *пользѣ или вредѣ* того или другого дѣйствія и неизбѣжно ограничивающій пользованіе первымъ по времени, чисто органическимъ критеріемъ удовольствія и неудовольствія, основаннымъ на ощущеніяхъ и внутреннихъ органическихъ чувствахъ.

Всякій, кто внимательно присматривался къ развитію дѣтей, а также давалъ себѣ отчетъ въ мотивахъ собственнаго поведенія, легко могъ замѣтить, какъ трудно указанному болѣе высокому нравственному критерію бороться съ низшимъ. Это и понятно въ виду того, что первый требуетъ соображенія, а второй ограничивается простымъ впечатлѣніемъ. Здѣсь-то вотъ и является крайне необходимымъ вліяніе со стороны другихъ людей, на первомъ планѣ—вліяніе примѣра жизни, а затѣмъ проникнутаго любовью и искреннимъ доброжелательствомъ слова, соответствующаго дѣлу.

«Трезвая» практика жизни обыкновенно и не идетъ далѣе критерія пользы и вреда или обоснованнаго главнымъ образомъ практическими англичанами принципа утилитаризма, довольно грубо, хоть и логически вторгающагося въ своей отвлеченной формѣ въ

область третьяго, наивысшаго критерія нравственности, въ основаніе котораго положены отвлеченныя понятія о *добрѣ* и *злѣ*. Этотъ критерій, возникшій въ средѣ человѣчества не одну тысячу лѣтъ назадъ, и до сихъ поръ безуспѣшно борется съ человѣчествомъ. Единичные проводившіе и проводящіе его въ жизнь люди являются предметомъ благоговѣнія и поклоненія со стороны другихъ людей, со стороны цѣлыхъ ихъ массъ, считаются недосягаемыми идеалами, близкими къ Богу, и только... А жизнь шла и идетъ своимъ чередомъ, руководимая удовольствіемъ и пользой, хотя и мѣняла не рѣдко, подъ вліяніемъ «великихъ» и «святыхъ» людей, не только свою видимую форму, но и самое содержаніе. Какъ всегда, такъ и теперь, міръ и плоть являются тѣми тяжелыми путями, которыхъ никакъ не можетъ сбросить «свободный» человѣческій духъ, который стремится къ своей обители внѣ земли... Но это стремленіе дано немногимъ избраннымъ. Кто можетъ вмѣстить, пусть вмѣщаетъ. А насильственное его прививаніе, какъ показала исторія, ведетъ не къ добру, а ко злу, къ паденію, а не къ возвышенію человѣчества. къ развитію въ средѣ его лжи и лицемерія, къ появленію и поддержкѣ вредныхъ и опасныхъ суевѣрій и предразсудковъ.

Нельзя требовать отъ человѣка больше того, что онъ можетъ дать по своей природѣ. Руководясь послѣдней, можно только смягчить и ограничивать его органическія потребности и влеченія, не истязая и не истоящая его тѣла и не выводя насильно его духа за предѣлы возможнаго для него пониманія и чистой вѣры, служащей свѣточемъ и путеводной звѣздой. Для обычнаго хода жизни было-бы хорошо, если-бы люди руководились возможно болѣе широко понимаемой пользой, своей и чужой. А для этого необходимо толковое пониманіе вѣшняго міра и своихъ къ нему отношеній, чего можно достигнуть только умѣньемъ наблюдать и правильно оцѣнивать свои наблюденія. Поэтому въ основаніи образованія и должно лежать не запоминаніе трудно или совсѣмъ не усвояемыхъ человѣкомъ чужихъ наблюденій, чужихъ мыслей, а пріученіе къ самостоятельному наблюденію, къ самостоятельному мышленію. Дѣти до 12, а многія и до 15 и болѣе лѣтъ болѣе или менѣе легко воспринимаютъ только конкретныя или реальныя знанія; даже сообщаемыя ими отвлеченности они, какъ и всѣ неразвитые умственно люди, стремятся превратить въ конкретныя, легко представляемыя формы. Въ противномъ случаѣ онѣ, эти отвлеченности, являются для нихъ пустыми словами, которыя не затрагиваютъ ни ихъ чувствъ, ни ихъ мыслей, но, занимая въ памяти мѣсто, могутъ однимъ своимъ присутствіемъ мѣшать правильному обнаруженію однихъ и пра-

вильной постановкѣ другихъ... Только къ 16—20 годамъ у людей устанавливается способность до известной степени самостоятельно относиться къ отвлеченной, широкой мысли и предаваться логической ея обработкѣ, если только предъидущее образованіе не подавляло естественной наклонности къ мышленію, выражающемуся раньше всего въ сопоставленіи разнаго рода впечатлѣній—реальныхъ и словесныхъ; въ послѣднемъ случаѣ имѣетъ важное значеніе не только живой рассказъ, но и книга. Въ виду этого нельзя назвать правильнымъ педагогическимъ приемомъ ставить въ началѣ образованія людей на важное, а тѣмъ болѣе на первое мѣсто изученіе, напр., отвлеченныхъ истинъ религіи и вообще нравственно-сти, а также какихъ-либо грамматическихъ правилъ.

II. О задачахъ народнаго просвѣщенія вообще.

Какъ и по какимъ признакамъ оцѣниваемъ мы, взрослые, достоинства и недостатки полученнаго нами воспитанія и образованія? Чего-бы мы хотѣли достигнуть, воспитывая и образуя нашихъ собственныхъ дѣтей? На эти вопросы мы получимъ, конечно, отъ отдѣльныхъ людей очень разнообразныя отвѣты, въ зависимости отъ личныхъ убѣжденій и склонностей, отъ личнаго опыта и наблюденія, отъ общественнаго положенія, отъ экономическаго состоянія, отъ общаго умственнаго и нравственнаго развитія, отъ легѣмыхъ каждымъ человѣкомъ идеаловъ жизни и т. д. Но навѣрное можно сказать, что во всѣхъ отвѣтахъ будетъ прямо или косвенно указываться на необходимость соответствія воспитанія и образованія съ требованіями практической жизни, на ряду съ привитіемъ необходимыхъ для всякаго общежитія нравственныхъ чувствъ и убѣжденій, известныхъ нравовъ и привычекъ.

Требованія практической жизни въ подробностяхъ очень разнообразны, но по существу они могутъ быть сведены къ небольшому числу видовъ, примѣнительно къ основнымъ формамъ человѣческой жизни—личной, семейной, общественной, государственной и общечеловѣческой.

Для cadaго изъ насъ лично важнѣе всего, конечно, обезпеченіе своей жизни, и притомъ въ условіяхъ здороваго существованія, и по слову Писанія «каждый питаетъ и грѣетъ свое тѣло». Въ виду достиженія этой личной цѣли, мы должны не только умѣть добывать тѣмъ или другимъ путемъ средства для жизни, но до известной степени понимать потребности своего организма, чтобы избѣгать, по крайней мѣрѣ, наиболѣе частыхъ и опасныхъ болѣзней и всякаго рода другихъ вредностей. Слѣд., даже съ чисто личной точки

врѣнія каждый изъ насъ долженъ *знать* что-нибудь и *умѣть* прилагать это знаніе къ достиженію извѣстной практической производительной цѣли, въ интересахъ охраненія своего здоровья и самой жизни. Здоровый и умѣлый человѣкъ, при доброй волѣ, всегда найдетъ возможность производительно приложить свои силы и, слѣд., питаться плодами своихъ рукъ. Одѣвивая какъ свое воспитаніе и образованіе, такъ и въ примѣненіи ихъ къ своимъ дѣтямъ, мы всегда обращаемъ вниманіе—какъ это отразилось или отражается на здоровьѣ и насколько мы подготовлены или дѣти должны быть подготовлены, чтобы быть самостоятельными людьми. Больной, слабый, искалѣченный и даже только неумѣлый человѣкъ неизбѣжно нуждается въ помощи другихъ, а особенно если въ его распоряженіи нѣтъ запасовъ, сдѣланныхъ раньше имъ самимъ или его предками. Конечно, и больной, и слабый тѣлесно человѣкъ можетъ найти себѣ занятіе по силамъ, особенно въ области ремесленного и умственного труда, но для этого часто нужна непосильная подготовка, да и условія самаго труда являются не рѣдко для такихъ людей убійственными, особенно при его обязательности и, слѣд., регулярности.

Въ условіяхъ *семейной* жизни предъявляемая человѣку жизнью требованія значительно возрастаютъ. При томъ-же возможно лучшимъ здоровьѣ семейный человѣкъ долженъ заботиться о возможно большей производительности своего труда, чтобы обезпечить не только свою, но и жизнь своего потомства, а также и другихъ, почему-либо неспособныхъ къ работѣ членовъ семьи. Плохое здоровье, незнаніе и неумѣнье сами собой должны-бы налагать на человѣка нравственную обязанность не брать на себя такой непосильной задачи, какъ образованіе и содержаніе семьи, если, конечно, нѣтъ оставленныхъ предками запасовъ. Но даже и при наличности послѣдняго условія, больные и слабые люди даютъ такое-же и даже еще худшее потомство, съ признаками такъ-наз. вырожденія, часто не безразличными не только въ тѣлесномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Нравственный идиотизмъ, нравственное уродство, излишняя нервнопсихическая стремительность или, напротивъ, вялость, умственная слабость съ склонностью къ «одержимости» какой-нибудь не рѣдко нелѣпой идеей обыкновенно являются плодами вырожденія, т.-е. накопленія органическихъ и функциональныхъ разстройствъ въ ряду поколѣній. Семейный человѣкъ долженъ не только самъ работать для обезпеченія жизни семьи, по и научить подростяющее поколѣніе работать и вообще «умѣть жить». При простомъ образѣ жизни, при переходѣ одного и того-же занятія изъ рода въ родъ, роль такого воспитателя играетъ сама жизнь, безъ какихъ-либо специальныхъ преднамѣренныхъ уроковъ, какъ это, напр., ведется еще

въ нашемъ крестьянствѣ. Но чѣмъ сложнѣе жизнь, чѣмъ разнообразнѣе ея требованія, тѣмъ больше пробивается у потомковъ стремленія къ свободному выбору занятій сообразно со своими способностями и наклонностями—и съ этимъ обязательно должны считаться и родители, и воспитатели собственно.

Въ предѣлахъ своего чисто личнаго существованія человѣкъ можетъ, конечно, руководиться поговоркой «послѣ меня хоть трава не расти», не считаясь ни съ какими правами и обязанностями. Но дѣлаясь семейнымъ, онъ приобретаетъ по отношенію къ другимъ нѣкоторыя права, основанныя преимущественно на естественномъ, чисто стихійномъ законѣ преобладанія сильнаго («право сильнаго»—понятіе чисто условное, не имѣющее ни нравственнаго, ни юридическаго основанія, а одно стихійное), но еще болѣе онъ принимаетъ на себя обязанностей не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Расширяется область интересовъ человѣка, необходимо долженъ расширяться и его умственный кругозоръ.

Съ семьей нравственныя требованія зарождаются, съ образованіемъ общества они возрастаютъ, пока не достигнутъ до образованія понятій, обнимающихъ все человѣчество и даже все живое. Въ заботахъ отца о матери и о дѣтяхъ заключается біологическое основаніе того права, которое оправдывается и съ нравственной, и съ юридической стороны и которое во всей своей совокупности можетъ быть признано правомъ слабого на помощь сильнаго противъ сильнаго. Въ обществѣ каждый его членъ пользуется этимъ правомъ, во взаимнѣе его уплачиваетъ разнаго рода налоги для поддержанія общества, какъ таковаго. Какого-бы рода ни были эти налоги, въ видѣ ли натуральной повинности, въ видѣ ли вещевыхъ или денежныхъ взносовъ, въ видѣ ли той или другой умственной дѣятельности, они необходимо требуютъ отъ человѣка извѣстнаго увеличенія затратъ силъ и средствъ по сравненію съ чисто семейнымъ бытомъ, а слѣдовательно извѣстнаго увеличенія необходимыхъ для поддержанія жизни знанія и умѣнья. Общественный бытъ сложнѣе патріархальнаго, и какъ послѣдній ни прельщаетъ насъ своей простотой, онъ не можетъ замѣнять перваго безъ тѣхъ или другихъ существенныхъ измѣненій если не въ своей основѣ, то въ подробностяхъ. Пониманіе основъ и потребностей общественной жизни необходимо, конечно, каждому полноправному его члену, и потому необходимо должно входить въ планъ воспитанія подростающихъ его членовъ. Такъ какъ основы общественной жизни имѣютъ (по преимуществу нравственный характеръ, то подготовительное къ ней воспитаніе должно обращать большое вниманіе на сообщеніе подростокующимъ поколѣніямъ извѣстныхъ нравственныхъ убѣжденій, чувствъ и привычекъ, въ видѣ тѣхъ или другихъ нра-

вовъ и обычаевъ. Здѣсь-то и находится самая затруднительная часть воспитанія, если только самый строй общественной жизни не имѣетъ достаточнаго воспитательнаго вліянія.

Затруднительность нравственнаго воспитанія обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что при этомъ приходится имѣть дѣло съ самой сокровенной стороною нашей природы, выражающейся въ нашемъ самочувствіи, въ нашемъ настроеніи, въ нашихъ внутреннихъ чувствахъ и ощущеніяхъ. Здѣсь именно, помимо нашего сознанія, и слѣдовательно воли, зарождается наибольшая часть побужденій къ дѣятельности, причемъ особенно важную роль играютъ тѣ внутреннія чувства, съ удовлетвореніемъ которыхъ связано личное и родовое существованіе. Ощущая въ себѣ роковую повелительность чувствъ голода и жажды, люди въ свое время приписывали и воображаемымъ высшимъ существамъ тѣ-же чувства, почему и старались ихъ удовлетворить при помощи жертвоприношеній. Какое громадное значеніе играютъ въ человѣческой жизни родовое чувство, а особенно связанная съ его удовлетвореніемъ ощущенія, показываютъ, между прочимъ, очень наглядно населенный гуріями Магометовъ рай, всюду распространенные среди языческихъ народовъ культы любви и преобладаніе элемента послѣдней въ области такъ-называемой изящной словесности. О значеніи и силѣ связанной съ родовымъ чувствомъ любви въ повседневной жизни каждый можетъ судить по личному опыту и личнымъ наблюденіямъ.

Задача воспитанія въ данномъ отношеніи заключается не въ развитіи указанныхъ внутреннихъ чувствъ, а въ постановкѣ неизбежному проявленію ихъ извѣстныхъ границъ, т.-е. въ обузданіи ихъ въ интересахъ обезпеченія въ совмѣстной жизни людей возможнаго большаго порядка и мира. Издавна для такого обузданія создавались тѣ или другіе обычаи, права и освященные неземнымъ авторитетомъ религіи. Наибольшую силу при этомъ всегда имѣли обычаи и собственно обычное право, за соблюденіемъ которыхъ наблюдали и наблюдаютъ всѣ члены установившаго ихъ общества. Получая религіозную санкцію, они пріобрѣтаютъ обыкновенно громадную устойчивость, какъ это показываютъ магометане, а особенно китайцы, которыхъ нравственно воспитываетъ сама жизнь и гдѣ не существуетъ собственно никакой нравственной свободы, этого необходимаго условія человѣческаго развитія. Иначе дѣло стоитъ тамъ, гдѣ, въ зависимости отъ хода исторической жизни того или другаго общества, народа или государства, основные нравственные устои общественной жизни—обычай, право и религія—имѣютъ не одно, а различное происхожденіе. Такъ, у нашего народа обычаи отъ дѣдовъ, право (модифицированное) изъ Рима, религія изъ Византіи.

Вышше классы у насъ, при томъ-же правѣ и той-же религи, нравы и обычаи заимствовали изъ Западной Европы и руководятся при этомъ главнымъ образомъ «приличемъ», мало извѣстнымъ простому народу, который, по церковному, каждое отступленіе отъ общепринятыхъ обычаевъ, правилъ, обрядовъ считаетъ грѣхомъ, хотя бы оно и не имѣло религіознаго характера. Какъ каждый отдѣльный человѣкъ, такъ и каждое общество можетъ чувствовать себя нравственно удовлетвореннымъ лишь при извѣстномъ гармоническомъ сочетаніи руководящихъ имъ нравственныхъ устоевъ. Важнѣйшимъ изъ этихъ послѣднихъ является, безъ всякаго сомнѣнія, религія, которая была и есть самымъ могучимъ символомъ объединенія народовъ и государствъ и важнѣйшей нравственной связью между поколѣніями. Поэтому ей по праву принадлежала и принадлежитъ объединяющая роль и въ области нравственности, вообще даже тамъ, гдѣ устои ея различнаго происхожденія.

Христіанская религія по своей сущности, какъ религія любви и милосердія, является, безъ сомнѣнія, наиболѣе терпимой между всѣми другими религіями, почему подъ ея сѣнью христіанскіе народы и опередили такъ въ своемъ развитіи другихъ. Только въ католицизмѣ было когда-то въ силѣ, да и теперь проглядываетъ стремленіе къ полному поработженію человѣческихъ душъ и болѣе всего человѣческаго ума, результатомъ чего и явилась реформація. Но это стремленіе результатъ не религіи, а злоупотреблявшей ею чисто человѣческой политики, стремившейся именно къ мірскому преобладанію, къ неограниченной власти, что даже въ недавнее время выразилось въ догматѣ о папской непогрѣшимости, имѣющемъ явно кошунственный характеръ. И въ исторіи православія есть довольно мрачныя страницы, но она не знаетъ ни инквизиціи, ни индульгенціи, ни иезуитизма, ни суда надъ Галилеемъ, ни сожженія Джордано Бруно, ни тѣмъ болѣе догмата чьей-либо личной непогрѣшимости. Руководясь указаніями исторіи и проникаясь духомъ христіанства, пастыри нашей православной перкви имѣютъ полную возможность быть нравственными руководителями народа, не изнурая его тѣла и не поработая его души. «Буква мертвитъ, а духъ живитъ», и основа христіанства, Евангеліе, представляетъ разительнѣйшій примѣръ справедливости этого изреченія, показывая, до чего довела приверженность къ буквѣ книжниковъ и фарисеевъ. Нисколько не поступаясь своею сущностью, всякая религія допускаетъ въ своей формальной, обрядовой сторонѣ извѣстныя приспособленія къ временнымъ и мѣстнымъ условіямъ. Не только вся въ цѣломъ, но и въ видѣ православія, христіанская религія представляетъ въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ тѣ или другія особенности въ

подробностяхъ. А тѣмъ болѣе возможно готовить такихъ пастырей церкви, которые лучше понимали-бы нужды и потребности населенія, понятіе для него излагали-бы основныя истины и правила религіи и въ то-же время сами служили примѣромъ доброй христіанской жизни.

Но религія не все, а выше всего. Поэтому и въ условіяхъ общественной жизни просвѣтителю народа ни въ какомъ случаѣ не должны забывать ни земли, ни тѣла, давая о нихъ истинное, а не предвзятое, отзывающееся аскетизмомъ понятіе. Гораздо легче привить человѣку нравственныя убѣжденія и чувства, не позоря, не унижая, а возвышая его въ собственныхъ глазахъ. Уже одно сознаніе своего человѣческаго достоинства можетъ предохранить человѣка отъ совершенія многихъ непоправимыхъ поступковъ.

Всякое болѣе или менѣе обособленное отъ другихъ общество людей образуетъ государство, какъ скоро оно имѣетъ возможность независимаго распоряженія своими внутренними и внѣшними отношеніями. Особенно характерны для государства послѣднія, на которыхъ основываются самостоятельность и внѣшняя безопасность страны. Государство налагаетъ на просвѣщеніе обязанность готовить людей, понимающихъ цѣль и значеніе государственной власти и государственнаго строя и могущихъ своею дѣятельностью способствовать его благосостоянію и дальнѣйшему развитію, а также содѣйствовать какъ внѣшней, такъ и внутренней его безопасности. Все человѣчество ждетъ отъ просвѣщенія единства мысли и нравственныхъ основъ.

III. О факторахъ народнаго просвѣщенія.

Всѣ разнообразныя частныя факторы народнаго просвѣщенія, или воспитанія и образованія подрастающихъ поколѣній, сводятся къ двумъ основнымъ—*слову* и *дѣлу*. Словомъ достигается *внушеніе*, а дѣло вызываетъ *подражаніе*. Поэтому, для успѣха дѣла, каждый воспитатель и каждая система воспитанія, олицетворяемая воспитательнымъ персоналомъ, необходимо должны имѣть ясное представленіе о томъ, какъ и въ какихъ случаяхъ можно и должно внушать и какъ и въ какихъ—вызывать подражаніе. А это можетъ быть осуществлено лишь въ томъ случаѣ, когда педагоги имѣютъ ясное понятіе о природѣ и свойствахъ того сырого матеріала, который имъ приходится обрабатывать, что въ дѣйствительности, какъ извѣстно, встрѣчается очень рѣдко, особенно у насъ. Но недостатокъ въ данномъ отношеніи можетъ быть въ значительной степени покрытъ пониманіемъ дѣйствительной жизни, гдѣ также, въ дѣлѣ взаимнаго

воздѣйствія людей, все сводится къ тѣмъ-же основнымъ факторамъ—слову и дѣлу, и слѣдовательно внушенію и подражанію, въ условіяхъ лишь гораздо болѣе, чѣмъ въ дѣлѣ воспитанія, сильнаго противодѣйствія со стороны уже установившихся взглядовъ и привычекъ. Всѣ однако признаютъ, что «вѣкъ живи, вѣкъ учись».

Наблюдая дѣйствительную жизнь, мы находимъ, что самое сильное вліяніе на человѣка производитъ то, что одновременно дѣйствуетъ на него и словомъ, и дѣломъ, гдѣ эти два фактора находятся въ гармоническомъ сочетаніи, а наименьшее, даже отрицательное вліяніе производятъ слова, не согласующіяся съ дѣломъ, а слѣдовательно и дѣла, противорѣчащія словамъ, и притомъ если не вполнѣ, то въ значительной степени независимо отъ тѣхъ или другихъ личныхъ, тѣлесныхъ и душевныхъ особенностей человѣка, связанныхъ съ поломъ, возрастомъ, расой, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, лишь-бы только несоотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ было ясно понято. На основаніи этого, само собою понятно, что въ дѣлѣ воспитанія людей болѣе всего нужно заботиться о возможно болѣе полномъ соотвѣтствіи между словомъ и дѣломъ, слѣдовательно избѣгать явнаго ихъ несоотвѣтствія, что въ дѣйствительности опять-таки встрѣчается далеко не часто, и притомъ какъ въ школѣ, такъ въ семьѣ и обществѣ, а безъ этого невозможно основное условіе успѣшности воспитанія—довѣріе питомцевъ къ своимъ воспитателямъ.

Чтобы достигъ цѣли, слово должно быть *убѣдительно*, а дѣло—*наглядно*. Но какъ убѣдительность слова, такъ и наглядность дѣла заключаются обыкновенно не въ нихъ самихъ, а съ одной стороны въ характерѣ условій ихъ проявленія, съ другой-же—въ восприимчивости того человѣка, на котораго они должны такъ или иначе подѣйствовать.

Можно говорить много и логично, но не имѣть никакого вліянія, не достигъ никакого внушенія. Но, съ другой стороны, немногими отрывистыми словами можно приводить въ движеніе цѣлыя громады людей,—такъ глубоко они западаютъ въ сердца и умы людей. Подобное явленіе бываетъ и въ другихъ областяхъ внѣшняго воздѣйствія на человѣка. Можно мало увлекаться и скоро забывать роскошныя картины природы—и находить никогда не забываемую прелесть въ самомъ скромномъ сельскомъ пейзажѣ. Можно съ интересомъ слѣдить за художественной игрой выдающагося артиста, но въ памяти сохранить слѣды игры какой-нибудь посредственности. У каждаго въ памяти существуетъ груда воспоминаній о какихъ-нибудь, казалось-бы, «не стоящихъ вниманія» мелочахъ жизни, тогда какъ иныя «крупныя» событія скоро заволакиваются густымъ туманомъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ важную роль

играетъ, конечно, воспримчивость человѣка, его настроеніе, свойство преобладающихъ въ немъ въ данное время чувствъ и мыслей, но большое значеніе имѣетъ и то, кто и какъ сказалъ то или другое слово, чувствуетъ или нѣтъ человѣкъ къ сказавшему нравственное довѣріе, была-ли рѣчь послѣдняго убѣжденная и прочувствованная, или-же онъ велъ ее какъ затверженный урокъ. Чтобы слово было убѣдительно, оно, безъ сомнѣнія, должно быть понятно. Невѣжественные, суевѣрные люди обыкновенно имѣютъ въ запасѣ нѣсколько словъ, которыя часто совершенно безсмысленны и чуть не всегда имъ совершенно непонятны, но которыя внушаютъ имъ особое чувство благоговѣнія или страха. Но и въ этомъ случаѣ не слово само по себѣ обладаетъ какою-то таинственною властью, а стоящія за этимъ словомъ добрыя или злыя таинственныя силы. Разумное просвѣщеніе не можетъ, конечно, поддерживать такого отношенія къ словамъ, стараясь выяснитъ ихъ настоящее значеніе. Наглядность дѣла тогда только обладаетъ всей силой своей поучительности и вліянія на людей, когда дѣло сопровождается тѣмъ или другимъ видимымъ результатомъ, т.-е. когда оно достигаетъ намѣченной цѣли, а изъ этого слѣдуетъ, что воспитательное значеніе можетъ имѣть только дѣло цѣлесообразное, и слѣдовательно осмысленное. Это имѣетъ отношеніе не только къ какимъ-либо полезнымъ занятіямъ, но и къ простымъ упражненіямъ. При этомъ всегда нужно имѣть въ виду и то, что цѣль дѣла можетъ быть не только простой, но и сложной, понятной во всей своей полнотѣ только руководителямъ. Въ такихъ случаяхъ руководимый вполне можетъ быть удовлетворенъ только ближайшей, какой-нибудь побочной цѣлью. Организуя и осуществляя какія-либо, напр., тѣлесныя упражненія, руководитель имѣетъ въ виду наиболѣе гармоническое и полное развитіе тѣла, его укрѣпленіе, пріобрѣтеніе полезныхъ практическихъ навыковъ. Выяснитъ все это и убѣдитъ въ этомъ дѣтей дѣло не только очень трудное, но часто невозможное, поэтому напрасно и стараться объ этомъ. Но необходимо на словахъ и на самомъ дѣлѣ показать, что дѣло само по себѣ сопровождается удовольствіемъ, что при немъ пріобрѣтаются столь цѣнными дѣтскими ловкость и практическая сообразительность, какъ это лучше всего обнаруживается при такъ называемыхъ подвижныхъ играхъ. Вслѣдствіе этого послѣднимъ и гигиенисты, и толковые педагоги отдають въ настоящее время полное преимущество передъ однообразными, производимыми по командѣ гимнастическими упражненіями въ тѣсномъ смыслѣ.

Выясняя раньше въ одной изъ своихъ статей по воспитанію значеніе дѣтскихъ игръ, я высказался въ томъ смыслѣ, что, играя, дѣти учатся жить, и теперь мнѣ кажется, что съ воспитательными

дѣлами нужно пользоваться именно тѣми играми, которыя имѣютъ извѣстное жизненное значеніе, куда принадлежатъ собственно чуть не всѣ, такъ сказать, общественныя игры, требующія участія нѣсколькихъ лицъ, и притомъ съ различнымъ значеніемъ; на дѣлѣ, какъ извѣстно, чаще всего бываетъ раздѣленіе на двѣ противныя партіи.

Дѣти быстро схватываютъ полезность какого-либо занятія и часто стремятся какъ можно скорѣе достигъ полезнаго результата своими силами; раздражительность—одно изъ основныхъ свойствъ дѣтскаго возраста, на которомъ собственно и основывается всякое воспитаніе не только у людей, но и у животныхъ. Освоеніе дѣтей съ доступными ихъ силамъ и пониманію практическими занятіями можно считать въ настоящее время однимъ изъ важнѣйшихъ требованій разумной педагогики.

Простое соображеніе и практическая жизнь показываютъ, что то или другое слово или дѣло прививаются надлежащимъ образомъ только на соотвѣтственной имъ почвѣ. Изъ 100, напр., слушателей иной разъ, можетъ быть, только какой-нибудь десятокъ усваиваетъ сказанное, запоминая послѣднее на болѣе или менѣе продолжительное время, тогда какъ другіе уносятъ съ собой лишь случайные обрывки мыслей, совпавшіе или совсѣмъ въ разрѣзъ идущіе съ ихъ мыслями и чувствами, или-же обратившіе ихъ вниманіе по формѣ выраженія, по совпаденію съ какимъ-либо фактомъ и т. п. А многіе-ли изъ обучающихся, напр., музыкѣ дѣйствительно въ концѣ-концовъ становятся хотя-бы посредственными музыкантами? Чуть не въ каждомъ болѣе или менѣе сложномъ дѣлѣ много бываетъ званыхъ, но мало избранныхъ. Не даромъ люди постоянно говорятъ о томъ или другомъ своемъ или чужомъ призваніи, склонности къ той или другой наукѣ, къ тому или другому дѣлу, способности легко запоминать или привыкать къ одному и большой трудности осваиваться съ другимъ. И все это мы видимъ среди людей одинаковаго происхожденія, одного пола и возраста, даже одинаковаго экономическаго и общественнаго положенія, одинаковаго быта. А когда и эти естественныя и культурныя различія приходится принимать во вниманіе, то на сцену выступаетъ такое разнообразное отношеніе людей къ одному и тому-же слову и дѣлу, что поневолѣ согласишься съ тѣмъ заключеніемъ, что мы знаемъ только наши мысли и чувства и не знаемъ окружающаго насъ внѣшняго міра, въ томъ числѣ и другихъ людей. Мы обо всемъ судимъ по себѣ и поэтому трудно понимаемъ другихъ, а это особенно дурно отзывается на воспитаніи дѣтей, такъ какъ при этомъ сталкиваются если не противоположности, то во всякомъ случаѣ большія

или меньшія крайности, въ зависимости именно отъ большей или меньшей сложности жизни, отъ большаго или меньшаго поступательнаго движенія послѣдней въ ту или другую сторону,—отсюда такая большая рознь между отцами и дѣтьми въ каждомъ прогрессирующемъ обществѣ.

Такимъ образомъ, въ то время какъ всѣ внѣшніе факторы воспитанія сводятся къ слову и дѣлу, внутренній факторъ весь заключается въ свойствахъ человѣка, какъ единаго цѣльнаго существа (см. гл. I). Сущность человѣческой природы, конечно, одна и та-же у всѣхъ людей, но въ высшей степени разнообразны и измѣнчивы отвѣтныя дѣйствія отдѣльныхъ людей на сходныя даже по своимъ качествамъ внѣшнія вліянія. Это различіе и эта измѣнчивость зависятъ какъ отъ природныхъ свойствъ человѣческаго организма, такъ и отъ приобретенныхъ или только видоизмѣненныхъ подъ вліяніемъ культуры. Не зная этихъ свойствъ хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ-же мало можно надѣяться на успѣхъ воспитанія, какъ, не зная свойствъ климата и почвы, надѣяться на успѣхъ земледѣлія.

Въ самомъ дѣлѣ, между культурой растений и культурой человѣка существуетъ очень большое сходство и даже явный параллелизмъ между состояніями той и другой, легко замѣчаемый при сравненіи между собою различныхъ странъ. У насъ, въ Россіи, на одинаково низкомъ уровнѣ стоятъ и народное просвѣщеніе, и земледѣліе, тогда какъ въ Германіи, Англіи, С.-Амер. Соед. Штатахъ уровень ихъ стоянія очень высокъ, и гдѣ лучше, цѣлесообразнѣе организовано просвѣщеніе, тамъ плодотворнѣе земледѣліе.

Строго говоря, земледѣліе самый сложный видъ человѣческой промышленности, требующій для разумной его постановки разнообразнаго знанія, большого умѣнья имъ пользоваться, много труда, сообразительности, предусмотрительности, терпѣнія. Воспитаніе и образованіе подростящихъ поколѣній, въ свою очередь, самый сложный видъ человѣческой дѣятельности вообще, гдѣ въ еще болѣе усиленной степени требуются тѣ вспомогательныя средства, безъ которыхъ не можетъ обходиться рациональное земледѣліе. Агрономія и педономія или, какъ теперь иногда означаютъ, педологія должны быть теперь признаны самыми сложными и въ то-же время самыми важными въ практическомъ отношеніи областями человѣческаго знанія и человѣческой дѣятельности, тогда какъ въ дѣйствительности, особенно у насъ, на нихъ обращается крайне мало вниманія ради не только бесполезнаго, но прямо вреднаго насильственнаго вѣдренія въ умы разнаго рода отвлеченностей.

IV. О формах народного просвѣщенія.

Соотвѣтственно двумъ основнымъ внѣшнимъ факторамъ народнаго просвѣщенія—слову и дѣлу, формы его также сводятся къ двумъ основнымъ—словесной и дѣловой, или, какъ обыкновенно называютъ, теоретической и практической. Примѣненіе къ дѣлу той или другой зависитъ какъ отъ внѣшняго матеріала и цѣли просвѣщенія, такъ и отъ свойствъ воспринимающаго его человѣка. Но вообще можно сказать, что въ чистомъ видѣ каждая изъ данныхъ формъ примѣняется лишь на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія, а затѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда люди въ опредѣленіи цѣли и задачъ просвѣщенія руководятся какими-либо предвзятыми односторонними идеями, болѣе или менѣе далекими отъ требованій разума и самой человѣческой природы. Считающееся съ этими требованіями просвѣщеніе пользуется, насколько возможно, обѣими формами одновременно, сопровождая теоретическое преподаваніе практическими указаніями и занятіями для большей его внушительности, а практическое—теоретическими поясненіями для большей его вразумительности.

Первобытное, ограничивающееся преимущественно семьей и ближайшимъ сосѣдствомъ воспитаніе человѣка состоитъ главнѣе всего въ запрещеніяхъ или поощреніяхъ тѣхъ или другихъ дѣйствій, въ совершеніи которыхъ преобладающая роль принадлежитъ подражательности (см. гл. III). Наше крестьянское воспитаніе не далеко ушло отъ этого архаическаго типа, почему можно сказать, что нашъ крестьянинъ воспитывается самою жизнью. Противъ этого ничего нельзя было-бы сказать, если-бы эта жизнь отвѣчала хотя-бы на требованія высшаго разума, а лишь собственнымъ ея нуждамъ и потребностямъ, чего въ дѣйствительности нѣтъ вслѣдствіе невѣжества и бѣдности народа. Важнѣйшимъ коррективомъ нравственныхъ недостатковъ жизни является въ народѣ религія. Много говорятъ о религіозности нашего народа, но она по преимуществу чисто внѣшняго, подражательнаго характера, и потому больше всего оказываетъ вліяніе на такія стороны быта, которыя часто не согласуются съ запросами дѣйствительной жизни, поддерживая, напр., разнаго рода суевѣрія, предразсудки, отзывающіеся нерѣдко очень вредно на здоровьѣ, дѣятельности и самой нравственности людей. Богъ черезъ Моисея заповѣдалъ не произносить напрасно Его имени, а у насъ очень часто нарушеніе этой заповѣди считается признакомъ религіозности. Поставить свѣчку и вообще принести что-либо въ даръ церкви въ народѣ считается обыкновенно достаточнымъ для искупленія далеко немаловажныхъ «грѣховъ». По преимуще-

ству чисто внѣшней религіозностью нашего народа объясняется его грубость и дикость въ повседневной жизни, какъ это особенно обнаруживается въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, женъ къ мужьямъ, богатыхъ и сильныхъ къ бѣднымъ и слабымъ. Кому приходилось имѣть дѣловыя сношенія съ крестьянами, тотъ навѣрное испыталъ не мало нравственныхъ страданій вслѣдствіе отсутствія у крестьянъ устойчивыхъ нравственныхъ убѣжденій и чувствъ. Если въ васъ крестьянинъ нуждается, онъ готовъ сдѣлать все и даже свои домогательства прикрываетъ именемъ Христа, но если вы въ немъ нуждаетесь, онъ рѣдко руководится чувствомъ милосердія, а преимущественно своими личными выгодами. Чѣмъ человѣкъ бѣднѣе, тѣмъ нагляднѣе онъ выражаетъ стремленіе жить «по Божьи» на счетъ другихъ, ссылаясь на то, что «безъ Бога ни до порога». Крестьянинъ-богатѣй руководится уже другой поговоркой: «на Бога надейся, а самъ не плошай».

Нѣтъ сомнѣній, что въ нашемъ народѣ имѣются всѣ необходимыя свойства для пріятія ему истинной, внутренней религіозности, нисколько не отрицающей, конечно, и внѣшней. Но замѣчательно, что такую религіозность въ гораздо большей степени можно встрѣтить среди такъ наз. раскольниковъ, чѣмъ среди православныхъ. Первые оказываются и гораздо трезвѣе, и гораздо честнѣе послѣднихъ и отличаются, между прочимъ, сильно развитой среди нихъ взаимной помощью, что вообще сказывается въ ихъ большей матеріальной обеспеченности. Очевидно, что существуетъ у насъ какой-то коренной недостатокъ въ той формѣ, при помощи которой прививается народу религіозность. Эта форма существуетъ вѣкъ и, кажется, достаточно показала свою недостаточность, и потому слѣдовало-бы нашему духовенству принять мѣры для того, чтобы стать дѣйствительнымъ воспитателемъ народной совѣсти, отрѣшившись отъ одного чисто формальнаго отношенія къ исполненію своего долга... А прежде всего, конечно, необходимо взглянуть правдѣ прямо въ глаза и винить въ чемъ-либо другихъ только тогда, когда эти послѣдніе дѣйствительно виноваты, не сваливая, слѣд., съ больной головы на здоровую. Тогда только церковь дѣйствительно можетъ стать нравственной школой для народа, когда онъ будетъ понимать, что значитъ «поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ», и притомъ не ради однихъ только дѣйствительныхъ или воображаемыхъ наградъ и наказаній, слѣд., «не только за страхъ, но и за совѣсть». Религія могучее орудіе, которымъ, къ сожалѣнію, очень часто злоупотребляютъ люди, болѣе или менѣе тѣсно связанные съ нею своими интересами, и тѣмъ дискредитируютъ не только себя, но и тотъ священный символъ, которымъ они прикрываютъ свои дѣйствія, какъ это, напр., очень ясно

обнаруживается въ современной дѣятельности православнаго греческаго духовенства въ Македоніи (см. корр. изъ Македоніи, «Россія» отъ 9-го апр. 1901 г.). И сюда приложима исторически сложившаяся русская поговорка: «Законы святы, да исполнители лихіе супостаты».

Кромѣ повседневной жизни и сводимой почти только на одну церковность религіи, въ воспитаніи нашего народа играютъ извѣстную роль *преданія и народная поэзія*, передаваемые то исключительно только въ словесной формѣ, какъ былины, сказки, духовные стихи, пѣсни (за исключеніемъ обрядовыхъ и хороводныхъ), пословицы, поговорки, то въ связи съ извѣстнаго рода дѣйствіями, какъ соединенные съ пѣснями обряды и игры. Эта, такъ сказать, историко-поэтическая сторона народнаго воспитанія по своему нравственному значенію должна быть поставлена вслѣдъ за религіей, хотя бы и въ той формѣ, въ какой послѣдняя сообщается народу. Здѣсь пока можно высказать лишь сожалѣніе о томъ, что эта сторона воспитанія очень мало обращаетъ на себя вниманія и все болѣе и болѣе затушевывается съ одной стороны вліяніемъ городовъ, фабрикъ и заводовъ, а съ другой—стѣсненіями и прямыми запрещеніями общей и церковной администраціи. Въ настоящее время всѣ здравомыслящіе люди сознали, что народу необходимы извѣстныя развлеченія, которыя вносили-бы хотя нѣкоторое, требуемое самой природой человѣка разнообразіе въ его тяжелую трудовую жизнь и суррогатомъ которыхъ у него, по необходимости, служить главнымъ образомъ опьяненіе и самое пьянство, ведущее обыкновенно къ уtratѣ имъ всякаго нравственнаго чувства, а слѣд. и чувства своего человѣческаго достоинства. Надо полагать, что эта утрата гораздо хуже, чѣмъ забытая связь какихъ-либо обрядовъ, обычаевъ съ язычествомъ, на что указываютъ наши особенно строгіе церковные администраторы, требующіе ихъ запретовъ.

Переходя отъ народа къ высшимъ классамъ населенія, мы находимъ, что въ области жизни и религіи воспитаніе и здѣсь главнымъ образомъ имѣетъ подражательный характеръ, т.-е. практикуется въ дѣловой формѣ, поскольку, по крайней мѣрѣ, оно зависитъ отъ семьи. Дѣтей выучиваютъ говорить, ѣсть ложкой и вилокъ, приучаютъ къ соблюденію чистоты, внѣшнихъ приличій, обучаютъ играмъ, водятъ въ церковь, учатъ молиться и соблюдать праздники, посты и т. д. Конечно, все это сопровождается соотвѣтственными наставленіями и поученіями. Но, кромѣ того, дѣти сами наблюдаютъ и отъ себя подражаютъ взрослымъ, играя, напр., въ родителей и дѣтей, въ мужей и женъ, въ хозяевъ и работниковъ и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ множество побочныхъ дѣловыхъ и словес-

ныхъ вліяній со стороны родственниковъ, знакомыхъ, прислуги, наемныхъ воспитателей и воспитательницъ, товарищей и даже случайныхъ встрѣчныхъ на дворѣ или на улицѣ... Няни, особенно въ прежнее время, являлись и являются проводниками въ высшіе слои населенія народныхъ преданій и народной поэзіи. Не обходилось и не обходится при этомъ дѣло безъ сообщенія какихъ-либо нежелательныхъ внушеній, вызывающихъ напрасный страхъ, превратныя представленія и понятія, но въ общемъ все-таки при этомъ получалось и получается извѣстное общеніе съ народной душой. Дѣло родителей и нарочитыхъ воспитателей наблюдать за свойствами такого общенія, котораго нельзя достигнуть при помощи *изящной литературы*, которая служитъ для образованныхъ классовъ тѣмъ-же готовымъ уже выразителемъ человѣческихъ думъ, какими для народа является его сложившаяся вѣками поэзія. Здѣсь, въ этой области воспитанія, явно преобладаетъ словесная форма, къ которой должно быть причислено и такъ наз. изобразительное искусство въ видѣ живописи, ваянія; даже *драматическое* искусство по крайней мѣрѣ, при обыкновенномъ или посредственномъ исполненіи, имѣетъ больше словесное, нежели дѣловое вліяніе, образуя переходъ отъ словесной передачи къ жизни. Во всякомъ случаѣ, это искусство имѣетъ такую форму, которая имѣетъ много большее воспитательное значеніе, чѣмъ форма чисто словесная, и притомъ, конечно, какъ въ положительномъ, или полезномъ, такъ и въ отрицательномъ, или вредномъ отношеніи. Въ самихъ дѣтскихъ играхъ постоянно пробивается стремленіе къ драматизму, какъ къ примѣрному изображенію жизни. Драматизмомъ - же проникнуты и всѣ такъ наз. церемоніи, обряды и т. п. Вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда желательно придать чему-либо особое значеніе, вызвать къ чему-либо особенно большое вниманіе, произвести возможно болѣе сильное впечатлѣніе, вообще сдѣлать устойчивое внушеніе, необходимо придавать дѣлу драматической характеръ, надолго и ясно запечатлѣвающийся въ памяти. Поэтому, и въ дѣлѣ воспитанія драматической формѣ вліянія должно быть отводимо возможно болѣе видное мѣсто. Впрочемъ, и вообще все, рассчитанное на внушеніе человѣческое искусство въ словѣ, въ дѣлѣ или только въ его изображеніи составляетъ, безъ сомнѣнія, очень важную форму для сообщенія человѣку какъ знанія, такъ еще болѣе извѣстнаго нравственнаго настроенія, играющаго въ практической жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ обществъ первенствующую роль если не въ ея содержаніи, то въ ея исполненіи или осуществленіи.

Слово и само по себѣ великій двигатель человѣческаго ума и всего человѣческаго развитія, но въ немъ - же и неисчерпаемый

источникъ человѣческихъ заблужденій. Мы всё въ практической жизни требуемъ, чтобы дѣло было наглядно, а слово понятно, чтобы послѣднее не было пустымъ звукомъ, а выражало собой опредѣленный предметъ, извѣстное явленіе или то или другое ясно обособленное отъ другихъ впечатлѣніе, представленіе или понятіе. А между тѣмъ до сихъ поръ люди легче поддаются влиянію не этихъ понятныхъ словъ, а словъ, облеченныхъ извѣстной таинственностью, представляющихъ собою собственно только сосудъ, который каждый можетъ наполнять своеобразнымъ содержаніемъ, отвѣчающимъ его развитію, характеру, расовымъ, личнымъ и другимъ особенностямъ. Геніи человѣчества всегда стремились и будутъ стремиться, по возможности, обобщить это содержаніе и тѣмъ объединить силы и средства людей. Религія, философія и поэзія служатъ выраженіемъ именно этого стремленія, связаннаго съ такими глубинами человѣческаго существа, которыя рисуются пока только человѣческому воображенію, и то въ смутныхъ образахъ, но которыя возвышаютъ человѣческій умъ, облагораживаютъ человѣческую душу, придаютъ силу его тѣлу и создаютъ рѣшимость на великіе подвиги. Поэтому, конечно, никакое воспитаніе не можетъ и не должно пренебрегать этимъ свойственнымъ только людямъ стремленіемъ, которое придаетъ дѣйствительной человѣческой жизни извѣстную форму, извѣстное направленіе и составляетъ ея цвѣтъ и аромать. Но только не должно забывать, что безъ дѣйствительной жизни не дѣйствительны и высшія стремленія, такъ какъ первая представляетъ собою источникъ и орудіе послѣднихъ.

V. О содержаніи и смыслѣ народнаго просвѣщенія.

Содержаніе народнаго просвѣщенія заключается въ познаніи, а смыслъ его въ логикѣ послѣдняго. Призывъ Сократа «познай самого себя», не смотря на всю его теоретическую и практическую важность, до сихъ поръ въ массѣ остается почти въ полномъ пренебреженіи. Людямъ все кажется, что они могутъ рѣшать вопросы міра и жизни, играя словами и попятіями и ставя свои смутныя чувства на вершину всѣхъ помысловъ и желаній. Образованному человѣку кажутся бессмысленными, наивными или прямо смѣшными соображенія и фантазіи человѣка необразованнаго, не могущія, конечно, выходить изъ крайней узкой сферы пониманія послѣдняго вообще. Если въ своихъ мысляхъ необразованный человѣкъ обнаруживаетъ иногда нѣчто выходящее вонъ изъ обычнаго для данной среды круга пониманія, то это приписывается или его необыкновеннымъ умственнымъ способностямъ, или простой случайности, а то

наитію, откровенію. Въ народѣ говорятъ, что человекъ собственнымъ «нутромъ», т. е. своей внутренней сущностью, дошелъ до чего-либо особеннаго. Необразованный человекъ, въ свою очередь, не только недоумѣваетъ, но тоже смѣется надъ непонятными ему «бреднями» образованнаго человека, приписывая ихъ часто тому, что у него «умъ за разумъ заходитъ».

Если мы затѣмъ сравнимъ между собою взгляды различныхъ народовъ—не только разныхъ, но даже одной только христіанской цивилизаціи, то найдемъ также большое разнообразіе въ рѣшеніи разныхъ умственныхъ, а особенно нравственныхъ вопросовъ. А сопоставляя, напр., христіанскую цивилизацію съ китайской, мы прямо становимся въ недоумѣніе и по необходимости должны задаться вопросомъ, дѣйствительно-ли люди все по своей природѣ одинаковы. Сравнительная анатомія и физиологія не замедлятъ дать на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ, но сравнительная психологія, а тѣмъ болѣе логика чувствъ и мыслей могутъ дать утвердительный отвѣтъ лишь условно въ томъ именно смыслѣ, что одинаковость человѣческой природы подвержена очень большимъ видоизмѣненіямъ и колебаніямъ, не меньшимъ, а даже, пожалуй, большимъ, нежели его внѣшній видъ по размѣрамъ, ихъ пропорціональности, по цвѣту и т. д. Обращаясь къ исторіи человѣческаго развитія, мы находимъ и здѣсь не менѣе, если не болѣе поразительное разнообразіе въ постановкѣ и рѣшеніи разнаго рода міровыхъ и жизненныхъ вопросовъ. Въ этомъ калейдоскопѣ вѣрованій, упованій, чувствъ, мыслей и основанныхъ на нихъ культовъ, религій, философій, правъ, бытовъ красною нитью пробивается у человека стремленіе подняться надъ міромъ и надъ самимъ собой и создать въ своемъ воображеніи дивный міръ олицетворенныхъ идей и чуждыхъ земнымъ тяготамъ и всякаго рода невзгодамъ существъ.

Всякое орудіе можетъ примѣняться съ различными цѣлями и давать различные результаты, смотря по тому, какой логикой чувствъ и мыслей руководится примѣняющій его человекъ. Понимая подъ логикой прагматическую, внутреннюю связь послѣдовательныхъ или сосуществующихъ вмѣстѣ явленій, мы должны признать, что сама природа въ цѣломъ и по частямъ проявляетъ непогрѣшимую и неутомимую логику явленій—и жизнь несомнѣнно явилась логическимъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ ей появленію процессовъ. Но разъ появившись, она внесла въ природу свою логику,—логику возможно большаго обособленія отъ производшей ее природы, логику самоопредѣленія. Въ человекѣ эта логика достигла наибольшаго развитія и потому сказывается особенно рѣзко и въ его внѣшней культурѣ, и въ его внутренней организаціи, а особенно въ его духѣ,

который издавна и рѣзко противопоставилъ себя природѣ, какъ субстанція иного, высшаго міра. Поэтому-то онъ такъ и возвеличилъ себя въ собственныхъ глазахъ, поэтому-то онъ и стремился до сравнительно недавняго времени рѣшить великія проблемы міра и самой жизни, отменяя міръ и жизнь, а углубляясь въ самого себя, руководясь логикой отрѣшенныхъ отъ міра и дѣйствительной жизни чувствъ и мыслей. Не имѣя никакого или только крайне узкій объективный критерій для своихъ субъективныхъ духовныхъ построений, люди и не могли создать ничего такого, что было-бы логически обязательно для всѣхъ. Каждый стремился и стремится рѣшать вопросы по своему, какъ это выражено въ поговоркѣ «каждый молодецъ на свой образецъ». Допустимый въ мелкихъ личныхъ интересахъ, этотъ крайній индивидуализмъ долженъ былъ встрѣтить извѣстный отпоръ въ семейной, а тѣмъ болѣе въ общественной жизни, гдѣ сталкиваются разнородные интересы многихъ и гдѣ извѣстнаго рода единство необходимо для благосостоянія всѣхъ и каждого. Подъ вліяніемъ этой необходимости и появились обязательные культы, вѣрованія, формы правленія, силотившія людей въ отдѣльные народы, государства, которымъ въ той или другой сферѣ—религіозной, политической или экономической—всегда было присуще стремленіе подчинить своему вліянію и другіе народы и государства ради, будто-бы, всеобщаго объединенія людей.

Наша современная эпоха характеризуется стремленіемъ къ экономическому поработанію однихъ народовъ и государствъ другими, вызванному крутымъ поворотомъ въ логикѣ самоопредѣленія. Прежде считалось, да и теперь еще у большинства народовъ считается, что человѣкъ представляетъ самъ себя довлѣющій міръ, а теперь все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что такой взглядъ на себя былъ простымъ самообольщеніемъ, что человѣкъ, какъ и все въ мірѣ, подлежитъ, какъ его продуктъ, прежде и больше всего общей міровой логикѣ. Прежде всѣ, теперь только большинство ищутъ смысла жизни внѣ ея, а теперь всоруженное болѣе или менѣе объективнымъ знаніемъ меньшинство склоняется къ тому, что смыслъ жизни въ ней самой, въ опредѣленіи и исполненіи ея потребностей, которыя могутъ быть намѣчены только въ связи съ міромъ, а не при удаленіи изъ него. Это повело къ подробному изученію міра и самой жизни, къ опредѣленію ихъ взаимныхъ отношеній, а затѣмъ, какъ результатъ такого изученія и опредѣленія, явилась современная европейская культура, которая захватила уже Америку и стремится подчинить своему вліянію и другія части свѣта, яркимъ примѣромъ чего служатъ современные событія въ Китаѣ, недавнее превращеніе Японіи въ европеизированное государство, колониальные захваты великихъ державъ и т. п.

Стремленіе къ религіозному порабощенію привело съ одной стороны къ распространенію и обобщенію извѣстныхъ нравственныхъ идей, а съ другой—къ появленію и развитію схоластики (христіанской, еврейской, мусульманской, буддійской, конфуціанской), стремившейся и стремящейся все поработить произвольно толкуемымъ «учителями» словомъ. Стремленіе къ политическому порабощенію съ одной стороны познакомило одни народы съ другими и тѣмъ способствовало расширенію горизонта знанія и пониманія, а съ другой—создало опредѣленные формы государственнаго управленія.

Характеризующее современность стремленіе къ экономическому порабощенію или, по крайней мѣрѣ, преобладанію повело за собой «открытіе» новыхъ странъ (какъ источниковъ естественныхъ богатствъ и рынковъ сбыта) и даже «Новаго Свѣта», развитіе положительнаго знанія и промышленной техники и, какъ слѣдствіе послѣдняго, улучшеніе не только внѣшняго, но и внутренняго быта людей, поднятіе уровня общаго народнаго благосостоянія, народнаго здоровья и самой нравственности, по крайней мѣрѣ, въ условіяхъ взаимнаго сношенія людей. Даже у насъ въ Россіи старинный купеческій девизъ «не обманешь, не продашь», если не сталъ еще анахронизмомъ, то много потерялъ въ своемъ кредитѣ.

Всѣ русскіе люди, конечно, желали-бы, чтобы ихъ отечество было сильнымъ, богатымъ и крѣпкимъ въ своихъ устояхъ государствомъ. Но также всѣ должны признать, что для достиженія указанной цѣли Россія прежде и больше всего нуждается въ народномъ просвѣщеніи. Раньше была рѣчь о нашихъ государственныхъ и народныхъ нуждахъ. Изъ нея видно, какъ мы бѣдны и какъ насъ поэтому эксплуатируютъ богатые, какъ мы слабы и болѣзненны, какую громадную исключительную подать мы платимъ смерти, какъ нашъ народъ ходитъ въ потемкахъ, не зная хорошо ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей, какъ онъ неумѣло пользуется естественными богатствами страны и хронически поэтому недоѣдаетъ, и даже какъ онъ неустойчивъ и дѣтски наивенъ въ нравственныхъ основахъ своей жизни—личной, семейной и общественной. Неужели этого мало, чтобы опредѣлить, въ чемъ должны заключаться содержаніе и смыслъ нашего народнаго просвѣщенія? Неужели такая неудовлетворительная постановка народной, а съ ней въ значительной степени и государственной жизни недостаточно убѣдительно говорить за несостоятельность практиковавшейся до сихъ поръ системы народнаго просвѣщенія и вообще, и въ частности?

Всякій не предубѣжденный, здравомыслящій человѣкъ дастъ, безъ сомнѣнія, на поставленные вопросы утвердительные отвѣты и скажетъ, что человѣкъ не только земля есть и въ землю отойдетъ,

во и землею живетъ, хотя и не хлѣбомъ однимъ. Если земля въ чемъ-либо грѣшна, то единственно лишь въ неблагодарности къ ней людей. Она ихъ кормитъ, учитъ, а они ее не только попираютъ ногами, но чуть не проклинаятъ. Дѣйствительно, лукавый родъ людской... А виной всему опирающаяся на самообольщеніи логика самоопредѣленія, которая не хочетъ считаться съ дѣйствительностью. Избѣгнуть вполне самообольщенія человѣкъ не можетъ, такъ какъ едва-ли когда-нибудь онъ уяснитъ себѣ дѣйствительную сущность своего существа. Но это самообольщеніе можетъ принять другое направленіе, наполниться другимъ содержимымъ, болѣе близкимъ къ дѣйствительности, безъ пониманія которой не можетъ быть вѣрнаго самоопредѣленія. А для этого пониманія надо прежде всего обратиться къ землѣ и земной жизни, изученіе которыхъ только и можетъ дать надлежащія основы и для здоровья, и для богатства, и для устойчивой житейской нравственности, основой которой будутъ служить миръ, порядокъ и справедливость, а наградой сознание исполненнаго долга, свое и общее благополучіе. Все это, конечно, нисколько не противорѣчитъ той высшей нравственности, воспріятіе и проведеніе въ жизнь которой можетъ быть только удѣломъ немногихъ избранныхъ и насильственная, виѣшняя прививка которой никогда и никому не приносила ни добра, ни пользы. За это говорить какъ современность, такъ и исторія. Ложь, лицемеріе, насиліе никогда не могутъ дать добрыхъ плодовъ, и Спаситель говоритъ: «Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые, а худое дерево приноситъ и плоды худые: не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые» (Матв. VII, 17 и 18).

Міръ и жизнь, оба вмѣстѣ и каждое въ отдѣльности, представляютъ такую стройную и поучительную систему, передъ которой всѣ измышленныя и измышляемыя людьми системы являются только въ лучшемъ случаѣ болѣе или менѣе удачной пародіей, въ худшемъ-же случаѣ послѣдствія оказываются только вредными суррогатами, рисуя, напр., далекіе лишь миражи или обманывая лишь виѣшней своей послѣдовательностью и не давая пищи ни душѣ, ни тѣлу. Въ непричастныхъ естествовѣдѣнію кругахъ очень распространено то часто высказываемое вслухъ въ книгахъ, статьяхъ и поученіяхъ мнѣніе, что положительное, реальное знаніе подрываетъ основы христіанской нравственности, ведетъ къ господству эгоизма и вообще способствуетъ проявленію у людей низменныхъ, чисто животныхъ страстей и склонностей. Такое обвиненіе въ общей формѣ можетъ вызвать въ средѣ обвиняемыхъ только горькую усмѣшку по адресу обвинителей, считающихъ себя прокурорами

относительно чужого и адвокатами относительно своего дѣла, не подлежащими критикѣ. Но что достойно глубокаго сожалѣнія, такъ это явная склонность обвинителей прибѣгать къ явнымъ, противорѣчающимъ дѣйствительности натяжкамъ, къ клеветамъ и инсинуаціямъ, столь характернымъ вообще для тѣхъ, кто во что-бы то ни стало защищаетъ традиціи и свое положеніе. Указанное обвиненіе находитъ себѣ подтвержденіе въ несомнѣнномъ ослабленіи въ настоящее время виѣшней религіозности, въ несоблюденіи многими изъ образованныхъ людей нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ и правилъ. Но это касается не только натуралистовъ, но и всякаго рода «словесниковъ», имѣющихъ о природѣ и жизни крайне смутное понятіе, а зависеть оно отъ развитія не естествознанія, а общаго пониманія. Никто-же не можетъ считать, напр., Вольтера натуралистомъ, а высокое математическое и естественно-историческое образованіе Ньютона не помѣшало ему въ концѣ жизни заниматься толкованіемъ на Апокалипсисъ. Недавно умершій «отецъ экспериментальной гигиены», всю свою 82-хлѣтнюю жизнь посвятившій изученію природы и жизни—проф. М. Ф. Петтенкоферъ, по свидѣтельству вѣхъ его хорошо знавшихъ, былъ ревностнымъ христіаниномъ. Да и развѣ можно, напр., изувѣрство, фанатизмъ и другія неприглядныя явленія со стороны христіанъ ставить въ вину христіанской религіи?

Проф. Ир. Сяворцовъ.

Нуженъ-ли намъ восьмой классъ?

Нуженъ-ли намъ VIII-й классъ въ нашей средней общеобразовательной школѣ, и если нуженъ, то какимъ долженъ онъ быть по своимъ программамъ и по своему устройству? Вотъ вопросъ, основательное рѣшеніе котораго имѣетъ громадное значеніе особенно въ настоящій моментъ, когда рѣшается судьба нашей средней школы. Какъ извѣстно, наше Министерство Народ. Просвѣщенія поставило однимъ изъ основныхъ тезисовъ, обсуждавшихся въ іюнѣ въ Высочайше утвержденной комиссіи по преобразованію средней школы, слѣд. положеніе: «Средняя школа имѣетъ семь классовъ съ годичнымъ въ каждомъ изъ нихъ курсомъ». Несомнѣнно, что наше Министерство, задумавъ сократить продолжительность курса средней школы, имѣло для этого свои серьезныя основанія и руководствовалось благими намѣреніями. И дѣйствительно, всматриваясь въ положеніе нашихъ абитуриентовъ, приходишь на первый взглядъ къ мысли, что уменьшеніе продолжительности курса должно-бы привести лишь къ благимъ результатамъ. Вѣдь нельзя-же считать нормальнымъ явленіемъ, что въ числѣ оканчивающихъ ежегодно курсъ нашихъ гимназій имѣется хотя и небольшой процентъ юношей, достигшихъ уже не только совершеннолѣтія, но даже 22-хъ и 23-хъ лѣтъ, и что эти юноши учатся и воспитываются въ нашихъ гимназіяхъ вмѣстѣ съ дѣтьми отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ и съ юношами отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ, подчиняясь во всемъ тому-же режиму, которому обязаны подчиняться дѣти и подростки. Несомнѣнно, что въ возрастѣ 20-ти, 21-го и болѣе лѣтъ юноши уже тяготеютъ школьною учебною и, продолжая тянуть гимназическую ляжку, начинаютъ проникаться равнодушіемъ къ наукѣ, теряютъ къ ней живой интересъ, продолжая и въ VIII классѣ повторять зады и не получая соотвѣтствующей ихъ возрасту умственной пищи. Съ другой стороны, упраздняя греческій языкъ, какъ обязательный предметъ преподаванія, и значительно сокращая курсъ латинскаго языка и удѣляемое въ настоящее время на изученіе его большое число уро-

ковъ почти въ три раза, наше Министерство имѣетъ, повидимому, серьезное основаніе для сокращенія продолжительности всего курса ученія. Да и опытъ прошлаго нашей средней школы, когда не было въ ней VIII-го класса, казалось-бы, подсказываетъ мысль о сокращеніи продолжительности гимназическаго курса. Вѣдь проходили-же университетскій курсъ и не менѣе успѣшно, чѣмъ въ настоящее время, молодые люди, оканчивавшіе въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ семилѣтній курсъ гимназій, да и теперь ученики, оканчивающіе курсъ семиклассныхъ реальныхъ училищъ, выдерживающіе конкурсные экзамены въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, занимаются большею частью очень успѣшно высшею математикою въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, изучаютъ спеціальныя курсы по физикѣ, химіи, механикѣ и другимъ дисциплинамъ, преподаваемымъ въ объемѣ университетскихъ курсовъ, хотя они и не знали никакого VIII-го класса. Почему-же, спрашивается, VIII-й классъ въ нашихъ гимназіяхъ можетъ считаться необходимымъ? Въ чемъ оправданіе этой необходимости, въ чемъ смыслъ и значеніе VIII-го класса? Да и не желательно-ли съ точки зрѣнія интересовъ родителей, ихъ матеріальныхъ интересовъ, чтобы сыновья ихъ ранѣе годомъ оканчивали курсъ, ложась менѣе тяжелымъ бременемъ на ихъ, въ большинствѣ случаевъ едва достаточныя для жизни, средства да еще въ странѣ столь бѣдной, какъ наше отечество? Вотъ вопросы, которые требуютъ серьезнаго разъясненія прежде, чѣмъ рѣшиться отвергнуть выставляемое нашимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія новое положеніе о семиклассномъ составѣ проектируемой общеобразовательной средней школы.

Мы, съ своей стороны, вполне раздѣляемъ взглядъ нашего Министерства на ненормальность великовозрастности многихъ изъ нашихъ абитуриентовъ. Хотя большинство оканчивающихъ гимназическій курсъ учениковъ не превышаетъ по своему возрасту 19-ти лѣтъ, но несомнѣнно, что въ VIII-мъ классѣ каждой гимназіи имѣется извѣстный процентъ и болѣе великовозрастныхъ учениковъ, между которыми бывають и 22-хъ, и даже 23-хъ-лѣтніе молодые люди, которые въ этомъ возрастѣ должны были-бы уже оканчивать курсъ высшихъ учебныхъ заведеній. И этого нельзя не считать большимъ зломъ, которое необходимо устранить. Но если мы вдумаемся въ причины этого явленія, то мы должны будемъ признать, что причины его кроются не въ существованіи VIII-го класса, въ которомъ ученики очень рѣдко оставляются на второй годъ, а въ такихъ условіяхъ, которыя вполне устранимы. Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что въ первый классъ нашихъ гимназій, въ силу нашего гимназическаго устава, принимаются дѣти отъ

10-ти до 12-ти лѣтъ, а въ первый классъ нашихъ реальныхъ училищъ даже и до 13-ти лѣтъ. Если принять во вниманіе тѣ сравнительно незначительныя требованія, которымъ по нашимъ программамъ должны удовлетворять дѣти для поступленія въ первый классъ по Закону Божію, русскому языку и ариметикѣ, то можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что требованія эти ни въ какомъ случаѣ не превышаютъ уровня умственнаго развитія дѣтей десятилѣтняго возраста. Напротивъ того, нерѣдко бываютъ случаи, когда родители приводятъ на экзаменъ въ I-ый классъ дѣтей вполне подготовленныхъ для поступленія въ этотъ классъ и не принимаемыхъ начальствомъ гимназій лишь вслѣдствіе того, что дѣти не достигли еще установленнаго для поступленія въ первый классъ возраста. Если-же-бы наши ученики поступали въ первый классъ гимназій даже не позже 10-ти лѣтъ, то при правильномъ прохожденіи курса они должны были-бы окончить даже восьмилѣтній курсъ гимназій не позже 18-ти лѣтъ, а въ случаѣ болѣзни или другой причины, заставляющей ученика задержаться въ какомъ-либо изъ классовъ на одинъ лишній годъ, они должны были-бы оканчивать курсъ не позже 19-ти лѣтъ. Бѣда въ томъ, что мы слишкомъ поздно начинаемъ учить нашихъ дѣтей. Въ Германіи обязательное обученіе начинается уже съ шестилѣтняго возраста, да и во Франціи дѣти начинаютъ учиться въ *écoles enfantines* уже съ шести лѣтъ, а у насъ нерѣдко дѣти и въ семь лѣтъ еще не знаютъ правильнаго ученія, а въ младшее отдѣленіе приготовительныхъ классовъ поступаютъ обыкновенно 8-ми лѣтъ. А вызывается-ли это явленіе какими-либо неизбежными или неустранимыми причинами? Ничуть. Вѣдь наши русскія дѣти ни въ какомъ случаѣ не уступятъ по своимъ способностямъ, по своей сметливости, сообразительности и воспримчивости къ знаніямъ нѣмецкимъ и французскимъ дѣтямъ, а скорѣе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ превосходятъ ихъ. Какая-же надобность задерживать такъ долго нашихъ дѣтей на азахъ такъ, чтобы требовалось допущеніе пріема дѣтей до 12-ти лѣтъ въ первый классъ, гдѣ проходятся изъ ариметики четыре дѣйствія надъ цѣлыми отвлеченными и именованными числами, элементы русской грамматики и элементарныя свѣдѣнія изъ географіи? Мы глубоко убѣждены, что столь долгое задерживаніе дѣтей на азахъ есть одна изъ самыхъ грубыхъ педагогическихъ ошибокъ, дѣлающая дѣтей вялыми къ ученію, задерживающая безъ всякой надобности ихъ умственное развитіе и пагубно отражающаяся на ихъ дальнѣйшихъ учебныхъ занятіяхъ по поступленіи въ среднюю школу. Предѣльный возрастъ для поступленія въ первый классъ долженъ, по нашему мнѣнію, быть десятилѣтній, и только въ исключительныхъ случаяхъ дѣти

должны приниматься въ этотъ классъ одиннадцати лѣтъ, и ужь никоимъ образомъ не 13-ти лѣтъ, какъ это допускается для реальныхъ училищъ: большинство дѣтей 13-ти-лѣтняго возраста переходить уже въ четвертый классъ, гдѣ они изучаютъ алгебру и геометрію, грамматику древнихъ и новыхъ языковъ, систематическій курсъ географіи Россіи и древней исторіи. Для дѣтей отсталыхъ въ своемъ развитіи и вообще аномальныхъ должны существовать особыя школы, какія и существуютъ уже въ настоящее время въ немаломъ числѣ и въ Германіи, и въ Швейцаріи, и во Франціи.

Другою причиною, задерживающею нерѣдко на нѣсколько лишнихъ лѣтъ нашихъ учениковъ въ нашихъ гимназіяхъ, да и въ реальныхъ училищахъ, являются наши правила объ испытаніяхъ, которыя по отношенію къ ученикамъ V-го, VI-го и VII-го классовъ гимназій пріобрѣли съ 1890 года по истинѣ драконовскій характеръ. Извѣстно, что по существующимъ правиламъ о переводныхъ испытаніяхъ, наши ученики V-го, VI-го и VII-го классовъ гимназій, если они имѣютъ двойку за годъ хотя-бы изъ одного изъ главныхъ предметовъ (оба древнихъ языка, русскій языкъ и математика) могутъ быть допускаемы къ переводнымъ испытаніямъ лишь съ разрѣшенія попечителя округа, а имѣющіе, кромѣ двойки по одному изъ главныхъ предметовъ, еще годовую двойку по какому-бы то ни было предмету, вовсе лишаются права быть допущенными къ переводнымъ испытаніямъ, и даже педагогическій Совѣтъ лишенъ права ходатайствовать передъ попечителемъ округа о допущеніи такого ученика къ испытаніямъ! Можно себѣ представить, сколько учениковъ, при господствующихъ у насъ педантическихъ требованіяхъ особенно по древнимъ языкамъ и по математикѣ, оставались ежегодно и оставляются еще теперь въ названныхъ классахъ гимназій изъ за этихъ двоекъ, тогда какъ, имѣя почти два съ половиною мѣсяца каникулярнаго времени для основательнаго повторенія и подготовки къ повѣрочнымъ испытаніямъ по двумъ предметамъ, изъ которыхъ они получили неудовлетворительную отмѣнку за годъ, ученики эти если не всѣ, то почти всѣ навѣрное переходили-бы въ слѣдующіе классы, не теряя даромъ цѣлыя годы и не набивая оскомину въ тѣхъ предметахъ, курсъ которыхъ былъ ими уже усвоенъ удовлетворительно. Отмѣна существующихъ правилъ о переводныхъ испытаніяхъ можетъ въ значительной степени способствовать болѣе скорому окончанію гимназическаго курса для очень значительнаго числа учениковъ, засиживающихся безъ надобности въ старшихъ классахъ и теряющихъ нерѣдко вслѣдствіе этого необходимую энергію для серьезныхъ и усиленныхъ занятій въ самыхъ старшихъ классахъ.

Упраздненіе греческаго языка, какъ общеобязательнаго для всѣхъ учениковъ гимназій предмета, а также значительное сокращеніе установленнаго нынѣ дѣйствующими программами числа уроковъ по латинскому языку, конечно, должны въ значительной степени облегчить прохожденіе курса для учениковъ будущей средней школы. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что введеніе въ курсъ средней школы цѣлаго ряда новыхъ предметовъ, вмѣсто упраздняемаго греческаго языка и отчасти насчетъ латинскаго языка, каковы: естествовѣдѣніе, отечествовѣдѣніе, законовѣдѣніе, изученіе образцовыхъ произведеній иностранной литературы и цѣлаго новаго отдѣла по русской литературѣ послѣ Гоголя, что изученіе всѣхъ этихъ предметовъ потребуетъ не мало времени и не мало умственнаго напряженія отъ учениковъ будущей средней школы,—напряженія, которое не можетъ измѣряться только количествомъ уроковъ, а должно измѣряться сущностью вводимыхъ въ курсъ новыхъ предметовъ, которые, какъ законовѣдѣніе и нѣкоторые изъ образцовъ иностранной и новой русской литературы, требуютъ уже серьезнаго умственнаго развитія и никоимъ образомъ не должны быть усваиваемы одною памятью. Еще вопросъ, что потребуетъ отъ учениковъ большаго напряженія умственныхъ силъ: усвоеніе-ли той или другой главы изъ курса законовѣдѣнія, или переводъ нѣсколькихъ лишнихъ главъ изъ Тита Ливія или Геродота? И мы смѣемъ думать, что для вполне сознательнаго усвоенія какой-либо главы изъ законовѣдѣнія или осмысленнаго усвоенія содержанія «Божественной Комедіи» Данте потребуются больше умственнаго напряженія, чѣмъ для перевода новой главы изъ Тита Ливія или новыхъ 20—30 стиховъ изъ Энеиды Вергилія. Выдержать-же экзамень изъ отечествовѣдѣнія или законовѣдѣнія будетъ ученикамъ гораздо труднѣе даже въ выпускномъ классѣ, чѣмъ перевести à livre ouvert главу изъ Цицерона, Тита Ливія, Ксенофонта или тотъ или другой отрывокъ изъ Илиады или Одиссеи. Говоря такимъ образомъ, мы не думаемъ защищать мысль о сохраненіи существующей программы по классическимъ языкамъ, или отвергать пользу изученія отечествовѣдѣнія и законовѣдѣнія, но настаиваемъ лишь на томъ, что отъ введенія новыхъ программъ нельзя ожидать такого облегченія гимназическаго курса, при которомъ возможно было-бы рассчитывать на основательное усвоеніе его учениками въ меньшее количество лѣтъ, чѣмъ то, какое удѣляется въ настоящее время для изученія гимназическаго курса. И если теперь, при меньшемъ числѣ предметовъ, чѣмъ то, какое предназначается для будущей общеобразовательной средней школы, изученіе ихъ въ нашихъ гимназіяхъ отличается большею частью крайне спѣшнымъ, торопливымъ и весьма поверх-

ностнымъ характеромъ, то при увеличеніи числа учебныхъ предметовъ и уменьшеніи продолжительности гимназическаго курса можно ожидать только ухудшенія въ этомъ отношеніи. А извѣстно, что, при правильной постановкѣ учебнаго дѣла, преподаваніе любого предмета вліяетъ благотворно на умственное развитіе учениковъ не столько суммою приобрѣтенныхъ знаній, сколько углубленіемъ ихъ въ сущность изучаемаго предмета и интенсивности умственной работы. Вполнѣ признавая пользу осмысленнаго изученія серьезнаго курса отечествовѣдѣнія, выясняющаго производительныя силы страны, ея экономическій строй, финансовую организацію, распредѣленіе и переселенческое движеніе населенія и т. п., а также необходимость уяснить себѣ правовыя нормы своего отечества, особенности его государственнаго и административнаго строя и главныя отличительныя особенности его уголовного и гражданскаго кодекса, мы убѣждены однакожъ, что этотъ матеріалъ не можетъ быть вполнѣ сознательно усвоенъ учениками ни пятаго, ни шестого класса, а лишь учениками VII-го и VIII-го классовъ и что только въ этихъ классахъ серьезное и основательное изученіе этихъ предметовъ могло-бы дать существенныя результаты для умственнаго развитія учениковъ, не будучи усваиваемо лишь одною памятью. Вотъ почему съ точки зрѣнія новой программы мы склонны придавать сохраненію VIII-го класса въ составѣ гимназическаго курса очень большое значеніе. Да и изученіе новой русской литературы, чтобы быть поставленнымъ серьезно, чтобы ученики могли знакомиться съ нею не по отрывкамъ, а прочитывали хотя-бы нѣкоторыя лучшія произведенія въ цѣломъ, потребуетъ значительно больше времени, чѣмъ можетъ быть удѣлено для изученія корифеевъ новой русской литературы при семи-классномъ составѣ гимназій. При такомъ составѣ классовъ остается слишкомъ мало времени и для изученія систематическаго курса всеобщей исторіи, не смотря на увеличеніе числа уроковъ по этому предмету. Вполнѣ сочувствуя введенію преподаванія латинскаго языка, начиная лишь съ IV-го класса, когда ученики окрѣпнутъ въ пониманіи формъ родной рѣчи, мы полагаемъ, что хоть нѣсколько основательное изученіе латинскаго языка могло-бы быть достигнуто лишь при сохраненіи VIII-го класса. Для логики-же и психологіи, имѣющихъ такое громадное значеніе въ самомъ старшемъ классѣ нѣмецкихъ гимназій и французскихъ лицеевъ, у насъ совсѣмъ не остается ни одного свободнаго часа. Такимъ образомъ оказывается въ результатѣ, что съ упраздненіемъ VIII-го класса господствующее въ нашей современной школьной системѣ зло—крайняя небрежность и поверхностность изученія предметовъ гимназическаго курса—можетъ только увеличиться.

Намъ можетъ быть, однакожь, поставленъ вопросъ, какъ-же успѣвали достигать хорошихъ результатовъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, когда въ гимназіяхъ не было вовсе VIII-го класса? Но, во-1-хъ, эти результаты были далеко не удовлетворительны по большинству предметовъ и только по русскому языку, какъ въ смыслѣ начитанности учениковъ по русской литературѣ и въ смыслѣ грамотности, можно считать результаты того времени лучшими, чѣмъ теперь; во-2-хъ, число преподаваемыхъ предметовъ въ гимназіяхъ 50-хъ годовъ было меньше, чѣмъ въ предполагаемой средней общеобразовательной школѣ: естественнѣдѣніе вовсе не преподавалось, объ отечественнѣдѣніи не было и помину, а законовѣдѣніе преподавалось лишь тѣмъ, кто не изучалъ латинскаго языка. Съ произведеніями всеобщей литературы ученики не знакомились, а курса логики вовсе не существовало. Насколько-же въ силу такой постановки учебнаго дѣла требовалось меньше уроковъ, чѣмъ въ настоящее время? Да и самый объемъ предметовъ былъ не тотъ, что теперь: знакомить съ русской литературой было достаточно до Гоголя включительно, такъ какъ наши корифеи въ области русской литературы 40-хъ и 50-хъ годовъ еще далеко не завершили своей литературной дѣятельности, а нѣкоторые только начинали ее. Всеобщая исторія проходила лишь до Вѣнскаго конгресса, а по отечественной исторіи курсъ естественно былъ также меньше. По физикѣ курсъ былъ также, разумѣется, значительно меньше. Теперь нельзя оставить ученика, оканчивающаго курсъ гимназіи, безъ знанія исторіи XIX-го вѣка, а по русской литературѣ безъ знакомства съ новѣйшимъ періодомъ ея. Конечно, можно возразить, что и въ XX-мъ вѣкѣ матеріалъ по исторіи и по литературѣ значительно возрастетъ и, слѣдовательно, въ началѣ XXI-го вѣка понадобится-бы прибавить еще одинъ годъ и т. д. Но съ теченіемъ времени выборъ матеріала навѣрное сдѣлается болѣе тщательнымъ, а методы преподаванія значительно усовершенствуются. Пока-же приходится удѣлить на значительно расширенный въ сравненіи съ прежнимъ курсъ и лишнее время, и чтобы пройти все то, что предполагается пройти по плану будущей средней школы, необходимо сохраненіе VIII-го класса. И такъ, несомнѣнно, что между курсомъ семиклассной гимназіи пятидесятыхъ годовъ и проектируемой семиклассной общеобразовательной средней школой представляется существенное различіе.

Ссылка на семиклассныя реальныя училища также не можетъ быть признана основательной, какъ доказательство необходимости упразднить восьмой классъ въ нашихъ гимназіяхъ. Всякому близко знакомому съ результатами, достигаемыми нашими реальными училищами, извѣстно, что результаты эти крайне односторонни и что

ученики, оканчивающіе курсъ нашихъ гимназій, по своему общему развитію стоятъ значительно выше учениковъ, оканчивающимъ курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Причиной этого явленія слѣдуетъ считать не только лучшую постановку гуманитарныхъ предметовъ въ нашихъ гимназіяхъ сравнительно съ реальными училищами, но также и то обстоятельство, что въ гимназіяхъ имѣется VIII-й классъ, тогда какъ курсъ реальныхъ училищъ оканчивается седьмымъ классомъ. Когда въ комиссіи покойнаго министра Н. П. Богодѣлова обсуждался вопросъ о недостаткахъ нашихъ реальныхъ училищъ, то почти всѣ директора реальныхъ училищъ, участвовавшіе въ комиссіи, заявляли единодушно, что гуманитарные предметы поставлены въ реальныхъ училищахъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ гимназическомъ курсѣ, и что лучшимъ средствомъ для восполненія пробѣловъ въ гуманитарномъ образованіи реалистовъ было-бы значительное расширеніе программы по гуманитарнымъ предметамъ и прибавленіе къ семи классамъ еще и восьмого.

Желающіе упраздненія VIII-го класса гимназій доказываютъ необходимость упраздненія его еще и тѣмъ, что ученики гимназій, оканчивая курсъ ея слишкомъ поздно, становятся мало воспримчивыми къ усвоенію научныхъ знаній по поступленіи въ университетъ и теряютъ интересъ къ наукѣ. Но спрашивается, почему-же не замѣчается этого явленія въ Германіи и во Франціи, гдѣ курсъ гимназической продолжается не только восемь, но и девять лѣтъ? Если-же въ Германіи и во Франціи дѣти начинаютъ учиться раньше, чѣмъ у насъ, и все-таки обязаны проходить девятилѣтній курсъ гимназій, то есть-ли основаніе намъ уменьшить этотъ курсъ до семи классовъ, когда въ первый классъ нашихъ гимназій поступаютъ дѣти съ значительно меньшей подготовкой? Не поведетъ-ли такимъ образомъ упраздненіе у насъ VIII-го класса къ результатамъ крайне нежелательнымъ, къ крайней поверхностности наскоро усвоенныхъ знаній, къ нежелательному ни въ какомъ отношеніи верхоглядству учениковъ, оканчивающихъ курсъ средней школы, которое можетъ отразиться неблагоприятно на ихъ научныхъ занятіяхъ по поступленіи въ высшія учебныя заведенія? Вотъ почему мы отъ всей души желаемъ сохраненія VIII-го класса и въ будущей средней общеобразовательной школѣ. Но если признать VIII-й классъ безусловно необходимымъ для завершения курса средней общеобразовательной школы, то остается выяснитъ вопросъ о желательной его организаціи, такъ какъ современное устройство VIII-го класса представляетъ много существенныхъ недостатковъ и оставляетъ желать очень многого.

Въ настоящее время VIII-й классъ служитъ главнымъ образомъ для повторенія курса предшествующихъ классовъ, при чемъ про-

граммы учебныхъ предметовъ, методъ преподаванія, характеръ учебныхъ занятій, отношеніе къ ученикамъ VIII-го класса почти ничѣмъ не отличаются отъ всего того, что представляютъ предшествующіе классы.

Новый учебный матеріалъ для учениковъ VIII-го класса сводится лишь къ слѣдующему: а) по русскому языку ученики проходятъ теорію словесности, причѣмъ основныя положенія ея иллюстрируются образцами или, вѣрнѣе, отрывками изъ различныхъ произведеній прозы и поэзіи, пройденными въ предшествующихъ классахъ. Новаго этого курсъ представляетъ очень мало. Проходимый въ VIII-мъ классѣ курсъ логики могъ-бы принести ученикамъ большую пользу, но онъ проходитъ при одномъ урокѣ очень спѣшно и кратко, и потому представляетъ очень мало интереса для учениковъ VIII-го класса, и отношеніе ихъ къ этому предмету чисто формальное. По древнимъ языкамъ продолжается чтеніе классиковъ, съ которыми ученики были уже ознакомлены въ предшествующемъ классѣ (Ливій, Гомеръ), но прибавляется еще чтеніе какого-либо діалога изъ Платона, чтеніе какой-либо изъ трагедій Софокла, а изъ римскихъ классиковъ—Гораций. Но обыкновенно ученики VIII-го класса, набившіе уже оскомину на изученіи латинскаго языка съ I-го класса, а греческаго языка съ III-го класса, относятся и въ VIII-мъ классѣ къ чтенію древнихъ классиковъ крайне формально. По математикѣ идетъ повтореніе алгебры, геометріи и тригонометріи и вновь проходитъ лишь теоретическій курсъ ариѳметики, въ необходимости котораго сомнѣваются сами преподаватели. При этомъ курсъ математики проходитъ въ VIII-мъ классѣ при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ на повтореніе всего пройденнаго по математикѣ, начиная съ III-го класса, и на новый теоретическій курсъ ариѳметики удѣляется всего два часа въ недѣлю. Въ высшей степени важный курсъ космографіи проходитъ крайне поверхностно, такъ какъ на него удѣляется всего одинъ урокъ въ недѣлю, да и этотъ урокъ нерѣдко идетъ у преподавателей математики, которые являются большею частью преподавателями и космографіи, не столько на этотъ предметъ, сколько на повтореніе математики. Курсъ физики въ VIII-мъ классѣ продолжается и заканчивается, представляя для учениковъ извѣстную прелесть новизны. По исторіи повторяется курсъ всеобщей и русской исторіи и дополняется курсъ исторіи Греціи и Рима болѣе подробнымъ очеркомъ политическихъ учрежденій Греціи и Рима и краткимъ обзоромъ развитія ихъ литературы.

Преподаваніе въ VIII-мъ классѣ ведется, какъ и въ предъидущихъ классахъ: ученики выспрашиваютъ ежедневно, въ журналахъ выставляются ежедневно отѣтки, къ самостоятельнымъ занятіямъ

ученики приучаются очень мало, письменныя работы даются въ этомъ классѣ такъ-же рѣдко, какъ и въ предъидущихъ классахъ, читаютъ ученики VIII-го класса очень мало и, занимаясь по необходимости всѣми предметами, не занимаются серьезно ни однимъ, да и не имѣютъ времени заниматься. Въ дисциплинарномъ отношеніи ученики VIII-го класса поставлены такъ-же, какъ и ученики предшествующихъ классовъ.

Понятно послѣ этого, почему VIII-й классъ въ настоящемъ своемъ видѣ даетъ такъ мало результатовъ сравнительно съ тѣмъ, чего можно было-бы ждать отъ него при болѣе разумной и болѣе соответствующей возрасту учениковъ постановкѣ дѣла.

По нашему убѣжденію, VIII-й классъ долженъ былъ-бы имѣть значеніе переходной ступени отъ средней школы къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ и связующимъ звеномъ между ними, при чемъ одни предметы должны были-бы имѣть обязательный характеръ для всѣхъ учениковъ VIII-го класса, другіе-же предметы факультативный характеръ. Предметами общими для всѣхъ слѣдуетъ признать, по нашему мнѣнію, слѣдующіе: 1) Законъ Божій—курсъ нравственнаго богословія, читаемый нынѣ въ VIII-мъ классѣ—3 урока; 2) русская и всеобщая литература во второй половинѣ XIX вѣка—3 урока; 3) логика и психологія—3 урока; 4) исторія всеобщая и русская XIX вѣка—2 урока; 5) законовѣдѣніе, курсъ, предназначенный нынѣ для VII-го класса проектированной средней школы—2 урока; 6) новые языки по выбору, французскій или нѣмецкій языкъ—чтеніе нѣмецкихъ и французскихъ классиковъ—3 урока; 7) математическая и физическая географія—2 урока. Итого общихъ уроковъ было-бы 18. Но, кромѣ того, ученики, имѣющіе въ виду избрать по окончаніи курса физико-математическій факультетъ или медицинскій, или поступить въ какое-либо изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, должны были-бы имѣть еще 8 уроковъ на математику и физику, при чемъ изъ математики, кромѣ повторенія курса алгебры, геометріи и тригонометріи съ необходимыми дополненіями на что слѣдовало-бы удѣлить не менѣе трехъ уроковъ, должно-бы еще ввести нѣкоторые отдѣлы изъ высшей математики *), удѣливъ

*) По мнѣнію одного лица, весьма компетентнаго въ вопросахъ преподаванія математики (А. В. Муромцева), курсъ VIII класса для учениковъ реальной вѣтви долженъ былъ-бы заключать въ себѣ слѣдующее: 1) Ознакомленіе съ нѣкоторыми системами координатъ на плоскости. Представленіе простѣйшихъ функций кривыми въ различныхъ системахъ координатъ. Рѣшеніе соответствующихъ задачъ. 2) Приложеніе алгебры къ геометріи. Задачи. 3) Повтореніе алгебры и геометріи съ необходимыми пополненіями въ смыслѣ углубленія и расширенія представленій. Основныя ученія о предѣлахъ. Безконечно малыя величины. Не-

для этого 2 урока въ теченіе всего учебнаго года, а на прохожденіе какого-либо спеціальнаго курса по физикѣ и практическія работы учениковъ въ физическомъ кабинетѣ назначить 3 часа. Для будущихъ-же словесниковъ и юристовъ, идущихъ по латинской вѣтви, начиная съ IV-го класса, слѣдовало-бы назначить въ VIII классѣ на латинскій языкъ 4 урока на чтеніе Ливія и Горация и по 2 урока дополнительныхъ на русскую литературу и исторію, при чемъ два урока, предназначаемые для изученія русской литературы, должны-бы быть употреблены на основательное изученіе произведеній одного изъ корифеевъ русской литературы XIX вѣка, а два дополнительныхъ урока, предназначаемые для изученія исторіи—на основательное прохожденіе систематическаго курса исторіи Греціи и Рима въ связи съ исторіей ихъ литературы, иллюстрируемой для учениковъ ихъ самостоятельнымъ чтеніемъ наиболѣе выдающихся произведеній греческой и римской литературы въ лучшихъ русскихъ переводахъ. При такой постановкѣ курса VIII-го класса преподаваемые въ нихъ предметы представляли-бы для учениковъ этого класса несравненно болѣе живой интересъ, чѣмъ преподаваемый нынѣ въ VIII-мъ классѣ матеріалъ, а число недѣльныхъ уроковъ было-бы меньше на 3—4 урока. (Въ дѣйствительности вмѣсто 29 уроковъ почти во всѣхъ гимназіяхъ съ разрѣшенія попечителя округа прибавляется на математику еще 30-ый урокъ). Уменьшеніе числа классныхъ уроковъ дало-бы возможность ученикамъ употреблять больше времени на самостоятельныя домашнія работы. Далѣе курсъ логики и психологіи, отсутствующій въ планахъ и конспектахъ проектируемой средней школы, а также курсъ математической и физической географіи могли-бы быть пройдены основательно съ громадною пользою для общаго развитія учениковъ. Болѣе основательное изученіе съ одной стороны математики и физики, съ другой — болѣе серьезное изученіе латинскаго языка, исторіи классическихъ народовъ въ связи съ ихъ литературою и основательное изученіе одного изъ наиболѣе выдающихся русскихъ классиковъ — все это придало-бы курсу VIII-го класса тотъ серьезный характеръ, какимъ долженъ отличаться курсъ старшаго класса средней общеобразовательной школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ перенесеніе въ VIII-й классъ нѣкоторыхъ предметовъ и отдѣловъ изъ курса VII-го класса освободило-бы VII-й классъ отъ нагроможденія пестраго учебнаго матеріала въ VII-мъ классѣ и устранило-бы необходимость спѣшно, торопливо, а слѣдовательно, поверхностно

прерывныя дроби. Рѣшеніе неопредѣленныхъ уравненій 1-й степени съ двумя неизвѣстными. 4) Повтореніе геометріи и рѣшеніе геометрическихъ задачъ на построеніе.

проходить курсъ VII-го класса. Слѣдуетъ имѣть также въ виду, что при сосредоточеніи вниманія и занятій однихъ учениковъ на математикѣ и физикѣ, а другихъ — на болѣе серьезномъ изученіи латинскаго языка, исторіи классическихъ народовъ и русской литературы, абитуриенты поступали-бы на соответствующіе факультеты съ болѣе серьезною подготовкою. Нѣкоторое сокращеніе количества классныхъ занятій дало-бы возможность удѣлять больше времени самостоятельнымъ письменнымъ работамъ, имѣющимъ громадное значеніе для умственного развитія учениковъ и пріученія ихъ къ умственной самодѣятельности. Вотъ тѣ результаты, какихъ мы, по вашему глубокому убѣжденію, въ правѣ были-бы ждать отъ сохраненія VIII-го класса и предлагаемаго нами плана занятій учениковъ этого класса. Но для того, чтобы VIII-й классъ могъ принести ученикамъ его возможно больше пользы, необходимо было-бы измѣнить и самый способъ преподаванія и способъ провѣрки ученическихъ знаній. Нѣтъ надобности выспрашивать взрослыхъ молодыхъ людей каждый урокъ въ отдѣльности, отдавая большую часть времени а провѣрку домашнихъ занятій учениковъ и оставляя меньшую сравнительно часть времени на разъясненіе учебнаго матеріала въ классѣ. По нашему мнѣнію, слѣдовало-бы отмѣнить для VIII-го класса систему ежедневной провѣрки познаній учениковъ и оцѣнки ихъ соответствующими баллами за знаніе заданнаго отдѣльнаго урока, а предоставить ученикамъ болший просторъ въ пользованіи временемъ дома и устраивать по каждому предмету въ концѣ каждой четверти репетиціи, приготовленіе къ которымъ заставляло-бы учениковъ VIII-го класса готовиться изъ цѣлыхъ отдѣловъ, охватывая своимъ умственнымъ взоромъ большую массу фактовъ и пріучая ихъ къ болѣе широкому и глубокому пониманію изучаемыхъ фактовъ въ ихъ совокупности, направляя ихъ умъ къ обобщающей работѣ и отъучая ихъ отъ привычки не видѣть лѣса изъ за деревьевъ, упускать цѣлое изъ-за частныхъ, не видѣть главнаго изъ-за мелкихъ, легко испаряющихся изъ памяти подробностей. Но, помимо этого, и самый способъ обращенія съ учениками VIII-го класса долженъ-бы быть инымъ, чѣмъ по отношенію къ ученикамъ предшествующихъ классовъ. Предъявляемая ученикамъ VIII-го класса дисциплинарныя требованія и мѣры, вполне серьезныя по существу, должны-бы имѣть иной характеръ, чѣмъ по отношенію къ ученикамъ младшихъ классовъ. Самая форма одежды могла-бы быть для нихъ измѣнена, какъ это практикуется по отношенію къ ученицамъ VIII-го класса женскихъ гимназій.

Впрочемъ, не только въ этомъ чисто внѣшнемъ отношеніи, но

и по самой сущности организаціи учебныхъ занятій, типъ восьмого класса женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія представляетъ много поучительнаго, что могло-бы съ большою пользою быть примѣнено и къ VIII-му классу мужской средней общеобразовательной школы. Тѣмъ, кому, подобно намъ, пришлось преподавать въ VIII-мъ классѣ какой-либо изъ женскихъ гимназій Министерств. Народнаго Просвѣщенія, хорошо извѣстно, какихъ серьезныхъ результатовъ удается достигать съ ученицами VIII-го класса женскихъ гимназій, благодаря вполне разумной и цѣлесообразной постановкѣ учебныхъ занятій въ этомъ классѣ, рассчитанной на болѣе зрѣлый возрастъ ученицъ этого класса и на болѣе самостоятельныя занятія ихъ внѣ гимназій; хорошо извѣстно, какіе быстрые шаги въ своемъ умственномъ развитіи дѣлаютъ ученицы этого класса за одинъ годъ и какъ онѣ становятся просто неузнаваемыми за одинъ годъ сравнительно съ тѣмъ, какими онѣ были въ VII-мъ классѣ и при переводѣ въ VIII-й классъ. Правда, и физическое, и умственное развитіе дѣвушки идетъ въ этомъ возрастѣ быстрѣе, чѣмъ у юноши, но, помимо особенностей женской природы, быстрый умственный ростъ ученицъ VIII-го класса находитъ себѣ объясненіе и въ самой организаціи VIII-го класса, приучающей ученицъ его смотрѣть на себя, какъ на взрослыхъ людей, которымъ предъявляются иныя, болѣе серьезныя, требованія, чѣмъ ученицамъ VII-го класса, требованіе большей самостоятельности въ своихъ занятіяхъ и болѣе строгаго отчета въ знаніи цѣлаго предмета. И эта система даетъ прекрасные результаты: ученицы, избирая себѣ, по собственному желанію, извѣстную группу предметовъ, математическихъ или словесныхъ, работаетъ не изъ-за отгѣтки, а съ любовью, съ увлеченіемъ, представляетъ своимъ преподавателямъ нерѣдко очень большіе и серьезно-обработанные рефераты, написанные по источникамъ и пособіямъ, указаннымъ преподавателемъ даннаго предмета. И работать съ ученицами VIII-го класса, вслѣдствіе серьезнаго отношенія ихъ къ преподаваемымъ предметамъ, для всякаго любящаго свой предметъ преподавателя истинное наслажденіе. Само собою разумѣется, что и обращеніе съ ученицами VIII-го класса также совершенно иное, чѣмъ съ ученицами младшихъ классовъ.

Въ періодической печати нашей уже не разъ высказывалась мысль, что упраздненіе VIII-го класса было-бы вполне желательно подъ условіемъ, что программа преподаванія на первыхъ двухъ курсахъ любого факультета была-бы существенно измѣнена такъ, чтобы чтеніе специальныхъ курсовъ было-бы замѣнено для студентовъ въ первые два года, или, по крайней мѣрѣ, въ первый годъ

пребыванія ихъ въ университетѣ чтеніемъ общеобразовательныхъ курсовъ, имѣющихъ цѣлью восполнить громадный пробѣлъ въ общемъ образованіи нашихъ абитуриентовъ при поступленіи ихъ въ университетъ. Это мнѣніе не единичное, а цѣлаго ряда выдающихся профессоровъ нашего Петербургскаго университета, да и нѣкоторыхъ профессоровъ другихъ университетовъ. Нельзя отрицать, что въ этомъ планѣ есть много симпатичнаго. Но на нашъ взглядъ предлагаемая нами организація VIII-го класса могла-бы дать болѣе опредѣленные и вѣрные результаты, чѣмъ организація общеобразовательныхъ курсовъ въ первый годъ пребыванія студентовъ въ университетѣ, и вотъ почему. Несомнѣнно, что какъ-бы хорошо ни читались въ университетѣ лекціи тѣми или другими профессорами и сколько-бы слушателей ни привлекали эти лекціи, настроеніе студентовъ при переходѣ ихъ изъ гимназій въ университеты, не располагаетъ ихъ къ серьезнымъ самостоятельнымъ и особенно усидчивымъ занятіямъ, къ которымъ наиболѣе серьезные студенты начинаютъ привыкать только со второго, а еще чаще съ третьяго года. Безъ самостоятельныхъ-же и притомъ усидчивыхъ занятій слушаніе лекцій не приноситъ надлежащей пользы. Большинство-же студентовъ въ первый годъ своей университетской жизни ничего не дѣлаетъ, или дѣлаетъ крайне мало, въ лучшемъ случаѣ отдавая наукѣ самую меньшую часть своего времени. Руководить занятіями многихъ сотенъ студентовъ профессору крайне трудно, чтобъ не сказать, почти невозможно. Въ VIII-мъ-же классѣ гимназій это руководство самостоятельными занятіями учениковъ было-бы вполне обеспечено и самыя занятія ихъ имѣли-бы правильный, вполне регулярный характеръ. Контроль надъ занятіями учениковъ вполне возможенъ, да притомъ каждый ученикъ стоитъ гораздо ближе къ своему преподавателю, чѣмъ громадное большинство студентовъ къ своимъ профессорамъ.

Мы вполне сочувствуемъ проектируемой Министерствомъ Нар. Просвѣщенія реформѣ нашей средней школы въ смыслѣ освобожденія ея отъ искусственно навязаннаго намъ вѣшняго, мертвеннаго классицизма и устраненія искусственнаго разграниченія программы гимназій и реальныхъ училищъ. Но именно вслѣдствіе этого сочувствія и искренняго желанія успѣшнаго осуществленія школы общаго типа, считаемъ своимъ долгомъ ратовать за сохраненіе VIII-го класса, какъ вѣрнаго, по нашему убѣжденію, средства обезпечить будущей средней общеобразовательной школѣ возможность достиженія серьезныхъ результатовъ и освобожденія ея отъ упрековъ въ нѣкоторомъ пониженіи уровня средней школы,—упрековъ, не лишенныхъ серьез-

наго основанія, въ виду сосредоточенія слишкомъ многихъ предметовъ въ четырехъ старшихъ классахъ проектируемой средней общеобразовательной школы и недостатка времени для основательнаго серьезнаго усвоенія многосложнаго и громоздкаго учебнаго матеріала, намѣченнаго для этихъ четырехъ классовъ *).

Я. Г. Гуревичъ.

*) Въ случаѣ упраздненія VIII-го класса нѣкоторою компенсаціею за него, хотя далеко не равносильною значенію VIII-го класса, могло-бы служить увеличеніе продолжительности учебнаго года путемъ отмены переводныхъ испытаній; сокращеніемъ числа праздниковъ, сокращеніемъ программъ почти по всемъ предметамъ гимназической программы, подготовкою опытныхъ и искусныхъ преподавателей. Но само собою разумѣется, что сохраненіе VIII-го класса, при соблюденіи всехъ перечисленныхъ условій, могло-бы дать еще гораздо болѣе серьезные результаты, чѣмъ достигаемые въ настоящее время.

Существенный пробѣлъ въ проектѣ учебныхъ плановъ новой средней школы.

(По вопросу о положеніи естествознанія, какъ общеобразовательнаго предмета въ проектируемой средней школѣ).

Много лѣтъ естествознаніе находилось въ опалѣ у организаторовъ русской средней школы и было въ силу этого изгнано изъ программъ мужскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просвѣщенія, признанныхъ, такъ сказать, нормальными, полноправными училищами, открывавшими доступъ къ высшему образованію въ университетѣ, а черезъ него и къ занятію разнообразныхъ должностей на коронной службѣ преимущественно передъ воспитанниками реальныхъ училищъ. Да и въ этихъ послѣднихъ немногочисленныхъ и обойденныхъ судьбою училищахъ естествознаніе влечило жалкое существованіе въ узкихъ предѣлахъ установленныхъ программъ, изъймавшихъ изъ него душу живую, такъ что на долю воспитанниковъ реальныхъ училищъ доставались лишь сухія и неудобоусвояемыя выжимки, одинаково мало говорившія какъ уму, такъ и воображенію ихъ.

И весь этотъ специфическій укладъ воспитанія и образованія юношества сложился въ Россіи въ такую эпоху, когда естествознаніе послѣ вѣкового побѣдоноснаго шествія по Европѣ могучимъ потокомъ влилось въ умственную жизнь русскаго общества и оплодотворило русскую мысль методами и доктринами точныхъ наукъ. Пріобщеніе русскаго просвѣщенія къ обладанію богатымъ запасомъ естественно-историческихъ ученій впервые поднимало его на высоту современнаго общеевропейскаго просвѣщенія, которое всѣми своими характерными особенностями обязано по преимуществу успѣхамъ естествознанія.

Однимъ изъ излюбленныхъ мотивовъ, такъ охотно повторяемыхъ и до нашихъ дней защитниками классическаго образованія, является утвержденіе преемственной связи между современною культурою Европы и культурнымъ наслѣдіемъ античнаго міра. На самомъ

дѣлѣ научная параллель между завѣтами этого отжившаго міра и между тѣми руководящими идеями, которыя народились въ Европѣ въ эпоху расцвѣта просвѣщенія XVIII вѣка, приводитъ къ признанію коренной разницы, если не противоположности, между тѣми и другими. Какъ въ сферу политики и исторіи, въ сферу ученій объ обществѣ и правѣ, такъ особенно въ область ученій о природѣ и основныхъ проблемъ философіи, просвѣщеніе XVIII вѣка внесло совершенно новые принципы. Дальнѣйшее развитіе естествознанія содѣйствовало тому, что всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія (исключеніе представляютъ лишь науки формальныя—чистая математика, формальная логика, находящіяся внѣ сферы вліянія другихъ наукъ) сообщилось характерное направленіе, усвоенное прежде всего самимъ естествознаніемъ, именно направленіе позитивное, ищущее разрѣшенія научныхъ проблемъ путемъ точныхъ приѣмовъ эмпирическаго изслѣдованія. На этой почвѣ не замедлила вырости и всеобъемлющая проблема науки какъ цѣлаго,—система наукъ, объединявшая сумму проблемъ отдѣльныхъ отраслей знанія въ общемъ научномъ синтезѣ.

Для сознательной опѣнки современнаго состоянія наукъ, для пониманія духа и задачъ современнаго просвѣщенія несравненно важнѣе усвоеніе логической основы новаго научнаго направленія, созданной переворотомъ въ ученіи о природѣ въ XVIII и XIX вв., нежели детальное изученіе древней культуры, которая связана съ ногою въ большей степени историческою, нежели логическою связью.

Итакъ, если-бы организаторы русской средней школы въ семидесятыхъ годахъ были расположены идти на встрѣчу требованіямъ времени, они были-бы приведены къ необходимости признать естествознаніе одною изъ основъ научной подготовки юношества и во всякомъ случаѣ отвести ему видное мѣсто въ ряду предметовъ, изучаемыхъ въ средней школѣ; но, какъ извѣстно, правительственныя задачи ничего общаго съ педагогіей не имѣвшія, отклонили русскую школу отъ естественнаго пути ея развитія. Помимо того, что въ основу школьнаго образованія полагались дисциплины чисто формальнаго характера—грамматика и математика, и тѣмъ самымъ умалялась роль всѣхъ предметовъ, богатыхъ собственнымъ содержаніемъ, естествознаніе въ частности подвергалось особой немилости въ силу того, что популярность его въ обществѣ легко связывалась съ извѣстнымъ общественнымъ теченіемъ, противъ котораго направлялась правительственная реакція. Связь эта, безъ сомнѣнія, была внѣшняя, случайная, вызванная особенностями времени, когда критика современности направлялась одними и тѣми-же импульсами и на предразсудки общественной мысли и на формы государственнаго строя.

Нѣтъ сомнѣнія, что господствующія теченія мысли могутъ имѣть тѣсную связь съ особенностями общественной структуры. Но естествознаніе играло здѣсь лишь случайную роль, потому что въ его ученіи и въ доктринахъ, выросшихъ на его основѣ, тогдашнее общество искало средствъ для критической оцѣнки современности, для борьбы съ разнообразными предрасудками, выросшими на старой культурной основѣ.

Строго говоря, въ наши дни естествознаніе значительно специализировалось, удалившись въ лабораторіи и ученые кабинеты. Популярность его въ широкихъ кругахъ общества до нѣкоторой степени уступила мѣсто инымъ вѣяніямъ, тѣмъ не менѣе его научный престижъ остался на должной высотѣ и современное образованное общество не перестало видѣть въ немъ одно изъ лучшихъ средствъ для разрѣшенія своихъ просвѣтительно-педагогическихъ задачъ.

Тѣмъ временемъ и общая несостоятельность всей системы «формального образования» успѣла опредѣлиться съ непрерываемою очевидностью. Современная реформа на смѣну прежнимъ принципамъ «формальности», въ основу воспитанія кладетъ начала національности и жизненности образования. Такой поворотъ въ опредѣленіи руководящихъ принциповъ школьнаго воспитанія привелъ къ тому, что въ ряду другихъ учебныхъ предметовъ, могущихъ служить образовательнымъ цѣлямъ не только своимъ методомъ, но и содержаніемъ, естествознаніе было возстановлено въ своемъ педагогическомъ достоинствѣ. Новымъ проектомъ учебныхъ плановъ оно вводится какъ общеобразовательный предметъ въ единую среднюю школу, оба развѣтвленія которой признаются нормальными, полноправными; тѣ-же ограниченія, которыя дѣлаются въ правахъ воспитанниковъ реальной вѣтви для поступленія на извѣстные факультеты, имѣютъ лишь спеціальный, а не принципиальный характеръ. Одновременно съ восполненіемъ программъ средней школы введеніемъ въ нихъ естественныхъ наукъ, реформа самую постановку ихъ въ школѣ существенно измѣняетъ къ лучшему, организуя преподаваніе по совершенно иному плану, стоящему въ уровень съ современными требованіями науки и педагогіи.

Все это даетъ намъ право горячо привѣтствовать громадной важности педагогическій шагъ, сдѣланный проектомъ новой школы по вопросу о положеніи естествознанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но, къ глубокому сожалѣнію, шагъ этотъ отличается какою-то непонятною нерѣшительностью, лишающею его всей полноты его значенія: совершенно неясно, чѣмъ обусловлено въ проектѣ исключеніе естествознанія изъ программъ старшихъ классовъ (V—VII) латинскаго отдѣленія? Естественно возникаетъ вопросъ о томъ, къ чему - же

сведется въ высшей степени благое начинаніе организаторовъ новой школы для тѣхъ изъ ея будущихъ воспитанниковъ, которые, начавъ знакомиться съ элементами природовѣдѣнія съ I-го класса, будутъ принуждены покончить съ нимъ на первой-же начальной ступени обученія?

Поставивъ вопросъ, я позволю себѣ въ отвѣтъ на него кратко формулировать еще разъ далеко не новыя, можно сказать общепризнанныя положенія, заключающія въ себѣ современныя воззрѣнія на роль естествознанія въ школѣ. Предметъ этотъ возможно трактовать по тремъ пунктамъ: 1) естествознаніе, какъ общеобразовательный предметъ, взятый самъ по себѣ; 2) роль естественныхъ наукъ въ общей проблемѣ науки; 3) естествознаніе, какъ педагогическое средство, въ смыслѣ школы логическаго мышленія. Въ предлагаемомъ очеркѣ я не ставлю себѣ цѣлью систематичность обзора, не гонюсь и за полнотою возможныхъ доводовъ. Рамки статьи исключаютъ полноту изложенія столь обширнаго предмета, а систематичность доводовъ неизбежно привела-бы къ повторенію истинъ, получившихъ значеніе трюизма. Я ограничусь тѣмъ, что считаю наиболѣе необходимымъ лишній разъ подчеркнуть, въ виду важности того момента, который переживаетъ современная русская школа. Текущая пресса по мало понятнымъ для меня причинамъ почти вовсе обошла молчаніемъ трактующий мною вопросъ.

II.

Пытливость человѣческаго духа на пути своего естественнаго развитія проходитъ двѣ характерныя стадіи. На первой ступени, соответствующей дѣтскому возрасту, въ тѣ дни, когда дитяти «новы всѣ впечатлѣнія бытія», наивная любознательность, граничащая съ простою потребностью въ психическихъ раздраженіяхъ, ищетъ въ наблюденіи явленій прежде всего возбуждающей чувство новизны. На этой ступени развитія самый образъ предметовъ, независимо отъ какихъ-бы то ни было идей, порождаемыхъ ихъ изученіемъ, является для ребенка источникомъ духовнаго удовлетворенія. И если школа, пользуясь этою драгоценною особенностью равнаго возраста, найдетъ средство не только обогатить своихъ питомцевъ запасомъ новыхъ представленій, жадно воспринимаемыхъ и оставляющихъ неизгладимый слѣдъ въ дѣтской памяти, но еще внесетъ въ свою задачу искусство изопрятать способность наблюденія и простого, но здраваго умозаключенія, если наивную любознательность ихъ она разовьетъ до степени сознательной пытливости,—то это будетъ все, чего можно требовать отъ школы въ предѣлахъ начальнаго обученія.

Такимъ образомъ, въ младшихъ классахъ средней школы дѣти встрѣтятся съ наблюденіемъ явленій, а не съ законами природы. Они ознакомятся съ элементами научнаго изслѣдованія, но не будутъ приобщены къ самой *науцѣ естествознанія*. Это положеніе настолько ясно сознается организаторами новой школы, что они въ конспектѣ учебныхъ плановъ примѣрную программу проф. Кайгородова рекомендуютъ для выполненія задачъ элементарнаго преподаванія естествознанія. На мой взглядъ, въ данномъ случаѣ раздѣляемый многочисленными представителями русской школы, программа представляетъ весьма крупные недостатки какъ въ отношеніи практической выполнимости, такъ и въ смыслѣ учебно-педагогическомъ. Но я сослался на нее, какъ на характерный фактъ, подтверждающій высказанное мною положеніе: сами организаторы школы далеки отъ мысли предъявлять требованія научности къ преподаванію естествознанія въ младшихъ классахъ. Наука скромно и постепенно вступаетъ въ свои права лишь въ старшихъ классахъ реальнаго отдѣленія, гдѣ программу отводится уже извѣстное мѣсто *ученіямъ* биологін.

И нужно признать, что расширеніе задачъ преподаванія естественныхъ наукъ въ средней школѣ до введенія въ него принциповъ научности является необходимымъ педагогическимъ постулатомъ, разъ работа, совершенная въ младшихъ классахъ, является работою по преимуществу *подготовительной*. Если задача начальнаго обученія была выполнена успѣшно, то, безъ сомнѣнія, она могла только способствовать естественному росту тѣхъ запросовъ, которые развивающійся умъ предъявляетъ питающей его наукѣ.

Такимъ образомъ наступаетъ пора, когда драгоценный матеріалъ, накопленный на первой ступени обученія, перестаетъ удовлетворять созрѣвающей умъ юности и порождаетъ въ немъ исканіе обобщающей истины. Пестрота явленій, не объединенныхъ связующей идеей, раздражаетъ развитое сознаніе взрослого на столько же, на сколько она тѣшитъ наивное вниманіе ребенка. Ребенокъ съ восхищеніемъ разсматривалъ когда-то красивыя разноцвѣтныя раковинки. Его ликованіе было оживлено рассказами о томъ, какъ живутъ, питаются, движутся существа, ихъ населяющія, его воображеніе, быть можетъ, переносилось въ ту среду, гдѣ протекало ихъ своеобразное существованіе, позже онъ съ любопытствомъ видѣлъ разрывы тканей ихъ тѣла подъ микроскопомъ... Въ зрѣлые годы интересъ его къ этимъ знакомымъ уже явленіямъ достигнетъ прежней интенсивности только при сильно измѣнившихся условіяхъ: это случится тогда, когда за единичнымъ явленіемъ ему откроется грандіозная перспектива развитія органическаго міра, когда въ знакомой уже ему формѣ онъ

прочтеть исторію многовѣкового прошлаго и частный феноменъ природы получить для него значеніе факта, подтверждающаго научную истину. Сумма-же научныхъ истинъ приведетъ его къ определенному строю идей, къ выработкѣ извѣстнаго міросозерцанія. Воспитанникъ школы старшаго возраста еще не взрослый, конечно, его запросы не всегда отлиты въ законченную форму. Тѣмъ не менѣе первая пора уже сознающей себя юности отличается особенно горячею воспримчивостью къ ученіямъ, расширяющимъ умственный кругозоръ, углубляющимъ перспективу человѣческаго познанія. Если школа, идя навстрѣчу духовнымъ нуждамъ ребенка, воспользовалась своевременно наличностью благоприятныхъ условій, для достиженія также своихъ педагогическихъ задачъ (для ознакомленія съ элементами научнаго изслѣдованія, т.-е. для привитія навыковъ наблюденія и не сложнаго умозаключенія), то было-бы крайнею непослѣдовательностью съ ея стороны отказаться отъ первой ранней жатвы, которую принесъ ея весенній посѣвъ въ формѣ пробудившагося интереса къ наукѣ естествознанія. Я считаю излишнимъ останавливаться здѣсь на подробной оцѣнкѣ огромнаго просвѣтительнаго значенія тѣхъ научныхъ истинъ, которыя составляютъ современное содержаніе естественныхъ наукъ. Значеніе это никѣмъ и не оспаривается, хотя нельзя не посѣтовать на то, что какъ-то тускло и безжизненно сознается оно нашими школьными дѣятелями, которые далеко не исчерпали всѣхъ средствъ для реализаціи общепризнанной истины. Я, впрочемъ, не думаю, чтобы въ стѣнахъ средней школы могло быть исчерпано научно-педагогическое значеніе естествознанія: сложнѣйшія его проблемы, къ которымъ принадлежитъ, на примѣръ, теорія эволюціи со всѣми ея еще неразрѣшенными частными вопросами, быть можетъ, не подъ силу средней школѣ. Но вѣдь естествознаніе по преимуществу относится къ числу тѣхъ дисциплинъ, въ области которыхъ плодотворная работа путемъ самообразованія можетъ быть основана лишь на значительной научной подготовкѣ, при извѣстномъ запасѣ научныхъ истинъ, усвоенныхъ въ строгой системѣ и при условіяхъ солидной выработки методическихъ приемовъ. Кромѣ того, здѣсь необходимы обширныя вспомогательныя средства въ формѣ правильно организованныхъ учреждений—кабинетовъ-музеевъ, и лабораторій.

Покинувъ своихъ питомцевъ на начальной ступени обученія естественнымъ наукамъ, школа бросаетъ ихъ на произволъ судьбы прежде, чѣмъ они стали на ноги, чтобы завершить собственными силами великое дѣло, начатое школою.

Въ виду этого ограниченіе преподаванія естественныхъ наукъ воспитанникамъ латинскаго отдѣленія первыми четырьмя классами

лишаетъ самое введеніе его въ курсъ этого отдѣленія истиннаго его значенія. То, что дается имъ въ означенномъ направленіи, не имѣя характера научности, можетъ повести въ конечномъ счетѣ лишь къ ложнымъ представленіямъ о наукѣ, о ея значеніи и методахъ. Въ данномъ пунктѣ самая реформа принимаетъ характеръ какой-то уступки требованіямъ времени, а не строго продуманнаго и послѣдовательно проведеннаго принципа. Тотъ перевѣсъ, который дается преподаванію естествознанія въ реальныхъ отдѣленіяхъ сравнительно съ постановкой его въ латинскомъ отдѣленіи, невольно приводитъ къ заключенію, что самому естествознанію придается словно значеніе спеціальнаго предмета на ряду съ черченіемъ. Его общеобразовательная сила остается, какъ это ни странно, не оцененною организаторами школы. Великая историческая заслуга его, обнаружившаяся, какъ было отмѣчено выше, въ полномъ переворотѣ научнаго міросозерцанія съ конца XVIII в., не принята вовсе во вниманіе.

III.

Основная идея, внесенная въ научное міросозерцаніе въ XVIII в., есть идея всеобщей законосообразности: въ мірѣ явленій нѣтъ ничего, что не подчинялось - бы законамъ природы. Дальнѣйшее развитіе науки состоитъ въ приложеніи этого ученія ко всѣмъ отраслямъ опытнаго познанія. Но самое приложеніе это не можетъ быть основано на голомъ воспріятіи истины, преподаваемой въ видѣ научнаго догмата. Мысль человѣческая должна пройти долгій путь научнаго воспитанія, прежде чѣмъ идея законосообразности явленій получить для нея значеніе руководящаго принципа. Очевидно, что истинною школою научнаго мышленія можетъ служить лишь такая дисциплина, которая имѣетъ дѣло съ законами, точно установленными и научно формулированными. Очевидно также, что изученіе законовъ, которыми управляются явленія, доступныя эмпирическому изслѣдованію, должно начинаться съ законовъ простѣйшихъ и наиболѣе общихъ. Оба положенія неизмѣнно приводятъ насъ къ естествознанію, какъ къ суммѣ доктринъ, единственно удовлетворяющихъ этимъ требованіямъ.

Въ виду этого совершенно непонятенъ взглядъ, въ силу котораго питомцы школы латинскаго отдѣленія могутъ миновать общій для всѣхъ людей путь цѣлесообразной научной подготовки безъ существеннаго ущерба для своего образованія. Казалось-бы, что сложность тѣхъ доктринъ, съ которыми имъ предстоитъ встрѣтиться на университетской скамьѣ, дѣлаетъ задачу ихъ подготовки въ средней

школы только болѣе сложной и отвѣтственной, такъ какъ на ихъ долю выпадетъ задача усовершенствованія и развитія наукъ, далеко отставшихъ по законченности методовъ отъ пионера науки—естествознанія. На дѣлѣ-же они оказываются лишенными совершеннѣйшихъ средствъ для разрѣшенія своей задачи, лишенными того идеала научнаго отношенія къ явленіямъ внутренняго и внѣшняго міра, которыя они могли-бы пріобрѣсти путемъ знакомства съ болѣе разработанными и законченными въ методическомъ отношеніи отраслями человѣческаго знанія. Наконецъ, приходится признать неоспоримымъ то положеніе, что при современномъ положеніи вещей естествознаніе по самому содержанію своихъ доктринъ является силою да рядомъ непосредственнымъ ключомъ, безъ котораго фактически невозможенъ доступъ къ пониманію множества положеній, выработанныхъ сложнѣйшими по содержанію науками гуманитарными—общественными и философскими.

Неоспоримость послѣдняго положенія при поверхностномъ взглядѣ на дѣло разрушается практикою современной школы, которая, минувъ естествознаніе, выводитъ своихъ питомцевъ на разнообразныя научныя поприща, создаетъ не только дипломированныхъ учениковъ, но и ученыхъ—творцовъ и дѣятелей науки, высоко несущихъ ея знамя. Но мнѣ думается, что беспочвенность великаго множества положеній, высказываемыхъ каждымъ изъ насъ на каждомъ шагу жизни, лишая наши сужденія внутренняго содержанія и плодотворности въ дальнѣйшемъ развитіи, не исключаетъ еще внѣшней ихъ осмысленности, потому что опирается на вѣрныя положенія, созданныя не нами, нами не усвоенныя изъ ихъ собственныхъ основаній, но воспринятыя нашею памятью. Если-бы кто-нибудь вздумалъ изучать геометрію, начиная съ конца, то и не сознавая основаній посылокъ, вытекающихъ изъ предшествующихъ теоремъ, онъ могъ-бы доказывать самую теорему съ безукоризненною логичностью. Однако, врядъ-ли подобное изученіе геометріи возможно признать чѣмъ-либо инымъ, кромѣ нелѣпости. Голословное принятіе научныхъ положеній на вѣру неизбѣжно деморализуетъ—если можно такъ выразиться—нашу мысль. Совершенно избѣгнуть подобнаго зла въ процессѣ нашей умственной дѣятельности трудно уже въ силу ограниченности нашихъ силъ и времени для усвоения всей наличности научныхъ доводовъ, да и современное состояніе науки не допускаетъ стройной системы непрерывно другъ изъ друга вытекающихъ умозаключеній, на которыхъ зиждется множество сложнѣйшихъ положеній науки. Послѣдняя, вѣдь, далеко еще не свела концовъ съ концами. Тѣмъ не менѣе, это неизбѣжное зло въ огромной степени умножается недостатками существующей системы образованія, которая

вовсе не исчерпываетъ всѣхъ средствъ для наилучшаго разрѣшенія задачи въ предѣлахъ возможнаго.

Такимъ образомъ истинные дѣятели и творцы наукъ общественныхъ и философскихъ зачастую принуждены собственными силами искать восполненія пробѣла, отыскивая средства, въ которыхъ отказала имъ школа. Выше я указалъ на общепризнанныя затрудненія, которыми обставлено дѣло самообразования въ сферѣ естественныхъ наукъ. Поэтому, систематическое восполненіе образовавшихся пробѣловъ составляетъ удѣлъ исключительныхъ личностей, которыя, являясь одиночными дѣятелями на созданномъ ими пути для созданія себѣ школы послѣдователей, не находятъ достаточнаго числа подготовленныхъ учениковъ. Въ практикѣ жизни первый коррективъ, заключающійся въ принятіи на вѣру необоснованныхъ положеній, заимствованныхъ въ готовомъ видѣ изъ чуждыхъ областей знанія, является наиболѣе распространеннымъ и, соотвѣтственно этому, приноситъ обильные плоды рутиннаго и беспочвеннаго блужданія въ сферѣ науки, вмѣсто сознательной и плодотворной работы, направленной сознаніемъ недочетовъ и слабыхъ ея мѣстъ къ разработкѣ данной отрасли знанія и открытой солидными методами, усвоенными при посредствѣ школы.

Только историческими пережитками, слѣпою рутинною учебной системы можно объяснить, напр., такой фактъ, что студенты историко-филологическаго факультета приступаютъ въ наше время къ изученію психологіи, не изучивъ предварительно физиологіи нервныхъ центровъ, съ которою психологія непосредственно сливается. Если положеніе психологіи среди наукъ гуманитарнаго характера и оправдывается родственностью ея проблемъ съ проблемами философіи и, широко говоря, съ наукою о человѣкѣ и обществѣ, то оторванность психологіи, какъ учебнаго предмета, отъ естественныхъ наукъ, въ которыхъ она глубоко коренится своими методами, является фактомъ, совершенно лишеннымъ смысла. А какимъ образомъ возможно трактовать современные вопросы этики и эстетики, не считаясь съ тѣми проблемами этихъ научныхъ отраслей, которыя выдвинуты приложеніемъ къ нимъ доктринъ естествознанія? Какимъ образомъ возможно сознательное усвоеніе общей логики наукъ безъ надлежащей оцѣнки методовъ естествознанія и его отношенія къ прочимъ наукамъ, послѣ того, какъ оно оказывается заложеннымъ во главу угла всей современной науки? Наконецъ, въ сферѣ современной философіи незнакомство съ ученіемъ естествознанія наглухо закрываетъ доступъ къ надлежащему уразумѣнію главнѣйшихъ теченій мысли истекшихъ полутора вѣковъ. Въ вѣковой борьбѣ матеріалистическихъ и идеалистическихъ системъ мысли естествознаніе играло первенствующую роль, такъ какъ матеріалистическое міросозерцаніе вседѣло выросло на

почвѣ быстрыхъ успѣховъ естественныхъ наукъ и тѣмъ самымъ вынуждало и вынуждаетъ защитниковъ идеалистической философіи безпрестанно обращаться къ критикѣ матеріалистическихъ построеній, которая невозможна безъ знакомства съ доводами противниковъ.

Нужно-ли также доказывать, что наука о человѣкѣ, въ широкомъ смыслѣ слова, далеко не можетъ быть индифферентна къ ученіямъ о природѣ вообще. Разъ зависимость человѣка, его природы и его дѣятельности отъ внѣшнихъ условій среды признана частнымъ проявленіемъ общей законосообразности природы, не можетъ быть болѣе рѣчи объ обособленіи науки о человѣкѣ, объ обществѣ, о правѣ, отъ науки о природѣ вообще. И если сложность предмета представляетъ зачастую непреодолимые затрудненія для непосредственнаго примѣненія методовъ и доктринъ естествознанія къ научному обоснованію фактовъ общественной жизни, то, съ другой стороны, общеніе между этими областями знанія чуть не ежечасно устанавливается возникновеніемъ новыхъ проблемъ науки объ обществѣ, зародившимися на почвѣ ученій естествознанія. И это одинаково относится и къ исторіи, и къ социологіи, и къ юриспруденціи. На почвѣ естествознанія зародилось эволюціонное направленіе въ социологіи, на той-же основѣ растетъ психологическая тенденція въ ученіи о правѣ, влияніемъ естествознанія опредѣляется въ исторіи и этнографіи сравнительное изученіе расовыхъ и племенныхъ особенностей, культурныхъ процессовъ въ связи съ внѣшнею обстановкою жизни народовъ.

Даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ примѣненіе принциповъ, почерпнутыхъ въ естествознаніи, повело къ возникновенію гипотезъ, не выдержавшихъ дальнѣйшей научной критики, какъ это случилось, напр., со Спенсеровской органической теоріей, даже и тамъ, гдѣ одностороннее освѣщеніе явленій на основахъ эмпиризма привело временно къ философскому догматизму въ ущербъ всестороннему критицизму, заслуга естествознанія, какъ фактора научнаго прогресса, остается неоспоримю: всякая гипотеза, опирающаяся хотя-бы отчасти на научныя основы, независимо отъ истинности своихъ принциповъ, является могучимъ методическимъ средствомъ, рычагомъ, приводящимъ въ движеніе научную мысль въ опредѣленномъ направленіи.

А между тѣмъ, на нашихъ глазахъ, естествознаніе завоевываетъ себѣ все новыя и новыя поприща, постепенно проникая въ такія области знанія, которыя болѣе кажутся отъ нея удаленными. Такъ, за послѣдніе годы даже языкознаніе обратилось къ естествознанію за разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ специальныхъ своихъ задачъ и

на этомъ пути создало особую отрасль науки о языкѣ — экспериментальную фонетику.

Такимъ образомъ, даже самый краткій и поверхностный обзоръ современнаго состоянія наукъ философскихъ, общественныхъ, филологическихъ,—обзоръ, лишь слабо намѣчающій необъятной широты тему, приводитъ къ достаточно для нашей цѣли обоснованному положенію, что роль естествознанія по отношенію къ этимъ наукамъ уже и въ наши дни представляется исключительною. Тамъ, гдѣ оно не можетъ служить непосредственно своими выводами, оно получаетъ значеніе ваводящей силы, указывая новыя направленія для спеціальныхъ изысканій, и наконецъ, во всѣхъ случаяхъ оно является необходимымъ средствомъ для выработки научнаго міросозерцанія и образцомъ научнаго изслѣдованія на всѣхъ поприщахъ эмпирическаго знанія.

IV.

Выше я останавливался на вопросѣ о роли естествознанія по отношенію къ другимъ наукамъ, интересуясь по преимуществу взаимоотношеніемъ ихъ содержанія и методовъ въ широкомъ смыслѣ слова. Теперь я намѣренъ вкратцѣ формулировать доводы въ пользу естествознанія, какъ незамѣнимаго педагогическаго средства для сообщенія питомцамъ школы *навыковъ точнаго мышленія*. Въ данномъ случаѣ, суживая вопросъ, я имѣю въ виду самую технику логическаго процесса.

Нѣтъ сомнѣнія, что только точныя науки могутъ служить надежной школой въ указанномъ направленіи. Только тамъ, гдѣ возможна точная повѣрка результатовъ нашей мыслительной дѣятельности, эта дѣятельность можетъ быть подчинена строгимъ принципамъ и направлена по опредѣленному руслу къ опредѣленной цѣли. Долгое и систематическое упражненіе мысли въ слѣдованіи точнымъ принципамъ изслѣдованія пріучаетъ умъ къ опредѣленной обстановкѣ, если можно такъ выразиться, дѣлаетъ его взыскательнымъ и чуткимъ къ условіямъ, при которыхъ становится возможнымъ точное умозаключеніе. Не подрывая значенія извѣстныхъ выводовъ и въ такихъ областяхъ знанія, гдѣ возможность вполне обоснованнаго умозаключенія устраняется неопредѣленностью посылокъ, привычка къ точному мышленію способствуетъ критической оцѣнкѣ принятыхъ посылокъ, создаетъ энергическіе импульсы къ открытію направленія, въ которомъ надлежитъ искать поправокъ, и тѣмъ способствуетъ правильности умозаключенія, его обоснованію.

Къ точнымъ наукамъ принадлежатъ математическія и естественныя. Тогда какъ дисциплинирующая сила первыхъ является настолько общепризнанной, что математика, благодаря ей, давно сдѣлалась однимъ изъ основныхъ предметовъ школьнаго обученія, значеніе вторыхъ въ томъ-же направленіи все еще нуждается, повидимому, въ усиленной педагогической пропагандѣ. А между тѣмъ при общемъ характерѣ точности естествознаніе, какъ педагогическое средство, имѣеть неоспоримыя преимущества передъ математикой, и во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ такія достоинства, которыхъ математика въ данномъ направленіи не имѣеть. Точность и незыблемость математическихъ истинъ не зависятъ отъ развитія ея методовъ и успѣховъ ихъ примѣненія. Первая изъ формулированныхъ теоремъ геометріи представляла результатъ столь-же непоколебимо обоснованный, какъ и всѣ дальнѣйшія истины, добытыя путемъ дедукціи этою наукою. Здѣсь все дѣло въ характерѣ матеріала, дающаго содержаніе геометрическимъ посылкамъ, который доставляется непосредственнымъ возрѣніемъ и развивается дедуктивно. Вся-же область наукъ, развивающихся на эмпирическомъ основаніи, имѣеть дѣло съ матеріаломъ, подлежащимъ прежде всего опытному обследованію.

Въ свою очередь прежде чѣмъ наблюденіе явленій даетъ возможность создать прочныя положенія—истины, изъ которыхъ наука можетъ дѣлать обратные выводы путемъ дедукціи, матеріалъ, доставляемый опытнымъ обследованіемъ, подлежитъ тщательной обработкѣ путемъ индукціи. Математика съ исключительнымъ характеромъ ея объекта и ея метода во всякомъ случаѣ не можетъ служить образцомъ для развитія наукъ эмпирическихъ. Не отрицая дисциплинирующей силы ея, должно въ то-же время признать, что она не можетъ и не должна служить единственною дисциплиною, имѣющею цѣль сообщить мышленію характеръ точности.

Это теоретическое положеніе подтверждается часто наблюдаемымъ житейскимъ фактомъ, что лица съ весьма сильно развитымъ математическимъ мышленіемъ оказываются безпомощными и слѣпыми въ сферахъ мысли, гдѣ отъ ума требуется больше гибкости, ловкости, разносторонней воспримчивости, находчивости въ условіяхъ эксперимента и способности критической повѣрки его результатовъ. Съ другой стороны исторія науки достаточно подтверждаетъ значеніе навыковъ, усвоенныхъ лицами, прошедшими хорошую школу естественно-историческаго образованія и перенесшими эти навыки въ иную сферу науки... Недостатокъ навыковъ точнаго мышленія достаточно рельефно обнаруживается въ преобладающемъ ха-

рактёръ научной дѣятельности значительной части представителей наукъ общественныхъ. Не говоря уже о схоластичности общаго направленія, самые приемы изслѣдованія ихъ часто грѣшатъ какою-то легковѣсностью, торопливостью въ погонѣ за вскрытіемъ причинной связи явленій, простодушнымъ довѣріемъ къ весьма гадательнымъ построеніямъ науки. Привыкнувъ воспринимать на вѣру необоснованныя положенія, они становятся вообще крайне невзыскательны къ обоснованіямъ научныхъ тезисовъ и невольно эту снисходительность распространяютъ и на собственные труды.

Лишь широкая и глубокая популяризація естественныхъ наукъ при посредствѣ правильно организованной школы можетъ поднять темпъ истинно научной работы во всѣхъ ея отрасляхъ. Но само собою разумѣется, что тѣ лишеныя научности начатки природовѣдѣнія, которые вводятся проектомъ учебныхъ плановъ реформируемой школы, безсилы будутъ внести существенный вкладъ въ великое дѣло просвѣщенія и научнаго прогресса, открывая своимъ питомцамъ путь къ истинному пониманію науки и создавая ради успѣховъ самой науки дѣятелей съ надлежащею для того подготовкою.

Въ наши дни классическая гимназія выпускаетъ изъ своихъ стѣнъ съ аттестатами зрѣлости молодыхъ людей, невѣжество которыхъ въ сферѣ естествознанія принимаетъ иногда прямо анекдотическія формы. Мнѣ извѣстенъ случай, когда юноша, близившійся къ окончанію гимназіи, въ видахъ самообразованія рѣшился прочитать популярную книжку по анатоміи человѣка. Одолѣвъ съ большимъ вниманіемъ всѣ отдѣлы очерка, посвященные описанію костной основы, мышцъ и пр.; юноша остановился въ недоумѣніи — почему же тутъ ничего не говорится о мясѣ?

Проектируемая средняя школа, вводя естествознаніе, какъ общеобразовательный предметъ, обязательный для всѣхъ воспитанниковъ, безъ сомнѣнія, избавитъ ихъ отъ случаевъ подобнаго рода. Отнынѣ любой воспитанникъ городского 4-хъ-кл. училища уже не заткнетъ за поясъ «абитуриента» средней школы по части элементарныхъ свѣдѣній изъ области естествознанія. Но далѣе этого успѣхи учениковъ латинскаго отдѣленія въ указанномъ направленіи подвинуты не будутъ. Въ ущербъ общему своему развитію, какъ въ отношеніи запаса общеобразовательнаго матеріала, такъ и въ отношеніи методической подготовки они останутся на той ступени элементарнаго ознакомленія съ естественными науками, на которой удовлетворяется

лишь самая примитивная любознательность и до нѣкоторой степени изощряется способность наблюденія простѣйшихъ явленій и несложныхъ умозаключеній.

Для того, чтобы поднять своихъ питомцевъ въ уровень съ посвященіемъ вѣка, чтобы дать имъ въ руки ключъ къ богатѣйшимъ источникамъ современныхъ учевій естествознанія, сообщить имъ надлежащую подготовку для уразумѣнія наукъ, такъ или иначе связанныхъ съ естественными науками, углубить перспективу научныхъ изысканій ихъ во всей обширной области эмпирическаго знанія, чтобы привить имъ навыки точнаго мышленія—для всего этого латинское отдѣленіе проектируемой школы снабжается несоотвѣтственно слабыми средствами.

И въ данномъ случаѣ эта несоотвѣтственная слабость средствъ при сознаніи сущности задачи, наличность котораго доказывается самымъ введеніемъ естествознанія, положительно не находитъ себѣ удовлетворительнаго объясненія. Пока естествознаніе оставалось въ политической опалѣ, его исключеніе изъ программъ гимназій было фактомъ весьма печальнымъ, но вполне логично вытекавшимъ изъ условій, которыя по преимуществу принимались во вниманіе организаторами школы.

Но разъ потребности жизни уже привели современныхъ дѣятелей школьной реформы къ необходимости восполнить вопіющій пробѣлъ отвергнутаго ими учебнаго плана восстановленіемъ естествознанія въ его педагогическомъ достоинствѣ, слѣдовало сдѣлать болѣе рѣшительный шагъ для того, чтобы, не останавливаясь въ самомъ началѣ пути, сообщить задуманному дѣлу надлежащій вѣсъ и значеніе.

Объяснять-же отсутствіе естествознанія въ программахъ старшихъ классовъ латинскаго отдѣленія недостаткомъ времени для него врядъ-ли представляется возможнымъ: разъ извѣстная дисциплина признается существенно важною въ педагогическомъ дѣлѣ, время для нея не отыскивается между часами, посвященными другимъ предметамъ, а опредѣляется съ рѣшительностью, устраняющею всякія возможныя препятствія пракческаго характера, какъ мы то видѣли на примѣрѣ грамматики древнихъ языковъ, когда изученіе ихъ полагалось въ основу общаго образованія на ряду съ математикою и грамматикою русскаго языка.

Скажу въ заключеніе, что отсутствіе естествознанія въ старшихъ классахъ латинскаго отдѣленія, равно какъ и въ классическихъ гимназіяхъ, сохраненныхъ проектомъ школьной реформы, является пробѣломъ въ образованіи ихъ воспитанниковъ, въ гораздо большей

степени невознаградимымъ, чѣмъ оно было-бы на реальномъ отдѣленіи для тѣхъ молодыхъ людей, которые, покинувъ среднюю школу, въ будущемъ поступили-бы на медицинскіе или физико-математическіе факультеты, гдѣ они были-бы вознаграждены хотя-бы и болѣе позднею, но зато и болѣе глубокимъ ознакомленіемъ съ естественными науками. Въ виду того, что вопросъ о постановкѣ естествознанія въ средней школѣ довольно удовлетворительно разрѣшенъ проектомъ новой средней школы по отношенію къ реальному отдѣленію ея, остается пожелать, чтобы естественныя науки нашли себѣ мѣсто среди предметовъ, преподаваемыхъ въ латинскомъ отдѣленіи и въ классическихъ гимназіяхъ съ примѣненіемъ проектируемыхъ для реального отдѣленія программъ.

Я. Я. Гуревичъ.

О желательной постановкѣ преподаванія законовѣдѣнія въ средней общеобразовательной школѣ.

Въ связи съ общимъ измѣненіемъ программъ средней школы въ кругъ гимназическаго преподаванія предполагается ввести, въ качествѣ обязательнаго предмета, законовѣдѣніе.

Предположеніе подобнаго рода по существу дѣла не является нововведеніемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Законовѣдѣніе существовало въ гимназическихъ программахъ еще по учебнымъ планамъ сороковыхъ годовъ, и въ 1849 г. были даже выработаны спеціальныя руководящія правила преподаванія законовъ въ старшихъ классахъ гимназій.

Однако, не смотря на указанный видимый благопріятный прецедентъ, предстоящее дѣло введенія законовѣдѣнія въ рамки гимназическаго преподаванія представляется вопросомъ серьезнымъ, требующимъ къ себѣ особаго вниманія въ смыслѣ здравой и разумной постановки на первыхъ-же шагахъ своего обновленнаго бытія. Дѣйствительно, особенность настоящаго положенія, между прочимъ, заключается въ томъ, что для достиженія благопріятныхъ результатовъ реформы нужно поставить ее на ноги возможно скорѣе и притомъ не столько въ смыслѣ скорѣйшаго проведенія въ жизнь, сколько въ смыслѣ укрѣпленія ея основъ и привлеченія къ ней довѣрія и сочувствія общественнаго.

Реформа охватываетъ собою почти весь строй современной школы, и введеніе законовѣдѣнія является только частью задуманныхъ преобразованій; но въ то время какъ исторія, географія, отечественная словесность такъ или иначе имѣютъ за собой долгій и непрерывный опытъ; въ то время какъ по отношенію названныхъ предметовъ существуютъ болѣе или менѣе выработанные приемы преподаванія, премированные учебники, извѣстные преподаватели, учебныя пособія, законовѣдѣніе всѣхъ этихъ преимуществъ лишено.

Въ самомъ дѣлѣ, разница положенія между законовѣдѣніемъ и другими предметами гимназическаго преподаванія заключается, между

прочимъ, уже въ томъ, что въ то время какъ преподаваніе указанныхъ предметовъ шло, не останавливаясь, въ теченіе цѣлаго столѣтія и вызвало къ жизни цѣлую специальную литературу, законовѣдѣніе какъ-бы случайно было введено въ гимназическій курсъ и также случайно безшумно и почти безслѣдно исчезло. Преподаваніе исторіи, географіи, словесности мѣняло свои направленія, отыскивало пути, эволюционировало; законовѣдѣніе отпвѣло, не успѣвъ разцвѣсть, явившись чѣмъ-то введеннымъ механически въ живое дѣло средняго образованія, подобно тому, какъ въ тѣхъ-же сороковыхъ или тридцатыхъ годахъ въ гимназическія программы случайно вводилась геодезія или агрономія. Вводя такіе предметы, начальство добраго стараго времени задавалось цѣлями особаго порядка; оно не много думало объ основахъ цѣлостнаго круга средняго образованія и руководилось болѣе соображеніями практическаго свойства. Съ этой точки зрѣнія оно разсматривало и гимназическое законовѣдѣніе. Ознакомленіе съ нимъ должно было служить вовсе не образовательнымъ цѣлямъ, а узко прикладнымъ. Именно, учебное начальство усмотрѣло тотъ фактъ, что не всѣ молодые люди, оканчивающіе гимназическій курсъ, идутъ въ университетъ, гдѣ можно запастьсь юридическими познаніями, но заключаютъ свое образованіе гимназіей и поступаютъ прямо на уѣздную или губернскую службу безъ всякаго понятія о законахъ *). Радѣя объ общественной пользѣ, въ виду приведеннаго факта, начальство признало необходимымъ обязательно знакомить съ отечественнымъ законодательствомъ тѣхъ изъ гимназистовъ, которые не предполагали подвергнуть себя штудированію университетскихъ курсовъ.

Общія программы гимназическаго законовѣдѣнія были выработаны уже въ 1847 г., а въ 1848 г. появился и учебникъ, приварованный къ этимъ программамъ, именно «Руководство къ Россійскимъ законамъ» профессора университета Николая Рождественскаго. До 1849 г. законовѣдѣніе преподавалось въ нѣкоторыхъ отдѣльных гимназіяхъ, въ указанномъ году оно становится обязательнымъ во всѣхъ. Программы 1847 г. были несложны. Онѣ назывались «практическими» и заключали въ себѣ: во-первыхъ, общее понятіе о законовѣдѣніи и раздѣленіе послѣдняго; во-вторыхъ, обзоръ внѣшней исторіи русскаго законодательства и, наконецъ, въ-третьихъ, дѣйствующіе законы: законы основныя, учрежденія, законы о со-

*) Сборникъ распоряженій по Министерству Н. П. т. II, 1835—1849. Циркулярное предложеніе по поводу введенія въ гимназіяхъ преподаванія законовѣдѣнія. № 859.

стояніяхъ, гражданскіе и уголовныя. Въ 1849 г. вышелъ «Планъ устройства преподаванія законовъ въ гимназіяхъ» *). Онъ опирался на программы и прежде всего видѣлъ въ изученіи гимназистами законовъ прямую возможность ихъ практическаго приложенія. По этой причинѣ въ «Планѣ» сводъ законовъ въ своихъ важнѣйшихъ частяхъ стоитъ на первомъ мѣстѣ; рекомендовались нѣкоторыя способы облегченія знакомства съ нимъ: напримѣръ, ознакомленіе воспитанниковъ съ законами основными и о службѣ гражданской рѣше, нежели съ законами уголовными и гражданскими.

Преподаваніе законовъ должно было быть производимымъ въ трехъ высшихъ классахъ, по четыре урока въ недѣлю въ каждомъ. Спеціальная «Инструкція» вмѣстѣ съ тѣмъ предписывала при изученіи законовъ съ гимназистами имѣть двоякую цѣль: сообщать имъ ясныя и твердыя понятія о тѣхъ гражданскихъ обязанностяхъ, которыя лежатъ на нихъ, какъ на членахъ государства вообще и русскихъ въ особенности; готовить ихъ въ частности къ достойному прохожденію различныхъ должностей губернской службы какъ по назначенію отъ правительства, такъ и по выборамъ сословій. Изложенію самаго законовѣднія должно было предшествовать «краткое введеніе» съ объясненіемъ въ общихъ чертахъ понятія законовѣднія вообще и русскаго въ особенности, раздѣленіе русскаго законовѣднія на части, источники дѣйствующихъ въ Россіи законовъ, объемъ и предѣлы гимназическаго курса русскаго законовѣднія. Если къ этому добавить, что преподавателю рѣшительно не совѣтовалось, за исключеніемъ крайнихъ случаевъ, обращаться при объясненіяхъ къ даннымъ исторіи или общей теоріи права, если, далѣе, вспомнить, что, согласно «Инструкціи» desiderata преподаванія клонились къ ознакомленію гимназистовъ съ формами бумагъ различнаго рода, то станетъ ясно, что узко утилитарная цѣль преподаванія законовѣднія въ гимназіяхъ проникала его насквозь и тѣмъ самымъ, конечно, мало способствовала духу средней общеобразовательной школы.

На основахъ цитированной «Инструкціи» былъ составленъ другой извѣстный учебникъ гимназическаго законовѣднія «Руководство къ познанію дѣйствующихъ русскихъ государственныхъ, гражданскихъ, уголовныхъ и полицейскихъ законовъ» въ пятидесятихъ годахъ гимназическаго преподавателя, а теперь сенатора Ф. И. Прокуракова.

Однако, несмотря на обнародованные учебные планы и инструкціи, несмотря на нѣкоторый подъемъ духа въ смыслѣ ясно выра-

*) Ibid. № 907.

женнаго вниманія къ законовѣдѣнію, какъ предмету гимназическаго образованія, предметъ этотъ почему-то захирѣлъ и въ шестидесятихъ годахъ умеръ естественною смертію, будучи постепенно упраздняемъ то въ одной, то въ другой, то въ третьей гимназіи. Законовѣдѣніе было обязательно только для учениковъ, не изучавшихъ латинскаго языка и отказавшихся отъ университета; между тѣмъ настали такія времена, когда молодые люди устремились въ университеты въ подавляющемъ большинствѣ, а потому и сочли себя въ правѣ пренебречь гимназическимъ законовѣдѣніемъ.

Приведенная историческая справка положительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что цѣли и программы преподаванія законовъ въ средней школѣ въ сороковыхъ, пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ были вполнѣ своеобразны. Пригодны-ли онѣ хотя-бы въ качествѣ руководящихъ мыслей и матеріаловъ для осуществленія широкихъ и глубокихъ задачъ предстоящей реформы? Конечно, нѣтъ; этотъ отвѣтъ навертывается самъ собою, съ какой стороны къ нему ни подойти. Въ самомъ дѣлѣ, если преподаваніе законовъ въ гимназіи вызывалось необходимостью хотя-бы элементарной подготовки гимназистовъ, отказывающихся отъ высшаго образованія и идущихъ прямо на губернскую службу, то въ настоящее время необходимость подобнаго рода отпала сама собою. Если въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія уже гимназическій дипломъ считался достаточнымъ свидѣтельствомъ умственно-образовательнаго ценза для служебной карьеры, то въ послѣдующую эпоху онъ утратилъ это свое значеніе. Университетскій дипломъ теперь сталъ уже не роскошью, какъ въ былые годы, а непосредственнымъ залогомъ успѣха и служебнаго движенія. Сложность современныхъ служебныхъ обязанностей повышаетъ степень предъявленія требованій къ ищущимъ служебной карьеры. Въ настоящее время, напримѣръ, судебная служба немыслима безъ университетскаго значка; Министерство Финансовъ отдаетъ ему рѣшительное преимущество; преподавательскія обязанности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обусловлены полученіемъ университетскаго диплома. Проектъ новаго устава о службѣ гражданской наличности высшаго образованія выдвигаетъ на первый планъ и, мало того, въ видѣ общаго правила особыми льготами стремится привлечь на службу магистровъ и докторовъ. Въ связи со всѣмъ этимъ и самый университетскій значекъ мало-по-малу дѣлается обыденнымъ явленіемъ.

Мы не будемъ уже говорить о томъ, что жажда высшаго образованія овладѣла юношествомъ помимо всякихъ дипломовъ и правъ. Стѣны высшихъ учебныхъ заведеній ломятся отъ наплыва желающихъ попасть въ число абитуриентовъ безъ всякихъ тщеславныхъ

помысловъ о губернскомъ служеніи по назначенію отъ правительства или сословнымъ выборамъ.

Мы имѣемъ въ виду разсмотрѣніе и оцѣнку той цѣли, которую положили въ основаніе своихъ программъ радѣтели гимназическаго законовѣдѣнія въ сороковыхъ годахъ. Результатъ этого разсмотрѣнія приводитъ къ тому выводу, что преподаваніе свода законовъ въ настоящее время утратило всякій смыслъ, какъ мѣра, вызванная временными преходящими потребностями и устраненная самою жизнью.

Задачи нынѣшней реформы гораздо глубже поверхностныхъ стремленій узко практическаго характера. Представители реформы говорятъ о націонализациі средней школы, о строго законченномъ циклѣ входящихъ въ нее образовательныхъ элементовъ.

Повидимому, съ этой точки зрѣнія и составлена примѣрная программа предложеннаго гимназическаго законовѣдѣнія. Судя по предположеніямъ, курсъ его долженъ быть не великъ и длѣться на двѣ части, т.-е. быть преподаваемымъ въ послѣднихъ двухъ классахъ—шестомъ и седьмомъ. Примѣрная программа предлагаетъ въ шестомъ классѣ ознакомленіе въ общихъ чертахъ съ тѣмъ, что называется энциклопедіей или общей теоріей права; въ седьмомъ— ознакомленіе съ основами русскаго государственнаго строя. Именно, первая часть курса законовѣдѣнія должна содержать: краткое понятіе о правѣ, о соотношеніи права и нравственности, обычая и закона; свѣдѣнія о власти законодательной, судебной и административной, о формахъ государственнаго устройства, краткій обзоръ государственнаго устройства важнѣйшихъ европейскихъ державъ; вторая часть должна охватывать русскія государственныя установленія, основные законы, органы управленія; сюда-же присоединяется понятіе о гражданскомъ и уголовномъ правѣ съ соответствующимъ процессомъ.

Изъ приведенной программы, при всей ея краткости, легко можно видѣть, насколько кореннымъ образомъ составители ея разошлись съ авторами программъ сороковыхъ годовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ознакомленіе какъ съ общими началами энциклопедіи права, такъ и съ главнѣйшими чертами русскаго государственнаго строя очень далеки отъ того, чтобы обладать какою-бы то ни было непосредственно-практическою цѣлью. Наоборотъ, цѣль преподаванія законовѣдѣнія на такихъ основахъ является чисто-теоретическою. Подобное преподаваніе должно расширить кругъ міросозерцанія ученика, заставить его болѣе или менѣе сознательно отнестись къ тѣмъ явленіямъ, которыя окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, но о которыхъ онъ по большей части не имѣетъ ни малѣйшаго представленія.

Собственно говоря, по новымъ программамъ въ гимназіяхъ учреждается даже не законовѣдѣніе, какъ познаніе законовъ, а скорѣе элементарное правовѣдѣніе, какъ познаніе права въ образѣ общаго явленія, частнымъ видомъ котораго является законъ вообще, а подвидомъ законъ русскій.

Нельзя не признать, что, составляя примѣрную программу законовѣдѣнія новаго образца, авторы ея правильно и умѣло разрѣшили представлявшуюся имъ задачу. Общимъ характеромъ формулировки требованій они оставили широкій просторъ личному творчеству и пониманію дѣла преподавателя. Они оставили учителю развязанныя руки, но въ то-же время указали ему вѣрный путь къ достиженію желаемого результата. Законовѣдѣніе, какъ ознакомленіе со сводомъ дѣйствующихъ законодательныхъ правилъ, предметъ сухой и даже прямо номенклатурный въ томъ случаѣ, если онъ не освѣщается въ достаточной степени данными живой дѣйствительности и исторіи. Чтобы быть болѣе занимательнымъ, законовѣдѣніе должно обладать болѣе общимъ жизненнымъ характеромъ. Оно должно говорить не только памяти и разсудку, но разуму и воображенію.

Юношескій возрастъ это — заря, пробужденіе самосознанія и осмысленіе окружающей дѣйствительности. Юношескій умъ еще не склоненъ къ безпѣтной работѣ холоднаго, спокойнаго, всезвѣщающаго разума; самая критика молодого ума крайне порывиста, непослѣдовательна и, такъ сказать, образна, художественна. Въ юные годы человѣкъ ищетъ отвѣта на многое, жадно бросается на все и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрять безпредѣльно. Эти свойства работы его духовной личности облегчаютъ удовлетвореніе ея запросовъ.

Въ былые годы гимназія какъ-бы нарочно стремилась къ тому, чтобы по возможности наименѣе отвѣтить нуждамъ юношескаго ума и воображенія. Въ то время, какъ ученикъ начиналъ задаваться вопросами осмысленія своего личнаго я и его отношенія къ окружающему общественному міру, міру живой дѣйствительности, его насильно отвлекали отъ нея, бросали въ другой отвлеченный и чужой міръ греческой и римской исторіи, формъ чужого языка, истлѣвшихъ вѣрованій и представленій. На дѣйствительность ученикъ пріучался смотрѣть, какъ на что-то случайное, преходящее, несовершенное, недостойное вниманія. Если съ нимъ говорили о нѣкоторыхъ идеалахъ общественности и государственности, то эти идеалы, по ассоціаціи идей, въ виду царившаго въ гимназіяхъ строгаго режима, являлись чѣмъ-то давящимъ и дѣйствительнымъ требованіямъ жизни постороннимъ предметомъ.

Юноша вырывался изъ средняго учебнаго заведенія на волю и въ смыслѣ пониманія основъ гражданственности оказывался, такъ

сказать, воплѣтивъ первобытнымъ человѣкомъ. Подъ напоромъ новыхъ идей, жизненныхъ запросовъ всѣ воспринятые данныя о жизни грековъ и римлянъ, объ ихъ языкѣ, вѣрованіяхъ и прочемъ, смиренно сторонились и опрастывали мѣсто случайнымъ свѣдѣніямъ всякаго рода. Единицы, попадавшія на юридическіе факультеты, получали возможность выработки систематическихъ представленій, масса же, отдаваясь техническимъ прикладнымъ знаніямъ или наукамъ спеціальнымъ, навсегда уносила въ жизнь какіе-то фантомы общественной, частнымъ случаемъ которой является право. Между тѣмъ правильное пониманіе общественности хотя-бы даже въ смыслѣ правильныхъ представленій объ идеѣ права и государства должно явиться руководящей нитью въ жизни человѣка и гражданина.

Послѣдній путь какъ-бы прямо намѣчается проектомъ новой программы. Начала энциклопедіи права хотя-бы и въ краткой догматической формѣ отвѣчаютъ на коренные вопросы существа человѣческихъ взаимоотношеній; они расширяютъ міросозерцаніе учащагося; начала русскаго государственнаго права на почвѣ общей теории углубляютъ и специализируютъ понятіе государственности въ смыслѣ національномъ, отечественномъ, родномъ.

Получивъ свѣдѣнія объ основахъ общей и русскаго государственности, окончившій курсъ гимназіи молодой человѣкъ можетъ, если пожелаетъ, специализироваться на изученіи даннаго предмета; если-же его будутъ привлекать къ себѣ другія науки, запасъ вынесенныхъ изъ гимназіи свѣдѣній о правѣ и государствѣ всегда дастъ ему возможность осмотрѣться въ массѣ сложныхъ жизненныхъ отношеній и освободить его въ данномъ случаѣ въ области теории отъ подчиненія чужому, навязываемому авторитету. Укрѣпиться въ извѣстныхъ представленіяхъ и воззрѣніяхъ ученику должны съ своей стороны помочь главнымъ образомъ исторія и нововводимое отечествовѣдѣніе. Въ значительной степени даже самое законовѣдѣніе въ своей спеціальной по программѣ части является отраслью отечествовѣдѣнія, именно по скольку оно касается сущности формъ отечественной общественной и государственной жизни. Въ совокупности съ двумя названными науками гимназическое законовѣдѣніе можетъ служить не только образовательнымъ, но и воспитательнымъ плѣямъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ выполненія новой программы преподаванія законовъ въ гимназіи долженъ окончательно порвать связи съ прошлымъ и искать новыхъ путей своего приложенія и осуществленія въ дѣйствительности.

Само собою разумѣется, что при указанныхъ обстоятельствахъ дѣло постановки законовѣдѣнія въ реформируемой средней школѣ оказывается дѣломъ новымъ почти во всѣхъ отношеніяхъ. А отсюда

слѣдуетъ далѣе, что и опытъ прошлаго (самъ по себѣ довольно неудовлетворительный) неприложимъ къ настоящему ни въ смыслѣ рекомендуемыхъ «Инструкцій» 1849 г. приемовъ преподаванія и составленныхъ по старымъ планамъ учебниковъ. Отрицаніе непосредственной практической цѣли гимназическаго преподаванія законовѣднія отрицаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самую «Инструкцію», содержаніе-же учебниковъ представляетъ собою отраженіе отрицаемыхъ программъ и плановъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое, наиримѣръ, учебникъ Рождественскаго *). Это сухой перечень существующихъ въ Россіи учреждений, установленій, номенклатурный указатель присутственныхъ мѣстъ съ краткимъ изложеніемъ принятаго въ нихъ дѣлопроизводства. Даже самое введеніе, изложенное, впрочемъ, всего на пяти страничкахъ, обладаетъ конспективнымъ характеромъ и преимущественно посвящено перечисленію дѣйствовавшихъ томовъ Свода законовъ. Скорѣе трудъ Рождественскаго можно было-бы назвать справочной книгой, но никакъ не учебникомъ, приваровленнымъ къ нуждамъ средней школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта объемистая книга въ 500 страницъ мелкаго шрифта само собою для нашего времени въ нѣкоторыхъ частяхъ совершенно устарѣла и сохраняетъ цѣну только въ смыслѣ библиографическомъ. «Руководство къ россійскимъ законамъ», собственно говоря, представляетъ собою, вторую особенную часть учебника; первая, вышедшая однако послѣ второй, посвящена «Обозрѣнію вѣдшей исторіи русскаго законодательства съ предварительнымъ изложеніемъ общаго понятія и раздѣленія законовѣднія». Однако и здѣсь общія понятія о правѣ и нравственности, о существѣ закона изложены въ нѣсколькихъ и притомъ казенныхъ выраженіяхъ; все остальное содержаніе введенія занято конспективной системой русскаго законодательства, болѣе или менѣе подробнымъ изложеніемъ дѣленія права на отдѣльныя главныя и вспомогательныя отрасли и литературнымъ указателемъ. Исторія русскаго законодательства составляетъ остальную часть книги, но и она является краткимъ перечислительнымъ обзоромъ, въ достаточной степени однако снабженнымъ запасомъ именъ и названій всякаго рода мелочныхъ и хронологическихъ данныхъ.

Гораздо выше по своимъ достоинствамъ «Руководство къ познанію дѣйствующихъ русскихъ государственныхъ и полицейскихъ законовъ» г. Проскуракова. Слѣдую предначертаніямъ гимназической программы, и названный авторъ, подобно Рождественскому, придалъ своему труду характеръ пракческаго руководства, имѣющаго

*) «Руководство къ россійскимъ законамъ».

въ виду будущихъ губернскихъ и иныхъ служаекъ. Онъ также до крайности кратко обрисовалъ сущность законовѣдѣнія, причемъ даже не затронулъ вопроса о соотношеніи права и нравственности, а прямо началъ съ догматическаго понятія закона. Съ этой точки зрѣнія «Руководство» Рождественскаго хотя и не многимъ, но все-таки шире въ смыслѣ изложенія общаго ученія о правѣ, но за-то книга г. Проскурякова болѣе останавливается на объясненіи отдѣльныхъ юридическихъ понятій и терминовъ и, кромѣ того, отчасти приспособляется не только къ нуждамъ гимназическаго преподаванія, но также и къ потребности въ знаніи отечественныхъ законовъ каждаго гражданина.

Между прочимъ,—странное дѣло: въ то время какъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, вопреки своей основной задачѣ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ отношеніи законовѣдѣнія сокращало его рамки и заботилось въ программахъ исключительно о достиженіи узко-практическихъ цѣлей, въ ту же эпоху-иначе смотрѣло на дѣло специальное вѣдомство—военное. Именно, тогда какъ программа Народнаго Просвѣщенія прямо въ введеніи приступала къ объясненію понятія законовѣдѣнія вообще и русскаго въ особенности, введеніе къ программѣ законовѣдѣнія военнаго *) говорило о понятіи закона вообще, о различіи законовъ физическихъ и нравственныхъ, о необходимости общежитія, его видахъ, двоякомъ проявленіи въ немъ нравственнаго закона, о существѣ и видахъ дѣятельности Верховной власти, о различіи формъ правленія въ государствахъ и т. д. Правда, въ дальнѣйшемъ и въ программѣ Военнаго Министерства содержалась цѣлая масса всевозможныхъ мелочныхъ указаній, но эта детальность, зависѣвшая отъ недостатка техники въ составленіи учебныхъ плановъ, нисколько не затмевала руководящихъ идей общаго характера. Примѣнительно къ указанной программѣ въ 1852 г. было составлено преподавателемъ Добровольскимъ учебное руководство законовѣдѣнія для преподаванія этого предмета въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Нужно отдать полную справедливость, что, покоясь на основаніяхъ болѣе широкихъ, нежели тѣ, которыя предоставлялись гимназическимъ учебникамъ, руководство Добровольскаго оказалось обладающимъ большими достоинствами, нежели соответствующіе курсы Рождественскаго или г. Проскурякова.

Не говоря уже о болѣе широкомъ введеніи, нѣкоторыя отдѣльныя

*) Программа законовѣдѣнія, составленная на основаніи Высочайше утвержденнаго 24-го декабря 1848 г. Наставленія для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній (I спец. классъ).

части учебника снабжены краткими содержательными поясненіями историческаго и догматическаго характера, касающимися притомъ не только юридическихъ терминовъ и техническихъ понятій, но и явленій государственныхъ, находящихъ себѣ въ книгѣ Добровольскаго простое, но вѣрное и рельефное освѣщеніе. Требованіе программы охватить въ одномъ курсѣ почти всѣ части законодательства въ концѣ концовъ все-таки превратили трудъ почтеннаго автора въ юридико-энциклопедическій сборникъ, но не могли у него отнять качествъ удобочитаемости и удобопонятности, въ значительной мѣрѣ отсутствующихъ въ учебникѣ Рождественскаго.

Нечего и говорить, что въ виду своихъ недостатковъ старыя руководства по предмету гимназическаго законовѣдѣнія не могутъ служить измѣнившимся потребностямъ настоящаго. Точно также при многихъ своихъ достоинствахъ для этой цѣли негоденъ и учебникъ Добровольскаго. Несмотря на то, что первая часть послѣдняго труда обладаетъ общегражданскимъ характеромъ, въ цѣломъ онъ устарѣлъ и болѣе уже не отвѣчаетъ ни современной наукѣ, ни современному законодательству.

Но возникаетъ вопросъ: если устарѣли руководства пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, то развѣ не имѣютъ значенія учебники болѣе новые? Вѣдь законовѣдѣніе, изгнанное изъ гимназій, не переставало быть преподаваемымъ въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ коммерческихъ училищахъ, въ кадетскихъ корпусахъ, въ земледѣльческихъ училищахъ. Для удовлетворенія надобностей этихъ учебныхъ заведеній написанъ цѣлый рядъ руководствъ, подходившихъ къ разрѣшенію своей задачи съ различныхъ точекъ зрѣнія. Таковы, напримѣръ, труды Э. А. Жуковскаго («Курсъ законовѣдѣнія. Руководство для коммерческихъ училищъ». Спб. 1898 г.), А. Д. Солодовникова («Законовѣдѣніе. Пособіе для воспитанниковъ специальныхъ классовъ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ». 1896 г.), А. Мушникова («Общая начала законовѣдѣнія для кадетскихъ корпусовъ» 1894 г. и «Курсъ законовѣдѣнія для военныхъ училищъ». 1898 г.), К. Ельницкаго («Основы законовѣдѣнія для кадетскихъ корпусовъ». 1894 г.), В. А. Долбина («Курсъ законовѣдѣнія для земледѣльческихъ училищъ». 1896 г.), Н. Е. Чижова («Законовѣдѣніе». 1901 г.).

При разнообразныхъ достоинствахъ всѣ отмѣченные труды съ точки зрѣнія интересовъ гимназическаго преподаванія обладаютъ однимъ общимъ недостаткомъ—спеціальнымъ характеромъ курсовъ въ цѣломъ; каждый изъ нихъ преслѣдуетъ опредѣленные цѣли спеціальнаго преподаванія, для котораго общая часть служитъ только введеніемъ; правда, нѣкоторые изъ упомянутыхъ авторовъ совер-

шенно отдѣляютъ общую часть отъ особенной (такъ поступаютъ гг. Солодовниковъ, Ельницкій, Чижовъ), но за-то эти общія части не придерживаются единого заранѣе выработаннаго и твердо установленнаго взгляда на существо законовѣдѣнія, какъ общеобразовательнаго предмета.

Однако, для того, чтобы имѣть возможность въ подробностяхъ отнестись критически къ новѣйшимъ трудамъ по законовѣдѣнію, необходимо самому заранѣе выставить тѣ или другія руководящія начала и зависящія отъ нихъ desiderata. Отчасти нами это уже было сдѣлано выше, теперь-же мы коснемся затронутаго вопроса въ деталяхъ.

Выше мы уже выставили въ качествѣ основного тотъ тезисъ, что преподаваніе въ гимназіяхъ должно обладать общеобразовательнымъ характеромъ. Какъ указалъ еще въ 1881 г. Кавелинъ въ своей запискѣ, представленной Военному Министру *), ознакомленіе воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній съ тѣми данными, которыя могутъ быть полезны или нужны спеціально въ ежедневной жизни или для службы, не должно быть предметомъ обученія въ средней школѣ. Отрицаніе пользы практическаго преподаванія законовѣдѣнія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Кавелинъ прежде всего основывалъ на томъ соображеніи, что заранѣе даже приблизительно нельзя опредѣлить, какія именно свѣдѣнія понадобятся воспитаннику въ жизни или въ служебной практикѣ. Жизнь и служба могутъ поставить его въ тѣсный кругъ какой-либо спеціальности, при которой, быть можетъ, большая часть прибрѣтенныхъ свѣдѣній окажется лишнимъ багажемъ, или, наоборотъ, обстоятельства могутъ заставить его вращаться въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности, требующихъ обстоятельнаго знакомства со всѣми шестнадцатью томами Свода законовъ съ безчисленными къ нему продолженіями.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не согласиться съ Кавелинымъ, что въ одинъ или два года невозможно юношамъ преподавать всю массу нашего законодательства, да еще съ непосредственно-практическою цѣлью. Желаніе достигнуть такихъ неосуществимыхъ результатовъ лишило значенія труды не только Рождественскаго и Проскуракова, но даже и Добровольскаго, хотя послѣдній, печатая свою книгу двойнымъ шрифтомъ, опасался не пасть подъ обиліемъ матеріала.

Между тѣмъ трудность ознакомленія съ нашимъ законодательствомъ заключается еще въ томъ, что въ то время, какъ въ большинствѣ случаевъ западноевропейскія законодательства въ большей

*) М. Лалаевъ. «Основы законовѣдѣнія, какъ предметъ общаго образованіи

или меньшей степени проникнуты системой, строго обдуманной въ частяхъ и цѣломъ, нашъ сводъ представляетъ собою смѣсь постановленій разнаго времени, изданныхъ подъ влияніемъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, самыхъ различныхъ, часто противорѣчащихъ другъ другу взглядовъ и направленій.

«Совершенная невозможность вмѣстить въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній преподаваніе всего дѣйствующаго русскаго законодательства, — говоритъ Кавелинъ *), — и въ то-же время невозможность найти какое-либо основаніе для опредѣленія, что изъ него должно быть преподаваемо и что опущено, вынуждаютъ отказаться отъ невыполнимой задачи — учить воспитанниковъ этихъ заведеній законовѣдѣнію съ цѣлью практическаго его знанія». Отсюда Кавелинъ послѣдовательно сдѣлалъ тотъ выводъ, что преподаванію законовѣдѣнія въ средней школѣ нужно поставить строго воспитательную и общеобразовательную цѣль, а именно: дать старшимъ болѣе зрѣлымъ молодымъ людямъ готовящимся къ выходу въ дѣйствительную жизнь, ясныя и точныя понятія о тѣхъ началахъ и учрежденіяхъ, на которыхъ зиждется государственная, общественная и семейная жизнь, съ чѣмъ человѣку приходится встрѣчаться въ повседневномъ быту на каждомъ шагу.

Несомнѣнно, что подобное ознакомленіе воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній съ основами общественной и государственной жизни на ряду съ попутнымъ изъясненіемъ наиболѣе жизненныхъ юридическихъ институтовъ и вообще юридическихъ понятій, не только возможно, но и весьма желательно. «Необходимость дать молодымъ людямъ, — продолжаетъ Кавелинъ въ той-же запискѣ, — вступающимъ въ службу и въ жизнь, правильныя и ясныя понятія объ основаніяхъ, на которыхъ покоятся человѣческія общества, нигдѣ не чувствуется такъ сильно, какъ у насъ, вслѣдствіе особыхъ условій нашей, далеко еще не вполне сложившейся, общественной и частной жизни».

Въ самомъ дѣлѣ, въ Западной Европѣ благоустроенный семейный бытъ, крѣпко укоренившаяся вѣками культура и добрые нравы готовятъ юношей съ малолѣтства, сперва дома, потомъ въ школѣ, къ правильно организованной общественной жизни, большинство ихъ уже съ молокомъ матери пропитывается тѣми понятіями и благодатными привычками, безъ которыхъ немыслима устроенная общественность. Благодаря работѣ и усиліямъ вѣковъ, огромное большинство людей несетъ тамъ эти понятія и привычки въ жизнь безсознательно, — такъ глубоко укоренились они въ нравахъ населенія,

*) Записка.

всюду и во всемъ такія привычки и понятія предполагаются, какъ нѣчто извѣстное и безспорное.

Совсѣмъ другое у насъ. «Наша культура на европейскій ладъ, — говоритъ все тотъ-же Кавелинъ, — происхожденія весьма недавняго. Петру Великому приходилось обучать насъ приличнымъ манерамъ уставами объ ассамблеяхъ, при немъ даже печатались наставленія, какъ должны держать себя дѣвушки въ обществѣ, и изъ того, что имъ рекомендовалось не дѣлать, легко представить, какъ неприглядно было то, что онѣ дѣлали. Если перенесемся отъ этихъ внѣшнихъ формъ жизни къ внутреннимъ ея явленіямъ, то и здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаемся въ прошедшемъ съ нравами, свидѣтельствующими о весьма низкомъ уровнѣ общественной культуры. Домашняя и общественная жизнь не давала у насъ юношѣ того, что она даетъ въ Европѣ; наша школа и до сихъ поръ должна бороться съ дурными, часто безнравственными, порочными привычками и грубыми или превратными понятіями, которыя приносятъ съ собою дѣти изъ семей и окружавшей ихъ среды». Въ самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ дѣтямъ и юношамъ не откуда было и заимствовать хорошаго до поступленія въ школу, и потому у насъ на нее падаютъ всею тяжестью тѣ обязанности, которыя съ нею всюду раздѣляютъ семья и общество. Если случайно благоприятная обстановка или школа не придутъ юношѣ на помощь, не дадутъ ему правильныхъ, ясныхъ и точныхъ понятій объ условіяхъ и основаніяхъ благоустроенной государственной, общественной и семейной жизни, то онъ легко становится жертвой горестныхъ увлеченій и добычей очень нехитрыхъ соблазновъ. Добрыя и въ существѣ благородныя стремленія, при отсутствіи правильныхъ понятій, заставляютъ юношу бродить на-угадъ, отчего онъ безпрестанно сбивается съ пути, и чѣмъ живѣе юноша, чѣмъ болѣе онъ расположенъ къ добру, чѣмъ чувствительнѣе къ правдѣ, тѣмъ больше для него опасность, при отсутствіи правильныхъ и сдерживающихъ понятій, подпасть подъ чье-либо гибельное вліяніе.

Такъ думалъ и говорилъ Кавелинъ двадцать лѣтъ тому назадъ; мысли его были приняты, къ сожалѣнію, опять-таки только военнымъ вѣдомствомъ; тогдашній военный министръ генералъ-адъютантъ Ванновскій отнесся, по свидѣтельству г. Лалаева *), съ особымъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ содержанію кавелинской записки. Между прочимъ, почтенному ученому было поручено въ осуществленіе высказанныхъ имъ въ его «Запискѣ» взглядовъ заняться составленіемъ проекта детальной программы элементарнаго курса

*) «Основы законовѣдѣнія, какъ предметъ воспитанія», стр. 15.

законовѣднiя для военныхъ учебныхъ заведенiй. Къ сожалѣнiю, Кавеличу не пришлось осуществить возложеннаго на него порученiя. Между тѣмъ, подъ несомнѣннымъ влiянiемъ его мыслей, въ 1883 г. была издана общая программа курса военныхъ училищъ, согласно которой преподаваемое въ нихъ «Военное законовѣднiе» было раздѣлено на двѣ главныя части: общую и специальную. Въ составъ общей части, преподаваемой въ младшемъ классѣ, вошли: общiя понятiя о государствѣ, его историческое происхождение и назначенiе для человѣчества; элементы государства и ихъ организацiя и дѣятельность государства — законодательная и административная; въ старшемъ классѣ устанавливалось специальное изученiе судебной дѣятельности государства.

Позднѣе, руководясь указанiями опыта, Высочайше утвержденная 14-го февраля 1881 г. специальная коммиссiя подробно пересмотрѣла принятую программу законовѣднiя военныхъ училищъ и пришла къ тому заключенiю, что преподаванiе законовѣднiя въ военныхъ учебныхъ заведенiяхъ должно имѣть въ виду будущiй особый характеръ дѣятельности воспитанниковъ, но этимъ вовсе не исключается необходимость сообщенiя воспитанникамъ основныхъ понятiй о наиболѣ существенныхъ условiяхъ каждаго благоустроеннаго человѣческаго общежитiя. Сообразно этому, весь учебный материалъ по предмету законовѣднiя, по мнѣнiю коммиссiи *), надлежало вновь распредѣлить по курсамъ: VII-го класса кадетскихъ корпусовъ и обоихъ классовъ военныхъ училищъ. Коммиссiя далѣе полагала, что главная цѣль преподаванiя законовѣднiя въ кадетскихъ корпусахъ должна состоять въ своевременномъ сообщенiи юношамъ, оканчивающимъ курсъ въ названныхъ учебныхъ заведенiяхъ, правильныхъ и ясныхъ понятiй о тѣхъ отношенiяхъ, въ какiя каждый человекъ неизбежно становится къ семьѣ, обществу и государству, точно также и о томъ, что власть и законъ представляютъ собою существеннѣйшия основы всякаго организованнаго общежитiя. Вмѣстѣ съ тѣмъ элементарная часть законовѣднiя, выясняя кадетамъ старшаго класса основныя юридическiя понятiя, должна служить подготовительнымъ курсомъ для успѣшнаго изученiя: въ младшемъ классѣ военныхъ училищъ — русскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, а въ старшемъ — русскихъ-же обще-уголовныхъ и военно-уголовныхъ законовъ.

Такимъ образомъ, въ то время какъ Министерство Народнаго Просвѣщенiя, въ увлеченiи древними языками, гнало всякую мысль о необходимости преподаванiя законовѣднiя въ своихъ учебныхъ

*) Ibid.

заведенiяхъ, военное вѣдомство шире и глубже смотрѣло на вещи, слѣдуя въ этомъ отношенiи взглядамъ высокопросвѣщеннаго и глубоко понимавшаго нужды русскаго образованiя Кавелина.

Итакъ, въ настоящее время, приступая къ введенiю въ кругъ гимназическаго преподаванiя законовѣднiя, Вѣдомство Народнаго Просвѣщенiя не можетъ пользоваться собственнымъ опытомъ. Оно должно прибѣгать къ чужому, и именно прежде всего къ опыту Военнаго Министерства, которое разрабатывало вопросъ и практически, и теоретически. Опытъ военныхъ училищъ и кадетскихъ корпусовъ въ связи съ исторiей возникновенiя программъ по законовѣднiю въ этихъ школахъ имѣетъ свое несомнѣнное значенiе, тѣмъ не менѣе онъ все-таки не можетъ дать всего, что требуется въ данномъ случаѣ для гимназiй.

Законовѣднiе въ кадетскихъ корпусахъ, по мысли пересмотрѣнной программы комиссiи, должно служить подготовкой къ изученiю въ старшемъ классѣ военныхъ училищъ русскихъ уголовныхъ и военно-уголовныхъ законовъ. Кромѣ того, вообще законовѣднiе въ военно-учебныхъ заведенiяхъ должно имѣть въ виду необходимость умственнаго и нравственнаго развитiя будущихъ офицеровъ. Между тѣмъ гимназiя готовитъ простыхъ гражданъ.

Для гимназiи законовѣднiе въ обоихъ классахъ должно быть общеобразовательнымъ предметомъ и скорѣе центръ тяжести даже по предполагаемой программѣ будетъ лежать въ шестомъ классѣ, гдѣ будетъ рѣчь идти объ общихъ вопросахъ социальной и государственной жизни. Седьмой классъ будетъ только ближе, тѣснѣе развивать то, чего общiя основанiя будутъ сообщены въ шестомъ классѣ. По программѣ кадетскихъ корпусовъ составлены, напр., «Общiя начала законовѣднiя» проф. Мушникова, но уже бѣглое ознакомленiе съ названной книгой убѣждаетъ, что, будучи вполне соответствующей требованiямъ военно-учебныхъ программъ, она не въ состоянiи удовлетворить запросовъ гимназiи. Общество и государство представляютъ собою крупнѣйшiя явленiя современной жизни; извѣстный укладъ жизненныхъ отношенiй, именуемыхъ общественными и государственными, есть явленiе столь-же самостоятельное и естественное, какъ соотношенiе частей организма растительнаго или животнаго. Только изученiе общества и государства въ такомъ ихъ видѣ можетъ дать о нихъ правильное представленiе. А это изученiе въ свою очередь показываетъ, что незыблемость разъ сложившагося уклада, недоступность воздѣйствiю на него произвола личности, создаетъ особую силу—представленiе о таковой незыблемости; это представленiе, съ одной стороны, рождаетъ повиновенiе, сознание своего безсилiя передъ могущественнымъ фактомъ, а съ другой

стороны—власть, способность и возможность пользоваться подобнымъ сознаниемъ въ интересахъ направленія воли повинующихся въ одну или другую сторону.

Указанная сущность общества и государства, какъ его высшей формы, вездѣ одинакова; не даромъ извѣстный современный англійскій государствовѣдъ Дарси говоритъ, что верховная власть вездѣ, и въ абсолютной монархіи, и въ республикѣ, и въ деспотіи, въ существѣ одинакова; въ самомъ дѣлѣ, верховная власть это фокусъ отдѣльныхъ властей, какъ обладаніе повиновеніемъ въ различныхъ частяхъ общества. Это положеніе доказывается исторически: вспомнимъ хотя-бы борьбу французскихъ королей съ вассалами или собираніе Русской земли московскими князьями. Итакъ, въ существѣ верховная власть одинакова, но различна организація пользованія ею. Здѣсь-то и возникаетъ вопросъ о формахъ правленія, о дѣленіи властей, о системѣ государственныхъ учреждений.

Въ связи съ властью, какъ неразрывное явленіе, находится принужденіе. Еще задолго до централизаціи власти члены общества подчиняются извѣстному укладу общественныхъ отношеній, какъ одинъ человѣкъ вставая на защиту разъ сложившагося порядка и силою подчиняя ему не повинующихся. Съ объединеніемъ власти принужденіе переходитъ въ распоряженіе. Говоря объ укладѣ общественныхъ отношеній, о порядкѣ, мы говоримъ о нихъ какъ о нѣкоторомъ цѣломъ, въ то время какъ эта величина не представляетъ собою основной единицы; наоборотъ, она есть число высшаго порядка, въ составъ котораго входятъ болѣе мелкія величины, въ свою очередь распадающіяся на единицы основного счисленія. Мы имѣемъ въ виду такъ называемыя юридическія нормы и отношенія, образующія въ ихъ совокупности юридическій порядокъ и юридическій бытъ. И до, и послѣ централизаціи власти общество и государство въ силу ихъ психической природы (власть и повиновеніе суть явленія чисто психическія) живетъ традиціей; традиціей передаются вѣрованія, нравы, обряды, данныя народнаго творчества; традиція-же способствуетъ закрѣпленію этого сознанія неизбежности общественнаго порядка и уваженія къ власти. Руководимый традиціей, подчиняясь ей сознательно и безсознательно, членъ общества въ массѣ въ одномъ случаѣ поддерживаетъ ее силою, принужденіемъ, въ другомъ-же случаѣ только осужденіемъ. Отсюда получается различіе права и нравственности, какъ разновидностей одного и того-же явленія общественной традиціи, становящейся руководящимъ началомъ поведенія участниковъ соціального союза.

Въ наше время, когда такъ широко и далеко двинулись общественныя и государственныя науки, уже имѣется возможность

освѣтить надлежащимъ образомъ эти поразительные факты совмѣстнаго и согласнаго сосуществованія миллионovъ людей. Если насъ учать въ средней и даже низшей школѣ удивляться чудесамъ природы и проникаться къ нимъ уваженіемъ, то какъ-же проходить мимо явленій общественности, части той-же природы, равнодушно, не удѣляя ей хотя-бы части нашего вниманія и удивленія. Но если описательный методъ преподаванія естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ при помощи сухого перечисленія тычинокъ и пестиковъ способствовалъ паденію этого предмета образованія, то, конечно, къ тому-же должно привести и подобное-же занятіе человѣческимъ обществомъ.

Юношескій умъ еще дѣликомъ подчиненъ воображенію, онъ не способенъ еще вполне проникнуться красотой отвлеченныхъ связанныхъ построений; тѣмъ болѣе онъ отвращается отъ разрозненныхъ скелетовъ знанія въ видѣ номенклатуръ и отрывочныхъ описаній всякаго рода. Ему нужны живыя краски, образы, цвѣтъ, запахъ. Въ естественныхъ наукахъ на помощь являются пособія въ видѣ коллекцій, въ словесности, географіи и исторіи—въ видѣ хрестоматій, чтенія отрывковъ изъ произведеній замѣчательныхъ авторовъ, изслѣдователей и путешественниковъ или самое образное изложеніе предмета.

Въ этихъ свойствахъ образности и жизненности не менѣе, нежели другіе образовательные предметы, нуждается законовѣдѣніе. Мы далеки отъ того, чтобы всѣ тѣ разсужденія общаго характера, которыя мы привели выше, касаясь вопросовъ сущности явленій государственности и общественности, вносить въ учебникъ или дѣликомъ излагать ученикамъ шестого класса гимназій. Выказанныя нами мысли должны имѣть въ виду преподаватель или составитель соотвѣтствующаго учебника. Мы считаемъ необходимымъ только останавливать вниманіе воспитанника на сущности государства и общества, на сущности власти, правительства, формъ правленія, государственныхъ учреждений, права, нравственности. Этихъ данныхъ мы требуемъ отъ гимназическаго учебника законовѣдѣнія и вообще отъ самаго предмета преподаванія.

Было-бы желательно, чтобы каждый предметъ преподавался такъ, чтобы занятіе имъ для ученика являлось-бы удовольствіемъ. И въ этомъ случаѣ законовѣдѣніе не должно составлять исключенія. Излишняя догматичность преподаванія сразу можетъ вселить недовѣріе къ преподаваемому,—недовѣріе, могущее получить силы или подспорье въ массовомъ взглядѣ на правовѣдѣніе, какъ на крючкотворство и сухой перечень законовъ и учреждений, существующихъ только въ силу того, что государство можетъ принуж-

дать гражданъ исполнять все, что ему заблагоразсудится. Съ такимъ взглядомъ долженъ бороться преподаватель путемъ утвержденія въ умахъ учениковъ понятія необходимости, а не случайности формъ общественнаго и государственнаго устройства. Въ помощь къ нему въ подобномъ случаѣ можетъ и даже должна явиться исторія; при введеніи законовѣдѣнія въ гимназіяхъ законовѣдъ и историкъ окажутся въ тѣсной связи другъ съ другомъ въ силу необходимой взаимопомощи въ вопросахъ преподаванія, при чемъ пособіемъ для преподавателя законовѣдѣнія, наравнѣ съ авторами и историческими памятниками бытового характера, могутъ явиться и снабженные необходимыми поясненіями памятники русскаго права.

Приступая съ эт ми требованіями къ учебнику проф. Мушникова, мы не находимъ въ немъ ничего желательнаго въ области постановки законовѣдѣнія, какъ общеобразовательнаго предмета. Какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи къ своему труду, цѣль его заключалась въ томъ, чтобы въ сокращенномъ видѣ передать содержаніе издавнаго въ 1889 г. курса законовѣдѣнія для кадетскихъ корпусовъ и предоставить возможность лицамъ, не изучавшимъ этого курса, пріобрѣсти начальныя теоретическія свѣдѣнія о правѣ и о формахъ человѣческаго общежитія, необходимыя для изученія русскаго законодательства.

Поставивъ себѣ указанную служебную цѣль въ объясненіе необходимости общежитія, авторъ въ нѣсколькихъ строкахъ говоритъ о раздѣленіи труда, о Провидѣніи, которое, наградивъ человѣка, тѣмъ самымъ предназначило его къ общежитію, являющемуся вмѣстѣ съ тѣмъ и союзомъ взаимопомощи. Непосредственно вслѣдъ затѣмъ авторъ переходитъ къ опредѣленію законовъ нравственныхъ и юридическихъ, опредѣляя первые какъ проявленія врожденнаго человѣку нравственнаго чувства; точно также право проф. Мушниковъ характеризуетъ какъ мѣру свободы и далѣе переходитъ уже прямо къ выясненію права и дѣеспособности. Не говоря уже о томъ, что почему-то авторъ считаетъ необходимымъ въ элементарномъ курсѣ давать тѣ опредѣленія предметамъ, которые отжили свой вѣкъ и *antiquitate redolent*, все это сказано мелькомъ, бѣгло и носитъ какъ бы случайный характеръ; давъ даже черезчуръ поверхностныя опредѣленія основныхъ понятій, проф. Мушниковъ переходитъ непосредственно къ такимъ до извѣстной степени тонкостямъ общей теоріи права, какъ различіе между правомъ объективнымъ и субъективнымъ правомъ, излагая его притомъ въ довольно отвлеченной формѣ. До нѣкоторой степени иногда авторъ даже уклоняется отъ точности; напр., на стр. 8-й своего учебника онъ говоритъ: «для удовлетворенія своихъ потребностей человѣкъ нуждается въ разныхъ

предметахъ вѣшняго міра, вслѣдствіе чего и стремится къ ихъ пріобрѣтенію. Предметы эти могутъ служить для такой цѣли лишь при томъ условіи, ~~если~~ принадлежать ему на правѣ *собственности*. Такимъ образомъ, ~~отсутствуетъ~~, что владѣніемъ или совмѣстнымъ пользованіемъ нельзя удовлетворять своихъ потребностей. Въ томъ-же элементарномъ учебникѣ проф. Мушниковъ считаетъ возможнымъ касаться различія частнаго и публичнаго права,—различія, до сихъ поръ не поддающагося опредѣленію, несмотря на существованіе цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ теорій, съ разныхъ сторонъ пытающихся разрѣшить этотъ трудный вопросъ. Такъ-же рискованно авторъ пытается въ отвлеченныхъ, а потому и малопонятныхъ для начинающаго выраженіяхъ дать опредѣленіе различія между науками юридическими и социальными. Говоря о семействѣ, учебникъ почему-то считаетъ нужнымъ выставить общее положеніе о нерасторжимости брака, добавивъ, что «возможность расторгать бракъ по собственному произволу супруговъ лишила-бы его высшаго нравственнаго значенія». Къ чему это?

Разсматривая гражданское общество, авторъ изъ сословій указываетъ только одно—дворянское, при чемъ по поводу дворянства пишетъ слѣдующія строки: «Дворянство вообще имѣетъ весьма важное значеніе для общества. Оно служитъ для другихъ общественныхъ классовъ добрымъ примѣромъ любви къ родинѣ, истиннаго просвѣщенія, безкорыстія и самоотверженія и представляетъ собою главный оплотъ общества въ минуты народныхъ бѣдствій. Дворянство по преимуществу является носителемъ доблестныхъ чувствъ чести, сознанія своего долга и достоинства, вѣрною защитою отечества и надежною опорой престола» *). Быть можетъ, эти строки могутъ имѣть значеніе для воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ, куда по большей части поступаютъ представители одного сословія, но для гимназій, гдѣ учится разночинецъ, подобный панегирикъ дворянству можетъ внушить ложныя представленія, будто-бы быть вѣрнымъ защитникомъ отечества и опорой престола по преимуществу есть обязанность только дворянства, которому одному и вообще подобаешь служеніе добродѣтели и доблести. Это взгляды Монтескье, но мы отъ нихъ уже отдѣлены почти двумя столѣтіями. Удивительнымъ образомъ г. Мушниковъ относитъ къ общественнымъ классамъ сословіе крестьянъ, какъ лицъ, занимающихся земледѣіемъ и скотоводствомъ, и сословіе купцовъ, какъ лицъ, занимающихся торговлей. Объ этомъ не говорилъ и Монтескье, по крайней мѣрѣ въ такой категорической формѣ и съ указаніемъ на классы. Очевидно,

*) «Общія начала законовѣдѣнія», стр. 19.

во всѣхъ указанныхъ случаяхъ г. Мушниковъ желалъ быть популярнымъ, общепонятнымъ, но вмѣсто того внесъ путаницу и смѣшеніе понятій. Можно было-бы отмѣтить еще много слабыхъ сторонъ «Общихъ началъ», но въ общемъ необходимо придти къ тому заключенію, что рассматриваемый учебникъ есть просто конспектъ по общей теоріи права и государственному праву, но конспектъ слишкомъ поверхностный, написанный полунаучнымъ языкомъ и притомъ съ частыми отступленіями отъ истины. Впрочемъ, писаніе элементарныхъ учебниковъ вообще нелегкое дѣло, а въ особенности оно трудно въ отношеніи законовѣдѣнія. Въ данномъ случаѣ въ смыслѣ популяризаціи юридическихъ свѣдѣній нельзя не вспомнить не свободныя отъ недостатковъ, тѣмъ не менѣе вполне удовлетворительные труды г. Дружинина *), который, впрочемъ, и не задавался цѣлью составлять учебники.

Гораздо болѣе руководство преподавателя Сибирскаго кадетскаго корпуса г. Ельницкаго, но главный его недостатокъ, что оно, повидимому, написано подъ сильнымъ вліяніемъ пространнаго и сокращеннаго курсовъ г. Мушникова. Г. Ельницкій, добросовѣстно потрудившійся надъ своей книгой, очень часто столь-же добросовѣстно повторялъ увлеченія и неточности своего предшественника. Тѣмъ-же путемъ онъ опредѣляетъ необходимость общественной **) также говоритъ о прирожденности нравственнаго чувства (стр. 15), также выясняетъ правоспособность и дѣеспособность, субъективное и объективное право, частное и публичное, также даетъ опредѣленіе наукъ социальныхъ и юридическихъ, но за-то воздерживается отъ панегириковъ дворянству, указывая, что особыя обязанности лежатъ на этомъ сословіи потому, что его исключительное положеніе унаследовано отъ отличавшихся особыми заслугами предковъ. Далѣе однако г. Ельницкій, по примѣру г. Мушникова, крестьянъ и купцовъ признаетъ не сословіями, но классами. Будучи вообще очень толковымъ авторомъ, г. Ельницкій, помимо вредящей ему подражательности, грѣшитъ еще однимъ недостаткомъ. Въ Высочайше утвержденномъ 14-го февраля 1886 г. Положеніи о кадетскихъ корпусахъ, въ ст. 23 и 31, между прочимъ, говорится, что воспитаніе въ военныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть живо проникнуто духомъ христіанскаго ученія. Важность этого требованія не подлежитъ сомнѣнію, но г. Ельницкій отнесся къ задачѣ проведенія христіанскихъ началъ въ своей книгѣ механически, внѣшнимъ образомъ. постоянно, при выясненіи вопросовъ поведенія и семейной

*) «Общепонятное законовѣдѣніе», научно-практическое пособие Слѣдовало-бы сказать: «учебно-практическое».

**) «Основы законовѣдѣнія».

жизни, приводя тексты изъ Св. Писанія. Это обиліе текстовъ и ссылокъ придаетъ всей книгѣ своеобразный характеръ учебника, предназначеннаго для духовныхъ, а не свѣтскихъ училищъ.

Гораздо выше, по своему значенію и достоинствамъ, «Курсъ законовѣдѣнія», уже не приноровленный къ потребностямъ военныхъ учебныхъ заведеній и принадлежащій перу Э. А. Жуковскаго, преподавателя коммерческаго училища. Трудъ г. Жуковскаго точно также въ концѣ-концовъ преслѣдуетъ специальную цѣль, вслѣдствіе чего въ курсѣ особое вниманіе обращено на торговлю и промышленность, но вмѣстѣ съ тѣмъ излагается и общее ученіе о правѣ, о государствѣ съ его дѣятельностью на пользу членовъ общественнаго союза.

Г. Жуковскій идетъ къ цѣли правильнымъ путемъ: онъ избѣгаетъ всякихъ измышленныхъ условностей и устарѣвшихъ опредѣленій идеалистическаго характера, которыя почему-то гг. Мушниковъ и Ельницкій считаютъ наиболѣе отвѣчающими требованіямъ юношескаго ума. Г. Жуковскій въ своемъ изложеніи общественнаго устройства сразу становится на реальную почву и въ отношеніи возникновенія формъ общежитія вообще и государства въ частности выставляетъ точку зрѣнія необходимости. «Прежде чѣмъ возникнуть государствамъ,—между прочимъ, правильно замѣчаетъ авторъ *), —человѣкъ пережилъ нѣсколько формъ общежитія, т.-е. переходилъ отъ одной менѣ совершенной формы къ другой, болѣе совершенной, и, наконецъ, мало-по-малу, дошелъ до государственной жизни. Однимъ словомъ, государства возникли историческимъ путемъ. Это историческое образованіе государствъ происходитъ вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ естественнымъ, т.-е. совершается помимо воли людей: потребности человѣка, съ теченіемъ времени, развиваются настолько, что для удовлетворенія ихъ необходимъ такой порядокъ, который только и можетъ быть для нихъ установленъ верховной властью».

Хотя въ данномъ случаѣ авторъ нѣсколько и противорѣчитъ какъ себѣ, такъ и объективной истинѣ, такъ какъ государственный порядокъ не есть свободное произведеніе верховной власти, тѣмъ не менѣе уже въ этихъ строкахъ вужно признать большую заслугу. Ученики гг. Мушникова и Ельницкаго на первыхъ же шагахъ самостоятельнаго ознакомленія съ правомъ или при первомъ столкновеніи съ лицомъ, болѣе или менѣе освѣдомленнымъ въ вопросахъ обществовѣдѣнія, узнаютъ, что положенія, когда-то предложенныя имъ въ видѣ незыблемыхъ истинъ, о влеченіи человѣка къ общенію, о врожденномъ чувствѣ нравственности и т. п., суть не что

*) «Курсъ законовѣдѣнія», стр. 5.

иное, какъ давно отвергнутыя догадки старыхъ учителей школы забытаго естественнаго права.

Выставляя, вмѣсто всѣхъ догадокъ подобнаго рода, начало необходимости, г. Жуковскій спасаетъ своихъ учениковъ отъ разочарованій и скептицизма.

Столь-же послѣдовательно и съ тѣмъ-же руководящимъ взглядомъ авторъ подходитъ къ выясненію понятія государства, какъ такового, независимо отъ его частныхъ и случайныхъ признаковъ. Съ той-же точки зрѣнія необходимости, выведенной изъ фактовъ, г. Жуковскій разсматриваетъ существо и возникновеніе права. И странно, слѣдуя общему примѣру, авторъ въ самомъ текстѣ книги, а не въ примѣчаніи начинаетъ на первыхъ-же страницахъ учебника говорить объ объективномъ и субъективномъ правѣ и пользоваться условными юридическими терминами. Вообще въ интересахъ преподаванія важно, чтобы начальный учебникъ избѣгалъ техничности, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Чѣмъ проще передаваемое, тѣмъ оно жизненнѣе и тѣмъ болѣе овладѣваетъ воображеніемъ.

Нельзя не признать, далѣе, правильнымъ освѣщеніе авторомъ теоретическихъ положеній данными исторіи. Въ наукѣ права, какъ одной изъ наукъ общественныхъ, въ которыхъ возможно только наблюденіе, а не опытъ, исторія является прекраснымъ подспорьемъ при объясненіи явленій, имѣющихъ историческіе корни. Преемство верховной власти для пониманія его формъ въ настоящемъ нуждается въ историческихъ поясненіяхъ; но г. Жуковскій, впрочемъ, иногда слишкомъ увлекается исторіей и даетъ мелочи, которыя способны только обременить память учащагося; таковы, напримѣръ, свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ нашихъ неудачныхъ законодательныхъ комиссій восемнадцатаго столѣтія. Дѣлая упущеніе въ одномъ мѣстѣ, г. Жуковскій прекрасно справляется съ своей задачей въ другомъ. Помимо преемства власти, историческими фактами онъ освѣщаетъ происхожденіе русскаго государства и въ тягостномъ процессѣ объединенія древне-русскихъ волостей и княжествъ указываетъ начало необходимости. При помощи исторіи авторъ также объясняетъ возникновеніе сословій. Иногда онъ при историческихъ справкахъ впадаетъ въ излишнія подробности, но все это не умаляетъ значенія книги, какъ опытъ самостоятельнаго построения учебника законовѣдѣнія внѣ общепринятыхъ для того банальныхъ рамокъ.

Отмѣчая заслуги г. Жуковскаго, мы тѣмъ не менѣе очень далеки отъ того, чтобы признать его книгу учебникомъ, вполне соответствующимъ гимназическимъ требованіямъ *). Мало того, даже

*) Почему-то г. Жуковскій совсѣмъ не касается нравственности.

для коммерческих училищъ, какъ среднихъ учебныхъ заведеній, руководство г. Жуковскаго неудобно уже потому, что оно слишкомъ обширно (604 стр.) и по обилію матеріала рассчитано на большое число часовъ, посвященныхъ законовѣдѣнію, что, конечно, не можетъ имѣть мѣста въ средней школѣ. Книга г. Жуковскаго была бы вполнѣ пригодна для высшихъ специальныхъ училищъ, для коммерческихъ академій, если-бы таковыя существовали. Для гимназій учебникъ разсматриваемаго автора не подходитъ, съ одной стороны, потому, что направленіе его, какъ-бы то ни было, въ существеннѣйшихъ чертахъ обусловлено специальнымъ назначеніемъ книги, а съ другой стороны потому, что общая часть его не только не отдѣлена отъ особенной въ самостоятельное цѣлое, но, кромѣ того, не сконцентрирована такъ, какъ это слѣдовало-бы для элементарнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ общеобразовательнаго руководства.

Къ числу недостатковъ труда г. Жуковскаго, между прочимъ, нужно еще отнести отсутствіе въ немъ, такъ сказать, живыхъ примѣровъ. Авторъ, напримѣръ, говоритъ объ объективномъ и субъективномъ правѣ, но излагаетъ ихъ различіе отвлеченнымъ языкомъ, тогда какъ простой живой примѣръ способенъ легко изъяснить, въ чемъ дѣло. Исторія—исторіей; она имѣетъ въ преподаваніи права свое неотъемлемое мѣсто, но жизнь—жизнью уже потому, что самое живое, слагаясь исторически, дѣйствуетъ какъ явленіе жизненное и современное.

Въ этомъ отношеніи достойную подражанія попытку пользоваться въ учебникѣ законовѣдѣнія примѣрами изъ жизни дѣлаетъ преподаватель Московской практической академіи наукъ А. Д. Солодовниковъ. На живыхъ примѣрахъ г. Солодовниковъ («Законовѣдѣніе») выясняетъ различіе права и нравственности съ ихъ внутренней стороны; тѣмъ-же способомъ онъ излагаетъ субъективное и объективное право, ученіе о юридическихъ лицахъ, о сервитутахъ и проч. Г. Солодовниковъ также пользуется историческими данными, языкъ его учебника очень простъ и удобопонятенъ, но задуманъ учебникъ гораздо слабѣе, нежели руководство г. Жуковскаго.

Г. Солодовниковъ, повидимому, опытный преподаватель-практикъ; у него есть умѣнье учить и чутье къ угадыванію существеннаго и примѣненія полезныхъ пріемовъ преподаванія, но онъ и синтетикъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. На двухстахъ двадцати семи страницахъ разгонистаго шрифта онъ задумалъ умѣстить и введеніе, и общую часть (краткій очеркъ энциклопедіи права), и государственное, и вещное, и обязательственное, и семейное, и наследственное право. Въ итогѣ получился толковый конспектъ нѣкотораго популярнаго сочиненія, вообще мало похожій на учебникъ, а тѣмъ

болѣе учебникъ общеобразовательнаго характера, каковымъ должны отличаться гимназическія руководства.

Въ этомъ отношеніи гораздо шире и систематичнѣе задуманъ курсъ г. Жуковского, у котораго всѣ частности вытекаютъ изъ цѣлаго и имъ обусловлены. Г. Жуковскій задался цѣлью представить ученіе о государствѣ, причемъ торговое и промышленное законодательство въ связи съ административною дѣятельностью являются только въ видѣ величинъ производныхъ; вслѣдствіе этого книга г. Жуковского проникнута единствомъ, отсутствующимъ во всѣхъ другихъ извѣстныхъ учебникахъ законовѣднія. При такой постановкѣ дѣла, конечно, ученикъ всегда гораздо болѣе вынесетъ изъ учебника и преподаванія, нежели изъ отрывочныхъ, хотя-бы и ясныхъ данныхъ о правѣ и нравственности, о законѣ, о лицахъ физическихъ и юридическихъ, преимуществахъ монарха, сервитутахъ, поручительствахъ, неустойкѣ, закладѣ, займѣ, ссудѣ, страхованіи, товариществѣ.

При отрывочномъ способѣ изложенія всѣ правовыя институты вмѣстѣ съ общимъ ученіемъ о правѣ получаютъ въ представленіи учащагося какой-то случайный характеръ набора разрозненныхъ обрывковъ. Въ этой ардекинадѣ тонетъ и умѣнье автора уложить вопросъ, и личное пониманіе задачъ преподаванія вмѣстѣ съ пониманіемъ значенія преподаваемаго предмета. Способъ написанія учебника по законовѣднію, который избралъ г. Солодовниковъ, самого его связалъ по рукамъ и по ногамъ. Этотъ способъ преемственно унаслѣдованъ отъ первыхъ руководствъ Рождественскаго, Проскуракова, Добровольскаго и другихъ, когда отъ воспитанника требовалось въ той или другой мѣрѣ знаніе практическихъ свѣдѣній по преимуществу.

Въ спеціальныхъ школахъ несомнѣнно и въ законовѣдніи долженъ преобладать спеціальныи характеръ, а потому и въ учебникахъ, напримѣръ, коммерческихъ училищъ. Но и тогда учебникъ законовѣднія долженъ имѣть необходимое единство, долженъ быть такъ или иначе сконцентрированъ и не касаться съ равнымъ увлеченіемъ какъ права союзнаго, брачнаго, такъ и товарищества съ неустойкой или личнаго сервитута съ подрядомъ.

Полнымъ возвратомъ къ преданіямъ прошлаго, т.-е. цѣликомъ практическимъ направленіемъ, отличается «Курсъ законовѣднія», составленный В. А. Долбинымъ. Отводя общему ученію двѣ съ половиною страницы, г. Долбинъ въ остальныхъ частяхъ учебника, подобно г. Солодовникову, но неизмѣримо подробнѣе и суше, излагаетъ основные законы, обзрѣваетъ государственное управленіе, законы уголовныя, гражданскіе, судопроизводство, судоустройство, законы о налогахъ и повинностяхъ и, въ виду спеціальнаго назначенія

учебника служить нуждамъ среднихъ земледѣльческихъ училищъ, останавливаются на законахъ и мѣрахъ правительства, направленныхъ къ улучшенію сельско-хозяйственной культуры и экономической и юридическаго упроченія землевладѣнія.

Нечего говорить, что подобное стремленіе сдѣлать изъ учебника краткій компендіумъ Свода законовъ, какъ то пытались сдѣлать Рождественскій, Проскураковъ или Добровольскій, не соотвѣтствуетъ задачамъ средней школы, даже если она спеціальнаго характера. Спеціальныя свѣдѣнія должны быть сообщаемы ученикамъ въ послѣднемъ случаѣ, но они должны имѣть какой-либо базисъ, которымъ никоимъ образомъ не можетъ служить Сводъ законовъ, самъ представляющій отрывочное наслоеніе нѣсколькихъ вѣковъ.

Исполнить взятую на себя задачу,—установить въ общихъ чертахъ типъ учебника, пригоднаго для преподаванія законовѣдѣнія въ среднихъ земледѣльческихъ училищахъ и подобныхъ имъ профессиональныхъ школахъ,—не удалось г. Долбину. Отчасти въ достиженіи намѣченной цѣли помѣшала официальная программа преподаванія законовѣдѣнія въ среднихъ земледѣльческихъ училищахъ, охватывающая всѣ отдѣлы Свода, такъ или иначе касающіеся общегражданскихъ и сельско-хозяйственныхъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе и при неудобствѣ программы г. Долбинъ могъ-бы придать своему учебнику большее единство, установивъ хотя-бы какую-либо исходную точку зрѣнія, какъ это сдѣлалъ въ своемъ курсѣ г. Жуковскій. Между тѣмъ, краткій обзоръ Свода законовъ, вдающійся, однако, по временамъ въ такія подробности, какъ опредѣленіе сроковъ обжалованія судебныхъ рѣшеній (стр. 184) или указаніе размѣра судебныхъ пошлинъ, не можетъ быть даже названъ руководствомъ. Нечего говорить, что онъ совершенно непригоденъ для гимназій.

Среди руководствъ по законовѣдѣнію, вышедшихъ въ свѣтъ въ послѣднее десятилѣтіе, нужно еще упомянуть выходящее выпусками «Законовѣдѣніе» проф. Чижова. Краткость, сжатость и ясность изложенія является главнымъ достоинствомъ этой работы, но недостатокъ ея въ смыслѣ соотвѣтствія гимназическимъ требованіямъ кроется въ томъ, что трудъ почтеннаго автора является обзоромъ только отдѣльныхъ частей права: первый выпускъ содержитъ записки по государственному праву, второй—по гражданскому, третій—по торговому и четвертый—по вексельному.

Итакъ, разсмотрѣвъ нѣсколько различныхъ учебниковъ законовѣдѣнія, принятыхъ въ спеціальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мы пришли къ тому заключенію, что ни одинъ изъ нихъ, даже наилучшій, не подходитъ къ требованіямъ гимназическаго препода-

ванія. Такимъ образомъ, трудная задача написанія руководства по законовѣдѣнію для гимназій остается неразрѣшенной и ждетъ человѣка, который добросовѣстно занялся-бы этимъ дѣломъ.

Требованія-же, могущія быть предъявленными къ гимназическому общеобразовательному учебнику, по нашему мнѣнію, вкратцѣ могутъ быть сведены къ слѣдующему:

1) Учебникъ, избѣгая достиженія непосредственно практическихъ плѣей, долженъ обладать единствомъ, обусловленнымъ установленіемъ твердыхъ отправныхъ началъ, точки зрѣнія.

2) Таковымъ началомъ можетъ явиться разработка понятія государства, какъ цѣлаго, и изложеніе отдѣловъ законодательства, какъ выводовъ изъ основной мысли.

3) Ученіе о государствѣ, обществѣ, власти, правѣ и государственныхъ установленіяхъ должно указать необходимость этихъ социальныхъ явленій, допускающихъ воздѣйствіе воли человѣка только при наличности изученія и знанія самыхъ фактовъ общественности.

4) По возможности теорія должна быть освѣщена какъ историческими данными, такъ и житейскими примѣрами.

5) Желательна простота изложенія и отсутствіе погони за условностями юридическаго языка, если онѣ не вынуждаются необходимостью.

В. Грибовскій.

Опыт постановки начального курса естествовѣдѣнія *).

Переживаемое нами время является въ высшей степени важнымъ какъ для судебъ образованія въ Россіи вообще, такъ и для русской средней школы въ особенности. Въ обновляемую нынѣ русскую среднюю школу вводится новый учебный предметъ—естествознаніе. По поводу его введенія поднимается множество вопросовъ, высказывается множество разнообразныхъ сужденій, вызывается живой интересъ къ естественно-историческому методу не только въ педагогическомъ мірѣ, но и въ обществѣ. Отчего происходитъ это? Оттого-ли, что естествознаніе ново въ нашей школѣ, что у него нѣтъ прошлаго, что методы его представляютъ непочатый уголъ? Во всякомъ случаѣ такое оживленіе по поводу введенія естествознанія въ нашу школу говоритъ о томъ, что и педагогическій міръ, и общество далеко не безразлично относятся къ судьбѣ этого предмета. Естествознаніе должно внести въ нашу школу два цѣнныхъ элемента—образовательный и воспитательный. Чтобы выяснить себѣ образовательное значеніе естествознанія, рѣшимъ вопросъ о томъ, каково положеніе естествознанія въ ряду другихъ предметовъ школы?

Почему всѣ мы какъ-бы чувствуемъ, что въ ряду другихъ предметовъ нашей школы оставалось пустое мѣсто, которое теперь и занимаетъ естествознаніемъ? Исторія цѣнна тѣмъ, что переноситъ насъ въ область прошлаго и проясняетъ намъ то, что было скрыто въ глубинѣ временъ. Географія какъ-бы борется съ пространствомъ, старается ослабить его скрывающее вліяніе. Математика цѣнна не столько тѣмъ, что создаетъ моменты для отвлеченной логической работы, сколько тѣмъ, что даетъ въ руки точный, поддающийся провѣркѣ методъ. Родной языкъ въ его современной школьной постановкѣ такъ широко охватываетъ различныя области интеллекта, что задача его не поддается краткой формулировкѣ. Новые языки

*) Докладъ, читанный въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній 27-го декабря 1901 года на соединенномъ собраніи членовъ XI съѣзда естествоиспытателей и врачей съ преподавателями естествовѣдѣнія.

расчищаютъ предъ нами дорогу къ мировымъ источникамъ знанія. Что-же дѣлаетъ естествознаніе? Если въ ряду учебныхъ предметовъ имѣется и такой, который знакомитъ насъ съ тѣмъ, что было когда-то, и такой, изъ котораго мы узнаемъ, что происходитъ гдѣ-то на далекомъ отъ насъ разстояніи, и такой, который, направляетъ, регулируетъ и провѣряетъ нашу логическую работу, и такой, который дѣлаетъ насъ хозяевами въ области слова, этого великаго человеческого дара, то среди нихъ не менѣе почетное мѣсто долженъ занять и такой предметъ, который открываетъ намъ глаза передъ тѣмъ, что происходитъ теперь, каждый годъ, каждый часъ, каждую секунду, происходитъ не гдѣ-то, а вокругъ насъ и въ насъ самихъ, который заставляетъ работать и нашу мысль, и всѣ наши внѣшнія чувства, который не довольствуется областью слова и отвлеченности, а роднитъ насъ съ дѣломъ и областью живыхъ фактовъ. Этимъ вкратцѣ выясняется и цѣль, и цѣна естествознанію, какъ учебному предмету.

Инициатива, на упадокъ которой со всѣхъ сторонъ слышатся справедливыя жалобы, вырабатывается не тогда, когда наша мысль и наше воображеніе уносятся въ даль время и пространство, а тогда, когда работа всего нашего интеллекта направлена на современное намъ и непосредственно окружающее насъ. Привыкнувъ жить въ области прошлаго или въ области далекаго, въ области слова или отвлеченной работы мысли, наше поколѣніе оказывается безсильнымъ, чуждымъ инициативы, безвольнымъ, когда за школьными дверями приходится вступать въ область настоящаго, въ область окружающаго насъ, а не далекаго отъ насъ; въ область дѣла, а не слова; въ область реальной, а не отвлеченной работы. Естествознаніе въ нашей школѣ должно пополнить эти недочеты. Вотъ почему на него возлагается столько надеждъ.

Отъ непривычки стоять лицомъ къ лицу съ живою дѣйствительностью слабѣетъ не только инициатива, но слабѣетъ и воля вообще. Выработка терпѣнія, выдержки, сознанія, что все въ мірѣ подчинено непреложнымъ законамъ, что всякій результатъ покупается цѣною затрачиваемой энергіи, и затрачиваемой не сразу, а распределенной во времени,—все это имѣетъ величайшее *воспитывающее* значеніе: этимъ ограничивается произволъ въ нашихъ дѣйствіяхъ. Естествознаніе вырабатываетъ навыки къ долгимъ и терпѣливымъ наблюденіямъ и пониманіе необходимости опредѣленныхъ условий для полученія того или другаго явленія. Въ этомъ воспитывающа сторона естествознанія. Конечно, думать, что естествознаніе одно въ состояніи выполнить великія задачи воспитанія, было-бы слишкомъ самонадѣянно со стороны творцовъ и служителей естественного-

исторической науки. Воспитываетъ и исторія, сохранившая для насъ яркіе образы великихъ людей прошлаго, воспитываетъ и математика, пріучающая нашу мысль къ точности въ работѣ и необходимости провѣрки, воспитываетъ и поэзія своими вѣчными міровыми произведеніями. Для насъ важно только отмѣтить, что естествознаніе, вступивъ въ нашу среднюю школу, приметъ на себя и тягло въ области воспитанія.

Какъ-же поставить преподаваніе естествознанія въ нашей школѣ такъ, чтобы оно было въ состояніи оправдать если не всё, то хотя долю тѣхъ ожиданій, которыя на него возлагаются? Всякій изъ насъ на этотъ вопросъ отвѣтитъ различно, и если я осмѣливаюсь въ нашемъ многочисленномъ собраніи поднимать свой голосъ, то только для того, чтобы обратить вниманіе своихъ товарищей на тотъ планъ работы, который я практиковалъ въ теченіе ряда лѣтъ. Такъ какъ въ настоящее время наиболѣе интереснымъ для всѣхъ насъ является вопросъ постановки начальнаго курса естествовѣдѣнія, то я рѣшился поговорить о немъ. Не новъ этотъ курсъ, но всё мы теперь почему-то молчимъ о немъ. Я разумѣю тотъ курсъ, который знакомству съ живою природою предпосылаетъ логически-связно построенный рядъ свѣдѣній изъ области неживой природы. Курсъ долженъ быть поставленъ такъ, чтобы дѣтямъ рассказывалось въ классѣ не о томъ, что они видѣли три, четыре или пять мѣсяцевъ назадъ случайно на прогулкѣ, а о томъ, что находится непосредственно предъ ними теперь. Необходимо въ теченіе всей работы съ дѣтьми вести опытно-демонстративныя занятія.

Прогулки съ цѣлью общаго обзора сосѣднихъ мѣстностей сослужатъ великую службу географу, который и обязанъ съ нихъ начинать свою работу съ дѣтьми. Цѣль естествознанія—научить вдумываться въ то, что ученикъ непосредственно видитъ, а потому въ теченіе всего курса необходимо давать дѣтямъ возможность видѣть, видѣть и видѣть. На обращенный къ дѣтямъ вопросъ, о чемъ они думаютъ, когда въ ихъ присутствіи кто-либо произноситъ слово «природа»,—они называютъ цѣлый рядъ предметовъ природы. Они сразу отвѣчаютъ на вопросъ, почему въ это время они не думаютъ о книгахъ, столахъ, своихъ постеляхъ, картинахъ и т. п. Въ высшей степени живо и интересно проходитъ съ ними обсужденіе различія между предметами живыми и неживыми. Дѣти прекрасно понимаютъ, что предметы природы не остаются въ застывшемъ, оконченѣломъ видѣ, а съ ними происходятъ перемѣны. Они сами приводятъ цѣлый рядъ этихъ перемѣнъ. Накопленіе этихъ примѣровъ создаетъ новый и чрезвычайно интересный матеріалъ для бесѣды. Уже первая вступительная, не демонстративная, а исключительно разсудочная бесѣда

даетъ въ руки преподавателя средство познакомиться съ уровнемъ развитія дѣтей и запасомъ ихъ свѣдѣній. На ряду съ этимъ идетъ живая, интересная, сильная и плодотворная для дѣтей гимнастика ума.

Въ высшей степени важно вести работу съ дѣтьми такъ, чтобы они не шли ощупью, а имѣли предъ собою по возможности простенькій планъ работы, чтобы они сразу приучались быть хозяевами своей работы, а не впитывали въ себя слѣпо то, что посылаетъ имъ судьба. Вотъ почему для преподавателя обязательно вести осмысленіе его работы съ дѣтьми. На обращенный къ дѣтямъ вопросъ, какая работа будетъ для нихъ интереснѣе — только разсматривать показываемые учителемъ предметы природы, или слѣдить за тѣми перемѣнами, которыя происходятъ съ этими предметами, и производить эти перемѣны — на этотъ вопросъ двухъ отвѣтовъ не бываетъ, всегда одинъ: «намъ интереснѣе перемѣны!» — «Можемъ-ли мы видѣть происходящія съ предметами перемѣны, не имѣя предъ собою самихъ предметовъ?» — «Нѣтъ». — «Значитъ, мы будемъ сразу знакомиться и съ различными предметами природы, и съ тѣми перемѣнами, которыя съ этими предметами происходятъ». Указавъ дѣтямъ на то, что первые наши шаги мы дѣлали по землѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ началась наша жизнь, мы дышимъ воздухомъ, что для жизни человѣка, животнаго и растенія необходима вода, учитель приводитъ дѣтей къ сознанію необходимости познакомиться съ землею, воздухомъ и водою на первыхъ-же порахъ. Намъ могутъ сказать, что это насиліе надъ дѣтьми, что это навязываніе дѣтямъ того, что угодно учителю. Въ отвѣтъ на это, можно возразить, что такое насиліе производится на урокахъ по всѣмъ рѣшительно учебнымъ предметамъ. Если мы, взрослые, очутившись въ неизвѣстной мѣстности, ввѣряемъ себя въ руки провожатаго и не говоримъ, что онъ, указывая намъ дорогу, производитъ надъ нами насиліе, то и здѣсь мы не въ правѣ утверждать, что учитель, указывающій дѣтямъ дорогу въ неизвѣстной для нихъ области, производитъ надъ ними насиліе. Важно только, чтобы учитель не тащилъ дѣтей, а именно указывалъ имъ дорогу. Дѣти знаютъ, что на поверхности земли растутъ растенія, а потому, прежде чѣмъ изучать жизнь растенія, важно познакомиться съ почвою, въ которой растеть растеніе. Для всего живого необходима вода, — нужно познакомиться съ нею. Всюду надъ землею находится воздухъ, — необходимо вступить и съ нимъ въ болѣе близкое знакомство. Съ чего-же начать: съ земли, съ воздуха, или съ воды? Съ чего угодно, но такъ какъ знакомиться съ землею намъ легче всего, то мы съ нея и начинаемъ. Само собою разумѣется, что тутъ дѣти хотя принимаютъ только на вѣру

слова учителя, но знаютъ, что у него есть основанія для того, чтобы начать съ земли. Разъ мы рѣшили начать съ земли, то подумаемъ, какъ вести знакомство съ нею: начать-ли съ самаго верхняго слоя ея, или-же начать съ глубины? Отвѣтъ ясенъ. Начинаемъ съ почвы. Дѣти видѣли вспаханное поле и знаютъ, что глубоко вошедшая соха или плугъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выворачиваетъ глину, въ нѣкоторыхъ песокъ. Иныя прибавляютъ, что при этомъ выворачиваются еще камни. Познакомимся поэтому сначала съ глиною, потомъ съ пескомъ, а затѣмъ и съ камнями. Глина и песокъ кажутся настолько знакомыми дѣтямъ, что они сначала недоумѣваютъ, о чемъ имъ будутъ говорить въ бесѣдѣ о песокѣ или глинѣ. Если-бы мы были съ дѣтьми на прогулкѣ, то, конечно, пришлось-бы ограничиться указаніемъ на то, что это, молъ, песокъ, а это глина. Я намѣренно избѣгаю слова «экскурсія», какъ совершенно неумѣстнаго и неподходящаго для даннаго случая названія. Экскурсіей съ дѣтьми, пока они не подготовлены классными бесѣдами, дѣлать невозможно,—съ ними возможны только прогулки. Но мы въ классѣ, въ нашемъ распоряженіи сухіе куски глины разныхъ цвѣтовъ, кусочки кирпича, вода, стаканчики, различные пески, вѣсы, фильтровальная бумага, ножницы, воронки. Все это позволяетъ намъ познакомиться и съ глиной, и съ пескомъ, какъ слѣдуетъ. Учитель стучитъ по столу кускомъ глины—и дѣти убѣждаются въ томъ, что сухая глина тверда, какъ камень. Учитель смачиваетъ свой палецъ въ водѣ и прикасается къ сухому куску глины—мокрое пятно исчезаетъ на глазахъ дѣтей. Неужели оно такъ скоро высохло? Нѣтъ. Куда-же дѣвалась вода? Вопла въ глину.

Выводы: Сухая глина тверда, какъ камень.

» » легко вбираетъ воду.

Опущенный въ воду кусокъ глины мутитъ ее, глина становится липкою, вязкою, мягкою; кусокъ вынуть изъ воды, глина облѣпиа пальцы учителя, вода мутна; проходитъ нѣкоторое время, вода проясняется, на днѣ получается осадокъ глины. Учитель говоритъ съ дѣтьми не языкомъ звуковъ, а языкомъ опытовъ, языкомъ самой природы. Дѣти сразу отвѣчаютъ на вопросы о томъ, какова въ засуху почва, богатая глиной, удобно-ли ходить по ней послѣ дождя? почему на глинистой почвѣ вода послѣ дождя бываетъ мутною? Потомъ вода понемногу проясняется, какъ и въ нашемъ стаканчикѣ, въ которомъ на днѣ осѣла глина. Въ природѣ этотъ осадокъ зовется иломъ. Въ нашемъ стаканчикѣ получился илъ. Далѣе можно показать, что глина бываетъ различныхъ цвѣтовъ. На прогулкѣ сдѣлать этого не удастся, такъ какъ если случай и пошлетъ глину, то не пошлетъ большого разнообразія глины по цвѣту. Бѣлая глина самая чистая

глина. Точно также можно показать различные пески, въ томъ числѣ совершенно чистый бѣлый песокъ.

Различные цвѣта глинъ и песковъ зависятъ отъ примѣсей. Человѣкъ пользуется мягкостью и вязкостью глины. Что ояъ дѣлаетъ изъ нея? Посуду, кирпичи. Учитель наливаетъ воду въ вылѣпленную изъ глины чашечку. Вода стоитъ въ ней, а часть вбирается стѣнками чашечки. Вода вылита въ стаканъ. Она стала мутною. Хороша-ли посуда такая? Какъ помочь бѣдѣ? Такимъ образомъ, по поводу глины сдѣлана экскурсія и въ область природы, и въ область практической жизни. Не нужно думать, что подобныя экскурсіи въ область практической жизни преслѣдуютъ какія-либо другія цѣли, кромѣ образовательныхъ: вѣдь, учитель не имѣетъ въ виду, что его ученики станутъ горшечниками, а потому сдѣлать ему упрекъ въ преслѣдованіи утилитарныхъ цѣлей нельзя.

Знакомство съ пескомъ можно и должно вести, сравнивая его съ глиной. Учитель на глазахъ дѣтей приготовляетъ глиняный порошокъ и насыпаетъ его въ стаканчикъ. Въ другой такой-же стаканчикъ до такой-же высоты насыпается песокъ. Поверхъ глины и поверхъ песку наливается по одинаковому количеству воды. Не смотря на то, что на глину вода налита раньше, она остановилась на ней, а сквозь песокъ быстро прошла. Дѣти видятъ быстроту просачиванія воды чрезъ песокъ и медленность просачиванія ея чрезъ глину. Учитель говоритъ имъ, что на глинѣ образовалась лужа, и они прекрасно понимаютъ, что то-же самое они видятъ и въ природѣ. На прогулкѣ, если учитель рискнетъ совершать ее въ дождь или послѣ дождя, дѣти будутъ видѣть, что въ однихъ мѣстахъ стоятъ лужи и вода мутна, въ другихъ вода быстро входитъ въ землю. Чтобы показать это, одной прогулки недостаточно, ибо не всегда сразу удастся попасть и на глинистое, и на песчаное мѣсто. Да дѣти и не увидятъ просачиванія воды такъ хорошо, какъ въ стаканчикахъ.

Я позволяю себѣ остановиться на частномъ случаѣ для того, чтобы яснѣе былъ виденъ характеръ работы съ дѣтьми.—Увнхъ, кромѣ того, всегда окажется на-лицо нѣкоторый запасъ наблюденій, на которыхъ учитель можетъ обосноваться и свести въ одно цѣлое, цементировать разрозненныя наблюденія. Цементировка эта должна быть не словесная, а на языкѣ самой природы, на языкѣ опытовъ. Ученикъ долженъ твердо помнить, что природа всегда съ нимъ. что «выгнанная въ дверь, она влетитъ въ окно», что силы и законы ея повсемѣстны, что, производя опыты, учитель не гонитъ природу, а ближе придвигаетъ къ ней своего ученика и ставитъ его въ такія условія, что природа говоритъ съ нимъ. Такъ какъ учителю въ дальнѣйшихъ опытахъ

придется имѣть дѣло со стекломъ и такъ какъ дѣти интересуются тѣмъ, идетъ-ли песокъ на какое-либо полезное дѣло, подобно глинѣ то учитель можетъ рассказать имъ о приготовленіи стекла, указать на важность его, познакомить ихъ съ его свойствомъ опять сдѣлаться мягкимъ отъ жара. Стеклянная трубочка и спиртовая лампочка даютъ учителю возможность на глазахъ дѣтей согнуть и оттянуть трубку; они видятъ, что стекло тянется, какъ леденецъ изъ горячаго чая.

Я полагаю, что на приведенномъ примѣрѣ достаточно выяснился характеръ опытно-демонстративной работы съ дѣтьми. Приведенныя свѣдѣнія слѣдуетъ пополнить еще нѣкоторыми свойствами песка и глины, напр., быстротою высыханія песка и медленностью высыханія глины. Для этого опыта необходимы вѣсы, которые оставляются въ классѣ для наблюденія за потерей ими равновѣсія.

Такъ какъ свойства песка и глины отражаются на почвѣ, то отсюда ясна потребность знать, сколько въ почвѣ песку, сколько глины, что есть еще въ почвѣ, кромѣ песка и глины, т.-е. ознакомиться съ составомъ почвы. Далѣе учитель заглядываетъ съ дѣтьми подъ почву, знакомитъ ихъ, напр., съ известняками, которые даютъ ему поводъ познакомить дѣтей съ неизвѣстнымъ пока еще имъ углекислымъ газомъ. Знакомство ведется исключительно демонстративнымъ путемъ. Указывается на то, что въ почву, кромѣ песка и глины, попадаетъ и известь, что изъ глины образуются глиняные камни (сланцы, въ томъ числѣ аспидный и грифельный), изъ песка—песчаники. Въ песчаникѣ песчинки склеены между собою. Дѣти сами готовятъ твердѣющую на ихъ-же глазахъ известку, въ которой песчинки склеены известью. Бесѣды о торфѣ даютъ случай войти въ область растительнаго міра. Поговорить о торфѣ необходимо потому, что въ Россіи много мѣстностей, богатыхъ торфомъ, а сѣверъ Сибири представляетъ сплошной торфяникъ. Послѣ этого можно перенести вниманіе дѣтей въ глубь земли, поговорить о каменномъ углѣ, асфальтѣ, нефти, каменной соли. Здѣсь дѣти знакомятся съ явленіями кристаллизаціи и сами кристаллизуютъ. Уходъ за выростающими кристаллами служитъ какъ-бы подготовкою къ уходу за выростающими растеньицами, а потомъ и животными. При такомъ порядкѣ сохраняется постепенность въ усложненіи какъ самаго ухода, такъ и сопутствующихъ ему наблюденій. Знакомство съ землею заканчивается гранитомъ, который является фундаментомъ для другихъ слоевъ земли. Гранитъ даетъ случай познакомить дѣтей съ кварцами кристаллическими и некристаллическими, прозрачными и непрозрачными. Дѣти узнаютъ, что такое кремень, и предъ ними песокъ является состоящимъ изъ крупинокъ кварца.

Слюда и полевой шпатъ также дадутъ не мало матеріала для демонстративныхъ бесѣдъ.

Послѣ ознакомленія дѣтей съ землею, наиболѣе удобно перейти къ ознакомленію ихъ съ воздухомъ: опыты съ воздухомъ чрезвычайно рельефны и даютъ возможность рѣшить съ дѣтьми цѣлый рядъ практическихъ задачъ, состоящихъ не только въ разъясненіи производимыхъ передъ ними опытовъ, но и въ предсказаніи результатовъ по даннымъ условіямъ. Быть въ положеніи предсказателей дѣтямъ особенно пріятно. Съ воздухомъ дѣти меньше всего знакомы, и многія свойства воздуха и зависящія отъ этихъ свойствъ явленія положительно захватываютъ вниманіе дѣтей. Они узнаютъ, что посуду съ воздухомъ они до сихъ поръ неправильно называли пустою, что неправильно считать воздухъ безцвѣтнымъ, что цвѣту воздуха обязанъ цвѣтъ неба, цвѣтъ снѣга, бумаги, бѣлыхъ перьевъ лебедя, бѣлыхъ лепестковъ цвѣтовъ и т. п., что воздухъ находится въ водѣ, кирпичѣ, что онъ проходитъ чрезъ каменные стѣны. Учитель продѣлываетъ цѣлый рядъ опытовъ, при которыхъ дѣти видятъ, слышатъ и осязаютъ воздухъ. Далѣе дѣти знакомятся со свойствомъ воздуха нагрѣваться и охлаждаться; они узнаютъ, что нагрѣтый воздухъ расширяется и производитъ напоръ. Этотъ напоръ можно перевести въ работу, напр., заставить нагрѣтый воздухъ напирать на воду и получить фонтанъ. Если этотъ опытъ поставить не въ началѣ, то дѣти сами предскажутъ фонтанъ. Дѣти узнаютъ, что теплота руки достаточна для того, чтобы вызвать замѣтное расширеніе воздуха. Нагрѣтый воздухъ легокъ и подымается кверху, а если его окружить бумажнымъ шаромъ, то онъ подыметъ и шаръ. Клейку шара можно поручить самимъ дѣтямъ. Много интересныхъ опытовъ можно показать, сжимая воздухъ. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ опытовъ, показывающихъ, что сжатый воздухъ стремится расшириться, и продѣлывается цѣлая серія опытовъ, показывающихъ, что воздухъ стремится расшириться даже и тогда, когда мы его не сжимаемъ, а только даемъ ему больше мѣста. Если-же воздухъ поля, сада, лѣса стремится расшириться и производить напоръ, то онъ чѣмъ-то сжать. На опытѣ дѣти узнаютъ, что воздухъ имѣетъ вѣсъ, что нижніе слои воздуха сжаты тяжестью верхнихъ слоевъ, они легко отвѣчаютъ на вопросъ о томъ, гдѣ напоръ воздуха сильнѣе—у подошвы горы, или на вершинѣ ея. Учитель показываетъ имъ, какъ можно провѣрить это. Когда рассмотрѣны измѣненія воздуха отъ нагрѣванія и охлажденія, то является полная возможность произвести рядъ опытовъ, подготовляющихъ дѣтей къ пониманію причины движенія воздуха въ природѣ. Затѣмъ можно произвести рядъ интересныхъ наблюдений надъ горѣніемъ въ воздухѣ, и закончить наи-

богѣ труднымъ вопросомъ о составѣ воздуха. Не слѣдуетъ ни на минуту забывать того, что учитель говорить съ дѣтьми не словами, а явлениями. Ихъ мысль работаетъ подъ вліяніемъ того, что даютъ имъ ихъ внѣшнія чувства.

Я считалъ-бы возможнымъ, познакомивъ дѣтей съ составомъ воздуха, начать знакомство съ водою, именно съ ея состава. Капелька воды, полученная искусственно на глазахъ дѣтей, является для нихъ въ высшей степени интереснымъ и вполне понятнымъ фактомъ. Знакомство съ водою можно вести по тому-же, приблизительно, плану, какъ и знакомство съ воздухомъ, но дѣти знакомятся тутъ и съ новымъ для нихъ явленіемъ—переходомъ тѣлъ изъ одного состоянія въ другое (ледъ, вода, парь). Нельзя не познакомить ихъ и съ термометромъ: они узнаютъ, что двѣ остановки, которыя дѣлаетъ ртуть при таяніи льда и кипѣніи воды, указаны самой природой. Человѣкъ не можетъ поставить двухъ первыхъ черточекъ на термометрѣ произвольно. Въ отдѣлѣ о водѣ является возможность продѣлать цѣлый рядъ интересныхъ и простыхъ опытовъ, относящихся къ атмосферной водѣ и водѣ на земной поверхности. Учитель имѣетъ возможность въ классѣ и заморозить воду, и разорвать бутылочку замерзающей водой, получить въ классѣ туманъ, росу и иней, познакомить дѣтей опытнымъ путемъ съ гибкостью, вязкостью и пластичностью льда, показать, отчего происходятъ водяные ключи и т. п. Если-же свѣдѣнія дѣтей дополнить расширеніемъ не только жидкихъ и газообразныхъ, но и твердыхъ тѣлъ отъ нагрѣванія, то является полная возможность выяснить дѣтямъ причины разрушенія камней, превращеніе ихъ въ розсыпи и образованіе почвы.

Въ такомъ приблизительно видѣ представляется изученіе дѣтьми неживой природы, изгоятъ которую изъ начальнаго курса естествовѣдѣнія значить безъ всякаго основанія класть этотъ курсъ на прокрустово ложе.

Подобно тому, какъ въ отдѣлѣ неживой природы мы стараемся заинтересовать дѣтей не столько отдѣльными предметами, сколько явлениями, такъ и въ отдѣлѣ живой природы на первомъ планѣ должны стоять не предметы, а явленія, не формы, а отправленія, не названія, а живые факты. Прежде фактъ, а потомъ слово, названіе, терминъ и вообще ярлыкъ для наклейки на этотъ фактъ. Ярлыкъ не можетъ быть приклеенъ къ пустому мѣсту, слово не можетъ и не должно ассоціироваться съ туманнымъ, неяснымъ образомъ.

Указавъ на разнообразіе живого міра и на то, что онъ состоитъ изъ животныхъ и растеній, учитель останавливаетъ вниманіе дѣтей на растеніяхъ. Необходимо на первыхъ-же порахъ установить тотъ

фактъ, что растенія—живыя существа, что жизнь ихъ продолжается опредѣленное время, что они переживаютъ всѣ возрасты: дѣтство, возмужалость, старость, за которою наступаетъ смерть. Само собою разумѣется, что бесѣда должна носить образный характеръ. Разобравъ съ дѣтьми причины, въ силу которыхъ мы считаемъ растенія живыми существами, слѣдуетъ показать дѣтямъ необычайное богатство и разнообразіе растительныхъ формъ. Дѣти поймутъ, что изучить хотя-бы названія всѣхъ растеній невозможно, какъ невозможно знать поименно всѣхъ жителей огромнаго города. А знать растенія только по названію—значить ничего не знать о нихъ. Если я знаю только то, что одного моего сосѣда зовутъ Петровъ, а другого Ивановъ, то я еще ничего не знаю о нихъ. Невольно вспоминается крайнее, но характерное мнѣніе Жанъ-Жака Руссо: «Можно быть великимъ ботаникомъ и не знать ни одного растенія по названію». Слѣдуетъ указать дѣтямъ, что мы были-бы очень безпомощны, если-бы между растеніями не было сходства. Изучать-же разнообразныя формы растеній, безъ пониманія ихъ жизни, такъ-же бесполезно, какъ быть собирателемъ почтовыхъ марокъ. Мнѣ думается, что какъ-бы мы ни интересовали дѣтей и названіями, и формами растеній и животныхъ, мы не пойдемъ съ ними дальше такихъ знаній, которыми въ своемъ лѣсу обладаетъ опытный дровосѣкъ, или знаній краснокожаго, который въ тропическомъ лѣсу лучше разбирается въ птичьемъ хорѣ, нежели ученый орнитологъ. Не смотря на всю сумму добытыхъ свѣдѣній о природѣ, ни дровосѣкъ, ни краснокожій не могутъ подлежать и сравненію съ ботаникомъ и зоологомъ. Прогулки съ дѣтьми безъ надлежащей работы съ ними въ классѣ не дадутъ имъ знаній, существенно отличныхъ по своей цѣнности отъ знаній дровосѣка и краснокожаго, а по количеству не составятъ и сотой доли знаній этихъ послѣднихъ. Не отрицая продуктивности такого рода *прогулокъ* съ дѣтьми въ психическомъ и гигиеническомъ отношеніяхъ, трудно думать, чтобы онѣ могли ставиться на одну доску съ *экскурсіями*, которыя предполагаютъ уже нѣкоторую подготовку въ экскурсирующихъ.

Если ученикъ будетъ изучать формы листьевъ и цвѣтовъ, распознавая растенія по ихъ признакамъ хотя-бы и на прогулкахъ, если будетъ знать, гдѣ растеть то и гдѣ другое растеніе, то онъ не пойдетъ дальше номенклатуры и рецептуры. Если я знаю, что куроплѣкъ цвѣтетъ весною, что онъ любитъ сырыя мѣста, что цвѣты у него желтые, а листья обратно-сердцевидные, то я не имѣю ни намека на работу мысли, на возможность сдѣлать отсюда какой-либо выводъ. «Экскурсія» съ цѣлью полученія такихъ знаній такъ же плодотворны для умственнаго развитія, какъ и «экскурсія» по Гости-

ному двору для изученія того, какіе узоры имѣются на выставленныхъ въ окнахъ матеріяхъ и въ какихъ окнахъ какія матеріи выставлены. Совершенно иное дѣло, если дѣти поймутъ, что у растеній есть органы, что каждый органъ несетъ на пользу растенія ту или другую службу, и какую именно. Иными глазами дѣти взглянуть на растенія, когда узнаютъ, что они представляютъ собою удивительную постройку, когда вырѣзанный на ихъ глазахъ ломтикъ изъ той или другой части растенія представится имъ въ видѣ удивительнаго сочетанія похожихъ на ячейки отдѣльностей, когда увидятъ своими глазами, что въ этихъ ячейкахъ кипитъ жизнь и идетъ непрерывная работа. За опытами и демонстраціями дѣло не станетъ. Нельзя равнодушно видѣть того оживленія, когда дѣти впервые видятъ въ микроскопъ клѣточную постройку, или когда въ клѣточкахъ валиснеріи видятъ движеніе, наблюдаютъ своими глазами жизнь въ такомъ видѣ, въ какомъ ея не подозрѣвали. Послѣ этого каждый листикъ, каждая частичка растенія живетъ въ ихъ представленіи въ видѣ постройки изъ ячеекъ, населенныхъ живыми существами. Когда дѣти поняли, что каждая часть растенія представляетъ собою постройку изъ клѣточекъ, можно показать имъ, что въ различныхъ частяхъ растеній постройка эта бываетъ различна, смотря по тому, какую она несетъ службу для растенія: напр., защищаетъ растеніе, покрывая его сверху; при этомъ въ однихъ мѣстахъ она прозрачна (кожица), въ другихъ не прозрачна (пробка). На вѣсахъ дѣти видятъ, какъ на одной чашкѣ вѣсовъ быстро теряетъ воду картофелина, съ которой снята пробка, по сравненію съ одѣтой пробкою картофелиной на другой чашкѣ вѣсовъ. Можно сдѣлать чрезвычайно простыми и демонстративными бесѣды съ дѣтьми о веществахъ, приготовляемыхъ въ растеніяхъ, объ испареніи растеніями воды, о поступленіи въ растенія жидкой и газообразной пищи. Пробужденіе жизни въ сѣмени, устройство сѣмени, проростаніе различныхъ сѣмянъ, выращиваніе растеній даютъ цѣлый рядъ живыхъ, интересныхъ, воспитывающихъ упражненій. Если дѣти видятъ на прогулкѣ растенія, то отъ нихъ получается не то впечатлѣніе, какъ отъ тѣхъ, что выросли у нихъ въ классѣ. Радиска и бобы гороха, выросшіе въ огородѣ, не такъ пріятны, какъ полученные на классномъ окнѣ. Распустившійся въ классѣ подсолнечникъ совсѣмъ не то, что встрѣченный на прогулкѣ. Бѣлый войлокъ изъ тонкихъ, похожихъ на шелковыя виты, корней ржи, посѣянной на вату въ кристаллизационной чашкѣ, говоритъ отчетливѣе, нежели корешки ржи, выдернутой на полѣ. Корневые волоски, подобно бѣлому пуху покрывающіе корешокъ гороха, проросшаго надъ водою въ пробирномъ стаканчикѣ, даютъ такую картинку, которой мы не получимъ путемъ прогулки.

Послѣ такого класснаго подготовительнаго курса, въ которомъ разсмотрѣны устройство и жизнь отдѣльныхъ органовъ растений, а также ихъ служба на пользу растенія,—разсмотрѣны не на словахъ, а на дѣлѣ, возможны уже не прогулки, а экскурсіи съ дѣтьми. Послѣ такой подготовки глаза ихъ иначе будутъ смотрѣть на растеніе.

Подобнымъ-же образомъ надлежитъ подготовить дѣтей и къ изученію животнаго міра. Необходимо ввести дѣтей въ кругъ явленій изъ жизни животнаго. Такъ какъ явленія эти особенно отчетливо выражены у человѣка, то знакомство съ устройствомъ и жизнью нашего собственнаго тѣла должно послужить канвою для тѣхъ разнообразныхъ формъ, въ которыхъ проявляется жизнь животныхъ. Планъ костной основы нашего тѣла, расположеніе и прикрѣпленіе мускуловъ, кровообращеніе, дыханіе, пищевареніе и т. д. могутъ быть разсмотрѣны примѣнительно къ человѣку. Само собою разумѣется, что для иллюстрацій придется прибѣгать и къ животнымъ, напр., пульсирующее сердце можно показать, пользуясь молодыми рыбками (мальками), кровообращеніе дѣти наблюдаютъ у кураризированной лягушки и т. п. Если принести въ классъ назрѣвшія икринки, то въ классѣ дѣти дождутся выхода изъ нихъ мальковъ. За мальками иногда можно бываетъ поручать и уходъ въ классѣ-же. При знакомствѣ съ устройствомъ органовъ человѣческаго тѣла необходимо имѣть хорошія модели и по возможности чаще заставлять дѣтей производить наблюденія и провѣрку на ихъ собственномъ тѣлѣ. Первые бесѣды (вступительныя) должны быть посвящены общему обзору животнаго міра, съ цѣлью выяснитъ разнообразіе и многочисленность его формъ. Если при этомъ возможно имѣть живые экземпляры, то дѣло отъ этого, конечно, выиграетъ. Однако невозможность встрѣтить то или другое животное на прогулкѣ или принести его въ классъ не должна суживать рамокъ общаго ознакомленія съ животнымъ міромъ: сюда должны войти и китъ, и инфузорія, и муравей, и обезьяна, и колибри, и страусъ и т. д. Тропическая природа никоимъ образомъ не должна быть пренебрегаема. Послѣ этихъ вступительныхъ бесѣдъ о животныхъ, дѣти изучаютъ на человѣкѣ главнѣйшія явленія жизни, потомъ явится возможность нѣсколько расширить кругъ знакомства съ животными не только количественно, но и качественно, наконецъ, можно будетъ наметить хотя-бы типы и классы.

Въ такомъ видѣ представляется начальный курсъ естествовѣдѣнія, проведенный и на опытѣ. Послѣ такой подготовки полезны и экскурсіи: онѣ уже не въ состояніи будутъ создать верхоглядства, сколженія, усвоенія исключительно названій въ связи съ фор-

мами и другихъ бесполезныхъ и даже вредныхъ въ образовательномъ смыслѣ явленій.

При такой постановкѣ дѣла въ каждомъ изъ трехъ царствъ природы будетъ живымъ нагляднымъ путемъ выработанъ стройный, логически связанный и обоснованный на опытной проверкѣ циклъ явленій, подготовляющій однихъ къ систематическому курсу и дающій другимъ стройное цѣлое. Необходимо только при веденіи курса заботиться о томъ, чтобы работала *мысль* дѣтей, чтобы занятія велись *наглядно*.

Работа мысли дѣтей состоитъ въ томъ, что они по возможности сами дѣлаютъ *выводы*, создают *образы по слову* учителя, *проверяютъ* правильность своихъ выводовъ опытнымъ путемъ, *предсказываютъ* явленіе по даннымъ условіямъ и вообще рѣшаютъ всякаго рода *вопросы*.

Наглядность работы выражается въ томъ, что учитель по возможности говоритъ о томъ, что самъ можетъ показать. Дѣти сами принимаютъ участіе въ практическихъ занятіяхъ, сами дѣлаютъ наблюденія, привлекаются къ участію въ опытахъ, растутъ сначала кристаллы, потомъ растенія, наконецъ ухаживаютъ за животными. Рядомъ съ наглядностью внѣшнею должна идти и внутренняя наглядность—наглядность слова. Дѣти понимаютъ только образный языкъ.

Работа наглядная должна идти рука объ руку и въ самой тѣсной связи съ работой мысли: изъ *опыта* или наблюденія дѣлается *выводъ*, за выводомъ слѣдуетъ *проверка*. Въ началѣ занятій съ дѣтьми могутъ привести нѣкоторую пользу *прогулки*, а послѣ нѣкоторой подготовки становятся необходимыми *экскурсии*.

Л. С. Севрукъ.

Уъ вопросу о реформѣ городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 года, училищъ.

(Голосъ изъ уѣзда).

I.

Пока въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, въ высшихъ слояхъ общества и въ столичной печати шли оживленныя рѣчи о реформѣ университетовъ и среднихъ школъ, уѣздъ молчалъ: у него вѣдь нѣтъ ни университетовъ, ни среднихъ школъ. Уѣздъ, т.-е. громаднѣйшая часть населенія Россійской Имперіи, такъ сжился съ мыслью о невозможности имѣть у себя не только высшія, но и среднія школы, что не можетъ позволить себѣ даже мечтать объ этомъ. Почтительно предоставивъ столицамъ и губерскимъ городамъ легко и съ удобствомъ обучать своихъ дѣтей въ среднихъ и высшихъ школахъ, уѣздъ въ наибольшей своей части, экономически слабой, довольствуется лишь первой ступенью низшаго образованія—начальной народной или городской приходской школой, въ наименьшей-же части, экономически нѣсколько состоятельнѣе, обучаетъ своихъ дѣтей въ школахъ второй ступени низшаго образованія—въ уѣздномъ или городскомъ, по Положенію 31-го мая 1872 г., училищѣ, и, наконецъ, въ еще меньшей своей части, въ лицѣ наиболѣе состоятельныхъ людей всѣхъ сословій и состояній, начиная съ помѣщиковъ-дворянъ и кончая крестьянами, пользуются предоставленнымъ правомъ—отрывать отъ родной семьи своихъ сыновъ и дочерей въ самый нѣжный ихъ возрастъ, лѣтъ съ девяти, съ десяти, отправлять ихъ въ среднюю школу, въ далекій чужой городъ, въ чужую семью, на произволъ случайныхъ вліяній..

Но у многихъ-ли есть даже и эта возможность? Перспектива семи-восьми-лѣтняго обученія въ средней школѣ, внѣ семьи, на частной квартирѣ, потребуетъ, кромѣ нравственныхъ мученій, не малыхъ денежныхъ средствъ, которыхъ не хватитъ у громаднаго большинства населенія уѣзда, и такимъ образомъ для громаднаго

большинства дѣтей уѣзда доступъ къ среднему, а значить, и къ высшему образованію закрытъ.

Правда, въ тѣхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ есть четырехклассныя и шестиклассныя женскія прогимназіи, дѣвушкамъ легче дать среднее образованіе: по окончаніи курса уѣздной прогимназіи, отвезти дочь въ губернскую гимназію на два или четыре года уже не такъ трудно и рискованно. Даже если ограничиться ученіемъ въ прогимназіи, всетаки женскому населенію этихъ уѣздовъ доступно полусреднее образованіе, и уровень общаго образованія женщинъ превыситъ уровень образованія мужчинъ.

Правда, курсъ городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 года, училищъ довольно обширный: программы по нѣкоторымъ учебнымъ предметамъ равняются программѣ четырехъ классовъ средней школы, а по другимъ предметамъ и даже выше, и окончившій курсъ въ городскомъ училищѣ по своему общему развитію стоитъ не ниже четырехклассника реалиста или гимназиста, но ему не достаетъ соотвѣтствующаго знанія новыхъ языковъ и алгебры — и это является сильнымъ препятствіемъ къ продолженію образованія въ средней школѣ.

Конечно, эти дополнительныя знанія можно пріобрѣсти особой подготовкой, виѣ школы. Но, во-первыхъ, на это надо убить лишній цѣлый годъ, можетъ быть—два; во-вторыхъ, въ уѣздномъ городѣ обыкновенно не найдешь преподавателя новыхъ языковъ, надо ѣхать въ губернской городъ, тратить двойныя деньги на содержаніе и подготовку и жить въ непрерывно тревожномъ настроеніи, съ тяжелой мыслью, что, по какимъ-нибудь ничтожнымъ случаямъ, сынъ не будетъ принятъ.

Но вотъ наступило переходное время и для школы уѣзда, канунъ школьной реформы. И для уѣзда блеснулъ лучъ надежды, но появилась и тревога... Уѣздъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за учебной реформой—и то радуется, то болѣетъ душой за своихъ сыновъ. Уѣздъ сознаетъ важность момента: восторжествующее направленіе учебной реформы отразится на судьбѣ многихъ поколѣній людей. Поэтому, направленіе это должно быть глубоко обдуманно, цѣль, достоинства и недостатки городской школы должны быть точно опредѣлены.

Какъ и надо было ожидать, въ этомъ первомъ и важнѣйшемъ дѣлѣ—въ опредѣленіи цѣли, достоинствъ и недостатковъ городскихъ училищъ и въ опредѣленіи причинъ послѣднихъ—должны были столкнуться сторонники общеобразовательной школы съ ея противниками: первые цѣлью городской школы считаютъ удовлетвореніе общей потребности въ образованіи людей всѣхъ сословій и со-

стояній, вторые стремятся стюзить эту цѣль, полагая ее въ служеніи частнымъ потребностямъ какого-нибудь одного слоя населенія; первые стоятъ за установленіе непосредственной связи городского училища со средними классами средней школы, вторые—за отсутствіе этой связи; первые желаютъ нѣкотораго расширенія программы, вторые—еще большаго сокращенія ея; первые признаютъ курсъ городского училища солиднымъ, важнымъ и существенно-необходимымъ, вторые—ничтожнымъ, бесполезнымъ, и т. д., и т. д.,—такъ что многое, что первые считаютъ достоинствомъ школы, вторые считаютъ недостаткомъ ея, и недостатки по понятіямъ первыхъ кажутся достоинствами вторымъ; расходятся и въ указаніи причинъ общепризнанныхъ недостатковъ, и въ указаніи средствъ для достиженія одинаковыхъ цѣлей, при чемъ, какъ это часто бываетъ при столкновеніи противоположныхъ взглядовъ, не одну сплошную истину говорить одна партія и не все сплошь ошибочно въ сужденіяхъ другой, и въ общемъ—столкновеніе двухъ мнѣній по одному и тому-же вопросу всегда бываетъ полезно для полного и правильнаго освѣщенія обсуждаемаго предмета.

Отсюда однако нельзя еще сдѣлать вывода, будто истина—въ примиреніи спорныхъ партій, будто всякая школа, вмѣстѣ съ общимъ образованіемъ, должна давать и образованіе профессиональное.

Къ сожалѣнію, такъ именно и случилось съ реформою городскихъ училищъ.

II.

Тенденція совмѣщенія въ одной школѣ и общаго, и профессиональнаго образованія характеризуетъ наши школьныя реформы 1828 года и 1872 года. Съ этою цѣлью при уѣздныхъ и городскихъ училищахъ, предназначенныхъ для дѣтей «всѣхъ сословій и состояній» уѣзда, кромѣ курса общеобразовательныхъ предметовъ, открывались «дополнительные» курсы и классы, для удовлетворенія нуждамъ и потребностямъ торговаго и промышленнаго населенія, при чемъ эти «дополнительные» курсы и классы въ началѣ сосредоточивали на себѣ вниманіе и заботы учебнаго вѣдомства, отодвигая на второй планъ прямыя задачи общеобразовательной школы.

Но эти «дополнительные» курсы и классы «не принесли ожидаемой пользы», по причинѣ несоотвѣтствія курса общеобразовательныхъ предметовъ узко-специальному характеру прикладныхъ свѣдѣній и практическихъ занятій въ «дополнительныхъ» классахъ и курсахъ. Вмѣсто промышленныхъ курсовъ и классовъ при город-

скихъ училищахъ въ послѣднее время необходимость заставила учреждать самостоятельныя низшія *профессіональныя школы*: ремесленныя, сельско-хозяйственныя, торговыя и т. п. То-есть, опытъ указалъ на *ошибочность* тенденціи совмѣщенія въ одной школѣ общаго и профессіональнаго образованія, и когда министерство гр. Д. А. Толстого въ своемъ проектѣ «Положенія о городскихъ училищахъ», въ цѣляхъ примѣненія курса ихъ къ промышленнымъ потребностямъ мѣстнаго населенія, предположило и самому учебному матеріалу нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ придать профессіональный характеръ: ариметику приблизить къ коммерческому счетоводству, геометрію примѣнить къ ремесламъ—столярному, плотничному и т. п., естественную исторію, физику, рисованіе и черченіе поставить въ соотвѣтствіе съ промышленными занятіями мѣстнаго населенія,—особое присутствіе Государственнаго Совѣта 1872 года категорически высказалось, что *«городскія училища должны быть заведениями общеобразовательными, а не профессіональными»*, и, признавая «полезнымъ, для успѣшности преподаванія, примѣры и упражненія (по этимъ предметамъ) заимствовать изъ повседневной жизни учениковъ», подчеркиваетъ мысль, что «при такомъ методѣ или способѣ преподаванія», школа, приблизивъ сообщаемыя свѣдѣнія къ практической жизни, «въ то-же время» не опуститъ и свою прямую цѣль—общее *умственное развитіе* учащихся.

Эта тенденція въ послѣднее время пріобрѣтаетъ еще болѣе устойчивости во взглядахъ на задачи городскихъ училищъ современныхъ дѣятелей школьной реформы.

Такъ, «Коммиссія для обсужденія вопроса о постановкѣ ремесленнаго и техническаго обученія въ начальныхъ училищахъ», въ засѣданіяхъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1900 года, пришла къ заключенію, что для удовлетворенія «промышленныхъ потребностей населенія» необходимы *спеціальныя школы*, и, лишь «за отсутствіемъ» ихъ, допускается, «въ случаѣ особенной необходимости», «учрежденіе при городскихъ училищахъ двухъ-годовыхъ дополнительныхъ ремесленныхъ классовъ» для окончившихъ курсъ городскихъ и начальныхъ училищъ, при чемъ для занятій въ нихъ «допускаются» и ученики старшихъ классовъ городского училища. Такимъ образомъ, эти ремесленные классы носятъ вполне характеръ особой спеціальной школы.

Проектированнымъ Мин. Нар. Просв. «Положеніемъ о четырехъ-классныхъ и трехъ-классныхъ городскихъ училищахъ» при послѣднихъ также допускаются «дополнительные» курсы и классы: педагогическіе, ремесленные, коммерческіе, почтово-телеграфные, садо-

водства и огородничества и т. п.; но общеобразовательный курсъ городскихъ училищъ не поставленъ въ служебное отношеніе къ этимъ «дополнительнымъ» классамъ и курсамъ, и за нимъ признается самостоятельное значеніе.

III.

Но и въ настоящее время еще есть такіе убѣжденные сторонники профессиональнаго образованія, что готовы навязать городскимъ училищамъ всевозможныя спеціальныя цѣли, хотя и симпатичныя и важныя сами по себѣ, но все-же побочныя имъ, забывая, что и прямыя задачи общеобразовательной школы высоки, серьезны и существенно необходимы, что основательное изученіе какого-нибудь спеціального предмета, напр., ремесла, потребуетъ отъ учащихся *особаго* вниманія и времени, которыхъ не можетъ дать общеобразовательная школа, и что изученіе это возможно лишь тогда, когда оно, не составляя части курса общеобразовательной школы, является продолженіемъ послѣдняго, т.-е. когда оно выдѣлено изъ курса общеобразовательной школы въ особое спеціальное училище.

Есть и такіе сторонники профессиональнаго образованія, которые, убѣдившись, подобно «Коммисіи для обсужденія вопроса о постановкѣ ремесленнаго и техническаго обученія въ начальныхъ училищахъ», въ безполезности устройства при городскихъ училищахъ «дополнительныхъ» ремесленныхъ классовъ и соглашаясь съ мнѣніемъ Коммисіи о необходимости замѣнить ремесленные классы курсами такъ называемаго «ручного труда», какъ предмета *общеобразовательнаго*, а не профессиональнаго характера, все-же стоятъ за то, чтобы городское училище всецѣло служило *«промышленнымъ* нуждамъ *практической* жизни *нижняго* городского населенія», «сообразуясь съ потребностями его быта даже въ своемъ *теоретическомъ* курсѣ».

Такого именно взгляда держится г. Тихомировъ въ своей статьѣ «Къ вопросу о городскихъ училищахъ», помѣщенной въ апрѣльской, майской и іюньской книжкахъ «Русской Школы» за 1901 годъ.

Съ такимъ взглядомъ г. Тихомирова на цѣль городскихъ училищъ мы никакъ не можемъ согласиться, а слѣдовательно не можемъ согласиться и съ тѣми его положеніями, которыя вытекаютъ изъ этого взгляда; но должны оговориться, что въ его статьѣ есть и такія мысли, которыя мы вполне раздѣляемъ.

«Главнымъ и существеннымъ недостаткомъ» и уѣздныхъ, и городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 года, училищъ, и проектированныхъ Министерствомъ въ «Положеніи о четырехклассныхъ и трехклассныхъ городскихъ училищахъ» г. Тихомировъ считаетъ

«односторонность», «теоретичность» ихъ курса, «несоотвѣтствие его потребностямъ низшаго городского населенія».

Такимъ образомъ, весь ходъ развитія реформы нашей городской школы съ 1828 года и по 1901 годъ включительно, т.-е. постепенное освобожденіе отъ тенденціи соединенія въ одной школѣ общаго и профессиональнаго образованія, г. Тихомировъ характеризуетъ англійской пословицей «поставить плугъ впереди воловъ» и, какъ спасеніе, предлагаетъ дать *обратный ходъ* совершающемуся движенію, не сознавая того, что, на нашъ взглядъ, именно онъ-то и предлагаетъ «поставить плугъ впереди воловъ».

Съживая цѣль городскихъ училищъ, полагая ее не въ удовлетвореніи общей потребности въ образованіи «всѣхъ сословій и состояній уѣзда», а лишь всецѣло въ служеніи *«промышленнымъ»* нуждамъ *практической жизни низшаго городского населенія*, г. Тихомировъ совершенно отвергаетъ потребности, интересы и стремленія людей всѣхъ прочихъ «сословій и состояній» уѣзда: помѣщиковъ-дворянъ, чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, учителей, купцовъ, крестьянъ. Гдѣ-же они будутъ обучать своихъ дѣтей?.. Должны-ли они довольствоваться лишь «первою ступенью» низшаго образованія—городскимъ приходскимъ или начальнымъ сельскимъ училищемъ? Или, если позволять денежные средства, оторвавъ затѣмъ своихъ дѣтей отъ родной семьи съ девяти-десяти-лѣтняго возраста, отправить ихъ учиться въ далекій губернской городъ, при опасныхъ условіяхъ жизни, безъ помощи и руководства семьи?.. Или, наконецъ, отрекшись отъ своихъ интересовъ и стремленій, *примѣниться* къ интересамъ и потребностямъ низшаго *городского населенія* и поставить своихъ дѣтей, по окончаніи «полу-профессиональнаго» курса городской школы, въ положеніе «не знать, что дѣлать съ собою и вотъ съ этою самою бумагою (свидѣтельствомъ)?».

Городское училище, *какъ высшая школа уѣзда*, должно служить не частнымъ потребностямъ одного какого-либо сословія или слоя населенія. Для этого нужно не городское училище, а какая-либо профессиональная школа: ремесленная, сельско-хозяйственная, торговая и т. д., смотря по характеру нуждъ сословія и по условіямъ мѣстности; городское-же училище должно служить *общей потребности* въ умственномъ, религіозно-нравственномъ и физическомъ развитіи *дѣтей «всѣхъ сословій и состояній»* уѣзда, т.-е. должно быть школою *общеобразовательною*, а не профессиональною.

Предлагая сообразовать теоретическій курсъ городскихъ училищъ съ «потребностями быта низшаго городского населенія» и даже сократить, ради этого, программу общеобразовательныхъ предметовъ, г. Тихомировъ умаляетъ значеніе задачъ общеобразовательной школы,

т.-е. такого развитія, которое существенно необходимо всѣмъ людямъ, безъ различія сословія и состоянія.

«Если школа,—говоритъ онъ,—должна заботиться въ теоретической своей части не о развитіи способностей (такъ называемая «формальная цѣль» обученія), а о развитіи въ учащихся возможно полнаго, для каждой ступени обученія, *систематическаго знанія*, то значеніе этой части ея курса для послѣдующей *практической дѣятельности* бывшихъ ея питомцевъ... будетъ *настолько велико и существенно, насколько* приобрѣтенныя знанія будутъ помогать усвоенію *умнѣній*, и далѣе перечисляетъ, что именно изъ теоретическаго курса школы «не можетъ не содѣйствовать болѣе успешному усвоенію *техническихъ умнѣній и навыковъ*» *).

Вотъ и *все* великое значеніе для жизни *систематическихъ знаній* въ курсѣ общеобразовательной школы, по мнѣнію г. Тихомирова.

«Прямая задача школы,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи,—подготовлять своихъ питомцевъ *къ жизни*» **).

Но жизнь людей различныхъ «сословія и состоянія» уѣзда не одинакова. И жизнь даже одного низшаго городского населенія состоитъ не изъ одного ремесла, да и «не хлѣбомъ единымъ живѣтъ человѣкъ». Жизнь и низшаго городского населенія сложна и разнообразна. Сдѣлавшись ремесленникомъ, отъ одного этого не станешь «человѣкомъ-гражданиномъ, способнымъ по-человѣчески, разумно выполнять свои гражданскія и общественныя обязанности» ***). Что пользы обществу и государству, если у него будутъ ремесленники, не только равнодушные къ общественной и государственной пользѣ, но и люди, устраивающіе свое личное благополучіе на общественный и государственный счетъ!.. Что пользы обществу и государству, если большая часть его населенія темна, невѣжественна, суевѣрна, инертна, не въ состояніи понять разумности и пользы общественныхъ и государственныхъ мѣропріятій и безпокойной, озвѣрѣвшей толпой идетъ разрушать больницы, убивать докторовъ, разрушать церкви и т. д.!..

Школа прежде всего должна снять съ своего питомца кожуру грубости, невѣжества, эгоизма, сдѣлать изъ него *хорошаго* семьянина, *хорошаго* члена общества, *достойнаго* сына отечества, который во всѣхъ обстоятельствахъ жизни не унижилъ-бы, но съ честью несъ «священное изъ званій—*человѣкъ*». Это великая задача школы, передъ которой блѣднѣетъ обученіе ремеслу. Выше она формулиро-

*) «Русская Школа», за 1901 г., № 4, стр. 141 Курсивы наши.

***) Тамъ-же, №№ 5 и 6, стр. 149. Курсивъ нашъ.

****) «Образованіе», 1898 г., № 78, стр. 63.

вана у насъ такъ: умственное, религиозно-нравственное и физическое развитіе дѣтей. Подъ умственнымъ развитіемъ мы разумѣемъ обладаніе сознательно систематизованными знаніями о природѣ и человѣкѣ; подъ религиозно-нравственнымъ развитіемъ—выработку правильныхъ отношеній къ Богу, природѣ и человѣку.

Теоретическій курсъ школы, имѣющей высокое воспитательно-образовательное значеніе, нельзя ставить въ служебное отношеніе къ *промышленнымъ нуждамъ практической жизни низшаго городского населенія* и нельзя сокращать программы общеобразовательныхъ предметовъ уже и потому, что это преградило-бы путь къ дальнѣйшему совершенствованію личности: поставило-бы непреодолимое препятствіе въ стремленіи юноши къ продолженію своего образованія, еще болѣе, чѣмъ теперь, отдалило-бы городское училище отъ средней школы, сдѣлало-бы уже совершенно невозможнымъ для окончившаго курсъ поступленіе въ средніе классы общеобразовательной средней школы, что съ такимъ трудомъ, но все-же доступно теперь *), въ значительной степени затруднило-бы для него переходъ въ учительскій институтъ, въ учительскую семинарію и во всѣ прочія—техвическія и другія спеціальныя школы, куда онъ можетъ поступить теперь только потому, что уровень его общаго образованія и развитія соотвѣтствуетъ условіямъ поступленія въ эти и подобныя имъ заведенія.

IV.

Крупнѣйшимъ недостаткомъ въ организаціи городскихъ училищъ мы считаемъ именно то, что они стоятъ особнякомъ отъ всѣхъ школъ, внѣ цѣпи низшаго, средняго и высшаго образованія, не имѣютъ непосредственной связи со средними классами среднихъ школъ, и въ этомъ отношеніи не удовлетворяютъ потребностямъ всего населенія уѣзда.

По нашему мнѣнію, училищная система должна быть такова, чтобы для всѣхъ учащихся имѣлась возможность прямого перехода изъ низшей школы въ болѣе высшую, до университета и другихъ высшихъ спеціальныхъ заведеній включительно.

И г. Тихомировъ указываетъ на «установленный знаменитымъ г. Песталоцци, на правильныхъ психологическихъ началахъ, курсъ начальнаго обученія, который, начинаясь съ общенагляднаго обученія и нагляднаго ознакомленія съ природою, заключалъ въ себѣ

*) Непоступленіе въ младшіе классы для него надежно обеспечено уже одной солидностью возраста 15—17 лѣтъ.

опредѣленный кругъ элементарныхъ знаній, необходимыхъ для всѣхъ и составляющихъ основаніе всему дальнѣйшему общему и спеціальному образованію въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ» *).

Городскія училища, служа, по послѣднему министерскому проекту, «продолженіемъ курса начальныхъ народныхъ училищъ», находятся такимъ образомъ въ положеніи полусреднихъ учебныхъ заведеній.

Но г. Тихомировъ не желаетъ «превращать городскія училища въ подготовительныя учебныя заведенія безъ древнихъ, но нерѣдко съ новыми языками» **), не желаетъ «видѣть въ городскомъ училищѣ нѣчто въ родѣ гимназій или реального училища» (правильнѣе было-бы сказать: «прогимназій или полуреального училища»), потому что тогда, во-1-хъ, какъ и теперь, городскія училища, по отношенію къ низшему городскому сословію, будутъ лишь «этапнымъ пунктомъ», черезъ который будетъ выбывать изъ него «все наиболѣе даровитое, наиболѣе энергичное», обратно-же возвращаться «одна посредственность и бездарность», во-2-хъ, «едва-ли полезно для дѣла заполнять канцеляріи и другія присутственныя мѣста лицами съ образовательнымъ цензомъ городского училища» ***).

Обратимся къ потребностямъ и стремленіямъ населенія уѣзда.

Что стремленіе къ продолженію образованія и за предѣлами городской школы сильно развито въ населеніи уѣзда, это подтверждается уже тѣми статистическими данными, которыя сообщены г. Раменскимъ въ 4-й книжкѣ «Русской Школы» за 1896 годъ и которыя приводитъ въ своей статьѣ и г. Тихомировъ, но какъ доводъ въ пользу того, что, будто бы, «наши городскія училища не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ» ****).

Мы приведемъ эти данныя въ нѣсколько иной комбинаціи, съ иными заключеніями и нѣсколько точнѣе, чѣмъ это дѣлаетъ г. Тихомировъ.

За двадцатилѣтній періодъ времени, съ 1875 по 1894 годъ включительно, изъ 1,343 человекъ, окончившихъ курсъ въ городскихъ училищахъ пермской дирекціи, о которыхъ даетъ свѣдѣнія г. Раменскій, болѣе процентъ падаетъ на продолжившихъ свое образованіе—болѣе 36% (21,37% поступившихъ въ учебныя заведенія; 11,62% посвятившихъ себя учительскому труду; 1,86%—священно и церковно-служителей; 1,19%—заявившихся медициной, а для всѣхъ трехъ родовъ занятій нужно или учиться или подготовиться къ установленному спеціальному экзамену); нѣсколько мѣншій про-

*) «Русская Школа», 1901 г., № 4, стр. 127.

**) Тамъ-же, №№ 5 и 6. стр. 116.

***) Тамъ-же, № 4, стр. 135.

****) Тамъ-же, № 4, стр. 133.

центъ падаетъ на поступившихъ въ писцы и конторщики—30,75% (что объясняется большимъ спросомъ въ Пермской губерніи на писцовъ и конторщиковъ вслѣдствіе большаго развитія тамъ промышленности, а также и большою легкостью опредѣленія на частную службу, нежели на казенную или нежели организація «своего дѣла»); поступившихъ на коронную службу въ правительственныя учрежденія — 9,46%; заявившихся торговлю, промышленностью и другимъ трудомъ—болѣе 23% (торговлю—10,5%, ремесломъ—1,86%, сельскимъ хозяйствомъ—2,76%, другимъ трудомъ—7,89%); не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій 10 человекъ изъ 1.343-хъ, т. е. 0,74%.

Нужно замѣтить, что тутъ дѣти не только «низшаго городского сословія»—мѣщанъ, но и дѣти дворянъ, чиновниковъ, духовныхъ, купцовъ и крестьянъ, и не только дѣти города, но и *всего уѣзда*.

Говоря о судьбѣ окончившихъ курсъ въ городскихъ училищахъ, г. Раменскій дѣлаетъ такое заключеніе: «Городскія училища и въ настоящемъ ихъ видѣ съ успѣхомъ выполняютъ свою задачу, давая питомцамъ своимъ такія познанія, при помощи которыхъ они, вступая въ практическую жизнь, удовлетворяютъ своимъ личнымъ и общественнымъ требованіямъ, становясь полезными членами семьи и общества». «Окончившіе курсъ ученія въ городскихъ училищахъ на практикѣ, какъ показали наблюденія, легко приспособляются ко всякимъ родамъ занятіямъ». «Желающіе-же изъ нихъ могутъ продолжать и дальнѣйшее свое образованіе» *); продолжаютъ и самообразованіе, добавимъ мы.

Процентъ стремящихся продолжать образованіе былъ-бы еще болѣе 36-ти, если-бы къ нему прибавить всѣхъ тѣхъ учащихся, которые поступили въ другія учебныя заведенія еще до окончанія курса городского училища, выбывъ изъ него лишь по причинѣ несоотвѣтствія курса городского училища курсу средней школы; онъ долженъ былъ-бы еще болѣе возрасти, если-бы включить въ него всѣхъ тѣхъ мальчиковъ, которые прямо изъ начальной школы, минуя городское училище, оторвавшись отъ своей семьи съ девятидесяти-лѣтняго возраста, поступили въ губернскую среднюю школу.

Вотъ статистическія данныя (правда, чрезвычайно скромныя, но все-же говорящія за себя) объ окончившихъ курсъ въ одномъ изъ городскихъ училищъ Костромской губерніи за годы: 1899-й, 1900-й и 1901-й.

*) «Русская Школа», 1896 г., № 4, стр. 94 и 90.

Г О Д Ы.	Количество окончивших курсъ.	Поступившихъ или готовящихся въ учебныя заведенія:								Поступившихъ въ конторы.		Занявшихся торговлею.		Всѣхъ стремящихся къ продолженію образованія.		Всѣхъ ограничившихъ образованіе въ город. училищѣ.	
		Въ учительскій институтъ, на педагог. курсы и экзаменъ на учителя.	Въ реальное училище (4-й и 5-й кл.).	Въ технические училища.	Въ льбное училище.	Въ рѣчное училище.	Въ фельдшерскую школу.	Въ желѣзно-дорожное училище.	Колич-вост.	Въ %/о/о	Колич-вост.	Въ %/о/о	Колич-вост.	Въ %/о/о	Колич-вост.	Въ %/о/о	
1899	16	2*	1	5	1	—	—	—	5	31,3	2	12,5	9	56,2	7	43,8	
1900	14	4*	1	1	1	1	1	—	4	28,6	1	7,1	9	64,3	5	35,7	
1901	14	2*	2**	6	—	1	—	1	1	7,1	1	7,1	12	85,7	2	14,3	
За 3 года.	44	8***	4**	12	2	2	1	1	10	22,7	4	9,1	30	68,8	14	31,8	

Прим. къ таблицѣ. Звѣздочки показываютъ число *готовящихся* къ поступленію въ учебное заведеніе или къ спеціальному экзамену на полученіе званія учителя.

Изъ этой таблицы видно, что за три года продолжившихъ образованіе было болѣе $\frac{2}{3}$ числа окончившихъ курсъ, видно непрерывное возрастаніе стремящихся продолжить образованіе (за три года съ 56,2% до 85,7%), непрерывное пониженіе какъ поступившихъ въ конторы (съ 31,3% до 7,1%), такъ и занявшихся тотчасъ-же по окончаніи курса торговлею (съ 12,5% до 7,1%), вообще ограничившихся образованіемъ въ городскомъ училищѣ (съ 43,8% до 14,3%).

Отсутствіе въ таблицѣ графы для занявшихся ремесломъ объясняется тѣмъ, что для обученія ремеслу имѣется спеціальная низшая ремесленная школа, куда поступаютъ выбывшіе изъ 3-го и 4-го отдѣленій городского училища.

И вообще дѣти низшаго городского населенія чаще всего выходятъ изъ 3-го и 4-го отдѣленій городского училища, но не потому, что самый курсъ школы для нихъ, будто-бы, непосиленъ, какъ утверждаетъ г. Тихомировъ, но единственно въ силу тяжелыхъ экономическихъ условій жизни этого слоя населенія, во-первыхъ, ставящихъ ученика въ самыя неблагопріятныя условія для учебныхъ занятій, во-вторыхъ, часто не дающихъ возможности бѣдняку обучать своего сына въ школѣ въ теченіе такого длиннаго періода времени, какъ шесть лѣтъ, когда семьѣ нуженъ помощникъ-работникъ, когда

бѣдность не позволяетъ иногда провести мальчика даже черезъ полный четырехлѣтній курсъ низшей ремесленной школы, обучающей почти исключительно ремеслу.

Какъ изъ статистическихъ свѣдѣній г. Раменскаго, такъ и изъ только что приведенной таблицы видно также, что всѣ окончившіе курсъ въ городскихъ училищахъ легко находятъ себѣ жизненный трудъ: это все будущіе то учителя, то техники, то фельдшера, то лѣсники, то чиновники, то конторщики, то ремесленники, то сельскіе хозяева, то торговцы и въ то-же время—городскіе и земскіе гласные и должностныя лица, то, можетъ быть, врачи, агрономы, судьи, администраторы—все люди, нужные уѣзду и, какъ истинныя дѣти уѣзда, они, можетъ быть, принесутъ ему больше пользы, нежели выросшіе въ столицахъ и большихъ городскихъ центрахъ и знающіе уѣздъ лишь по наслышкѣ.

И вовсе не слѣдуетъ смущаться уѣзду, если «наиболѣе даровитый и энергичный» ученикъ городского училища, пожелавшій продолжать свое образованіе въ средней школѣ, не сынъ дворянина, чиновника или купца, для которыхъ и по словамъ г. Тихомирова городское училище является подготовительною школою, но сынъ мѣщанина или крестьянина: не только не должна считать его безполезнымъ и окончательно погибшимъ для себя взростившая его среда и семья, но если школа съ честью выполнила свою прямую задачу—воспитала въ своемъ питомцѣ хорошаго семьянина, хорошаго члена общества, то чѣмъ даровитѣе, развитѣе, энергичнѣе и чѣмъ бѣльшими познаніями обладаетъ онъ, тѣмъ лучше и вѣрнѣе опредѣлить онъ нужды взростившей его среды и тѣмъ бѣльшую пользу принесетъ ей.

И въ интересахъ уѣзда—не только не понижать уровня общаго умственнаго и нравственнаго развитія прошедшихъ полный курсъ городского училища, но для желающихъ продолжать свое образованіе нужно сдѣлать вполне свободнымъ и легкимъ поступленіе въ средніе классы средней школы путемъ введенія въ городское училище преподаванія, хотя-бы не обязательнаго для всѣхъ, новыхъ языковъ и алгебры въ объемѣ 4-хъ классовъ средней школы.

Не бѣда также, если окончившій курсъ городского училища 16—17-лѣтній юноша будетъ знать «по нѣкоторымъ предметамъ много лишняго, чего не требуется отъ поступающихъ» не только «въ младшіе классы того или другого училища», какъ думаетъ г. Тихомировъ, но и отъ поступающихъ въ средніе классы средней школы: такой ученикъ является тѣмъ болѣе желательнымъ элементомъ въ средней школѣ.

При этомъ надо замѣтить, что изъ городского училища пойдетъ

въ среднюю школу лишь *цѣтъ* уѣзднаго юношества, «наиболѣе даровитые и энергичные» ученики; вся-же «посредственность и бездарность», которая теперь иногда попадаетъ прямо въ среднюю школу и выбываетъ изъ послѣдней, за неуспѣшностью, до окончанія курса, класса изъ IV-го, V-го, тогда, пройдя черезъ полный курсъ городского училища и опредѣлившись вполнѣ, уже не пойдетъ продолжать образованіе въ средней школѣ, избравъ для себя болѣе подходящую дорогу. Такимъ образомъ, средняя школа, освободившись отъ многихъ учащихся, переполняющихъ ея младшіе классы, приняла-бы въ средніе классы учениковъ съ испытанными способностями и съ серьезнымъ стремленіемъ къ продолженію образованія.

Нечего опасаться также средней школѣ, если поступившій въ нее «даровитый и энергичный» или «средній» ученикъ городского училища имѣетъ такое «біологическое прошлое и соціологическое настоящее», которое г. Тихомировъ характеризуетъ словами: «вышелъ изъ среды тѣмной, родился отъ темныхъ родителей»: онъ можетъ оказаться дѣльнѣе и развитѣе, нежели многіе ученики, вышедшіе «изъ интеллигентной среды» и имѣющіе «интеллигентныхъ родителей, дѣдовъ и прадѣдовъ». Въ подтвержденіе этого примѣровъ въ жизни имѣется достаточно, да и въ городскомъ училищѣ наиболѣе серьезнымъ, дѣятельнымъ и вообще желательнымъ элементомъ являются крестьянскія дѣти изъ сельской народной школы.

Съ другой стороны, чтобы у ученика городского училища, вышедшаго изъ «темной среды» и родившагося «отъ темныхъ родителей», не могло возникнуть самаго стремленія къ продолженію образованія въ средней и высшей школѣ, недостаточно все время занимать его теоретически и практически «промышленными нуждами практической жизни низшаго городского населенія», какъ предлагаетъ г. Тихомировъ.

V.

Г. Тихомировъ недоволенъ, что «канцеляріи и другія присутственныя мѣста» заполняются «лицами съ образовательнымъ цензомъ городского училища». Причина недовольства не только та, что штатъ «служилыхъ людей» пополняется, между прочимъ, и изъ среды низшаго городского населенія—ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, но и та, что г. Тихомировъ, вслѣдъ за г. Сердюковымъ *), считаетъ нынѣшній курсъ городскихъ училищъ не выше курса начальной школы: по его мнѣнію, городская высшая школа, будто-бы, «все время озабочена только тѣмъ, чтобы научить чи-

*) «Русская Школа» за 1901 г., № 3.

тать, писать, считать» ¹⁾. Это несколько однако не мѣшаетъ г. Тихомирову желать «упростить и сократить нынѣшній курсъ городскихъ училищъ» ²⁾, что «имѣеть за себя» и то еще «соображеніе», что «курсъ этотъ не посиленъ для средняго ученика» ³⁾. Но что-же именно сократить: чтеніе, письмо или счетъ?

Но въ дѣйствительности городское училище «занято» не «только тѣмъ, чтобы научить читать, писать и считать». Г-ну Тихомирову также извѣстно, что «предметы, входящіе обычно въ составъ общеобразовательныхъ теоретическихъ курсовъ (Законъ Божій, отечественный языкъ, математика, исторія, географія, естествовѣдѣніе), имѣютъ въ виду развить въ учащихся, по возможности, правильный взглядъ на окружающую среду и отношенія къ ней, т. е. на общество и природу» ⁴⁾.

Остается теперь г. Тихомирову утверждать, что «учебный курсъ ихъ (т. е. нынѣшнихъ городскихъ училищъ) преодоливаетъ сравнительно небольшой процентъ учащихся, слѣдовательно курсъ этотъ не посиленъ для средняго ученика» ⁵⁾.

Причину этого г. Тихомировъ видитъ въ томъ, что «средній ученикъ городского училища» и «средній ученикъ, напр., гимназіи или реального училища» — «величины далеко не эквивалентныя: одинъ вышелъ изъ интеллигентной среды и имѣеть интеллигентныхъ»... ⁶⁾ и т. д. Словомъ, размѣръ умственныхъ способностей того и другого г. Тихомировъ точно опредѣляетъ «біологическимъ прошлымъ и социологическимъ настоящимъ» среды каждаго изъ нихъ, забывая, что какъ гимназіи и реальные училища, такъ и городскія училища предназначены для дѣтей «всѣхъ сословій и состояній», что тамъ и здѣсь есть представители того и другого состоянія людей, при чемъ далеко не всегда сынъ «интеллигентныхъ родителей» обладаетъ лучшими умственными способностями, чѣмъ сынъ мѣщанина или крестьянина.

Что не всѣ поступающіе въ городское училище кончаютъ курсъ его, это несомнѣнно, но причина выхода учениковъ до окончанія курса заключается не въ недоступности послѣдняго для средняго ученика, а, какъ уже сказано, во-первыхъ, въ несоотвѣтствіи курса городского училища курсу среднихъ школъ, во-вторыхъ, въ неблагоприятныхъ экономическихъ условіяхъ жизни бѣднѣйшей части на-

¹⁾ «Русская Школа», за 1901 г., № 4, стр. 137. Курсивъ нашъ.

²⁾ Тамъ-же, №№ 5 и 6, стр. 167. Курсивъ нашъ.

³⁾ Тамъ-же, №№ 5 и 6, стр. 168. Курсивъ нашъ.

⁴⁾ Тамъ-же, № 4, стр. 142.

⁵⁾ Тамъ-же, № 5 и 6, стр. 168.

⁶⁾ Тамъ-же, №№ 5 и 6, стр. 168.

селенія уѣзда; сюда-же должно присоединить также неблагопріятныя условія преподаванія въ городскомъ училищѣ, о чемъ скажемъ ниже. Поэтому, напрасно г. Тихомировъ всѣхъ «недоучекъ» городского училища называетъ «посредственностью» и «бездарностью».

Г. Тихомировъ далѣе говоритъ что «не только въ уѣздныхъ, но и въ губернскихъ казенныхъ учрежденіяхъ многія, даже отвѣтственныя и важныя должности, требующія широкаго образованія, занимаются людьми съ низшимъ образованіемъ, преимущественно прошедшими курсъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ, а то и прямо недоучками, образовательный цензъ которыхъ отмѣченъ дзусмысленной фразой: обучался NN въ городскомъ (или уѣздномъ) училищѣ» *). «Послѣдствіемъ этого,—добавляетъ г. Тихомировъ,—бываетъ то, что живое и отвѣтственное административное дѣло превращается въ узкій, мертвящій канцеляризмъ, плодящій только однѣ «входящія» и «исходящія».

Намъ непонятно, кого-же собственно винить здѣсь г. Тихомировъ: тѣхъ-ли людей, которые имѣютъ странное мнѣніе, что «нельзя-же все время держать ихъ (т.-е. лицъ съ образовательнымъ цензомъ городского училища и недоучекъ) на этихъ низшихъ, плохо обеспеченныхъ должностяхъ» **), городское ли училище за то, что оно плохо выполнило свои прямыя задачи, какъ школа общеобразовательная? И не слѣдуетъ-ли отсюда сдѣлать выводовъ, что, во-первыхъ, для «уѣздныхъ и губернскихъ казенныхъ учреждений», должно быть, *нужны* и дѣти уѣзда, хотя-бы съ образовательнымъ цензомъ городского училища или даже недоучки, во-вторыхъ, что не только *нельзя* принижать и сокращать курсъ общеобразовательныхъ предметовъ городского училища, но *нельзя* не установить непосредственной связи его съ курсомъ среднихъ классовъ средней школы, чтобы окончившій курсъ городского училища сынъ уѣзда, прежде поступленія на какую-нибудь «отвѣтственную и важную» правительственную должность, могъ получить дальнѣйшее «широкое образованіе»?..

Но, обратившись въ полусреднее учебное заведеніе, городское училище вмѣстѣ съ тѣмъ *можетъ* и *должно* быть, какъ есть и теперь, школою съ *законченнымъ* курсомъ, подобно отчасти тому, какъ женская прогимназія, имѣя непосредственную связь съ гимназіей, есть въ то-же время школа съ законченнымъ курсомъ, какъ мужская гимназія, давая вполнѣ законченное среднее образованіе, въ то-же время готовить своихъ питомцевъ къ поступленію въ университетъ.

И. Богомоловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) «Русская Школа», 1901 г., № 4, стр. 135—136.

**) Тамъ-же, № 4, стр. 135.

Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію въ 1901 г.

Харьковское и курское губернскія земства.—Уѣзды Суджанскій и Старооскольскій.

1901-й годъ является во многихъ отношеніяхъ выдающимся для земства. Именно въ этомъ году, по нашему мнѣнію, въ значительной степени выяснилось вліяніе Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 12-го іюня 1890 года. Какъ это видно на примѣрахъ земствъ харьковскаго, таврическаго, екатеринославскаго, земскія управы все больше и больше превращаются въ учрежденія бюрократическія, вслѣдствіе чего, во-первыхъ, многіе земцы все чаще и чаще отзываются отъ баллотировки въ предсѣдатели и члены управъ, и, во-вторыхъ, земскимъ собраніямъ приходится уже самимъ являться и инициаторами, и исполнителями въ вопросахъ прогрессивнаго характера и нерѣдко даже вступать въ борьбу со своими управами, какъ это было, напр., въ земствѣ таврическомъ. Но достойно вниманія, что всѣ эти тяжелыя условія, пока что, вовсе не отражаются на дѣлѣ народнаго образованія, которое, повидимому, получило уже всѣ права гражданства и завоевало постоянное большинство, каковъ-бы ни былъ составъ земскихъ собраній. Прекраснымъ образчикомъ этого знаменательнаго явленія можетъ служить *харьковское* земство. Какъ извѣстно, въ 1898 году, по инициативѣ губернскаго гласнаго Н. Н. Ковалевскаго, харьковское губернское собраніе, послѣ необычайно горячихъ дебатовъ, постановило ежегодно ассигновывать на дѣло начальнаго народнаго образованія 200.000 руб. Затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ постановленіе это не приводилось въ исполненіе вслѣдствіе протестовъ со стороны администраціи, съ которыми согласился и Сенатъ. Въ этотъ періодъ иные изъ среды того-же земства употребляли всѣ усилія, чтобы тѣмъ или инымъ путемъ уничтожить названную ассигновку. Но сдѣлать этого не удалось, и въ 1901 году громадныя ассигновки на дѣло начальнаго народнаго образованія прошли почти безъ преній. Такъ, въ 1900 году, благодаря неиспользованнымъ ассигновкамъ 1898 и 1899 го-

довъ, уѣзды удовлетворены были суммою въ 461.637 руб., а именно: на постройку школъ—422.398 руб., на ихъ обзаведеніе—22.979 руб. и на содержаніе—16.259 руб. И это постановленіе, повторяемъ, сопровождалось бурными преніями и многими препятствіями для его осуществленія. Въ обозрѣваемомъ же году уѣзды уже затребовали 656.607 руб., изъ которыхъ 595.452 руб. на постройку школъ, 24.395 руб. на ихъ обзаведеніе и 35.760 руб. на содержаніе. Собраніе, согласно доклада школьной комиссіи, безъ преній удовлетворило требованіе въ суммѣ 470.604 руб. и, независимо отъ этого, постановило ходатайствовать о разрѣшеніи кредита изъ страхового капитала 50.000 руб. для выдачи сельскимъ обществамъ подъ гарантіи уѣздныхъ земствъ безпроцентныхъ ссудъ на постройку школьныхъ зданій. Кромѣ того, по предложенію гласнаго Н. Н. Ковалевскаго, постановлено ходатайствовать передъ правительствомъ объ ежегодномъ пособіи земству на школьное строительство въ размѣрѣ 200.000 руб.

Выражая полное сочувствіе земству за столь щедрыя жертвы на нужды начальнаго народнаго образованія, нельзя не выразить сожалѣнія, что все-же не замѣчается *правильной системы* къ достиженію всеобщаго обученія. Между прочимъ, не производится текущей статистики школьнаго дѣла, какъ это дѣлаетъ, напр., сосѣднее курское земство, а безъ такихъ правильныхъ ежегодныхъ изслѣдованій, по нашему мнѣнію, трудно достигнуть благоприятныхъ результатовъ. Вѣдь земство должно ежегодно видѣть, какіе районы, намѣченные въ основномъ изслѣдованіи, заполнены, какіе нѣтъ; гдѣ чувствуется наибольшая потребность въ школьномъ строительствѣ и т. п. Положимъ, губернское собраніе въ 1900 г. постановило учредить особый столъ по народному образованію, ассигновало сумму на періодическое изслѣдованіе, но управа почему-то ничего не сдѣлала, и, на нашъ взглядъ, дѣло ревизіонной комиссіи обратить на это серьезное вниманіе, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, громадныя ассигновки харьковскаго губ. земства на начальное народное образованіе могутъ быть использованы далеко не такъ успѣшно, какъ это желательно. И сейчасъ уже мы видимъ, что харьковское губ. земство, идя въ первыхъ рядахъ *по затрачиваемымъ на нар. образованіе суммамъ*, далеко не занимаетъ такого положенія *по постановкѣ школьнаго дѣла*, много уступая тому-же своему сосѣду земству курскому, которое ассигнуетъ несравненно меньше средствъ.

Въ 1901 году, впрочемъ, харьковскимъ губ. земствомъ было обращено надлежащее вниманіе на самую существенную сторону школьнаго дѣла—на подъемъ уровня народныхъ учителей, составляющихъ, конечно, душу школы. Когда, два года назадъ, собраніе сдѣлало по-

становленіе объ устройствѣ педагогическихъ курсовъ ежегодно въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ, куда должны съѣзжаться отъ 150-ти до 170-ти учащихъ опредѣленнаго района, многіе основательно усматривали въ этомъ постановленіи большой ущербъ для курсовъ, потому что, происходя въ захолустныхъ уѣздахъ, они теряютъ общеобразовательный характеръ. Взглядъ этотъ раздѣлила теперь и школьная коммиссія, предложившая собранію въ текущемъ 1902 году устроить курсы въ Харьковѣ, увеличивъ число учителей и учительницъ земскихъ школъ до 250-ти. При этомъ коммиссія высказала пожеланіе, чтобы курсы приурочены были ко времени открытія археологическаго съѣзда, при которомъ будутъ устроены этнографическая и археологическая выставки, добавивъ, что получено уже согласіе коммисіи по устройству съѣзда прочесть рядъ популярныхъ лекцій курсистамъ. Именно согласіе изъявили мѣстные профессора: Багалъй, Красновъ, Покровскій, Сумцовъ. Въ качествѣ руководителя курсовъ приглашенъ г. Вахтеровъ. Смета земствомъ утверждена въ размѣрѣ 12.800 руб., а именно: 1) суточныхъ 250-ти слушателямъ, по 1 руб. за 30 дней—7.500 руб.; 2) вознагражденіе руководителямъ и наблюдателю—2.300 руб.; 3) на прокатъ 200 кроватей и матрацовъ 1.000 руб. и 4) разные расходы—2.000 руб.

Нужно-ли говорить, что устройство педагогическихъ курсовъ въ университетскомъ культурномъ городѣ будетъ имѣть громадное вліяніе на расширеніе кругозора народныхъ учителей, а это, конечно, благотворно отразится и на земской школѣ. Поэтому нельзя не выразить пожеланія, чтобы такіе курсы ежегодно происходили въ Харьковѣ и чтобы, поочередно, всѣ учителя перебивали на нихъ включая и тѣхъ, которые въ текущемъ году были на курсахъ въ Сумахъ и Славянскѣ.

Однако забота о культурѣ учителей не только не исключаетъ необходимости заботы объ увеличеніи матеріальнаго ихъ благосостоянія, но усугубляетъ ее, потому что культура, повышая потребности, безъ удовлетворенія ихъ, можетъ усилить и такъ уже проявляющееся бѣгство учителей изъ темныхъ деревень нашихъ. А между тѣмъ харьковское губ. земство какъ-то обходитъ этотъ первостепенной важности вопросъ, отъ того или иного рѣшенія котораго несомнѣнно зависитъ будущность народной школы, какъ это давно уже сознано многими земствами.

Мы сдѣлали-бы большой пробѣлъ, если-бы не упомянули объ одной чертѣ харьковскаго губ. земства, которая заслуживаетъ глубокаго сочувствія и затеняетъ собою нѣкоторыя вышеупомянутые недостатки харьковскаго губ. земства. Эта черта—необыкновенно внимательное и чрезвычайно сочувственное отношеніе къ общественной

самодѣятельности. Кому неизвѣстно о существованіи въ Харьковѣ Общества распространенія въ народѣ грамотности. И вотъ развитіе этого Общества значительно обязано харьковскому губ. земству, причемъ,—что особенно важно,—земство, приходя на помощь Обществу, видитъ въ этомъ не филантропію, а одну изъ своихъ прямыхъ обязанностей, основательно видя въ представителяхъ Общества своихъ помощниковъ, преслѣдующихъ одни и тѣ-же задачи. Этотъ взглядъ особенно хорошо выраженъ въ докладѣ школьной комиссіи 1901 года и мы считаемъ необходимымъ сдѣлать изъ него большую выдержку:

«Оставляя въ сторонѣ оцѣнку значенія того, что сдѣлало и дѣлаетъ Общество грамотности въ направленіи народнаго просвѣщенія и возбужденія интереса къ нему въ мѣстномъ населеніи,—между прочимъ, говорится въ докладѣ,—нельзя не обратить вниманія на ту почти-что чисто матеріальную пользу, которую извлекаютъ земства Харьковской губерніи отъ установившихся отношеній съ этимъ просвѣтительнымъ Обществомъ. Организація народныхъ чтеній, хлопоты по разрѣшеніямъ на открытіе библіотекъ-читаленъ и устройство ихъ, дѣятельность по изданію для народа доступныхъ и полезныхъ книгъ, вытѣсняющая мало-по-малу лубочную литературу, наконецъ, дѣятельность справочно-педагогическаго бюро, въ самое короткое время успѣвающаго заинтересованному лицу или учрежденію дать всѣ необходимыя свѣдѣнія по данному вопросу,—все это требуетъ громаднаго запаса знаній, умѣній, опыта и, самое главное, интереса и любви къ дѣлу, и всѣмъ этимъ харьковское земство пользуется почти-что даромъ. Въ интересующихъ насъ комитетахъ врядъ-ли наберется пять человѣкъ платныхъ служащихъ, нанимаемыхъ только для черной исполнительн. работы, общее жалованье которымъ не достигаетъ и 1.500 руб., а между тѣмъ дѣло дѣлается большое, хлопотливое. Оцѣнивая только количественную сторону того, что дѣлаютъ для земства субсидируемые комитеты, нельзя не придти къ заключенію, что если-бы ту-же работу пришлось дѣлать намъ самимъ, мы должны были-бы затрачивать впятеро большія средства и врядъ-ли достигали-бы тѣхъ-же результатовъ.

«Между тѣмъ дѣятельность Общества далеко не ограничивается предѣлами нашей губерніи, въ особенности это можно сказать про издательскій комитетъ и комитетъ по устройству сельскихъ библіотекъ-читаленъ. Отдаленнѣйшіе уголки нашего отечества, не исключая Сибири, входятъ въ сношенія съ ними и въ той или иной формѣ получаютъ удовлетвореніе своимъ запросамъ. При обратномъ капиталѣ въ четыре—пять тысячъ комитетъ по устройству сельскихъ библіотекъ дѣлалъ обороты до 30 тысячъ. Тотъ-же комитетъ занятъ въ настоящее время составленіемъ такъ называемаго мотивированнаго каталога для образцовыхъ библіотекъ-читаленъ на разные размѣры стоимости. Пришлось составить рецензію по тысячамъ названій книгъ, допущенныхъ Министерствомъ для народныхъ бесплатныхъ библіотекъ, и, отмѣтивъ въ нихъ разныя степени удобопонятности, содержательности и художественности исполненія, выбрать изъ нихъ сотни для составленія образцовыхъ на разныя цѣны библіотекъ. Несомнѣнно, эта работа будетъ имѣть значеніе не только для Харьковской губ. Дѣятельность издательскаго комитета измѣряется уже милліонами экземпляровъ выпущенныхъ въ свѣтъ книгъ, доступныхъ по цѣнѣ для самыхъ бѣдныхъ покупателей. До какой дешевизны доведены эти изданія, можно видѣть изъ того,

что томъ обыкновеннаго формата (8 часть листа) въ 500 стр. выпускается въ свѣтъ за 40 коп., въ 200 стр. за 14 коп.

«Изъ этого ясно, что дѣятельность Харьковскаго Общества грамотности имѣетъ крупное значеніе не для одной нашей губерніи. Средства, получаемыя отъ губернскаго земства, тратятся почти исключительно для Харьковской губ. Напримѣръ, комитетъ по устройству библиотекъ-читаленъ, какъ то каждый можетъ видѣть изъ его отчетовъ, цѣликомъ, а иногда и съ излишкомъ возвращаетъ населенію въ видѣ книгъ съ большой скидкой съ ихъ стоимости то, что получаетъ изъ кассы губернскаго земства въ видѣ денегъ.

«Издательскій комитетъ ежегодно приноситъ въ даръ земствамъ Харьковской губерніи тысячи экземпляровъ своихъ изданій для даровой раздачи народу или для школьныхъ и иныхъ библиотекъ. Нужно адѣсь отмѣтить, что многія губернскія и уѣздныя земства начали уже приходить къ сознанію необходимости собственной издательской дѣятельности для борьбы съ лубочной литературой. Мы можемъ указать на постоянную организацію народныхъ изданій вятскаго земства и на цѣлый рядъ случайныхъ изданій московскаго, полтавскаго, курскаго, саратовскаго и другихъ какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ земствъ. Такимъ образомъ, дѣятельность и этого комитета не выходитъ изъ предѣловъ земскихъ задачъ.

«Комитетъ по устройству народныхъ чтеній, завязывая сношенія по выпискѣ волшебныхъ фонарей съ лучшими заграничными фирмами, значительно удешевляетъ стоимость ихъ для сельскихъ аудиторій, но, кромѣ того, являясь центральнымъ складомъ свѣтовыхъ картинъ, этотъ комитетъ даетъ возможность разнообразить въ сельскихъ аудиторіяхъ чтенія, не вызывая никакихъ расходовъ на мѣстахъ. Наконецъ, справочно-педагогическій комитетъ въ теченіе незначительнаго времени своего существованія (годъ съ небольшимъ), пользуясь ничтожной субсидіей губернскаго земства въ 250 руб., успѣлъ составить библиотеку въ 2.000 томовъ, безъ посредства которой врядъ-ли возможно будетъ обходиться каждому заинтересовавшемуся тѣмъ или другимъ вопросомъ народнаго образованія.

«Такимъ образомъ, возвращая все, что беретъ, Общество грамотности, сверхъ того, повторяемъ, даетъ Харьковской губерніи массу знаній, труда, силъ, которые не подлежатъ учету, но которые ставятъ харьковское земство въ исключительно благоприятныя условія для развитія народопросвѣтительской дѣятельности.

«Давая возможность осуществлять стремленія наиболѣе безкорыстныя, мы даемъ исходъ почти непочатому источнику силъ мѣстнаго Общества, которыя иначе, можетъ быть, безслѣдно терялись-бы для нашего цѣла. Этотъ союзъ для обѣихъ сторонъ выгоденъ: мы расширяемъ кругъ лицъ, работающихъ въ одномъ съ нами направленіи, Общество-же грамотности пріобрѣтаетъ нравственную и матеріальную поддержку огромнаго значенія.

«Въ настоящее время, благодаря энергіи нѣкоторыхъ членовъ Общества, начато новое крупное дѣло—постройка Народнаго Дома и, судя по прежнимъ примѣрамъ, нужно думать, что оно еще болѣе оживитъ дѣятельность Общества въ томъ-же желательномъ для насъ направленіи. Мы имѣемъ въ виду примѣръ первой Харьковской народной читальни, устроенной Обществомъ грамотности. На второй-же годъ дѣятельности комитета этой читальни изъ него выдѣлился комитетъ по устройству сельскихъ библиотекъ-читаленъ. Нужно имѣть въ виду, что ни первый, ни второй комитеты не обезсилили отъ этой дифференціаціи: съ тѣхъ поръ въ Харьковѣ еще организовались три крупныхъ читальни, а число

членовъ комитета сельскихъ библиотекъ увеличилось въ десять разъ. Можно съ увѣренностью сказать, что Народный Домъ въ Харьковѣ будетъ имѣть значеніе для всей губерніи. Здѣсь будутъ впервые въ большомъ масштабѣ опробоваться всѣ новые способы привлеченія народа къ умственной жизни и пробужденія въ немъ потребности къ просвѣщенію. Возлѣ него будутъ организоваться и въ немъ найдутъ точку приложенія всѣ силы мѣстнаго Общества, которыя будутъ искать новыхъ путей въ обширной сферѣ внѣ школьнаго образованія. Такіе отдѣлы, какъ бюро юридической помощи и т. п. будутъ привлекать къ нему прѣвѣжающихъ въ Харьковѣ крестьянъ для цѣлей чисто утилитарныхъ и такимъ образомъ будетъ создаваться популярность его среди деревенскаго люда. Образовательные музеи, какъ то уже не разъ проектировали въ Обществѣ грамотности, должны быть подвижными и, слѣдовательно, станутъ доступными всему населенію губ. Съ точностью опредѣлять всѣ пути, которыя будутъ проложены къ Народному Дому населеніемъ и отъ Народнаго Дома въ деревню просвѣтительными стремленіями Общества грамотности, конечно, пока невозможно, но несомнѣнно, что значеніе Народнаго Дома для губерніи будетъ расти по мѣрѣ развитія дѣятельности Харьковскаго Общества грамотности.

«Пользуясь въ такой мѣрѣ трудами Общества, харьковское губернское земство обязано не отказать Обществу въ поддержкѣ новымъ начинаніямъ, такъ совпадающимъ съ цѣлями самого земства».

Эта точка зрѣнія на Общество грамотности была принята собраніемъ, которое ассигновало на его нужды 19.950 руб., а именно: 11.500 руб. комитету сельскихъ библиотекъ, 1.800 руб. издательскому комитету, 1.400 руб. комиссіи народныхъ чтеній, 250 руб. справочно-педагогическому комитету и 5.000 руб. на окончаніе Народнаго Дома *).

Отъ харьковскаго перейдемъ къ земству *курскому*, на которое намъ приходилось сослаться выше и которое вотъ уже нѣсколько лѣтъ является въ нашихъ обзорахъ въ качествѣ одного изъ самыхъ передовыхъ земствъ въ дѣлѣ начального народнаго образованія. И въ 1901 году земство это не только не понизило своей энергіи, а, по

*) Здѣсь къ слову считаемъ безвѣзъинтереснымъ сообщить и нѣкоторыя свѣдѣнія о Народномъ Домѣ Харьковскаго Общества грамотности. Послѣднее въ прошломъ году, при нѣкоторомъ пособіи со стороны Попечительства о народныхъ чайныхъ, приступило къ постройкѣ названнаго Дома. Въ настоящее время чернѣ зданіе уже готово, причѣмъ произведена и часть внутренней отдѣлки. Общая стоимость Дома вычислена въ 120.000 руб., изъ которыхъ до сихъ поръ израсходовано 78.000 руб., а именно 30.000 руб. ассигновано правительствомъ, 27.000 руб.—Комитетомъ о народной трезвости и 21.000 руб. пожертвованныхъ. Чтобы закончить Домъ, Общество заложило его и испросило одновременно пособіе отъ земства въ 5.000 руб. Городъ, помимо бесплатной уступки земли будетъ ежегодно выдавать по 2.000 рублей. Открытіе Дома предполагается 19-го февраля 1902 г., причѣмъ въ немъ будутъ: публичныя народныя чтенія, народный театр, народныя хоры и оркестры, читальни-библиотеки, чайныя, научныя курсы для рабочихъ, образовательные музеи. Кромѣ того, при Домѣ предполагается организація юридической помощи, устройство справочнаго бюро по ремесленно-техническимъ вопросамъ и т. п.

обыкновенію, проявило и вѣчто новое, чего не замѣчается въ дѣятельности другихъ земствъ. Одною изъ существенныхъ причинъ работоспособности курскаго земства и необыкновенному умѣнью утилизировать съ громадною пользою небольшія средства, ассигнуемыя на народное образованіе, это, помимо сочувственнаго отношенія земства, специализація школьнаго дѣла, если можно такъ выразиться, выдѣленіе его въ особую отрасль земской работы. Съ этою цѣлью губернское земство организовало прекрасную школьную комиссію, въ составъ которой входятъ лучшія земскія силы, а председателемъ уже много лѣтъ безсмѣнно состоитъ выдающійся поборникъ народнаго образованія, кн. П. Д. Долгорукій. Но особенно важно то, что комиссія широко пользуется силами того «третьяго элемента», который въ другихъ земствахъ только лишь терпится. И это послѣднее обстоятельство даетъ громадную силу курскому земству, что можно видѣть изъ трудовъ комиссіи, множества докладовъ, плановъ, проектовъ, вырабатываемыхъ ею, не говоря уже о текущей школьной статистикѣ, правильно выпускающей ежегодный обзоръ состоянія школьнаго дѣла въ Курской губерніи.

То «новое», о чемъ мы выше упомянули, есть инициатива школьной комиссіи, къ каковой, по обыкновенію, сочувственно отнеслось губернское земское собраніе. Заключается-же оно въ поѣздкѣ земскихъ учителей и учительницъ, въ количествѣ 120 человѣкъ, для осмотра Москвы. Осмотръ этотъ производился съ 28-го декабря 1901 г. по 7-е января текущаго года и, конечно, далъ благотворный толчокъ учительской мысли, обогатилъ ихъ умъ, повысилъ знаніе, такъ какъ это былъ не простой осмотръ города, а ознакомленіе съ культурою столицы въ широкомъ смыслѣ этого слова. Пользу такихъ поѣздокъ врядъ-ли нужно доказывать, и можно лишь пожелать, чтобы и другія земства послѣдовали примѣру курскаго. Чтобы не возвращаться болѣе къ Курской губерніи, сообщимъ здѣсь два небезынтересныхъ извѣстія изъ городовъ Суджи и Старога Оскола.

Въ *Суджѣ* въ 1901 г. произошло открытіе *четырёхклассной торговой школы*, учрежденной на совмѣстныя средства уѣзднаго земства и города при субсидіи Министерства Финансовъ. Событіе это для суджанскихъ жителей представляетъ большую важность, такъ какъ давно уже ощущалась настоятельная потребность въ учебномъ заведеніи для мальчиковъ (для дѣвочекъ имѣется гимназія). Нельзя не отмѣтить громаднаго наплыва желающихъ поступить въ школу, заставившаго попечительный Совѣтъ сразу-же открыть параллельныя отдѣленія приготовительнаго и перваго классовъ. Всѣхъ прошеній о принятіи въ школу было подано до 300; принято только

170 человекъ. Во время торжествъ инспекторъ школы г. Любченко произнесъ рѣчь. Въ виду того интереса, который представляетъ отличительная отъ другихъ учебныхъ заведеній постановка дѣла въ открываемой школѣ, считаемъ не безполезнымъ привести здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ рѣчи г. Любченка, гдѣ онъ характеризуетъ программу занятій и общую постановку дѣла. Всѣми дѣлами школы завѣдуетъ попечительный Совѣтъ, который избирается земствомъ и городомъ. Такимъ образомъ само общество черезъ своихъ избранниковъ является полнѣйшимъ хозяиномъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе и обученіе дѣтей. Попечительный Совѣтъ избираетъ инспектора школы, которому и ввѣряется вся школа. Въ свою уже очередь инспекторъ избираетъ извѣстныхъ ему преподавателей школы, ибо онъ несетъ отвѣтственность передъ избравшими его и передъ Министертвомъ Финансовъ за успѣхи преподаванія.

«Такимъ образомъ, въ основѣ торговой школы лежитъ избирательное начало, гарантирующее ей успѣхъ и процвѣтаніе. Въ нашей школѣ будутъ преподаваться: Законъ Божій, языки—русскій, нѣмецкій и французскій, математика, исторія, географія, естественная исторія, физика, химія, графическія искусства, бухгалтерія, коммерческая ариѳметика, коммерческая географія, преимущественно Россіи, товаровѣдніе, коммерческая корреспонденція и коммерція въ связи со свѣдѣніями по торговому и промышленному законодательству. Планы и программы составляются педагогическимъ комитетомъ самой школы. Отношенія между преподавателями и учениками будутъ носить чисто семейный, сердечный характеръ. Отминокъ не будетъ, ибо онъ чрезвычайно субъективенъ. Въ школѣ не будетъ переводныхъ испытаній, не будетъ и награды. Школа будетъ заботиться и о физическомъ воспитаніи своихъ учениковъ: будутъ устраиваться игры, концерты, экскурсіи и тому подобныя развлеченія. При школѣ будетъ организованъ врачебный надзоръ, и голосъ врача не будетъ одинокимъ. Учебныхъ пособій будетъ въ школѣ достаточно. Хорошо устроенная библиотека дастъ возможность обратить вниманіе на чтеніе учениками книгъ. Школа наша даетъ возможность окончившему ея курсъ продолжать далѣе свое образованіе въ коммерческомъ и реальномъ училищахъ. Окончившимъ курсъ школы предоставляется право на полученіе почетнаго личнаго гражданства, если прослужать пять лѣтъ въ торговыхъ или промышленныхъ учрежденіяхъ».

Мы привели это сообщеніе изъ Суджи именно для того, чтобы обратить вниманіе другихъ земствъ на типъ школы, учрежденной въ названномъ городѣ. Дѣло въ томъ, что, какъ неоднократно намъ приходилось говорить, гора подумать объ устройствѣ такихъ учебныхъ заведеній, которыя давали-бы возможность бѣднѣйшимъ классамъ населенія получать высшее, нежели начальное, образованіе и, при благоприятныхъ условіяхъ, идти далѣе. И, думается намъ, Суджанская четырехклассная торговая школа въ значительной мѣрѣ способствуетъ разрѣшенію этого вопроса.

Что касается сообщенія изъ Старога-Оскола, то оно носитъ уже иной характеръ. Именно, инспекторъ народныхъ училищъ Старо-

оскольскаго уѣзда, въ отчетѣ своемъ, заслушанномъ старооскольскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, заявилъ, что не только прежнія, старыя школы, но и «нынѣ строящіяся никуда не годны»; видѣ ихъ жалокъ, и «чувство жалости, — пишетъ онъ, — нерѣдко даже усиливалось во мнѣ именно тогда, когда на пути къ школѣ я проѣзжалъ мимо винной лавки и видѣлъ, какъ эти счастливицы хозяйвато и даже щеголевато выстроены и оборудованы, видно о нихъ заботится не мачиха, а родная мать».

Внутри школы еще хуже: грязь, пыль, смрадъ. Входя въ школу, инспекторъ не могъ различить, гдѣ находится учитель и гдѣ ученики. Въ отношеніи преподаванія: по Закону Божію преобладаетъ зубреніе, исключая трехъ школъ, по русскому языку преслѣдуется простой механизмъ чтенія, по ариметикѣ тоже плохо; не обращается должнаго вниманія и на каллиграфію письма. Инспекторъ не хочетъ считаться и съ нѣкоторыми бытовыми условіями, заставляющими учителей начинать занятія въ школѣ позже и раньше оканчивать, чѣмъ въ школахъ министерскихъ и городскихъ. «Большинство мальчиковъ не доросли до того, чтобы оказывать услуги въ сельскомъ хозяйствѣ, непригодны для означенной надобности и совершенно не нужны дома; кромѣ того, дѣти, безъ различія ихъ возраста, сами не вздумаютъ о томъ, что пора уже идти въ школу, да и родители-крестьяне обыкновенно вспоминаютъ объ этомъ только тогда, когда дѣти своимъ бездѣльемъ уже порядочно наскучатъ имъ дома».

Докладъ инспектора вызвалъ крайнее недоумѣніе всѣхъ гласныхъ, особенно крестьянъ. Одинъ изъ нихъ произнесъ въ защиту сельскихъ школъ рѣчь.

«Школы у насъ просторныя, свѣтлыя, чистыя, а если въ ненастное время и бываетъ грязновато, то наши дѣти галошъ вѣдь не носятъ. Учителя у насъ хорошіе, служатъ по-долгу, стараются, хлопочуть и дѣтишекъ очень многому научаютъ; мы всѣ ими довольны».

Лѣтъ пять уже существуютъ при губернской управѣ курсы для учителей и учительницъ. Иные ѣздятъ на эти курсы ежегодно, и эти поѣздки, конечно, приносятъ пользу учителямъ. Въ своихъ отчетахъ за прежніе годы инспектора отмѣчали прекрасную постановку преподаванія во многихъ школахъ, въ коихъ и понынѣ тотъ-же учительскій персоналъ. Указывались ежегодно и отрицательныя стороны школъ, къ каковымъ указаніямъ земство всегда относилось очень внимательно и, на сколько отъ него зависѣло, всегда старалось исправить эти недостатки, и въ этомъ направленіи многое сдѣлано. Многіе гласные, будучи попечителями школъ, присутствовали на экзаменахъ, слышали отвѣты учениковъ и знаютъ хорошо свои

школы. Самъ инспекторъ, вѣроятно, почувствовалъ, что слишкомъ сгустил краски и заканчиваетъ свой отчетъ такъ:

«Настоящій мой обзоръ будетъ не оконченъ, если я не скажу о томъ, что въ уѣздѣ въ дѣлѣ народнаго образованія сдѣлано свѣтлаго, добраго и симпатичнаго, если можно такъ выразиться, что составляетъ заслугу старооскольскаго земства, чѣмъ оно справедливо можетъ гордиться и чѣмъ всѣ учащіе объясняютъ мнѣ свое тяготѣніе служить въ Старооскольскомъ уѣздѣ. Заслуги составляютъ: 1) количество училищъ, которое равняется количеству училищъ 2-хъ уѣздовъ, вмѣстѣ взятыхъ; 2) достаточное и аккуратное снабженіе училищъ учебными принадлежностями; 3) исправное удовлетвореніе учащихся жалованьемъ; 4) прогрессивныя прибавки къ жалованью; 5) выдача пособій на воспитаніе дѣтей учащихся и командированіе учителей и учительницъ на педагогическіе курсы на счетъ уѣзднаго земства». Земское собраніе, «признавая, что въ представленномъ инспекторомъ отчетѣ много фактовъ, не соответствующихъ дѣйствительности, постановило просить его болѣе не представлять отчетовъ земскому собранію, а просить это дѣлать членовъ училищнаго Совѣта отъ земства, по отчету-же инспектора поручить управѣ составить письменное возраженіе по всему высказанному въ собраніи для представленія чрезъ уѣзднаго предводителя дворянства попечителю Харьковскаго учебнаго округа.

И. П. Бѣлоносскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О классной системѣ преподаванія въ начальныхъ народныхъ школахъ.

Въ числѣ причинъ, не мало препятствующихъ, по нашему мнѣнiю, успѣшному прохожденiю учебнаго курса начальныхъ народныхъ школъ, слѣдуетъ отмѣтить занятiя одного учителя съ нѣсколькими группами. Извѣстно, что большинство начальныхъ народныхъ школъ имѣютъ трехлѣтнiй курсъ обученiя, причемъ одному учителю приходится одновременно заниматься съ тремя группами (отдѣленiями, классами) дѣтей не только разнаго возраста, но и разныхъ познанiй. Эти занятiя происходятъ обыкновенно такимъ образомъ: съ одной группой дѣтей учитель занимается самъ, а двумъ даетъ такъ называемыя «самостоятельныя» работы; затѣмъ первой группѣ учитель даетъ «самостоятельную» работу, самъ-же переходитъ къ занятiямъ со второй группой, а потомъ и съ третьей, давъ и второй «самостоятельную» работу. Такимъ образомъ, если дѣти ежедневно занимаются, допустимъ, по 4 часа въ школѣ, то на занятiя учителя съ каждою группою приходится $1\frac{3}{4}$ часа, а $2\frac{2}{3}$ часа каждая группа должна заниматься «самостоятельно». Если нужно допустить, что въ теченiе года учебныхъ дней 192, тогда на одну группу въ среднемъ придется 64 дня занятiй съ учителемъ въ теченiе года, а въ три года всего лишь 192 дня. Едва-ли надо распространяться о томъ, что этого времени слишкомъ недостаточно для выполненiя двухъ основныхъ задачъ народной школы: религиозна-нравственнаго воспитанiя дѣтей и сообщенiя имъ полезныхъ свѣдѣнiй. Но и значенiе занятiй самого учителя съ дѣтьми въ теченiе означеннаго времени весьма ослабляется опять-таки такъ называемыми «самостоятельными» классными занятiями дѣтей.

Какъ извѣстно, дѣти чрезвычайно подвижны; активнаго вниманiя мало; надъ ними необходимъ постоянный контроль со стороны учителя. Между тѣмъ учитель, занимаясь съ одной группой, можетъ лишь время отъ времени *отвлекаться* отъ занятiй съ ней, чтобы останавливать шалости и призывать къ порядку дѣтей, сидящихъ въ этой-же комнатѣ, но въ другихъ группахъ. Такимъ образомъ,

сдержанный смѣхъ, возня и безпрерывный гулъ десятковъ голосовъ 8—12-ти-лѣтнихъ дѣтей, исполняющихъ «самостоятельныя» работы, являются неизбѣжнымъ зломъ при трехотдѣленной организаціи занятій. Естественно поэтому, что «самостоятельныя работы» дѣтей сильно мѣшаютъ сосредоточить свое вниманіе на урокъ не только учителю, но и тѣмъ дѣтямъ, съ которыми онѣ занимается.

Въ чемъ же состоитъ педагогическое значеніе «самостоятельныхъ» классныхъ работъ?

Во-первыхъ, эти занятія большею частью вредятъ успѣхамъ письма: дѣти, занимаясь $\frac{2}{3}$ учебного дня одни, привыкаютъ неправильно держать перо, изгибать станъ и т. д. Отъ этого страдает не только каллиграфія, но, что несравненно важнѣе, и здоровье дѣтей.

Нѣкоторые педагоги полагаютъ, что «самостоятельныя работы» помогаютъ развитію въ дѣтяхъ самодѣятельности. Нельзя не замѣтить на это, что развитіе въ дѣтяхъ самодѣятельности достигается не заучиваніемъ печатнаго текста, не списываніемъ съ книги и т. п. занятіями, а интересной для всѣхъ дѣтей работой подъ методически правильнымъ руководствомъ учителя.

Затѣмъ, весьма характерна жалоба отчетовъ училищной комиссіи Петербургской городской Думы на то, что *самостоятельныя работы*, которыми учащіеся занимаются $\frac{2}{3}$ учебного времени, «по необходимости отличаются *механическимъ характеромъ*, чуждымъ именно того, что можетъ развивать въ дѣтяхъ умственную самостоятельность». Если-же означенныя работы отличаются механическимъ характеромъ у тѣхъ петербургскихъ педагоговъ, которые назначаются въ городскія начальныя школы послѣ продолжительнаго искусства *) и получили высшее или, по крайней мѣрѣ, среднее спеціально-педагогическое образованіе (въ учительскихъ институтахъ, въ учительскихъ семинаріяхъ, на педагогическихъ курсахъ, на Высшихъ женскихъ курсахъ), то что-же надо сказать про тѣ «самостоятельныя» работы, которыя даются дѣтямъ теперешними учителями и учительницами сельскихъ начальныхъ школъ, нерѣдко закончившими свое образованіе въ духовномъ училищѣ, городскомъ училищѣ, женской прогимназіи и т. п.?

Впрочемъ, даже механическому исполненію «самостоятельныхъ работъ» не мало мѣшаетъ трехотдѣленная организація народной

*) Большинство учащихся въ этихъ школахъ до поступленія сюда давали пробныя уроки въ присутствіи училищной комиссіи Думы и экспертовъ; затѣмъ послѣ удовлетворительной защиты этихъ уроковъ зачислялись кандидатами на учительство въ городскихъ школахъ и состояли въ этомъ званіи отъ 4—6-ти лѣтъ, давая частныя уроки, или замѣняя въ городскихъ школахъ штатныхъ учащихся, въ случаѣ болѣзни послѣднихъ.

школы, такъ какъ работы эти исполняются во время класснаго шума и объясненій въ одной изъ группъ учителя; чтеніе послѣднимъ интересной статьи, показываніе картинки, занимательный разсказъ и т. п.—все это нерѣдко приковываетъ къ себѣ вниманіе и тѣхъ дѣтей, которымъ даны «самостоятельныя работы».

Въ педагогической печати и на педагогическихъ съѣздахъ уже много разъ говорилось о вредѣ исполненія школьниками на дому разнаго рода уроковъ, между тѣмъ дѣти часто приносятъ въ крестьянскія избы не только устные, но и письменныя задачи, и главнымъ образомъ потому, что $\frac{2}{3}$ класснаго времени, при трехотдѣленной организаціи занятій, тратится малопродуктивно.

Каждому учителю, занимающемуся съ дѣтьми, конечно, хорошо извѣстно, какъ много вниманія и энергіи требуется отъ него для занятій съ однимъ только классомъ, тѣмъ болѣе трудъ требуется отъ учителя, занимающагося съ тремя отдѣленіями. Этому послѣднему приходится заниматься ежедневно съ тремя отдѣленіями съ 8 до 2—3 часовъ дня, да еще въ самой антигигіеничной обстановкѣ. Онъ долженъ объяснять, провѣрить часть письменныхъ работъ, поддерживать порядокъ въ той группѣ, съ которой занимается, и слѣдить въ то-же время за остальными двумя и т. д.

Полагая, что въ теченіе каждаго часового урока учитель долженъ удѣлить каждой группѣ по 20 минутъ, получимъ, что въ теченіе четырехъ часовъ онъ долженъ дать $3 \times 4 =$ всего 12 уроковъ. Понятно, что и подготовка къ урокамъ самого учителя должна отнимать у него несравненно болѣе времени, чѣмъ при занятіяхъ не съ тремя, а съ однимъ классомъ въ теченіе четырехъ часовъ. Кромѣ того, нужно провѣрить самостоятельныя работы, въ числѣ которыхъ много письменныхъ упражненій. Если эти работы дѣтей учитель будетъ оставлять безъ провѣрки, тогда въ учащихся разовьется небрежность, разсѣянность и самостоятельныя письменныя работы въ этомъ случаѣ принесутъ очевидный вредъ, ибо будутъ способствовать укорененію дурныхъ навыковъ. Гдѣ-же и когда исправлять письменныя работы? Во время перемины—невозможно, ибо послѣ напряженнаго труда въ душномъ и пыльномъ классѣ отдыхъ для учителя безусловно необходимъ; если-же всѣ работы провѣрять не въ перемины, а во время уроковъ, тогда надо тратить ежедневно не мало времени на эту провѣрку, что не можетъ не отзываться замѣтнымъ ущербомъ на учебномъ дѣлѣ. Въ виду этого провѣрка большей части письменныхъ работъ производится во внѣклассное время; говоря иначе, учитель вынужденъ работать и въ теченіе вечера, вмѣсто того, чтобы, подготовившись къ урокамъ, отдохнуть, запасться силами къ слѣдующему дню.

Удивительно-ли, что даже для большинства учительницъ въ благоустроенныхъ (сравнительно съ сельскими) петербургскихъ начальныхъ школахъ *«одновременныя занятія съ тремя отдѣленіями совершенно не по силамъ: такія занятія слишкомъ вредно отзываются на ихъ физическомъ здоровьѣ и нравственномъ состояніи духа»* *). Къ такому заключенію пришла училищная коммиссія и эксперты при Петербургской городской Думѣ послѣ многолѣтнихъ наблюденій надъ дѣломъ начального образованія въ Петербургѣ. Къ тому-же, какъ мы уже замѣтили выше, трудъ учащихъ въ этихъ школахъ въ значительной мѣрѣ облегчается ихъ специально-педагогическимъ образованіемъ.

Не удивительно, такимъ образомъ, что чахотка и неврастенія со всѣми ея печальными признаками: крайне угнетеннымъ душевнымъ состояніемъ, чрезмѣрной раздражительностью, болѣзненной подозрительностью и т. под.—обычное явленіе въ средѣ педагоговъ сельской народной школы.

Всѣ описанныя неудобства нѣсколько ослабляются двухотдѣленной организаціей занятій при одномъ учителѣ, ибо въ этомъ случаѣ самостоятельныя работы даются одному отдѣленію и слѣдить учителю надо не за тремя, а за двумя группами, да и готовится учителю надо не къ 12-ти, а къ 8-ми урокамъ. Но и при этой организаціи 1) страдаетъ школьная дисциплина; 2) на занятія самого учителя съ дѣтьми приходится также одинъ только учебный годъ въ теченіе всего курса обученія; 3) «самостоятельныя» классныя работы, со всѣми ихъ невыгодами въ педагогическомъ отношеніи, остаются; 4) двухлѣтнее обученіе, сравнительно съ трехлѣтнимъ, представляетъ еще менѣе возможности съ успѣхомъ выполнить программу начальной народной школы. Не даромъ даже Духовное Вѣдомство, выработавшее Положеніе о церковныхъ школахъ съ двухлѣтнимъ курсомъ обученія, все болѣе и болѣе переходитъ къ трехлѣтнему курсу обученія.

Вышеозначенныя неудобства исчезаютъ при классной системѣ преподаванія: въ одномъ (а въ исключительныхъ случаяхъ и въ нѣсколькихъ) зданіи помѣщаются три класса (1, 2 и 3) съ 3 учителями. Эти учителя вмѣстѣ съ законоучителемъ и попечителемъ школы могли-бы составить Совѣтъ по хозяйственнымъ и педагогическимъ дѣламъ школы. Коллегіальное обсужденіе, особенно педагогическихъ вопросовъ, безъ сомнѣнія, было-бы весьма благотворно для школы. Въ классѣ помѣщается отъ 20—50 учениковъ. Каждый

*) Петербургскія начальныя училища. Отчетъ коммиссіи по народному образованію за 1893—1894 г., стр. 186; 1895—1896 г., стр. 199.

учитель *три* года ведетъ *свой* класст, а потому лично заинтересованъ въ наиболѣе успѣшномъ состояніи учебно-воспитательнаго дѣла. При теперешней трехотдѣленной организаціи эти 60—150 учениковъ также имѣютъ троихъ учителей, но помѣщаются въ трехъ школьныхъ зданіяхъ и составляютъ 9 отдѣленій, изъ которыхъ каждое занимается съ учителемъ изъ трехъ лѣтъ пребыванія въ школѣ всего одинъ учебный годъ. Несомнѣнно также, что классная система, кромѣ весьма важнаго значенія въ педагогическомъ отношеніи, можетъ привести при соединенномъ хозяйствѣ нѣсколькихъ училищъ даже значительныя сбереженія расходовъ по отопленію, ремонту, библиотекѣ, по найму прислуги и т. п.

Полагаемъ, что въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а также посадахъ и такихъ селахъ и деревняхъ, гдѣ учащихся можетъ набраться отъ 60—150 человекъ, устройство особыхъ школьныхъ зданій съ 3-мя классами не представитъ и денежныхъ затрудненій. Но въ такихъ школахъ, въ которыхъ даже изъ всѣхъ селеній на разстояніи отъ школы трехъ верстъ обучается ежегодно не болѣе 20—50 учениковъ, содержаніе троихъ учителей обходилось-бы довольно дорого. Въ такія школы желательно было-бы назначеніе, по крайней мѣрѣ, двоихъ учителей, изъ которыхъ, по очереди, одинъ занимался-бы съ однимъ, а другой съ двумя отдѣленіями, какъ это практикуется и теперь, но лишь въ немногихъ многолюдныхъ начальныхъ школахъ. Эта мѣра не только значительно облегчила-бы трудъ учащихся въ школахъ съ тремя отдѣленіями, но и вдвое увеличила-бы число учебныхъ дней для занятій дѣтей съ учителемъ.

Такимъ образомъ, при классной системѣ преподаванія: 1) увеличится число учебныхъ дней для занятій дѣтей съ учителемъ; 2) улучшится школьная дисциплина; 3) значительно облегчится трудъ учителя и создастся для него возможность основательнѣе готовиться къ урокамъ; 4) при соединенномъ-же хозяйствѣ нѣсколькихъ училищъ получатся даже значительныя сбереженія на содержаніе школъ.

П. Голиковъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Ф. Р. Паульсенъ. Общеобразовательная школа будущаго. Перев. съ нѣмецк. подъ редакціей проф. К. А. Поссе. Спб. 1901 г., стр. 79. Ц. 40 к.

Брошюра Паульсена представляетъ въ настоящее время для насъ, русскихъ, высокій интересъ. У насъ поставленъ вопросъ о коренномъ преобразованіи средней школы. Естественно, въ виду важности вопроса, страсти разгорѣлись, возникла цѣлая литература по этому вопросу, хотя, нужно прибавить, больше газетная, т. е. легкая, наѣздническая; наряду съ поддержкой сущности намѣченнаго преобразованія встрѣчаются страстные и злобныя нападенія на него, не чужды разныхъ инсинуацій весьма неблаговиднаго свойства. По мнѣнію однихъ, классическая система отжила свое время и подлежитъ полностью сдачѣ въ педагогической архивъ; по мнѣнію другихъ, ей предстоитъ хорошая будущность, нужно только поставить ее въ надлежащія условія. Бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Д. А. Толстой ввелъ невозможную классическую систему, онъ больше повредилъ успѣхамъ истиннаго классицизма, чѣмъ самый сильный врагъ его.

Слушая всѣ эти разные толки, когда въ одно ухо трубятъ одно, а въ другое, совсѣмъ противоположное, слушатель приходитъ наконецъ въ полное отчаніе: гдѣ-же правда, съ какой стороны стоитъ она, какое ухо воспринимаетъ ее? Растерянный, совершенно сбитый съ толку, онъ безпомощно оглядывается по сторонамъ и не знаетъ, куда ему склониться. Ему можетъ казаться, что окружающіе его люди судятъ пристрастно, что они слишкомъ увлечены обсуждаемымъ вопросомъ, онъ слишкомъ близокъ спорящимъ, потому они и не сохраняютъ надлежащаго спокойствія духа. При такомъ положеніи дѣла хорошо послушать умнаго, знающаго человѣка, стоящаго въ сторонѣ отъ происходящихъ споровъ, не заинтересованнаго лично въ томъ или другомъ практическомъ ихъ окончаніи, человѣка, исполнѣ безпристрастнаго. Такимъ человѣкомъ является проф. Паульсенъ въ названной выше брошюрѣ.

Онъ знатокъ того дѣла, о которомъ говоритъ. По званію—это профессоръ философіи и педагогики въ Берлинскомъ университетѣ; по трудамъ—это авторъ обширнѣйшей и обстоятельнѣйшей «Исторіи ученаго преподаванія

въ нѣмецкихъ школахъ и университетахъ съ конца среднихъ вѣковъ и до настоящаго времени», причѣмъ особенное вниманіе обращено авторомъ на исторію классическаго обученія. Авторъ долго работалъ надъ этимъ сочиненіемъ и оно является предъ нами въ настоящее время (второе изданіе 1896—1897 гг.) въ двухъ обширныхъ томахъ, заключающихъ свыше 1.300 страницъ. По своему образованію Паульсенъ классикъ, знатокъ древнихъ языковъ и литературы. «Было время,—говоритъ онъ,—когда я ежедневно изучалъ Платона и Аристотеля, въ промежуткахъ читалъ для поэтическаго отдыха Гомера и Горация, и до сихъ поръ я дѣлаю это иногда; въ моей жизни бывали періоды, когда я съ увлеченіемъ писалъ по-латыни. И когда, 20 лѣтъ назадъ, я началъ мою педагогическую дѣятельность, я тоже шелъ сначала по проторенному пути классицизма». Паульсенъ—нѣмецкій профессоръ, т.-е. принадлежитъ таковой культурной странѣ, которая издавна высоко ставила классическую систему образованія и культурныя связи которой съ древностью несравненно большія, чѣмъ наши. Паульсенъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ его словъ, не легкомысленный юноша. Любопытно ознакомиться съ возрѣніями такого человѣка на классицизмъ и на характеръ будущей общеобразовательной школы.

Паульсенъ не противникъ классической древности, онъ очень уважаетъ и высоко цѣнитъ ея духъ и произведенія, особенно греческія, которымъ онъ много обязанъ въ дѣлѣ личнаго своего развитія. Онъ не противникъ гуманитарнаго образованія, онъ убѣжденъ, «что главною цѣлью общаго умственнаго образованія всегда было и будетъ умѣнье ориентироваться въ явленіяхъ духовно-историческаго міра и правильно ихъ оцѣнивать, и что поэтому *центръ тяжести учебнаго курса, направленнаго къ доставленію общаго образованія, долженъ лежать въ словесныхъ, историческихъ и фило-софскихъ, а не въ математическихъ и естественно-историческихъ предметахъ*» (курсивъ нашъ). Наконецъ, Паульсенъ не противникъ обученія классическимъ языкамъ; напротивъ, онъ думаетъ, что это обученіе, бывшее такъ долго основой средней школы, и нынѣ можетъ принести богатые плоды. Такъ кто-же Паульсенъ—классикъ? Нѣтъ, онъ убѣжденъ, «что дни классицизма, какъ общей основы научнаго образованія, сочтены», и что для классицизма невозможна новая эпоха возрожденія. Классическая культура съ теченіемъ времени все больше и больше будетъ отходить на задній планъ и дѣло закончится тѣмъ, что она перестанетъ быть существенною составною частью воспитанія юношества. Почему такъ? Какія могли быть тому причины?

Причины очень простыя и въ то-же время весьма рѣшительныя: нынѣ мы имѣемъ самобытную новую науку и философію и выросшую на національной почвѣ самостоятельную новую литературу и культуру; древнія философія, наука и литература, которыя преподавались въ старинныхъ средне-вѣковыхъ школахъ, а равно въ школахъ XVI и XVII столѣтій, сдѣлались

теперь историческими памятниками. Научная литература древних имѣть большую историческую цѣнность, какъ источникъ нашей философіи и науки, но важность ея изученія для современной науки совершенно ничтожна. Нынѣ имѣется цѣлый рядъ наукъ, которыхъ древніе совсѣмъ не знали: не фантастическая, а дѣйствительная и научная, космологія, физика, химія, физиологія, новая философія съ теоріей познанія, психологіей и другими науками о человѣческой душѣ. Полнѣйшее исчезновеніе древней литературы не принесло-бы никакого ущерба нашей математикѣ, нашему естествознанію, нашей государственной и соціальной наукѣ, нашей философіи и психологіи. Античная литература и наука отжили свое время, мы имѣемъ свою литературу и науку, мы свободны и самостоятельны. Зачѣмъ-же намъ изучать древніе языки?

Здѣсь выступаетъ на сцену знаменитый доводъ классиковъ, что древніе языки и литературу нужно изучать ради формальнаго и гуманистическаго развитія, сообщаемаго ими умамъ учащихся. Что касается утвержденія относительно формальнаго развитія ума, составляющаго, будто-бы, отличительную принадлежность классической системы образованія, то объ этомъ мы не будемъ распространяться: слишкомъ ясна его несостоятельность, слишкомъ непопулярны выраженія въ немъ претензіи, что, будто-бы, ни математика, ни родной и иностранные новые языки не могутъ дать въ совокупности того формальнаго развитія, какое даютъ древніе языки. О гуманистическомъ развитіи скажемъ нѣсколько словъ. Подъ нимъ разумѣется глубокое и широкое пониманіе всего человѣческаго, живое и сердечное участіе ко всѣмъ его интересамъ и, какъ этической результатъ всего этого, освобожденіе отъ всего мелочнаго, низкаго, увлеченіе великими умственными интересами, живое пониманіе правды и идеала. Чтобы признать подобное развитіе свойствомъ лишь классицизма, для этого нужно доказать: 1) что настоящая человѣчность, совершенные идеальные люди были только въ древности, а несостоятельность такого утвержденія очевидна, такъ что о немъ не стоитъ и говорить, и 2) что истинная гуманность можетъ почерпаться именно изъ изученія языковъ, а не литературы и исторіи древнихъ, потому что съ литературой и исторіей древнихъ мы можемъ ознакомиться весьма основательно и широко и помимо языковъ, по переводамъ. Предполагать-же, что гуманное развитіе связано именно съ изученіемъ языка, его словаря и грамматики, нельзя.

Вообще Паульсенъ готовъ признать, что классическая система образованія очень полезна и для формальнаго, и для гуманнаго развитія учащихся, но съ двумя ограниченіями: 1) «что классическое образованіе приноситъ свои плоды *не всегда и не неизбежно* и 2) что какъ гуманистическое, такъ и формальное развитіе могутъ быть достигнуты *не исключительно этимъ путемъ* (курсивъ автора); скажу болѣе: мы имѣемъ теперь

другія средства къ образованію,—средства, дающія часто лучшіе результаты, чѣмъ прежнія».

Итакъ, неизбѣжная судьба, предстоящая классической системѣ образованія,—терять свое значеніе, быть похороненной и замѣненной новой. «Новые языки и новыя науки нужныѣ, такъ называемаго, классическаго образованія. Нужна болѣе современная, къ духу времени приспособленная гимназія». Какова-же она будетъ или должна быть, по представленію автора?

Авторъ отвѣчаетъ на это, что онъ не имѣетъ намѣренія нарисовать учебный планъ, который можно было-бы ввести нынѣ или черезъ годъ. Въ силу учебныхъ плановъ преобразовывать школы онъ не вѣритъ. Поэтому, нечего отъ него ждать такого изображенія будущей школы, какое многіе любятъ, т.-е. съ точнымъ переименованіемъ учебныхъ предметовъ, съ распревленіемъ ихъ по классамъ и даже съ таблицей числа уроковъ; отъ автора можно ждать лишь принципиальныхъ указаній.

Сущность его взгляда на строй будущей школы уже отмѣчена выше: въ ней должны преобладать науки словесныя, историческія и философскія надъ математическими и естественными. Такой взглядъ нельзя не признать нѣсколько одностороннимъ. Общее образованіе должно заложить основы стройному міровоззрѣнію, но міровоззрѣніе значительно пострадаетъ, если математическо-естественныя науки будутъ оттѣснены на задній планъ. Человѣкъ столько-же принадлежитъ обществу, сколько и природѣ; первое вліяетъ на его складъ и развитіе не сильнѣе, чѣмъ второе. Почему-же образованіе главнымъ образомъ должно опираться на гуманистическіе предметы? Извѣстно, какой глубокой интересъ представляетъ для формирующагося ума природа, если онъ не сбить съ прямого пути усиленнымъ книжнымъ обученіемъ. Намъ кажется, что въ изложенномъ взглядѣ Паульсена слышится, можетъ быть, и невольво, голосъ бывшаго горячаго классика, который подъ напоромъ историческихъ фактовъ и доводовъ разума долженъ былъ покинуть старую педагогическую вѣру въ классицизмъ и словесность и перейти въ новую—вѣру въ силу науки, но который сносна не могъ отказаться отъ старой закваски, вполне порвать съ прежней системой и своимъ личнымъ образованіемъ. Да, классическіе языки не нужны въ новой школѣ, но словесность должна преобладать надъ точной наукой. Намъ кажется, что будущая общеобразовательная школа будетъ утверждаться не на одномъ, а на двухъ равносильныхъ китахъ: на наукахъ математико-естественныхъ и гуманитарныхъ.

Можетъ быть, разсматриваемое мнѣніе Паульсенъ мотивировалъ еще опасеніемъ наложить непосильное бремя на учащихся. По крайней мѣрѣ онъ утверждаетъ, что переутомленіе учащихся въ современной школѣ происходитъ, какъ онъ выражается, «отъ утравизма», т.-е. отъ стремленія сочетать въ одной школѣ старое классическое образованіе съ обученіемъ новымъ языкамъ и наукамъ. Отсюда-же берутъ начало и другіе недостатки совре-

менной школы, какъ-то: удлинёніе курса, перепутанность предметнаго обученія съ нынѣшней классной системой и т. п. Но не нужно забывать, что въ будущей школѣ древнихъ языковъ не будетъ, слѣдовательно, освобождется весьма много свободнаго времени, которое должно быть занято. Затѣмъ, несомнѣнно, школа, опирающаяся преимущественно на гуманитарныя науки, съ логической стороны будетъ стройнѣе, болѣе проникнута единствомъ основнаго начала, чѣмъ та, которая отдастъ должное, и, можетъ быть, равное вниманіе и наукамъ естественно-математическимъ; но несомнѣнно, съ другой стороны, что эта послѣдняя школа будетъ воспитательнѣе, будетъ сильнѣе вліять на образованіе ума учащихся, чѣмъ первая, потому что она по своему курсу будетъ разностороннѣе. А мы говоримъ объ организаціи общеобразовательной школы, а не спеціальной, и должны имѣть въ виду педагогическое единство учебнаго плана, а не чисто логическое и научное, что нерѣдко забывается.

Въ будущей школѣ родной языкъ долженъ занять весьма видное мѣсто: національные писатели и поэты, ихъ чтеніе, разборъ, письменныя упражненія лягутъ въ основу обученія. Въ національно-гуманистической школѣ видное мѣсто займетъ и философія—предметъ, который долгое время считался браеугольнымъ камнемъ общенаучнаго образованія, но который въ XIX вѣкѣ утратилъ свое значеніе въ школѣ вслѣдствіе чрезмѣрнаго расширенія учебнаго курса. Паульсенъ не считаетъ философію выше пониманія гимназистовъ старшихъ классовъ.

Кромѣ учебной стороны, Паульсенъ обрисовываетъ характеръ будущей школы и въ нѣсколькихъ другихъ отношеніяхъ и, прибавимъ, чертами весьма правильными, основанными на глубокомъ изученіи историческаго развитія школьнаго дѣла. Авторъ совершенно справедливо описываетъ вліяніе политической партійности на школу. «Если дѣло дойдетъ до того, что при всякой переизмѣнѣ направленія вверху, въ школѣ будутъ мѣняться авторы и система, тогда, конечно, лучше, чтобы школа до скончанія вѣковъ учила греческому и латинскому, пусть даже китайскому и вавилонскому языку!» О, какъ мы, русскіе, должны чувствовать справедливость этого замѣчанія, такъ какъ у насъ, по политическимъ соображеніямъ, при императорѣ Николаѣ I классицизмъ то вводился, то изгонялся изъ школъ; Толстовскій классицизмъ введенъ и поддерживался также по политическо-полицейскимъ соображеніямъ, а не педагогическимъ.

Авторъ называетъ нынѣшнія нѣмецкія школы (таковы-же и русскія) однообразными станками, на которые наматываются однѣ и тѣ-же нитки, что никакъ не можетъ считаться признакомъ умственнаго богатства. Паульсенъ совершенно правильно полагаетъ, что каждое дальновидное правительство, выходящее въ жизнь и нормальное развитіе своего народа, должно идти навстрѣчу попыткамъ создавать частныя школы съ опредѣленно развитымъ индивидуальнымъ направленіемъ. Въ настоящее время опасность

застыть во вѣшнемъ однообразіи больше той, которая происходитъ отъ разбросанности и изолированности школъ. То-же самое буквально справедливо и о русскихъ школахъ, равно какъ примѣнимо къ русскимъ родителямъ замѣчаніе Паульсена о нѣмецкихъ, что родители судятъ о частныхъ школахъ не по тому, что школа даетъ въ умственномъ отношеніи учащимся, а по тому, какой она можетъ выдать имъ аттестатъ. Выборъ школы обыкновенно опредѣляется отвѣтомъ на этотъ послѣдній вопросъ. А между тѣмъ родители должны проникнуться убѣжденіемъ, что общее образование не состоитъ въ заученныхъ и готовыхъ къ отвѣту на экзаменъ знаніяхъ, въ способности на всякіе вопросы давать, не задумываясь, отвѣты; кто всего быстрее и ловчѣ успѣваетъ въ этомъ, тотъ первый ученикъ; тотъ-же, который долженъ еще подумать и сообразить, тотъ, очевидно, не готовъ, и его общее образование сомнительно и съ пробѣломъ; общее образование есть форма, въ которую выливается душевный строй человѣка, выработанный жизненнымъ опытомъ и интимной натурой его; форма, которая не дается готовою извнѣ, а должна вырасти и выработаться изнутри.

Еще одну сторону будущей школы отмѣчаетъ Паульсенъ—отношеніе средняго и высшаго образованія къ народному. Классицизмъ породилъ расколъ между интеллигенціей и народомъ. Съ того времени, какъ поэты и ораторы гуманности XVI в. стали смотреть на свой родной языкъ, какъ на варварскій, и отреклись отъ отцовскаго имени, какъ изменнаго, съ тѣхъ поръ и донинѣ отчужденіе высшей культуры отъ народной, можетъ быть, не желанный, но неоспоримый фактъ. Классицизмъ есть родъ доспѣха, который надѣвали для того, чтобы показать массѣ разстояніе между нею и культурнымъ классомъ и внушить ей уваженіе къ ученымъ; гуманность-же, прежде всего, виждется на чувствѣ солидарности съ народомъ и всѣмъ чело-вѣчествомъ. «Юрстъ, учитель, священникъ, писатель, прежде сидѣвшіе въ своей непроницаемой крѣпости классицизма, должны теперь тоже, если хотятъ сохранить или даже возстановить свое прежнее значеніе, указать на такія заслуги, значеніе которыхъ для народа и его жизни было-бы понятно и ошутимо. Я нахожу это направленіе цѣлебнымъ: прежняя замкнутость ученаго міра часто порождала лѣнь и застой; въ жизненной борьбѣ силы встрепенутся. Вообще гимназія должна быть школой не для дѣтей имущихъ и культурныхъ классовъ, а для талантовъ изъ всѣхъ слоевъ населенія. Чѣмъ больше настоящая аристократія, аристократія силы и таланта, выдвинулась-бы, отгѣсня на второй планъ аристократію происхожденія и богатства, аристократію ничего недѣланія, тѣмъ сильнѣе возрасло-бы довѣріе и уваженіе народа къ своимъ вожакамъ. Паульсенъ не безъ тревоги отмѣчаетъ стремленіе, существующее не только въ Германіи, но и въ Россіи, превратить гимназію въ школу лишь для высшихъ классовъ, чтобы дѣти бѣдняковъ и необразованныхъ людей не находили въ ней мѣста и такимъ образомъ были-бы отстранены отъ высшаго образованія и ученаго сословія.

Это теченіе сильно и въ Германіи, и въ Россіи; въ Германіи его поддержи-
ваютъ не только доктора, учителя, чиновники, но даже зубные врачи и
аптекаря. Поэтому Паульсенъ считаетъ нужнымъ остановиться на оцѣнкѣ
этого теченія и разъяснить вредъ его, напомнивъ, что, напримѣръ, нѣмецкіе
философы большею частью принадлежать къ ремесленному классу и про-
зяли скромными учителями, каковы Меланхтонъ, Вольфъ, Кантъ, Фихте; въ
ученомъ мѣрѣ, наукѣ, литературѣ встрѣчается также мало аристократиче-
скихъ именъ; большинство происходитъ изъ очень скромныхъ семей, пробив-
шихся черезъ большую нужду и лишенія, напримѣръ, Винкельманъ, Гейне,
Фоссъ, Гердеръ и сотня другихъ.

Вообще оказывается, что въ сосѣдней Германіи есть довольно сходныхъ
общественныхъ теченій и взглядовъ съ нашими русскими по части образо-
ванія, какъ неблагопріятныхъ для развитія культуры страны, такъ и благо-
пріятныхъ. Къ числу послѣднихъ нужно отнести дѣятельность Паульсена и
его взгляды на будущую общеобразовательную школу. Только осуществится-
ли она? За это поручкой ходъ историческаго развитія школьнаго дѣла, при-
водящій именно къ такой школѣ. «Освѣтивъ вопросъ съ точки зрѣнія исто-
рическаго развитія, я понялъ, что школа не имѣетъ самостоятельнаго дви-
женія, но слѣдуетъ общему движенію культуры. Не педагогическія соображенія
рѣшаютъ ходъ ея, а движеніе исторической жизни. Такъ оно будетъ, безъ
сомнѣнія, и въ будущемъ, никакое педагогическое краснорѣчіе ничего тутъ
не измѣнитъ». Это правильно, но съ прибавкой объ обратномъ и довольно
значительномъ воздѣйствіи школы на ходъ жизни.

П. Каптеревъ.

М. Богдановъ-Березовскій, М., д-ръ мед. Положеніе глухонѣмыхъ въ
Россіи. Съ обзоромъ современнаго состоянія вопроса о возстановленіи слуха у
глухонѣмыхъ. Съ предисловіемъ проф. Симановскаго. Изданіе Попечительства
Государыни Императрицы Маріи Феодоровны о глухонѣмыхъ. Спб. 1901.
XII+293 стр. Ц. 2 руб.

При скудости свѣдѣній о положеніи глухонѣмыхъ въ Россіи приходится,
конечно, привѣтствовать съ благодарностью любое изданіе объ этихъ, не въ
примѣръ прочимъ смертнымъ, обездоленныхъ и природой, и обществомъ
существахъ. Къ этому, и оглавленіе сочиненія г. Богданова-Березовскаго,
и имя автора, не разъ сообщавшаго любопытныя данныя по вопросу о
глухонѣмыхъ въ печати, даютъ надежду встрѣтить въ сочиненіи цѣнныя
указанія для незнакомой или мало знакомой съ дѣломъ публики.

Сочиненіе г-на Б. касается, впрочемъ, не только вопроса о положеніи
глухонѣмыхъ въ Россіи: оно отвѣчаетъ и на вопросъ о современныхъ воз-
зрѣніяхъ людей науки на возстановленіе слуха у глухонѣмыхъ, слѣдова-
тельно, обнаруживаетъ стремленіе отвѣтить требованіямъ не только образо-

ванной публики, но и лицъ, специально заинтересованныхъ въ дѣлѣ призрѣнія глухонѣмыхъ, т.-е. врачей и педагоговъ. Участіе-же въ изданіи сочиненія со стороны попечительства о глухонѣмыхъ должно служить ручательствомъ въ широкой поддержкѣ по части денежныхъ средствъ и по снабженію подходящимъ литературнымъ и научнымъ матеріаломъ на пользу изданія.

Ради вѣщей полноты, сочиненіе снабжено довольно внушительнымъ предисловіемъ проф. Симановскаго, очерчивающимъ крупными штрихами заслуги по заботѣ о глухихъ передъ обществомъ и государствомъ со стороны и г-на Богданова-Березовскаго, и попечительства о глухонѣмыхъ, и Военно-медицинской академіи.

Авторъ не лишень таланта описательнаго: нѣкоторыя мѣста книги изложены литературно и читаются не безъ интереса. Такъ, на стр. 7 и 8-й весьма осязательно изображается печальное положеніе глухонѣмого ребенка въ Россіи, а на стр. 63-й и далѣе прекрасно изложена біографія глухонѣмой Елены Келлеръ. Дѣло подчасъ доходитъ до того, что ради красоты слога авторъ готовъ жертвовать истиной и даже болѣе или менѣе попираетъ законы логики. Такъ, сказавъ, что просвѣщеніе глухонѣмыхъ въ Россіи большею частью создано на средства случайной, частной благотворительности, авторъ прибавляетъ: «Правда, это говоритъ за то, что сердце у русскаго народа доброе, челоуѣколюбивое, но дѣло просвѣщенія глухонѣмыхъ слишкомъ велико, слишкомъ серьезно, чтобы можно было ставить его въ положеніе неустойчиваго равновѣсія, въ которомъ обычно находятся душевныя эмоціи русскаго благотворителя». Выходитъ и похвала, и порицаніе...

Касаясь полнаго почти безучастія русскаго общества къ глухонѣмымъ, авторъ полагаетъ, что происходило это «отъ излишней спячки, отъ замкнутости русской жизни и отъ отсутствія популяризаціи спеціальныхъ знаній не только въ средѣ народа, но и въ образованныхъ классахъ». Къ сожалѣнію, авторъ упустилъ изъ виду крайнее невѣжество русскаго народа и тѣмъ, конечно, лишилъ себя главнаго довода въ пользу безучастности русскаго народа къ глухонѣмымъ.

Какъ послѣдній аргументъ за глухонѣмыхъ, авторъ приводитъ (стр. 14) то, что заброшенность глухонѣмыхъ ведетъ къ потерѣ государствомъ сотенъ тысячъ хорошихъ, честныхъ работниковъ и увеличиваетъ и безъ того чудовищно разросшійся пролетаріатъ. Аргументъ этотъ однако изъ самыхъ слабыхъ: Сотни тысячъ хорошихъ работниковъ погибаютъ у насъ вслѣдствіе невѣжества, пороковъ, общественной неурядицы, и все это терпится обществомъ и государствомъ; если-же погибаютъ тысячи изъ-за тѣлесныхъ недуговъ и пороковъ, то это «и Богъ велѣлъ». Словомъ, не изъ-за потери хорошихъ работниковъ въ глухонѣмыхъ, слѣпыхъ, хромыхъ и т. п. надо хлопотать разумъ и совѣсть кожны диктовать намъ правила отношенія къ этимъ несчастнымъ. Если-же понятія разума и совѣсти не достигли еще въ обществѣ

надлежащаго развитія и распространенія, то рассчитывать на второстепенныя какія-либо условія и мѣры едва-ли представляется и вѣроятіе.

Вторая глава сочиненія (цѣлыхъ 40 страницъ) посвящена статистикѣ глухонѣмыхъ. Эта глава самая слабая, и слабая не по винѣ автора, а по винѣ вообще статистическаго дѣла въ Россіи, и тѣмъ болѣе статистики той части населенія, которая наименѣе интересуеть общество и государство и которая тяжелымъ гнетомъ ложится исключительно на семью, на родню глухонѣмыхъ.

Просматривая приведенныя авторомъ цыфры *) глухонѣмыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, приходишь въ совершенное смущеніе при сравненіи отношенія числа глухонѣмыхъ къ числу жителей данныхъ мѣстностей. «Несомнѣнно здѣсь только одно,—говорить, впрочемъ, и самъ авторъ,—что данныя о числѣ глухонѣмыхъ, какъ безусловно неполныя, далеки и отъ истины».

Авторъ пользовался, кромѣ того, цыфрами, полученными на основаніи поголовнаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осмотра или опроса населенія; затѣмъ, данными д-ра Г. Герценштейна, полученными отъ присутствій по воинской повинности, показаніями пастора Дикгофа, д-ра Членова и пр. Результатомъ ознакомленія съ этими данными было слѣдующее заявленіе автора: «Мы съ грустью должны сознаться,—таковы его слова,—что въ настоящее время не обладаемъ еще болѣе или менѣе точными основаніями для сужденія объ общемъ числѣ глухонѣмыхъ въ Россіи» **).

Не смотря на всѣ натяжки статистическаго свойства, авторъ все-таки ухищряется подвести итогъ, что «глухонѣмыхъ въ Россіи около 125 тысячъ человекъ, а вмѣстѣ съ нѣмыми нѣсколько болѣе 150.000 человекъ». Любопытно, кстати, что въ заключеніе главы авторъ приводитъ цыфры глухонѣмыхъ въ Финляндіи (2.767 человекъ на 2.380.169 жителей или около 8 (!) на 10.000), а на стр. 237-й показываетъ, что въ той-же Финляндіи имѣется 515 человекъ учащихся въ 7 заведеніяхъ для глухонѣмыхъ. Считая въ Россіи 130 милліоновъ жителей и въ числѣ ихъ 150.000 глухонѣмыхъ, выходитъ, что въ Россіи должно приходиться болѣе 11 человекъ глухонѣмыхъ на 10.000 жителей. Къ этому, если въ Финляндіи на 2.767 глухонѣмыхъ числится въ училищахъ 515 учениковъ, то въ Россіи при 150.000 глухихъ и глухонѣмыхъ должно-бы было числиться не менѣе 27¹/₂ тысячъ таковыхъ-же въ училищахъ, а ихъ между тѣмъ значится всего 1.300, слѣдовательно, въ 21 разъ сравнительно менѣе, чѣмъ въ Финляндіи По-истинѣ прискорбное сравненіе!

*) Цыфры эти взяты изъ статьи И. К. Мердера.

**) «Призрѣніе глухонѣмыхъ (въ Россіи), помѣщенной въ «Вѣстникѣ Благотворительности» № 3 за 1897 г. Самъ авторъ не придаетъ имъ серьезнаго значенія и прилагаетъ ихъ къ своей статьѣ въ видѣ выписки, составленной на основаніи официальныхъ данныхъ.

Если при «добротѣ, челоѣколюбивомѣ сердцѣ русскаго народа» оказывается въ Россіи въ 21 разъ менѣе заботы о глухонѣмыхъ дѣтяхъ, нежели въ Финляндіи, то, спрашивается, какимъ-же добрымъ и челоѣколюбивымъ сердцемъ должны обладать финляндцы, особенно если принять къ тому-же въ соображеніе, что цифры глухонѣмыхъ въ Финляндіи могутъ быть признаны весьма надежными, а цифры глухонѣмыхъ въ Россіи подвергаются сомѣнію самимъ д-ромъ В.-В.—имъ!

Въ третьей главѣ авторъ собственно отвѣчаетъ на три существенныхъ вопроса относительно умственнаго воспитанія глухонѣмыхъ, а именно: 1) приносить-ли этимъ послѣднимъ обученіе пользу и не вредить-ли скорѣе тѣмъ, что дѣлаетъ ихъ еще болѣе несчастными и недовольными судьбой? 2) Практично-ли заботиться объ ихъ обученіи, когда въ Россіи милліоны нормальныхъ слухомъ и рѣчью дѣтей пребываютъ въ мракѣ невѣжества? и 3) Такъ какъ потеря слуха кладетъ неизгладимую печать на душевную дѣятельность глухонѣмого, то представляется-ли возможность сдѣлать изъ него вполне разумное существо, вполне способное для общенія съ другими? На всѣ эти вопросы авторъ отвѣчаетъ прямо въ пользу обученія глухонѣмыхъ, подтверждая взглядъ свой подходящими примѣрами изъ жизни этихъ существъ и изъ опыта обращенія съ глухонѣмыми въ странахъ западныхъ.

4-я и 5-я главы сочиненія посвящены вопросу объ обученіи глухонѣмыхъ въ Россіи и, главное, объ устройствѣ и порядкахъ Петербургскаго училища.

Въ числѣ многихъ подробностей дѣла одна особенно должна интересовать читателя: именно введеніе и примѣненіе на глухонѣмыхъ въ Россіи устнаго метода обученія произношенію. Методъ этотъ былъ введенъ въ Петербургскомъ училищѣ съ 8-го мая 1847 г., тогда какъ на Западѣ онъ издавна былъ извѣстенъ и практиковался, можно сказать, съ незапамятныхъ временъ. Такъ, оказывается, что еще въ половинѣ XVI-го вѣка испанскій монахъ Pedro de Ponce обучалъ глухонѣмыхъ говорить по-латыни, по-гречески и по-итальянски, что печатный трудъ объ этомъ былъ изданъ Бонз (Bonet) въ Мадридѣ въ 1620 г. и что первая школа устнаго метода обученія была основана въ Единбургѣ въ 1760 г. Брайтвудомъ (Th. Braidwood).

Въ настоящее время уже никто не сомнѣвается, по словамъ автора, въ возможности возстановленія рѣчи у глухонѣмыхъ, тѣмъ не менѣе мимическій методъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, отнюдь не утратилъ еще своего значенія и продолжаетъ удерживаться въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ. «Какъ ни кажутся безпричинными,—говоритъ авторъ,—споры представителей устной и мимической системъ обученія, однако еще и повнынъ жизнь не сумѣла примирить эти два враждующіе лагеря, и если число школъ съ чисто мимическимъ преподаваніемъ идетъ все на убыль, то это не помѣшало нѣкоторымъ педагогамъ и врачамъ образовать третій лагерь—умѣренныхъ, которые видятъ истину въ смѣшанномъ методѣ преподаванія, т.-е. они учатъ дѣтей устной рѣчи и мимикѣ одновременно».

Описывая учебно-воспитательное дѣло училища глухонѣмыхъ, авторъ не поспешилъ воздать должное по заслугамъ и высшей администраціи, и отдѣльнымъ директорамъ заведенія. Къ удивленію только, на стр. 130, говоря о трехъ преемникахъ директоровъ Спѣшневъ и Селезнева (Степановъ, Сиповскомъ и Модзалевскомъ), авторъ уклонился отъ подробной оцѣнки ихъ дѣятельности, но ограничился скромнымъ замѣчаніемъ, что «строй училищной жизни за время ихъ директорства въ педагогическомъ смыслѣ стоялъ на современной высотѣ». Сколько извѣстно, Сиповскій далеко не былъ зауряднымъ начальникомъ, отличался самымъ гуманнымъ и доброжелательнымъ отношеніемъ къ питомцамъ и оставилъ въ окружающихъ самое отрадное воспоминаніе. Все это не мѣшало-бы подчеркнуть автору.

Мы не будемъ касаться подробностей содержанія глухонѣмыхъ дѣтей въ указанныхъ авторомъ русскихъ училищахъ, тѣмъ болѣе, что и самыя эти подробности отличаются крайнею скудостью свѣдѣній, но обратимъ вниманіе только на одну весьма печальную подробность гигиеническаго режима воспитанниковъ Петербургскаго училища, именно: на пищу въ заведеніи. На стр. 180 приводятся цифровыя данныя по пищевому довольствію Петербургскаго училища за 1896 г. Оказывается, что дѣтямъ «за завтракомъ полагается супъ изъ овсяной крупы на молокѣ (!); въ 2 ч. обѣдъ изъ одного блюда (супъ на молокѣ или супъ съ мясомъ); въ 5 ч. хлѣбъ съ молокомъ или селедка. Въ этомъ-же родѣ и ужинъ. Чаю не даютъ вовсе». Количественныя отношенія пищевыхъ продуктовъ не указаны; стоимость пищевого довольствія въ годъ равнялась 48 р. 1 к. на человѣка (слѣдовательно 13,15 к. въ день на человѣка). Конечно, болѣе жалкое положеніе питанія представить себѣ едва-ли возможно. Авторъ однако называетъ такое питаніе только «довольно скромнымъ» *).

Въ 7-й главѣ мы находимъ описаніе учреждений попечительства о глухонѣмыхъ (основаннаго въ Петербургѣ 3-го мая 1898 г.) и училищъ въ разныхъ городахъ Россіи, и между прочимъ упоминаніе объ устройствѣ при петербургскомъ училищѣ амбулаторіи по ушнымъ и горловымъ болѣзнямъ. Къ сожалѣнію, «въ результатъ всего этого мы видимъ,—говоритъ авторъ,— что дѣло обученія глухонѣмыхъ въ Россіи поставлено крайне неудовлетво-

*) Во всемъ этомъ описаніи пищевого довольствія училища 1896 г. несомнѣнно кроется крупное недоразумѣніе. Въ сентябрѣ 1895 г., на просьбу мою къ Л. Н. Модзалевскому, бывшему въ то время директоромъ училища († 12-го мая 1896 г.), касательно пищи воспитанниковъ, Л. Н. сообщилъ справку, въ которой значилось, что въ день приходится на воспитанника, среднимъ счетомъ, 62 золотн. мяса (24,4 золотн. перваго и 37,6 зол. втораго сорта); ветчины, солонины, телятины, сосисокъ и колбасъ до 14 золотн.; сахару $\frac{1}{8}$ фунта, бѣлаго хлѣба 72—80 зол. и чернаго хлѣба 90—96 зол., не считая даваемыхъ по временамъ сыра, макаронъ, кашъ и по праздникамъ пирожного и фруктовъ. Подобное довольствіе, конечно, рѣзко разнится отъ довольствія, о которомъ говоритъ авторъ.

рительно, что за дѣлое столѣтіе, только-что истекшее, въ нашемъ отечествѣ народилась небольшая горсть разрозненныхъ, разнаго типа, очень мало обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи школъ». Вопросомъ остается, не совершить-ли поворота къ лучшему новое попечительство о глухонѣмыхъ, начавшее такъ широко свою дѣятельность устройеніемъ школы, мастерскихъ, богадѣльни и фермы-пріюта, организаціею публичныхъ лекцій, изданіемъ руководствъ, устройствомъ педагогическихъ курсовъ и наконецъ проектированіемъ въ ближайшемъ будущемъ созвать съѣздъ педагоговъ и врачей по вопросамъ призрѣнія, обученія и леченія глухонѣмыхъ въ Россіи.

8-я, заключительная, глава сочиненія знакомитъ съ ролью и значеніемъ науки о глухонѣмотѣ и объ ушныхъ болѣзняхъ въ Европѣ и у насъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, вообще мало доступны для неподготовленной публики, въ частности-же столь спеціальны и столь ненадежно еще установлены въ самой наукѣ, что теряютъ почти всякій интересъ и поучительность.

Самымъ пикантнымъ изъ новшествъ по части возстановленія у глухонѣмыхъ слуха должно признать попытку заставить глухонѣмыхъ не только говорить (что достигается и при обученіи по устному способу), но и слышать какъ собственную, такъ и чужую рѣчь. Несмотря, однако, на успѣшность изслѣдованій инициаторовъ этого новаго направленія, Урбанчика въ Вѣнѣ и Бецольда въ Мюнхенѣ, большинство специалистовъ по отіатріи отнеслось недовѣрчиво, а то и прямо враждебно къ означенной попыткѣ, и потребовалась долговременная и мучительная провѣрка изслѣдованій Урбанчика и Бецольда. Пробовали практически заняться вопросомъ этимъ и въ Россіи, но болѣе или менѣе съ неважнымъ успѣхомъ. Такъ, въ Феннернскомъ училищѣ дѣло совсѣмъ-было пошло на лады, но оказалось, что «опыты поставлены были неправильно», «старшій наставникъ занятіями этими доведенъ былъ до полнаго изнеможенія силъ», и потому ничего толковаго не вышло. Въ Московскомъ училищѣ, «къ сожалѣнію, занятія велись неаккуратно, такъ какъ въ учебной программѣ не было отведено времени для возстановленія слуха». Въ Варшавскомъ институтѣ получились болѣе или менѣе неопредѣленные результаты. Приведены авторомъ и частные примѣры удачнаго примѣненія акустическаго метода въ клиникѣ проф. Симановскаго, въ Петербургскомъ училищѣ и въ школѣ Попечительства о глухонѣмыхъ. Словомъ авторъ «вынесъ твердое и ясное убѣжденіе въ возможности улучшать слуховую способность путемъ словесныхъ и музыкальныхъ упражненій; вынесъ убѣжденіе, что способъ Урбанчика можетъ существенно облегчить участь очень многихъ изъ приблизительно 150 тысячъ несчастныхъ глухонѣмыхъ въ Россіи». Вообще, «слуховыя упражненія, разумно примѣняемыя,—говоритъ авторъ,—обѣщаютъ въ будущемъ крупныя преобразованія въ школѣ»; но можно-ли что-либо заимствовать отсюда существеннаго на пользу глухонѣмыхъ въ настоящее время, на этотъ вопросъ мы собственно не находимъ отвѣта.

Въ заключеніе авторъ совершенно неожиданно, хотя и эффектно разрѣшается слѣдующею тирадой: «Типъ закрытыхъ учебныхъ заведеній перестанетъ служить идеаломъ воспитанія глухонѣмыхъ: понадобится широкое общеніе ихъ съ людьми говорящими; понадобится устройство дѣтскихъ садовъ и небольшихъ школъ, въ которыхъ глухонѣмыя дѣти могли-бы играть и проводить время съ дѣтьми слышащими и говорящими, и, быть можетъ, недалеко уже то время, когда завѣтная мечта Бланше, предложившаго въ 1856 г. во Франціи обучать глухонѣмыхъ, не отрывая ихъ отъ семьи, въ нормальныхъ народныхъ школахъ, не покажется намъ такою дѣтскою и смѣшною, какою казалась она его современникамъ».

Не входя въ подробности обсужденія этихъ продуктовъ воображенія увлекшагося автора, мы поставимъ на видъ только два вопроса: 1) Неужели человечество, за всѣ вѣка своего существованія, сдѣлало мало опытовъ въ доказательство неудачныхъ результатовъ общенія глухонѣмыхъ съ нормально-слышащими и говорящими людьми? И 2) нельзя-ли было-бы сказать напередъ, что улучшение способности слуха и рѣчи у глухонѣмыхъ окажется, при осуществленіи программы автора, прямо пропорціональнымъ ухудшенію этой способности у лицъ нормальныхъ?

Самъ авторъ проводилъ мысль о глухонѣмотѣ, какъ о пороцѣ, требующемъ specialнаго ухода и леченія; самъ онъ настаивалъ на безусловномъ подчиненіи глухонѣмыхъ вѣдѣнію врачей-спеціалистовъ: какимъ-же образомъ совмѣстить эти его требованія съ требованіемъ держать глухонѣмыхъ въ постоянномъ общеніи съ субъектами нормальными, требующими въ свою очередь specialнаго ухода и воспитанія и не допускающими никакого тѣснаго отношенія ихъ съ субъектами ненормальными въ какомъ-бы ни было смыслѣ? Отказываемся отвѣчать.

Скажемъ въ заключеніе: сочиненіе д-ра Богданова-Березовскаго представляетъ весьма удачный опытъ ознакомленія русской публики съ современнымъ состояніемъ дѣла призрѣнія и воспитанія глухонѣмыхъ и вполнѣ заслуживаетъ самаго широкаго распространенія въ средѣ лицъ образованнаго сословія или, точнѣе, въ средѣ лицъ, интересующихся положеніемъ глухонѣмыхъ въ Россіи.

А. Виреніусъ.

Труды Коммисіи по устройству чтеній для учащихся. А. Кизеветтеръ — Первый общедоступный театръ въ Россіи. Ѳ. Нелидовъ — А. Н. Островскій и его дореформенные типы. Педагогич. Общество, сост. при Имп. Моск. унив. Изд. П. Сытина.

Объ брошюры московскихъ педагоговъ написаны очень толково, просто и ясно. Знаніе дѣла, умѣнье изложить общедоступно и заинтересовать читателя и слушателя — вотъ несомнѣнные достоинства обонхъ чтеній. Послѣдующія наши замѣчанія должны быть отнесены исключительно къ практи-

ческому приложенію, какое должны имѣть обѣ статьи передъ аудиторіей *учащихся*, конечно, не выше среднихъ учебныхъ заведеній. Съ этой точки зрѣнія оба чтенія могутъ вызвать нѣкоторые разговоры.

Планъ статьи А. Кизеветтера таковъ: прежде всего авторъ приводитъ восторженныя слова Бѣлинскаго о театрѣ, а затѣмъ противопоставляетъ имъ впечатлѣнія русскаго человѣка о театрѣ, вынесенныя изъ заграничнаго путешествія П. А. Толстого въ 1697 г. Далѣе слѣдуетъ основное положеніе, выраженное въ словахъ: «какой сложный и длинный путь культурнаго развитія долженъ былъ лечь между двумя отзывами русскихъ людей о театрѣ, между наивнымъ удивленіемъ неопытнаго русскаго туриста передъ подробностями театральной обстановки и тѣмъ страстнымъ гимномъ просвѣтителю значенію театра, которымъ подарилъ нашу литературу Бѣлинскій!» Къ сожалѣнію, авторъ ничего не даетъ дальше для слушателя, чтобы выяснить, какъ совершился этотъ «сложный и длинный путь культурнаго развитія», что и понятно, такъ какъ цѣль у г. Кизеветтера была совершенно иная. Поэтому подобное сопоставленіе остается только искуснымъ и эффектнымъ ораторскимъ приѣмомъ, но мало пригоднымъ для слушателей-учащихся. Дѣйствительно, въ послѣдующемъ изложеніи они узнаютъ о неудачѣ Петра I съ театромъ Кунста, о безобразномъ поведеніи публики въ «театральной храминѣ» и актеровъ въ ихъ повседневномъ быту, могутъ съ авторомъ вдоволь посмѣяться надъ нелѣпостями рѣчей «издѣвочнаго слуги» и бессмысленными выраженіями полуграмотныхъ переводчиковъ пьесъ. Потомъ вскользь сообщается имъ и о театрѣ Натальи Алексѣевны, и о томъ, что долго ошибочно связывали театральныя начинанія съ именемъ царицы Софьи, и о политической драмѣ въ Московской духовной академіи, и объ интерлюдіяхъ, но впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ свѣдѣній юный слушатель получаетъ крайне отрицательное. Невольно авторъ всѣмъ изложеніемъ своимъ подсказываетъ выводъ,—такъ ничтожны, смѣшны и неудачны были попытки устроить въ Россіи театръ, и особенно общедоступный! И вдругъ онъ-же переходитъ въ иной тонъ и, вопреки ранѣ произведенному впечатлѣнію отъ разсказа, утверждаетъ, что, «съ уничтоженіемъ «храмины» на Красной площади, театральное дѣло не погибло. Оно пустило ростки, нашедшіе себѣ благодарную почву. И, что не менѣе важно замѣтить, движеніе этого дѣла прочно стало на тотъ самый путь, который намѣтилъ Преобразователь, мечтая о созданіи комедійной храмины. Постепенно театръ становился національнымъ дѣломъ. Петръ хотѣлъ видѣть на русской сценѣ русскихъ актеровъ. Они явились. Уже въ первой четверти XVIII столѣтія на вышеупомянутыхъ сценахъ дѣйствовали русскія труппы. А въ 40-хъ годахъ XVIII ст. купеческая молодежь г. Ярославля вдругъ выставила изъ своей среды цѣлую плеяду сценическихъ дѣятелей, которые не забудутся въ исторіи нашей образованности. Традиціи современныхъ намъ образцовыхъ русскихъ сценъ восходятъ къ ихъ именамъ, какъ къ своему первоисточнику» (стр. 29). Это такъ, но только

въ статьѣ отнюдь ничѣмъ ни доказано, ни показано. Такимъ образомъ, чтеніе г. Бизеветтера—искусно скомпанованная рѣчь, рассчитанная на слушателей публичныхъ лекцій, но не учащихся. И такой характеръ рѣчи зависить совсѣмъ не отъ матеріала, какимъ мозгъ располагать авторъ по первоначальной исторіи драматическихъ представленій Россіи; для этого только отнюдь не слѣдовало излишне останавливать вниманіе на курьезныхъ оборотахъ въ родѣ діалоговъ герцога, гостепріимно приглашающаго маркиза: «можете идти, взявъ за руку супругу мою, гулять въ огорождъ», или въ родѣ комплиментовъ мнимаго принца: «моя благоуханная козочка! Пропустите мои рѣчи черезъ калитку ушей вашихъ на караулъ сердца вашего... обнадѣживаю васъ, моя миленькая поросеночка»... Не въ этихъ-же курьезахъ суть дѣла,—говорить авторъ; такъ о сути дѣла и слѣдовало-бы больше говорить передъ мало ознакомленной съ исторіей русскаго театра и драмы аудиторіей.

Не менѣе удачно чтеніе г. Нелидова, какъ публичная лекція, но болѣе пригодна для слушателей-учениковъ. Первая половина его посвящена біографіи А. Н. Островскаго, нѣсколько скомканной подъ конецъ, но дающей довольно ясную картину той обстановки, среди которой выросъ драматургъ и сложилось его характерное міровоззрѣніе и своеобразный талантъ. Во второй половинѣ чтенія г. Нелидовъ останавливается на общемъ изображеніи нравовъ и быта темнаго царства Островскаго, пользуясь его пьесами «Свои люди—сочтемся», «Бѣдность не порокъ», «Гроза», «Доходное мѣсто» и др. Хотя слушателю г. Нелидова и слѣдуетъ предварительно ознакомиться съ лучшими пьесами Островскаго, но все-же въ изложеніи автора достаточно ярко выступаютъ образы Большова, Подхалюзина и Дикого, Любима и Гордѣя Торцовыхъ, Бальзаминова, Кабанихи, Катерины и др. Къ недостаткамъ чтенія мы должны отнести характеристику воззрѣній кружка Островскаго (стр. 18), внесеніе опредѣленія значенія его личности А. Григорьевымъ (стр. 13, 14) и т. п.

Еще разъ указывая на достоинства обоихъ чтеній, какъ публичныхъ лекцій, мы оговариваемся, что ограничить значеніе ихъ для учащихся заставили насъ не голословныя теоретическія соображенія, а непосредственныя бесѣды съ учащимися-же послѣ ознакомленія ихъ съ содержаніемъ брошюръ, самими авторами предназначенныхъ для подобной цѣли. И. Ж.

П. Орелкинъ и В. Ладыженскій. 1) К. Д. Ушинскій и «Родное Слово». 2) Читатели народныхъ бібліотекъ. М. 1901. Ц. 25 к.

Брошюрка эта прежде всего — «изданіе въ пользу народной бібліотеки имени К. Д. Ушинскаго въ Пензѣ», и уже по тому одному она должна обратить на себя сочувственное вниманіе общества. А затѣмъ названная книжка и вообще чистенькая, съ пристойнымъ литературнымъ изложеніемъ съ и

соответственной содержательностью. Известною *парадностью* отзываются разсужденія гг. Орелкина и Ладыженскаго; но не забудемъ, что это *рѣчи*, произнесенныя въ 30-лѣтнюю годовщину со дня смерти Ушинскаго и въ 5 годовую Пензенской бесплатной библіотеки-читальни имени Бѣлинскаго. Говоря объ Ушинскомъ, г. Орелкинъ пользуется преимущественно автобиографическими данными и съ достаточно живостью и осязательностью очерчиваетъ личность замѣчательнаго педагога. Но досадно встрѣчать въ этомъ очеркѣ такія хвалебныя неловкости: «Ушинскій глубоко изучилъ сочиненія *всѣхъ выдающихся философовъ и педагоговъ древняго и новаго времени*». Его «Опытъ педагогической антропологии» — «*единственный въ своемъ родѣ до сихъ поръ во всей міровой литературѣ трудъ*». Въ «рѣчи» «Читатели народныхъ библіотекъ», не лишенной интереса и въ чисто фактическомъ отношеніи, ораторъ приходитъ къ выводу, что «нынѣшній читатель изъ народа строго и справедливо осуждаетъ дубочную литературу и «дѣльными», «умными», «хорошими», считаетъ книги, которыя признаются таковыми же и «серьезными образованными людьми».

А. Налимовъ.

Евгеній Ветнекъ. Краткій очеркъ мифологіи грековъ и римлянъ. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. XII+141. Ц. 1 р.

Какихъ-бы воззрѣній на различные типы средней школы ни держался читатель, овъ съ полнымъ основаніемъ можетъ порадоваться появленію на книжномъ рынкѣ пособія, составленнаго съ любовью къ трактуемому предмету и облегчающаго юношамъ первоначальное знакомство съ мифологіей грековъ и римлянъ. Тема въ высшей степени интересная, количество матеріала неисчерпаемое, а между тѣмъ, странное дѣло, русская учебная литература по античной мифологіи отличается крайнею бѣдностью. До послѣдняго времени у насъ существовалъ едва-ли не единственный учебникъ по данному вопросу (это — «Краткіе очерки класс. мифологіи» О. Л. Брамсона, вышедшіе въ 1898 г. 4-мъ изданіемъ), дававшій ученикамъ достаточный запасъ свѣдѣній по мифологіи, но мало удовлетворительный съ научной точки зрѣнія. Г. Ветнекъ въ предисловіи къ своему «краткому очерку» справедливо находитъ, что «значеніе того или другаго божества можно раскрыть только путемъ изложенія постепенной эволюціи его функций, примѣняя методъ историческій». Неподготовленный-же читатель книги г. Брамсона можетъ вывести совершенно превратное заключеніе, что греческимъ и римскимъ божествамъ самыя разнообразныя функціи приписывались случайно, безъ всякихъ, сколько-нибудь понятныхъ основаній.

Мифологія г. Ветнека раздѣлена авторомъ на 3 части или главы: Греція, Римъ и въ видѣ приложенія: «герои» (78 стр. + 20 + 36). Количество свѣдѣній, даваемое ею, довольно велико и исторической методъ проведенъ по-садовательно. Изложеніе сжатое и нѣсколько сухое, если принять во внѣ-

маніе, что эта книга предназначена для учениковъ старшихъ классовъ гимназій, т.-е. для юношей 15—18 лѣтъ. Языкъ въ общемъ правильный, хотя мѣстами есть не малыя шероховатости («мѣстомъ пребыванія продолжающаго жизнь элемента считали могилу», «Гестія... нашла всеобщее почитаніе», «онъ общается (sic!) съ богомъ», «продуктъ его способенъ произвести свойственное первоначально культу Діониса изступленіе», «и также позже онъ считались»... «вслѣдствіе соответствія его одной сторонѣ Гермеса» и т. п., см. стр. 1, 50, 63, 73, 96). Ссылокъ даже на читаемыхъ въ гимназіяхъ авторовъ слишкомъ мало. Есть нѣсколько промаховъ или неточностей съ научной точки зрѣнія: имя богини Venus производитъ авторъ отъ venustus (не наоборотъ-ли?); забывая о половинномъ лишь соответствіи греческихъ мѣсяцевъ нашимъ, авторъ приравниваетъ аносестеріонъ февралю, посидеонъ декабрю, гамеліонъ январю и т. д., тогда какъ аносестеріону соответствуетъ лишь вторая половина нашего февраля и первая половина марта, посидеону—конецъ декабря и половина января и т. д. Говоря объ эвменидахъ у грековъ и въ друг. мѣстѣ о лат. *shanes*, авторъ даетъ толкованіе того и другого слова, но почему-то не указываетъ на несомнѣнно лежащій въ основѣ этихъ названій эвфемизмъ.

Указывая на эти отдѣльные замѣченные нами недочеты въ видахъ исправленія ихъ, мы тѣмъ не менѣе надѣемся, что книга г. Ветнека скоро дождется слѣд. изданія. Изданіе, опрятное и прежде, теперь стало гораздо изящнѣе отъ прибавленія 24 недурно исполненныхъ рисунковъ, изображающихъ лучшіе памятники античнаго искусства. Цѣна (1 р.), въ виду изящества изданія, не можетъ быть признана высокою.

Въ заключеніе-же нашей бѣглой замѣтки считаемъ не лишнимъ высказать желаніе, чтобы въ слѣдующемъ изданіи авторъ расширилъ рамки своей книги и внесъ въ нее болѣе щедрое изложеніе «миеовъ», такъ какъ съ сокращеніемъ числа часовъ для преподаванія латинскаго языка и устраненіемъ въ большинствѣ гимназій преподаванія языка греческаго учащіеся уже не всегда будутъ имѣть случай знакомиться съ миеами при чтеніи произведеній римской и особенно греческой литературы. Хорошо составленный очеркъ греч. и римской миеологии и могъ-бы въ значительной степени придти на помощь средней школѣ въ ея стремленіи, независимо отъ того, классическая она или реальная, дать своимъ воспитанникамъ эстетически-гуманитарное развитіе.

А высоко-развивающее вліяніе въ этомъ отношеніи миеологии такого геніальнаго и жизнерадостнаго народа, какимъ были древніе греки, не подлежить, надѣемся, ни малѣйшему сомнѣнію, какъ-бы кто ни смотрѣлъ на изученіе ихъ языка.

И. Ар.

Подземный миръ. Очерки: 1) Нечаева—Подземный миръ; 2) Петрова—По водѣ подѣ землею; 3) Л. Долина—въ пещерахъ. Ц. 15 к. М. 1901. Изд. журнала «Дѣтское Чтеніе». Съ приложеніемъ списка тѣневыхъ картинъ къ этимъ статьямъ, составленнаго по порученію комиссіи при учебномъ отдѣлѣ Политехническаго музея.

Въ первомъ очеркѣ описываются подземные гроты острова Майорки, затѣмъ дается картина работы подземной воды, растворяющей различныя горныя породы (каменную соль, известнякъ и гипсъ) и образующей громадныя промонны въ глубокихъ слояхъ земной коры. Попутно здѣсь упоминается о гайленрейтерской пещерѣ, пещерѣ Дольстенъ и пещерахъ Египта и вѣскольکو подробнѣе о Фингаловой пещерѣ. Конецъ очерка посвященъ описанію происхожденія сталактитовыхъ гротовъ.

Въ очеркѣ Петрова излагается изслѣдованіе подземнаго ручья Падиракъ во Франціи (стр. 24—29).

Въ очеркѣ Долина мы находимъ отчасти повтореніе тѣхъ свѣдѣній, какія сообщаются въ первомъ очеркѣ (происхожденіе известняковыхъ пещеръ, подземныхъ рѣкъ, сталактитовъ и сталаглитовъ). Затѣмъ подробно описывается Адаальбергскій гротъ, пещеры Исландіи, Мамонтова пещера, Лазоревый гротъ острова Капри и Фингалова пещера. Этотъ очеркъ изъ всѣхъ трехъ наиболѣе полный и интересный.

Просматривая списокъ тѣневыхъ картинъ, мы видимъ, что на всѣ три очерка (60 стр. in-8^о) ихъ приходится не меньше 14. Но число это, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ еще болѣе увеличить, чтобы слушатель могъ видѣть въ наглядныхъ изображеніяхъ всѣ данныя, сообщаемыя въ текстѣ. По содержанію своему эти три очерка, взаимно дополняющіе другъ друга, могутъ быть съ пользою прочитаны на урокахъ естествовѣдѣнія: въ приготовительномъ курсѣ полностью, а въ систематическомъ—въ извлеченіяхъ, чтобы не повторять уже извѣстныхъ ученикамъ подробностей.

П. И. Мамаевъ, На экскурсію. Знакомство съ природой путемъ наблюденій и опытовъ. Изд. магазина «Сотрудникъ школы». А. Е. Залѣсской. М. 1901. Цѣна 50 к. Съ 44 рис. и 6 таблицами въ текстѣ.

Книга эта, занимающая 87 страницъ, распадается на два отдѣла: I—«за растеніями», и II—изъ міра неорганическаго. Въ первомъ отдѣлѣ (1—48 стр.) мы находимъ указанія, какъ собирать растенія, засушивать ихъ и составлять гербарій, какъ отпечатывать растенія, какія растенія можно найти въ хвойномъ лѣсу, лиственномъ лѣсу и въ водѣ; въ заключеніе сообщаются кое-какія свѣдѣнія о цвѣточныхъ часахъ, терраріумахъ и акваріумахъ. Содержаніе книжки, какъ видно изъ этого перечня, очень разнообразное, и поэтому изложеніе по причинѣ малаго объема статьи по необходимости въ высшей степени сжатое. Въ статьяхъ, относящихся къ собиранію и сохраненію растеній, чего-нибудь оригинальнаго или новаго совершенно нѣтъ; проведены самыя обычныя, общезвѣстныя приемы; да и всѣ совѣты насчетъ снаряже-

нія для экскурсій, собиранія растеній, засушиванія ихъ и составленія гербарія умѣщаются всего-на-всего на четырехъ страничкахъ. Такъ наываемое отпечатываніе растеній есть не что иное, какъ полученіе оттисковъ съ растеній, покрытыхъ масломъ, послѣ чего оттиски покрываются порошкомъ графита. Эта работа равно, какъ и отпечатываніе растеній помощью акварельныхъ красокъ и туши, рекомендуемая авторомъ, врядъ-ли могутъ имѣть какое-нибудь значеніе при серьезномъ занятіи дѣломъ и врядъ-ли принесутъ начинающему какую-нибудь пользу. Природа, рисуемая авторомъ (прогулка въ хвойный лѣсъ), есть природа средней Россіи (одновременно цвѣтутъ та-волга (*Filipendula*) и копорскій чай (*Epilobium angustifolium*), въ лѣсу растутъ энотера и астрогаль). Но картины хвойнаго лѣса отдають нѣкоторой сочиненностью; видно, что авторъ пишетъ не съ натуры. Есть и неясности: упоминается о какихъ-то растеніяхъ, съ виду похожихъ на луковницы и употребляемыхъ для украшенія гротовъ и пещеръ: вѣроятно, рѣчь идетъ о *Sempervivum*, но отчего-бы не назвать этихъ растеній. Глава, содержащая перечень хвойнаго лѣса, деревья, кустарники и водяныя растенія, имѣетъ чисто справочный характеръ. Въ ней растенія раздѣляются на нѣсколько группъ по окраскѣ вѣтчиковъ, въ каждой группѣ растенія размѣщаются въ алфавитномъ порядкѣ по ихъ латинскимъ названіямъ. Для большинства растеній данъ рисунокъ цвѣточныхъ частей и краткое, не всегда ясное описаніе. Въ одномъ-же случаѣ начинающій положительно станетъ втупикъ. Въ отдѣлѣ деревьевъ и кустарниковъ между группами съ бѣлыми, синими, красными и др. цвѣтами вдругъ встрѣчается группа съ какими-то *цвѣтами особенными*; здѣсь, очевидно, подразумеваются цвѣты хвойныхъ, но начинающій едва-ли догадается, что тутъ рѣчь идетъ объ особомъ строеніи цвѣтка, такъ какъ раньше не было ничего сказано о томъ, что такое цвѣтокъ, да и въ объясненіи ботаническихъ терминовъ, приложенномъ въ концѣ статьи, подъ заглавіемъ «цвѣты» перечисляются сперва соцвѣтія, а потомъ плоды и часть цвѣтка, но тоже не дается никакого понятія о томъ, что такое цвѣтокъ. Рисунки различнаго достоинства, но большей части маленькіе, и притомъ рисунки, изображающіе водяныя растенія, лучше, чѣмъ рисунки растеній сухопутныхъ.

Описанія терраріумовъ и акваріумовъ тоже ничего особеннаго не содержатъ.

Не можемъ сказать, чтобъ намъ понравился и второй отдѣлъ: «изъ міра неорганическаго». Здѣсь читатель найдетъ указаніе на то, что нужно брать съ собою на экскурсію, какъ опредѣлять минералы и составлять изъ нихъ коллекціи и сохранять ихъ, какъ и гдѣ совершать зоологическія экскурсіи. Далѣе въ этомъ отдѣлѣ даны характеристики наиболѣе извѣстныхъ минераловъ и горныхъ породъ и рецепты для полученія кристалловъ изъ растворимыхъ солей. Въ концѣ сообщаются необходимыя указанія для производства метеорологическихъ наблюденій. Наилучшею статьею въ этомъ отдѣлѣ является статья, содержащая указанія, какъ производить геологиче-

скія экскурсіи и какъ собирать минералы. Для опредѣленія собранныхъ минераловъ авторъ указываетъ опредѣлитель Герда, не вездѣ точный и годный для опредѣленія, и Коббеля—чрезвычайно трудный для начинающихъ. Самъ авторъ раздѣляетъ минералы на группы по твердости,—пріемъ, который въ рукахъ начинающаго не можетъ дать удовлетворительныхъ результатовъ. Было-бы лучше для точности опредѣленія, еслибъ авторъ сгруппировалъ выбранные имъ минералы по удѣльному вѣсу. Сравнивая эту книжку г. Мамаева съ другими общедоступными сочиненіями того-же характера, мы должны сознаться, что охотнѣе дали-бы въ руки начинающему изучать неорганическую природу такое, напр., сочиненіе, какъ книжка Глубоковского: «Поиски полезныхъ ископаемыхъ», гдѣ изложеніе болѣе полное и болѣе систематическое, нежели у г. Мамаева. Вообще начинающему книжка г. Мамаева дастъ очень немного и показываетъ ему природу исключительно съ вѣшной, номенклатурной стороны, совершенно не затрагивая вопроса о жизни.

П. И. Мамаевъ. Знакомство съ жизнью растений путемъ наблюденій и опытовъ. Изд. магазина «Сотрудникъ школы». М. 1900. Цѣна 30 коп.

Эта книжка производитъ совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ предъидущая. Въ ней мы находимъ слѣдующій матеріалъ: углекислота (стр. 1—7); кислородъ (7—10); опыты надъ проростаніемъ (11—23); опыты надъ корнемъ (24—36); опыты надъ листомъ (37—47); надъ ростомъ растенія (47—59) и надъ стеблемъ (59—65). Опыты, разъясняющіе свойства углекислаго газа и кислорода, просты, убѣдительно и вполне доступны начинающему, хотя и тутъ нельзя не упрекнуть автора въ пристрастіи къ старымъ клише (приборъ для полученія кислорода). Въ главахъ-же, относящихся къ физиологіи растений, и опыты, и приборы подобраны уже совсѣмъ удовлетворительно, правильно и вполне дѣлсообразно. Если мы прибавимъ, что тѣ и другія заимствованы авторомъ изъ сочиненій проф. Тимирязева «Жизнь растенія» и «Земледѣіе и физиологія», то читатель врядъ-ли потребуетъ подтвержденія нашей рекомендаціи посредствомъ выдержекъ и примѣровъ. Мы замѣтимъ только мимоходомъ, что врядъ-ли можно на основаніи лабораторныхъ опытовъ съ коллоидальными мѣшками категорически утверждать, что всасываніе въ корневыхъ волоскахъ происходитъ такъ-же, какъ и въ этихъ мѣшкахъ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 58) авторъ говоритъ, что кожа состоитъ изъ ряда клѣточекъ; правильнѣе было-бы сказать, что клѣтки расположены однимъ слоемъ. Въ общемъ книжка г. Мамаева можетъ быть очень полезна начинающимъ, которымъ трудно было-бы справляться съ сочиненіями проф. Тимирязева и съ разными учебниками по физиологіи растений. Мы съ намѣреніемъ подольше остановились на этихъ книжкахъ, принадлежащихъ къ числу общедоступныхъ элементарныхъ пособій къ изученію

естествознанія. Составить хорошую книжку для начинающих дѣло очень трудное. Авторъ не долженъ жертвовать серьезностью содержанія стремленію создать нѣчто очень общедоступное, такъ какъ онъ рискуетъ дать вещь мало содержательную, что и случилось съ г. Мамаевымъ при составленіи первой книжки. Лучше уже взять чужое хорошее, нежели свое не очень удовлетворительное, что и сдѣлалъ г. Мамаевъ, когда предпринялъ составленіе своей второй книжки.

М. Рыбкинъ. Опытъ руководства къ начальному обученію дѣтей. Вып. I. Введеніе. Руководство къ обученію дѣтей 7 лѣтъ и отсталыхъ. Асхабадъ. 1901. Ц. 30 к.

«Руководство къ обученію», да еще съ такимъ расчлененіемъ: «Прогулки, бесѣды и занятія съ дѣтьми. Обученіе письму-чтенію. Счисленіе. Рисованіе. Игры и гимнастика», на 10 страницахъ, очень разгонисто напечатанныхъ, вещь невозможная, конечно. И г. Рыбкинъ даетъ только самый общій набросокъ темы,—не новой, разумѣется, но благовременной и весьма серьезной. Не безъ паюса и литературной умѣлости онъ защищаетъ такіа положенія: «...мы должны прежде всего изощрять мышленіе нашихъ дѣтей на явленіяхъ природы: пусть дѣти начинаютъ ученье съ того, съ чего начало мыслить человѣчество—съ великой книги природы». «Надо поставить дѣло такъ, чтобы уроки имѣли нѣкоторую связь между собою. Это возможно при условіи, чтобы одинъ изъ предметовъ, такъ сказать, проникалъ школу, давалъ-бы ей извѣстный характеръ. Такимъ всеобъемлющимъ предметомъ для дѣтей до 12 лѣтъ можетъ быть естествознаніе, а далѣе исторія... Утвержденіе опять-таки спорное. Нѣсколько утрируя свою «естественную систему», авторъ подчасъ сбивается на двусмысленность. «Прежде чѣмъ учиться читать, человѣкъ умѣлъ писать—иначе нечего было-бы ему и читать». Если умѣлъ написать, умѣлъ, очевидно, и прочесть написанное. Это только двѣ стороны одного и того-же *культурнаго* факта. Но съ ходомъ человѣческаго развитія чтеніе стало болѣе легкимъ, начальнымъ дѣломъ, нежели письмо. Никакого *естественнаго* закона тутъ не выудить. Авторъ общается въ слѣдующихъ «выпускахъ» познакомить читателя подробнѣе съ своими уроками среди природы. Мы и подождемъ. Въ 1-мъ вып. все передано слишкомъ схематично, отрывочно, обще, хотя и весьма живо, остроумно и образно. Такъ, г. Рыбкинъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Для птицъ надо устроить особый кормовой столикъ. Каждый ребенокъ можетъ подвѣсить гдѣ-нибудь къ дереву близъ своего жилья доску, куда и будетъ бросать остатки пищи. Воткнутая въ землю палка аршина 3 — 4 высоты съ набитою сверху доскою представитъ уже хорошій кормовой столикъ для птицъ. Такіе столики устроены почти при каждой школѣ въ Германіи». Къ слову. Извѣстно, что въ Германіи и вообще при домахъ и на улицахъ

устраиваютъ *кормовки*. Ими завѣдуютъ зачастую немощные старики и малые ребятки. Нѣмцы любятъ сады, а потому некутся и о птицахъ. А у насъ, на родинѣ, только еще начинаютъ шевелиться вопросы садоводства. Словомъ, «1-й вып.» у г. Рыбкина книжечка недурная, но главнымъ образомъ конспективная.

А. Налимовъ.

Библіотена для дѣтей и юношества подъ редакціей М. Горбунова-Посонова. Дружба въ мірѣ животныхъ. Разказы А. Ульяновой. М. 1901 г. Ц. 25 коп.

Въ сборникѣ семь небольшихъ разказовъ изъ жизни животныхъ, — обезьянъ, ласточекъ, грачей, волковъ, лисицъ и медвѣдей, — характеризующихъ этихъ животныхъ со стороны ихъ отношенія другъ къ другу. Между разказами есть нѣсколько общеизвѣстныхъ: какъ, напр., разказъ о ласточкахъ, догадавшихся переклевать нитку, чтобы спасти подругу; о мартышкахъ, одолѣвшихъ и прогнавшихъ орла, который хотѣлъ увести маленькую обезьянку; но есть и новые, мало извѣстные факты, доказывающіе силу дружбы между животными.

Написаны разказы просто, доступно, безъ лишнихъ отступленій; только вступленіе къ разказамъ довольно искусственное: дѣти поссорились между собою, а дядя пристыдилъ ихъ и въ поученіе разказалъ нѣсколько примѣровъ о дружбѣ животныхъ.

Издана книжечка очень хорошо и украшена недурными рисунками.

Догановичъ, Анна. Любимчикъ, исторія одного попугая. Изд. Спиридонова. Ц. 25 к.

«Любимчикъ» — это прозвище попугая, вывезеннаго изъ Южной Америки и попавшаго въ Россію въ домъ богатаго чиновника.

Попугай былъ очень умный (слишкомъ даже умный для попугая) и постоянно потѣшалъ и смѣшилъ всѣхъ въ домѣ своими удивительно мѣткими словами и изреченіями. Въ этомъ и заключается вся фабула разказа, которому предпосланъ краткій очеркъ жизни и нравовъ попугаевъ, живущихъ на волѣ. Нѣкоторыя свѣдѣнія попутно сообщаются и среди самаго разказа. Ничего сколько-нибудь яркаго, оригинальнаго разказъ не представляетъ, но мѣстами онъ можетъ позабавить дѣтей и сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и нравахъ попугаевъ.

Пригоденъ разказъ для дѣтей лѣтъ 8—9.

Изъ галлерей дѣтскихъ портретовъ. Разказы современныхъ писателей. Для дѣтей школьнаго возраста составилъ Н. Покровский. Съ рисунками В. Г. Курчевскаго. Москва. Изд. Спиридонова. 1901 г. Цѣна 25 к.

За исключеніемъ Наташи изъ романа «Раннія грозы» М. Крестовской, это все портреты дѣтей болѣзненныхъ и несчастливыхъ. Въ разказѣ «Леля и Надя» (изъ романа Стернъ «Гордость семьи») двое дѣтей: дѣвочка слѣпая, а мальчикъ изнѣженъ и подавленъ любовью и заботами о немъ окружающихъ до такой степени, что шагу не можетъ ступить самостоятельно, робокъ и растерянъ въ присутствіи старшихъ. Въ сказкѣ Бота Мурдыки Теодоръ—совсѣмъ больной, умирающій ребенокъ. Маленькая Адель изъ романа «Обѣтованная земля» Поля Бурже—нѣжная, слабенькая дѣвочка съ прозрачнымъ личикомъ и «печальнымъ, почти горькимъ» выраженіемъ рта. Она постоянно озабочена болѣзнью матери и ея любимая игра состоитъ въ томъ, что она мать, а кукла ея больная дочь.

Дѣтскіе портреты произведутъ впечатлѣніе и возбудятъ участіе въ читателяхъ, но это впечатлѣніе будетъ грустное, а въ дѣтской книгѣ хотѣлось-бы встрѣтить больше здоровья, счастья и жизнерадостности.

«Царь золотой рѣки, или черные братья». Штирійская сказка Джона Рескина. Съ англ. № 405. Москва. 1901 г. Ц. 3 к.

Главная мысль этой причудливой сказки выражается въ словахъ царя «Золотой рѣки»: «только вода изъ источника милосердія всегда чиста, хотя-бы она и была осквернена трупами». Жестокіе братья Гансъ и Шварцъ наказаны за свое безсердечіе и скаредность: юго-западный вѣтеръ, явившійся въ видѣ путника въ домъ братьевъ, изгнанъ ими. Въ наказаніе за это вѣтеръ производитъ наводненіе, обращающее ихъ цвѣтущее помѣстье въ бесплодную пустыню. Братья переселяются въ городъ и узнаютъ средство разбогатѣть безъ труда: нужно достать чистой воды и вылить три капли ея въ водопадъ Золотой рѣки. Братья крадутъ воду изъ цѣлебнаго источника и поочередно идутъ къ водопаду. На пути они отталкиваютъ умирающую отъ жажды собачку, отказываютъ въ глоткѣ воды ребенку и старику. Но вотъ они достигаютъ водопада и выливаютъ воду въ Золотую рѣку—и превращаются въ черные камни. Послѣдовавшій за ними младшій братъ ихъ, кроткій, нѣжный Глюкъ, не доноситъ воды до дѣли, потому что раздастъ ее страдающимъ отъ жажды, но царь Золотой рѣки является передъ нимъ, срываетъ лилію, на которой блестятъ три капли чистой воды, и велитъ Глюку вылить ихъ въ водопадъ. Рѣка не обратилась въ золото, какъ ожидали родные братья Глюка, по потекла въ долину, опустошенную наводненіемъ, и мертвая пустыня снова зазеленѣла. Глюкъ вернулся въ свое помѣстье, разбогатѣлъ и никому не отказывалъ въ помощи.

Переведена сказка не совсѣмъ хорошо.

Библиотека маленького читателя. М. Юрвеа. Суровая школа. Рассказ для дѣтей. Москва. Изд. Спиридонова. 1901 г., 25 к.

Очень милый рассказ о дѣвочкѣ, оставшейся круглой сиротой безъ всякихъ средствъ. Квартирная хозяйка, у которой Катя жила съ матерью, узнала, что у дѣвочки есть дальній родственникъ въ другомъ городѣ; знакомая ея, ѣхавшая туда, взялась отвезти дѣвочку, и вотъ Катя очутилась въ домѣ черствого, скупого, желчнаго старика-чиновника. Дама, привезшая ее, предвидѣла, что «дѣдушка» не будетъ въ восторгѣ отъ навязанной ему дѣвочки, привезла Катю нарочно днемъ, когда старый чиновникъ былъ на службѣ, и оставила ее, сказавъ, что вернется черезъ часъ. Простоватая кухарка, по уходѣ гостии сообразившая, въ чемъ дѣло, со страхомъ ждетъ возвращенія хозяина; дочь ея, бойкая, смышленная и добрая дѣвочка, тоже волнуется въ ожиданіи «дѣдушки». Онъ приходитъ наконецъ, худой, желтый, суровый, и раздражается бранью. Тѣмъ не менѣе дѣвочка остается у него, потому что ей некуда дѣться. Первое время ей страшно тяжело жить со старикомъ, но доброта кухарки и дружба съ ея дочкой поддерживали Катю. Старикъ мало-по-малу привыкаетъ къ названной внучкѣ, по своему привязывается къ ней, и когда приходитъ бумага о томъ, что Катя принята въ институтъ, онъ искренно радуется, что дѣвочка получитъ образованіе, и они расстаются съ теплымъ чувствомъ другъ къ другу. Написанъ рассказъ очень просто, доступно для дѣтей средняго возраста.

Библиотека для дѣтей и юношества. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Дочь кукольнаго комедіанта. Рассказъ Т. Шторма. Съ нѣмецкаго перевелъ Л. Б. Москва. 1901 г. 25 к.

Нѣсколько сантиментальная, но очень трогательная исторія дочери комедіанта и товарища ея дѣтскихъ лѣтъ возбудитъ живое сочувствіе въ маленькихъ читателяхъ. Въ небольшой нѣмецкій городъ пріѣзжаетъ кукольный комедіантъ съ женой и дочерью, хорошенькой маленькой дѣвочкой. Дѣвочка знакомится съ сыномъ одного изъ городскихъ жителей. Лизокъ приводитъ мальчика въ театръ, показываетъ ему маріонетокъ, но проситъ его не трогать куколъ. Павлуша не можетъ устоять передъ искушеніемъ и, взявъ въ руки одного изъ игрушечныхъ актеровъ, ломаетъ пружину, двигающую его руки. Во время представленія оказывается, что кукла не можетъ поднимать рукъ, какъ требуется по ходу пьесы. находчивость комедіанта спасаетъ пьесу, но дѣвочкѣ грозитъ наказаніе. Павлуша сознается, что онъ сломалъ куклу; отцу его, токарю и механику, удается починить злополучнаго Каспара и дѣти получаютъ прощеніе. Приключеніе съ Каспаромъ тѣснѣе связываетъ ихъ и они проводятъ неразлучно нѣсколько счастливыхъ дней. Но вотъ всѣ пьесы репертуара сыграны, и кукольная труппа уѣзжаетъ изъ города. Проходятъ 12 лѣтъ. Родители Павлуши умерли; онъ сдѣлался подма-

стеремъ токарнаго цеха и совершенно случайно снова встрѣчается съ Лизочкой, теперь красивой молодой дѣвушкой. Встрѣча происходитъ при печальныхъ для Лизочки обстоятельствахъ: матери ея уже нѣтъ въ живыхъ, а отецъ невинно попалъ въ тюрьму. Павелъ горячо принимается за дѣло подруги дѣтства и все кончается благополучно. Отца Лизочки оправдываютъ, Павелъ и Лизочка женятся и поселяются вмѣстѣ со старымъ комедіантомъ въ томъ городкѣ, гдѣ состоялось ихъ первое знакомство.

Разсказъ написанъ очень просто, теплота и задушевность его тона скрадываютъ мелодраматичность нѣкоторыхъ положеній. Да мелодраматизмъ и не вредитъ въ дѣтскомъ разсказѣ. Повѣсть доступна дѣтямъ средняго возраста.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія въ Западной Европѣ.

Заботы объ эстетическомъ образованіи во Франціи и въ Германіи.

Въ числѣ запросовъ, предъявляемыхъ въ послѣднее время школъ, выдвигается вопросъ и о необходимости эстетическаго образованія, о развитіи художественнаго вкуса въ народѣ черезъ посредство школы, начиная съ самыхъ низшихъ ея ступеней. Въ Германіи основалось среди учителей Общество попеченія о художественномъ образованіи (*Lehrervereinigung zur Pflege der Künstlerische Bildung*), подъ предѣлательствомъ учителя Гетце. Органомъ этого Общества служитъ еженедѣльный педагогическій листокъ «*Pädagogische Reform*», живо интересующійся всякими новыми вѣяніями въ школъ. Общество это организовало въ Гамбургѣ методическіе курсы рисованія, живописи и лѣпки для учителей и учительницъ. Курсы эти ведутся съ сентября до конца марта. Весь курсъ имѣетъ 30 уроковъ, съ платою за нихъ 5 марокъ и 3 марки добавочныхъ за учебныя пособія, которыя выдаются въ полную собственность участникамъ курсовъ. Кромѣ того, Общество устроило еще особые курсы, участники которыхъ обучаются умѣнью вести пренія составлять рефераты и вообще излагать свои мысли краснорѣчиво, въ изящной формѣ. Общество имѣетъ свою бібліотеку, открытую разъ въ недѣлю. Собранія Общества посвящены обсужденію вопросовъ, касающихся распространенія въ народѣ черезъ школу художественнаго образованія. Этимъ Обществомъ былъ созданъ въ Дрезденѣ на 28-е и 29-е сентября 1901-го года съѣздъ для обсужденія вопросовъ художественнаго образованія. Приглашенія на съѣздъ были рзосланы отъ имени предѣлателя Общества Гетце, директора бібліотеки королевскаго художественнаго музея въ Берлинѣ д-ра Гессена, директора королевской академіи художествъ въ Штуттгартѣ гр. Колькрейна, профессора Тюбингенскаго университета доктора Конрада Ланге, директора художественнаго музея въ Гамбургѣ доктора Альфреда Литверпа, берлинскаго профессора Людвига и тайнаго совѣтника Зейдлица изъ Дрездена. Такимъ образомъ, люди, прикосновенные къ педагогикѣ и къ искусству, профессора, учителя и художники, приняли на себя лочинъ этого съѣзда. Участниками съѣзда, число которыхъ достигло 250 человекъ, были въ громадномъ большинствѣ учителя—отъ народныхъ учителей до профессоровъ университета и академій; собралось много и художниковъ, были директора художественныхъ музеевъ и картинныхъ галлерей и представители правительственныхъ учреждений и го-

родского управления. Отчетъ объ этомъ съѣздѣ помѣщенъ въ № 42-мъ «Р. В.» за 1901 годъ. Вопросы, обсуждавшіеся на съѣздѣ, очень разнообразны. Первый рефератъ былъ посвященъ вопросу «О воспитаніи вкуса въ изящному въ дѣтствѣ». Референтъ, напомнивъ, что впечатлѣнія ранняго дѣтства оставляютъ неизгладимыя слѣды въ душѣ ребенка, указывалъ на необходимость доставлять пробуждающимся и развивающимся внѣшнимъ чувствамъ ребенка художественный матеріалъ для воспитанія. Главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли могутъ служить картины на стѣнахъ дѣтской и книжки съ картинками, которыя должны развивать въ ребенкѣ не только наблюдательность (о чемъ обыкновенно и заботятся), но и воображеніе и способность отдаваться эстетическимъ иллюзіямъ (ästhetische Illusionsfähigkeit). Обстановка, развивающая эстетическіе вкусы, должна сопровождать ребенка и въ школѣ. Профессоръ Фишеръ въ своемъ рефератѣ «О школьномъ зданіи» горячо возстаеъ противъ казарменнаго стиля, пустоты и угрюмости школы. Школьное зданіе должно быть красиво снаружи, построено по возможности въ національномъ стилѣ и украшено внутри; даже на окраску стѣнъ должно быть обращено вниманіе; при всемъ этомъ не должно ограничиваться только гигиеническими требованіями, но необходимо принять во вниманіе и эстетическія.

Украшеніямъ стѣнъ классной комнаты былъ посвященъ особый докладъ. Картины въ классѣ должны быть раскрашенными, такъ какъ одноцвѣтныя копіи художественныхъ произведеній не передадутъ какъ слѣдуетъ впечатлѣнія, производимаго оригиналомъ. Самыми лучшими картинами съѣздъ признаетъ цвѣтныя литографіи съ оригинала, которыя воспроизводятъ въ совершенствѣ самыя лучшія художественныя произведенія. Образцы этихъ литографій были выставлены въ залахъ Дрезденскаго художественнаго музея (Albertinum) рядомъ съ Олимпійскимъ заломъ, гдѣ происходили засѣданія Общества. Эти картины стоятъ очень дешево (отъ 3-хъ марокъ до 6-ти), и поэтому могутъ быть приобретаемы каждой школой.

Возбуждался и вопросъ о томъ, можно ли ограничиваться непосредственнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ художественнымъ произведеніемъ на учениковъ, или же учитель долженъ объяснять и указывать дѣтямъ на красоты и значеніе картины? Мнѣнія при этомъ раздѣлились; нѣкоторые считали нежелательнымъ вліяніе учителя, боясь, что онъ можетъ парализовать силу непосредственнаго впечатлѣнія; другіе же находили необходимымъ, чтобы учитель, если онъ обладаетъ педагогическимъ тактомъ и «умѣнемъ видѣть художественныя красоты», открывалъ дѣтямъ глаза на эти красоты.

Былъ поднятъ вопросъ и о книгахъ съ картинками, къ составленію которыхъ желательно было бы привлечь настоящихъ художниковъ, среди которыхъ, конечно, найдутся люди, понимающіе дѣтей и обладающіе юморомъ и фантазіей, т.-е. качествомъ, необходимымъ для успѣха среди дѣтскаго міра.

Что касается художественнаго элемента въ дѣлѣ преподаванія, то въ рефератѣ г. Гетце «Рисованіе и ѣпка» было указано, что нынѣ весь характеръ обученія въ школѣ носитъ исключительно словесный характеръ. Обученіе языку должно найти противовѣсъ и дополненіе въ обученіи рисованію, такъ чтобы рисованіе служило самостоятельнымъ способомъ выраженія мысли, равноправнымъ(?) съ рѣчью и письмомъ. Пока еще обученіе рисованію не поставлено правильно, но важное значеніе его для школы уже начинаютъ понимать. Въ концѣ реферата выставлены слѣдующіе тезисы: 1) Рисованіе должно быть поставлено въ число главнѣйшихъ учебныхъ пред-

метовъ въ каждой школѣ. 2) Ученики должны пріучаться самостоятельно наблюдать природу, форму и окраску окружающихъ ихъ предметовъ и изображать все наблюдаемое просто и ясно. 3) Каждый учитель долженъ умѣть рисовать и обладать развитой способностью къ наблюденію и интересомъ къ искусству. Забота о развитіи художественнаго вкуса должна быть внесена и въ занятія ручнымъ трудомъ, такъ чтобы ученикъ пріучался обрабатывать данный матеріалъ сообразно его свойствамъ и пониманію, что красота, предмета вытекаетъ изъ полного соответствія формы предмета съ его назначеніемъ и умѣлъ находить изящество въ простотѣ, избѣгая нагроможденія излишнихъ украшеній. Для достиженія подобныхъ результатовъ при обученіи необходимо, чтобы учителя получали соответственную подготовку, о чемъ и шла рѣчь на съѣздѣ. Къ сожалѣнію, въ отчетѣ, помѣщенномъ въ «Р. В.», ничего не говорится объ этомъ вопросѣ.

Основные рефераты были посвящены общимъ вопросамъ: «Какъ научить юношество наслаждаться художественными произведеніями» и «Какія главные задачи художественнаго образованія». Эта главная задача понимается участниками съѣзда, какъ воспитаніе въ ребенкѣ способности къ эстетическому наслажденію.

Въ заключеніе былъ прочитанъ рефератъ подъ громкимъ заглавіемъ «Нѣмецъ въ грядущемъ». По словамъ реферата, три главные жизненные силы работаютъ надъ созданіемъ нѣмца: будущая школа, университетъ и армія. Нѣмецкій учитель, нѣмецкій профессоръ и нѣмецкій офицеръ призваны быть проводниками новой культуры, которая можетъ быть создана только свободными людьми, гармонически развившими свою силу и красоту. Такими людьми должны воспитать себя и затѣмъ воспитывать другихъ учитель, профессоръ и офицеръ. Интересно-бы знать, какъ можетъ офицеръ воспитывать эстетическія, художественныя чувства въ своихъ солдатахъ; научать ихъ находить эстетическое наслажденіе, самое облагораживающее, безкорыстное изъ всѣхъ видовъ наслажденій? Какъ совмѣстимо это эстетическое наслажденіе съ видомъ поля, покрытаго окровавленными трупами, со стопами раненыхъ и умирающихъ? А если участника и виновника такого зрѣлища будутъ еще наслаждаться его своеобразной красотой, то какъ-же тогда сохранится гармоническое отношеніе между нравственнымъ и эстетическимъ развитіемъ? Каковы-бы ни были однако-же крайности, во всякомъ случаѣ вопросъ объ эстетическомъ образованіи вызвалъ большое сочувствіе, хотя и раздавались голоса, предохраняющіе отъ слишкомъ большого увлеченія въ новомъ направленіи. Такъ, въ томъ-же журналѣ «Pädagogische Reform» помѣщено письмо одного учителя, который, находя одностороннимъ увлеченіе поборниковъ эстетическаго образованія, говоритъ, что школа должна-бы побольше заботиться о развитіи въ учащихся любви къ природѣ, самостоятельности, жизнерадостности, энергіи и способности увлекаться избранной дѣятельностью. Авторъ письма указываетъ на главный недостатокъ современной молодежи—инертность и отсутствіе энтузіазма, и говоритъ, что главное наслажденіе жизни не въ эстетическомъ созерцаніи, а въ дѣятельной борьбѣ за свои взгляды, за свое дѣло, и что такихъ борцовъ и работниковъ должна готовить школа, а не благодушныя созерцатели прекраснаго. Однако, не смотря на отдѣльные протестующіе голоса, поборники значенія эстетическаго образованія не теряютъ надежды на торжество своихъ взглядовъ, а школьные Совѣты нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городовъ уже внесли на разсмотрѣніе вопросы объ украшеніи стѣнъ картинами и о сообщеніи

всей внѣшности школы характера, соотвѣтствующаго эстетическимъ требованіямъ.

Заботой о развитіи въ народѣ эстетическаго вкуса при посредствѣ школы заняты и французскіе педагоги. Въ «Revue pédagogique» за августъ 1901 г. помѣщена интересная статья «L'art et l'école», въ которой приведена рѣчь директора народныхъ училищъ г. Бана, произнесенная имъ въ Сорбоннѣ по приглашенію Комитета ассоціаціи бывшихъ учениковъ учительской семинаріи, теперешнихъ учителей департамента Сены, на тему «Искусство въ его отношеніи къ демократіи и школѣ». Не касаясь значенія пѣнія и поэтическихъ произведеній, лекторъ разсматриваетъ только значеніе изобразительныхъ искусствъ въ школѣ, развитіе ея пониманія формъ цвѣтовъ. Онъ очень широко смотритъ на дѣло развитія школой вкуса и подготовку къ пониманію художественныхъ произведеній.

Первой заботой школы въ этомъ направленіи должно быть развитіе любви къ порядку, понимаемому въ очень широкомъ смыслѣ. Приученіе къ порядку одно изъ главныхъ средствъ для развитія художественнаго вкуса. Необходимо, чтобы ребенокъ понималъ, что всякій предметъ въ классѣ занимаетъ и долженъ занимать опредѣленное, и именно одно и то-же, мѣсто не по случайной прихоти, а или въ силу своего назначенія или впечатлѣнія, производимаго имъ въ ансамблѣ, что безпорядокъ нарушаетъ этотъ ансамбль; далѣе, подготовкой къ пониманію искусства должно служить развитіе пониманія гармоничности движеній, чему способствуетъ правильно поставленная гимнастика. Лекторъ говорилъ даже объ упражненіяхъ въ «каллистеніи», т.-е. въ искусствѣ сообщать тѣлу красивыя, граціозныя движенія; эти упражненія онъ желалъ-бы ввести не только въ школахъ дѣвочекъ, но и мальчиковъ. Но самыя необходимыя условія для пониманія искусства—любовь и уваженіе къ жизни во всеѣхъ ея проявленіяхъ. Нужно научить ребенка любить жизнь во всеѣхъ—въ растеніяхъ, животныхъ. Школа должна быть окружена садомъ, но не ради сельско-хозяйственныхъ цѣлей, а для «чарованія очей»; школа должна являться взорамъ ребенка вся въ цвѣтахъ и въ зелени; желательно, чтобы у каждаго ребенка былъ свой уголокъ садика, если-же это невозможно, то хотя какое-нибудь свое растеніе, которое онъ воспитывалъ-бы, заботился о немъ и любилъ его. Когда ребенокъ пойметъ предельность жизни въ растеніяхъ, необходимо, чтобы онъ понялъ ее въ насѣкомомъ, въ отдѣльномъ животномъ, а затѣмъ уже во всей природѣ. Дѣти трудно понимаютъ красоты природы, въ особенности грандіозныя картины, далекія перспективы; необходимо, поэтому лишь понемногу вводить ихъ въ этотъ кругъ впечатлѣній, приучая наслаждаться красотой маленькаго мирнаго роднаго угла. Такимъ образомъ художественное чувство мало-по-малу будетъ пробуждаться въ дѣтяхъ. Для дальнѣйшаго его развитія важнымъ средствомъ служатъ книги съ картинками. Первой книгой, данной въ руки дѣтямъ, должна быть такая книга, гдѣ цѣлые несложные рассказы переданы были-бы въ рядѣ сценъ, которыя могъ-бы пересказать ребенокъ въ плавномъ разсказѣ. И при дальнѣйшемъ обученіи книги для чтенія, историческія и географическія должны быть иллюстрироваными, но картины непременно должны быть художественными, и желательно, чтобы учителя обращали вниманіе на достоинство иллюстрацій.

Для развитія художественнаго вкуса необходимо также, чтобы стѣны школы были украшены картинами, доступными дѣтскому пониманію: пейзажами различныхъ мѣстностей родной страны, изображеніями великихъ дѣятелей родины и т. п.

Наконецъ, въ дѣлѣ художественнаго образованія имѣеть значеніе посѣщеніе музеевъ, ознакомленіе съ образцовыми произведеніями великихъ художниковъ. Эти посѣщенія, по мнѣнію лектора, нынѣ обыкновенно очень плохо организованы и не достигаютъ своей цѣли. Дѣти пробѣгаютъ быстро громадныя галлерей и залы, не зная на чемъ остановить свое вниманіе, унося въ головѣ хаосъ, въ которомъ не могутъ разобраться, утомленіе, а иногда и отвращеніе къ музеямъ, которые уже потомъ не посѣтятъ никогда по доброй волѣ. Необходимо посѣщать музеи съ опредѣленной цѣлью, намѣтивъ впередъ картины, на которыя нужно обратить вниманіе; такъ, послѣ чтенія біографіи какого-либо замѣчательнаго дѣятели, или послѣ прохожденія отдѣла исторіи или географіи можно посѣтить музей, чтобы рядомъ прекрасныхъ и уже вполне понятныхъ по содержанію картинъ освѣтить и закрѣпить сообщенное на урокъ. Но еще большее, нежели посѣщеніе музеевъ, имѣютъ значеніе экскурсіи въ ближайшія къ школѣ мѣстности, замѣчательныя въ историческомъ отношеніи или особенно живописныя.

Всѣ эти средства, которыми школа вполне можетъ располагать, помогутъ развить въ ребенкѣ воспримчивость къ эстетическимъ впечатлѣніямъ и сдѣлать въ будущемъ его жизнь полнѣе и счастливѣе. «Я хотѣлъ-бы,—заканчиваетъ свою рѣчь референтъ,—чтобы и народъ получилъ свою долю тепла и свѣта отъ того солнца красоты, которое освѣщаетъ интеллектуальный міръ, которое разсвѣиваетъ или отгоняетъ во тьму безобразія и печали людей и своими лучами смягчаетъ даже наши бѣдствія».

Въ концѣ указанной нами статьи «L'art et l'école» приведены заключенія педагогической конференціи народныхъ учителей второго Парижскаго округа, обсуждавшей, подъ предсѣдательствомъ инспектора начальныхъ училищъ, вопросъ о воспитаніи вкуса.

Исходя изъ того положенія, что вопросъ о воспитаніи вкуса имѣеть общественное значеніе, такъ какъ каждый человѣкъ имѣеть право на высшія, только человѣку свойственныя эстетическія наслажденія, что эстетическія впечатлѣнія противодѣйствуютъ развитію грубыхъ инстинктовъ и увлеченію страстями, что красота имѣеть нравственное смягчающее вліяніе и что въ области искусства, какъ чистаго, такъ и прикладнаго. Франція занимаетъ первое, всѣми признанное мѣсто,—конференція признаетъ обязанностью каждаго француза заботиться о развитіи и поддержкѣ художественнаго вкуса въ народѣ.

Въ дѣлѣ воспитанія вкуса школа имѣеть большое значеніе и можетъ дѣйствовать всей обстановкой, характеромъ обученія и особыми вспомогательными средствами.

Обстановка можетъ дѣйствовать на развитіе вкуса, во-1-хъ, строгой чистотой и безупречнымъ порядкомъ школьныхъ помѣщеній. Затѣмъ, тамъ, гдѣ возможно, школьный дворъ долженъ быть украшенъ красивыми группами деревьевъ, клумбами, цвѣтами въ горшкахъ; коридоры и площадки для игръ должны быть украшены картинами; классныя стѣны не должны быть увѣшаны учебными пособиями, которыя должны сохраняться въ порядкѣ и тщательно въ особыхъ помѣщеніяхъ, защищенныхъ отъ пыли, а должны украшаться картинами—копіями съ произведеній извѣстныхъ художниковъ.

Изъ предметовъ обученія развитію художественнаго чувства должна содѣйствовать правильно поставленная гимнастика, уроки «каллистеніи» и танцы. При обученіи морали къ практическимъ урокамъ вѣжливости и

«savoir vivre» можно прибавлять и совѣты относительно одежды, прически и т. п. При выборѣ матеріала для чтенія, необходимо обращать вниманіе на художественную цѣнность читаемыхъ произведеній. На урокахъ рисованія и ручного труда необходимо обращать вниманіе на чистоту формъ, на подборъ оттѣнковъ, на гармоничность сочетаній. Кромѣ того, вспомогательными средствами могутъ служить прогулки, съ цѣлью наблюденія красоть природы, правильно организованныя посѣщенія музеевъ, туманныя картины, воспроизводящія художественныя произведенія, школьные праздники и т. п.

Такимъ образомъ, и Германія, и Франція сходятся въ желаніи скрасить школьную жизнь и развитіемъ въ учащихся склонности ко всему изящному облагородить народъ.

Хроника народнаго образованія.

Проектъ организаціи народнаго образованія гласнаго нижегородскаго губернскаго земскаго собранія А. И. Зыбина.—Необходимость единства въ завѣдываніи народнымъ образованіемъ.—Епархіальное вѣдомство и школьно-библиотечный комитетъ Сибирской желѣзной дороги.—Земскія субсидіи церковно-приходскимъ школамъ.—Школьныя кассы.—Манкировки учащихся въ начальныхъ школахъ.—Повторительные классы.— Положеніе народнаго учителя — матеріальное, общественное и нравственное и новыя иллюстраціи этого положенія.

Какъ извѣстно, послѣ осуществленія предположеннаго преобразованія нашей высшей и средней школы имѣется въ виду поставить на очередь и вопросъ о преобразованіи начальнаго образованія. Неудивительно, что лица, стоящія близко къ дѣлу этого послѣдняго и интересующіяся имъ, уже начинаютъ обсуждать разнаго рода принципиальные вопросы, связанные съ современнымъ положеніемъ начальнаго образованія и ожидаемымъ преобразованіемъ этого положенія. Такихъ вопросовъ въ истекающую сессію земскихъ собраній было возбуждено не мало земскими дѣятелями разныхъ губерній. Между всеми докладами и заявленіями, представленными по этому поводу вниманію земскихъ собраній, особенно выдѣляется внесенный въ нижегородское губернское земское собраніе докладъ гласнаго этого собранія А. И. Зыбина, представляющій собою полный проектъ организаціи начальнаго народнаго образованія. Сущность проекта, вызвавшаго къ себѣ глубокое вниманіе какъ въ нижегородскомъ земскомъ собраніи, такъ и въ нашей печати, сводится къ слѣдующему:

Г. Зыбинъ признаетъ народное образованіе государственною необходимостью и сравниваетъ его съ мостомъ, по которому должны и только и могутъ проходить въ населеніе всѣ экономическія, соціальныя и политическія реформы и безъ котораго всѣ начинанія правительства и общества, какъ не воспринятыя народомъ осмысленно и сознательно, заранѣе обречены на жалкое существованіе. Въ виду этого народное образованіе должно находиться, по мнѣнію г. Зыбина, въ рукахъ государства, которое одно имѣетъ и матеріальную, и юридическую возможность создать повсемѣстность и обезпеченность народной школы. Притомъ, попеченіе о народномъ образованіи должно находиться въ одномъ вѣдомствѣ, въ видахъ уничтоженія антагонизма между вѣдомствами и ради единства идеи, осуществляемой организаціей народнаго образованія. Вѣдомство это должно преслѣдовать наименѣ спеціальныя цѣли и имѣть въ виду лишь идею общей культуры, а такимъ вѣдомствомъ мо-

жетъ явиться лишь Министерство Народнаго Просвѣщенія. Государство должно законодательнымъ порядкомъ опредѣлить, на какое число дѣтей школьнаго возраста обязательно должно быть учреждено по школъ, утвердить сѣтъ школъ на основаніи мѣстныхъ данныхъ, открыть государственный кредитъ для постройки школьныхъ зданій, причемъ должна быть установлена законодательнымъ порядкомъ доля расходовъ, падающая на земства и сельскія общества; издать программу обязательныхъ предметовъ, проходимыхъ въ начальной школъ, иначе говоря, опредѣлить минимумъ знаній, которыя школа должна давать, предоставивъ затѣмъ мѣстнымъ органамъ широкое право включать въ программу школы и необязательные по государственной программѣ предметы. Наибольшая доля расходовъ по содержанию школъ, какъ дѣла, представляющаго государственную необходимость, должна падать на государство; возложеніе части расходовъ на земскія и городскія общественныя учрежденія и сельскія общества полезно и необходимо, такъ какъ это дастъ право мѣстнымъ учрежденіямъ принять участіе въ попеченіи о народномъ образованіи, которое отъ заботливости людей, близко знающихъ мѣстныя нужды, можетъ только выиграть. Какъ на источникъ, могущій дать средства на покрытіе расходовъ по народному образованію, г. Зыбинъ указываетъ на повышеніе цѣны на водку (по двѣ копейки на сотую часть ведра), что можетъ дать на нужды народнаго образованія 42 милл. рублей. Что касается обязательной, т.-е. минимальной программы народной школы, то г. Зыбинъ полагаетъ, что, кромѣ преподаваемаго нынѣ въ народной школъ, въ ней должны быть изучаемы еще два предмета — законовѣдѣніе и естествознаніе. Учащіеся въ начальной школъ должны вынести понятіе о крестьянскомъ надѣлѣ, о правахъ и обязанностяхъ сельскихъ обществъ и ихъ членовъ, объ организациі крестьянскаго самоуправленія, о гражданскомъ правѣ вообще, о важнѣйшихъ преступленіяхъ и проступкахъ и наказаніяхъ за нихъ, о царской власти и тѣхъ органахъ власти свѣтской и церковной, которые ближе стоятъ къ народу. Точно также ученики народной школы должны вынести изъ нея понятіе о главныхъ силахъ природы, ея явленіяхъ и произведеніяхъ настолько, чтобы имѣть возможность наблюдать и понимать происходящее въ окружающей природѣ. Курсъ школы въ виду этихъ новыхъ предметовъ долженъ быть расширенъ до 4-хъ лѣтъ. При введеніи же обязательныхъ предметовъ (бухгалтерія, леченіе скота, отрасли сельскаго хозяйства и т. п.) прибавляется пятый годъ обученія. Возлагая на учителя народной школы преподаваніе столь важныхъ предметовъ, какъ право и естествознаніе, г. Зыбинъ естественно долженъ требовать отъ него и болѣе высокаго образовательнаго ценза; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требуетъ повышенія вознагражденія учительскаго труда, предоставленія народнымъ учителямъ правъ на пенсію и государственную службу. Общее завѣдываніе народнымъ образованіемъ и постоянный надзоръ за нимъ сосредоточиваются въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, которое также заботится о подготовкѣ учительскаго персонала въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ; мѣстный же надзоръ за школами, составленіе проектовъ программъ, назначеніе, перемѣщеніе и увольненіе учителей сосредоточиваются въ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ Совѣтахъ. Директора и инспектора народныхъ училищъ должны являться совѣтниками въ училищныхъ Совѣтахъ, состоящихъ изъ полноправныхъ членовъ, и наблюдателями за тѣмъ, чтобы въ дѣятельности разныхъ лицъ по народному образованію не было коренныхъ отклоненій отъ закона. Для ближайшаго наблюденія за школами уѣзды дѣлятся на районные уча-

стки, въ которыхъ учреждаются особыя комиссіи подъ предсѣдательствомъ членовъ училищныхъ Совѣтовъ; въ составъ такихъ комиссій входятъ все учителя и законоучителя района, попечители школъ и выборные отъ земствъ и сельскихъ обществъ изъ числа отцовъ учащихся въ школахъ дѣтей.

Докладъ этотъ вызвалъ въ нижегородскомъ земскомъ собраніи оживленный обменъ мнѣній, послѣ котораго собраніе постановило передать докладъ въ комиссію о нуждахъ общаго и профессиональнаго образования.

Мы остановились на докладѣ г. Зыбина лишь какъ на характерномъ проявленіи извѣстнаго настроенія земскихъ сферъ. Въ докладѣ этомъ, равно какъ и во вниманіи, которое онъ вызвалъ къ себѣ въ собраніи, слишкомъ замѣтно сказывается неудовлетворенность существующимъ въ области народнаго просвѣщенія положеніемъ вещей: раздробленіемъ школъ между разными вѣдомствами, ограниченіемъ школьныхъ программъ, кратковременностью школьнаго курса, незначительностью роли училищныхъ Совѣтовъ и чрезмерностью правъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, слабымъ участіемъ государства въ расходахъ на народное образование, отсутствіемъ обязательности обученія, устраненіемъ отъ завѣдыванія школами мѣстныхъ силъ и въ частности родителей учащихся, неудовлетворительнымъ положеніемъ, матеріальнымъ и общественнымъ, учащихся въ народной школѣ, ихъ недостаточною подготовкою, отсутствіемъ связи между школьнымъ преподаваніемъ и требованіями жизни и т. д. Нельзя, однако, не сказать, что собственно пракческаго значенія записка г. Зыбина не имѣетъ; такъ какъ она рисуетъ такое положеніе вещей, которое совершенно неосуществимо при нашихъ реальныхъ условіяхъ. Трудно предположить, чтобы въ ближайшемъ будущемъ роль инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ могла свестись къ роли экспертовъ, какъ, напр., въ Финляндіи. Но точно также трудно себѣ представить, чтобы въ начальной народной школѣ можно было-бы хотя-бы и на четвертомъ году обученія въ серьезъ преподавать начатки права или хотя-бы практическія юридическія нормы. Какъ ни желательно проведеніе въ народную среду юридическихъ знаній, но, очевидно, преподаваніе ихъ возможно развѣ только на повторительныхъ занятіяхъ, въ воскресныхъ школахъ и вечернихъ курсахъ,—вообще при занятіяхъ съ болѣе или менѣе взрослыми учащимися. Во всякомъ случаѣ, записка г. Зыбина и отношеніе къ ней нижегородскаго земскаго собранія свидѣтельствуютъ, что въ земской средѣ продолжается творческая работа по отношенію къ дѣлу народнаго просвѣщенія и что теоретическіе вопросы, возбуждаемые жизнью, находятъ откликъ и интересъ среди земскихъ дѣятелей.

Изъ положеній, высказанныхъ г. Зыбинымъ, заслуживаетъ особаго вниманія указаніе на необходимость сосредоточенія попеченія о народномъ образованіи въ одномъ вѣдомствѣ, во избѣжаніе нежелательныхъ столкновеній, и именно въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, которое является единственнымъ отвѣчающимъ тѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявляемы къ такому объединяющему дѣлу народнаго образованія вѣдомству. Нынѣшняя разрозненность народно-просвѣтительнаго дѣла, представляя собою чрезвычайно сложную систему правъ и обязанностей разныхъ вѣдомствъ въ области народнаго просвѣщенія, дѣйствительно порождаетъ постоянныя столкновенія, которыя не могутъ не отражаться печально на положеніи образовательнаго дѣла. Характернымъ образчикомъ въ этомъ отношеніи является разногласіе, возникшее между томскимъ епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ и школьно-библіотечнымъ комитетомъ Си-

бирской желѣзной дороги по вопросу о правѣ выбора преподавателей въ церковно-приходскія школы, расположенныя въ нѣкоторыхъ пунктахъ названной дороги и содержимыя на ея счетъ. Ближайшимъ поводомъ разногласія послужило назначеніе Томскимъ училищнымъ епархіальнымъ Совѣтомъ въ школу на станціи Каинскъ учительницы не только безъ вѣдома управленія желѣзной дороги, но даже и безъ извѣщенія его объ этомъ назначеніи. Школьно-библиотечный комитетъ не согласился съ этимъ назначеніемъ, какъ потому, что выборъ преподавателей въ школы, содержимыя на счетъ желѣзной дороги, принадлежитъ управленію этой послѣдней, такъ и потому, что въ Каинскую школу требовалась не учительница, а учитель, который могъ-бы завѣдывать и общежитіемъ для мальчиковъ при школѣ, о чемъ и было постановлено увѣдомить почетнаго блюстителя школы. Епархіальный училищный Совѣтъ, опираясь на правила о церковно-приходскихъ школахъ, предоставляющихъ епархіальной власти исключительное право утвержденія въ должности и увольненія преподавателей церковно-приходскихъ школъ, на чьи-бы онѣ средства ни содержались, не призналъ за школьнымъ комитетомъ права увольнять учительницу, назначенную Совѣтомъ въ Каинскую школу. Управление дороги не согласилось съ епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ и увѣдомило его, что никто и никогда не имѣлъ намѣренія оспаривать права Совѣта утверждать учителей и учительницъ, но управление оставляетъ за собою право выбора кандидатовъ на учительскія должности въ своихъ школахъ, а потому учительница, назначенная безъ согласія и даже безъ вѣдома управленія дороги, не можетъ быть принята имъ на службу въ Каинскую школу («Русскія Вѣдомости», 1901 г., № 319).

Въ этомъ столкновеніи двухъ учрежденій обращаетъ на себя вниманіе судьба, съ одной стороны, учительницы, а съ другой—школы и учащихся въ ней. Учительница, назначенная епархіальнымъ Совѣтомъ, не признается школьно-библиотечнымъ комитетомъ, а потому и жалованья отъ послѣдняго не получаетъ. Можно себѣ представить, что должна вытерпѣть несчастная дѣвушка, не имѣя чѣмъ удовлетворить даже свой голодь. Съ другой стороны, когда, наконецъ, учительница оставляетъ школу, гдѣ ей угрожаетъ голодная смерть, школа остается безъ учащаго и фактически прекращаетъ свое существованіе, а дѣти остаются безъ обученія. Таковы послѣдствія раздѣленія завѣдыванія образованіемъ между разными вѣдомствами.

Факты, въ родѣ указаннаго, возникающіе какъ неизбѣжный результатъ раздѣленія завѣдыванія школьнымъ дѣломъ между цѣлымъ рядомъ вѣдомствъ, весьма нерѣдки въ нашей жизни. Неудивительно, если въ послѣднее время наши земскія учрежденія, еще недавно довольно щедро ассигновывавшія свои средства въ помощь церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамоты, также, какъ извѣстно, состоящимъ въ вѣдѣніи епархіальныхъ училищныхъ Совѣтовъ, теперь повсемѣстно стараются избѣжать этихъ субсидій. На земскихъ собраніяхъ истекшей сессіи эта тенденція проявилась весьма замѣтно. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ проявленія этой тенденціи. Камышловское уѣздное земство (Пермской губ.), начиная съ 1892 года, ежегодно выдавало по 2 тыс. рублей въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ. Въ нынѣшнемъ году земское собраніе постановило исключить указанный расходъ изъ смѣты. Представитель духовнаго вѣдомства указывалъ на то, что въ случаѣ отказа въ пособіи духовное вѣдомство вынуждено будетъ передать земству 17 школъ грамоты, полученныхъ отъ земства въ 1892 года. Однако собраніе, имѣя въ виду, что указанная передача со-

стоялась не только не по желанію, но противъ желанія земства и считая обратную передачу земству школъ грамоты явленіемъ исполнѣ желательнымъ, не отказалось отъ своего постановленія о прекращеніи пособія. Сергачское земство (Нижегородской губ.) также субсидировало въ теченіе ряда лѣтъ церковно-приходскія школы ежегоднымъ ассигнованіемъ 2.480 рублей. На послѣднемъ земскомъ собраніи былъ поднятъ вопросъ о прекращеніи этой субсидіи. Какъ мотивъ для прекращенія дальнѣйшаго субсидированія церковно-приходскихъ школъ, приводилось то, что собственныя земскія школы испытываютъ нужду и въ сносныхъ помѣщеніяхъ, и въ учебныхъ пособияхъ, что учителя земскихъ школъ, благодаря скудости жалованья, вынуждены жить въ крайне тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ и что церковно-приходскія школы пользуются пособіемъ отъ казны на нѣсколько милліоновъ рублей. Если положеніе церковно-приходскихъ школъ, не смотря на казенную субсидію, все-таки незавидно, то это объясняется, по мнѣнію говорившихъ на собраніи противъ земской субсидіи, неравномѣрнымъ распределеніемъ казенныхъ средствъ, доходящимъ до того, что есть школы духовнаго вѣдомства, въ которыхъ учителя получаютъ жалованья три рубля въ мѣсяць, и есть наблюдатели за школами, которые получаютъ по тысячѣ рублей въ годъ. При болѣе правильномъ распределеніи казенныхъ средствъ, отпускаемыхъ на школы духовнаго вѣдомства, послѣднія совсѣмъ не нуждались-бы въ земскомъ пособіи. Въ виду всего этого собраніе и постановило прекратить земскую субсидію школамъ духовнаго вѣдомства.

Въ такомъ-же родѣ велись пренія при обсужденіи вопроса о земской субсидіи школамъ Духовнаго Вѣдомства во многихъ земскихъ собраніяхъ и такого-же рода здѣсь состоялись постановленія. Курское губ. земство, не отвергая субсидированія школъ Дух. Вѣд. со стороны земскихъ учреждений, пожелало внести въ эту сторону земской дѣятельности нѣкоторое упорядоченіе. Именно коммиссія по народному образованію названнаго земства подробно разсмотрѣло существующій порядокъ субсидированія уѣздными земствами Курской губерніи церковно-приходскихъ школъ и намѣтило систему, при которой это субсидированіе могло-бы имѣть болѣе цѣлесообразное значеніе. Въ настоящее время земства не придерживаются какой-либо определенной системы въ указанномъ отношеніи и обычно предоставляютъ суммы, ассигнуемыя въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ, въ полное распоряженіе епархіальнаго вѣдомства. Только два уѣздныхъ земства Курской губерніи, курское и львовское, выработали извѣстныя основанія, которыми и руководствуются при выдачѣ пособій. Названными земствами субсидія отпускается не на всѣ вообще церковно-приходскія школы, а на нѣкоторыя, по выбору уѣздной управы, именно выдается субсидія на школы, особенно хорошо поставленныя, съ опытными и свѣдущими преподавателями. Въ случаѣ же пониженія уровня школы или измѣненій въ личномъ составѣ преподавателей, неблагоприятно отзывающихся на постановкѣ школьнаго дѣла, земская субсидія можетъ быть взята у такой школы и передана другой, болѣе отвѣчающей требованіямъ, которыя могутъ быть предъявляемы къ школамъ. Церковно-приходскія школы, имѣющія собственное удовлетворительное зданіе, наемнаго учителя съ достаточнымъ образовательнымъ цензомъ и открытыя для посѣщенія представителей земства и училищнаго Совѣта, приняты во вниманіе названными земствами при составленіи школьныхъ сѣтей и субсидируются ими въ размѣрѣ отъ 30 до 125 р. на школу. Коммиссія губернскаго земства признала систему львовскаго и курскаго уѣздныхъ

земствъ вопліѣ цѣлесообразною, такъ какъ при ней имѣется возможность слѣдить за цѣлесообразнымъ и правильнымъ расходованиемъ земской субсидіи, вліять на повышеніе общаго уровня церковно-приходскихъ школъ и, принимая болѣе удовлетворительныя изъ нихъ во вниманіе при составленіи школьныхъ сѣтей, обращать часть земскихъ средствъ на постройку и содержаніе земскихъ школъ въ другихъ пунктахъ.

Этотъ примѣръ курской комиссіи по народному образованію ясно показываетъ, съ какою внимательностью относятся наши земства къ вопросамъ, возбуждаемымъ практикою нашего школьнаго дѣла. При такомъ внимательномъ отношеніи къ возникающимъ въ области народнаго просвѣщенія вопросамъ, земство, конечно, не могло не остановиться на недавно изданныхъ правилахъ относительно школьныхъ сберегательныхъ кассъ. Вопросъ этотъ былъ уже предметомъ обсужденія нѣсколькихъ земскихъ собраній, и земскіе дѣятели повсюду отнеслись къ кассамъ отрицательно. Такъ, на курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи былъ заслушанъ по данному вопросу докладъ комиссіи по народному образованію, признавшей учрежденіе сберегательныхъ кассъ при училищахъ нежелательнымъ, такъ какъ, по мнѣнію комиссіи, кассы къ бережливости дѣтей не приучаютъ, а скорѣе разовьютъ въ нихъ скряжничество. Гласные также высказались противъ учрежденія кассъ. Одинъ изъ гласныхъ предлагалъ возбудить ходатайство объ уничтоженіи такихъ кассъ, на что другой отвѣтилъ, что ходатайство въ данномъ дѣлѣ едва-ли поможетъ, а лучше всего меньше обращать вниманія на эти кассы, отнюдь не пропагандировать ихъ, и онѣ сами собою стануть на точку замерзанія. Собраніе присоединилось къ мнѣнію комиссіи по народному образованію и также признало учрежденіе ири школахъ сберегательныхъ кассъ нежелательнымъ.

Любопытно, что противъ школьныхъ кассъ высказалось и Московское педагогическое Общество. Въ засѣданіи этого Общества 24-го ноября 1901 г., по заслушаніи доклада о сберегательныхъ школьныхъ кассахъ г. Сытина, были приняты слѣдующіе тезисы доклада: 1) возлагаемыя на учителя школы операціи по кассѣ слишкомъ многосложны; 2) процедура выполненія этихъ операцій увеличиваетъ трудъ учителя; 3) это послѣднее обстоятельство должно послужить въ ущербъ учебно-воспитательному дѣлу и 4) учрежденіе школьныхъ сберегательныхъ кассъ противорѣчитъ задачамъ школьнаго воспитанія. Затѣмъ собраніе постановило просить Совѣтъ Общества составить особый докладъ по настоящему вопросу, включивъ въ него высказанные на засѣданіи мотивы, по которымъ педагогическое Общество отнеслось отрицательно къ школьнымъ сберегательнымъ кассамъ, и выработанную редакцію доклада внести на утвержденіе общаго собранія и потомъ передать докладъ на утвержденіе чрезъ попечителя учебнаго округа въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, а также довести о содержаніи того-же доклада до свѣдѣнія и другихъ вѣдомствъ и учреждений, заинтересованныхъ въ школьныхъ сберегательныхъ кассахъ. Такимъ образомъ, по данному вопросу голосъ специалистовъ-педагоговъ вопліѣ совпалъ съ голосомъ земскихъ дѣятелей.

Ту-же отзывчивость къ жизненнымъ вопросамъ народнаго просвѣщенія обнаруживаютъ наши земства и въ изслѣдованіяхъ разныхъ сторонъ современнаго положенія этого просвѣщенія, производимыхъ по почину и на средства земствъ. Въ истекшую сессію земскихъ собраній послѣднимъ докладывались результаты многихъ изъ подобныхъ изслѣдованій. Мы остановимся

здѣсь только на двухъ любопытныхъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ саратовскимъ губернскимъ земствомъ и касающихся крайне важныхъ вопросовъ о манкировкахъ учениковъ начальныхъ школъ и о повторительныхъ курсахъ, какъ средствѣ, могущемъ дать болѣе широкое образованіе народу, нежели то, какое дается нынѣшнюю начальную школою.

Вопросъ объ ученическихъ манкировкахъ, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ для начальной школы. Изъ изслѣдованія саратовскаго земства оказывается, что манкирующие ученики составляютъ по Саратовской губерніи болѣе половины общаго числа учащихся въ земскихъ школахъ—62% (съ колебаніями по уѣздамъ отъ 50 до 83%), причемъ на каждого манкирующаго ученика приходится по 12,4 пропущенныхъ дня (уѣздныя колебанія—отъ 5 до 52 дней) Выясненіе причинъ такого печальнаго явленія для школы крайне необходимо. Изъ полученныхъ саратовскимъ земствомъ отвѣтовъ учителей видно, что около трети изъ общаго числа манкирующихъ пропускаютъ уроки вслѣдствіе отвлеченія на домашнія работы, одна пятая—вслѣдствіе отдачи на заработкѣ, болѣе одной пятой—по болѣзни, приблизительно одна восьмая—по отсутствію теплой одежды и обуви, остальные—по болѣзни родителей, изъ-за разливія рѣкъ и плохихъ дорогъ и т. п. Такимъ образомъ, большая часть манкировокъ обуславливается прежде всего бѣдностью населенія, вынуждающею употреблять школьниковъ для работы и заработковъ и лишаящею ихъ одежды и обуви; отчасти, конечно, въ случаяхъ эксплуатаціи дѣтскаго труда играетъ роль и недостаточная отѣнка школы и правильнаго посѣщенія ея. Большинство учителей заявляютъ, что какія-либо мѣры противъ манкировокъ невозможны: «При настоящихъ общественно-экономическихъ условіяхъ мѣстнаго населенія эти мѣры не дѣйствительны», пишетъ одинъ учитель; «мѣръ предпринять нельзя, вслѣдствіе того, что крестьяне очень бѣдны и по необходимости дѣтямъ приходится сидѣть дома въ плохую погоду за неимѣніемъ теплой одежды и обуви», поясняетъ другой; «учитель можетъ только болѣть душою, глядя на тяжелыя условія экономической жизни крестьянскаго населенія», сознается третій. Есть, однако, и учителя, которые стараются бороться съ манкировками, причемъ одни изъ нихъ примѣняютъ мѣры разнаго рода внушеній. Одинъ учитель пишетъ: «нерадивымъ родителямъ и лѣнивымъ ученикамъ дѣлаются внушенія»; другой учитель самъ «посѣщаетъ дома манкировавшихъ учениковъ и имѣетъ личные переговоры съ ихъ родителями по этому поводу». Въ одномъ случаѣ «призываются родители учениковъ, или сельскій староста проходить по селу и уговариваетъ родителей отпустить въ школу дѣтей». Въ другомъ случаѣ «разъясняется крестьянамъ на сходѣ вредъ опущенія учебныхъ дней». Нѣкоторые учителя угрожаютъ нерадивыхъ учениковъ уволить изъ школы, другіе прибѣгаютъ даже къ наказаніямъ, напр., «оставленіемъ безъ обѣда» манкирующихъ учениковъ при ихъ появленіи въ школъ. Однако большинство учителей, изъ тѣхъ, которые считаютъ возможнымъ бороться съ манкировками, прибѣгаютъ къ мѣрамъ совсѣмъ иного рода, направляя борьбу на тѣ причины, которыя вызываютъ манкировки. Въ одномъ случаѣ «для бѣдныхъ учениковъ изыскиваются средства, на которыя приобретаются хлѣбъ, одежда, обувь»; въ другихъ случаяхъ, дальнимъ ученикамъ разрѣшается ночевать въ школѣ; иногда устраиваются временныя общежитія для учащихся во время разлива рѣкъ или бездорожицы, въ одномъ случаѣ «общество устраиваетъ даровой проѣздъ черезъ рѣку»; въ другомъ «учителемъ заведена лодка для переправы черезъ

рѣку, тѣмъ сокращается путь ученикамъ до школы, и благодаря тому, меньше дѣлается манкировокъ изъ-за дальности разстоянія». Случается также, что учитель обращается въ врача и лечитъ дѣтей, для чего имѣеть даже аптечку, и тѣмъ тоже сокращаетъ число манкировокъ. Вообще это изслѣдованіе саратовскаго земства открываетъ завѣсу надъ одною изъ любопытнѣйшихъ сторонъ школьной жизни и показываетъ, какъ сложно деталями народно-образовательное дѣло и насколько оно нуждается въ попеченіи именно мѣстныхъ, заинтересованныхъ въ его всестороннемъ процвѣтаніи людей.

Не менѣе любопытно и изслѣдованіе саратовскаго земства относительно повторительныхъ курсовъ, въ большинствѣ случаевъ представляющихъ единственное просвѣтительное учрежденіе, въ которомъ нашъ крестьянинъ можетъ приобрѣсть знанія, хотя нѣсколько превышающія скудный запасъ знаній, выносимыхъ изъ начальной школы. Оказывается, что въ прошломъ учебномъ году въ Саратовской губерніи повторительные классы существовали всего при 79 земскихъ школахъ, или при 20% ихъ общаго числа. По отдѣльнымъ уѣздамъ этотъ процентъ сильно колебался—отъ 0 въ Вольскомъ уѣздѣ до 50% всѣхъ земскихъ школъ въ Петровскомъ уѣздѣ. Крестьяне очень охотно посѣщаютъ повторительные классы и постоянно ходатайствуютъ объ открытіи новыхъ классовъ этого типа, но чаще встрѣчаютъ отказы въ удовлетвореніи этого ходатайства; такъ, за 1900—1901 учебный годъ отказано въ открытіи повторительныхъ классовъ по 76 просьбамъ. Во всякомъ случаѣ указанный фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, съ какою силою крестьяне стремятся къ образованію. Главная причина отказовъ—недостатокъ времени и силъ у учащихъ въ нормальныхъ школахъ, на которыхъ только и возлагается нынѣ преподаваніе въ повторительныхъ классахъ. По этому поводу небезынтересно привести отзывы самихъ учащихся.

«Повторительныя занятія не ведутся,—пишетъ одинъ учитель,—за неимѣніемъ времени у учителей: одинъ завѣдуетъ хоромъ, другой—читальней; кромѣ того, еженедѣльно происходятъ народныя чтенія, въ устройствѣ которыхъ оба учителя принимаютъ горячее участіе». «Повторительные классы.—сообщаетъ другой учитель,—признаю безусловно полезными, и въ нашемъ селѣ они могли-бы имѣть громадный успѣхъ, желающихъ учиться явилась-бы тѣма; но у учителя не остается времени на веденіе ихъ: у него находится въ завѣдываніи образцовая народная бібліотека съ учительскимъ отдѣломъ при ней и книжное отдѣленіе съ двумя книгоношами». Третій пишетъ: «Для того, чтобы повторительныя занятія имѣли успѣхъ, нужно, по крайней мѣрѣ, удѣлять на нихъ каждую недѣлю часовъ 6—7, я-же, при всемъ своемъ желаніи, столько времени удѣлять не могу, такъ какъ, кромѣ обязанностей по школѣ, у меня есть и другія: я завѣдываю народной бібліотекой и веду воскресныя чтенія, на подготовку къ которымъ нужно время». Еще одинъ сообщаетъ: «Повторительныя занятія не ведутся потому, что, пробывъ въ классѣ 6—7 часовъ и захвативъ еще пачку тетрадей для просмотра, учитель не имѣеть уже физической возможности вести еще вечернія занятія». «Повторительныя занятія нахожу полезными,—читаемъ въ отвѣтѣ еще одного учителя,—но въ виду того, что на сельскаго учителя возлагается и такъ много другихъ побочныхъ занятій (бібліотекарство, чтеніе съ туманными картинами, пѣніе, садоводство и проч.), а главный образцомъ краткости учебнаго времени, требующая усиленнаго труда учителя,—все это вмѣстѣ заставляетъ учителя отказываться отъ повторительныхъ занятій», и т. д., и т. п.

На примѣрѣ повторительныхъ классовъ наглядно, между прочимъ, видна

тѣсная связь, существующая между положеніемъ нашего народнаго учителя и состояніемъ народнаго просвѣщенія. Повторительные классы, петорамъ, пока единственное просвѣтительное учрежденіе, могущее дать нашему крестьянину знанія, превышающія скудный запасъ таковыхъ, выносимыхъ изъ начальной школы. Потребность въ такихъ повторительныхъ классахъ, какъ показала саратовское изслѣдованіе, существуетъ у населенія огромная; земства готовы придти всѣмъ, чѣмъ могутъ, на помощь этому добруму дѣлу; учителя также готовы отдать свой трудъ и свое время на веденіе повторительныхъ классовъ, и тѣмъ не менѣе учрежденія эти представляютъ собою рѣдкое явленіе. Причина та, что на нашего народнаго учителя возлагаютъ множество самыхъ разнообразнѣйшихъ занятій, такъ что на веденіе повторительныхъ классовъ, что всего болѣе соответствовало-бы ближайшему назначенію учителя, у него уже не остается времени. Въ самомъ дѣлѣ, чего не взымаютъ на народнаго учителя? Не говоря уже о веденіи народнѣйшей библиотеки, устройства народнѣйшихъ чтеній и распространенія въ народѣ книгъ,— все это занятія, имѣющія большее или меньшее отношеніе къ просвѣтительной задачѣ школьнаго учителя; на того-же учителя возлагается обученіе школьниковъ пѣнію, завѣдываніе церковнымъ хоромъ, веденіе школьнаго сада и множество другихъ занятій. А если учитель работаетъ въ городской школѣ, то его, какъ это мы указывали на примѣрѣ Ставрополя въ одной изъ предыдущихъ хроникъ, заставятъ еще бѣгать на уроки пѣнія и «бесѣды какого-нибудь джорощеннаго «профессора», который захочетъ блеснуть предъ начальствомъ своими тоску наводящими и зѣвету вызывающими «лекціями».

И за всѣ эти безчисленные занятія, за весь этотъ самый разнообразный трудъ въ концѣ-концовъ учитель получаетъ скуднѣйшее матеріальное вознагражденіе, буквально держашее его на границѣ голоданія, и пользуется поразительно ничтожнымъ общественнымъ положеніемъ. На эту тему писалось уже, можно сказать, безъ конца. Приходилось и намъ, въ нашихъ хроникахъ, останавливаться на этой печальной сторонѣ нашего просвѣтительнаго дѣла, но тема эта по истинѣ неисчерпаемая, и жизнь постоянно даетъ все новый матеріалъ для сужденія по данному вопросу. Передо мною дѣлѣй рядъ сообщений разныхъ газетъ о фактахъ самаго ужасающаго матеріальнаго положенія учителей, обнаруживающихся въ разнообразныхъ мѣстностяхъ нашего отечества. Всего печальнѣе положеніе учителей школъ грамоты и церковно-приходскихъ учителей; но и въ земскихъ школахъ многихъ мѣстностей вознагражденіе учителей до сихъ поръ слишкомъ ничтожно.

Вотъ, что, напр., сообщаютъ газетѣ «Орловскій Вѣстникъ» изъ Болховскаго уѣзда: «Въ с. Чеготаевѣ существуетъ школа грамоты, учителемъ которой состоитъ Г. Н., съ весьма скромнымъ жалованьемъ—60 р. въ годъ, которые платитъ ему отдѣленіе епархіальнаго училищнаго Совѣта. Такъ какъ теперь скончалась попечительница этой школы, графиня Толстая, всегда помогавшая учителю, то въ текущемъ году слѣдовало, по условію, собрать съ мѣстнаго населенія 40 р. денегъ для усиленія жалованья учителю. Но для этого до сихъ поръ ничего не сдѣлано и положеніе несчастнаго учителя крайне затруднительное»...

Изъ Брянскаго уѣзда въ ту-же газету сообщаютъ аналогичный случай:

«Мало-колпинская школа находится въ завѣдываніи Бѣлобережской пустыни, которая платитъ жалованья учителю 10 р. въ мѣсяцъ. Жаль учителя! Нѣсколько разъ онъ ходилъ за жалованьемъ. Но вмѣсто жалованья получаетъ каждый разъ отвѣтъ: «приди въ другой разъ».

Въ «Бургомскомъ Листкѣ» одинъ изъ учителей пишетъ слѣдующее о положеніи учителей церковно-приходскихъ школъ цѣлаго Солигаличскаго уѣзда: «Въ январѣ и февралѣ намъ не давали жалованья совсѣмъ. «Погодите, говорятъ скоро откроютъ кредитъ». Мы ждали. Какъ ждали, это ужъ знаемъ только мы, но все-таки молчали и ждали. Кредитъ открылся въ мартѣ. Постановленіемъ епархіальнаго Совѣта день выдачи жалованья намъ почему-то перемѣнили и, вмѣсто 20-го, назначили на 30-е число. Наступила половина сентября: пора уже и въ школу. Ужели не повѣрятъ? Сходили къ о. казначею; о. казначей очень сердечно отнесся къ просьбѣ, но жалованья не далъ. «Вѣ-Богу, говорить, не могу. Постановленіе Совѣта»... «Вотъ положеніе! Съ одной стороны— время начинать занятія, а съ другой— ѣхать не съ чѣмъ. Вѣдь, нужно и за дорогу заплатить, и тамъ кое-какіе долгишки отдать, срокъ которымъ — прїѣздъ на занятія; нужно, вѣдь, жить начать съ чѣмъ-нибудь. А гдѣ достать. Взять въ долгъ? Да кто-же дастъ, зная «обезпеченіе» учителя? А ѣхать все-таки надо: тамъ, на мѣстѣ, чуть-ли не цѣлая сотня маленькаго народа ждетъ тебя, готовая съ радостью встрѣтить и повѣрить каждому твоему слову»...

И если положеніе учителей грамоты и церковно-приходскихъ особенно безотраднo въ матеріальномъ положеніи, то не мало еще есть мѣстностей въ Россіи, гдѣ и учителя земской школы въ матеріальномъ отношеніи не далеко ушли отъ учителей школъ Духовнаго Вѣдомства. На послѣднемъ, напр., липецкомъ земскомъ собраніи обсуждалась петиція учителей земскихъ школъ этого уѣзда, причѣмъ выяснилось, что учителя эти до сихъ поръ получаютъ отъ 15 до 20 р. мѣсячнаго содержанія. И что всего удивительнѣе, петиція учителей объ увеличеніи ихъ содержанія была, согласно заключенію мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, отклонена!..

Но матеріальная нужда—только одна изъ подробностей печальнаго положенія народнаго учителя. Еще болѣе важнымъ обстоятельствомъ является полная необезпеченность положенія учителя. Въ этомъ отношеніи жизнь постоянно приноситъ все новые и новые факты, отъ которыхъ прямо ужасъ беретъ свѣжаго человѣка.

«Самарская Газета» рассказываетъ объ учительницѣ Ивановой, 25 лѣтъ прослужившей въ земской школѣ въ с. Муранскомъ, Сенгилеевскаго уѣзда, и затѣмъ отставленной безъ всякаго повода. Отправилась она искать правды и прежде всего обратилась къ инспектору народныхъ училищъ. Тотъ объяснилъ ей, что она уволена вслѣдствіе умственнаго разстройства. Затѣмъ оказалось, будто Иванова уволена по приговору общества, въ которомъ значилось, что она пьетъ волку, дурно вліяетъ на дѣтей, ведетъ себя предосудительно и т. д. Разслѣдованіе однако показало, что приговоръ состряпанъ мѣстными сельскими властями, тогда какъ все населеніе относится къ учительницѣ съ уваженіемъ и ни въ чемъ предосудительномъ, равно какъ и въ умственномъ разстройствѣ, ея не замѣчало. Началось «дѣло», а учительница уже успѣла быть выгнанной изъ школы и попасть въ положеніе, изъ котораго ей трудно выбраться и возстановить свою репутацію... Еще возмутительнѣе исторія, бывшая въ г. Маринскѣ, о которой уже сообщалось въ «Пед. Хрон.» «Р. Шк.». Въ концѣ-концовъ, учительница Грѣхова возстановлена въ своей прежней школѣ, а клеветники привлечены къ судебной отвѣтственности. Но такой исходъ дѣла—чрезвычайная рѣдкость, а чаще оклеветанные учителя лишаются и добраго имени, и занимаемаго ими мѣста...

Вотъ еще одинъ любопытный фактъ, характеризующій положеніе учителя

еще съ одной стороны. Инспекторъ Новоторжскаго уѣзда, Тверской губернии, предложилъ подвѣдомственнымъ ему учителямъ, чтобы они «впредь отнюдь не слѣдовали ничѣмъ приглашеніямъ на собранія, хотя-бы приглашающій заявлялъ о принятіи имъ на себя ответственности, такъ какъ отвѣтственность эта падаетъ не только на него, но и на всѣхъ прочіихъ участниковъ въ неразрѣшенныхъ собраніяхъ, а, слѣдовательно, на учителей училищъ, присутствовавшихъ въ незаконномъ собраніи, и въ особенности на избранныхъ въ такомъ собраніи делегатовъ». Членъ училищнаго Совѣта предсѣдатель уѣздной управы Н. А. Балавинскій нашелъ, что приведенное распоряженіе вызвано, очевидно, его дѣйствіями, какъ предсѣдателя управы. Основываясь на предоставленномъ земскимъ учрежденіямъ правѣ обращаться къ содѣйствию свѣдущихъ лицъ, въ минувшемъ учебномъ году онъ созывалъ въ нѣсколькихъ пунктахъ уѣзда собранія учащихся для выясненія хозяйственныхъ нуждъ земскихъ училищъ. Опасаясь, что распоряженіе инспектора затруднитъ для уѣздной управы выполненіе лежащихъ на ней обязанностей и поведетъ къ недоразумѣніямъ между нею, училищнымъ Совѣтомъ и учащими, г. Балавинскій обратился въ уѣздный училищный Совѣтъ съ просьбою войти съ представленіемъ объ отмѣнѣ распоряженія инспектора или по крайней мѣрѣ о разъясненіи, въ какого рода собраніяхъ, какъ незаконныхъ, воспрещается учащимъ принимать участіе. Училищный Совѣтъ принялъ распоряженіе инспектора «къ свѣдѣнію». Предсѣдатель Совѣта и одинъ членъ остались при особомъ мѣтніи и, какъ сообщили «Русскія Вѣд.», переносятъ спорный вопросъ въ губ. училищный Совѣтъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о законности распоряженія инспектора народныхъ училищъ и о правѣ уѣздной земской управы обращаться къ учителямъ съ запросами и приглашать ихъ на совѣщанія, казалось-бы, рѣшительно ничего опаснаго не могущія представлять, мы не можемъ не отмѣтить крайне тягостнаго положенія народныхъ учителей въ случаяхъ, подобныхъ указанному. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны ихъ приглашаетъ на совѣщаніе земская управа, отъ которой они получаютъ жалованье и отъ которой вообще въ значительной мѣрѣ зависитъ ихъ матеріальное положеніе, а съ другой—имъ прямо воспрещается инспекторомъ принятіе такихъ приглашеній: что имъ дѣлать? Какъ пройти между Сциллой и Харибдой? А сколько такихъ «сциллъ и харибдъ» возникаетъ въ жизни народнаго учителя, особенно тамъ, гдѣ властные лица, имѣющія отношенія къ дѣлу народнаго просвѣщенія, не ладятъ между собою! Въ концѣ-концовъ учитель долженъ быть не только умѣлымъ педагогомъ, но и еще первокласснымъ политикомъ, и за все это быть иногда голоднымъ и бояться каждую минуту потерять свое мѣсто. Не пора-ли наконецъ измѣнить такое невозможное положеніе учителя?

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библиотекъ.

Таганрогское Общество народныхъ библиотекъ.—Разрѣшеніе вопросовъ относительно Совѣтовъ и Попечительствъ при народныхъ библиотекахъ.—Земскія ассигнованія на народныя библиотеки.—Народныя библиотеки въ Твери, въ с. Вѣдой Глинѣ, Ставропольской губ., и въ Орловскомъ уѣздѣ, Вятской губ.—Голосъ крестьянина въ защиту народныхъ библиотекъ.

Въ предъидущей хроникѣ мы сообщали объ открытіи въ Томскѣ «Общества содѣйствія устройству сельскихъ бесплатныхъ библиотекъ въ Томской

губерніи». Нынѣ отмѣтимъ еще только что состоявшееся учрежденіе въ Таганрогѣ «Общества для устройства народныхъ библиотекъ». Библиотечныя общества существуютъ у насъ во многихъ мѣстахъ, но они имѣютъ цѣлью содержать лишь одну опредѣленную народную библиотечку, при которой подобное Общество существуетъ. Таганрогское-же Общество, какъ и Томское, имѣетъ болѣе широкую задачу. Принимая въ свое вѣдѣніе народную библиотечку-читальню, существующую въ Таганрогѣ уже нѣсколько лѣтъ и передаваемую народившемуся Обществу основательницей и собственницей этой библиотеки Л. П. Черницкой безвозмездно, Таганрогское библиотечное Общество имѣетъ задачей вообще учреждать и содержать народныя библиотеки въ Таганрогѣ.

Общества съ такими задачами являются въ Россіи вообще новостью. Таганрогское Общество является вторымъ такимъ Обществомъ на всю Россію (если не считать прекратившаго свое существованіе «Общества помощи больнымъ и бѣднымъ въ чтеніи», недавно закрытаго въ Петербургѣ). Ранѣе Таганрогскаго открылось вышеупомянутое Томское Общество (начало дѣйствовать 23-го сентября 1901 года). Это послѣднее Общество, однако, въ значительной мѣрѣ организовано, къ его выгодѣ, иначе, нежели Таганрогское. Именно, Томское Общество не ограничиваетъ свою дѣятельность предѣлами одного города, какъ Таганрогское, а распространяетъ ее на цѣлую губернію. Затѣмъ Таганрогское Общество будетъ взимать съ читателей своихъ библиотекъ плату (10 коп. въ мѣсяцъ, 50 коп. въ полугодіе, съ учащихся вдвое менѣе), тогда какъ Томское Общество имѣетъ своею задачею учреждать исключительно бесплатныя библиотеки. Есть существенная разница и въ составѣ того и другого Общества. Именно, по уставу Томскаго Общества, членами его не могутъ быть лишь несовершеннолѣтніе, учащіеся, нижніе воинскіе чины и ограниченные въ правахъ по суду; между тѣмъ уставъ Таганрогскаго Общества допускаетъ въ составъ Общества лишь русскихъ подданныхъ христіанскаго исповѣданія, устраняя такимъ образомъ какъ русскихъ подданныхъ нехристіанскихъ исповѣданій, такъ и иностранныхъ подданныхъ, столь многочисленныхъ въ Таганрогѣ.

Какъ Томское, такъ и Таганрогское Общества народныхъ библиотекъ тольکو что народились, и какова будетъ ихъ дѣятельность, покажетъ лишь будущее. Однако нельзя не сказать, что уже одно то обстоятельство, что при существованіи народно-библиотечныхъ обществъ попеченіе о народныхъ библиотекахъ того или иного района будетъ принадлежать коллегіальнымъ учреждениямъ, должно служить значительною гарантіею успѣха дѣятельности помянутыхъ Обществъ. Какую важную роль играетъ коллегіальность въ завѣдываніи народными библиотеками, это ясно показала печальная судьба, постигшая народныя библиотеки, которыя были лишены коллегіальныхъ учреждений, существовавшихъ при нихъ для ихъ завѣдыванія. Такъ, въ Саратовской губерніи до 1898 года при многихъ народныхъ библиотекахъ, которыхъ въ этой губерніи немного болѣе ста, существовали особые библиотечныя Совѣты, возникшіе согласно уставамъ библиотекъ, утвержденнымъ губернаторомъ. Въ Совѣты эти входили всѣ мѣстные интеллигентные люди, интересовавшіеся народнымъ просвѣщеніемъ. Неудивительно, что Совѣты эти усиленно изыскивали средства для обезпеченія существованія и расширенія народныхъ библиотекъ. Но вотъ въ 1898 году послѣдовало извѣстное распоряженіе Главнаго Управленія по дѣламъ печати, которымъ существовавшіе при народныхъ библиотекахъ Совѣты были упразднены и все завѣдываніе библиотеками предоставлено единично отвѣтственнымъ завѣдывающимъ би-

библиотеками лицамъ. Это распоряженіе весьма неблагоприятно отразилось на судьбѣ народныхъ библиотекъ. Большинство этихъ библиотекъ учреждалось по частной инициативѣ кружками сельской интеллигенціи, причѣмъ эти учредители и составляли Совѣты библиотекъ. Съ изданіемъ-же распоряженія, упразднявшаго библиотечные Совѣты, хозяева библиотекъ именно и устранялись отъ нея. Неудивительно, что указанное распоряженіе сократило замѣтно ростъ народныхъ библиотекъ и привело и существующія на край гибели. тѣмъ болѣе, что въ это время изсякъ и другой источникъ средствъ для библиотекъ—ассигновки сельскихъ обществъ, такъ какъ эти ассигновки въ большинствѣ случаевъ черпались изъ суммъ, взимавшихся сельскими обществами за предоставленіе права питейной торговли. Съ введеніемъ казенной монополіи, исчезъ и этотъ источникъ поступленій въ библиотечныя кассы. Такое положеніе вещей побудило саратовское губернское земство возбудить ходатайство о разрѣшеніи учреждать Совѣты при народныхъ библиотекахъ для попеченія о ихъ нуждахъ, и ходатайство это Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ недавно удовлетворено. Такимъ образомъ снова восстановлено коллегіальное завѣдываніе народными библиотеками, такъ безпричинно и безцѣльно упраздненное въ 1898 году, что едва не отразилось такъ печально на народно-библиотечномъ дѣлѣ.

Значеніе коллегіальности въ дѣлѣ попеченія о народныхъ библиотекахъ наглядно иллюстрируетъ и различная судьба этихъ просвѣтительныхъ учрежденій въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ. Открытіе народныхъ библиотекъ въ послѣднихъ представляетъ собою крайне рѣдкое явленіе и чаще здѣсь народныя библиотеки открываются также коллегіальными учрежденіями—просвѣтительными обществами. Между тѣмъ въ земскихъ губерніяхъ, гдѣ о народныхъ библиотекахъ рядомъ съ частною инициативою заботится земство, открытіе народныхъ библиотекъ представляетъ собою обычное явленіе. Въ предъидущихъ хроникахъ мы приводили примѣры земскихъ ассигнованій, принятыхъ въ истекающую сессію земскихъ собраній на народно-библиотечное дѣло. Къ этимъ примѣрамъ нужно добавить, что такія ассигнованія въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ дѣлались почти всѣми земскими собраніями. На нѣкоторыхъ изъ подобныхъ ассигнованій мы остановимся и теперь, такъ какъ эти случаи въ томъ или иномъ отношеніи представляютъ особый интересъ. Ярославское губернское земское собраніе ассигновало 4.000 р. въ пособіе 80 народнымъ библиотекамъ, существующимъ въ Ярославской губерніи. Пензенское губернское земское собраніе обсуждало вопросъ объ ознаменованіи какимъ-либо добрымъ дѣломъ предстоящей пятидесятилѣтней годовщины дня смерти Н. В. Гоголя и постановило открыть 10 народныхъ библиотекъ имени великаго писателя, на что и ассигновало 1.450 р. Саратовское губернское земство ассигновало 1.500 р. на содержаніе 10 образцовыхъ народныхъ библиотекъ, 3.000 р. на библиотеки, созданныя частной инициативой, и 1.500 р. на вознагражденіе болѣе дѣятельныхъ библиотекарей. Луганское земское собраніе (Екатеринославской губерніи) постановило открыть 10 народныхъ библиотекъ-читаленъ и ассигновало на этотъ предметъ 1.300 р. Котельничское земское собраніе (Вятской губерніи) постановило ассигновать 707 р. на содержаніе уже существующихъ народныхъ библиотекъ и 680 р. на открытіе 8 новыхъ народныхъ библиотекъ, изъ которыхъ три открываются при содѣйствіи душеприказчиковъ покойнаго Павленкова; сверхъ того, собраніе уполномочило управу открыть еще одну библиотеку при Морозовскомъ волостномъ правленіи, на что ассигновало

100 р. одновременно и 85 р. ежегодно, и ассигновало также 85 р. ежегодно на содержание народной библиотеки имени А. П. Батуева в с. Арбажь, открытой губернским земством; наконец, собраніе постановило ходатайствовать предъ губернскимъ земствомъ объ отпускѣ пособія на всѣ указанныя библиотеки въ размѣрѣ уѣздной ассигновки на тотъ-же предметъ, какъ это установлено правилами вятскаго губернскаго земства. Тверское уѣздное земское собраніе ассигновало средства на содержание имѣющихся въ уѣздѣ 31 народной библиотеки и на открытіе двухъ новыхъ библиотекъ. Тверское уѣздное земство ассигнуетъ довольно значительныя средства на народныя библиотеки, именно по 250 р. на приобрѣтеніе книгъ при открытіи народныхъ библиотекъ и по 50 р. на пополненіе каждой библиотеки ежегодно и по 15 р. на выписку періодическихъ изданій и по 36 р. на вознагражденія библиотечарю. При ежегодномъ расходѣ на каждую библиотеку въ 101 р. тверское уѣздное земство нынѣ расходуетъ на 33 народныя библиотеки 3.333 р., не считая единовременныхъ ассигновокъ на открытіе новыхъ библиотекъ. Въ настоящее время районъ дѣятельности каждой народной библиотеки въ Тверскомъ уѣздѣ имѣетъ всего пятиверстный радіусъ. При этомъ тверское уѣздное земство не ограничивается открытіемъ народныхъ библиотекъ въ селахъ, а открыло въ половинѣ октября истекшаго года народную библиотеку и въ самой Твери—при образцовомъ земскомъ начальномъ училищѣ. Какъ на странно, у насъ въ городахъ нѣрѣдко народно-библиотечное дѣло стоитъ хуже, чѣмъ въ уѣздахъ, и земству приходится заботиться о предоставленіи возможности имѣть книгу и городскому населенію.

Тверской уѣздъ въ настоящее время далеко не единственный, обладающій указаннымъ выше значительнымъ числомъ народныхъ библиотекъ. Есть уѣзды, въ которыхъ народно-библиотечное дѣло поставлено еще шире, нежели въ Тверскомъ. Къ такимъ уѣздамъ принадлежатъ, наир., Орловскій уѣздъ, Вятской губерніи. Здѣсь, какъ и во всей Вятской губерніи, въ каждомъ сельскомъ обществѣ имѣется маленькая «сельская» библиотека, состоящая изъ сотни дешевенькихъ книгъ. Какъ намъ приходилось уже не разъ выяснять въ нашихъ хроникахъ, назначеніе этихъ дешевенькихъ библиотечекъ, стоимостью всего въ нѣсколько рублей,—вызывать въ населеніи потребность въ учрежденіи болѣе крупныхъ народныхъ библиотекъ. На примѣрѣ Орловскаго уѣзда наглядно видно, какъ успѣшно выполняютъ свою миссію маленькія библиотеки. Въ самомъ дѣлѣ, Орловскій уѣздъ, имѣя 296 маленькихъ («пятирублевыхъ») библиотекъ, имѣетъ къ настоящему времени уже и 45 обыкновенныхъ народныхъ библиотекъ болѣе или менѣе значительнаго состава. Изъ этихъ послѣднихъ библиотекъ 38 открыты при начальныхъ народныхъ училищахъ, 5 при волостныхъ правленіяхъ, одна при чайной столовой благотворительнаго Общества въ г. Орловѣ и одна въ с. Рузановѣ въ собственномъ помѣщеніи. Народныя библиотеки при училищахъ, а также и маленькія библиотеки, имѣющіяся въ каждомъ сельскомъ обществѣ, содержатся исключительно на земскій счетъ, на каковой предметъ въ 1900 году земство израсходовало 2.628 р. Библиотеки при волостныхъ правленіяхъ и въ с. Рузановѣ, и г. Орловѣ—на средства мѣстныхъ волостныхъ обществъ и Орловскаго благотворительнаго Общества и пользуются лишь пособіемъ со стороны земства. Въ 38 библиотекахъ, существующихъ при училищахъ, въ теченіе года было до 5 тыс. подписчиковъ, причемъ преобладали мужчины (94%), крестьяне (95%) и лица въ возрастѣ отъ 12 до 20 лѣтъ (65%). Были читатели и весьма почтеннаго возраста

(отъ 40 до 60 лѣтъ было 314 подписчиковъ). Районъ дѣятельности каждой библіотеки довольно обширенъ. Такимъ образомъ, изъ общаго числа подписчиковъ, мѣстожителство которыхъ было извѣстно, 540 чел. было изъ тѣхъ селеній, въ которыхъ находились библіотеки, изъ селеній на разстояніи отъ библіотекъ до одной версты было 722 чел., на разстояніи отъ 2 до 3 версты—1.172, на разстояніи 3—5 версты—1.128, на разстояніи 5—7 версты—729, на разстояніи 7—10 версты—549 и на разстояніи свыше 10 версты—270 чел. Эти цифры наглядно показываютъ, какъ велика существующая въ населенія потребность въ книгѣ. Направляться въ библіотеку за нѣскольکو верстъ, часто за дѣльный десятокъ, очевидно, можетъ только тотъ, кто цѣнитъ книгу, для кого она представляетъ нѣчто крайне нужное. Само собою разумѣется, что главный контингентъ подписчиковъ состоитъ изъ лицъ, побывавшихъ въ свое время въ земской школѣ, гдѣ они и получили вкусъ къ книгѣ. Всѣми 5 тыс. подписчиками взято въ теченіе года около 50 тыс. книгъ, такъ что на средняго читателя приходится по 10 книгъ. Наибольшій спросъ былъ на произведенія Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Неклютина, Алексѣя Толстого, Островскаго, Мельникова, Тургенева, Жюль Верна, Кольцова, Мамина, Гаршина и др. Этотъ перечень наиболѣе читаемыхъ писателей показываетъ, что вкусъ у народной публики очень недурной. Всѣхъ книгъ въ 38 народныхъ библіотекахъ числится 17 тыс. названій въ 24 тысячахъ томовъ, на сумму свыше 10 тыс. рублей. Изъ періодическихъ изданій для каждой библіотеки выписываются «Нива», «Природа и Люди», «Дѣтское Чтеніе», «Крестьянское Хозяйство», «Русскій Паломникъ», «Всходы». Не довольствуясь существующимъ числомъ народныхъ библіотекъ, орловское земство ввзбудило ходатайство о разрѣшеніи открытія ему еще 12 народныхъ библіотекъ, послѣ чего въ Орловскомъ уѣздѣ будетъ уже 57 народныхъ библіотекъ.

Уже приведенныхъ данныхъ относительно народныхъ библіотекъ Орловскаго уѣзда достаточно для того, чтобы видѣть, что библіотеки эти имѣютъ немаловажное значеніе въ народной жизни. Но по этому вопросу имѣется не мало свидѣтельствъ и самихъ читателей народныхъ библіотекъ. Такія свидѣтельства, имѣются, напр., въ «Вятской Газетѣ», издающейся вятскимъ губернскимъ земствомъ преимущественно для даровой разсылки по народнымъ школамъ и народнымъ и «пятирублевымъ» библіотекамъ и въ значительной мѣрѣ наполняемой корреспонденціями самихъ крестьянъ-читателей, сообщающихъ свѣдѣнія о мѣстной жизни. Въ газетѣ этой крестьяне нерѣдко пишутъ и о своихъ библіотекахъ и ихъ дѣятельности. Недавно намъ пришлось встрѣтить замѣтку одного крестьянина, написанную для выясненія значенія «пятирублевыхъ» библіотекъ, причемъ все, что авторомъ сказано по отношенію къ этимъ библіотекамъ, конечно, еще съ большею силою можетъ быть примѣнено къ настоящимъ народнымъ библіотекамъ. Въ виду значительнаго интереса помянутой корреспонденціи мы приводимъ ее здѣсь цѣликомъ, не измѣняя ея своеобразнаго изложенія:

«Въ настоящее время часто приходится слышать отъ многихъ, даже просвѣщенныхъ людей, что нисколько не приноситъ пользы библіотека-пятирублевка народному образованію. Многіе увѣряютъ, что книги изъ данной библіотеки совсѣмъ не читаются народомъ, а если и читаются, то извѣстнаго содержанія, т. е. по народному «смѣшныя». Такъ думаютъ почти всѣ, кто хорошенько въ смыслъ этого дѣла не вникнулъ и плохо наблюдалъ. Я наблюдалъ во многихъ такихъ библіотекахъ нашего (Ботельническаго) уѣзда,

но подобнаго замѣтилъ крайне мало—почти нисколько: книги берутся во всякое время, безъ разбору, и «смѣшныя», и не «смѣшныя», лишь-бы книга была. Спросилъ я, наиримѣрь, о книгѣ медицинскаго содержанія, мнѣ отвѣчали, что-де «книга-то хоть и не смѣшна, а за-то много полезнаго для насъ въ ней: мы совѣты съ успѣхомъ изъ нея примѣняемъ къ дѣлу и совѣты, вообще, оказываются вѣрными. Теперь «шабашъ» вѣрять шептунамъ: они, мы узнали, только обманываютъ насъ, а пользы отъ нихъ нѣтъ. А вѣдь смѣшную-то книгу читать тогда только бываетъ интересно, пока читаешь ее, а послѣ-то и забудешь; а эти инъ нѣтъ: всегда въ умѣ остаются»... Вотъ обыкновенное мнѣніе деревенскаго чтеца-грамотѣя, слышанное мною нѣсколько разъ вездѣ, куда ни обратишься: «Примѣняютъ къ дѣлу», «узнали пользу отъ книги», «шабашъ вѣрять знахарямъ и знахаркамъ» и пр. Развѣ это не важно, что полюбили книгу и довѣряютъ ей, а не плутамъ, обманщикамъ, деревенскимъ «лекарямъ»? Если полюбили книгу, то она развѣ не достигаетъ большого значенія? Ее лишь-бы любили, а она сдѣлаетъ свое и пойдетъ быстрыми шагами впередъ, только поспѣшай ей на встрѣчу. Конечно, книги берутся не во всякое время, лѣтомъ, въ работу, правда, мало читаются, да вѣдь тогда и некогда. Ну ужъ какъ наступитъ зима, съ ней долгіе вечера, тогда книга берется на перехватъ и безъ разбору: лишь было-бы что напечатано въ ней, какъ говорятъ мужики. Такъ очищать пятирублевку, что не останется ни одной: ни смѣшной, ни серьезной. Многимъ не достается книгъ, а время скучно, безконечно, деревня дремлетъ—умственный застой. Желая сколько-нибудь освободиться отъ ненавистой дремоты, но не имѣя книгъ, они читаютъ все, что попадется подъ руку: и сонники, и оракулы, и еруславы, и бовы, и всякіе пустяшныя милорды, и даже, покажется страннымъ, обрывки какихъ-нибудь старыхъ газетъ и книгъ. Послѣднее достаютъ въ городѣ съ купленнымъ товаромъ, веля торговцамъ завертывать товаръ въ казіе-нибудь обрывки отъ газетъ и книгъ, лишь-бы печатные. Нѣкоторые торговцы успѣшно увеличиваютъ свою торговлю, завертывая товаръ въ цѣлыя стражицы старыхъ газетъ: подобная лавка охотно посѣщается такимъ жаждущимъ чтенія народомъ. Вотъ все это только что перечисленное и читается деревенскимъ грамотеемъ, которому негдѣ взять книгъ. И осуждать не приходится за такое пустяшное чтеніе: они рады-бы купить книгу, да негдѣ: гдѣ-же ты возьмешь, когда до города далеко, да и въ городѣ-то, врядъ-ли, пожалуй, найдешь? Но все-таки и эти обрывки немного развиваютъ мужицкій умъ и заставляютъ думать и работать имъ, не дремать, лежа на полатахъ. Вотъ въ особенности въ такое-то время и нужно поспѣшать навстрѣчу жаждущему образованія нашему сѣрому мужику-брату. А онъ съ радостью и благодарностью отнесется къ этому дѣлу, тогда образованіе пойдетъ впередъ крупными шагами. Въ настоящее время не только нельзя увѣрять, что безілезна библіотека, но надо всѣми силами увеличивать ее и поставлать ей болѣе серьезную цѣль. Стараться надо снабдить сельскаго чтеца доступными и хорошими книгами, открыть больше книжныхъ складовъ въ болѣе населенныхъ и требующихъ книгу пунктахъ» («Вятская Газета», 1901 г. № 43).

Такъ говоритъ членъ той сѣрой массы, для которой устраиваются народныя библіотеки. Какъ ни скуденъ составъ народной библіотеки, надо помнить, что онъ замѣнитъ собою для народа сонники, оракулы, «пустяшныя милордовъ», «Разбойниковъ Чуркиныхъ» и прочую дребедень, къ которой народъ волей-неволей обращается за отсутствіемъ сносныхъ книгъ

въ деревнѣ. Разъ люди вынуждены обращаться къ обрывкамъ газетъ, въ которые завертываютъ лавочки товары, и разъ послѣдніе могутъ увеличивать свою торговлю, завертывая товаръ въ цѣлые газетные листы, ясно, какъ назрѣла въ народѣ потребность въ чтеніи. Не удовлетворить эту потребность было-бы большимъ грѣхомъ. И потому-то нужно, непремѣнно нужно дѣлать все, что можно для распространения народныхъ библиотекъ, для увеличенія ихъ числа и для пополненія ихъ всѣми книгами, какія могутъ быть въ составѣ народной библиотекы и которыя этой чести заслуживаютъ своимъ содержаніемъ. И потому, вмѣстѣ съ тѣмъ, приходится открытіе каждой народной библиотекы привѣтствовать, какъ явленіе, отвѣчающее крайне назрѣвшей потребности народа, идущей на встрѣчу этой потребности—проявляемой народомъ жаждѣ къ книгѣ.

Одно время возлагались значительныя надежды на увеличеніе числа народныхъ библиотекъ Попечительствами о народной трезвости, такъ какъ учрежденіе такихъ библиотекъ входитъ въ программу дѣятельности этихъ Попечительствъ, какъ лучшее средство борьбы съ народнымъ пьянствомъ. Къ сожалѣнію, надежды эти въ значительной мѣрѣ не оправдались. Средства Попечительствъ въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ тратятся на никому ненужныя чайныя да на такъ называемые «народныя» театры, въ которыхъ народъ или совершенно отсутствуетъ, или помѣщается на послѣднихъ мѣстахъ, часто стоя, видя обыкновенно только затылки впереди находящейся привилегированной публики, которая охотно посѣщаетъ эти театры, въ виду дешевизны въ нихъ мѣсть, однако для народа все-таки недоступныхъ по цѣнамъ. Народныя-же библиотекы и читальни, если и открываются Попечительствами, то обыкновенно состоятъ изъ ничтожнѣйшаго числа тоненькихъ брошюрочекъ и обыкновенно совершенно недоступны населенію, часто просто будучи сохраняемы въ неприкосновенности ради ревизій. Исключеній изъ такого положенія вещей не много, и къ числу такихъ исключеній, повидимому, принадлежитъ библиотечка-читальня, открывая недавно при чайной Попечительства о народной трезвости въ с. Бѣлой Глинѣ, Медвѣженскаго уѣзда, Ставропольской губерніи. Это—огромное и богатое село, имѣющее около 18 тыс. жителей. По свѣдѣніямъ, сообщавшимся недавно корреспондентомъ «Приазовскаго Края», въ помянутой библиотекѣ-читальнѣ имѣется 1.275 книгъ. Книги выдаются какъ на домъ, такъ и для чтенія въ чайной и помѣщеніи библиотекы. Получаются газеты и журналы, но въ недостаточномъ числѣ, такъ какъ спросъ на нихъ далеко превышаетъ наличный запасъ. Всѣхъ абонентовъ, берущихъ книги на домъ, насчитывается до 700. Газеты охотно читаются въ чайной, а въ помѣщеніи библиотекы нерѣдко цѣлыя толпы слушаютъ чтеніе грамотея. Очевидно, въ Бѣлой Глинѣ отнеслись къ дѣлу не формально, и библиотечка съумѣла привлечь читателей, что, впрочемъ, достигается такъ легко, разъ только имѣется желаніе у устроителей библиотекы имѣть ее не только для счета. Пожелаемъ-же, чтобы и въ другихъ мѣстахъ Попечительства о народной трезвости обратили особенное вниманіе на народно-библиотечное дѣло и направили сюда большую часть своихъ средствъ. А средства эти не малыя: какъ сообщаютъ газеты, на 1902 годъ Попечительствамъ имѣютъ быть отпущены до 4 милліоновъ казенныхъ денегъ. Если-бы хотя половина этихъ средствъ была употреблена на народныя библиотекы, и тогда народно-библиотечное дѣло двинулось-бы впередъ гигантскими шагами. И такое употребленіе средствъ Попечительствъ было-бы самымъ разумнымъ и наиболѣе отвѣчающимъ цѣлямъ, которыя

ставились Попечительствамъ при ихъ учрежденіи, такъ какъ библіотека-читальня является лучшимъ средствомъ борьбы съ пьянствомъ и предупрежденія его.
Я. Абрамовъ.

Хроника воскресныхъ школъ *)

О необходимости женскихъ воскресныхъ школъ высшаго типа.

Воскресныя школы получили въ послѣднее десятилѣтіе широкое распространеніе: число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается, и сочувствіе къ нимъ возрастаетъ. Это служитъ яснымъ доказательствомъ того, что, не смотря на скромную задачу воскресныхъ школъ, на тотъ уголокъ, который онѣ занимаютъ въ широкой области народнаго образованія, просвѣтительное дѣло ихъ и его благіе результаты не подлежатъ сомнѣнію. Послѣдніе особенно очевидны для тѣхъ, кто принимаетъ непосредственное участіе въ воскресныхъ школахъ, кто на дѣлѣ видитъ, какъ болѣе и болѣе растетъ въ нашемъ народѣ стремленіе къ образованію. Завѣдуя въ теченіе 30-ти слишкомъ лѣтъ учрежденной мною *Петербургской Владимірской женской воскресной школой* и принимая участіе въ такой-же школѣ *Никольской*, основанной мною въ 1882 г., я съ полною достовѣрностью могу сказать, что въ послѣднее время это стремленіе не только увеличивается, но и принимаетъ болѣе серьезный характеръ. Оно ярко проявляется въ ученицахъ обѣихъ моихъ школъ, а также, сколько мнѣ извѣстно, и другихъ воскресныхъ школъ. Очень многія изъ этихъ ученицъ не удовлетворяются уже, какъ это было прежде, одной грамотой, обученіемъ въ размѣрахъ программъ народныхъ училищъ. Въ нихъ зародилась любознательность, въ нихъ пробудились серьезные умственные запросы: онѣ пытливимъ взоромъ смотрятъ на міръ Божій, онѣ съ горячимъ интересомъ ловятъ всякое слово, которое знакомитъ ихъ съ его законами и явленіями, слушаютъ разговоры объ историческихъ событіяхъ Россіи, знакомятся съ произведеніями ея литературы... Что можетъ дать такимъ ученицамъ воскресная школа? Краткія отрывочныя свѣдѣнія изъ естествознанія и отчизновѣдѣнія, сообщаемыя имъ путемъ объяснительнаго чтенія, такъ какъ при существующей учебной программѣ о систематическомъ, основательномъ преподаваніи предметовъ, выходящихъ изъ узкихъ ея рамокъ, не можетъ быть и рѣчи. Между тѣмъ для многихъ ученицъ воскресныхъ школъ (я говорю объ учащихся *женскихъ* воскресныхъ школъ, съ которыми болѣе знакома) такое званіе имѣетъ серьезное значеніе и часто связано для нихъ съ вопросомъ о кускѣ насущнаго хлѣба; такъ, напр., одной дѣвушкѣ, 18 лѣтъ, посѣщавшей въ прошломъ учебномъ году Владимірскую школу, нужны были для поступленія на родовспомогательные курсы познанія изъ географіи, исторіи Россіи и другихъ учебныхъ предметовъ въ болѣшихъ размѣрахъ, нежели она могла получить ихъ въ этой школѣ. Пришлось заниматься съ ней отдѣльно на дому, и благодаря ея страстному желанію поступить на курсы и замѣчательному усердію, съ которымъ она готовилась, ей удалось выдержать экза-

*) Всѣ статьи и матеріалы по дѣлу воскресныхъ школъ редакція покорнѣйше проситъ присылать въ Харьковъ на имя Христіны Даниловны Алчевской или Маріи Николаевны Салтыковой.

меня. Съ августа мѣсяца она уже слушаетъ курсы, по окончаніи ученія на которыхъ ей обѣщано мѣсто земской акушерки. Бывали и еще подобные-же случаи. Но ученицы въ своемъ желаніи дальнѣйшаго образованія руководствуются не одними практическими соображеніями, а часто и болѣе возвышенными безкорыстными побужденіями. Такъ, одна дѣвушка, 28 лѣтъ, по профессіи портниха, обучающаяся уже третій годъ, съ перерывами, во Владимірской школѣ, спросила меня недавно, гдѣ ей, кромѣ этой школы, можно еще учиться?..—«Развѣ вы недовольны школою?» въ свою очередь спросила я ее.—«О нѣтъ,—отвѣтила она,—всѣмъ, что я знаю, я обязана вашей школѣ, но мнѣ хочется долго еще учиться, чтобы больше знать, чтобы быть сельской учительницей. Сельская учительница,—голосомъ дрожащимъ отъ волненія продолжала она,—учитъ народъ, приноситъ ему пользу, а я никому ея не приношу, и потому не могу еще назвать себя человѣкомъ»...

Напрасно я старалось объяснить ей, что на каждомъ поприщѣ можно приносить пользу, напрасно указывала на всѣ трудности и лишенія жизни сельской учительницы,—она настаивала на своемъ желаніи «учить народъ» и въ этомъ одномъ признавала смыслъ своего человѣческаго существованія. Въ Никольской школѣ также нѣсколько дѣвушекъ выразили желаніе продолжать учиться, чтобы быть сельскими учительницами. Одной изъ ученицъ Владимірской школы посчастливилось осуществить это желаніе. Она, по окончаніи ученія въ земской учительской семинаріи, получила мѣсто учительницы одной сельской школы, гдѣ преподаетъ уже нѣсколько лѣтъ. Она живетъ въ глухой деревнѣ, въ полномъ уединеніи. Это тѣмъ большая заслуга съ ея стороны, что у нея послѣ отца осталось 5 тысячь рублей и она могла-бы жить у своихъ родныхъ, въ Петербургѣ.

Ясно, что знаніе, приобретаемое этими дѣвушками въ воскресной школѣ, дало толчокъ не только ихъ умственному развитію и научило ихъ сознательнѣе относиться къ жизни, но и заронило въ ихъ душу альтруистическія чувства, любовь къ людямъ, высшее выраженіе которой онѣ видятъ въ служеніи имъ, въ обученіи народа, а главнѣе всего то, что въ нихъ пробудилось пониманіе нравственной связи, существующей между человѣкомъ, какъ единичной личностью, и остальными людьми...

Учиться, приобретать больше и больше познаній стало для такихъ развитыхъ дѣвушекъ насущною потребностью, и онѣ, по окончаніи курса ученія, продолжаютъ еще долго посѣщать школу. Для нихъ я устраиваю особыя бесѣды по естествознанію, исторіи и географіи Россіи, или литературныя чтенія, что всегда сопряжено съ большими затрудненіями: для такихъ чтеній и бесѣдъ нужно имѣть особыхъ преподавателей, необходимо отводить лишнюю комнату, а это не легко, когда каждый уголокъ школьнаго помѣщенія занятъ, когда въ каждой комнатѣ учатся 5—6 группъ. Въль воскресныя школы,—за исключеніемъ одной Харьковской, обладающей собственнымъ обширнымъ помѣщеніемъ и богато обставленной,—находягся далеко не въ блестящихъ условіяхъ, чтобы не сказать болѣе...

Все это наводитъ меня на мысли о необходимости женскихъ воскресныхъ школъ *высшаго типа*, съ болѣе *широкой* программой, официально утвержденной, исключительно для женщинъ и дѣвушекъ, желающихъ послѣ начального обученія продолжать свое образованіе. Мнѣ могутъ возразить, что существуютъ для лицъ обоого пола *вечерніе*, какъ общеобразовательные, такъ и спеціальныя, курсы. Но имѣютъ ли возможность посѣщать ихъ ре-

меленницы, работающія въ магазинахъ и мастерскихъ, ранѣе 9 ч. вечера? И даже для тѣхъ изъ нихъ, кто можетъ раньше освободиться отъ своихъ занятій, это представляетъ большія затрудненія: утомительно послѣ дневной продолжительной работы напрягать свой умъ на слушаніе учебныхъ предметовъ, требующихъ серьезнаго, усиленнаго вниманія. Да и вечернихъ курсовъ въ Петербургѣ, не говоря уже о другихъ городахъ, мало.

Число-же воскресныхъ школъ гораздо значительнѣе, хотя и оно далеко не удовлетворяетъ потребности въ нихъ. Онѣ такъ охотно посѣщаются! Сюда приходятъ многочисленныя ученицы съ свѣжими, бодрыми силами и съ видимымъ удовольствіемъ проводятъ здѣсь за ученіемъ 4 часа. Я никогда не видала слѣдовъ скуки и усталости на лицахъ своихъ ученицъ, не смотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ приходятъ съ самыхъ отдаленныхъ концовъ города, а сколько слышу наивныхъ, трогательныхъ выраженій любви къ школѣ.—«Школа—моя жизнь, мое удовольствіе», написала въ письмѣ ко мнѣ одна изъ старшихъ ученицъ.—«Я сегодня опоздала,—сказала мнѣ въ послѣднее воскресенье 14-ти лѣтняя дѣвочка,—мама не пускала меня, но я со слезами молила ее, и она скадилась».

Во время перерыва между занятіями мнѣ постоянно приходится воевать со старшими ученицами, чтобы оторвать ихъ хотя на нѣсколько минутъ отъ книги.

— Дома намъ некогда учиться, некогда иной разъ и книжку почитать,—жалобно говорятъ онѣ,—мы до поздняго вечера работаемъ.

Могутъ-ли, повторяю, такія труженицы посвящать вечера ученію? Имъ нужно раньше лечь, чтобы встать съ разсвѣтомъ; имъ, какъ воздухъ, какъ пища, нуженъ отдыхъ. Благо еще, что онѣ желаютъ и могутъ учиться по воскресеньямъ...

Воскресныя школы должны удовлетворять самымъ разнообразнымъ требованіямъ: онѣ должны давать, кромѣ грамоты, какъ специальное обученіе, такъ преслѣдовать и общеобразовательныя дѣли. Пусть двери ихъ будутъ широко раскрыты для всѣхъ жаждущихъ просвѣщенія, не въ узкомъ смыслѣ этого слова. Я не берусь намѣтить тѣ учебные предметы, которые должны войти въ программу преподаванія воскресныхъ школъ *высшаго типа*. Я указываю только на настоятельную необходимость ихъ, я могу только выразить горячее желаніе, чтобы школы этихъ открыто было побольше, чтобы онѣ были богаты учебными пособиями, коллекціями, всякаго рода картинами для нагляднаго обученія, и чтобы при нихъ находились библіотеки съ подборомъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія. При такихъ только условіяхъ школы эти осуществлять въ полной мѣрѣ свою просвѣтительную задачу.

Софія Старынкевичъ.

Хроника профессиональнаго образованія.

Общія мѣры по развитію профессиональнаго образованія.—Высшія техническія школы.—Среднее и низшее образованіе.—Коммерческія школы.—Ремесленное образованіе и курсы для рабочихъ.—Профессиональное образованіе для женщинъ.

Министерствомъ Нар. Просвѣщенія, по словамъ «Торг.-Пр. Газ.», поставленъ на очередь вопросъ объ устройствѣ особаго центральнаго комитета изъ

представителей всѣхъ министерствъ для главнаго руководства и наблюденія за устройствомъ и нуждами спеціального образованія. Вѣдѣнію этого комитета должны подлежать не только профессиональныя, техническія и коммерческія школы всѣхъ вѣдомствъ, но и различныя курсы для рабочихъ, школы ремесленныхъ учениковъ и т. п.

Та-же газета сообщаетъ, что Министромъ Нар. Просв., по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, утверждено положеніе о III-мъ всероссійскомъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію и выставкѣ при немъ. Съѣздъ этотъ состоится не позднѣе начала 1903 г. въ Одессѣ. Препровождая въ Императорское Русское Техническое Общество утвержденное положеніе о съѣздѣ, Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ, что между вѣдомствами Мин. Нар. Просв., Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ послѣдовало соглашеніе о томъ, чтобы подобныя съѣзды созывались періодически. въ промежутки времени не менѣе 5 лѣтъ, и что съ этою цѣлью слѣдовало-бы учредить изъ числа членовъ съѣзда постоянное бюро или организационный комитетъ, съ возложеніемъ на него обязанностей какъ по составленію отчетовъ и изданію трудовъ съѣзда, такъ равно и обязанностей по предварительной разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся созыва и организациі слѣдующаго съѣзда.

По смѣтѣ учрежденій Министерства Финансовъ по части торговли и промышленности на 1902 годъ ассигновано на содержаніе политехническихъ институтовъ: въ Кіевѣ, Варшавѣ и Петербургѣ 3.859.689 р., болѣе противъ смѣтнаго назначенія 1901 г. на 496.120 р. Въ ассигнованной суммѣ, между прочимъ, заключается: на устройство политехническаго института въ Петербургѣ 1.800.982 р., на оборудованіе учебно-вспомогательными средствами сего института 360.000 р., на устройство Варшавскаго института 803.945 р. и на хозяйственные и канцелярскіе расходы Кіевскаго и Варшавскаго институтовъ 240.400 р.; остальные затѣмъ суммы ассигнованы на содержаніе личнаго состава институтовъ.

Съ настоящей осени въ Томскомъ политехникумѣ открытъ первый курсъ горнаго дѣла, на который принято 75 слушателей. Курсъ наукъ на сказанномъ отдѣлѣ будетъ 5-лѣтній, причемъ будутъ изучаться исключительно науки горной спеціальности, металлургія-же будетъ преподаваться въ химико-техническомъ отдѣлѣ. Особенное вниманіе будетъ обращено на золотое дѣло. Лицамъ, окончившимъ курсъ горнаго отдѣла, будетъ даваемо званіе горнаго инженера.

«Од. Нов.» сообщаетъ, что Министерство Нар. Просв. обратилось къ попечителю Одесскаго учебнаго округа Х. П. Сольскому съ предложеніемъ войти въ сношенія съ городами, земствами и представителями различныхъ заинтересованныхъ учрежденій для выясненія вопроса о матеріальномъ ихъ участіи въ дѣлѣ проектируемаго къ учреженію въ Одессѣ технологическаго института съ особыми спеціальными отдѣленіями, вызываемыми мѣстными условіями. Исполняя распоряженіе Министра Народнаго Просвѣщенія, попечитель учебнаго округа обратился къ городскимъ общественнымъ управленіямъ и земствамъ городовъ юга Россіи, промышленнымъ учрежденіямъ, обществамъ, крупнымъ заводчикамъ и проч., съ просьбой сообщить, въ какихъ размѣрахъ можно было-бы ожидать съ ихъ стороны денежныхъ вспомоствованій, въ случаѣ благопріятнаго разрѣшенія ходатайства объ открытіи института.

Газета надѣется, что всѣ учрежденія и лица, къ которымъ обратился попечитель, сознавая всю важность открытія въ Одессѣ такого высшаго

спеціального учебнаго заведенія, откликнутся на обращеніе попечителя и своими денежными ассигнованіями помогут скорѣйшему осуществленію этого дѣла.

По свѣдѣніямъ «Варш. Дневн.», проектъ учрежденія въ Варшавѣ академіи изящныхъ искусствъ прошелъ въ Министерствѣ Нар. Просв. и вопросъ этотъ, съ соотвѣтственными соображеніями и мнѣніями Министерства и Петербургской Академіи Художествъ, передается въ Государственный Совѣтъ. Въ виду этого въ Мин. Нар. Просв. возникъ вопросъ относительно будущности нынѣшняго Варшавскаго рисовальнаго класса, находящагося въ вѣдѣніи Императорской академіи художествъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда возникалъ уже вопросъ объ открытіи въ Варшавѣ высшаго учебнаго заведенія, посвященнаго изящнымъ искусствамъ, нѣсколько лодзинскихъ фабрикантовъ выражали желаніе, чтобы нынѣшній рисовальный классъ былъ преобразованъ въ художественную школу прикладныхъ знаній, по образцу такой-же школы имени барона Штиглица въ Петербургѣ или мюнхенской школы. Подобнаго учебнаго заведенія въ Привислинскомъ краѣ еще не имѣется, а существующія такого типа частныя школы далеко не удовлетворяютъ потребностямъ промышленности.

Виленская городская Дума, какъ сообщаетъ «Вил. Вѣстн.», единогласно поручила городской управѣ возбудить передъ правительствомъ ходатайство объ открытіи въ Вильнѣ политехникума съ отдѣленіями сельско-хозяйственнымъ, лѣснымъ, химическимъ, механическимъ и строительнымъ и рѣшила ассигновать на это изъ городскихъ средствъ 300.000 рублей.

Въ очередномъ ярославскомъ губернскомъ земскомъ собраніи былъ, между прочимъ, затронутъ вопросъ весьма крупнаго общественнаго значенія. Однимъ изъ гласныхъ земства, г. Калачевымъ, было предложено возбудить ходатайство объ открытіи при Демидовскомъ лицейѣ факультета естественныхъ наукъ съ преподаваніемъ сельско-хозяйственныхъ знаній и объ учрежденія въ Ярославлѣ средняго сельско-хозяйственнаго училища съ пособіемъ отъ губернскаго земства въ размѣрѣ 15.000 рублей. Предложеніе это мотивировалось ощущающейся въ губерніи необходимостью распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній и, какъ и слѣдовало ожидать, вызвало довольно продолжительный и горячій обмѣнъ мнѣній между цѣлой группой земскихъ гласныхъ, отнесшихся въ общемъ сочувственно къ предложенію г. Калачева. Изъ происходившихъ преній выяснилось, что даже принципиальное разрѣшеніе этого вопроса является невозможнымъ для текущаго собранія вслѣдствіе полного отсутствія всякихъ матеріаловъ и справокъ, относящихся до этого предмета. Гласный князь Д. И. Шаховской полагалъ, что рѣшеніе его слѣдуетъ отложить до слѣдующаго собранія, такъ какъ ходатайство должно быть твердо обосновано, а для этого необходимо предварительно подвергнуть вопросъ самой подробной разработкѣ въ особой комиссіи. Любопытно, что съ одной стороны (г. Калачевъ) высказывались пожеланія о созданіи новаго факультета, а съ другой (кн. Д. И. Шаховской) — выражались сомнѣнія въ возможности пракческаго осуществленія этой мысли вслѣдствіе того, что учрежденіе новаго факультета потребуетъ слишкомъ много средствъ: другое дѣло — доказать необходимость въ высшемъ учебномъ заведеніи пракческаго характера и ходатайствовать объ уничтоженіи юридическаго факультета, съ тѣмъ, чтобы средства, идущія на него, обращались въ будущемъ на это новое учебное заведеніе. Для болѣе тщательнаго вы-

ясненія этого сложнаго вопроса избрана, какъ сообщаетъ «Съв. Кр.», коммиссія, которая должна войти съ докладомъ въ слѣдующее земское собраніе.

23-го ноября въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія торжественно отпраздновано двадцатипятилѣтіе существованія при Институтѣ Общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ. Исторія дѣятельности Общества, какъ видно изъ отчета, распадается на четыре періода: первый, съ 1876 по 1881, созидательный, когда Общество быстро развилось, какъ въ смыслѣ количества членовъ, денежныхъ средствъ, такъ и въ отношеніи своей дѣятельности. Такъ, напримѣръ, въ устроенной Обществомъ прекрасной столовой въ теченіе года отпускалось для студентовъ свыше 50 тысячъ дешевыхъ обѣдовъ. Съ 1881 года до 1886 года слѣдуетъ періодъ затишья, когда дѣятельность Общества, по разнымъ обстоятельствамъ, была значительно сокращена. Съ назначеніемъ въ Институтъ нынѣшняго директора М. П. Герсеванова, добившагося преобразования устава Института (пятилѣтній курсъ вмѣсто трехлѣтняго и проч.), когда и количество студентовъ съ трехсотъ человѣкъ достигло почти тысячи, началось вновь постепенное развитіе дѣятельности Общества, хотя Общество не имѣло еще запаснаго и неприкосновеннаго капиталовъ. За послѣднія 10 лѣтъ Общество наконецъ стало на твердую почву и къ настоящему времени достигло цвѣтущаго состоянія. Услугами Общества пользуются постоянно болѣе 30 проц. всего количества студентовъ Института. За время своего существованія Обществомъ выданы ссуды болѣе чѣмъ 2.000 студентамъ. Размѣръ ссудъ, выдававшихся одному лицу, колебался отъ 5 до 608 р. Согласно уставу, Общество приходило на помощь нуждавшимся студентамъ только путемъ выдачи ссудъ, которую они должны возратить не позже двухъ лѣтъ по окончаніи курса. Несмотря на это условіе, возвратъ ссудъ постоянно совершается туго, не превышая 20% суммъ, затраченныхъ на это. Теперь Обществу разныя лица должны свыше 70.000 руб., изъ коихъ около 9.000 руб. должны быть признаны безнадежными.

Отдѣлъ торговаго мореплаванія при Министерствѣ Финансовъ, выработавъ проектъ положенія о мореходныхъ классахъ, обратился, какъ сообщаетъ «Н. Вр.», въ городскую управу съ предложеніемъ обсудить слѣдующіе вопросы: 1) о выборѣ для Петербурга типа мореходнаго учебнаго заведенія; 2) объ ассигнованіи необходимыхъ для устройства и содержанія училища средствъ, такъ какъ по проекту содержаніе мореходныхъ училищъ должно быть отнесено преимущественно на мѣстные источники, въ томъ числѣ на средства портоваго сбора и другіе городскіе доходы, и 3) объ отводѣ подъ училище помѣщенія. При этомъ отдѣлъ заявляетъ, что, по его мнѣнію, въ Петербургѣ надлежало-бы открыть училище дальняго плаванія (высшій типъ). Городская управа, представляя предложеніе Министерства Финансовъ на обсужденіе думы, присоединяется къ предложенію, находя необходимымъ ассигновать въ распоряженіе Министерства на устройство училища 45.000 р. изъ суммъ портоваго сбора и 3.000 р. ежегодно на его содержаніе изъ городскихъ средствъ (содержаніе Министерствомъ исчислено въ 9.440 р. въ годъ), подъ постройку-же училища отвести участокъ городской земли. Окончательное разрѣшеніе этого вопроса поставлено на ближайшую очередь. Городская финансовая коммиссія заявила, между прочимъ, что проектируемая школа будетъ обслуживать не только Петербургъ, но и всю губернію, а потому къ участію въ расходахъ по постройкѣ училища и его содержанію, кромѣ городского общественнаго управленія, должно быть привлечено и петербург-

ское губернское земство и биржевой комитетъ. Кромѣ того, городъ долженъ выговорить себѣ право имѣть въ училищѣ своихъ стипендіатовъ.

Въ комиссіи членовъ Астраханскаго биржевого комитета обсуждался вопросъ объ ознаменованіи 40-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Комиссія, по словамъ «Астрах. Листка», остановилась на предложениі собрать путемъ частной подписки деньги и построить на землѣ, уступленной городомъ, домъ для технического училища на 80—100 учащихся, который обойдется не болѣе 15.000 р. Затѣмъ домъ этотъ предоставить отъ биржевого общества, какъ памятникъ упоминаемаго событія, въ собственность города, чтобы городомъ на городскія средства открыто было училище въ память 40-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Чтобы ускорить осуществленіе этого дѣла, комиссія тутъ-же открыла подписку среди собравшихся. Подписка дала 6.400 р.

Довольно неожиданнѣйшій оборотъ принялъ вопросъ объ учрежденіи средняго технического училища въ Воронежѣ. По словамъ корреспондента «Нов.», вопросъ этотъ въ принципѣ давно уже рѣшенъ Думою въ утвердительномъ смыслѣ, училищная комиссія предложила ускорить практическое осуществленіе его и, согласно предложенію попечителя учебнаго округа, ассигновать въ пособіе казнѣ на открытіе и содержаніе училища 90 т. р., елиновременно и по 11 т. р. ежегодно. По прочтеніи доклада, Дума безъ преній гтова была уже принять предложенія комиссіи въ виду того, именно, что въ принципѣ вопросъ давно уже рѣшаемъ; но въ это время попросилъ слова гл. М. Пономаревъ. Видимо волнуясь, гласный далъ глубоко вѣрную характеристику общаго направленія дѣятельности Думы, — дѣятельности, сводящейся почти исключительно къ удовлетворенію потребностей зажиточнаго меньшинства населенія, при вопіющемъ пренебреженіи къ насущнѣйшимъ интересамъ бѣдной части населенія. Въ центральныхъ частяхъ города всюду устроены прекрасные асфальтовые тротуары и сіяютъ «электрическія солнца», тогда какъ многія окраины утопаютъ въ грязи и далеко не вездѣ на окраинахъ имѣется достаточное количество хотя-бы керосиновыхъ «коптилокъ». На среднѣи и даже на высшѣи учебныя заведенія (напр., проектированный сельско-хозяйственный институтъ) городъ, не задумываясь, съ полной готовностью ассигнуегъ десятки и сотни тысячъ рублей, тогда какъ каждый рубль, который требуется дать на низшую школу, вызываетъ безконечныя дебаты и ассигнуется весьма осторожно. Заботы города о народномъ здоровіи ничтожны до смѣшнаго. Всѣ заботы города о здоровіи 80-тысячнаго населенія ограничиваются содержаніемъ одной амбулаторіи, да и та организована не городомъ, а медицинскимъ Обществомъ, отъ котораго городъ принялъ ее въ свое вѣдѣніе, причеиъ за посѣщеніе амбулаторіи съ больныхъ взимается 20-копѣечная плата. Столь-же ничтожны заботы города по части благотворительности. Очертивъ такимъ образомъ общее направленіе дѣятельности Думы, гласный Пономаревъ высказалъ мнѣніе, что Дума нравственно обязана распоряжаться своими ограниченными средствами такимъ образомъ, чтобы прежде всего удовлетворять насущныя потребности большинства населенія. Такіе взгляды и въ столь опредѣленной и категорической формѣ въ Думѣ, кажется, не высказывались никогда. Послѣ этой рѣчи въ Думѣ на нѣсколько минутъ водворилось неловкое молчаніе, какое бываетъ въ обществѣ, когда кто-нибудь выскажетъ то, чего «не принято» говорить. Нѣкоторые гласные попытались ослабить впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, указаніемъ на то, что по асфальтовымъ тротуарамъ ходятъ и «электри-

ческими солнцами» пользуются не только богатые, но и бѣдные; точно также и въ среднее техническое училище будутъ поступать не только дѣти богатыхъ людей, но и дѣти бѣдняковъ, и, кромѣ того, училище это будетъ способствовать развитію благосостоянія всего города, а, слѣдовательно, и бѣдняки будутъ въ выигрышѣ, и т. д. въ томъ-же родѣ. Неожиданную поддержку заявленію г. Пономарева оказалъ городской голова, высказавшій свое полное сочувствіе этому заявленію и указавшій, что онъ считаетъ гораздо болѣе важнымъ и неотложнымъ дѣломъ постройку городской больницы, нежели открытіе средняго технического училища. Въ возникшихъ по этому оживленныхъ преніяхъ было выяснено, что вообще вся дѣятельность Думы страдаетъ недостаткомъ системы, заранѣе выработаннаго и обдуманнаго плана; многія предположенія и мѣропріятія возникаютъ какъ-то случайно, а нынѣ предложенія столь-же случайно проваливаются. Въ концѣ-концовъ Дума рѣшила избрать особую комиссію «о пользахъ и нуждахъ города» и поручила ей намѣтить извѣстную систему для будущей дѣятельности городского управленія и при этомъ обсудить вопросъ о постройкѣ городской больницы и объ открытіи средняго технического училища.

6 декабря исполнилось 35-лѣтіе существованія Виленской рисовальной школы. Для подготовленія иконописцевъ въ 1864 году была устроена художественная мастерская въ Вильнѣ, но она не была организована правильно. Тогдашній попечитель учебнаго округа И. П. Корниловъ рѣшилъ поставить дѣло серьезно и открытъ рисовальную школу. Школа имѣла задачей готовить ремесленниковъ, дать имъ необходимыя свѣдѣнія въ рисованіи и черченіи, для чего предназначалось первое отдѣленіе, и открытъ классъ живописи. Такимъ образомъ въ 1-мъ отдѣленіи предположено было сообщать свѣдѣнія примѣнительно къ ремесламъ, а во 2-мъ отдѣленіи предположено изучать изящныя искусства. Устроилъ эту школу и поставилъ въ ней дѣло академикъ И. П. Трутневъ, завѣдующій школой и по сіе время, такъ что вся жизнь школы тѣсно связана съ дѣятельностью И. П. Трутнева. Когда И. П. Корниловъ задумалъ устроить школу, ректоръ Академіи художествъ А. П. Резановъ рекомендовалъ г. Трутнева. На содержаніе школы было отпущаемо ежегодно 1.220 руб., изъ которыхъ 500 руб. вознагражденія завѣдующему. Академія художествъ прислала въ школу нѣкоторые матеріалы и пособія. Въ первый-же годъ поступило около 100 человекъ. И. П. Трутневъ посвятилъ всѣ свои силы рисовальной школѣ. Въ продолженіе 35 лѣтъ она была его любимымъ дѣтищемъ: несмотря на недостатокъ средствъ, которыми остаются все тѣ-же, что и въ годъ основанія, школа не падаетъ, а развивается. Въ рисовальную школу въ настоящее время принимаются лица всѣхъ сословій. Въ ней два отдѣленія—мужское и женское. Ученіе въ школѣ бесплатное. 163 человекъ окончили полный курсъ школы и получили свѣдѣтельства. Болѣе 40 человекъ поступили въ Академію художествъ, прочіе въ другія высшія школы, какъ, напримѣръ, барона Штиглица и друг. Нѣкоторые поступили въ заграничныя Академіи: Берлинскую, Вѣнскую, Мюнхенскую, Парижскую и др. Нѣкоторые бывшіе ученики открыли свои мастерскія. Нѣкоторые состоятъ учителями въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Одинъ получилъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ первую награду за скульптурное произведеніе. Желательно, говорить по этому поводу корреспондентъ «Нов. Вр.», чтобы рисовальная школа получила большую поддержку отъ правительства и отъ города. Это единственное художественное учрежденіе во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ.

28-го декабря состоялся обычный ежегодный актъ въ Петербургской школѣ печатнаго дѣла Императорскаго Русскаго технического Общества. Въ 2 часа дня въ помѣщеніи школы было отслужено благодарственное молебствіе, по окончаніи котораго инспекторомъ школы М. Л. Щербацевичемъ былъ прочитанъ отчетъ о состояніи школы за 1900—1901 учебный годъ. Изъ отчета видно, что въ началѣ учебнаго года въ школѣ состояло 122 ученика изъ 22-хъ петербургскихъ типографій. Всего учебныхъ дней въ году было 104 для основныхъ классовъ и 68 для пригготовительнаго класса. Принято новыхъ учениковъ предъ началомъ ученія 41; изъ нихъ большинство въ пригготовительный классъ. Преподавались общеобразовательные и спеціальныя предметы. Въ теченіе года учениками были совершены съ образовательною цѣлью экскурсіи въ Эрмитажъ, Академію художествъ, Музей Императора Александра III и т. п. Окончили курсъ въ настоящемъ году 18 учениковъ.

По собраннымъ Министерствомъ Финансовъ свѣдѣніямъ, со времени Высочайшаго утвержденія 15-го апрѣля 1896 г. Положенія о коммерческомъ образованіи, въ теченіе 5 лѣтъ на частныя средства основано и успѣшно дѣйствуютъ 42 коммерческихъ училища, 30 торговыхъ школъ, 26 торговыхъ классовъ и 21 курсъ коммерческихъ знаній, на которыхъ обучаются всего 20.264 ученика, при чемъ на содержаніе этихъ учебныхъ заведеній обществами и частными лицами расходуются болѣе 2½ миллионъ рублей.

По словамъ одесскихъ газетъ, собраніе выборныхъ одесскаго купеческаго сословія постановило открыть въ ближайшее время при мѣстномъ коммерческомъ училищѣ имени Императора Николая I два седьмыхъ класса, основной и параллельный, а также учредить при училищѣ музей естествознанія. Для этой цѣли ассигновано 15.000 руб.

Въ Бѣлой Церкви, Кіев. губ., какъ пишутъ «Нов.», въ залѣ «Общественнаго собранія» происходило засѣданіе, въ которомъ приняли участіе представители мѣстной интеллигенціи, для подробнаго обсужденія вопроса объ открытіи семикласснаго коммерческаго училища вѣдомства Министерства Финансовъ. По этому вопросу уже состоялось въ концѣ октября собраніе, на которомъ инициаторъ этого дѣла, учитель г. Якеринъ, изложилъ планъ проектируемаго училища и сообщилъ результаты своей бесѣды съ инспекторомъ коммерческихъ училищъ г. Моревымъ, поддерживающимъ надежду на благопріятный исходъ ходатайства. Тогда-же вопросъ объ открытіи коммерческаго училища собраніемъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. причемъ многіе изъ присутствовавшихъ выразили желаніе пожертвовать значительныя суммы на постройку зданія и содержаніе училища. Подписной листъ на первомъ-же собраніи далъ 7.000 р. Равнымъ образомъ проектъ этотъ встрѣтилъ живѣйшее сочувствіе владѣлицы Бѣлой-Церкви, графини М. Е. Браницкой, выразившей готовность пойти навстрѣчу назрѣвшей потребности крупнымъ пожертвованіемъ. Она приноситъ въ даръ обширную усадьбу съ нѣсколькими домами, стоимостью въ 50—60 тыс. руб. Усадьба эта представляетъ собою территорію бывшаго казеннаго виннаго склада, нынѣ упраздненнаго. По ея же инициативѣ въ залѣ клуба состоялось собраніе, привлекшее всѣхъ представителей интеллигентнаго и чиновнаго круговъ. Подавляющимъ большинствомъ голосовъ вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Корреспондентъ этой-же газеты сообщаетъ изъ Воронежа, что въ прошломъ году мѣстное общество приказчиковъ возбудило вопросъ объ открытіи въ Воронежѣ трехклассной торговой школы и обратилось въ городскую

Дума съ ходатайствомъ о назначеніи постояннаго пособія этой школь. Дума сочувственно отнеслась къ этому дѣлу, ассигновала ежегодное пособіе школь въ размѣрѣ 3 тысячъ р. въ годъ и представила на утвержденіе Министерства Финансовъ проектъ устава школы вмѣстѣ съ ходатайствомъ о назначеніи пособія отъ казны на открытіе и содержаніе ея; кромѣ того, Дума ходатайствовала о разрѣшеніи установить въ г. Воронежѣ особый сборъ съ промысловыхъ свидѣтельствъ на торгковыя предпріятія первыхъ двухъ разрядовъ и на промышленныя предпріятія первыхъ пяти разрядовъ въ размѣрѣ 5% съ рубля казенной цѣны этихъ документовъ, съ тѣмъ, чтобы сборъ этотъ обращался на содержаніе торговой школы. Въ засѣданіи Думы 28-го ноября было доложено сообщеніе учебнаго отдѣла Министерства Финансовъ о томъ, что уставъ школы уже утвержденъ Министерствомъ, а также разрѣшено установленіе вышеуказаннаго сбора съ торговыхъ документовъ. Кромѣ того, Министерствомъ внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе объ ассигнованіи кредита на выдачу пособій на учрежденіе и содержаніе торговыхъ школъ, причемъ имѣется въ виду и Воронежская торговая школа. Такимъ образомъ, вопросъ объ открытіи этой школы можно считать рѣшеннымъ, и Дума постановила немедленно приступить къ взиманію 5%-наго сбора съ торговыхъ документовъ, съ тѣмъ, чтобы съ начала будущаго учебнаго года открыть торговую школу.

Какъ сообщаютъ московскія газеты, Министерству Народнаго Просвѣщенія разрѣшено учредить въ Москвѣ съ 1902 года три ремесленныхъ училища: два мужскихъ и одно женское. Въ мужскихъ училищахъ предложены специальности: сапожная, портновская и художественно-слесарная, въ женскомъ—бѣлошвейная и портновская. Женское ремесленное училище получаетъ организацію, выработанную особой комиссіей изъ специалистовъ по женскому профессиональному образованію. Въ каждомъ училищѣ половина общаго числа учащихся, изъ бѣднѣйшихъ, по назначенію Московской городской управы, будетъ обучаться бесплатно; при училищахъ будутъ устроены общежитія. На устройство этихъ училищъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Шеллапутинымъ сдѣлано крупное пожертвованіе въ размѣрѣ 200.000 рублей; изъ средствъ казны испрошено къ отпуску свыше 100.000 рублей. Содержаніе училищъ обойдется казнѣ ежегодно свыше 20.000 руб. Училищамъ присваивается имя покойнаго сына Шеллапутина. Къ постройкѣ зданій будетъ приступлено ранней весной будущаго года.

По словамъ саратовскихъ газетъ, по почину мѣстнаго городского управленія учреждается ремесленное училище въ г. Вольскѣ, Саратовской губ. Въ училищѣ главнымъ образомъ будетъ преподаваться слесарно-кузнечное мастерство и дополнительно-столярное. Училище предполагено открыть первоначально не болѣе, какъ съ тремя классами и всего лишь на 40 человекъ. Членъ комиссіи по разработкѣ вопроса объ открытіи училища, С. Г. Мельниковъ, жертвуетъ на устройство послѣдняго 10.000 руб.

Постоянной комиссіей по техническому образованію, въ цѣляхъ упорядоченія ремесленнаго ученичества въ Петербургѣ, выработанъ новый типъ ремесленно-промышленныхъ учебныхъ мастерскихъ. Совѣтомъ Императорскаго Русскаго техническаго Общества проектъ новыхъ мастерскихъ надьяхъ препровожденъ для разсмотрѣнія въ Общество попеченія о работныхъ домахъ, съ просьбой субсидіи на первое время ежегодно по 2.000 руб. Сущность проекта новыхъ мастерскихъ, какъ передаетъ «Н. Вр.», сводится къ слѣдующему:

Ремесленно-промышленныя учебныя мастерскія имѣютъ цѣлью готовить, при нормальномъ пользованіи дѣтскимъ трудомъ, ремесленниковъ, свѣдущихъ въ разнаго рода ремеслахъ. Только тѣ частныя мастерскія могутъ быть обращаемы въ ремесленно-промышленныя учебныя мастерскія, которыя не занимаются исключительно починкой, а изготовляютъ новые предметы и владѣльцы которыхъ заявили себя уже на поприщѣ обученія ремесламъ учениковъ. При этомъ постоянная коммиссія по техническому образованію заключаетъ съ владѣльцами мастерскихъ письменныя договоры со включеніемъ обязательныхъ для владѣльца условій. Мастерскія новаго типа состоятъ подъ покровительствомъ постоянной коммиссіи по техническому образованію. Послѣдняя входитъ въ разсмотрѣніе недоразумѣній, могущихъ произойти между хозяиномъ, подмастерьями и учениками. Въ названныя мастерскія принимаются дѣти, окончившія курсъ въ начальной школѣ или выдержавшія соотвѣтствующій вступительный экзаменъ. Владѣлецъ мастерской обязанъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ ученія отпускать учениковъ для посѣщенія воскресныхъ, вечернихъ или полудневныхъ курсовъ или классовъ по спеціальнымъ предметамъ: черченію, рисованію и др. Время на посѣщеніе этихъ курсовъ включается въ число часовъ работы ученика, при чемъ съ каждымъ годомъ ученія число часовъ для посѣщенія курсовъ или классовъ уменьшается. Съ четвертаго года ученія владѣлецъ мастерской освобождается отъ обязательства отпускать учениковъ на курсы или классы. Ежегодно происходитъ повѣрка пріобрѣтенныхъ учениками знаній. По окончаніи полнаго срока ученія выпускные ученики, въ присутствіи эксперта отъ ремесленной управы и представителя постоянной коммиссіи по техническому образованію, держатъ экзаменъ на званіе подмастерья. Выдержавшимъ испытаніе, кромѣ свидѣтельства на званіе подмастерья, выдается постоянной коммиссіей по техническому образованію особый дипломъ. Владѣльцамъ-же мастерскихъ по окончаніи выпускнаго экзамена можетъ быть выдана отъ постоянной коммиссіи по техническому образованію особая денежная премія. Мастерскимъ новаго типа, оправдавшимъ довѣріе, можетъ быть предоставлено право обозначать на вывѣскѣ, что онѣ состоятъ подъ покровительствомъ постоянной коммиссіи по техническому образованію. Кромѣ того послѣдняя можетъ ходатайствовать о Высочайшихъ наградахъ для владѣльцевъ мастерскихъ, въ которыхъ дѣло поставлено особенно успѣшно.

По словамъ кievскихъ газетъ, съ 1-го декабря при Кіевскомъ отдѣленіи И. Русскаго технического Общества открыты курсы, съ цѣлью дать желающимъ возможность пріобрѣсти теоретическія и практическія свѣдѣнія, необходимыя для кочегара и машиниста. Курсы устраиваются періодически два раза въ годъ, а именно: зимою съ 1-го декабря и лѣтомъ съ 1-го мая, при чемъ для кочегаровъ курсы продолжаются три недѣли, для машинистовъ—около двухъ мѣсяцевъ. Съ учащихся взимается плата по 10 руб. за курсъ кочегаровъ и по 20 руб. за курсъ машинистовъ. Мѣстные крупныя заводы и правленія акціонерныхъ предприятий отнеслись сочувственно къ учреждаемымъ курсамъ, разрѣшивъ производить у себя практическія занятія для усовершенствованія курсистовъ.

«Пром. Миръ» сообщаетъ, что въ виду поступленія въ послѣдніе годы въ Мин. Финансовъ многочисленныхъ ходатайствъ частныхъ лицъ и обществъ о разрѣшеніи открывать учебныя заведенія для обученія различнымъ производствамъ и ремесламъ, характеръ которыхъ не подходитъ ни подъ одинъ

изъ существующихъ типовъ ремесленныхъ и техническихъ училищъ, Министерство выработало проектъ положенія о техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ и курсахъ, имѣющихъ цѣлю готовить для фабрично-заводской и ремесленной промышленности свѣдущихъ въ различныхъ производствахъ рабочихъ и содѣйствовать распространенію техническихъ свѣдѣній и практическаго умѣнья среди ремесленниковъ и рабочихъ.

«Н. Вр.» сообщаетъ о предположеніи С.-Петербургскаго губернскаго акцизнаго управленія устроить для многочисленныхъ рабочихъ казенныхъ винныхъ складовъ особые классы, съ цѣлю распространенія въ ихъ средѣ необходимаго для нихъ образованія. Классы эти откроются въ началѣ 1902 г. при 1-мъ казенномъ винномъ складѣ. На нихъ принимаются какъ рабочіе, такъ и работницы, безъ ограниченія возраста. Мужчины и женщины будутъ заниматься въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ или-же въ разное время. Сообразно подготовкѣ учащихся, классы будутъ раздѣлены на отдѣльныя группы—неграмотную, малограмотную, выпускную. Занятія начинаются съ 1-го сентября, оканчиваются въ половинѣ мая и происходятъ въ будни по вечерамъ съ 7 до 9 часовъ, кромѣ субботъ, и по воскресеньямъ—днемъ, послѣ ранней обѣдни. Въ классахъ преподаются: Законъ Божій, русскій языкъ, арифметика, географія, исторія, естествознаніе въ связи съ гигиеной, начала физики и химіи. Въ женскихъ классахъ нѣкоторыя изъ перечисленныхъ предметовъ могутъ быть замѣнены курсами кройки и шитья. Учащимся въ концѣ учебнаго года производится экзаменъ въ испытательной комиссіи, причемъ удовлетворительно выдержавшимъ экзаменъ выдаются свидѣтельства. Средства на содержаніе классовъ отпускаются Мин. Финансовъ. Классы находятся подъ управленіемъ постоянной комиссіи по техническому образованію. Общее число рабочихъ въ казенныхъ винныхъ складахъ 1.628.

3-го декабря, какъ сообщаетъ «Россія», состоялось общее собраніе членовъ Общества содѣйствія женскому сельско-хозяйственному образованію. Въ распоряженіе Общества была отпущена субсидія въ размѣрѣ 9.500 рублей, именно: 3.500 руб. на московскіе курсы, 3.000—на петербургскіе и 2.500—на кievскіе; однако этимъ курсамъ не суждено было организоваться, и Общество, вмѣсто этого, отпустило 1.500 руб. на устройство саратовскихъ курсовъ при Маринскомъ земледѣльческомъ училищѣ. Собраніемъ были приняты предложенія Совѣта: возбудить предъ Министерствомъ Земледѣлія ходатайство объ ежегодной субсидіи Обществу на поддержаніе упомянутыхъ курсовъ 5.000 руб. и учредить при Обществѣ двѣ стипендіи имени А. П. Философовой. Въ почетные члены былъ выбранъ душеприказчикъ милліонерши-благотворительницы г-жи Медвѣдниковой—г. Цвѣтковъ, пожертвовавшій въ пользу Общества 14 акцій Московскаго земельного банка. Въ заключеніе Е. И. Гарднеръ сдѣлала докладъ: «Краткій очеркъ положенія женскаго сельско-хозяйственнаго образованія въ Великобританіи и Ирландіи». Въ виду того, что фабрично-заводская дѣятельность особенно развилась за послѣднее время въ Англіи, а между тѣмъ ея почва, которую мало кто обрабатываетъ, можетъ производить столько, что была-бы возможность удовлетворить все населеніе Англіи, тамъ все чаще и громче раздаются голоса о необходимости установить болѣе тѣсную связь населенія съ землею. Была созвана, нѣсколько лѣтъ назадъ, конференція, на которой признано желательнымъ устраивать заводы не въ большихъ центрахъ, а въ деревняхъ и селеніяхъ, и чтобы при нихъ непремѣнно были сады и огороды. Этимъ бу-

детъ уменьшено стремленіе женщинъ изъ селеній въ города, на заводы: онѣ останутся у себя дома и будутъ больше заниматься садоводствомъ и огородничествомъ, гдѣ найдутъ для себя приличный заработокъ. Уже теперь замѣчается, благодаря этому, въ Англии большой спросъ на женщинъ-садоводовъ, который значительно превышаетъ предложеніе. Были учреждены низшіе женскіе сельско-хозяйственные курсы, срокомъ отъ 4 до 16 недѣль, на которыхъ давались элементарныя понятія о скотоводствѣ, птицеводствѣ и молочномъ хозяйствѣ. При курсахъ обыкновенно имѣются опытные поля. Чтобы привлечь слушательницъ, выдавались стипендіи отъ 20 до 60 ф. стерлинговъ въ годъ. Что касается средняго сельско-хозяйственнаго образованія, то женщинамъ былъ открытъ доступъ на курсы при королевскомъ Обществѣ садоводства. Вообще въ Англии это дѣло, несмотря на то, что оно еще очень молодое, поставлено прекрасно. Особо устроенный комитетъ постарался выработать рядъ мѣръ для правильной, систематической постановки вопроса о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи. Въ видахъ улучшенія дѣла, завѣдываніе имъ рѣшено передать центральному органу народнаго просвѣщенія. Въ цѣляхъ развитія дѣла, въ Англии издаются два журнала, разрабатывающіе вопросы женскаго сельско-хозяйственнаго образованія. Одинъ изъ нихъ международный, и въ составъ его сотрудницъ входятъ женщины всѣхъ почти національностей, не исключая и русскихъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ устроенныхъ для женщинъ сельско-хозяйственныхъ курсахъ при Маринскомъ землед. училищѣ (Сарат. губ.) мы находимъ въ «Извѣстіяхъ Мин. Земледѣлія».

Курсы были открыты при наличности 20 слушательницъ, изъ которыхъ 19 было дѣвицъ и 1 замужняя, при чемъ возрастъ ихъ колебался отъ 17 до 34 лѣтъ. Занятія на курсахъ начались съ 15-го мая и продолжались до 1-го сентября, такъ что всѣхъ учебныхъ дней за этотъ періодъ времени было 80. Изъ этого времени на теоретическія занятія употреблено было 262 часа, на практическія же—281 часть, а всего 543 часа, что составляетъ въ среднемъ около 7 часовъ ежедневныхъ занятій. Преподаваемые предметы читались по программамъ, утвержденнымъ Министерствомъ, въ объемѣ курса среднихъ земледѣльческихъ училищъ, при чемъ съ 15-го мая по 12-го іюня преподавались естественно-научныя основы, съ 12-го іюня по 20-е августа—спеціальныя предметы, а съ 20-го августа по 1-е сентября происходили практическія занятія на фермѣ училища. Для того, чтобы облегчить слушательницамъ усвоеніе проходимаго на курсахъ, педагогическій Совѣтъ нашелъ необходимымъ по окончаніи каждой лекціи выдавать имъ на руки краткое резюме прочитаннаго, съ указаніемъ на тѣ части сочиненій по сельскому хозяйству, съ которыми желательно было-бы слушательницамъ ознакомиться подробнѣе. Сообщеніе слушательницамъ въ короткій сравнительно и спеціальнымъ предметамъ составляло трудную задачу и потребовало отъ лекторовъ большого труда, но, судя по результатамъ, задача эта выполнена была вполне удовлетворительно. Курсы все время пользовались указаніями предсѣдателя Общества содѣйствія женскому сельско-хозяйственному образованію, заслуженнаго профессора И. А. Стебута, который нѣсколько разъ лично посѣтилъ курсы. При этомъ сами слушательницы относились къ своимъ занятіямъ, не только теоретическимъ, но и практическимъ, съ примѣрнымъ усердіемъ и добросовѣстностью; не было примѣра, чтобы онѣ тяготились какими-либо работами, не смотря на то, что заниматься приходи-

лось очень усиленно, часто въ сильную жару. Чтобы дать слушательницамъ возможность ознакомиться со строемъ хозяйства въ цѣломъ, съ его повседневною жизнью, съ организаціей отдѣльныхъ его отраслей и техническими ихъ особенностями, администраціей курсовъ въ промежутокъ времени съ 27-го іюля по 6-е августа были произведены со слушательницами три экскурсіи. Первая изъ нихъ въ имѣніе Усолье графа Орлова-Давыдова въ Симбирской губ., гдѣ поставлены весьма поучительно нѣкоторыя отрасли хозяйства, имѣющія первенствующее значеніе для даннаго района.

По окончаніи занятій на курсахъ, 1-го сентября, всѣмъ слушательницамъ были выданы администраціей особыя свидѣтельства о времени пребыванія на курсахъ. Многія изъ слушательницъ въ тотъ-же день уѣхали домой, чтобы въ декабрѣ вновь пріѣхать въ училище, чтобы сдать экзамены по специальнымъ предметамъ. Одна-же изъ курсистокъ, М. Т. Чага, осталась въ ближайшемъ селѣ, въ сентябрѣ выдержала успѣшно экзаменъ по растениеводству, зоологіи и пчеловодству и удостоена выдачи соответствующаго свидѣтельства. Въ общемъ указанный второй опытъ устройства сельско-хозяйственныхъ курсовъ для образованныхъ женщинъ слѣдуетъ признать вполне удовлетворительнымъ.

Въ наступающемъ году въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ подобныя-же курсы предположены въ двухъ пунктахъ, а именно: при Маринскомъ-же училищѣ—общіе сельско-хозяйственные курсы, и въ Петербургѣ, при Имп. Ботаническомъ садѣ—курсы по садоводству, огородничеству, пчеловодству и молочному хозяйству. Открытіе женскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ Московскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства назначено 1-го мая. Курсы будутъ продолжаться четыре мѣсяца. Комизектъ слушательницъ опредѣленъ въ 30. Для поступленія на курсы требуется средне-образовательный цензъ.

Возбужденъ также вопросъ о допущеніи женщинъ въ общія сельско-хозяйственныя учебныя заведенія. До выработки общихъ положеній женщины могутъ быть допускаемы въ названныя заведенія въ качествѣ практикантокъ, но не ученицъ, съ правомъ слушанія уроковъ по специальнымъ предметамъ, но безъ предоставленія имъ правъ и преимуществъ, даваемыхъ названными учебными заведеніями. Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе ходатайства одной изъ ученицъ Кишиневской женской гимназій, мѣстной садовладѣлицы, о принятіи ея, по окончаніи курса гимназій, въ Бессарабское училище винодѣлія.

В. Б—чь.

Школьная выставка.

На рождественскихъ праздникахъ въ С.-Петербургскомъ Владимірскомъ 4-хъ-клас. городскомъ училищѣ была устроена школьная выставка, нѣкоторыя свѣдѣнія о цѣли и составѣ которой уже были даны въ «Пед. Хрон.» «Рус. Школы» за 1901-й годъ (№№ 10—11-й, стр. 113). Въ С.-Петербургѣ въ означенное время съѣхалось очень много иногородныхъ учителей и учительницъ, принимавшихъ участіе въ съѣздѣ естествоиспытателей, особомъ съѣздѣ преподавателей физики, въ совѣщаніи преподавателей коммерческихъ училищъ и по случаю общаго экстреннаго собранія членовъ Общества взаимнаго вспоможенія учителямъ и учительницамъ на-

родныхъ школъ Петерб. губерніи. Въ виду интереса, съ которымъ посѣтители относились къ объясненіямъ и лекціямъ, число послѣднихъ было увеличено и имъ придавъ былъ характеръ бесѣдъ для обмѣна мыслей между присутствовавшими, подъ общимъ руководствомъ Е. П. Ковалевскаго. Тѣмъ образомъ при выставкѣ организовался какъ-бы свой небольшой съѣздъ, посвященный вопросамъ преподаванія рисованія, ручного труда и выбору и примѣненію наглядныхъ пособій.

Изъ принявшихъ участіе въ выставкѣ поименуемъ слѣдующія учрежденія и фирмы:

1) *По французскому отдѣлу*: Сельскія начальныя школы (12 тетрадей); женскія начальныя школы (2 переплетенныхъ тома cahiers de roulement); пять парижскихъ начальныхъ школъ (25 тетрадей—cahier d'honneur, de roulement, journaliers de devoirs mensuels); начальная школа въ г. Poissy (систематическая коллекція письменныхъ работъ); коллекція учебниковъ нач. училищъ; работы по ручному труду по системѣ Жюлли (въ нач. школахъ Парижа); высшая начальная школа (образцы работъ учениковъ по лѣпкѣ); низшія учебныя заведенія: 1) альбомъ таблицъ для преподаванія физики, 2) коллекція предметовъ для преподаванія метрической системы и элементарной физики; мужская учительская семинарія въ Отейтѣ (6 панно съ фотографіями изъ школьной жизни); средне-уч. заведенія г. Парижа (альбомъ систематическаго курса руководствъ); извѣстная школа де-Мулена въ Нормандіи (журналъ); фирма L. Gaumont въ Парижѣ (школьный кинематографъ); фирма Badiguet въ Парижѣ (коллекція изъ 25 пластинокъ съ брошюрой для публичныхъ лекцій (лучи X)); фирма Lagoussе въ Парижѣ (коллекція рисунковъ на бумагѣ для волшебнаго фонаря); фир. A. Colin въ Парижѣ (образцы географическихъ картъ Vidal-Lablache).

2) *По съв.-америк. отдѣлу*: Низшія учебныя заведенія С.-А. Соединенныхъ Штатовъ (коллекція учебниковъ); низшія училища гор. Мальдена, Нью-Бедфорда, Чикаго и Альбани (42 переплетенныхъ тома ученическихъ работъ); школы гор. Нью-Йорка, Бруклина и Чикаго (11 альбомовъ); школы гор. Девера и Альбани (коллекція таблицъ съ работами учениковъ по рисованію, вырѣзыванію изъ бумаги и черченію); высшія нач. школы гор. Нью-Йорка, Альбани и Чикаго (8 переплетенныхъ томовъ ученическихъ работъ); высшая нач. школа въ Денверѣ (таблицы по руководствамъ); коллекція учебныхъ руководствъ по рисованію для учителей и учащихся по системѣ Пранга; фирма Bardcen and C-ie [двѣ коллекціи таблицъ (на подставкахъ) для классаго употребленія по всѣмъ предметамъ]; часть учебниковъ американской школы, доставленная директоромъ амер. О-ва страхов. жизни «Эквитебль» г-мъ П. И. Поповымъ.

3) *По русскому отдѣлу*: Отдѣленіе промышленныхъ училищъ (коллекція работъ по ручному труду, составленная особой комиссіей для сельскихъ начальныхъ училищъ по образцамъ, доставленнымъ изъ Новобургской учительской семинаріи); Спб. учительскій институтъ (коллекція работъ по ручному труду по системѣ К. Ю. Царуля для учит. институтовъ, семинарій, гор. и сел. училищъ); домъ призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ И. Челов. О-ва (примѣненіе французской системы ручного труда Жюлли къ преподаванію наглядной геометріи); г. Песочкій (систематическая коллекція, представляющая переходную ступень отъ ручного труда къ столярному ремеслу; Благовѣщенская учит. семинарія (коллекція работъ ручного труда для 2-хъ-классныхъ сельскихъ училищъ); Одесскій почтово телеграфный классъ

при гор. училищъ (работы мастерской); Спб. Подвижной Музей Постоянной Комиссіи по техническому образованию (коллекція наглядныхъ учебныхъ пособій для начальныхъ школъ); Закавказская учит. семинарія (альбомъ ученическихъ рисунковъ во всѣхъ 3-хъ классахъ съ объяснительной запиской); Шопотовское 2-хъ-классное сельское училище М. Н. П. (фотографіи, изображающія полную картину школьной жизни и занятій какъ въ классѣ, такъ и на воздухѣ); второклассныя церковно-приходскія школы Европейской Россіи (альбомъ фотографій); далье: «Мастерская учебныхъ пособій», издатели А. Ильинъ, Е. В. Лаврова, Н. А. Поповъ, Н. Н. Моревъ, Д. Н. Дубенскій и И. Шавровъ, доставившіи черезъ посредство И. И. Мещерскаго коллекцію по шелководству.

Открытие выставки (27-го декабря, въ 2 ч. дня) почтили своимъ присутствіемъ: Министръ Народнаго Просвѣщенія, его товарищъ, членъ Госуд. Сов. К. П. Яновскій, председатель Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. академикъ Н. Я. Соининъ, директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода Н. Соловьевъ, А. Г. Неболсинъ, С. А. Давыдова и многія другія лица, преимущественно педагогическаго міра. Организаторъ выставки Е. П. Ковалевскій сдѣлалъ интересный докладъ на тему: «О наглядности преподаванія во французской и американской школахъ», поставивъ это въ связь съ краткой характеристикой выставленныхъ экспонатовъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этого доклада, которыя могутъ послужить для выясненія общаго значенія выставленныхъ предметовъ.

«Соединенные Штаты и Франція—страны съ широко развитымъ просвѣщеніемъ: Франція—представительница западной, старой, исторически сложившейся культуры, Соединенные Штаты—новой, молодой, еще не вполне окристаллизовавшейся цивилизаціи. Обѣ онѣ въ дѣлѣ народнаго образованія руководствуются демократическими принципами общедоступнаго и дарового начального обученія и не жалѣютъ на него ни усилій, ни средствъ (въ Соед. Штат. $\frac{1}{4}$ бюджета идетъ на народное образованіе). Но формы, въ которыхъ это образованіе дается населенію въ этихъ странахъ, рѣзко отличаются другъ отъ друга. Во Франціи какъ начальная, такъ и среднія школы существуютъ отдѣльно, сами по себѣ, а въ Соединенныхъ Штатахъ они представляютъ одно неразрывное цѣлое и среднее образованіе составляетъ естественное продолженіе начального. Во Франціи чувствуется стремленіе все догматизировать и затѣмъ по возможности регламентировать, не исключая и нравственнаго воспитанія—*enseignement moral*, а въ Америкѣ широкой просторъ для учителей и учащихся—первымъ учить, какъ они понимаютъ, вторымъ въ средней школѣ выбирать комбинаціи предметовъ для изученія, отвѣчающаго ихъ личнымъ способностямъ. Во Франціи рѣзкое различіе между классическимъ образованіемъ и научно-словеснымъ (*moderne*), пока еще не примиренное, а въ Соедин. Штатахъ мирное сосуществованіе, на основѣ серьезнаго низшаго образованія, ряда общеобразовательныхъ предметовъ гуманитарнаго или научнаго характера. Въ С. Америкѣ—совмѣстное обученіе дѣтей обоюго пола на всѣхъ ступеняхъ образованія, а во Франціи строгое раздѣленіе дѣтей даже въ начальной школѣ. Американская школа считается съ индивидуальностью ученика и стремится развить ее, а французская пока еще придерживается массоваго обученія. Тѣмъ не менѣе обѣ страны пришли по многимъ вопросамъ обученія и воспитанія, независимо другъ отъ друга, къ общимъ выводамъ».

Изъ этихъ общихъ выводовъ докладчикъ остановилъ вниманіе на примѣненіи

въ школахъ обѣихъ странъ принципа наглядности, но предварительно сдѣлавъ бѣглое описаніе педагогическихъ отдѣловъ Всемирной выставки и сообщилъ, что, по окончаніи Всемирной выставки, значительная часть экспонатовъ въ видѣ изданій, картинъ, ученическихъ работъ коллекцій, фотографій и проч. поступила въ разныя учебныя заведенія. Русскіе экспонаты были распределены, согласно запросамъ, въ музеи Франціи, Соединен. Штатовъ, Германіи, Австріи и Болгаріи. Въ свою очередь, и на долю Россіи пришлось не мало весьма цѣнныхъ матеріаловъ, которые распределены въ педагогическіе музеи въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Часть ихъ была представлена и на частоящей выставкѣ. Затѣмъ докладчикъ обратилъ вниманіе присутствовавшихъ лишь на наиболѣе рельефныя и яркія черты въ постановкѣ обученія и воспитанія въ школахъ указанныхъ государствъ, поскольку онѣ могутъ быть подтверждены выставленными матеріалами. Отбросивъ прежнюю систему механическаго усвоенія учебнаго матеріала исключительно по учебникамъ и запискамъ, школа во Франціи и Соедин. Штатахъ стремится все шире и глубже примѣнить наглядность и сознательность въ обученіи. Въ ребенкѣ, еще до поступленія въ начальную школу, въ дѣтскомъ саду или материнской школѣ, гдѣ дѣти отъ 3 до 6 лѣтъ, стараются развить вѣршія чувства, наблюдательность, творчество и интересъ къ занятіямъ, пользуясь при этомъ почти исключительно нагляднымъ методомъ. И дѣти, какъ это можно видѣть изъ работъ, помѣщенныхъ въ двухъ альбомахъ, не только проявляютъ уже въ этомъ возрастѣ много наблюдательности, но и извѣстную самостоятельность въ разработкѣ предложенной имъ темы. Въ начальной школѣ, особенно американской, наглядность въ преподаваніи занимаетъ очень большое мѣсто. Она достигается при помощи различныхъ пособій, картинъ простыхъ и свѣтовыхъ и наконецъ многочисленными школьными экскурсіями. Достаточно пересмотрѣть нѣсколько тетрадей американскихъ школъ, чтобы видѣть, какое значеніе придаютъ педагоги въ Соединенныхъ Штатахъ наглядности въ обученіи и какъ умѣло ею пользуются. Почти во всѣхъ тетрадяхъ какъ въ элементарной школѣ (дѣти отъ 6 до 10 л.), такъ и въ грамматической (отъ 10 до 14 л.) и въ высшей нач. школѣ (отъ 14 до 18 л.—среднее образованіе) включены картинки, иллюстраціи (спеціально издаваемые для употребленія въ школахъ или раздобываемыя разными способами учащимися), изображающія выдающихся людей, зданія, промыслы, виды и т. д. Все это служитъ для иллюстраціи классныхъ и домашнихъ работъ по родному языку, географіи, исторіи, естествовѣдѣнію, какъ и собственные рисунки учениковъ въ тетради, часто разцвѣченные карандашами и красками. Въ нач. школахъ Соед. Шт. существуютъ особыя упражненія, которыя состоятъ въ томъ, что ученикъ долженъ рассказать, что онъ видитъ на картинкѣ и какъ онъ понимаетъ ея содержаніе, или по выслушанному разсказу или на предложенную тему сдѣлать рисунокъ. На выставкѣ было довольно много рисунковъ учащихся въ американскихъ школахъ почти по всѣмъ годамъ обученія, изъ которыхъ легко можно было усмотрѣть наиболѣе характерныя особенности постановки преподаванія рисованія. Предполагается, что каждаго ребенка можно и нужно научить рисовать, дабы онъ могъ выражать свои мысли и чувства карандашомъ и кистью такъ-же, какъ и словомъ или перомъ. Поэтому въ школѣ рисованіе начинаютъ вмѣстѣ съ обученіемъ грамотѣ и не разстаютъ до конца курса. Это не отдѣльный предметъ, а одно изъ орудій для воспитанія и общаго развитія дѣтей. Матеріаломъ для рисованія должны быть не рисунки, а натура: предметы, плоды, цвѣты, люди

и, если возможно, живая природа. Не надо бояться красок; напротив, тѣмъ раньше начинать съ нихъ, тѣмъ лучше ребенокъ не будетъ связанъ условными рисунками, а станетъ изображать то, что видитъ въ дѣйствительности, и его работа выиграетъ въ правдѣ и непосредственности. Американскія дѣти рисуютъ удивительно. Дѣти среднихъ способностей умудряются въ 10—12 лѣтъ схватывать самыя трудныя позы, сложныя группы и, что всего удивительнѣе, умѣютъ передать «движеніе», придавая своимъ несовершеннымъ и неправильнымъ съ технической стороны рисункамъ удивительную живость. Болѣе способные достигаютъ при помощи очень простыхъ приемовъ возможности выразить въ картинѣ извѣстное *настроenie*, что указываетъ на большое художественное чутье и эстетическое развитіе.

Французская школа не пошла такъ далеко въ этой области, но и въ ней обращено теперь серьезное вниманіе на рисованіе, въ связи съ черченіемъ и съ ручнымъ трудомъ. Ознакомясь съ американскими экспонатами, французы рѣшили ввести у себя еще нѣкоторыя измѣненія и улучшенія. Въ свою очередь, французы выдѣлились и сказали новое слово въ области общеобразовательнаго ручнаго труда. Прежняя система Салисиса, представляющая собою скорѣе пропедевтику къ ремеслу, была очень суха, состоя изъ ряда отдѣльныхъ упражненій, и недоступна дѣтямъ первыхъ отдѣленій школы. Будучи самостоятельнымъ предметомъ, ручной трудъ не сливался съ другими занятіями, преподаваемыми въ школѣ, и тѣмъ самымъ умалялось его педагогическое значеніе. Путемъ долгой теоретической работы и примѣненія на опытѣ во многихъ школахъ города Парижа инспекторъ начальнаго образованія г. Жюлли вмѣстѣ съ нѣсколькими сотрудниками выработали систему, которая даетъ достаточно матеріала для всѣхъ отдѣленій и обладаетъ свойствами общеобразовательнаго предмета, такъ какъ она является геометрией въ конкретной формѣ. Преподаваніе ведется въ связи съ рисованіемъ и черченіемъ и, представляя все удобство ручнаго труда, не превращаетъ школы въ мастерскую. Курсы концентрической. Работы по дереву и желѣзу идутъ параллельно съ января по іюнь. Въ высшихъ ремесленныхъ школахъ ручной трудъ приобретаетъ профессиональный характеръ и частью переходитъ въ ремесло. Первымъ матеріаломъ для ручнаго труда во французской школѣ является бумага и картонъ. Въ американской школѣ вырѣзываніе изъ бумаги тоже входитъ въ число классныхъ упражненій, дѣлаемыхъ въ связи съ рисованіемъ, но въ нихъ на разныя работы съ цвѣтной бумагой обращается вниманіе преимущественно съ цѣлью пріучить дѣтей къ комбинаціямъ красокъ и развить въ нихъ умѣнье ориентироваться въ разныхъ отдѣленіяхъ, находить наилучшія сочетанія и примѣнять ихъ къ рисункамъ.

Не довольствуясь рисунками, вклеенными въ тетради, новая школа стремится при преподаваніи, напр. исторіи, использовать свѣтловыя картины. Американцы, кромѣ того, устраиваютъ экскурсіи для осмотра на мѣстѣ историческихъ памятниковъ, или ознакомленія съ особенностями зданій извѣстнаго стиля, могущими иллюстрировать ту или другую эпоху. При этомъ учащіе иногда зарисовываютъ видѣнное въ свои альбомы. Тѣ же приемы мы видимъ и при преподаваніи географіи. Учебники географіи во Франціи и Америкѣ теперь снабжаются многочисленными рисунками. Такіе-же рисунки развѣшиваются на стѣнахъ, знакомя дѣтей съ характерными особенностями различныхъ мѣстностей ихъ родины. Довольно любопытно примѣненіе желѣзнодорожныхъ афишъ было сдѣлано франц. мин. нар. проsv., которое воспользовалось дешевизной ихъ (рисованныхъ по особому заказу лучшими

художниками) и, замѣнивъ объявленія прихода и отхода поѣздовъ добавочными рисунками, приобрѣло для начальныхъ школъ запасы такихъ картинъ, продаваемыхъ по очень дешевой цѣнѣ (40 к.). Стѣнные таблицы по родивѣдѣнію начинаютъ появляться и у насъ. Если нѣтъ подходящихъ картинъ или таблицъ, учитель рисуетъ карту или виды на черной доскѣ, разцвѣчивая ее цвѣтными мѣлками. То-же стремленіе къ развитію въ дѣтяхъ наблюдательности и усвоенію опытнымъ путемъ замѣчается и при преподаваніи всѣхъ отраслей естествовѣдѣнія. Кромѣ таблицъ и картинъ, преподаватели пользуются живыми экземплярами и показательными культурами въ горшкахъ, приносимыми въ классъ, или наблюдениями въ саду, огородѣ, на экскурсіяхъ, а также въ нач. школахъ простыми самодѣльными приборами для физическихъ и химическихъ опытовъ. Каждый ученикъ учительскаго института, покидая зевденіе, увозитъ съ собою ящикъ, въ которомъ находится наборъ дешевыхъ приборовъ, слѣдующихъ имъ самимъ во время уроковъ ручного труда. Въ каждой почти начальной школѣ сельскій учитель находитъ въ школѣ маленькій музей, въ которомъ при помощи учениковъ собраны образцы мѣстной фауны, флоры и минераловъ. Музеи пополняются во время экскурсій и путемъ обмѣна.

Устройство школьныхъ экскурсій вызвало необходимость имѣть соответствующія карты и путеводители, чѣмъ и занялось французское Общество школьныхъ экскурсій и путешествій. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ устроены специально приспособленные ест.-истор. и физические кабинеты, химическія лабораторіи съ отдѣльнымъ мѣстомъ для каждаго ученика, а въ Соед. Штатахъ можно встрѣтить и спеціальныя біологическія лабораторіи. Прекрасные способы, распространеніе которыхъ желательно и у насъ, сохраненія между выпуклыми линзами мелкихъ животныхъ, насѣкомыхъ и пр., были выставлены обществомъ Photocol. При преподаваніи сельско-хозяйств. и техническихъ свѣдѣній можетъ примѣняться кинематографъ. И въ математикѣ принципъ наглядности помогаетъ учащимся усвоить различныя понятія или приложенія теоретическихъ данныхъ. Во Франціи преподаваніе ручного труда поставлено въ связи съ изученіемъ геометріи, а въ американской школѣ ариѳметика изучается съ помощью рисованія, и ребенокъ, вычитая изъ десяти шесть, символизировать каждую изъ этихъ цифръ въ людяхъ, цыплятахъ, вишняхъ, цвѣтахъ, кубикахъ и т. д. Уроки морали и ученіе о правахъ и обязанностяхъ гражданина тоже дополняются стѣнными таблицами и картинками, служащими темой для бесѣдъ съ учениками и наведенія ихъ на желаемой выводъ.

Американская школа не признаетъ особыхъ уроковъ морали, но считаетъ нужнымъ воспитывать въ дѣтяхъ идею патриотизма, и потому національныя эмблемы, отданіе чести флагу, портреты отечественныхъ героевъ и пѣніе соответствующихъ гимновъ и пѣсень входятъ въ обиходъ школьной жизни. Въ одномъ отдѣлѣ нравственнаго воспитанія, а именно борьбы съ наркотическими веществами и воспитанія юношества въ духѣ трезвости и воздержанія, эта школа не только сходится съ французскою, но и идетъ впереди. Въ школахъ С. Штатовъ въ составъ курса входитъ ученіе о вредныхъ послѣдствіяхъ алкоголя и разныхъ наркотическихъ продуктовъ, а во французской довольствуются наглядными картинками, бесѣдами учащихся съ дѣтьми и краткими изреченіями на стѣнахъ школъ.

Принципъ наглядности находитъ примѣненіе и въ цѣляхъ облегченія учебнаго персонала. Такъ назыв. cahiers de roulement, круговыя тетради, въ

которыхъ каждый изъ учениковъ по очереди вноситъ письменную работу или рѣшеніе задачи, или рисунокъ и т. д., которые были назначены къ исполненію въ данный урокъ, служатъ удобнымъ и компактнымъ матеріаломъ для преподающихъ, завѣдующаго школой и инспекціи, чтобы представить себѣ общій уровень класса въ теченіе года. Но почетныя тетради, cahiers d'honneur, въ которыхъ въ видѣ отличія предоставляется лучшимъ ученикамъ исполнить письменную работу, едва-ли заслуживаютъ подражанія, какъ и система раздачи наградъ, картинокъ, орденовъ и проч.

Вопросъ о совмѣстномъ обученіи сталъ за послѣднее время быстро двигаться впередъ. Педагоги начинаютъ сознавать, какое громадное и незамѣнимое орудіе представляетъ сообученіе въ дѣлѣ воспитанія, что доказывается и столѣтнимъ опытомъ С. Штатовъ, давшимъ, при наличности, напр., теперь въ школѣ 17.000.000 дѣтей, принадлежащихъ къ разнымъ расамъ, исповѣданіямъ и классамъ общества, наилучшіе результаты. Въ Голландіи, Швеціи, Норвегіи и Швейцаріи, примѣняющихъ у себя принципъ соединенія... какъ въ низшей, такъ и въ средней школѣ, мальчиковъ и дѣвочекъ, успѣхи этой системы вполнѣ наглядны для каждаго наблюдателя. Отношенія между дѣтьми простыя, товарищескія; мальчики теряютъ свою грубость, а дѣвочки пріобрѣтаютъ болѣе самостоятельности.

Гимнастика, игры, движенія на дворѣ вполнѣ узаконены какъ въ американской, такъ и во французской школѣ, и дѣти съ удовольствіемъ бѣгаютъ и играютъ на дворѣ или особыхъ гимнастическихъ залахъ, вмѣсто того, чтобы кружиться въ душныхъ рекреационныхъ залахъ и корридорахъ. Занятія гимнастикой и маршировка имѣютъ дисциплинирующее значеніе и ими пользуются для того, чтобы пріучить дѣтей не теряться въ опасныя минуты, напр., при пожарѣ *).

Пѣніе въ обѣихъ названныхъ странахъ играетъ большую роль въ смыслѣ воспитательнаго средства и въ видахъ развитія въ дѣтяхъ патріотическаго чувства, не говоря уже о музыкальномъ-эстетическомъ развитіи.

Сообщеніе г. Ковалевскаго сопровождалось цѣлымъ рядомъ свѣтовыхъ картинъ и живой фотографіей.

Затѣмъ слѣдовало исполненіе дѣтями школьныхъ пѣсенъ, французскихъ и американскихъ. Дѣти пріюта Петерб.-французскаго благотворительнаго Общества, около 30 мальчиковъ и дѣвочекъ, руководимые двумя учительницами, вошли въ залъ и взошли на эстраду, распѣвая маршъ «Возвращеніе въ классъ», исполняемый обыкновенно дѣтьми при входѣ въ классъ. На эстрадѣ они пропѣли шуточную школьную пѣсенку, мѣстную народную пѣсню, «Тополь въ Эльзасѣ», и «Марсельезу» въ переложеніи для дѣтей. Съ эстрады дѣти сошли опять парами подѣ пѣніе пѣсни «Маленькій французъ». Послѣ французовъ пѣли дѣти-американцы. Такъ какъ въ Петербургѣ нѣтъ американской школы, то группа дѣтей, бывшая на выставкѣ, была собрана, благодаря содѣйствію пастора англо-американской церкви въ г. Спб. г. Френсиса. Дѣти пропѣли «Привѣтъ солнцу» и съ соответствующими жестами пропѣли школьную пѣсенку, иллюстрирующую посѣвъ и ростъ цвѣтка (нѣчто похожее на нашу пѣсенку «А мы просо сѣяли, сѣяли!»), подѣ руководствомъ одной бывшей учительницы нач. американской школы.

Послѣ народнаго гимна, исполненнаго всѣми присутствовавшими подѣ

*) При этомъ была показана живая фотографія: выходъ 600 дѣтей въ Парижѣ изъ городской начальной школы по сигналу въ пожарный колоколъ. Выходъ въ полномъ порядкѣ совершается въ пять минутъ.

аккомпаниментъ рояля, гости осмотрѣли выставку, расположенную въ залѣ и двухъ сосѣднихъ классахъ.

На слѣдующій день (28-го декабря) лекція Е. П. Ковалевскаго была повторена въ виду большого количества желавшихъ этого.

29-го декабря сообщеніе о наглядныхъ пособіяхъ для русской начальной школы (по системѣ Подвижного музея учебныхъ пособій Н. Р. Техн. 0-ва) сдѣлалъ А. Г. Якобсонъ. Указавъ на важное значеніе наглядныхъ учебныхъ пособій въ русской нач. школѣ, лекторъ ознакомилъ присутствовавшихъ съ тѣмъ, что сдѣлано теперь для достиженія этой цѣли Подвижнымъ музеемъ и что поименовано въ изданномъ имъ «Указателѣ» *) , причемъ имѣлись въ виду простота и дешевизна приборовъ. Изъ выставленныхъ пособій особаго вниманія заслуживала минимальная коллекція Подвижного музея, принятая въ настоящее время земствомъ Курской губерніи, какъ единственная доступная по цѣнѣ и охватывающая имѣсть съ тѣмъ всѣ необходимые запросы сельской школы. Изъ дополнительныхъ коллекцій имъ было обращено вниманіе на прекрасныя стѣнные таблицы германскихъ фирмъ, а изъ русскихъ на изданія Думцова, Гроссмана, Кнебеля и Сытина, на издѣлія вятской земской мастерской и мастерской г-жи Залѣвской. Объясненія коллекцій за все время выставки дѣлала г-жа А. М. Коллонтай и въкоторые др. члены Подвижного музея, подъ общимъ руководствомъ г-на Якобсона.

2-го января сообщеніе о начальной французской школѣ сдѣлалъ П. Н. Лупновъ, подробно познакомившій съ типами французской школы и постановкой въ нихъ начального образованія.

2-го-же января П. А. Мальчевскій показалъ рядъ простѣйшихъ опытовъ, касающихся воздуха, воды и горѣнія и сдѣлалъ нѣсколько практическихъ указаній относительно ихъ производства.

3-го января. Сообщеніе о новыхъ теченіяхъ въ постановкѣ преподаванія рисованія и значеніи этого предмета во французскихъ и американскихъ школахъ сдѣлано было г-жой Е. Н. Янжюль. Сообщеніе было дополняемо рисунками, зарисованными лекторомъ во время посѣщенія Парижской выставки и представленными въ увеличенномъ масштабѣ для демонстраціи.

Вотъ тезисы сообщенія г-жи Янжюль: 1) Рисованіе въ америк. преподаваніи считается столь-же доступнымъ всякому ученику, какъ и письмо, и подобно ему имѣетъ значеніе языка для выраженія мыслей и представленій. 2) Свободные, фантастическіе рисунки дѣтей, несмотря на ихъ несовершенства, тщательно изучаются педагогами. Рисованіе по фантазіи входитъ и въ учебный курсъ предмета. 3) Въ рисованіи американскихъ школъ значительное мѣсто занимаетъ изображеніе движенія или позы. Живой модели отдается предпочтеніе передъ мертвой. Изъ мертвыхъ моделей охотнѣе выбираютъ для начала повседневные предметы (напр., игрушки, утварь), нежели геометрич. тѣла. 4) Теорія перспективы замѣняется въ началѣ наблюденіями надъ измѣненнымъ видомъ предметовъ въ разныхъ положеніяхъ, изученіемъ рисунковъ и разными практическими приемами для обнаруженія перспективныхъ правилъ. Обстановка перспективнаго рисованія очень простая. 5) Рисованіе плоскостное имѣетъ въ основѣ рисованіе плоскихъ фигуръ, и линіи первоначально извлека-

*) См. статью «О наглядности и наглядныхъ пособіяхъ, необходимыхъ въ каждой нач. школѣ», помѣщенную въ настоящемъ номерѣ «Р. Шк.». *Ред.*

ются изъ тѣлесныхъ фигуръ. 5) Во всемъ американскомъ школьномъ рисованіи отмѣчается путь, обратный тому, котораго придерживается Россія или Германія. 7) Та-же разница сказывается и въ вопросѣ о краскахъ, которыя вводятся въ преподаваніе съ самаго его начала. 8) Кисти, какъ орудіе рисованія, на первыхъ-же порахъ дается въ руки американскаго ученика. 9) Въ послѣднее время получаетъ распространеніе рисованіе безъ контуровъ, полными плоскостями. 10) Кромѣ карандаша и кисти, существуютъ для начинающихъ упрощенные способы изображенія предметовъ бумагами, палочками и досечками, сѣменами и т. п. 11) Отъ учениковъ требуется эскизная быстрота изображенія, которая распространяется даже на прикладное декоративное рисованіе. 12) Безукоризненно прямыхъ линій и тщательной отдѣлкѣ рисунка на первыхъ порахъ не требуется. Резинка почти не употребляется. 13) Вспомогательныя линіи или признаются излишними, или-же проволятся съ помощью линейки, а кругъ съ помощью циркуля. 14) Рисунокъ вносится во всѣ предметы школьнаго обученія и является тамъ вспомогательнымъ для рѣчи языкомъ. 15) Американцы прежде всего обращаютъ вниманіе на мысль въ рисунокѣ, на проявленіе въ немъ души ребенка. 16) Школьное рисованіе получаетъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе характеръ художественнаго воспитанія не въ смыслѣ образованія художниковъ, а въ смыслѣ развитія пониманія художниковъ и ихъ работъ.

По стопамъ американскихъ школъ идетъ за послѣдніе годы Германія, гдѣ подобное движеніе исходитъ изъ кружка педагоговъ и художниковъ гор. Гамбурга. Характеристикой американскихъ методовъ преподаванія рисованія является, по словамъ французовъ, любовь къ этому предмету, которая у американскаго ребенка сохраняется и въ школьные годы обратно съ европейскимъ ребенкомъ, который къ школьнымъ урокамъ рисованія пріобрѣтаетъ недюбовъ и отвращеніе.

Лекція г-жи Янгуль вызвала оживленный обмѣнъ мнѣній.

По окончаніи бесѣды 28 преподавателей и преподавательницъ заявили о своемъ желаніи подробно ознакомиться съ системою Пранга и проработать этотъ курсъ подъ руководствомъ лица, знакомаго съ нимъ. Чтобы отвѣтить на это желаніе, при Обществѣ учителей рисованія предложено организовать соотвѣтственные курсы подъ руководствомъ А. Н. Смирнова, подробно изучившаго эту систему.

День 5-го января былъ посвященъ преимущественно ручному труду. Н. Ф. Рудольфъ сдѣлалъ краткую характеристику ручныхъ занятій въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи и за границей, а Б. П. Овсянниковъ далъ объясненіе характерныхъ особенностей ручного труда въ низшихъ училищахъ Франціи по выставленнымъ коллекціямъ. Г. Ф. Разъевъ сдѣлалъ объясненіе работъ учащихся Дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ И. Ч. О.—ва. Особенное вниманіе было обращено докладчиками по ручному труду на новую систему ручного труда въ Россіи, выработанную для сельскихъ нач. школъ по образцамъ Новобугской учительской семинаріи, а во Франціи на систему Жюлли.

В. В. Карватовскій сдѣлалъ докладъ о сельско-хозяйств. занятіяхъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По его словамъ, наилучшіе результаты въ этомъ отношеніи достигнуты во Франціи, обязанной своими успѣхами въ развитіи земледѣлія принятой въ ней сельско-хозяйственной организаціи и школѣ. Особенное значеніе имѣло учрежденіе института такъ-называемыхъ про-

фессоровъ земледѣлія, завѣдующихъ департаментами и округами, на мѣстѣ изучающихъ сельское хозяйство своего района и ведущихъ практическія и научныя изслѣдованія на станціяхъ, являясь въ то-же время преподавателями сельскаго хозяйства въ школахъ, соотвѣствующихъ нашимъ учительскимъ семинаріямъ. Особенное вниманіе въ иностранныхъ государствахъ обращено на самостоятельное участіе учащихся въ различныхъ опытахъ по естествознанію, на провѣрку физическихъ явленій, на собираніе и изготовленіе коллекцій, несложныхъ физическихъ приборовъ, на систематическія экскурсіи и т. д.

6-го января, Б. П. Овсянниковъ продолжалъ объясненія экспонатовъ ручного труда.

Итакъ, за 9 дней, въ которые школьная выставка была открыта, было сдѣлано всего 10 собѣдovanій, которыя показали, что такого рода выставки тогда только и могутъ имѣть значеніе, когда сопровождаются соотвѣтственными бесѣдами и систематическими объясненіями.

Всего перебивало на выставкѣ около 3.500 человекъ. Классы училища, занятые выставкой, были полны пестрой оживленной толпой, а въ часы рефератовъ тѣснота дѣлалась такая, что не оставалось почти свободнаго мѣста; публика утилизировала не только всѣ проходы, но даже и входную площадку. Въ числѣ посѣтителей перебивали, кажется, всѣ городскіе учителя и учительницы. Но, кромѣ учащихся Минист. Нар. Просв., нельзя-бы не замѣтить учащихся и изъ другихъ вѣдомствъ, а также учащихся, и въ томъ числѣ группъ институтокъ. Одни изъ посѣтителей группировались около лицъ, дающихъ объясненія экспонатовъ, другіе-же записывали разныя учебныя пособия, книги и дѣлали выписки по интересующимъ ихъ вопросамъ изъ тетрадей; многіе изъ посѣтителей обращались съ просьбою разрѣшить осмотръ выставки отъ 10 ч. утра, съ цѣлью болѣе подробнаго ознакомленія съ экспонатами. Въ послѣдніе дни выставки многими изъ посѣтителей было высказываемое желаніе продлить выставку дольше, что было невозможно въ виду начала учебныхъ занятій въ училищѣ.

Это послѣднее заявленіе наводитъ на мысль, что было-бы весьма желательно, въ виду предстоящаго праздника 200-лѣтія основанія Петербурга, устройство въ немъ Всероссийской или Международной педагогической выставки, въ которой былъ-бы подведенъ итогъ нашей учебно-воспитательной дѣятельности за истекающее 100-лѣтіе и намѣчены пути для дальнѣйшаго развитія просвѣщенія въ Россіи.

В. А. А.

Отчетъ Харьковской женской субботней школы за 1900—1901 г. *)

1900—1901 учебный годъ начался въ Харьковской женской субботней школѣ въ серединѣ сентября. О возобновленіи занятій и пріемъ новыхъ ученицъ было извѣщено посредствомъ объявленій, которыя привлекли 154 прежнихъ и 62 новыхъ ученицы. Еще задолго до распространенія объявленій ученицы, встрѣчаясь со своими учительницами, справлялись, когда имъ наконецъ приходитъ въ школу, и оживлявшіяся послѣ полученнаго отвѣта

*) Составленъ учительницей И. А. Глязбургъ.

лица ясно свидѣтельствовали о томъ, что три мѣсяца лѣтняго отдыха не отбили охоты учиться и что желаніе это только еще окрѣпло, стало еще сознательнѣе.

Почти всѣ ученицы, работая всю недѣлю, то въ качествѣ прислуги, то какъ бѣлошвейки, модистки или папиросницы, ждуть субботняго дня съ его занятіями въ школѣ, какъ праздника, который, по выраженію одной изъ развитыхъ ученицъ, «отрываетъ ихъ отъ суровой будничной обстановки». Многія, работая и по субботамъ, выговариваютъ себѣ право быть свободными отъ 4 час., вызывая этимъ зависть тѣхъ, которыя, по условіямъ мастерскихъ, гдѣ работаютъ, могутъ отлучаться только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, учащіяся были раздѣлены на группы грамотныхъ, малограмотныхъ и неграмотныхъ.

Группы грамотныхъ.

На эти группы приходилось наибольшее количество ученицъ. Чтеніе велось по книгѣ Водовозова, Рубакина «Разказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы» и по «Книгѣ взрослыхъ» годъ II и III, въ зависимости отъ возраста, степени развитія и подготовки ученицъ. Разнообразныя статьи о сушѣ, водѣ, воздухѣ и т. п. давали возможность узнать ученицамъ тѣ явленія природы, которыя извѣстны имъ только по названію; статьи по ботаникѣ знакомили ихъ съ деревьями, растеніями и травами, встрѣчающимися у насъ, а также съ инопземной флорой, невольно перенося ихъ въ другіе края, другія страны; статьи о городѣ, деревнѣ давали возможность нѣкоторымъ учительницамъ коснуться вопроса о фабричномъ и ремесленномъ трудѣ, о земледѣліи и т. п. Богатый матеріалъ «Книги взрослыхъ» даетъ ученицамъ свѣдѣнія изъ всевозможныхъ отраслей знанія, хотя и самыя элементарныя, но далеко не поверхностныя, особенно прочно укладывавшіяся въ памяти ученицъ въ тѣхъ случаяхъ, когда чтеніе иллюстрировалось наглядными пособіями, имѣющимися въ субботней школѣ. Читаемыя статьи разбираются иными учительницами посредствомъ наводящихъ вопросовъ, другія заставляютъ прямо пересказывать читаемое по частямъ, вообще способъ веденія урока, помимо другихъ условій, находится въ зависимости отъ того, насколько ученицы владѣютъ русской рѣчью.

Уроки письма велись по руководствамъ Некрасова выпуски I и II, Тихомирова и Пуцыковича. Правила правописанія усваивались во время занятій диктантомъ, неоднократно повторялись, переспрашивались, и такимъ образомъ ученицы научались сознательно относиться какъ къ своимъ, такъ и къ чужимъ ошибкамъ. Кромѣ диктанта, въ нѣкоторыхъ группахъ велись классныя работы въ видѣ передоженій, которыя однако удавались немногимъ ученицамъ; большинство затруднялось самостоятельнымъ изложеніемъ.

Познаванія по ариметикѣ были чрезвычайно разнообразны: въ иныхъ группахъ производили дѣйствія надъ многозначными числами, знакомились съ именованными числами и даже дробями; въ другихъ лишь рѣшали задачи на всѣ 4 дѣйствія на небольшія числа. Причина неуспѣшности ученицъ объясняется учительницами разнo: во-первыхъ, пропусками ученицъ, что особенно сильно мѣшаетъ въ занятіяхъ ариметикой, такъ какъ каждое не вполне усвоенное правило ведетъ къ неясному пониманію всего послѣдующаго; во-вторыхъ, отчасти утомленіемъ ученицъ послѣ двухчасовыхъ заня-

тій чтеніемъ и письмомъ и, въ-третьихъ, той обстановкой, которая мѣшаетъ правильному ходу вообще всёхъ занятій: по условіямъ помѣщенія и мелкаго дробленія на группы приходится въ одномъ классѣ заниматься нѣсколькимъ учительницамъ, причѣмъ ученицамъ труднѣе было сосредоточиться и обращать вниманіе лишь на свою учительницу.

Въ группахъ грамотныхъ, на ряду съ отстающими ученицами, которыхъ приходилось переводить въ низшія группы, выдвигались ученицы, по своимъ способностямъ и знаніямъ ухидившія сильно впередъ; три изъ нихъ были даже подготовлены къ 3-му и 4-му классу гимназіи. Всѣ онѣ — дѣвочки, занимающіяся при самыхъ тяжелыхъ домашнихъ условіяхъ, трудолюбивыя, любознательныя, зачитывающіяся книжками какъ изъ школьной бібліотеки, такъ и добываемыми всякими частными путями, — дѣвочки съ уже намѣченными жизненными идеалами, вся трудность осуществленія которыхъ для нихъ пока еще, конечно, въ туманѣ. Любовь къ чтенію вообще сильно развита между ученицами, и педагогическій Совѣтъ школы все время стремился поставить выдачу книгъ изъ школьной бібліотеки на должную высоту, пополняя каталогъ и вырабатывая новыя формы въ организаціи этой части школьной работы.

Группы малограмотныхъ.

Въ группахъ взрослыхъ чтеніе велось по «Книгѣ взрослыхъ» годъ I, въ группахъ подростковъ по «Родному Слову» годъ II и «Вѣшнимъ Веходамъ». Учительницы обращали главное вниманіе сначала на развитіе механизма чтенія, такъ какъ лишь прочный навыкъ въ этомъ отношеніи дѣлаетъ книгу дѣйствительно доступной ученицѣ въ теченіе всей ея жизни и внѣ школы. Затѣмъ, когда ученицы научились уже болѣе или менѣе бѣгло читать, явилась возможность дополнять содержаніе статей новыми свѣдѣніями; большое вниманіе обращалось всегда и на то, чтобы довести ученицъ до умѣнья толково передавать прочитанное. Статьи популярно-научнаго содержанія чередовались съ беллетристическими, что поддерживало интересъ ученицъ къ классной книгѣ, и онѣ нерѣдко просили дать имъ ее и на домъ.

По письму проходились правила по руководствамъ Некрасова годъ I и Тихомирова. Усвоены правила: буквы э и ѣ, о шипящихъ, сомнительныя гласныя и согласныя, употребленіе е, когда оно выпадаетъ и переходитъ въ ё, исключенія изъ этого правила и правила на букву ъ. На усвоенныя правила писали диктантъ, причѣмъ предложенія разбивались предварительно ученицами на слова, а слова на слоги.

Третій часть посвящался занятіямъ ариѳметикой: рѣшались задачи на всѣ четыре дѣйствія въ предѣлѣ ста. При выборѣ задачъ руководились практическими цѣлями, останавливаясь на тѣхъ, которыя касались разныхъ житейскихъ вопросовъ и могли пригодиться ученицамъ на практикѣ.

Книгами изъ бібліотеки ученицы малограмотныхъ группъ пользовались очень охотно.

Группы неграмотныхъ.

Обученіе происходило по «Новому букварю». Обучали, конечно, по звуковому методу; изученіе элементовъ письма задерживало устное обученіе; письмо сразу не давалось, нѣкоторыя буквы повторялись по нѣсколько

разъ, но все-же въ 10 уроковъ былъ пройденъ устный и письменный алфавитъ. Послѣ этого переходили къ чтенію по «Новой азбуцѣ» Толстого я диктанту сначала односложныхъ, а затѣмъ многосложныхъ словъ съ разложеніемъ на звуки. По ариметикѣ пройдены всѣ четыре дѣйствія въ предѣлѣ 10, сложеніе и вычитаніе въ предѣлѣ 100.

Кромѣ этихъ трехчасовыхъ занятій, былъ организованъ рядъ образовательныхъ бесѣдъ и чтенія книгъ беллетристическаго и научно-популярнаго содержания.

По субботамъ до начала занятій отъ 3 до 4 часовъ велись бесѣды по физической географіи. Слушали ихъ всего 37 человекъ; это объясняется раннимъ часомъ бесѣды,—къ 3 часамъ не всѣ ученицы еще бываютъ свободны; по этой-же причинѣ и слушающія бесѣды приходили не особенно аккуратно. болѣе или менѣе запаздывая. Такія условія, конечно, вредили успѣху, и намѣченная программа по географіи не могла быть пройдена вся. Ученицы, посѣщавшія бесѣды болѣе или менѣе аккуратно, получили понятія о землѣ, небѣ, солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ, поверхности земли, воздухѣ, водѣ, рѣкахъ, моряхъ, главныхъ городахъ. Что свѣдѣнія эти были усвоены, обнаруживалось не разъ на урокахъ чтенія при прохожденіи соотвѣствующихъ статей.

Отъ 7 до 8 час. впрочемъ велись бесѣды по гигиенѣ, привлекавшія большое количество ученицъ. Благодаря популярному изложенію и иллюстрированію сообщаемого наглядными пособиями, слушательницы получили понятіе о такихъ сравнительно сложныхъ вопросахъ, какъ строеніе человѣческаго тѣла, кровообращеніе, пищевареніе, нервная система, значеніе воздуха, пищи и жилища для человѣка, значеніе сна. Даны были также свѣдѣнія о подачѣ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ, уходѣ за больными и мѣрахъ предосторожности при этомъ. Все сообщаемое прекрасно запоминалось ученицами, которыя каждый разъ положительно засыпали лектора вопросами; бывали случаи, когда онѣ приходили къ нему на домъ за болѣе полнымъ разъясненіемъ возникавшихъ у нихъ недоразумѣній; случалось, что ученицы, находившіяся въ услуженіи, дѣлались со своими хозяевами полученными свѣдѣніями, предостерегая ихъ въ разныхъ случаяхъ, казавшихся имъ подходящими для примѣненія только что полученныхъ знаній. Очевидно, бесѣды не пропадали даромъ, и многія ученицы дѣйствительно понимали и усваивали элементарныя требованія гигиены.

Кромѣ субботнихъ занятій, по пятницамъ отъ 6 до 7 час. начаты были бесѣды по физикѣ, которыхъ проведено было 6. Сообщено было о трехъ состояніяхъ физическихъ тѣлъ и ихъ общихъ свойствахъ, о свойствахъ воды и воздуха, о теплотѣ и термометрѣ. Даваемая свѣдѣнія пояснялись опытами. Бесѣды слушались съ большимъ вниманіемъ; сначала ученицы лишь робко предлагали вопросы, позже онѣ были уже въ состояніи и сами давать отвѣты на вопросы лектора. Успѣхъ этихъ нѣсколькихъ бесѣдъ побуждаетъ продолжать ихъ и въ будущемъ, постепенно расширяя программу.

По пятницамъ-же послѣ уроковъ физики велись чтенія вслухъ. Организация ихъ лежала на обязанности особаго кружка, состоявшаго изъ 8 учительницъ и 4 чтецовъ. Кружокъ этотъ въ еженедѣльныхъ совѣщаніяхъ занимался выборомъ матеріала для чтенія, руководствуясь прежде всего тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое то или другое произведеніе могло имѣть на ученицъ, разрѣшалъ вопросы, возникавшіе у чтецовъ, члены его

дѣлились впечатлѣніемъ, произведеннымъ на ученицъ предшествовавшимъ чтеніемъ (на чтеніи всегда дежурила учительница) и каждый разъ готовляли новый матеріалъ, рецензируя его письменно и докладывая рецензіи кружку. Книжки читались преимущественно беллетристическаго содержанія; научно-популярныя обставлялись туманными картинками, малый выборъ которыхъ мѣшалъ болѣе частому чтенію дѣловыхъ книгъ. Чтенія слушались съ восторгомъ. Ученицы, особенно взрослые, волновались, жила и чувствовали вмѣстѣ съ героями, раздѣляя ихъ лишенія и муки, часто такъ знакомыя имъ самимъ. Такія произведенія, какъ «Бродячій мальчикъ» Чурикова, «Умалишенный» Наумова, «Отецъ» Фр. Коппе наводили слушательницъ на вопросы, которые онѣ тутъ-же, по окончаніи чтенія, ставили чтецу. Нерѣдко видны были и слезы на этихъ вопрошающихъ, не по дѣтамъ серьезныхъ глазахъ. Благодарное отношеніе ученицъ къ чтецамъ ярко сказывается въ письмѣ ихъ къ одному изъ выбывшихъ любимыхъ чтецовъ: «Мы съ восторгомъ вспоминаемъ ваше имя,—пишутъ онѣ,—и благодарны вамъ за то, что вы счумѣли въ вашихъ чтеніяхъ соединить пользу съ удовольствіемъ». Тѣмъ не менѣе чтенія посѣщались далеко не всѣми ученицами; причиной было то, что они велись по пятницамъ, когда многія изъ ученицъ заняты своей ежедневной работой, другого - же болѣе удобнаго времени школа не имѣла въ своемъ распоряженіи. Чтеній состоялось 19; кромѣ вышеазванныхъ, были прочитаны: «Бартекъ-побѣдитель» Севкевича, «Два міра» Мачтета, «Мечты» Чехова, «Любимцы каторги» Мельшина, «Кибитка въ пути» его-же и друг.

Забываясь о расширеніи умственнаго горизонта своихъ ученицъ, о подъемѣ ихъ нравственнаго облика, субботняя школа однимъ изъ средствъ къ этому, какъ всегда, считала устройство школьныхъ развлечевій. Вотъ почему, по примѣру прежнихъ лѣтъ, на праздникахъ Пуримъ и Ханука ученицами были организованы празднества, на которыхъ сообщалась исторія праздника и его значеніе для еврейскаго народа. Благодаря готовности мѣстныхъ любителей, являлась каждый разъ возможность организовать концертъ съ довольно разнообразной программой; послѣ концерта устраивались танцы, въ перерывахъ между которыми подавались лакомства и закуски. Праздники эти проходили очень оживленно, и въ памяти учительницъ, конечно, долго живы будутъ радостныя лица ученицъ, для которыхъ это были, по всей вѣроятности, счастливѣйшія минуты въ жизни, когда, отбросивъ всякія заботы о завтрашнемъ днѣ, онѣ жили настоящимъ, всецѣло охваченныя имъ.

Благодаря любезности дирекціи драматическаго театра, субботняя школа получала по 12 безплатныхъ билетовъ на утренніе воскресные спектакли, куда ученицы отправляются по очереди въ сопровожденіи учительницы.

Кромѣ того, въ отчетномъ году ученицы субботней школы принимали участіе въ праздникѣ древопосаженія, устроенномъ мѣстнымъ Обществомъ акклиматизаціи. Въ праздничной обстановкѣ чуднаго апрѣльскаго дня, при звукахъ музыки, въ тысячной толпѣ такихъ-же школьниковъ, образовавшихъ собою аллегорическое шествіе весны, дѣтя чувствовали себя какъ въ сказочномъ мірѣ.

Отрываться отъ жестокой дѣйствительности ученицамъ приходится такъ рѣдко, даже въ самые ранніе ихъ годы, что этотъ радостный день былъ особенно цѣненъ для нихъ, внеся разнообразіе въ бѣдную впечатлѣніями жизнь маленькихъ субботницъ. Побольше-бы такихъ дней!

Школа заботилась также о здоровьи своихъ ученицъ, и медицинская помощь имъ была довольно хорошо поставлена: школа пользовалась услугами нѣсколькихъ врачей (по внутреннимъ, глазнымъ, носовымъ, ушнымъ и горловымъ болѣзнямъ), имѣла также свою аптечку, изъ которой бесплатно выдавались лекарства подѣ наблюдениемъ особаго фармацевта.

Бѣдственное матеріальное положеніе ученицъ также обращало на себя вниманіе учительницъ, и при школѣ былъ организованъ кружокъ для оказанія помощи нуждающимся ученицамъ, въ которомъ, кромѣ учительницъ, принимали участіе и нѣсколько постороннихъ лицъ. Задачей кружка было прежде всего снабжать нуждающихся ученицъ обувью, бѣльемъ и платьемъ. За отсутствиемъ особыхъ средствъ, членамъ кружка приходилось усиленно собирать у знакомыхъ старыя вещи, просить въ магазинѣ матеріи и другихъ вещей въ видѣ пожертвованія. Въ концѣ-концовъ бѣднѣйшія ученицы, о которыхъ предварительно были наведены точныя справки, были одѣты и обуты. Нѣтъ сомнѣнія, что, располагая болѣшими средствами, кружокъ могъ бы значительно расширить свою дѣятельность, такъ какъ ученицы субботней школы принадлежатъ къ наиболѣе нуждающемуся населенію, которому нужна широкая помощь во всевозможныхъ ея видахъ.

Статистическія данныя за 1900—1901 годъ.

Число ученицъ:	
Перебывавшихъ въ теченіе года.....	216
Вновь поступившихъ.....	62
Выбывшихъ.....	65
Состоявшихъ къ концу года.....	151
Раздѣленіе ученицъ по возрасту:	
Малолѣтнихъ (до 12 лѣтъ).....	72
Подростковъ (отъ 13 до 15 лѣтъ).....	83
Взрослыхъ (отъ 16 лѣтъ).....	61
Раздѣленіе ученицъ по занятіямъ:	
Портнихъ, бѣлошвейекъ, модистокъ и другихъ ремесленницъ	81
Фабричныхъ.....	32
Служанокъ.....	20
Занимающихся домашнимъ хозяйствомъ.....	83
Раздѣленіе ученицъ по подготовкѣ:	
Неграмотныхъ.....	39
Малограмотныхъ.....	70
Грамотныхъ.....	107
Аккуратность посѣщенія ученицъ:	
Число учебныхъ дней.....	31
Число посѣщеній за годъ.....	2.273
Наибольшее число на учебный день.....	108
Наименьшее число.....	42
Среднее число.....	73
Число учительницъ:	
Перебывавшихъ въ теченіе года.....	42
Выбывшихъ.....	16
Состоявшихъ къ концу учебнаго года.....	26

Свѣдѣнія о библиотекѣ:

Количество книгъ	673
По беллетристикѣ	584
Научныхъ	89
Число ученицъ, бравшихъ книги	167
Количество выданныхъ книгъ	1.560
По беллетристикѣ	1.398
Научныхъ	162
Среднее число выданныхъ книгъ на ученицу	13

Государственные расходы на народное образованіе въ 1902 г.

Бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по росписи на текущій годъ, сравнительно съ 1901 г., представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	1902 г.	1901 г.
Центральная администрація	421.738	383.360
Управленіе учебными округами	617.375	603.607
Университеты	4.403.782	4.303.970
Гимназій, прогимназій, реальныя и про- мышленныя училища и другія среднія учебныя заведенія	10.446.471	10 109.841
Уѣзныя, городскія, приходскія, начальныя и народныя училища	8.971.883	6.978.627
Учительскіе институты, семинаріи и школы	1.389.640	1.274.637
Особыя учебныя заведенія	1.966.683	1.844.701
Ученыя учрежденія	1.370.880	1.283.507
Пособія по ученой и учебной частямъ, приготовленіе профессоровъ и учителей	1.613.143	1.334.959
Расходы строительныя	4.088.214	3.719.537
Расходы разнаго рода	1.334.503	1.228.772
Итого	36.624.312	33.076.518

Такимъ образомъ, бюджетъ Министерства Народ. Просв., противъ прошлаго года, возросъ почти на 3.600 т. р. При этомъ наиболѣе значительное увеличеніе падаетъ на расходы по первоначальному образованію—около 2 мил. р. Среднее образованіе получило прибавку въ 300 т. р. и университеты—въ 100 т. р. Очевидно, что предстоящая реформа высшаго и средняго образованія не связывается, какъ можно было ожидать, съ крупнымъ увеличеніемъ расходовъ на содержаніе чиновъ этой категоріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра Финансовъ мы находимъ весьма интересныя данныя, касающіяся общихъ расходовъ государства на дѣло народнаго образованія. «По смѣтѣ Министерства Народ. Пров.,—говорится въ докладѣ,—никомъ образомъ нельзя судить о размѣрѣ затратъ, производимыхъ въ дѣйствительности на учебныя и образовательныя потребности. Не говоря уже о значительныхъ на этотъ предметъ расходахъ изъ мірскихъ сборовъ, средствъ земствъ, городовъ, вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, Императорскаго человѣколюбиваго Общества и другихъ учрежденій, имѣющихъ спеціальныя источники доходовъ, даже непосредствен-

ные расходы Государственного Казначейства на учебно-образовательное дѣло у насъ не ограничиваются смѣтою Министерства Народнаго Просвѣщенія, а производятся также въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ и по смѣтамъ Святейшаго Синода, Военнаго и Морскаго Министерствъ и Министерствъ Финансовъ, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Путей Сообщенія и Юстиціи. Если къ расходамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія присоединить учебные расходы этихъ вѣдомствъ, то общая сумма, назначенная непосредственно изъ средствъ Государственнаго Казначейства на учебное дѣло, опредѣлится на 1902 годъ въ 74,8 милл. р., превышеніе же противъ 1901 года—въ 9,3 милл. р. Если же сравнить расходы 1902 года съ расходами, произведенными по тѣмъ-же смѣтамъ и на тѣ-же предметы 10 лѣтъ тому назадъ, то оказывается, что расходы 1902 года (74,8 милл. р.) ровно вдвое превышаютъ тѣ-же расходы 1892 года (37,4 милл. р.)».

Школьные хозяйства.

Въ виду большого интереса, который представляетъ вопросъ о занятіяхъ народныхъ учителей по сельскому хозяйству, новгородскій уполномоченный по сельско-хозяйственной части обратился къ учителямъ земскихъ и министерскихъ народныхъ училищъ губерніи съ просьбою о доставленіи по особой программѣ соответствующихъ свѣдѣній. Отвѣтовъ получено имъ 326. Изъ сообщившихъ ихъ учителей сельскимъ хозяйствомъ занимались 160; на школьной землѣ — 129 (при общемъ числѣ школъ, надѣленныхъ землею, 145), а не школьной — 31. По числу обезпеченныхъ землею школъ отдѣльные уѣзды располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Череновецкій и Бѣлозерскій имѣютъ по 20 такихъ школъ, Старорусскій—19, Валдайскій—18, Новгородскій—17, Боровичскій—15, Тихвинскій—11, Устюженскій—8, Кирилловскій—7, Демянскій—7 и Крестецкій—3. Средній размѣръ школьныхъ участковъ—0,9 дес., въ большинствѣ случаевъ (86 школъ) они колеблются между $\frac{1}{2}$ и дес.; болѣе одной десятины имѣютъ только 26 школъ. Нѣкоторые школьные участки расположены въ низкихъ сырыхъ мѣстахъ или на неудобной, песчаной, каменной или слишкомъ тяжелой почвѣ; нѣрѣдко пользованіе ими затруднительно также вслѣдствіе отдаленности ихъ отъ школъ. Изъ различныхъ отраслей сельскаго хозяйства ведутся: огородничество у 121 учителя на школьной землѣ и у 19—на нешкольной; садоводство—у 84 на школьной и у 12—на нешкольной; пчеловодство—у 52 на школьной и у 25—на нешкольной; полевое хозяйство у 58—на школьной и у 6—на нешкольной. Подъ садами занято въ общемъ 12% всей площади, а подъ огородами—10%. Это объясняется тѣмъ, что возникновеніе школьныхъ хозяйствъ относится лишь къ самому недавнему времени, вслѣдствіе чего учителя не успѣли еще привести участки, при этомъ обладающіе зачастую, какъ сказано, неудовлетворительными качествами, въ культурное состояніе. Недавность возникновенія школьныхъ садовъ отражается, между прочимъ, и на томъ, что они преимущественно состоятъ изъ молодыхъ не плодоносящихъ еще деревьевъ и кустовъ. Въ нѣкоторыхъ школьныхъ хозяйствахъ имѣются и питомники. Огородничество ведется при 121 школѣ. Сушка овощей практикуется въ 9 школахъ. Изъ книгъ по садоводству и огородничеству особенно распространено сочиненіе

Р. Шредера: «Русскій огородъ, питомникъ и плодовый садъ» (у 54 учителей), а послѣ него книги Е. Аверкиевой (у 21 учителя). Инструментами школы снабжены въ довольно слабой степени и лишены въ большинствѣ случаевъ весьма необходимыхъ орудій. Содѣйствіе въ улучшеніи садоводства и огородничества оказано земствомъ — 23 школамъ, Боровичскимъ сельско-хозяйственнымъ Обществомъ — двумъ, а Министерствомъ Земледѣлія — девяти. Въ будущемъ это содѣйствіе могло бы выразиться: въ обнесеніи школьныхъ участковъ заборомъ или изгородью (12 школы), отводъ болѣе соответствующихъ земельныхъ участковъ (4 школы), увеличеніи ихъ (2), меліорациі участковъ (7), устройствѣ погребовъ для овощей (2), устройствѣ колодца для поливки (2), устройствѣ парниковъ (4), снабженіи плодовыми саженцами (28), устройствѣ питомниковъ (2), снабженіи огородными сѣменами (4), снабженіи садовыми и огородными инструментами (27), снабженіи удобрительными средствами (12), посылкѣ инструктора для указаній (2), устройствѣ курсовъ для учителей (1), снабженіи руководствами (2), отпускѣ денежнаго пособія.

Пчеловодство развито настолько, что учителямъ принадлежатъ 83 пасѣки съ 1.010 ульями; изъ нихъ 49 пасѣкъ съ 614 ульями на школьной, а 34 пасѣки съ 396 ульями на нешкольной землѣ; всего больше ульевъ въ Череповецкомъ (342) и Бѣлозерскомъ (306) уѣздахъ. Колодныхъ ульевъ только 116, а 894 (88⁰/₀) — рамочныхъ, главнымъ образомъ Левицкаго, Дадана и Зубарева (англо-американскіе). Высокій процентъ рамочныхъ ульевъ убѣждаетъ въ томъ, что пчеловодство ведется учителями болѣе или менѣе образцово и поучительно для мѣстнаго населенія. Учебниками пасѣки снабжены достаточно, главнымъ образомъ Бутлерова (при 64 пасѣкахъ) и Потѣхина (при 56); кромѣ того, выписываются и журналы (3), въ общемъ числѣ 9 экземпляровъ. Что касается пчеловодныхъ принадлежностей, то пасѣки поставлены удовлетворительно лишь по отношенію къ простѣйшимъ изъ нихъ, а изъ болѣе дорогихъ хорошо снабжены лишь центробѣжками (40 пасѣкъ), благодаря дѣятельности склада Череповецкаго Общества пчеловодства, изготовляющаго ихъ по 5 р. Форма желательнаго содѣйствія школьнымъ пасѣкамъ: снабженіе принадлежностями (47 пасѣкъ), устройство мшаниковъ (8), устройство забора вокругъ пасѣкъ (3), отводъ болѣе соответствующихъ участковъ (3), оказаніе денежнаго пособія (4), снабженіе пчелами (4), снабженіе сѣменами медоносныхъ травъ (7), снабженіе книгами (7) и пр.

Средній доходъ школьнаго хозяйства равенъ 38 р. въ годъ (наивысшій же доходъ для Померанской шк. — 500 р.). Какое подспорье для учителя можетъ имѣть занятіе сельскимъ хозяйствомъ, показываетъ сообщеніе учителя Михайловской школы Череповецкаго уѣзда, которому занятіе огородничествомъ и пчеловодствомъ (доходъ въ 150 р. въ годъ при 360 р. жалованья) доставило возможность дать дѣтямъ среднее образованіе.

Ученики привлекаются къ работамъ всего только на 58 школьныхъ участкахъ; причина этого заключается въ недостатокѣ у крестьянъ рабочей силы, влѣдствіе чего дѣти рано привлекаются къ занятіямъ дома. Въ 10 школахъ учителя выдаютъ за работы извѣстное вознагражденіе ученикамъ («Изв. Мин. Землед.»).

Къ положенію учениковъ народныхъ школъ.

Однѣ изъ земскихъ врачей Пермской губ. даетъ весьма печальную картину существованія деревенскихъ школьничковъ.

Въ деревнѣ,—говоритъ онъ,—есть одна группа населенія, которая постоянно голодаетъ, постоянно находится въ условіяхъ неправильнаго питанія и въ урожайный годъ, а тѣмъ болѣе въ годы «пестраго урожая», какъ нынѣшній. Эта группа деревенскіе школьники.

Кто живалъ зимой въ деревнѣ, тотъ наблюдалъ, навѣрное, какъ рано шумныя стаи школяровъ спѣшать въ училище часто за нѣсколько верстъ и въ бурю, и въ метель, и въ жестокой морозъ. Если-бы кто заглянулъ въ суму деревенскаго школяра, которая болтается у него за спиной, то онъ нашелъ-бы въ ней, кромѣ книжекъ и тетрадей, кусокъ хлѣба и иногда двѣ-три картофелины, рѣпки или-же что-нибудь другое подобное. Назначеніе этихъ запасовъ—питать школяра до 2—3 часовъ дня, а иногда и позднѣе, пока онъ не возвратится домой,—это его завтракъ, обѣдъ, что хотите, въ продолженіе 7—8 часовъ. Если такое питаніе прикинуть къ гигиеническимъ нормамъ, то можно съ полнымъ правомъ назвать его частичнымъ голоданіемъ и неполнымъ голоданіемъ. Такъ въ наукѣ называются режимы питанія, подобные тѣмъ, на которомъ живетъ нашъ деревенскій школьникъ.

И глубокой ироніей звучатъ стихи поэта:

...Все сѣрые, каріе, синіе глазки—
Смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты.
Въ нихъ столько покоя, свободы и ласки,
Въ нихъ столько святой доброты.

Смотрю я въ эти глазки и, вмѣсто «покоя, свободы и ласки», вижу въ нихъ часто одно только утомленіе и болѣзненное выраженіе... Иногда эти глазки подернуты бѣлымъ или затуманены воспаленіемъ соединительной оболочки, на почвѣ золотухи, трахомы. Иногда они, особенно въ посты и въ неурожайные годы, страдаютъ «куриной слѣпотой»,—такою бѣлизною, которая не встрѣчается въ гимназіяхъ и другихъ привилегированныхъ училищахъ. Врачи говорятъ, что «куриная слѣпота» развивается на почвѣ жирового голоданія организма, на почвѣ недостатка въ пищѣ жировыхъ веществъ.

Я склоненъ объяснить то разногласіе, которое получается въ моихъ впечатлѣніяхъ и въ впечатлѣніяхъ поэта, между прочимъ, и тѣмъ, что послѣдній въ свое время съ полнымъ правомъ могъ сказать:

Играйте-же, дѣти! Растите на волѣ!
На то вамъ и красное дѣтство дано...

Нынѣ-же въ жизни деревенскаго ребенка клиномъ вошла школа, съ ея не легкой учебой и, въ большинствѣ случаевъ, сквернымъ, съ гигиенической стороны, устройствомъ. Ранѣе невыгоды воспитанія въ крестьянствѣ, съ его громадной дѣтской смертностью, компенсировались въ смыслѣ гигиены—привольнымъ дѣтствомъ, съ его свободой и играми среди полей, луговъ и лѣсовъ, и ребенокъ росъ и дѣлался здоровымъ и сильнымъ къ тому времени, когда ему приходилось впрягаться въ тяжелый крестьянскій трудъ. Нынѣ-же въ крестьянствѣ этого привольнаго дѣтства почти нѣтъ, и намъ, врачамъ, приходится констатировать печальную картину хилаго и болѣзненнаго крестьянскаго молодого поколѣнія. И вотъ именно теперь, когда вопросъ о всеобщемъ

народномъ образованіи близокъ къ осуществленію, когда все дѣтское населеніе должно пройти черезъ школу, — необходимо подумать о томъ, чтобы оно выходило изъ школы не только духовно окрѣпшимъ, озареннымъ свѣтомъ знанія, но и не ослабленнымъ физически, не хилымъ и не больнымъ. И прежде всего необходимо, какъ думаютъ всѣ земскіе врачи, наблюдающіе деревенскую школу, бороться съ невыгодами дѣтскаго голоданія въ школахъ, съ плохимъ питаніемъ школьниковъ («Ур. Ж.»).

Къ реформѣ городскихъ училищъ.

Отзываясь на важнѣйшіе запросы нашего времени, выдвинувшаго на первый планъ коренной пересмотръ существующей системы народнаго образованія, Московское педагогическое Общество приступаетъ въ настоящее время къ разсмотрѣнію вопроса о такъ называемыхъ «городскихъ училищахъ по Положенію 1872 г.». Состоящее при Обществѣ отдѣленіе по начальнымъ училищамъ выдѣлило изъ своей среды еще въ прошломъ учебномъ году особую комиссію для выработки плана преобразованій. Закончивъ свою работу, эта комиссія представила на обсужденіе послѣдняго общаго собранія членовъ Общества докладъ. введеніемъ къ которому служилъ прочитанный въ томъ-же засѣданіи докладъ одного изъ членовъ комиссіи, В. Я. Гебеля. Авторъ доклада, какъ и многіе другіе, не безъ основанія называетъ эти учебныя заведенія «забытыми». Что вопросъ объ этомъ родѣ училищахъ затрогиваетъ образовательные интересы весьма широкаго круга населенія городовъ, показываетъ хотя-бы тотъ фактъ, что во всей Россіи ихъ насчитывается въ настоящее время 550 съ 80.000 учащихся, причемъ это послѣднее число значительно превышаетъ количество учащихся во всѣхъ русскихъ гимназіяхъ, имѣющихъ только 51.000 учениковъ, и реальныхъ гимназіяхъ съ 24.000 учениковъ.

Въ нашей странѣ высшая ступень начальнаго народнаго образованія отдѣлена, какъ во Франціи и Австро-Венгріи, отъ низшей, дающей простую грамотность, счетъ и основы религіи. Послѣднюю ступень представляютъ училища: городскія, сельскія, министерскія, приходскія и церковно-приходскія, тогда какъ высшая ступень образованія проходится въ старшихъ (двухъ-годовыхъ) отдѣленіяхъ такъ называемыхъ трехклассныхъ сельскихъ училищъ и въ второклассныхъ церковно-приходскихъ — для сельскаго населенія и въ городскихъ училищахъ по Положеніямъ 1869 г. и 1872 г., а также въ оставшихся непреобразованными уѣздныхъ училищахъ — для городского населенія.

Екатерининскій уставъ 1786 г. впервые установилъ у насъ правильную систему народнаго образованія, учредивъ малыя (изъ 2 классовъ) и главныя (изъ 4 классовъ) училища: первые два класса главныхъ училищъ имѣли одинаковую программу съ малыя училищами. Въ 1804 г., указомъ Александра I, эта система была преобразована: вмѣсто малыя и главныхъ училищъ возникли губернскія гимназіи, уѣздныя училища (въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ — по одному) и приходскія училища (по одному на 1—2 церковныхъ првхода), стоявшія по своимъ программамъ въ послѣдовательной между собою связи. Начавъ приходскимъ училищемъ, можно было закончить университетомъ, или-же остановиться на любой ступени. Эта связь между

учебными заведениями была однако подорвана въ 1817 году, по инициативѣ гр. Уварова, преобразовавшаго 4-хъ-классныя гимназіи въ семиклассныя съ латинскимъ языкомъ, введеннымъ съ III-го класса. Еще большее разобщеніе между низшими, средними и высшими учебными заведениями было произведено въ 1828 году Министеромъ Народнаго Просвѣщенія Шашковымъ; согласно изданному имъ новому уставу учебныхъ заведеній, приходскія училища предназначались преимущественно для крестьянъ, мѣщанъ и промышленниковъ низшаго класса, уѣздныя училища—для купечества, оберъ-офицерскихъ дѣтей и дворянъ, и гимназіи—преимущественно для дворянъ. Въ то-же время программа приходскихъ училищъ, подготавливавшая къ поступленію въ уѣздныя училища, была оставлена безъ измѣненія. а уѣздныя училища преобразованы въ 3-хъ-классныя съ расширенной программой и содержание ихъ было принято на счетъ казны. Изданное въ 1864 году Положеніе о начальныхъ училищахъ, предоставивъ открытіе приходскихъ училищъ и попеченіе о нихъ общественной и частной инициативѣ, совсѣмъ не коснулось уѣздныхъ училищъ, но съ 1869 года Министерство открываетъ высшія начальныя школы новаго типа, предназначая ихъ для сельскаго населенія, двухклассныя сельскія училища съ 5 ти-лѣтнимъ курсомъ и программой I-го класса (курсъ 3-лѣтній), одинаковой съ программой начальныхъ училищъ. Училища этого типа основываются въ городахъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, подъ названіемъ «Городскія двухклассныя училища по Полож. 1869 г.». Для городовъ всей остальной Россіи вскорѣ создается другой типъ высшихъ училищъ, именуемыхъ «Городскими училищами по Положенію 1872 года». Эти послѣднія, предназначенныя замѣнять собой уѣздныя училища, возникли, какъ извѣстно, по мысли извѣстнаго педагога Н. Х. Весселя, положившаго въ основу организациі новыхъ училищъ сліяніе двухъ типовъ народныхъ училищъ—низшаго (приходскія училища) и высшаго (уѣздныя училища)—въ одно учебное заведеніе, съ шестилѣтнимъ курсомъ, какъ это принято въ Саксоніи и Швейцаріи. Почти 30-лѣтній опытъ примѣненія Положенія 1872 г. показалъ, однако-же, что симпатичная сама по себѣ мысль объ объединеніи низшей и высшей ступеней начальнаго образованія путемъ организациі училищъ новаго типа не могла осуществиться. Уѣздныя училища продолжаютъ существовать (въ 1898 г. ихъ было 131) и, кромѣ того, около $\frac{1}{3}$ всѣхъ городскихъ училищъ отѣкли отъ себя два младшихъ отдѣленія, благодаря чему они, вмѣсто 6-ти-классныхъ, стали 4-хъ-классными. Самъ г. Вессель признавалъ, что приступить теперь-же къ преобразованію всѣхъ начальныхъ училищъ—дѣло невозможное, какъ по неимѣнію значительныхъ денежныхъ средствъ и достаточнаго числа соответствующихъ учителей, такъ и потому, «что всѣ училищныя преобразованія не должны быть совершаемы разомъ, а вводимы съ осторожной и осмотрительной постепенностью, дабы можно было идти впередъ вѣрнымъ путемъ, не производя никакихъ внезапныхъ потрясеній, никакой ломки въ существующемъ порядкѣ учебнаго дѣла». Тридцать лѣтъ—достаточный срокъ для какой угодно «постепенности», и, однако-же, число училищъ растетъ весьма медленно. Причиной этого явленія служить необеспеченность матеріальнаго быта педагоговъ, причиной же неудачи самой реформы служить, по мнѣнію того-же автора, то, что не было вызвано сочувствіе къ ней со стороны Общества, путемъ предоставленія ему участія въ попеченіи о развѣтліи и процвѣтаніи училищъ. Въ настоящее время все чаще возникаетъ у городскихъ управленій вопросъ, что дѣлать съ уче-

никами городскихъ начальныхъ школъ, желающими продолжать свое учение. Послѣднихъ школъ сравнительно много, а городскихъ по Положенію 1872 г.—мало и потому онѣ страшно переполнены. (Въ Москвѣ, напр., дѣло доходитъ до того, что родители учениковъ, окончившихъ курсъ городской школы съ наградами, со слезами просятъ принять ихъ дѣтей хотя-бы въ I-е отдѣленіе шестикласснаго городского училища, т.-е. туда, куда, по закону, должны поступать безграмотные). Въ виду этого, крупнѣйшіе города, какъ С.-Петербургъ и Одесса, стали усиленно развивать у себя училища по Полож. 1872 года. Сильно отставшая въ этомъ отношеніи Москва въ послѣднее время рѣшила открывать у себя ежегодно по 1—2 такихъ училища.

Училища 1872 года открываютъ для своихъ учениковъ доступъ лишь въ спеціальныя учебныя заведенія, напр., различныя техническія училища, желѣзнодорожныя, землемѣрныя, земледѣльческія, въ которыхъ питомцы ихъ являются, по свидѣтельству близко стоящихъ къ дѣлу лицъ и учреждений, самымъ надежнымъ и здоровымъ элементомъ для спеціального образованія. Въ недавнее время для тѣхъ-же учениковъ сдѣлались доступны и средне-техническія училища; удачные опыты этого рода были уже произведены въ Саратовскомъ средне-техническомъ училищѣ, и Новозыбковскомъ сельско-хозяйственномъ училищѣ. Нѣтъ никакихъ причинъ, заключающихъ доклады, преграждать этимъ ученикамъ дорогу и въ средне-учебныя заведенія.

Въ томъ-же засѣданіи было приступлено къ подробному обсужденію выработаннаго названной выше комиссіей проекта реформы «городскихъ училищъ по Полож. 1872 г.», и послѣ преній приняты единогласно слѣдующіе общіе принципы этой реформы: 1) болѣе чѣмъ 28-лѣтняя практика городскихъ училищъ по Полож. 1872 г. показала, что ихъ организація не соответствуетъ болѣе общественнымъ требованіямъ настоящаго времени, а потому такія училища нуждаются въ реорганизаціи; 2) въ основу настоящей реформы должны быть положены слѣдующіе принципы: а) включеніе училищъ въ систему общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы они служили звеномъ между школами начальными и средними; б) измѣненіе существующихъ разнообразныхъ типовъ городскихъ училищъ въ однородный типъ съ числомъ лѣтъ обученія, соответствующимъ числу отдѣльныхъ классовъ и необходимымъ измѣненіемъ и дополненіемъ программъ учебныхъ предметовъ и в) сохраненіе за этими высшими городскими училищами характера общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній съ законченнымъ курсомъ.

Народное образованіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

По даннымъ 1899 года, во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ насчитывалось около 5.110 низшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ обучалось до 192.000 учащихся (83¹/₃ проц. мальчиковъ, 16²/₃ проц. дѣвочекъ). такъ что одна школа приходилась почти на 2.000 человекъ. Но если изъ числа школъ исключить городскія, уѣздныя, частныя и еврейскія училища, то народныхъ школъ въ краѣ останется всего 1.600. По даннымъ директоровъ народныхъ училищъ, сельское сословіе края составляетъ болѣе 8 милліоновъ человекъ, слѣдовательно, одна народная школа, въ среднемъ, приходится на 5.000 чел., а въ отдѣльности, по губерніямъ края, Минская—даетъ слѣ-

дующія цифры: одна школа приходится на 6.680 чел. и одинъ учащійся на 87 чел. Картина, въ общемъ, очень печальная! На нее обратилъ вниманіе попечитель Виленскаго округа, г. Поповъ, по инициативѣ котораго учреждены элементарныя школы, которыя хоть нѣсколько поднимутъ народное образованіе.

Въ настоящее время распространеніе грамоты среди сельскаго населенія въ краѣ совершается главнымъ образомъ при посредствѣ домашнихъ школъ, иногда получающихъ названіе церковно-приходскихъ. При этомъ на трудъ учителя крестьяне смотрятъ, какъ на «легкій хлѣбъ въ теплѣ и сухѣ», а потому и оплачивается онъ ими нѣсколько ниже труда пастуха. Осенью, когда выпадаетъ снѣгъ, когда ребятки остаются безъ дѣла, крестьяне начинаютъ поговаривать, что пора-бы ужъ и на хлопцевъ найти человѣка. Случается, что въ это время какъ разъ подвернется какой-либо грамотей-солдатикъ изъ сосѣдней деревни; крестьяне и «нанимаютъ» его. Въ другихъ приходахъ подыскиваютъ учителей для такихъ школъ мѣстные священники; крестьяне только принимаютъ на себя обязанность платить и кормить его. Плата эта не высока и колеблется отъ 10 до 50 р. въ зиму. Кормятъ учителя совершенно такъ-же, какъ и пастуха,—поочередно всѣ хозяева, дѣти которыхъ посѣщаютъ школу. Помѣщаются школки въ крестьянскихъ-же хатахъ, иногда отдѣльно отводимыхъ подъ школу, а иногда и совмѣстно съ хозяевами. Понятно, что въ теченіе дня въ школѣ два раза, утромъ и вечеромъ, кормятся свиньи, куры, а то и отелавшаяся корова. О какой-бы то ни было вентиляціи и рѣчи быть не можетъ. Крестьяне на форточки смотрятъ, какъ на что то совершенно лишнее. Не въ лучшемъ положеніи находятся и школы грамоты. Учатся дѣти обыкновенно за тѣми столами, за которыми обѣдаютъ, снесенными въ школу со всей деревни. Понятно, что высота ихъ бываетъ различная: одинъ не выше лавки, гдѣ сдѣтъ дѣти (это—столы тѣхъ хозяевъ, у кого небольшія, низкія хаты), а другой—такой высоты, что дѣти должны подклаивать подъ себя свѣтки, чтобы хоть немного сѣсть поудобнѣе; инымъ дѣтямъ прямо-таки приходится цѣлый день стоять. Отопленіе школъ производится, такъ сказать, натуральнымъ способомъ. Каждый ребенокъ ежедневно утромъ обязанъ принести изъ дому нѣсколько полнѣн дровъ. Учитель строго слѣдитъ за этимъ. Случается, особенно въ морозные дни, что ученики не пойдутъ въ школу, прибѣгутъ два-три мальчика, и учитель мерзнетъ. Тулупъ и валенки не сходятъ съ учителя во всю зиму («Мин. Л.»).

Учительскій институтъ въ Томскѣ.

Изъ несомнѣннаго источника мы знаемъ, что въ смѣту 1902 г. по Западно-Сибирскому учебному округу внесено 50 тысячъ на работы по постройкѣ здания для учительскаго института въ Томскѣ. Вѣроятно, съ весны-же закипятъ предварительныя работы по сооружецію новаго солиднаго здания (общая сумма на постройку его 200.000 рублей), а года черезъ два-три томская семъ учебно-ученыхъ заведеній увеличится новымъ собратомъ, работа котораго, по нашему мнѣнію, должна-бы имѣть немаловажное значеніе въ жизни общества.

Ближайшая задача учительскаго института—подготовлять и выпускать

учителей для уѣздныхъ и городскихъ училищъ. Очевидно, конечно, что эта задача можетъ быть удовлетворительно разрѣшаема лишь въ томъ случаѣ, когда выпускаемые изъ института учителя будутъ знакомиться не только съ болѣе или менѣе обширными курсами тѣхъ предметовъ, которые они будутъ преподавать въ училищахъ, даже не только съ методиками этихъ предметовъ, но и съ основными законами воспитанія и обученія. Естественно, что педагогика (на фундаментѣ психологiи) должна занимать центральное мѣсто въ системѣ наукъ *). необходимыхъ для будущихъ учителей. Такимъ образомъ, въ силу своей коренной задачи, учительскiй институтъ является учрежденiемъ, на обязанности котораго лежитъ слѣдить за современнымъ состоянiемъ воспитательно-учебныхъ вопросовъ и самому принимать посильное участiе въ разрѣшенiи ихъ.

А работать въ этомъ направленiи предстоитъ много и есть работа вполне доступная для будущихъ преподавателей института и многоцѣнная для системы педагогическихъ наукъ. Кто присматривался къ росту современной психологически-педагогической науки, тотъ, вѣроятно, не безъ внутренняго почтительнаго уваженiя отмѣтилъ, какъ пышно раздвѣляется и какую богатую для педагогики жатву обѣщаетъ современная экспериментальная психологiя. Работы Альфреда Бинэ и Виктора Апри во Францiи, Эббингауза, Шумана и Мюллера въ Германiи, Мюнстерберга и Гриффинга въ Сѣв. Америкѣ, А. П. Нечаева (Петербургъ), Челпанова (Кiевъ), Н. Н. Ланге (Одесса)—всѣ эти работы показываютъ, что ожиданiя этой богатой жатвы не напрасны. Но даже и при самомъ бѣгломъ знакомствѣ со всеми этими работами легко видѣть, что для нихъ нужны многочисленныя факты и факты, опыты и опыты. Подобно тому, какъ 30 золотниковъ руднаго золота, извлекаемаго изъ ста пудовъ горной породы, считается богатствомъ положительнаго феноменальнымъ, такъ и одинъ вѣрный педагогическiй или психологическiй выводъ, извлеченный изъ тысячи наблюденiй и опытовъ, есть весьма значительная цѣнность для педагогической науки. Вотъ въ накопленiи этихъ наблюденiй и опытовъ учительскiй институтъ и можетъ оказать педагогической наукѣ огромныя услуги. Условiя для производства этихъ наблюденiй и опытовъ въ уч. институтѣ самыя благоприятныя: въ немъ есть не только ученики-юноши (будущiе учителя городскихъ училищъ), но и ученики-дѣти на разныхъ степеняхъ развитiя (ученiя городского училища, необходимо предполагаемаго при всякомъ учительскомъ институтѣ). Это обилiе разнообразнаго матерiала имѣетъ огромную цѣну при производствѣ наблюденiй. Въ то время какъ ученики городского при институтѣ училища могутъ быть только объектами наблюденiя, ученики самого института могутъ (а по нашему мнѣнiю, должны) быть помощниками при производствѣ этихъ наблюденiй. Вотъ одна сторона работы института, такъ сказать, теоретически-ученая.

Но понятно, что отвѣты современной педагогики на мучительные вопросы воспитанiя имѣютъ интересъ далеко не теоретическiй только; совершенно наоборотъ,—весьма печально, если практика воспитанiя и обученiя идутъ въ разрѣзъ съ показанiемъ психологiи и основанной на ней педагогики: сколько человѣческихъ характеровъ искалѣчено, благодаря грубымъ насильственнымъ нарушенiямъ законовъ развитiя чувства и воли! И мы ни на минуту не

*) Вопросъ объ этой системѣ, необходимой, по нашему мнѣнiю, для всякаго образованнаго педагога, будетъ разработанъ подробнѣе въ отдѣльной статьѣ.

сомнѣваемся, что существуютъ семейства, гдѣ исканіе отвѣтовъ на вопросы воспитательной практики составляетъ жгучую потребность материнскаго сердца и отцовскаго ума. Правда, конечно, что эти вопросы въ нашемъ обществѣ не господствуютъ: правда, что Гербертъ Спенсеръ даже Англіи. съ ея высоко поставленной системой всесторонняго воспитанія, высказалъ горькій упрекъ, будто англійскіе джентльмены больше заботятся о развитіи племенныхъ свиней и скаковыхъ лошадей, нежели о воспитаніи дѣтей своихъ; несомнѣнно, что аналогичный упрекъ приложимъ и къ нашей матушкѣ Россіи (съ тою развѣ разницей, что мы не заботимся ни о томъ, ни о другомъ); но нельзя не порадоваться тому, что въ послѣднее время вопросы общественнаго и домашняго воспитанія ярко выступили на всенародныя очи, всѣмъ показываютъ свои дырявыя рубища и настойчиво просятъ общественнаго вниманія къ себѣ. Обиліе журнальныхъ и газетныхъ статей, учрежденіе родительскихъ кружковъ и усиленные толки въ обществѣ ясно говорятъ, что вниманіе общества къ этимъ вопросамъ привлечено и общество жаждетъ отвѣтовъ на эти вопросы.

И намъ кажется, что учительскій институтъ могъ-бы принять дѣятельное участіе въ обмѣнѣ мнѣній по вопросамъ воспитанія. Учрежденію, въ которомъ педагогическіе вопросы суть центральные научные вопросы, конечно, и «книга въ руки» по этимъ вопросамъ, и общество, разумѣется, въ правѣ ожидать отъ него научныхъ и толковыхъ отвѣтовъ и мнѣній по нѣкоторымъ важнымъ для него вопросамъ воспитанія. Давать посильные отвѣты, обмѣниваться мнѣніями по теоретическимъ и практическимъ учебно-воспитательнымъ вопросамъ учительскій институтъ могъ-бы, намъ кажется, разными путями: путемъ чтенія общедоступныхъ лекцій по вопросамъ педагогики и психологіи, путемъ печати и путемъ учрежденія родительскаго кружка, на полюбіе кружковъ Петербурга, Москвы, Кіева. Распространяться о пользѣ общедоступныхъ, научно-содержательныхъ публичныхъ лекцій совершенно излишне: это ясеѣ свѣта. Печать — та-же аудиторія только съ гораздо болѣе многочисленными слушателями. и если-бы печатныя работы будущаго учительскаго института не стали приниматься въ мѣстныхъ газетахъ (какъ работы нѣсколько спеціальныя), полезно было-бы, по нашему мнѣнію, учредить свой педагогическій, не сложный органъ, вокругъ котораго удобно сгруппировались-бы педагогическія силы и педагогическіе вопросы всего учебнаго округа. Нѣтъ нужды особенно доказывать возможное значеніе и педагогическихъ родительскихъ кружковъ: работы кружковъ Петербурга и Москвы фактически говорятъ объ ихъ пользѣ, и не разъ къ мнѣнію этихъ кружковъ прислушивалось общество не только мѣстное, но и всероссійское.

Дай Богъ, чтобы наши пожеланія роста и продуктивной работы будущему учительскому институту сбылись во всей ихъ широтѣ и полнотѣ.

П.

Церковныя школы въ Томской губ.

Приводимъ краткія извлеченія изъ вышедшаго недавно изъ печати отчета Томскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта о состояніи церковныхъ школъ въ Томской губ. за 1900 годъ. По отчету, въ названномъ году было въ губерніи церковныхъ школъ: 1 — церковно-учительская, 3 второклассныхъ,

4 двухклассныхъ, 221 одноклассныхъ, 690 школъ грамоты и 2 образцовыхъ (при духовной семинаріи и при женскомъ епархіальномъ училищѣ); всего 921 школа, менѣе противъ прошлаго года на 107 школъ. По поводу уменьшенія числа школъ отчетъ говоритъ, что въ послѣдніе годы число школъ собственно церковныхъ, т. е. открытыхъ при содѣйствіи епархіальнаго училищнаго Совѣта и духовенства епархіи, постепенно возрастало и возрастаетъ, тогда какъ общее число школъ не постепенно, а довольно быстро уменьшалось и уменьшается. Это уменьшеніе общаго числа школъ падаетъ исключительно на такъ называемыя «домашнія» школы грамоты. Эти школы были открыты по распоряженію бывшаго губернатора А. А. Домачевского и должны были содержаться исключительно на средства крестьянскихъ обществъ; но такъ какъ существованіе этихъ школъ не было прочно обезпечено и находилось въ зависимости отъ различныхъ случайностей, то они съ перваго же года своего существованія стали закрываться. Въ 1896 г. школы эти, въ числѣ 949, были переданы въ завѣдываніе епархіальнаго училищнаго Совѣта, который, вмѣстѣ того, чтобы улучшить существующія собственно церковныя школы и открывать новыя, долженъ былъ обращать свои труды и даже удѣлять часто изъ своихъ скудныхъ средствъ на поддержаніе этихъ новыхъ школъ. Въ отчетѣ за 1896—1897 учеб. годъ было показано, что изъ 949 «домашнихъ» школъ осталось только 677, но за-то число школъ грамоты собственно церковныхъ отмѣчено увеличившимися на 57. Такой значительный приростъ школъ грамоты за одинъ годъ объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя изъ «домашнихъ» школъ начали пользоваться пособіями отъ Совѣта и были зачислены въ разрядъ школъ грамоты собственно церковныхъ. Далѣе въ отчетѣ показано, что къ 1-му января 1901 г. изъ 949 домашнихъ школъ осталось 440, изъ нихъ 255 школъ, какъ получающія пособія отъ Совѣта, зачислены въ разрядъ школъ собственно церковныхъ, а остальные 185 остались «домашними», т. е. содержащимися на средства крестьянскихъ обществъ. Число учащихся во всѣхъ церковныхъ школахъ въ 1900 г. обозначено въ отчетѣ такъ: мальчиковъ 24.196 и дѣвочекъ 7.575, всего 31.771 чел.; въ частности, въ 221 одноклассной школѣ обучалось 10.628 человекъ, среднимъ числомъ по 48 чел. на 1 школу, и въ 690 школахъ грамоты 20.249 чел.—по 29 чел. на 1 школу. По отчету за 1899 г. число учащихся было 26.412 человекъ; впрочемъ, тогда свѣдѣнія имѣлись не обо всѣхъ школахъ. Количество учащихся въ 1900 г. по уѣздамъ распределялось такъ: въ Барнаульскомъ у. 9.691 чел., въ Війскомъ 5.072, въ Змѣиногорскомъ 5.067, Каинскомъ 2.491, Кузнецкомъ 1.616, Маринскомъ 2.357 и Томскомъ 5.388 чел. Число учащихся, окончившихъ курсъ со свѣдѣтельствомъ и безъ свѣдѣтельства, показано въ отчетѣ такъ; изъ 10.049 чел. въ одноклассныхъ школахъ окончило курсъ 899 чел., или 8,94%, и изъ 19.863 чел. въ школахъ грамоты окончило курсъ 595 чел., или 3,05%. Незначительный процентъ окончившихъ курсъ въ названныхъ школахъ отчетъ объясняетъ тѣмъ, что многіе изъ учащихся не являются на выпускныя экзамены, отрываемые отъ школы полевыми и домашними работами. Изъ показаннаго выше числа школъ общезнѣнія имѣли 7, земельные участки 66, причѣмъ эксплуатация школьныхъ земельныхъ участковъ опредѣлена такъ: садовъ 7, огородовъ 3, пастѣкъ 1; остальные участки, слѣдовательно, оставались безъ употребленія. Кромѣ постоянныхъ, были въ отчетномъ году церковныя воскресныя школы въ Томскѣ, Війскѣ, Каинскѣ, въ дер. Антибесской, Маринскаго уѣзда, и въ селѣ Юрточномъ, Кузнецкаго уѣзда; по

многолюдству учащихся выдавалась Бійская воскресная школа, — въ ней было 260 учащихся при 18 учащихся. Главными источниками средств содержания церковныхъ школъ, какъ и въ предъидущихъ годахъ, служили суммы, поступающія отъ училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, изъ губернскаго земскаго сбора и отъ сельскихъ обществъ; всего въ отчетномъ году поступило на содержаніе церковныхъ школъ—191.760 р. 43 к., болѣе предъидущаго года на 37.113 р. 85 к.; изъ поступившихъ денегъ израсходовано собственно на содержаніе школъ деньгами 172.415 р. 63 к. и натурою 9.491 р. 75 к. Преподаватели въ церковныхъ школахъ по образованію раздѣлились такимъ образомъ: окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи 6, въ учительской семинаріи 8, въ свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ 5, въ церковно-учительскихъ школахъ 13 чел.; остальные преподаватели были изъ неокончившихъ курсъ въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Новая форма одобренія книгъ. Ученый Комитетъ Мин. Нар. Просв. постановилъ вмѣсто трехъ степеней одобренія поступающихъ на разсмотрѣніе Комитета книгъ (рекомендація, одобреніе и допущеніе) установить только одинъ видъ одобренія, именно допущеніе книгъ къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. При этомъ учебныя руководства и пособія, не свободныя отъ серьезныхъ недостатковъ, будутъ допускаемы лишь условно, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи каждая такая книга была исправлена по указаніямъ Ученаго Комитета. Пользованіе книгами, допущенными безусловно въ качествѣ учебныхъ руководствъ и пособій, разрѣшено не только въ допущенномъ изданіи, но и еще въ одномъ слѣдующемъ за нимъ изданіи безъ предварительнаго разсмотрѣнія Комитета. Кроме того, Комитетъ постановилъ подвергать разсмотрѣнію только изданія, вышедшія въ свѣтъ не далѣе, какъ за пять лѣтъ до того года, когда они представлены. Въ виду такихъ измѣненій Комитетомъ будетъ изданъ новый каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій съ распредѣленіемъ изданій на двѣ категоріи: допущенныхъ и допущенныхъ условно. Къ первой категоріи будутъ отнесены книги, рекомендованныя и одобренныя по каталогу 1899 года и его дополненіямъ («Н. Вр.»).

Изученіе быта студентовъ. Въ истекшемъ полугодіи студентами юридическаго факультета II-го курса Казанскаго университета на практическихъ занятіяхъ по статистикѣ подъ руководствомъ приватъ-доцента А. А. Овчинникова выработана программа статистическаго обследованія студентовъ мѣстнаго университета. Въ программу вошли вопросы, имѣющіе освѣтить различныя стороны студенческой жизни, какъ-то: возрастъ, семейное положеніе, экономическое (бюджетъ, источники дохода и т. п.), распредѣленіе занятій, время пребыванія въ университетѣ и проч. Выработанная программа одобрена факультетомъ и утверждена Совѣтомъ университета. Къ выполненію ея предполагается приступить въ февралѣ или мартѣ слѣдующаго полугодія. Предполагаемое обследованіе должно охватить всѣхъ студентовъ мѣстнаго университета, и съ этою цѣлью всѣмъ студентамъ будутъ розданы или разославы опросныя карточки. Послѣ полученія отвѣтовъ студенты-юристы 2-го курса также подъ руководствомъ А. А. Овчинникова въ видѣ практическихъ занятій приступятъ къ сводкѣ собраннаго матеріала («Волж. В.»).

Женщины и университеты. Ходатайство о допущеніи женщинъ въ слушанію лекцій въ Томскомъ университетѣ, подписанное 315-ю томскими женщинами, было вручено ректору Томскаго университета А. И. Сулакову г-жами О. А. Зубашевой, супругой директора Технологическаго института, и М. И. Шипицкой, бывшей слушательницей Высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. Многіе профессора относятся къ возбужденному ходатайству съ большими сочувствіемъ («Рус. В.»).

Еврейское городское училище въ Кіевѣ. Ком. сов. Л. И. Бродскій возбуждиль ходатайство относительно открытія въ Кіевѣ казеннаго двухкласснаго еврейскаго училища по Положенію 1872 г. Потребность въ такомъ учебномъ заведеніи чувствуется давно и находить себѣ полное оправданіе въ ограниченіи, установленномъ для еврейскихъ учениковъ въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. По этому дѣлу г. попечитель снесся съ г. начальникомъ края, который, съ своей стороны, не нашелъ препятствій къ удовлетворенію возбужденнаго ходатайства. Такимъ образомъ, нынѣ вопросъ зависитъ исключительно отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія («Нов.»).

На Высшихъ женскихъ курсахъ. На годовомъ собраніи Общества вспомоществованія слушательницамъ Высшихъ женскихъ курсовъ 16-го декабря былъ утвержденъ отчетъ правленія за 1900—1901 г., третій годъ существованія Общества. Изъ отчета видно, что приходъ Общества за этотъ періодъ выразился въ суммѣ 8.574 р. 8 к. Общество оказывало вспомошествованіе слушательницамъ курсовъ въ видѣ предоставленія дешевыхъ помѣщеній, безплатныхъ и удешевленныхъ обѣдовъ и выдачей денежныхъ ссудъ и пособій, преимущественно на уплату за право слушанія лекцій. Общая сумма расхода составила 6 888 р. 97 к. Небольшіе, сравнительно, размѣры этой суммы объясняются скудными средствами Общества, не успѣвшаго еще вполнѣ развить свою дѣятельность за короткое время своего существованія. Въ члены правленія избраны вновь Н. А. Вѣтвѣнницкая, Е. И. Максимова, В. П. Тарновская, выбывавшія по очереди, О. М. Обломіевская и В. С. Стаховичъ; въ члены ревизіонной комиссіи Е. Ф. Корсакова, Л. И. Дитерихсъ, Е. П. Калачова, И. В. Мещерскій и А. К. Диксонъ («Рос.»).

Общеобразовательные курсы для учителей. Въ виду большого успѣха общеобразовательныхъ курсовъ, бывшихъ въ г. Павловскѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія возникъ вопросъ о необходимости общаго положенія объ общеобразовательныхъ курсахъ, съ цѣлью пополнить общее образованіе учителей. Проектируемые «общеобразовательные» курсы по своей программѣ и постановкѣ дѣла чтенія лекцій будутъ значительно разниться отъ нынѣ существующихъ «педагогическихъ» курсовъ для мало подготовленныхъ учителей («Рос.»).

Учителя рисованія. Съ реформой средней школы отводится видное мѣсто рисованію, и этотъ предметъ вводится, какъ обязательный. Рисованіе, имѣющее громадное воспитательное и обще-образовательное значеніе, является необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка. Въ виду-же того, что до сихъ поръ должности преподавателей рисованія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ обыкновенно замѣщались лицами, имѣющими весьма малый образовательный художественный цензъ, а иногда и лицами безъ всякаго ценза,

нынѣ проектируется новыя требованія какъ по общему, такъ и по спеціальному образованію, отъ лицъ, ищущихъ званіе учителя или учительницы рисованія. Для выработки новыхъ правилъ испытанія на званіе учителя рисованія образована подъ предѣдательствомъ вице-президента Академіи художествъ графа П. И. Толстого коммиссія, въ составъ которой входятъ: представители отъ Академіи художествъ — М. И. Боткинъ, Г. Р. Залеманъ, Г. И. Котовъ, В. Е. Маковскій; отъ Министерства Финансовъ — И. А. Аносовъ и А. Н. Бенуа и отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія: О. К. Винцманъ, Э. К. Жиберъ, Б. П. Лобойковъ, А. В. Маковскій, К. В. Фохтъ («Нов.»).

Къ столѣтію Пажескаго корпуса. Въ виду исполняющагося въ будущемъ году столѣтія съ того времени, какъ Пажескій корпусъ былъ преобразованъ въ военно-учебное заведеніе, завѣдывающій историческимъ музеемъ корпуса ротмистръ Шидловскій приступилъ къ собиранію портретовъ всѣхъ бывшихъ пажей, отличившихся на поляхъ сраженій. За этотъ періодъ времени болѣе 80 пажей легли на поляхъ битвъ; въ ряду георгіевскихъ кавалеровъ отечественной войны 102 были воспитанниками Пажескаго корпуса. Часть портретовъ кавалеровъ этого ордена — пажей уже собрана и украшаетъ стѣны георгіевского зала корпуса («Рос.»).

Новое реальное училище въ Черниговѣ. Мѣстный житель Иванъ Яковлевичъ Дунинъ-Борковскій, давно уже извѣстный въ Черниговѣ, какъ щедрый жертвователъ на нужды просвѣщенія, 28-го ноября вручилъ черниговскому городскому головѣ Н. Д. Рудину пятьдесятъ тысячъ рублей на постройку зданія для открываемаго здѣсь реальнаго училища, обусловивъ свое щедрое пожертвованіе тѣмъ, чтобы пріемъ въ первый классъ училища былъ открытъ съ осени 1902 года. Того-же 28-го ноября городской голова сообщилъ объ этомъ дарѣ Думѣ, собравшейся на очередное засѣданіе. Дума постановила выразить щедрому жертвователю глубокую признательность. Въ этомъ-же засѣданіи Думѣ было доложено, что попечитель Кіевского учебнаго округа, запрашивая городское управленіе объ ассигновкахъ города и земства на постройку зданія и на ежегодное содержаніе училища, увѣдомилъ, что если эти свѣдѣнія будутъ доставлены въ непродолжительномъ времени, то вопросъ объ открытіи въ г. Черниговѣ реальнаго училища разрѣшится въ весеннюю сессію Государственнаго Совѣта. А въ такомъ случаѣ и пріемъ въ первый классъ училища можетъ начаться съ осени 1902 года, если только городъ возьметъ на себя расходы по содержанію открываемаго училища: въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ этого года. Такимъ образомъ, черниговцы могутъ надѣяться, что начало будущаго учебнаго года не будетъ стоить горькихъ слезъ множеству родителей, дѣтямъ которыхъ отказывается въ пріемѣ въ гимназію по недостатку существующихъ вакансій. А такихъ слезъ за послѣдніе годы было пролито не мало («Кіев. Газ.»).

Женскія среднія уч. заведенія и врачи. Вышелъ изъ печати медицинскій отчетъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи за 1898—1899 гг. Отчетъ составленъ весьма полно и даетъ достаточно яркую картину здоровья воспитанницъ и воспитанниковъ вѣдомства. Однако, и, вѣроятно, не по винѣ составителя отчета, въ то время, какъ медицинское положеніе институтовъ выяснено часто въ мельчайшихъ подробностяхъ, отчеты о гимназіяхъ пред-

ставляютъ только краткія общія характеристики, изъ чего, конечно, можно прежде всего заключить, что медицинскій надзоръ въ гимназіяхъ значительно слабѣе. На это обратилъ вниманіе и опекунскій Совѣтъ. Оказывается, что во многихъ гимназіяхъ совсѣмъ не имѣется врачей. въ другихъ—врачи есть, но имъ не полагается никакого вознагражденія, въ нѣкоторыхъ—дается и вознагражденіе, но въ ничтожномъ размѣрѣ 150—200 р. въ годъ. Во многихъ гимназіяхъ нѣтъ ни врачебныхъ кабинетовъ для осмотровъ больныхъ, ни аптечекъ для оказанія первой помощи, ни кредитовъ на покупку лекарствъ. Для устраненія такого печальнаго положенія, опекунскій Совѣтъ уже намѣтилъ рядъ мѣръ. Затѣмъ, и въ смыслѣ надзора за физическимъ развитіемъ воспитанницъ женскія гимназіи, повидимому, должны уступать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ институтамъ. Въ видѣ примѣра, можно привести распространенное въ гимназіяхъ явленіе искривленія скелета отъ неправильнаго сидѣнія за уроками («Н. Вр.»).

Обуодоострая мѣра. Количество среднихъ учебныхъ заведеній вообще и женскихъ въ частности, какъ извѣстно, несмотря на нѣрѣдко переполненные классы, далеко не отвѣчаетъ потребности и ежегодно осенью много дѣтей остается за порогомъ этихъ учебныхъ заведеній. До нынѣшняго года, въ видѣ утѣшенія родителямъ и дѣтямъ, нѣкоторые изъ этихъ обойденныхъ судьбою, выдержавшихъ успѣшно вступительное испытаніе, зачислились въ число кандидатовъ и жили надеждой попасть въ учебное заведеніе въ теченіе учебнаго года, и дѣйствительно иногда попадали на освобожденія вакансіи, за выбитіемъ кого-либо изъ заведенія по тѣмъ или инымъ причинамъ. Въ нынѣшнемъ году у этихъ дѣтей-кандидатовъ и ихъ родителей отнята и эта послѣдняя надежда, въ силу недавно изданнаго циркуляра, который обязываетъ начальство учебныхъ заведеній вверде, при укомплектованіи классовъ, строго сообразоваться съ требованіями школьной гигиены и постепенно доводить составъ классовъ до извѣстной нормы относительно кубическаго содержанія воздуха, площади свѣта и другихъ гигиеническихъ требованій. Въ виду этого начальство среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній стремится довести составъ учащихся въ классахъ до требуемой циркуляромъ нормы, почему освобождающіяся вакансіи, при существующемъ переполненіи классовъ, уже не замѣщаются кандидатами и такимъ образомъ количество учащихся въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы въ текущемъ году не только не увеличивается, а уменьшается. Надо думать, что это ненормальное положеніе дѣла женскаго образованія не можетъ продолжаться и должно завершиться открытіемъ нѣсколькихъ новыхъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, количество которыхъ въ столицѣ давно уже остается на одной и той-же цифрѣ («Н. Вр.»).

Солодовниковскій капиталъ. Покойный Солодовниковъ завѣщалъ, какъ извѣстно, крупную сумму на устройство женскихъ гимназій, доступныхъ для крестьянскихъ дѣтей. Въ виду этого сарапульскіе земцы, какъ только стали обсуждать вопросъ о неренюленіи мѣстной женской прогимназіи и о необходимости открыть еще одну такую-же прогимназію въ многонаселенномъ Ижевскомъ заводѣ, такъ и обратили свои взоры къ солодовниковскимъ милліонамъ. Вопросъ обсуждался еще въ минувшее собраніе, и разрѣшеніе его остановилось вслѣдствіе отказа обществъ отъ назначенія пособія, по не-

достатку средствъ, вслѣдствіе прекращенія дохода отъ питейной торговли и сокращенія работъ на заводѣ. Поэтому управа въ докладѣ проектируетъ обратиться съ ходатайствомъ къ душепривязчивамъ г. Солодовникову о пособіи изъ завѣщанныхъ имъ капиталовъ на открытіе и содержаніе женскихъ прогимназій не только въ Ижевскомъ, но и въ Воткинскомъ заводѣ. Другимъ докладомъ, о пособіяхъ изъ капиталовъ Солодовникова на содержаніе училищъ, управа проситъ собраніе ходатайствовать объ отпускѣ изъ этихъ капиталовъ на устройство и содержаніе училищъ въ уѣздѣ: 15 женскихъ начальныхъ и 5 двухклассныхъ женскихъ; кромѣ того, уполномочить управу ходатайствовать о пособіяхъ на открытіе и содержаніе профессиональныхъ училищъ, предоставивъ управѣ опредѣлить типъ училищъ, число ихъ и мѣсто открытія, по соглашенію съ училищнымъ Совѣтомъ. Послѣ продолжительныхъ преній собраніе рѣшило для разработки вопроса о типѣ училищъ, предполагаемыхъ къ открытію при пособіи изъ капитала Солодовникова, образовать особую комиссію («Вятск. Газ.»).

Инородцы въ духовныхъ училищахъ. Святѣйшій Синодъ, озабочиваясь возможно большаго привлеченіемъ инородческихъ дѣтей въ духовныя училища, постановилъ не распространять на нихъ дѣйствія изданнаго разѣе указа объ ограниченіи пріема въ духовныя училища инославныхъ воспитанниковъ 10 проц. числа всѣхъ обучающихся и вообще предоставить инородческимъ воспитанникамъ названныхъ учебныхъ заведеній возможность полученія образованія на одинаковыхъ основаніяхъ съ русскими учащимися («Нов.»).

Памяти Н. В. Гоголя. 21-го февраля 1902 года, день пятидесятилѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя, историческое Общество Нестора-Лѣтписца, состоящее при университетѣ Святого Владиміра, постановило ознаменовать: 1) устройствомъ торжественнаго засѣданія 21-го февраля 1902 года въ залѣ торжественныхъ собраній университета съ чтеніемъ рѣчей, посвященныхъ литературному творчеству покойнаго великаго писателя; 2) устройствомъ выставки портретовъ Н. В. Гоголя, разныхъ предметовъ, принадлежавшихъ ему, изданій его сочиненій, гравюръ, видовъ мѣстностей родины писателя и т. и., и 3) устройствомъ ряда публичныхъ чтеній, посвященныхъ Н. В. Гоголю. Выставка продлится 20-го 21-го и 22-го февраля въ зданіи университета. Чтенія публичныхъ лекцій, которыя предполагаются платными, будутъ происходить въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, также въ университетѣ. Кромѣ того будетъ выпущенъ «Юбилейный сборникъ въ память Н. В. Гоголя», куда войдутъ статьи разныхъ авторовъ, рѣчи, прочитанныя въ торжественномъ собраніи 22-го февраля. Рѣчи будутъ произнесены: проф. Н. П. Дашкевичемъ—«О мировомъ значеніи творчества Гоголя», проф. В. П. Маливинымъ—«О прозаическихъ сочиненіяхъ Гоголя» и прив.-доц. Лободю—«О драматическихъ произведеніяхъ Гоголя». Въ чтеніи лекцій о Гоголѣ примутъ участіе нѣкоторые изъ мѣстныхъ преподавателей гимназій: г. Шаровольскій—«Первые литературные дебюты Гоголя», г. Бакодоровъ—«Комедія Гоголя», И. М. Каманинъ—«Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи», г. Кожинъ—«Гоголь и Мицкевичъ», г. Чаговецъ—«Семейная хроника Гоголя», г. Александровскій—«Гоголь и Бѣлинскій». Предметъ этихъ чтеній послужитъ матеріаломъ также для статей, помѣщенныхъ въ сборникъ, куда также войдутъ статьи: А. М. Лазаревского о «Прелюдахъ Гоголя», проф. Н. П. Петрова объ «Эгнотграфиче-

скихъ особенностяхъ въ произведеніяхъ Гоголя» и др. На выставкѣ будутъ разные предметы, принадлежавшіе Н. В. Гоголю, въ томъ числѣ его гробъ, а также часть переписки Гоголя, хранившаяся до послѣдняго времени у сестры покойнаго писателя, М. В. Гоголь, проживавшей въ своемъ хуторѣ Яновщинѣ. Весьма интересенъ также портретъ Гоголя, писанный масляными красками, изображающій его юношей въ мундирѣ студента Нѣжинскаго лицея. Портретъ этотъ хранится въ библиотекѣ университета. Полтавское губ. земское собраніе по вопросу о чествованіи 50-тилѣтія кончины великаго уроженца Полтавской губерніи приняло слѣдующія предложенія: 1) Издать и розослать во все школы губерніи фототипическіе снимки съ портрета Гоголя, работы Моллера, принадлежащаго племяннику поэта Н. В. Быкову. Фототипіи должны быть большаго формата, съ прѣбитой къ рамѣ лощечкой, съ краткими біографическими свѣдѣніями о Гоголѣ. 2) Подписаться въ размѣрѣ 500 р. на постановку памятника въ м. Сорочинцахъ, гдѣ родился Гоголь. 3) Учредить стипендію имени Гоголя въ Полтавской гимназіи, какъ въ заведеніи, гдѣ онъ началъ ученіе. 4) Учредить премію имени Гоголя въ полторы тысячи рублей, выдаваемую разъ въ пять лѣтъ по присужденію Академіи Наукъ за лучшее сочиненіе по исторіи или этнографіи Малороссіи вообще и Полтавской губерніи въ частности.

Состоявшееся 10-го декабря дворянское собраніе въ г. Миргородѣ, Полтавской губ., ассигновало также 500 рублей на бюстъ Гоголя для помѣщенія его въ миргородскомъ дворянскомъ домѣ, и 250 рублей на памятникъ Гоголю въ м. Сорочинцахъ, Миргородскаго уѣзда («Н. Вр.»).

Памяти К. Д. Ушинскаго. С.-Петербургское педагогическое Общество устроило 23-го декабря торжественное чествованіе памяти знаменитаго педагога К. Д. Ушинскаго по случаю исполнявшейся въ этотъ день годовщины его кончины. Собраніе открылось рѣчью проф. В. П. Модестова, посвященною памяти К. Д. «Наша обязанность, — сказалъ онъ, — говорить о заслугахъ этого великаго учителя, перваго поставившаго дѣло воспитанія на научную почву. Помнить о его заслугахъ есть дѣло не только справедливости, но и національнаго самосознанія, такъ какъ только такимъ путемъ мы можемъ показать, что у насъ есть дорогіе для насъ идеалы, что мы живемъ высшими духовными потребностями. До сихъ поръ К. Д. является нашимъ вождемъ и учителемъ въ дѣлѣ воспитанія. Его завѣтъ — воспитатель не чиновникъ, а если онъ чиновникъ, то не можетъ быть воспитателемъ — имѣетъ до сихъ поръ громадное значеніе». Рѣчь почтеннаго профессора была покрыта шумными аплодисментами. Затѣмъ А. П. Нахимовъ прочелъ докладъ на тему «Жуковский въ книгахъ К. Д. Ушинскаго». Послѣ этого секретарь Общества прочелъ интересныя воспоминанія Д. Д. Семенова, сослуживца К. Д. Ушинскаго по Смольному институту. Д. Д. Семеновъ рассказываетъ о томъ вліяніи и значеніи, которое имѣла для него, при воспитаніи его собственныхъ дѣтей, теорія К. Д. Ушинскаго о воспитаніи. Онъ, съ своей стороны, еще разъ убѣдился, что одна школа не въ силахъ создать нравственнаго человѣка. Для этого необходимо дружное содѣйствіе семьи, необходимо, чтобы окружающая ребенка среда была безусловно нравственной, а семья достаточно развитой. Далѣе слѣдовало сообщеніе М. Д. Виноградовой «объ ошибкахъ современнаго воспитанія», въ которомъ докладчица старалась доказать, что воспитаніе нашихъ дѣтей окружено ложью. Мы заботливо устранимъ дѣтей отъ дѣйствительной жизни,

дѣлая ихъ такимъ образомъ физически и нравственно неприспособленными къ борьбѣ за жизнь; мы заставляемъ ихъ уважать то, чего сами не уважаемъ; мы проповѣдуемъ имъ мораль, которой они не въ состояніи исполнить, и этимъ приучаемъ ихъ къ легкомысленности. Ложь заключается и въ томъ, что дѣтей мы обставляемъ какъ принцевъ, мы даемъ имъ все, словомъ, мы приучаемъ ихъ получать все безъ лишеній и страданій, уничтожая тѣмъ въ нихъ желаніе трудиться. Но самая главная ложь заключается въ томъ, что мы систематически навязываемъ имъ наше міровоззрѣніе, наши чувствованія, наши желанія, какъ будто мы сами совершеннѣйшія творенія («Нов.»).

Памяти Остроградскаго. С.-Петербургское математическое Общество при университетѣ чествовало 20-го ноября торжественнымъ засѣданіемъ память извѣстнаго математика М. В. Остроградскаго, по поводу 100-лѣтія со дня его рожденія. Въ аудиторіи собралась многочисленная публика. Кромѣ университетскихъ профессоровъ было много профессоровъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, а также и учащейся молодежи. Среди присутствовавшихъ находились и родственники покойнаго. Въ глубинѣ зала возвышался портретъ покойнаго, весь уставленный зеленью. Чествованіе выдавалось числомъ лицъ, принявшихъ на себя обязанность почтить покойнаго словомъ. Засѣданіе открылъ предѣлательствовавшій проф. К. А. Поссе, сообщившій подробный біографическій очеркъ и затѣмъ общій обзоръ математическихъ трудовъ М. В. Остроградскаго. По предложенію К. А. Поссе, память покойнаго дѣятеля науки почтена была общимъ вставаніемъ. Затѣмъ были рѣчи проф. И. Л. Пташицкаго, проф. Д. К. Бобылева, Н. Н. Гернета, И. В. Мещерскаго, Т. Э. Фризендорфа, Г. В. Колосова. Всѣ работы покойнаго по разнымъ отдѣламъ математики: варіаціонному исчисленію, интегрированію рациональныхъ и ирраціональныхъ функцій, математической физикѣ, теоретической механикѣ, нашли себѣ яркую и подробную оцѣнку. Говорили о покойномъ и какъ о выдающемся педагогѣ и искреннемъ, высокой души человѣкѣ. Собраніе затянулось очень надолго, но публика, съ интересомъ слушающая доклады, оставалась до конца. Предѣлатель Совѣта проф. Ю. М. Сохоцкій послѣ засѣданія выразилъ отъ имени Совѣта глубокую благодарность докладчикамъ («Н. Вр.»).

Удачный опытъ. Итоги дѣятельности комитета для оказанія содѣйствія молодымъ людямъ въ достиженіи нравственнаго и физическаго развитія за первый годъ его существованія (отъ 22-го сентября 1900 г. по 22-е сентября 1901 г.) выразились въ слѣдующемъ: къ концу отчетнаго періода комитетъ считалъ въ числѣ посѣтителей 1.016 человѣкъ; средній возрастъ посѣтителей 23 года. 54 проц. служащіе въ банкахъ и торговыхъ домахъ, 20 въ государственныхъ учрежденіяхъ. Ежедневно комитетъ посѣщало около 200, а въ лѣтнее время 65 чел. По воскресеньямъ происходили бесѣды; бесѣды велись священниками, была сформированъ классъ для чтенія Новаго Завѣта и церковный пѣвческій хоръ. Среднее число посѣтителей вечернихъ классовъ было слѣдующее: нѣмецкаго языка 116, французскаго—52, англійскаго—31, русскаго—46, бухгалтеріи—106, ком. ариметики—59, всего 421. Въ литературномъ кружкѣ молодые люди знакомятся съ различными философскими, литературными, историческими и научными вопросами. По воскреснымъ вечерамъ дѣлалась сообщенія и читались лекціи. Что касается

физическаго развитія, то въ теченіе осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ посѣтители обучались гимнастикѣ, а лѣтомъ совершали экскурсіи въ окрестности Петербурга, занимаясь въ то-же время всевозможнымъ спортомъ на открытомъ воздухѣ. Былъ организованъ оркестръ, который, какъ равно и пѣвческій классъ, были реорганизованы и общають еще лучшіе результаты въ этомъ году. Членскій взносъ для посѣтителей назначенъ 3 р. въ годъ, а плата за курсы 3 р. за полгода или 6 р. за 8 мѣс. обученія.

Недостатокъ въ народныхъ учителяхъ. Крайняя необезпеченность матеріальнаго положенія учителей сельскихъ начальныхъ училищъ привела за послѣднее время къ тому, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ множество учительскихъ мѣстъ остаются незамѣщенными. Недостатокъ въ хорошо подготовленныхъ учителяхъ вызывается, кромѣ того, и отсутствіемъ потребнаго количества учительскихъ семинарій, содержаніе которыхъ обходится около 18.000 руб. каждая. Полтавское земство, имѣя въ виду, что въ Полтавской губ. ежегодно открывається до 120 учительскихъ мѣстъ, съ крайнимъ трудомъ замѣщаемыхъ, обратилось въ Министерство Нар. Просв. за разрѣшеніемъ открыть въ Полтавѣ на счетъ земства годовые педагогическіе курсы съ цѣлью подготовленія учителей и учительницъ для мѣстныхъ начальныхъ училищъ. На курсы предположено принимать лицъ обоего пола не моложе 16 лѣтъ, окончившихъ курсъ 6 классовъ средняго уч. заведенія. Потребные ежегодно 6.000 руб. на содержаніе курсовъ земство будетъ само платить. Въ томъ-же родѣ возбудило ходатайство и воронежское земство, проектирующее, впрочемъ, только женскіе курсы и притомъ съ пособіемъ отъ казны. Оба эти проекта обсуждались въ Ученомъ Комитетѣ Министерства и, за нѣкоторыми незначительными измѣненіями, получили одобреніе, причемъ воронежскіе курсы рѣшено организовать по образцу такихъ-же курсовъ въ Курскѣ. Не встрѣтилъ Ученый Комитетъ препятствій и къ отпуску послѣднимъ субсидій, если то позволятъ суммы Министерства («Н. Вр.»).

Школьныя попечительства. Въ цѣляхъ содѣйствія матеріальному благосостоянію начальныхъ народныхъ училищъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія выработано особое Положеніе о попечительствахъ при такихъ школахъ. Въ составъ попечительствъ входятъ: попечитель или попечительница школы, всѣ учащіе въ ней и по одному представителю отъ вѣдомствъ, учреждений, обществъ и лицъ, участвующихъ въ содержаніи школы. На обязанности попечительствъ будетъ лежать удовлетвореніе нижеслѣдующихъ нуждъ училища: улучшеніе школьнаго помѣщенія и его обстановки; устройство ночлежнаго пріюта и доставленіе подводъ для дѣтей, живущихъ вдали отъ училища; снабженіе неимущихъ учащихся одеждою и пропитаніемъ; доставленіе учащимся медицинской помощи; снабженіе училища въ случаяхъ недостатка учебными книгами и пособіями; устройство церковнаго хора изъ учащихся въ училищѣ, полезныхъ прогулокъ и развлеченій и т. п.; устройство при училищѣ сада, огорода и занятій отдѣльными сельско-хозяйственными отраслями, ручнымъ трудомъ и рукодѣльемъ. Средства попечительства составляются изъ постоянныхъ пособій и единовременныхъ пожертвованій, изъ сборовъ съ устраиваемыхъ попечительствомъ публичныхъ чтеній, спектаклей и проч., изъ сборовъ въ особыя кружки и другихъ случайныхъ поступленій. Собирается попечительство не менѣ одного раза въ мѣсяць («Н. Вр.»).

Крупное пожертвование. Въ сессіи ярославскаго губернскаго земскаго собранія обсуждалось одно крупное пожертвование. Потомственный почетный гражданинъ А. В. Звѣрковъ завѣщалъ 100.000 рублей въ качествѣ неприкосновеннаго капитала, съ тѣмъ, чтобы ярославское губернское земство употребляло проценты съ него на устройство и содержаніе народныхъ, сельско-хозяйственныхъ и торговыхъ школъ; устройство такихъ школъ должно быть начато съ Даниловскаго уѣзда: когда-же въ этомъ уѣздѣ не будетъ нужды въ начальныхъ школахъ, устраивать ихъ въ другихъ уѣздахъ Ярославской губерніи по назначенію губернскаго земскаго собранія; по удовлетвореніи же нужды въ начальныхъ училищахъ приступить къ устройству специальныхъ школъ. Губернское земское собраніе, которому было доложено объ этомъ пожертвованіи, въ засѣданіи 26-го ноября постановило: присвоить капиталу и школамъ, открываемымъ на проценты съ него, наименованіе въ честь жертвователя, поставить мраморную доску въ залъ земства, съ занесеніемъ на нее именъ лицъ, жертвующихъ на дѣло народнаго образованія, и украсить открывающіяся школы портретомъ А. В. Звѣркова («Рус. Вѣд.»).

Городскія училища въ Петербургѣ. Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа т. с. Анрепъ обратился въ городскую Думу съ заявленіемъ слѣдующаго содержанія: «Въ настоящее время число дѣтей, желающихъ поступить въ городскія четырехклассныя училища (по Положенію 1872 г.) значительно превышаетъ число вакансій, и многимъ приходится отказывать въ приѣмѣ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ августѣ 1901 года явились къ приѣму 1.018 чел., изъ которыхъ оказалось возможнымъ принять только 694, отказано 325. Это изъ года въ годъ повторяющееся явленіе съ очевидностью свидѣтельствуетъ, что число городскихъ училищъ по Положенію 1872 г. недостаточно. Такое положеніе дѣла побудило попечителя войти съ представленіемъ въ Министерство Нар. Просв. о необходимости открытія въ Петербургѣ нѣсколькихъ новыхъ четырехклассныхъ училищъ, преимущественно въ районѣ тѣхъ изъ существующихъ училищъ этого типа, гдѣ оказывается ежегодно наибольшій приливъ жаждущихъ приѣма: Владимірскаго, Сергіевскаго, Рождественскаго, Андреевскаго, Казанскаго и Воздвиженскаго, съ отнесеніемъ расхода по ихъ содержанію, по штатамъ 1872 г., и на наемъ помѣщеній всецѣло на средства государственнаго казначейства. Въ Петербургѣ уже существуетъ 14 городскихъ четырехклассныхъ училищъ, содержимыхъ средствами казны. При дороговизнѣ въ столицѣ квартиръ и помѣщеній, расходы на содержаніе этихъ учебныхъ заведеній достигаютъ значительной суммы. Поэтому принять полностью на средства казны расходы по содержанію проектируемыхъ училищъ не представляется возможнымъ, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ остальныхъ городахъ Россіи мѣстныя городскія общества никогда не отказываются отъ посильныхъ пособій правительству по содержанію такихъ учебныхъ заведеній, а расходъ по найму для нихъ помѣщеній всегда, по принятому Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія порядку, относится на мѣстныя средства. Министерство Нар. Просв. не видитъ основанія дѣлать въ этомъ отступленіе для С.-Петербургскаго городского общественнаго управленія. То обстоятельство, что послѣднее расходуетъ весьма значительныя средства на развитіе въ столицѣ сѣти начальныхъ городскихъ училищъ, Министерствомъ не можетъ быть признано убѣдительнымъ, такъ какъ и другія городскія общества не отказываются отъ посильныхъ жертвъ на это дѣло. Независимо отъ этого, необходимо отмѣ-

титъ, что главный контингентъ воспитанниковъ четырехклассныхъ училищъ составляютъ окончившіе курсъ въ начальныхъ городскихъ школахъ, содержимыхъ городомъ. Необходимо наблюдать соотвѣтствіе между числомъ заведеній того и другого типа. Городское общественное управленіе, озабоченное устройствомъ начальныхъ школъ, должно также взять на себя и заботы о созданіи возможности для школьниковъ продолжать свое образованіе. Заявленіе попечителя округа будетъ обсуждаться въ Думѣ («Рос.»).

Школа брантмейстеровъ. Городскою управою возбужденъ вопросъ объ учрежденіи при С.-Петербургской пожарной командѣ особой школы брантмейстеровъ, гдѣ наиболѣе способные и развитые изъ пожарныхъ служителей, а также и частныя лица могли-бы приготовляться къ занятію этой должности («Рос.»).

Переполненіе начальныхъ школъ. Въ с. Онуфріевѣ, Чериковскаго уѣзда, въ мѣстное народное училище, при открытіи занятій, 8-го октября, явилось 134 учащихся и въ томъ числѣ 85 неграмотныхъ. Такъ какъ классная комната рассчитана на 50 учащихся, то мѣстная учительница, во избѣжаніе отказовъ въ приемѣ, оказалась вынужденною раздѣлить школу на двѣ смѣны: отъ 8 до 11 час. утра она ведетъ занятія съ 84 неграмотными, составившими первое отдѣленіе, а съ 11-ти до 4 час.—съ 50 грамотными, составившими второе и третье отдѣленія. Подвижница эта кончила курсъ гимназіи, имѣетъ 22 года отъ роду и получаетъ за свой трудъ 200 рублей, т.-е. по 1 р. 49 коп. въ годъ за ученика («Черн. Вѣд.»).

Русскій языкъ въ финляндскихъ школахъ. На возможно большее распространеніе среди финляндскаго населенія знанія русскаго языка, путемъ правильнаго и обязательнаго его преподаванія во всѣхъ школахъ, обращено въ настоящее время особенное вниманіе. Еще минувшей весной, во время доклада финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ Плевѣ петиціи земскихъ чиновъ объ утвержденіи новаго учебнаго плана для учебныхъ заведеній Великаго Княжества, Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на необходимость обязательнаго преподаванія русскаго языка въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. О таковой Высочайшей волѣ министромъ статсъ-секретаремъ было сообщено 5-го мая финляндскому генералъ-губернатору, которому предлагалось испросить по этому вопросу мнѣніе финляндскаго императорскаго сената, съ тѣмъ, чтобы имъ было сдѣлано представленіе о необходимыхъ измѣненіяхъ для организациі правильнаго преподаванія русскаго языка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ страны. Проектированныя вслѣдствіе этого мѣры въ общихъ чертахъ сводятся къ слѣдующему: сенатомъ опредѣлено, чтобы распоряженіе 25-го іюля 1901 г., коимъ въ Выборгскомъ

реальномъ лицѣхъ введено было съ текущаго учебнаго года обязательное преподаваніе русскаго языка, для чего назначено было 30 часовъ въ недѣлю, было впредь распространено на всѣ подобныя-же лица въ Финляндіи; затѣмъ, во всѣхъ классическихъ лицахъ страны для преподаванія русскаго языка назначено по 10 недѣльныхъ часовъ въ младшихъ классахъ и по 20-ти—въ старшихъ, для тѣхъ учениковъ, которые не изучаютъ греческаго языка, логики и психологіи. Въ мужскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также въ смѣшанныхъ школахъ (мужскихъ и женскихъ вмѣстѣ), программы которыхъ соотвѣтствуютъ реальнымъ лицамъ, выдаваемая этимъ частнымъ учебнымъ заведеніямъ субсидія обуславливается отнынѣ тѣмъ, чтобы въ нихъ введено было преподаваніе русскаго языка на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и въ реальныхъ лицахъ. Въ виду-же того, что поступленіе въ высшія народныя школы и въ спеціальныя учебныя заведенія обусловлено прохожденіемъ курса элементарныхъ и среднихъ школъ, сенатъ полагаетъ, что въ принятіи другихъ какихъ-либо мѣропріятій болѣе не предвидится надобности, такъ какъ и этихъ мѣръ исполнѣ достаточно для того, чтобы преподаваніе русскаго языка сдѣлалось обязательнымъ въ странѣ. Однако для тѣхъ лицъ, не проходящихъ курса въ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя пожелаютъ получить право на производство въ унтеръ-офицеры при отбываніи воинской повинности, могутъ быть образованы особые курсы русскаго языка, по примѣру существующихъ уже подобныхъ-же курсовъ для желѣзнодорожныхъ служащихъ и для вольнослушателей. Такимъ образомъ преподаваніе русскаго языка въ Финляндіи отнынѣ слѣдуетъ признать поставленнымъ на прочныхъ началахъ, и остается лишь пожелать, чтобы культурное сближеніе княжества съ имперіей создало такія условія, при которыхъ изученіе русскаго языка не могло-бы обратиться въ безплодный и мертвый предметъ обязательнаго преподаванія («Рос.»).

Еврейскія школы Кіевского уч округа. Изъ «Отчета попечителя Кіевского учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1900 годъ» видно, что въ округѣ числится около 1.300.000 евреевъ. Всѣхъ начальныхъ еврейскихъ училищъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ къ 1-му января 1901 г. состояло 2.950, въ томъ числѣ начальныхъ по Положенію 24-го марта 1873 г. 18 (5 двухклассныхъ и 13 одноклассныхъ); частныхъ, открытыхъ на основаніи Положенія 13-го ноября 1844 г. 155 (88 мужскихъ и 67 женскихъ); школъ для обученія закона вѣры 2.777 (31 талмудъ-торы и 2.746 хедеровъ). «Послѣднихъ,—по словамъ отчета,—въ дѣйствительности значительно больше, такъ какъ многіе меламеды занимаются обученіемъ тайно, безъ установленныхъ на то свидѣтельствъ; учебному-же начальству одному нѣтъ никакой возможности слѣдить за ихъ возникновеніемъ». Въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ 7 талмудъ-торъ и 746 хедеровъ. Отчетъ указываетъ, что громадное большинство помѣщеній хедеровъ крайне неудобны и неудовлетворительны въ гигиеническомъ отношеніи. Учителями состоятъ невѣжественные меламеды,—лица безъ всякой педагогической подготовки. Преподаваніе ограничивается безсмысленнымъ чтеніемъ, причемъ самъ меламедъ въ большинствѣ случаевъ не понимаетъ смысла прочитаннаго. Общее число учащихся достигло къ 4-му января 1901 года цифры 3.276, и учащихся: 47.603

мальчика и 2.848 дѣвочекъ. Число учащихся въ хедерахъ составляло 38.767 душъ, причемъ необходимо замѣтить, что хедеры посѣщаютъ только мальчики; въ талмудъ-торахъ обучалось 3.886 мальчиковъ. По словамъ отчета, лучшей постановка учебнаго дѣла представляется въ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищахъ; въ талмудъ-торахъ учебно-воспитательное дѣло улучшается.

Желательное преобразованіе начальныхъ еврейскихъ школъ не требуетъ особыхъ расходовъ, такъ какъ существующіе спеціальные сборы съ евреевъ—коробочный и свѣчной—могутъ быть употребляемы для этой цѣли. Въ настоящее время часть этихъ сборовъ идетъ на благотворительныя цѣли. Было бы болѣе рационально употреблять эти суммы на устройство порядочныхъ школъ и совершенно устранить меламедовъ отъ обученія юношества. Безъ надлежащаго руководства и строгаго надзора меламеды не просвѣщаютъ, а затемняютъ еврейскихъ дѣтей, воспитывая изъ нихъ фанатиковъ. Прискорбные результаты подобной образовательной системы сказываются на каждомъ шагу. Лицъ, посѣтившихъ болѣе удаленныя отъ городскихъ центровъ мѣстности, поражаетъ крайняя неразвитость и невѣжественность евреевъ, глубокіе ихъ предрасудки, суевѣріе и пр. Этимъ объясняется крупное вліяніе цадиковъ и другихъ еврейскихъ пророковъ на еврейское населеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что многія привлекательныя черты еврейства выработались подъ вліяніемъ воспитанія въ хедерахъ при посредствѣ невѣжественныхъ меламедовъ («Н. Вр.»).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

1902

О подпискѣ на 1902 годъ на

XXVI

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛЫ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

I. ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(5—9 лѣтъ).

Въ 1902 году каждый подписчикъ журнала «ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА» получить съ доставкой и пересылкой:

52 №№ интереснаго, богато иллюстрированнаго журнала, изъ которыхъ каждый будетъ состоять изъ 16 страницъ, что составитъ въ годъ болѣе 800 стр. текста крупнымъ, четкимъ шрифтомъ, съ рисунками. Кроме того, по примѣру прежнихъ лѣтъ, при журналѣ будетъ выдано **БЕСПЛАТНО**

7 ПРЕМИЙ, въ число которыхъ войдутъ: БОЛЬШАЯ КАРТИНА проф. К. Е. Маковского «**РЪЗВУШКА**»,

великолѣпно исполненная въ 24 краски въ мастерской художника И. С. Лалина, и книжечекъ «**НОВОЙ БИБЛИОТЕЧКИ ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА**»:

6 1) двадцать прозаиковъ и десять шалунювъ. Веселые рассказы въ стихахъ К. Н. ЛЬДОВА (со многими юмористическими рисунками). 2) Я учусь играть. Маленькій пианистъ. Руководство къ изученію фортепьянной игры для маленькихъ дѣтей. Составила А. Залѣсова. 3) Тетрадь начинающаго рисовальщика, съ легкими узорами для рисованія. 4) Русскія сказки Владиміра Даля съ иллюстраціями. 5) Что лѣсъ говоритъ. Рассказы про лѣсъ, лѣсные растенія и т. п., собранныя М. А. Любиной (со многими рисунками). 6) Сборничекъ интересныхъ загадокъ для дѣтей. Составилъ А. Разимовъ (съ иллюстраціями).

Сверхъ всего перечисленныхъ изданій, подписчикамъ КАЖДАГО ИЗДАНИЯ будутъ высылаться бесплатно въ теченіе года.

ДВА ЖУРНАЛА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ:

«**ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ**» въ видѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ книжекъ и «**ДѢТСКІЯ МОДЫ**» съ рисунками новѣйшихъ дѣтскихъ платьевъ, работъ, практическими совѣтами и т. д.

Подписной годъ считается съ 1 ноября 1901 г.

Подписная цѣна на каждый журналъ съ доставкой и пересылкой 6 рублей. Допускается разсрочка платежа по 2 рубля: при подпискѣ, къ 1 февраля и къ 1 мая.

При подпискѣ, во избѣжаніе ошибокъ, покорнѣе просить обозначать, для какого возраста слѣдуетъ высылать журналъ.

Подписка на «ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО» принимается въ книжныхъ магазинахъ, Товарищества М. О. Вольфа: С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, № 18, и Москва Кузнецкій Мостъ, № 12.

II. ДЛЯ ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(9—14 лѣтъ).

Въ 1902 году каждый подписчикъ журнала «ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО ДЛЯ ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА» получить съ доставкой и пересылкой:

52 №№ интереснаго, богато иллюстрированнаго журнала, по 16 страницъ въ каждомъ номерѣ, или въ годъ болѣе 800 стр. Въ журналѣ будетъ помѣщенъ рядъ интересныхъ романовъ, повѣстей, рассказовъ, описаній путешествій, стихотвореній и т. д. для дѣтей 9—14-лѣтняго возраста. Кроме того, по примѣру прежнихъ лѣтъ будетъ выдано **БЕСПЛАТНО**

6 ПРЕМИЙ, состоящихъ изъ слѣдующихъ изданій:

5 ТОМОВЪ «**БИБЛИОТЕКИ ЗНАМЕНИТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА**», въ составъ которой войдутъ: 1) Великіе юноши. Черты изъ жизни знаменитыхъ людей, прославившихся уже въ дѣтствѣ. Соч. Самуила Смайльса (съ портретами). 2) Рассказы Генрика Сенкевича для юношества. 3) Книжка спорта для юношества, составленная Н. Орловскимъ (съ иллюстраціями). 4) Родная исторія въ портретахъ, и биографіяхъ. Составилъ И. Несторовъ. 5) Дѣвочна-Робинзонъ. Приключенія Леди на необитаемомъ островѣ. Часть вторая. Съ рис. «**КАЛЕНДАРЬ**» на 1901/2 учебный годъ въ изящномъ колѣнкоровомъ переплетѣ со «**СПРАВОЧНИКОМЪ**» для русскаго учащагося юношества.

- 25 коп. к) Догановичъ. Анна. Любимчикъ, исторія одного попугая. Изд. Спиридонова. Ц. 25 к. л) Изъ галлерей дѣтскихъ портретовъ. Разказы современныхъ писателей. Для дѣтей школьнаго возраста составилъ Н. Покровский. Съ рисунками В. Г. Курчевскаго. Москва. Изд. Спиридонова. 1901 г. Цѣна 25 к. м) «Царь золотой рѣки, или черные братья». Штирійская сказка Джона Рескина. Съ англ. № 405. Москва. 1901 г. Ц. 3 к. н) Библиотека маленькаго читателя. М. Юрева. Суровая школа. Разказъ для дѣтей. Москва. Изд. Спиридонова. 1901 г., 25 к. о) Библиотека для дѣтей и юношества. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Дочь кукольнаго комедіанта. Разказъ Т. Шторма. Съ нѣмецкаго перевелъ Л. В. Москва. 1901 г. 25 к. 1— 25
16. **Педагогическая хроника.** Изъ хроники народнаго образованія въ Западной Европѣ. **Е. Р.**—Хроника народнаго образованія. **И. В. Абрамова.**—Хроника народныхъ библиотекъ. **Его же.**—Хроника воскресныхъ школъ. **Софін Старышкеничъ** (подъ ред. **М. Н. Салтыковой** и **Х. О. Алчевской**).—Хроника профессиональнаго образованія. **В. Б-чи.**—Школьная выставка. **В. А. А.**—Отчетъ Харьковской женской субботней школы за 1900—1901 г.—Государственные расходы на народное образование въ 1902г.—Школьные хозяйства.—Къ положенію учениковъ народныхъ школъ—Къ реформѣ городскихъ училищъ.—Народное образование въ Сѣверо-Западномъ краѣ.—Учительскій институтъ въ Томскѣ. **И.**—Церковныя школы въ Томской губ. 26— 87
17. **Разныя извѣстія и сообщенія:** Новая форма олобренія книгъ.—Изученіе быта студентовъ.—Женщины и университеты.—Еврейское городское училище въ Кіевѣ.—На Высшихъ женскихъ курсахъ.—Общеобразовательные курсы для учителей.—Учителя рисованія.—Къ столѣтію Пажескаго корпуса.—Новое реальное училище въ Черниговѣ.—Женскія среднія уч. заведенія и врачи.—Обоюдострая мѣра.—Солодовниковскій капиталъ.—Иностранцы въ духовныхъ училищахъ.—Памяти Н. В. Гоголя.—Памяти К. Д. Ушинскаго.—Памяти Остроградскаго.—Удачный опытъ.—Недостатокъ въ народныхъ учителяхъ.—Школьныя попечительства.—Крупное пожертвованіе.—Городскія училища въ Петербургѣ.—Школа браунштейнцевъ.—Переполненіе начальныхъ школъ.—Жестокіе нравы.—Русскій языкъ въ финляндскихъ школахъ.—Еврейскія школы Кіевского уч. округа. 88— 99
18. Объявленія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Для авторовъ:

1) Рукописи, присланныя для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, редакціоннымъ замѣненіямъ; въ случаѣ несогласія на таковыя измѣненія авторы приглашаются дѣлать объ этомъ оговорки въ самой рукописи, подъ заглавіемъ боной. Кромѣ того, рукописи должны быть снабжены четкою подписью автора и указаніемъ его адреса. При этомъ статья можетъ быть напечатана на тою подписью, которую авторъ пожелаетъ снабдить свою статью въ печати, о чемъ авторы приглашаются заявлять на самой рукописи, подъ своею настоящею подписью, которая, по желанію автора, останется извѣстною только редакціи журнала.

2) Обратную пересылку рукописей редакціи принимаетъ на себя только за счетъ автора, притомъ въ видѣ посылки или подъ заказною багдеролью, смотря по тому, въ какомъ видѣ ею данная рукопись получена отъ автора.

3) О пригодности или непригодности данной рукописи для журнала редакція извѣщаетъ авторовъ только въ случаѣ, если для этой цѣли приложена почтовая марка семикопеечнаго достоинства; свѣдѣнія этого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяць, и не позже, чѣмъ чрезъ три мѣсяца по полученіи рукописи.

Открыта подписка на 1902 годъ

(13-ый годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Я. Г. ГУРЕВИЧА.

Въ 1902 году общепедagog. журналъ „Русская Школа“ издается по той-же программѣ и при томъ-же составѣ сотрудниковъ, что и въ 1901 году. Журналъ выходитъ ЕЖЕМЪСЯЧНО книжками не менѣ ПЯТНАДЦАТИ печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—СЕМЬ рублей въ годъ, съ доставкою СЕМЬ рублей пятьдесятъ коп.; для иногородныхъ съ пересылкою ВОСЕМЬ рублей; съ пересылкою за границу ДЕВЯТЬ рублей. Земства, выписывающія непосредственно изъ редакціи не менѣ 10 экз. журнала, пользуются уступкою въ 15%. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ и обращающіеся непосредственно въ контору журнала, могутъ получить его за ШЕСТЬ рублей въ годъ, и притомъ съ разсрочкой уплаты въ два срока.

Въ «Русской Школѣ» принимаютъ участіе слѣд. лица: Я. В. Абрамовъ, Х. Д. Алчевская, А. И. Анастасіевъ, М. А. Андреяновъ, И. Ф. Анненскій, М. А. Антоновичъ, Н. Ф. Арепьевъ, Ц. П. Балалонъ, В. Л. Бернштаммъ, В. А. Бильбасовъ, В. В. Бирюковичъ, С. А. Бобровскій, проф. Е. Ф. Будде, А. В. Бѣлецкій, И. П. Бѣлоконскій, проф. Н. И. Быстровъ, проф. Н. П. Вагнеръ, В. П. Вахтеровъ, П. И. Вейнбергъ, проф. А. Д. Вейсманъ, Н. Х. Вессель, А. С. Виреніусъ, Е. М. Гаршинъ, А. Г. Готлибъ, М. Ю. Гольдштейнъ, В. В. Гориневскій, Я. Г. Гуревичъ, Н. Г. Дебольскій, М. И. Демковъ, А. А. Дмитревскій, И. И. Евсѣевъ, К. В. Ельницкій, И. П. Житецкій, П. В. Засодимскій, К. А. Ивановъ, проф. Д. Н. Кайгородовъ, А. М. Калмыкова, П. Ф. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, В. А. Келтуяла, Н. А. Кричагинъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. П. Ковалевскій, Д. А. Королчевскій, А. А. Красевъ, проф. Ю. А. Кулаковскій, проф. Н. Н. Ланге, М. К. Лемке, В. А. Латышевъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, І. Э. Манделъштаммъ, Ф. С. Матвѣевъ, И. И. Мещерскій, П. Г. Мижуевъ, К. Н. Модзалевскій, проф. В. И. Модестовъ, А. П. Налимовъ, М. А. Новиковъ, Л. Е. Оболенскій, Н. Ф. Одинцовъ, проф. И. Г. Оршанскій, С. А. Острогорскій, О. Х. Павловичъ, М. Л. Песковскій, Н. И. Позняковъ, А. П. Раменскій, О. И. Рогова, В. Л. Розенбергъ, Н. А. Рубакинъ, Я. И. Рудневъ, Е. П. Рѣпина, М. Н. Салтыкова, Д. Д. Семеновъ, проф. И. А. Сикорскій, А. С. Симоновичъ, А. Ф. Соколовъ, Е. А. Соловьевъ, К. М. Станюковичъ, А. Н. Страннолюбскій, М. И. Страхова, А. И. Тарнавскій, проф. А. С. Трачевскій, Н. В. Тулуповъ, А. М. Тютрюмовъ, В. И. Фармаковскій, А. П. Флеровъ, В. А. Флеровъ, К. Ю. Цируль, Д-ръ В. Ф. Якубовичъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, К. П. Яновскій и нѣкот. др.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговской и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», Карбасникова и въ книжн. складѣ М. М. Стасюлевича.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.